

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Грибовский Михаил Викторович

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС ИМПЕРАТОРСКИХ
УНИВЕРСИТЕТОВ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. 1884 г. – ФЕВРАЛЬ 1917 г.

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
Фоминых Сергей Федорович

Томск – 2018

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. История университетского профессорско-преподавательского корпуса как историографическая и методологическая проблема.....	25
1.1. Историографическая традиция и новые подходы к изучению университетского профессорско-преподавательского корпуса.....	25
1.2. Источниковая база исследования.....	59
1.3. Методология исследования: подходы, принципы и инструментарий.....	81
Глава 2. Служебно-правовое и материальное положение профессоров и преподавателей российских университетов.....	93
2.1. Университетские преподаватели как чиновники.....	93
2.2. Качество жизни профессоров и преподавателей.....	119
Глава 3. Особенности кадрового состава российских университетов конца XIX – начала XX в.	173
3.1. Динамика численности профессоров и преподавателей российских университетов в конце XIX – начале XX в. Академическая и неакадемическая мобильность.....	173
3.2. Социальный, возрастной, национальный состав профессорско-преподавательского корпуса. Университетские кадры и «национальный вопрос».....	209
3.3. Ученые степени, должности и звания как элементы системы координат университетской карьеры.....	249
Глава 4. Профессорско-преподавательский корпус и студенчество: грани взаимоотношений.....	329
4.1. Преподаватели и студенты в дореволюционном университете: кризис отношений.....	329

4.2. Поиск путей выхода из кризиса: от дисциплинарного суда до благотворительности	365
4.3. Преподавательский корпус и студенческое движение.....	410
Глава 5. Профессора и преподаватели в социокультурном пространстве университетского города.....	448
5.1. Участие профессоров и преподавателей в рынке городских услуг.....	450
5.2. Общественно-полезная деятельность профессоров и преподавателей.....	465
5.3. Участие университетских профессоров и преподавателей в органах местного самоуправления.....	485
Глава 6. Гражданская активность профессоров и преподавателей российских университетов.....	503
6.1. Идеинный раскол профессуры: «правые» и «левые».....	503
6.2. Формы протестной активности профессоров и преподавателей. Реакция властей.....	515
6.3. Общественно-политическая активность «правой» профессуры.....	561
6.4. Профессура и «большая политика». Участие университетских преподавателей в работе Государственного Совета и Государственной Думы.....	571
Глава 7. Профессиональная идентичность представителей профессорско-преподавательского корпуса.....	588
7.1. Проявления профессиональной идентичности.....	588
7.2. Специфика взаимоотношений внутри профессорско-преподавательских коллективов. Между товариществом и враждой.....	646
7.3. Особенности университетских преподавательских сообществ.....	665
Заключение.....	686

Список сокращений.....	693
Список использованных источников и литературы.....	695
Приложение А Состав семей профессоров Императорского университета Святого Владимира (на август 1915 г.).....	789
Приложение Б Стипендии и премии, учрежденные на средства профессоров и приват-доцентов.....	793
Приложение В Профессора и приват-доценты, избранные депутатами Государственной Думы I–IV созывов.....	803

Введение

Актуальность и значимость темы исследования. Университетский профессорско-преподавательский корпус – особая социальная категория российского общества, которая, несмотря на относительную малочисленность, уже начиная с XIX столетия, играла заметную роль в жизни России, нередко выступая маркером, а то и локомотивом, происходивших в государстве и обществе политических, социальных и культурных процессов. Осознание своих интеллектуальных компетенций позволяло университетским преподавателям претендовать на активное участие не только в образовательной и просветительской деятельности, но и в общественно-политической деятельности. Более того, именно в университетах – при всём их трепетном отношении к традициям и «классичности» – во многом формировались новые общественные практики: выборность руководящих органов, коллегиальность принятия решений.

Обращение к проблеме анализа профессорско-преподавательского корпуса как социальной группы имеет многофакторное значение.

С одной стороны, оно позволяет заполнить один из пробелов в комплексном анализе социальной истории России рубежа XIX–XX вв. Рассматриваемый период – время попыток проведения очередной российской модернизации, причем как «сверху» (ускоренное развитие страны в условиях отмененного крепостного права и прочих реформ, инициированных в 1860-е – 1870-е гг.), так и «снизу» (Первая русская революция, детерминировавшая назревшее обновление политической системы).

В начале 2010-х гг. в российском обществе (во многом по инициативе властей) развернулась, несколько теперь угасшая, дискуссия о модернизации. Однако реальной актуальности эта дискуссия не утратила: Россию, непременно, ожидают новые эволюционные или скачкообразные модернизации. В этом свете заявленная тема приобретает особое звучание, так как обращение к ней позволяет раскрыть роль университетского сообщества в модернизационных процессах вековой давности, выявить модернизационный потенциал Университета, что

вполне может оказаться востребованным при актуализации модернизационных сценариев.

К затронутому выше аспекту примыкает еще один. Конец XIX – начало XX в. – время становления в России гражданского общества, для которого характерны низовые формы самоорганизации, гражданские, идущие «снизу», инициативы. Университетские преподаватели, несомненно, были одной из немногих категорий российского социума, готовых – в интеллектуальном и практическом отношении – к построению основ такого общества. На это указывают практики самоорганизации профессоров в различные «Союзы» и «Общества» с целью защиты своих интересов, просветительские инициативы, шедшие из Университета. Нужно ли подчеркивать, что вопрос о месте гражданского общества далеко не решен в современной России? В этом отношении опыт университетской профессуры столетней давности весьма ценен.

С другой стороны, процессы, протекающие в современной высшей школе, также актуализируют внимание к историческому опыту бытования отечественных университетов, тем более, что многие аспекты функционирования университетов и профессиональной деятельности дореволюционной университетской профессуры весьма созвучны нашим дням. Как сто лет назад, так и сейчас, высшую школу волнуют модель отношений с государством (проблема автономии и академической свободы), оптимальный механизм оплаты труда преподавателей, организация академической мобильности, вопросы научно-педагогической аттестации (достаточно указать на то, что, не утихавшая весь рассматриваемый в диссертации период дискуссия о необходимом и достаточном количестве ученых степеней, регулярно всплывает и в начале XXI в. и до сих пор не считается закрытой). Уверенное оперирование историческим опытом позволит современным чиновникам от образования экономить интеллектуальные силы, не повторять уже пройденные пути и принимать более взвешенные управленческие решения.

Наконец, еще один аспект, раскрывающий актуальность темы, связан с местом учащейся молодежи в университете и – шире – с молодежной политикой

вообще. Рассматриваемый в диссертации период – время глубокого кризиса не только в отношениях между студенчеством и властью, но и между студентами и профессорами.

Этот кризис проявлялся в разрыве между представлениями студентов, профессоров, университетской администрации, политических властей о правах и возможностях учащихся в университете; ограничениях для легального проявления студенческой самоорганизации, де-факто имевшей место; радикальной политизации студенчества. Современники пытались решать эти проблемы по-своему, исходя из исторических реалий: от введения профессорского дисциплинарного суда и института кураторов до широко распространившейся благотворительной деятельности профессоров в пользу студентов. С этим аспектом связан актуальный материал, который позволяет ответить на вопросы о том, какими были и могут быть модели отношений между профессурой и студенчеством, какой в условиях студенческих протестов может быть неудачная, или, напротив, оптимальная тактика профессуры, университетской администрации, властей различного уровня.

Завершая тему постановки проблемы и обоснования её актуальности и значимости, остановимся еще на двух обстоятельствах.

Одно из них связано с ответом на вопрос, почему предметом настоящего исследования избран именно университетский профессорско-преподавательский корпус при наличии в России рубежа XIX–XX вв. преподавательских кадров специальной (военной, инженерной, медицинской, духовной и пр.) высшей школы.

Во-первых, при наличии профессоров и преподавателей высших учебных заведений иных категорий университетский профессорско-преподавательский корпус продолжал занимать наибольшую долю среди всех остальных преподавателей системы высшей школы Российской империи¹. А, во-вторых,

¹ При этом в силу процессов усложнения и дифференциации отечественной высшей школы удельный вес университетских преподавателей имел тенденцию к уменьшению: с 50 % от общего числа вузовских преподавателей в начале рассматриваемого периода к 30 % в конце. Примерно аналогичным образом уменьшился и удельный вес студентов университетов по

университетское преподавательское сообщество, в отличие от сообществ специальных учебных заведений носило (и продолжает носить) междисциплинарный характер. Сосуществование под одной крышей представителей гуманитарных, естественных, точных наук всегда придавало университетскому корпусу важное, уникальное, свойство, оказывавшее влияние на его облик, и важное для понимания особенностей интеллектуальных сообществ.

Второе обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, касается используемых терминов. В заглавие настоящего исследования вынесено понятие «корпус». В литературе встречается обоснование, возможно, более корректного использования слова «сословие»: авторы называют этот термин «документальным» и в некотором смысле, противопоставляя его «западному» термину «корпорация», полагают, что он «довольно точно передает специфику солидарности и принципы группообразования университетских людей в России»².

По нашим наблюдениям, в конце XIX – начале XX в. официально термин «сословие» в указанном смысле – по отношению к университетским кадрам – уже не применялся. Зато довольно часто сами профессора употребляли слово «коллегия».

Отдельно стоит остановиться на уже упомянутом термине «корпорация». В лексиконе рассматриваемого периода он также, зачастую, использовался профессурой для самообозначения, при этом предполагал исключение из круга внештатных «младших преподавателей».

Полагая понятие «корпус» вполне нейтральным и подходящим для атрибутики представителей отечественной высшей школы, будем использовать его как базовое, хотя в основном тексте диссертации считаем допустимым чередование таких понятий, как «карды», «коллегия», «коллектив», «корпорация», «корпус», «сообщество».

отношению к студенчеству в целом. Причем указанные изменения происходили не столько за счет государственных, сколько за счет открывавшихся общественных и частных учебных заведений.

² См.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 7.

Итак, резюмируя выше сказанное, можно констатировать, что актуальность темы настоящей диссертационной работы, в которой раскрывается проблема бытования интеллектуальных сообществ России в позднеимперский период, вытекает из специфики рассматриваемого исторического периода и большого числа исследуемых аспектов существования университетского профессорско-преподавательского корпуса и университета в целом, которые чрезвычайно важны для понимания современных явлений в высшей школе и управления ими.

Научная значимость темы исследования определяется тем, что в диссертации реконструируется история профессорско-преподавательского корпуса российских университетов конца XIX – начала XX в. как специфической социально-профессиональной группы российского общества, оказывавшей серьезное влияние на научные, образовательные, культурные, социальные, политические процессы в Российской империи.

Степень изученности проблемы. Историографическая традиция и новые подходы к изучению университетского профессорско-преподавательского корпуса подробно рассматриваются в первом разделе первой главы. Здесь же сделаем наиболее общие замечания об эволюции исследовательских интересов от конца XIX до начала XXI в. и о степени изученности темы к настоящему времени.

Основной массив работ, создававшихся с конца XIX в. и затрагивавших историю профессорско-преподавательского корпуса университетов, представлял собой публицистические произведения, которые могут рассматриваться как источники, но некоторые из них (сочинения А.И. Георгиевского, Н.И. Кареева, Ю.А. Кулаковского, П.Е. Казанского, Л.И. Петражицкого) могут быть отнесены к исследованиям.

К собственно исследовательской литературе дореволюционной поры можно отнести издания официального характера (например, «Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.)» (СПб, 1901); «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902» (СПб, 1902) и издания, посвященные истории отдельных университетов

(наиболее ценны в содержательном отношении «Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)» (Харьков, 1906) и «Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902)» (СПб, 1906).

Подчеркнем, что в дореволюционный период собственно профессура не становится самостоятельным предметом исследования (за исключением биографических и публицистических работ), а лишь затрагивается в работах, посвященных университету в целом.

После 1917 г. определился новый фокус большинства исторических трудов об отечественном университете рубежа XIX–XX вв.: преимущественное изучение революционного движения с явным пренебрежением всех других сторон университетской истории.

Более поздние авторы стали делать акцент на теме научных достижений университетских дореволюционных ученых, чему способствовало произошедшее в 1940-х гг. обновление официальных идеологических установок в направлении государственного патриотизма, предусматривавшего культивирование национальной гордости на образцах прошлых лет.

По большому счету, только с 1970-х гг., в работах В.Р. Лейкиной-Свирской, посвященных дореволюционной интеллигенции, стал непосредственно затрагиваться университетский профессорско-преподавательский корпус как её составная часть, а в позднесоветский период появляются наиболее важные для нашего исследования труды Г.И. Щетининой («Университеты России и устав 1884 года», М., 1976.) и А.Е. Иванова («Высшая школа России в конце XIX – начале XX в.», М., 1991).

Советская историческая наука внесла свой вклад в развитие университетской тематики: был введен в научный оборот пласт ранее неизвестных источников, проведены исследования научных школ и деятельности отдельных ученых рубежа XIX–XX вв. Однако идеологизация предопределила крен исследований в пользу одних, но в ущерб другим аспектам прошлого

российских университетов. Социальный, антропологический аспект университета оставался для советских исследователей периферийным.

В работах постсоветского периода, несмотря на избавление от идеологических клише, продолжительное время сохранялось акцентирование на традиционном круге проблем. Создавались и, безусловно, будут создаваться в дальнейшем работы, освещающие политическую историю университетов, историю функционирования отдельных институтов университетской жизни, историю кафедр, личностей.

С конца 1990-х гг. различными авторами и авторскими коллективами (см. труды В.Г. Кинелева, В.А. Змеева, А.И. Авруса) велась работа по созданию обзорно-обобщающих трудов по истории образования в России. Особо следует отметить исследования А.Ю. Андреева и С.И. Посохова, представляющие собой теоретическое осмысление университетского прошлого («Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы» (М., 2009); «Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века. Антология» (М., 2011); «Университет в Российской Империи XVIII – первой половины XIX века» (М., 2012).

Вполне признавая важность и нужность для исторической науки выше упомянутых изысканий, мы исходим из того, что научные перспективы темы связаны с социальным поворотом изучения университетской истории. Понимание важности анализа феномена Университета в человеческом измерении постепенно наметило переход от преимущественного изучения функционирования отдельных элементов университетской системы к социальным, антропологическим и историко-культурным аспектам, чему во многом способствовали труды Т. Маурер.

Актуальными и перспективными исследованиями университетского прошлого, осуществляемыми в наши дни, следует назвать изучение внутрикорпоративных отношений, «университетской конфликтологии», академической мобильности, диссертационной культуры, профессорской

повседневности и досуга, поиск новых информационных возможностей источников по университетскому прошлому.

К настоящему времени хорошо изученными можно назвать проблемы научной аттестации, вопросы участия профессоров и преподавателей в политических процессах рубежа XIX–XX вв., влияния студенческого движения на университетскую жизнь. Предметом специального рассмотрения уже становились (правда, с акцентом на разные аспекты) дореволюционные преподавательские корпуса четырех из одиннадцати университетов: ИТУ, ИМУ, ИКУ и ИСПБУ. Однако, большое количество работ, посвященных отдельным страницам истории тех или иных университетов и их преподавательских корпораций, не снимает задачу создания обобщающего труда по истории всего университетского профессорско-преподавательского корпуса Российской империи конца XIX – начала XX в. как особой социальной и профессиональной группы, ведь только панорамный взгляд на проблему позволит увидеть региональные особенности отдельных университетов, выделить общие тенденции, отделить их от частных случаев.

Актуальность, недостаточная изученность отечественного университетского профессорско-преподавательского корпуса как профессионально-социальной группы обусловили выбор проблематики настоящего диссертационного исследования.

Объект и предмет исследования. Объект исследования – высшая школа дореволюционной России.

Предметом исследования является профессорско-преподавательский корпус университетов Российской Империи конца XIX – начала XX в.: Варшавского, Казанского, Московского, Николаевского (Саратов), Новороссийского (Одесса), Санкт-Петербургского (Петроградского), Св. Владимира (Киев), Томского, Харьковского, Юрьевского (Дерптского), а также Пермского отделения Петроградского университета.

Цель научного исследования. Цель заявленного исследования заключается в том, чтобы выявить роль и место университетского профессорско-

преподавательского корпуса в социокультурной и общественно-политической жизни Российской империи конца XIX – начала XX в.

Задачи научного исследования. Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих задач:

- оценить подходы к изучению университетского профессорско-преподавательского корпуса, сложившиеся в исторической литературе, определить методологические основания, подходящие для достижения цели и задач исследования;

- определить правовое и материальное положение профессоров и преподавателей российских университетов; составить ясное представление об их правовом статусе и качестве жизни;

- выявить ключевые особенности кадрового состава российских университетов конца XIX – начала XX в., включая динамику численности, социальное происхождение профессоров и преподавателей, пути формирования профессорско-преподавательского корпуса, формы научно-педагогической аттестации, типовые карьеры университетских сотрудников, проблемы академической мобильности;

- реконструировать взаимоотношения профессорско-преподавательского корпуса со студенчеством;

- выявить место профессоров и преподавателей в социокультурном пространстве университетского города через характеристику их участия в рынке городских услуг, осуществления общественно-полезной деятельности, участия в местном самоуправлении;

- охарактеризовать гражданскую позицию преподавателей российских университетов через анализ форм протестной активности «левой» и провластной деятельности «правой» профессуры, а также – участия университетских преподавателей в работе Государственного Совета и Государственной Думы;

- дать характеристику университетским профессорам и преподавателям как носителям профессиональной идентичности; для этого: выявить формы проявления профессиональной идентичности представителями университетского

преподавательского сообщества; выявить специфику взаимоотношений внутри профессорско-преподавательских коллективов; сформулировать особенности университетских преподавательских сообществ.

Хронологические и территориальные рамки. Хронологические рамки исследования – 1884 г. – февраль 1917 г. – определяются, с одной стороны вступлением в силу нового университетского устава, регламентировавшего жизнь преподавателей классической высшей школы, с другой стороны – революционными изменениями, положившими конец существованию Российской империи и имперской университетской системы. Иногда по ходу повествования нами допускается выход за хронологические рамки – в тех случаях, когда для пользы исследования необходимо обращаться к истокам изучаемых процессов, или, напротив, проследить то, чем и как они были завершены после прекращения существования Российской империи.

Территориальные рамки исследования вытекают из географии университетского образования в России: в начале рассматриваемого периода она (география) ограничивалась Санкт-Петербургом, Москвой, Казанью, Харьковом, Киевом, Одессой, Дерптом и Варшавой³, а к последнему году существования империи была расширена за счет Томска (1888 г.), Саратова (1909 г.), Перми (1916 г.), а также Ростова (ныне – Ростов-на-Дону), куда в годы Первой мировой войны был переведен университет из Варшавы.

Научная новизна. Научная новизна диссертации заключается в том, что ней впервые в историографии осуществлена комплексная историческая реконструкция всего университетского профессорско-преподавательского корпуса Российской империи конца XIX – начала XX в. как особой социальной группы; выявлены общие и специфические (региональные) черты одиннадцати российских университетских преподавательских сообществ; дана характеристика профессорам и преподавателям как представителям профессии, включая формы проявления ими профессиональной идентичности; предложены классификация

³ Мы не принимаем во внимание Гельсингфорский университет, который не был включен в общероссийскую систему высшей школы в силу довольно широкой автономии Великого княжества Финляндского.

форм гражданской активности преподавателей, типологизации конфликтов в профессорско-преподавательской среде; введен в научный оборот значительный комплекс ранее неопубликованных источников по истории российских университетов и университетских сообществ дореволюционной России.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы заключается в приращении знания о социальной структуре общества России позднеимперского периода. Приведенные в диссертации факты, охарактеризованные явления и сделанные выводы позволяют более глубоко осмыслить генезис интеллектуальных сообществ в дореволюционной России, осветить как проблемы внутрикорпоративных отношений, так и отношений с внешней средой – городом и государством.

Проведенное исследование позволило заполнить один из пробелов в комплексном анализе социальной истории России рубежа XIX–XX вв. – важнейшего периода, предшествовавшего бифуркационной точке в развитии отечественной цивилизации.

Практическая значимость исследования. Практическая значимость исследования вытекает из возможности использования материалов и выводов диссертации, с одной стороны – в сфере управления высшей школой; с другой – в обширном круге исторических работ, посвященных рубежу XIX–XX в. в России вообще и истории общественных отношений, истории образования, истории интеллигенции, в частности. Помимо этого, материалы настоящей диссертации могут найти применение в подготовке общих и специальных учебных курсов по истории России.

Методологическая база и методический инструментарий. Методология исследования университетского профессорско-преподавательского корпуса, примененная в настоящей работе, подробно совещается в третьем разделе первой главы.

Здесь лаконично обозначим основные исследовательские подходы и методический инструментарий.

Основным подходом, примененным в работе, следует назвать антропологический, который предполагает фокусирование на персоналиях и университетских сообществах. Отсюда – внимание к «университетскому человеку», к межличностным отношениям в университетской среде, к формированию в университетских коллективах подгрупп по разным признакам, отношениям между ними. Профессиональная деятельность университетских преподавателей – учебная и научная – осталась за рамками настоящего исследования, так как она составляет иной предмет.

Применительно к социальной истории, антропологический подход реализуется в рамках различных направлений, выработанных исторической наукой. К их числу относится история повседневности, историческая конфликтология, психоистория («история ментальностей»), изучение университета в контексте городского пространства.

Осуществление большой научной работы предполагает обращение, как к общенаучным, так и специальным методам исследования.

Общенаучные методы – выявление, систематизация и системный анализ исследуемого материала, применение к нему индуктивных и дедуктивных подходов – дали возможность исследовать процессы, протекавшие как в стране в целом, так и в высшей школе дореволюционной России в частности, с точки зрения их влияния на университетский профессорско-преподавательский корпус.

Применение специальных исторических методов – проблемно-хронологического, историко-генетического, историко-типологического, историко-сравнительного – позволило рассмотреть эволюцию университетского преподавательского корпуса с точки зрения параллельно протекавших процессов, раскрыть характер изменений университетской политики, самого Университета, классифицировать и типологизировать исследуемые объекты, выявить особенности профессорско-преподавательских корпораций разных университетов.

Взгляд на университетских преподавателей как на социально-профессиональную корпорацию предопределил выбор особой исследовательской

оптики, в их числе: «социальный» подход и биографический метод, просопография, метод ситуационного анализа.

Разнообразие исследовательских техник при изучении темы диссертационного исследования дало возможность извлечь из источников как очевидную, так и скрытую, не всегда доступную при традиционном историческом анализе информацию, получить значимые результаты, сделать необходимые выводы.

Источниковая база исследования. Подробный источниковедческий обзор по теме исследования приводится во втором разделе первой главы.

Здесь остановимся на классификации источников и определении наиболее информативных из них.

Привлеченные в диссертационной работе источники могут быть разделены на следующие виды:

- нормативные документы,
- делопроизводственная документация,
- документальные издания,
- справочные издания,
- материалы периодической печати,
- публицистика,
- источники личного происхождения.

Немало источников по университетской истории опубликованы и потому – общедоступны: одни тексты изначально издавались типографским способом для публичного пользования (уставы, законы, отчеты, периодика и пр.), другие опубликованы в разное время в виде сборников документов.

Однако по-прежнему львиная доля исторических материалов (переписка, протоколы, донесения, рапорты и пр.) хранятся в архивах. При проведении исследования нами был проведен поиск в восьми российских (Российский государственный исторический архив, Государственный архив Российской Федерации, Центральный государственный архив города Москвы, Национальный архив Республики Татарстан, Государственный архив Пермского края,

Государственный архив Томской области, Государственный архив Саратовской области, Центр документации новейшей истории администрации Воронежской области) и семи зарубежных (Государственный архив в Варшаве, Главный архив исторических документов в Варшаве, Исторический архив Эстонии, Центральный государственный исторический архив Украины, Государственный архив города Киева, Государственный архив Одесской области, Государственный архив Харьковской области) архивах.

С точки зрения интересов темы и поисков ответов на прославленные в исследовании вопросы, наиболее важными для нас явились делопроизводственные документы. Тексты журналов заседаний советов, переписка должностных лиц, рапорты позволяют реконструировать информацию о позиции преподавателей по тому или иному вопросу, даю достаточно материала для анализа общественно-политических настроений представителей профессорско-преподавательского корпуса.

Источники личного происхождения (воспоминания, автобиографии, дневники, письма) незаменимы для реконструкции личных связей, взаимоотношений внутри университетских преподавательских коллективов. Такие источники часто проливают свет на видение профессуры отдельных аспектов университетской жизни, но не через публичные, а через частные высказывания.

Наличествующие источники, в которых отразилась история дореволюционного профессорско-преподавательского корпуса, весьма разнообразны и информативны. Привлечение как опубликованного, так и неопубликованного, вводимого в значительной части впервые в научный оборот, первичного исторического материала позволило извлечь из него информацию, необходимую для достижения цели настоящего диссертационного исследования.

Положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие положения:

– Изучение истории отечественных университетов и их преподавательских сообществ прошло большой эволюционный путь от юбилейных и

публицистических работ, написанных на злобу дня, через акцентирование на революционном движении, к вниманию к социальным аспектам. Именно последняя тенденция наиболее перспективна. Задачи изучения профессорско-преподавательского корпуса императорских университетов как социально-профессиональной группы российского общества могут быть успешно решены посредством применения антропологического подхода, примененного к таким направлениям социальной истории, как история повседневности, историческая конфликтология, психоистория («история ментальностей»), изучение университета в контексте городского пространства.

– Университетская профессура конца XIX – начала XX в., будучи в формально-правовом отношении частью отечественного чиновничества, на практике являла собой категорию чиновников особого типа, которые по характеру профессиональной деятельности и стилю служебного поведения являлись не встроенными в жесткую вертикаль бюрократами, а гражданскими служащими, испытывавшими органическую связь не столько с профильным ведомством – Министерством народного просвещения, сколько с самим университетом и преподавательским сообществом.

– Дифференциация доходов представителей профессорско-преподавательского корпуса была довольно велика, что типично для иерархизированной системы, и если заработок многих профессоров позволял им на рубеже XIX–XX вв. вести образ жизни зажиточного горожанина, то доходы младших преподавателей не могли обеспечить жизненные потребности семейного человека.

– Система рекрутирования свежих преподавательских кадров для университетов работала неэффективно. Лишь порядка 20 % профессорских стипендиатов защищали диссертации. Далеко не все идеи, заложенные при разработке Устава 1884 г. в институт приват-доцентуры, нашли воплощение в реальности: идея «свободы преподавания и свободы слушания» вступала в непримиримое противоречие со строгой курсовой системой, предполагавшей посещение студентами тех курсов, которые читались в соответствии с

утвержденными МНП программами. С другой стороны, создание в университетах обширной категории преподавателей «второго сорта», породило ситуацию конфронтации внутри преподавательских коллективов.

– Не очень значительное увеличение штатных единиц в системе российских императорских университетах за рассматриваемый период обеспечивалось кадрами вновь открывшихся подразделений и университетов, а также – за счет категорий «сверхштатных» и «внештатных» профессоров. Реальное и более значительное увеличение численности всей совокупности преподавательского состава университетов происходило за счет приват-доцентуры – особенно в столичных университетах.

– Несмотря на действие университетского устава 1884 г., допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности министерством народного просвещения, преподавательской корпорации, как правило, удавалось сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир.

– Перемещения профессоров и преподавателей внутри системы российских императорских университетов следует подразделить на «академическую» и «неакадемическую» (или «административную») мобильность. Распространенным явлением рассматриваемого периода было движение молодых преподавателей из центра в региональные университеты в поисках штатного места, а зрелых, состоявшихся профессоров, напротив, из регионов – в центр в поисках лучших условий службы.

– При наличии схожей картины социального происхождения профессорско-преподавательских коллективов всех российских университетов, проявлялись характерные региональные особенности: более высокая доля дворянства среди преподавателей ИСПБУ и ИМУ; бóльший процент «инородцев» в ИСПБУ; преобладание выходцев из духовенства в ИТУ.

– Преподавательский университетский корпус не обошел стороной один из «больных» вопросов России рубежа XIX–XX вв. – национальный вопрос. Острее всего он стоял в университетах, расположенных на западных окраинах империи (ИДУ, ИВУ, ИУСвВ); всю систему затрагивал неизменный «еврейский вопрос»,

помимо этого, приметой военного времени стал прежде не проявлявшийся «немецкий вопрос».

– Профессорско-студенческие отношения рассматриваемого периода переживали кризис, вызванный разрушением патерналистской модели университета, устоявшаяся в XVIII – первой половине XIX в. Однако в условиях развернувшегося студенческого движения преобладавшая часть профессорско-преподавательского корпуса оказалась настроена достаточно лояльно по отношению к этому явлению. Основная причина такой лояльности состояла в том, что многие профессора чувствовали справедливость требований студентов и воспринимали студенческое движение как фактор решения «университетского вопроса».

– Помимо узкопрофессиональной деятельности, связь с городом университетской общественности, превратившейся в конце XIX в. в важнейший компонент жизни университетских центров, осуществлялась через предоставление городу и горожанам услуг (экспертных, образовательных, юридических, медицинских); общественно-полезную деятельность (консультативную, просветительскую, благотворительную); участие в местном самоуправлении.

– При невиданном ранее расколе университетских преподавательских коллективов по политико-идеологическим основаниям на «левых» и «правых», имевшем место в рассматриваемый период, императорские университеты представляли в лице преподавательского состава, в бóльшей степени, оппозицию по отношению к власти, действовавшей в России до февраля 1917 г. Гражданская активность университетских преподавателей проявлялась как во внутриуниверситетских формах (политизация учебного процесса; «противозаконные контакты со студентами»; участие в студенческом движении, сочувствие студенческому движению), так и во внеуниверситетских формах (политизация публичных лекций; публицистическая и издательская деятельность; участие в собраниях, произнесение речей, подписание петиций; создание организаций, членство в политических партиях).

– На рубеже XIX–XX вв. в университетах не просто отражались общероссийские процессы и настроения, они здесь во многом формировались: университетская корпорация долгое время оставалась единственной профессиональной группой в России, складывавшейся посредством конкурса и принципа выборности; задолго до учреждения в России парламента, его прообраз можно было разглядеть в деятельности университетских Советов; именно в вузовских кругах зародилась партия кадетов, которую современники называли «профессорской», видную роль профессура играла в «Союзе 17 октября».

– Основными формами проявления профессиональной идентичности университетских профессоров и преподавателей были: активное участие в обсуждении «университетского вопроса», шаги к самоорганизации, наличие схожих этических принципов, базировавшихся на идеях примата ценностей служения науке и обществу, бескорыстия, свободы и личного достоинства, составной частью преподавательского ценностного набора стоит признать следование нормам научной и корпоративной этики. Отличительными чертами отечественной университетской преподавательской корпорации конца XIX – начала XX в. являлись: относительно слабая конкуренция, использование корпоративной атрибутики, иерархичность, расколотость, двойная идентичность. При допущении умозрительной модели «единой профессорско-преподавательской корпорации», следует выделить её костяк в лице штатной профессуры и периферию в лице приват-доцентов и лекторов. Можно определенно говорить, с одной стороны, о существовании сложившейся профессорской корпорации с примыкавшей к ней группой приват-доцентов, которые читали обязательные курсы (такие приват-доценты, как правило, желали интегрироваться в профессорскую среду и их образ жизни, стиль профессионального поведения напоминали профессорский), а с другой – об университетских аутсайдерах – приват-доцентах, читавших необязательные курсы, а также лекторах, которые, хотя и находились в штате, не были наделены корпоративными правами и потому, за редким исключением, не составляли костяк сообщества.

Достоверность результатов исследования обеспечивается репрезентативностью привлеченных источников, их информативностью и разнообразием в видовом отношении, корректностью использования примененных инструментов и методов, а также корреляцией авторских выводов с результатами ранее проведенных исследований по проблематике диссертации.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации апробированы на заседании кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Промежуточные результаты доложены в выступлениях на научных конференциях международного и всероссийского уровня. Среди них: международная конференция «Эстония и Сибирь» (Тарту, Эстония, 2010 г.), всероссийская конференция «Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина» (Томск, 2010 г.), международная конференция IV Батаевские чтения «Актуальные проблемы отечественной истории и исторической науки: II половина XIX – начало XXI века» (Москва, 2011 г.), международная конференция «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 2013 г.), международная конференция имени академика Л. Блюментроста (Берлин, Германия, 2013 г.), міжнародна конференція «Малиновські читання» (Острог, Украина, 2013 г.), international conference on social sciences & arts conference SGEM-2014 (Албена, Болгария, 2014 г.), международная конференция «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования» (Томск, 2014 г.), всероссийская конференция «Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации» (Казань, 2014 г.), международная конференция «Наука в Польше и России – сходства и различия (область гуманитарных наук)» (Варшава, Польша, 2015 г.), 3rd international scientific conference on social sciences & arts SGEM-2016 (Вена, Австрия, 2016 г.), international conference «Seeing like a state? Образование в России в прошлом и

настоящем: Новые подходы и сравнительные исследования (XVIII–XXI вв.)» (Берлин, Германия, 2017 г.).

Предварительные выводы были сделаны в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Для апробации результатов исследования были разработаны специальные курсы «История высшего образования в России» и «История высшего образования в Сибири: сравнительный анализ», читаемые для студентов и магистрантов исторического факультета ТГУ.

Публикации по теме исследования. Основные результаты исследования отражены в 52 публикациях автора, том числе в 17 статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 8 статей в российских научных журналах, индексируемых Web of Science и / или Scopus), 5 статьях в зарубежных научных изданиях, индексируемых Web of Science, 1 монографии (в соавторстве), 3 документальных изданиях, 1 энциклопедическом издании, 2 биографических словарях, 1 статье в научном журнале, 5 статьях в сборниках научных трудов, 17 статьях в сборниках материалов международных и всероссийских научных и научно-практических конференций.

Структура диссертации. Структура диссертации обусловлена поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, семи глав (двадцати одного раздела), заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, трех приложений.

Глава 1. История университетского профессорско-преподавательского корпуса как историографическая и методологическая проблема

Прежде чем обратиться к анализу различных сторон бытования университетских преподавателей дореволюционной России, необходимо дать оценку накопленного в историографии опыта изучения университетов и их преподавательских кадров, охарактеризовать разнообразную и весьма богатую источниковую базу и определить оптимальные методы, которые позволят осуществить задуманное исследование.

1.1. Историографическая традиция и новые подходы к изучению университетского профессорско-преподавательского корпуса

Учитывая, что нижняя хронологическая граница настоящей диссертационной работы хронологически пролегает в конце XIX в., за более чем 130 лет сформировалась обширная исследовательская традиция изучения отечественного университета и его профессорско-преподавательского корпуса. К характеристике наличествующего массива осуществленных исторических исследований целесообразнее всего подойти, применив хронологический принцип, поскольку исследования, созданные в дореволюционный, советский и современный периоды, качественно отличаются друг от друга, с точки зрения преобладающих сюжетов, оценок и подходов.

Дореволюционный период изучения темы

В силу общественной значимости дореволюционного университета, он стал предметом осмысления уже современниками. Однако основной круг работ этого периода, затрагивавших феномен профессорско-преподавательского корпуса, представлял собой весьма многочисленные публицистические произведения, которые, с точки зрения нашего исследования, выступают в роли источников, и их характеристика была дана в соответствующем разделе Введения.

Впрочем, отдельные публикации, посвященные дореволюционному университету, созданные современниками, явно выходят за рамки публицистики, написанной «на злобу дня», а представляют собой полноценные научные исследования.

Отметим в этом ряду сочинения Р.И. Выдрина, А.И. Георгиевского, Г. Зацепы, П.Е. Казанского, Н.И. Кареева, Ю.А. Кулаковского, Л.И. Петражицкого.

Одесский профессор П.Е. Казанский в своей книге, посвященной постановке юридического образования в университетах, привел обзор методов преподавания и изложил собственные педагогические идеи. Выступив критиком лекционной системы, он писал: «Вместо того, чтобы заставить трудиться самого учащегося, при чтении лекций тяжесть работы переносится на учащего, а учащемуся предоставляется пассивно следить за ходом чужого мышления». Поэтому, полагал П.Е. Казанский, лекция не дает никому из слушателей возможности продумать и усвоить постоянно сообщаемые новые сведения. Именно в этом профессор видел «коренной недостаток господствующего приема преподавания». Любопытно, что, рассуждая об университете в целом, П.Е. Казанский подчеркивал примат учебной, а не научной составляющей его деятельности: «Наш университет – не только академия, но и высшее учебное заведение, даже преимущественно это последнее»⁴.

Большой вклад в осмысление феномена университета внес Л.И. Петражицкий, обобщивший свои мысли в двухтомном труде «Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования». В отличие от П.Е. Казанского, Л.И. Петражицкий отстаивал первостепенную важность научной деятельности профессора: «Хотя бы теперь взгляду на университеты, как “учебные заведения”, мы противопоставили [...] положение: университет есть коллегия мыслителей и ученых, ученое учреждение, очаг научного творчества и света». Помимо этого, автор выступил горячим

⁴ Казанский П. К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах. Одесса, 1901. С. 9, 15–16.

сторонником идеи об университете как центре просвещения и общественной жизни: «Плох и жалок тот университет, свет которого освещает только аудитории. Здоровый и крепкий университет светит через головы студентов вдаль»⁵.

Петербургский историк Н.И. Кареев в книге «Выбор факультета и прохождение университетского курса»⁶, адресованной молодежи, стоявшей перед выбором образовательной траектории, подчеркивал приверженность университета к «чистому знанию», в чем он видел его ключевое отличие от высших учебных заведений прикладного характера. При этом Н.И. Кареев выступал поборником демократизации университетского образования, в частности посредством допущения в университет женщин.

Одной из дискуссионных сторон университетской жизни рубежа XIX–XX вв. – профессорскому гонорару – посвящена книга киевского профессора Ю.А. Кулаковского⁷. Автор занял критическую позицию по отношению к названному явлению университетской жизни, но не просто принял поверхностное участие в полемике по этому вопросу, а привел данные о размере гонорара, проанализировал влияние последнего на отношения внутри преподавательского коллектива и на отношения профессоров со студентами, провел сравнение с гонорарной системой, действовавшей в университетах Западной Европы.

Тяжелому положению «младших преподавателей» посвящено исследование ассистента ИМУ Г. Зацепы⁸. Тема, поднятая автором, оказалась особенно актуальна именно для рассматриваемого периода в силу широкого распространения в конце XIX – начале XX в. института приват-доцентуры. Впрочем, Г. Зацепы в своем сочинении делает акцент на еще более

⁵ Петражицкий Л.И. Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. Т. I. Теоретические основы. СПб, 1907. С. 11, 12.

⁶ Кареев Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. СПб, 1900. 210 с.

⁷ Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. 66 с.

⁸ Зацепы Г. Пасынки университета: Материалы по вопросу о положении в университете младших преподавателей. М., 1907. 47 с.

незащищенных категориях университетских сотрудников – лаборантах и ассистентах.

Еще более актуальной стороной университетской жизни рубежа XIX–XX вв. стало мощное студенческое движение, анализируемое современниками с различных идеологических позиций.

С социал-демократических позиций была написана книга Р.И. Выдрина «Основные моменты студенческого движения в России»⁹. Автор прослеживает эволюцию отечественного студенческого движения на протяжении XIX – начала XX в., отмечает социальную демократизацию российского студенчества и подчеркивает его роль в протестном движении.

С противоположных – проправительственных – позиций студенческое движение исследовал председатель учёного комитета МНП А.И. Георгиевский¹⁰. Наиболее примечательным обстоятельством этого фундаментального труда можно назвать то, что автор рассматривает студенческое движение, протестные выступления в контексте проблемы лояльности университетской профессуры, что было типично для правительственного взгляда на этот вопрос. Не удивительно, что А.И. Георгиевский одобрительно высказывается о новом университетском уставе, как инструменте «наведения порядка» в высшей школе.

В конце XIX – начале XX в. были созданы биографические словари преподавателей ряда университетов. Применяя формальный подход, их как справочные издания тоже следует отнести к источникам. Однако более внимательное знакомство с этой литературой убеждает, что некоторые из биографических словарей являются самостоятельным историографическим фактом. Поэтому применим к таким изданиям дифференцированный подход. По нашему убеждению, из словарей преподавателей ИКУ, ИСПБУ, ИУСвВ и ИЮУ, имеющих отношение к рассматриваемому периоду, определенно выходит за понятие справочного издания «Биографический словарь профессоров и

⁹ Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908. 86 с.

¹⁰ Георгиевский А. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков СПб, 1890. 302 с.

преподавателей Императорского университета Святого Владимира (1834–1884)» (Киев, 1884, 816 с.)».

Несмотря на то, что готовилось это издание еще накануне введения нового университетского устава, в нем можно найти биографии киевских университетских преподавателей, продолживших в дальнейшем службу в ИУСвВ. В отличие от большинства подобных изданий, статьи (многие из них превышают десятков страниц) этого словаря носят, скорее, не формально-унифицированный, а очерковый характер. Помимо биографических данных справочного свойства, авторы статей обращают внимание на круг общения киевских профессоров и приват-доцентов, формирование их научных взглядов и даже на увлечения.

В подобном духе написаны некоторые (далеко не все) статьи «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования. (1802–1902)» (Т. 1. Юрьев, 1902. 664 с.; Т. 2. Юрьев, 1903. 656 с.).

К собственно исследовательской литературе, и то с некоторыми оговорками, можно отнести не так много текстов дореволюционного периода.

В первую очередь – это издания официального характера.

В 1901 г. было «печатано по распоряжению Министерства народного просвещения» крупное издание под заглавием «Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.)»¹¹. Правда, в 650-страничной книге, посвященной функционированию МНП за все время царствования покойного императора (в заглавие вынесены точные даты нахождения его на престоле) Императорским университетам оказалось уделено только полсотни страниц. С точки зрения содержания, это издание предоставляет сведения информационно-отчетного характера по истории университетов за указанный период, в том числе статистические данные и обзор принятых законов. Большую часть 55-страничного раздела занимает подробный разбор статей нового устава, содержащий

¹¹ Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб, 1901. 650 с.

констатацию «сокращения круга действий Совета» в результате проведенной университетской реформы 1884 г.

В том же году увидел свет «Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н.П. Боголепова (12 февраля 1898 – 14 февраля 1901 гг.)»¹², который, по сути, является отчетом о трехлетней работе министра, готовившийся и редактировавшийся самим Н.П. Боголеповым, а после его резонансного убийства, в несколько доработанном виде, обнародованный. Этот текст любопытен тем, что, в отличие от предыдущего не изобилует изложением принимавшихся законодательных норм и статистическими данными, но представляет собой видение министерством актуальных проблем университета начала XX в., которые, во многом, проявились в серии громких студенческих выступлений тех лет.

Гораздо более масштабным стал опубликованный на следующий год труд приват-доцента ИСПБУ С.В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902»¹³. Он также имел гриф «издания Министерства народного просвещения», что предопределяло его наполнение. Посвященная 100-летию министерства, книга разбита на главы, объединяющие деятельность нескольких министров. Две заключительных главы характеризуют деятельность МНП в 1880-х – 1902 г. Труд С.В. Рождественского следует признать весьма информативным, но подчеркнуто безоценочным по отношению к исследуемому предмету – деятельности министерства – и к субъекту министерской деятельности, учебным заведениям, в том числе университетам.

Несколько особняком стоит «Исторический обзор мер по высшему образованию в России», подготовленный выпускником ИКУ, служившим в Саратове товарищем прокурора, П.И. Ферлюдиным¹⁴. Хотя книга не носит

¹² Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н.П. Боголепова (12 февраля 1898 – 14 февраля 1901 гг.). СПб, 1901. 86 с.

¹³ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб, 1902. 767 с.

¹⁴ Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1.

официального характера, она написана в большей степени с проправительственных позиций.

Историю русских университетов автор разбивает на пять периодов (где первый – «доустановной», а остальные четыре привязаны к соответствующим университетским уставам). Заключительную главу он посвящает периоду, начавшемуся с 1884 г.

Труд П.И. Ферлюдина преимущественно носит описательный характер принимавшихся государством законов в отношении высшей школы. Значительную часть финальной главы занимает освещение открытия нового – Томского – университета. Заметим, что от выше упомянутых официальных изданий этот труд отличают содержащаяся в нём некоторая критика гонорарной системы и призыв к её отмене.

С другой стороны, дореволюционный период оказался достаточно богат на издания, посвященные истории отдельных университетов: ИМУ¹⁵, ИХУ¹⁶, ИНУ¹⁷, ИЮУ¹⁸, ИТУ¹⁹ и ИНСУ²⁰. Они, как правило, создавались профессорами соответствующих университетов и имели справочно-информационный характер.

Исключение представляет коллективный труд профессоров Д.И. Багалея, Н.Ф. Сумцова и В.П. Бузескула «Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)». Его авторы

Академия наук и университеты. Саратов, 1893. 186 с.

¹⁵ Историческая записка о деятельности общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета за 25 лет его существования. (1874–1898) / Сост. А. Иванцов. М., 1899. 115 с.

¹⁶ Бузескул В.П. История Харьковского университета при действии устава 1884 г. (с 1884 до 1905 г.). Харьков, 1905. 89 с.; Багалея Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906. 360 с.; Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования. (1805–1905) / Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалея. Харьков, 1908. VIII, 168, 390, XII с.; Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования. (1805–1905). Харьков, 1908. VIII, 311, III с.

¹⁷ Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890. 734 с.

¹⁸ Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902). СПб, 1906, III, 211, VII с.

¹⁹ Первый университет в Сибири. Томск, 1889. 94 с.; 8 л. ил., портр.; Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования. (1888–1913 гг.). Томск, 1917. 11, 544 с.; 1 л. ил.

²⁰ Хованский Н.Ф. К истории учреждения университета в Саратове. Саратов, 1910. 8 с.

позволили себе заметно больше, чем составители официальных трудов о МНП, транслируя нескрываемое недовольство большинства профессуры уставом 1884 г., критические замечания в адрес министерства и попечителей учебного округа.

Отметим неформальный стиль и нетривиальное содержание труда профессора Е.В. Петухова «Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902)», освещающего, помимо прочего, быт дерптский/юрьевской профессуры, особенности отношений внутри корпорации и взаимоотношений со студенчеством.

Итак, как видим, и общие официальные (или около официальные) издания, и публикации по истории отдельных университетов, увидевшие свет в дореволюционный период, зачастую имели юбилейную подоплеку, что предопределяло описательное, некритическое содержание большинства трудов этого периода.

Собственно же профессура пока не стала самостоятельным предметом исследования (если не брать во внимание биографические словари и публицистику), а лишь затрагивалась в сочинениях, посвященных университету в целом.

Советский период

В первые десятилетия советской власти характер исследований истории дореволюционного университета и его профессорско-преподавательского корпуса серьёзно изменился, но, к сожалению, мало обогатил тему с точки зрения интересов настоящего диссертационного исследования. Фактически произошел перенос основных посылов, установок и оценок университетского вопроса, характерных для леворадикальной (революционной) публицистики начала XX в. на исследовательское поле.

Отсюда – новый фокус абсолютного большинства исторических работ об отечественном университете рубежа XIX–XX вв.: преимущественное изучение революционного движения, причем – студенческого; профессура же – даже

либеральная, оппозиционная старому правительству – предстает в трудах советских историков 1920–1930 гг. как в целом буржуазный, контрреволюционный элемент.

Именно отношение к «царскому» университету как к «буржуазному» явлению, господствовавшее в историографии 1920-х – 1930-х гг., позднее несколько отошедшее на задний план, но не исчезнувшее вплоть до 1980-х гг., предопределило во многом скептическое отношение советских авторов к деятельности университетов в лице профессуры в общественно-политическом поле. Это относится и к общеуниверситетской литературе, и к исследованиям по истории отдельных университетов²¹.

Со временем, избавившись от «революционного максимализма», более поздние авторы стали делать акцент на теме научных достижений университетских дореволюционных ученых²². В значительной степени этому способствовало произошедшее в 1940-х гг. обновление официальных идеологических установок от революционного интернационализма в направлении национального (в значении «государственного») патриотизма, что предусматривало в том числе культивирование национальной гордости на образцах прошлого.

²¹ Державин Н.С. Высшая школа и революция. М.; Пг, 1923. 46 с.; Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30. Т. 2. Казань, 1930. 385 с.; Одесский университет за 75 лет. (1865–1940). Одесса, 1940. 197 с.; 185 лет Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 1941. 127 с.; Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. 1948. № 11. С. 138–156; Эрингсон Линда. Тартуский университет в период отступления Первой русской революции 1906–1907 гг. // Вопросы истории Эстонской ССР. Тарту. 1965. Т. 4. С. 83–128; История Ленинградского университета. Очерки. (1819–1969). Л., 1969. 663 с.; Марголис Ю.Д. Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С. 18–27.

²² Наметкин С.С. Химия в Московском университете за 185 лет // Успехи химии. 1940. Т. 9. Вып. 6. С. 703–726; Александров П.С., Гнеденко Б.В., Степанов В.В. Математика в Московском университете в XX веке // Историко-математические исследования. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 9–42; Цетлин Л.С. Из истории научной мысли в России: (наука и ученые в Московском университете во второй половине XIX века). М., 1958; Смирнов А.И. Математическая физика в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Вып. 1. С. 11–19; Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Казань, 1976. 102 с.; Мартинсон К. Институционализация научной деятельности в Эстонии с XVII в. по 1917 г. Таллин, 1988. 470 с.

Эти же две темы – «университет и революционное движение» и «университет и научные достижения» – стали формировать основу юбилейных изданий 1950-х – 1980-х гг.²³

Несколько особняком стоят труды тартуских ученых по истории ИЮУ, расширявшие традиционную для советской историографии тематику университетских исследований в направлении изучения некоторых внутренних особенностей функционирования прибалтийского университета конца XIX – начала XX в.²⁴

Бóльший интерес вызывают некоторые общеуниверситетские исследования позднесоветского периода.

В этот период появляются исследования, посвященные феномену русской дореволюционной интеллигенции, в которых затрагивается и университетский профессорско-преподавательский корпус как её составная часть.

Большой вклад в развитие темы внесла В.Р. Лейкина-Свирская. С перерывом в десятилетие она написала две продолжающих друг друга монографии, посвященных интеллигенции в России второй половины XIX в и начала XX в. (до 1917 г.)²⁵. Исследования В.Р. Лейкиной-Свирской охватывают такие вопросы, как профессиональная подготовка образованных кадров в России, складывание основных профессиональных групп лиц интеллектуального труда и их численность, социальные и материальные условия их жизни, общественно-

²³ История Московского университета. В 2-х т. Т. 1. 1755–1917. М., 1955. 562 с.; Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. 1805–1955. Харьков, 1955. 385 с.; Саратовский университет. 1909–1959 / Под ред. Р.В. Мерцлина. Саратов, 1959. 302 с.; Белозеров С.Е. Очерки истории Ростовского университета. Ростов-на-Дону, 1959. 362 с.; Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет. (1880–1955 гг.). Томск, 1960. 478 с.; Пермский государственный университет им. Горького: Исторический очерк. 1916–1966 / Под ред. Ф.С. Горового. Пермь, 1966. 292 с.; Харьковский государственный университет. 1805–1980. Харьков, 1980. 160 с.; Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. 431 с.; История Тартуского университета. 1632–1982 / Под ред. К. Сийливаска. Таллин, 1982. 280 с.; Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г. Первый на Урале. Пермь, 1987. 234 с.

²⁴ Эрингсон Линда. Из истории эвакуации Тартуского университета 1915–1917 гг. // Вопросы истории Эстонской ССР. Тарту. 1970. Т. 6. С. 288–313; Егоров Ю. Университетский суд Тартуского университета в XIX столетии // Из истории юридического образования в Эстонии в XVII–XIX вв. Тарту, 1989. С. 172–194.

²⁵ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. 366 с.; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. 285 с.

политическая деятельность интеллигенции; создание профессиональных организаций. Любопытно, что автор рассматривает дореволюционную интеллигенцию как предтечу советской, а не настаивает на жёстком разрыве в её генезисе.

В конце 1970-х гг. была опубликована монография Г.И. Щетининой «Университеты России и устав 1884 года»²⁶. При том, что Г.И. Щетинина в своем основательном труде преимущественно транслирует привычные оценки правительственной университетской политики 1880-х гг., обращает на себя внимание то, что она выражает несогласие с тем мнением, что устав 1884 г. абсолютно уничтожил университетскую автономию, и делает вывод о том, что государственная политика в университетском вопросе потерпела крах, поскольку правительству не удалось исключить университеты из общественно-политических процессов.

Отметим еще одну работу аналогичного периода – статью А.Е. Иванова, ставшего позднее одним из признанных лидеров среди исследователей университетской проблематики, «Первая русская революция и профессура высших учебных заведений»²⁷. Несмотря на то, что эта работа продолжила традиционный революционный дискурс, для настоящего диссертационного исследования она представляет интерес как, пожалуй, первое научное сочинение, предметом которого выступила собственно профессура, а не университет в целом или отдельные ученые.

На излете советской эпохи свет увидела монография А.Е. Иванова «Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв.»²⁸, занявшая видное место в отечественной историографии и не утратившая своей научной значимости до сих пор. Глава 4-я монографии, названная «Профессорско-преподавательский корпус высшей школы», целиком посвящена предмету настоящей диссертации. В небольшой по объему (около 50 страниц) главе дается портрет профессоров и

²⁶ Щетинина Г.И. Университеты России и устав 1884 года. М., 1976. 231 с.

²⁷ Иванов А.Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977. С. 102–126.

²⁸ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. 392 с.;

преподавателей российских дореволюционных высших учебных заведений разных типов.

Автор сконцентрировал свои усилия на определении численности профессоров и преподавателей, вопросах подготовки кадров высшей школы и научной аттестации, проблеме определения сословного и национального состава вузовских преподавателей, особенностей их правового и материального положения, а также – общественно-политического облика²⁹. Писавшаяся еще во времена позднего СССР, монография А.Е. Иванова уже свободна от многих идеологических штампов, что делает её своеобразным переходным явлением в отечественной историографии от советского этапа к современному.

В целом, советская историческая наука сделала немало для развития университетской тематики: был введен в научный оборот пласт ранее неизвестных источников, были проведены значительные исследования научных школ и деятельности отдельных выдающихся ученых рубежа XIX–XX вв., что и сегодня помогает лучше разобраться в некоторых особенностях профессиональной деятельности дореволюционной профессуры. Однако, излишняя идеологизация предопределила крен исследований в пользу одних, но в ущерб другим аспектам прошлого российских университетов. Во всяком случае, социальный, антропологический аспект университетского прошлого оставался для советских исследователей весьма периферийным.

В рассматриваемый период дореволюционная российская высшая школа и её профессорско-преподавательский состав были предметом рассмотрения и в западной историографии. Однако, учитывая то, что она, в отличие от отечественной, не носит такой дискретный характер, её не стоит делить на «советский» и «постсоветский» периоды. Для формирования более цельного представления о западной историографии изучаемого вопроса рассмотрим её ниже.

²⁹ Выходу монографии предшествовала публикация статьи А.Е. Иванова «Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: общественно-политический облик» (История СССР. 1990. № 5. С. 60–76), где эта тема раскрыта полнее.

Современная историография

Историографические тенденции редко строго – в хронологическом смысле – совпадают с политическими изменениями: они способны их как опережать, так и запаздывать от них. В отличие от публицистических работ, серьезные исторические исследования проводятся не один год, прежде чем быть подготовленными к печати и опубликованными. В силу этого для историографии переломных эпох часто типична некоторая инерционность.

Это утверждение относится и к российской историографии феномена отечественного университета 1990-х и, отчасти, 2000-х гг., которая сама уже стала предметом осмысления³⁰. От идеологических клише авторы избавились быстро, но круг проблем, которые становились предметом их внимания, подходы, а порой и выводы, были во многом унаследованы из прошлого³¹.

Создавались и позднее, безусловно, будут создаваться в дальнейшем работы, освещающие политическую историю университетов (см. исследования А.Е. Иванова, А.Л. Литвина, В.Л. Маркина, С.А. Некрылова, Е.А. Ростовцева, С.Ф. Фоминых, А.В. Шарова; заметим в скобках, что подавляющее большинство российских исследований склонны солидаризироваться с «прогрессивной» либеральной, оппозиционной правительству профессурой, оценочно, порой, не артикулируя это со всей очевидностью, занимая её сторону; крайне редкое исключение: Брачев В.С. «Дело» академика А.И. Соболевского: из истории самоуправления Санкт-Петербургского университета // *Terra Humana*. 2008.

³⁰ Лаптева Л.П. История российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе (1985–1999 годы) // *Российские университеты в XVIII–XX вв. Сборник научных трудов*. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 4–27; Сосницкий Д.А. Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии // *Клио*. 2017. № 10 (130). С. 207–217.

³¹ См., например, исследования: Вучинич А. Русская наука в эпоху кризиса: 1890–1910 гг. // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1993. № 3. С. 3–28; Змеев В.А. Университетский устав 1884 г. // *Социально-политический журнал*. 1998. № 6. С. 139–154; Романов Ю.В. Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // *Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99»*. История. М., 1999. С. 76–80; Яблоков С.А. Юридический факультет Московского университета после введения университетского Устава 1884 г. // *Вестник Московского университета: Серия 11, Право*. 2006. № 5. С. 113–126.

№ 4(9). С. 46–70)³², историю функционирования отдельных институтов университетской жизни (см., например, исследования Л.В. Головки, Т.И. Ереминой, Е.А. Загорулько, Н.В. Ильютченко, В.В. Суязова)³³, историю кафедр (см. исследования А.Ю. Дворниченко, Н.Ф. Козыренко, Н.В. Каледина)³⁴ или личностей (см. исследования А.В. Антощенко, М.А. Балышева,

³² См.: Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127; Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium. СПб, 2003. С. 202–212; Литвин А.Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб, 2003. С. 124–132; Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 213 с.; Ростовцев Е.А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX вв.: Сб. ст. М., 2009. С. 139–156; Шарова А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 18. С. 270–287; Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Неудобный властям профессор: как увольняли И.А. Малиновского из Императорского Томского университета // Часопис Національного університету «Острозька академія». Серія «Право». 2012. № 2 (6). Режим доступа: <http://lj.oa.edu.ua/articles/2012/n2/12fsfitu.pdf> (дата обращения 10.06.2017).

³³ Головки Л.В., Ильютченко Н.В. Профессорский дисциплинарный суд при Императорском Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2004. № 6. С. 94–110; Загорулько Е.А. Профессорские дисциплинарные суды в вузах Санкт-Петербурга (1907–1914 годы) // Избранные тезисы докладов III Студенческой социологической межвузовской конференции / Под ред. М.Р. Демин; редсовет: Д.А. Александров, М.Р. Демин, О.Ю. Кольцова и др. СПб, 2012. С. 28–30; Еремина Т.И. О порядке делопроизводства в университетских судах в отношении студентов (на примере Санкт-Петербургского и Казанского университетов) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сборник научных работ. Вып. 9–1. Курск, 2014. С. 57–63; Суязов В.В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской Империи // Вестник науки и образования / Bulletin of Science and Education. 2015. № 5 (7). С. 101–105.

³⁴ Козыренко Н.Ф. История альгологии на кафедре ботаники биолого-почвенного факультета // Вестник СПбГУ. Серия 3. 2005. Вып. 2. С. 62–70; Дворниченко А.Ю. Кафедра истории России с древнейших времен до начала XX века // Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета сегодня. К 80-летию основания Исторического факультета ЛГУ-СПбГУ. СПб, 2014. С. 29–37; Каледина Н.В. Общественная география в Санкт-Петербургском университете: истоки и этапы развития // Вестник СПбГУ. Серия 7. 2015. №1. С. 58–74; Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A. The department of Russian history at St. Petersburg university (1821–1917): A group portrait // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 46–56.

Е.С. Досекина, С.А. Меркулова, Э.Д. Фролова, Д.А. Цыганкова, И.В. Черказыяновой)³⁵.

На середину 1990-х гг. приходится возрождение традиции написания биографических словарей профессоров и преподавателей российских университетов. Как уже отмечалось выше, в зависимости от содержания подобных изданий, мы придаем им двоякое значение – относим либо к источникам (при преобладании информации справочного характера), либо к историографии. Так, примечательным историографическим фактом стало издание «Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917» (Томск, 1996). Каждая статья словаря представляет собой полноценное биографическое исследование, включающее не только сведения общего характера (годы жизни, место рождения и смерти, Alma Mater), но и, по возможности, данные о родителях и семье, подробный очерк научной деятельности, сведения об учителях и учениках, перечень основных сочинений.

С конца 1990-х гг. различными авторскими коллективами велась работа по созданию обзорно-обобщающих трудов по истории образования в России.

Книга, вышедшая под редакцией тогдашнего министра общего и профессионального образования В.Г. Кинелева³⁶, представляет собой первый в постсоветский период опыт систематического изложения истории высшего образования в дореволюционной России (непосредственно университетам посвящена лишь одна глава). Акцент в этом труде сделан на правительственную

³⁵ Фролов Э.Д. Немецкий профессор в русском университете: Эрнст Романович фон Штерн (1859–1924) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2001. № 3. С. 29–52; Цыганков Д.А. Профессор Московского университета В.И. Герье (1837–1919) // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 219–230; Черказыянова И.В. Александр Николаевич Шварц: окружение, восприятие, оценки // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2004. Вип. 7. С. 84–94; Балышев М.А. Профессор истории Михаил Васильевич Ключков. Документально-биографический очерк // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2005. № 2. С. 18–29; Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2008. 256 с.; Меркулов С.А. Профессор Томского университета Василий Васильевич Сапожников (1861–1924). Томск, 2012. 128 с.; Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель: монография. Самара, 2014. 116 с.; Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. 336 с.

³⁶ Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кинелева. М., 1995. 342 с.

политику в отношении высшей школы, вопросы организации учебного и воспитательного процессов, подготовку научно-педагогических кадров. Примерно тот же круг тем занимает московского профессора В.А. Змеева, посвятившего свою монографию³⁷ истории зарождения и развития отечественной высшей школы в имперский период.

Несомненную научную ценность представляют небольшие по объему, но весьма информативные исторические очерки саратовского исследователя А.И. Авруса³⁸. В отличие от двух выше упомянутых произведений, этот труд посвящен исключительно российским университетам, что делает его первой в отечественной историографии попыткой системного анализа университетской истории от зарождения до конца XX в. Автор приводит историографический обзор темы, выделяя три периода (дореволюционный, советский, постсоветский) в изучении университетской истории. В выстроенной по хронологическому принципу книге А.И. Авруса интересующему нас периоду посвящены разделы 3.2 «Новая попытка ограничения университетского самоуправления», 4.1 «Университеты накануне и в годы первой российской революции» и 4.2 «Между двумя революциями». На страницах этих разделов автор дает характеристику развития различных сторон университетской жизни под влиянием нового устава политических реалий начала XX в.

Несколько менее ценными с точки зрения информативности и новизны следует признать работы, написанные в жанре учебных пособий, хотя и в этом круге литературы встречаются исключения.

Наиболее оригинальным можно назвать курс лекций Т.Н. Жуковской «Университеты и университетские традиции в России». Вписывая отечественные университеты в контекст европейской образовательной традиции, Т.Н. Жуковская помимо таких привычных аспектов, как учебный процесс, система преподавания, ученые степени и пр., уделяет значительное внимание университетской повседневности XIX в. Предметом её изучения становятся университетские

³⁷ Змеев В.А. Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998. 242 с.

³⁸ Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М., 2001. 85 с.

праздники, университетский фольклор. Автор рисует образ университетского профессора с точки зрения социального и профессионального статуса, материального положения, поднимает тему «город и университет», обращается к анализу особенностей архитектуры университетских зданий³⁹.

В труде, созданном сотрудниками Московского государственного строительного университета на базе авторских курсов лекций, интересующему нас периоду посвящено чуть больше 20 страниц текста, на которых дается краткая характеристика организации учебного процесса после принятия нового университетского устава, а также приводят обзор университетской жизни с бытовой точки зрения и подчеркивают, что «вмешательство правительственных чиновников в академическую жизнь университетов вызывало возмущение профессуры и приводило, порою, к довольно острым конфликтам»⁴⁰.

Пожалуй, наименее удачными следует признать учебные пособия, написанные санкт-петербургской исследовательницей Н.К. Гуркиной в жанре учебных пособий⁴¹. Охватывающие колоссальный – тысячелетний – период истории отечественного образования, эти издания страдают чрезвычайной схематичностью в изложении исторического материала и фактическими ошибками, что уже было отмечено в историографической литературе⁴².

Особо следует отметить исследования, представляющие собой теоретическое осмысление университетского прошлого. Размышлениям об эволюции университетской идеи в Российской империи и о национальной модели отечественного университета посвящены труды А.Ю. Андреева (Московский

³⁹ Жуковская Т.Н. Университеты и университетские традиции в России: Курс лекций. Петрозаводск, 2011. 140 с.

⁴⁰ Очерки истории университетского образования / Под ред. Т.А. Молоковой М., 2011. С. 88;

⁴¹ Гуркина Н.К. История образования в России (X–XX века): Учебное пособие. СПб, 2001. 64 с.; Гуркина Н.К. История образовательных учреждений в России (X–XX века): Учебное пособие. СПб, 2012. 78 с.

⁴² Костина Т.В. Рецензия: Гуркина Н.К. История образовательных учреждений в России (X–XX века). СПб.: Полторак, 2012 // Историческая Экспертиза. 2014. № 1. С. 167–170.

университет) и С.И. Посохова (Харьковский университет). Часть их сочинений создана на материале XVIII – первой половины XIX в.⁴³

Значимым результатом совместных усилий представителей московской и харьковской исторических школ стала антология «Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века»⁴⁴. Еще до публикации антологии вышла важная статья А.Ю. Андреева, посвященная тому же вопросу⁴⁵, в которой была прослежена преемственность университетской идеи в России и её взаимосвязь с немецкой и – шире – европейской университетской традицией.

Проблеме соотношения отечественно и мирового университетского опыта посвящена программная статья А.Ю. Андреева «"Национальная модель" университетского образования: возникновение и развитие»⁴⁶. В центр своего исследования автор поместил понятие «университетская модель»; в это понятие он включает черты университетского устройства, принципы его функционирования, а также механизмы, обеспечивающие его распространение и взаимодействие с другими институтами в образовательном пространстве. Приняв классический немецкий университет за точку отсчета, А.Ю. Андреев предложил под «национальной моделью» понимать взаимодействие основных составляющих классической университетской идеи с государственной системой и политикой в области образования в той или иной стране. При обращении к рубежу XIX–XX вв. автор делает вывод о том, что на излете имперского периода российской истории именно дух корпоративности, внесенный в отечественные университеты еще из доклассической эпохи, превратил жизнь профессуры в борьбу группировок и политических партий. В целом, А.Ю. Андреев полагает, что для национальной

⁴³ Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001. 240 с.; Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. 640 с.; Андреев А.Ю., Посохов С.И. Университет в Российской Империи XVIII – первой половины XIX века. М., 2012. 671 с.

⁴⁴ Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века. Антология / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М., 2011. 527 с.

⁴⁵ Андреев А.Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М., 2009. С. 9–31.

⁴⁶ Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 156–169; № 2. С. 110–119.

модели российского дореволюционного университета было характерно смешение доклассических (средневековых) элементов с классическими (немецкими). К первым автор относит корпоративность, университетские привилегии; ко вторым - идеалы чистой науки. Эта мысль была зафиксирована и в более поздних его работах⁴⁷.

Заметим, что в первом десятилетии XXI в. развернулась дискуссия о российской национальной модели высшего образования.

Альтернативная позиция по отношению к трактовке А.Ю. Андреева была изложена в серии публикаций группы авторов во главе с профессором Е.В. Олесеюком⁴⁸. Авторы противопоставляют «русскую модель образования» западноевропейской, настаивая на том, что отечественная высшая школа прошла свой особый путь, принципиально отличающийся от западного и имеющий над ним значительное преимущество. Полагая, что позиция Е.В. Олесеюка и его коллег носит несколько изоляционистский характер, автор настоящего диссертационного исследования склонен солидаризироваться с точкой зрения А.Ю. Андреева.

Мы вполне признаем важность и нужность для исторической науки выше охарактеризованных изысканий. Однако, на наш взгляд, новые научные перспективы темы связаны с социальным поворотом изучения университетской истории.

«Беда» отечественной историографии состоит в том, вследствие традиционной для нашей страны централизации, «государствоцентричности»,

⁴⁷ Андреев А.Ю. Существовал ли «русский путь» развития университетов? // Высшее образование в России. 2008. № 7. С. 113–119; Андреев А.Ю. О «новом прочтении» истории российских университетов // Высшее образование в России. 2009. № 3. С. 156–169.

⁴⁸ Динес В.А., Олесеюк Е.В., Шулус А.А. Очерки по истории и теории отечественной высшей школы. Саратов, 2002; Олесеюк Е.В., Круглов Ю.Г., Дианова В.Ю., Насонкин В.В., Чистохвалов В.Н. Российская высшая школа (очерки истории): Учебное пособие. Кн. 1. Истоки и развитие до 1917 г. М., Таганка, 2005. 184 с.; Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В., Шулус А.А. Университетские уставы XIX века в свете национальной доктрины образования // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 35–47; Олесеюк Е.В. Сизов В.В., Круглов Ю.Г., Шулус А.А. Был ли «русский путь» развития университетов? // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 145–158; Динес В.А. Еще раз о национальных моделях образования и о новом прочтении исторических текстов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 6. С. 305–320.

университеты принято рассматривались как часть государственной машины и, исходя из этой установки, формулировать исследовательские задачи.

Однако, университет – это не только приводной ремень государственной образовательной, научной, кадровой политики, но и совокупность людей – людей во многом уникальных (в особенности для XIX в.), заметно отличающихся от основной части сограждан в ценностном, культурном, интеллектуальном отношении. Именно отсюда проистекает важность анализа феномена Университета в человеческом измерении.

Понимание этой важности было постепенно нащупано исследователями университетской истории, что наметило переход от преимущественного изучения функционирования отдельных элементов университетской системы к социальным, антропологическим и историко-культурным аспектам.

Немалое влияние на отечественных историков в этом отношении оказала немецкий исследователь Туде Маурер, недавно (в апреле 2017 г.) ушедшая из жизни. Её монография «Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte» («Преподаватели высшей школы в царской России. К изучению российской социальной истории и истории образования»)⁴⁹ стала весьма значительным событием в историографии отечественных университетов как социальных институтов.

В этой монографии Т. Маурер сфокусировала внимание на трёх аспектах: государственном статусе преподавателей; университетской карьере; вовлечении преподавателей в политические процессы. При этом тема взаимоотношений профессоров и преподавателей со студенчеством и городской средой не лежит в поле зрения исследователя. Необходимо отметить, что работа Т. Маурер была написана преимущественно на основе уже опубликованных источников и анализа имевшейся к тому времени исследовательской литературы. В качестве архивных источников автором привлекались только документы одиннадцати фондов РГИА, двух фондов ГАРФ, одного фонда ИАЭ и одного фонда рукописного отдела

⁴⁹ Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien, 1998. 959 s.

института русской литературы РАН. По большому счету, это не помешало Т. Маурер нарисовать интересную картину отдельных аспектов жизнедеятельности дореволюционного преподавательского сообщества (хотя очевидно, что без широкого использования богатого архивного материала по всем университетам исследование не могло получиться исчерпывающе полным). Весьма точным представляется авторское обозначение места университетских преподавателей в российском обществе «между чиновничеством и интеллигенцией».

Фактически, именно Т. Маурер предложила и российским исследователям сместить акценты при постижении истории российских университетов: с «изучения университетских уставов», на изучение людей и условий их деятельности.

В другой своей известной книге, представляющей собой сборник статей, ««Барометры» или «Маяки» общества?: Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов» Т. Маурер подчеркивает, что для неё как для исследователя университет не организация, а «общность, облик которой определяют обе образующие ее группы: обучающие и учащиеся»⁵⁰.

Подход Т. Маурер был принят многими русскоязычными историками, которые стали уделять больше внимания в своих исследованиях социальным аспектам бытования высшей школы. Это позволило украинскому исследователю С.И. Посохову в 2006 г. заявить: «Характерной для современной историографии истории университетов является тенденция перехода от социально-политической истории к культурной истории»⁵¹.

В российской историографии первой о необходимости создать коллективную биографию профессуры заявила В.С. Казакова⁵². В последующие

⁵⁰ Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015. С. 30.

⁵¹ Посохов С.І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії. Харків, 2006. С. 358.

⁵² Казакова В.С. Коллективная биография профессуры – новый путь в социальной истории русских университетов // Кlio. Журнал для ученых. 2001. № 1 (13). С. 254–258. Заметим, что идея коллективной биографии укладывалась в мировую исследовательскую повестку; несколькими годами ранее аналогичный вопрос ставился канадскими

годы наиболее продуктивно в этом направлении работала Е.А. Вишленкова и её коллеги. Важным итогом их трудов стала монография «Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов»⁵³, авторы которой подчеркивают: «Нас интересовал другой срез: как понимали себя университетские люди, каким языком себя описывали, как и на чем создавали свою общность». Интересным опытом создания коллективной биографии части профессоров, ранее слабо изучаемого Варшавского университета, стала монография украинского исследователя А.Ю. Баженовой, вышедшая в Польше сначала на русском, а позднее на польском языке⁵⁴.

Дадим краткий обзор актуальных и перспективных отечественных исследований университетского прошлого, осуществляемых в наши дни.

Внутрикорпоративные отношения преподавателей различных университетов сегодня плодотворно изучают А.В. Антощенко, Л.А. Бушуева (Сазонова), А.Н. Дмитриев, Е.А. Ростовцев⁵⁵.

Частным случаем анализа внутрикорпоративных отношений можно признать «университетскую конфликтологию» – работы, в которых через

исследователями; см.: Bruneau W. Toward a New Collective Biography: The University of British Columbia Professoriate, 1915–1945 // Canadian Journal of Education / Revue canadienne de l'éducation. 1994. Vol. 19. № 1. P. 65–79.

⁵³ Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. 386 с.

⁵⁴ Баженова А.Ю. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин, 2014. 408 с.; Bażenowa Anna. Historycy Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego 1869–1915: nauka i polityka. Lublin, 2016. 418 s.

⁵⁵ Антощенко А.В. История одной профессорской отставки // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. № 4. С. 234–274; Сазонова Л.А. Корпоративные отношения профессоров Казанского университета. Вторая половина XIX века // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 169–175; Бушуева Л.А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 36. С. 248–266; Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 308–315; Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/16d.html> (дата обращения: 06.06.2017).

характеристику конфликтных ситуаций, реконструируются отношения внутри преподавательской коллегии⁵⁶.

Безусловно, важным является поиск новых информационных возможностей источников по истории университетов и университетских корпораций⁵⁷.

Чрезвычайно интересным видится изучение академической мобильности в дореволюционной России. Санкт-Петербургский исследователь М.В. Лоскутова сделала важный шаг в этом направлении – на материале нескольких факультетов ИСПБУ и ИКУ, охватив 330 биографий профессоров, лекторов, приват-доцентов, лаборантов, хранителей кабинетов, служивших в 1850-е – 1890-е гг. «Анализ территориальной мобильности российских ученых и преподавателей XIX в. – подчеркивает автор – может стать первым шагом на пути к пониманию роли научных и образовательных институтов, “ученого сословия” в функционировании Российской империи как единого политического и культурного пространства»⁵⁸.

⁵⁶ Ермичев А.А. О том, как поссорились два ученых мужа. Очерк истории нравов университетской профессуры в России начала XX в. // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 124–134; Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка. Вып. 1. Омск, 2005. С. 256–260; Вишленкова Е.А. Память о конфликтах: особенности архива Казанского императорского университета / Е.А. Вишленкова // Эхо веков. 2008. № 2. С. 248–257; Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34. С. 215–235; Никифоров Ю.С. Коммуникативная культура российских историков конца XIX – начала XX в. Взаимодействие и конфликты в университетской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2014. № 48. С. 138–164; Fominykh S.F., Stepnov A.O. M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University // Bylye Gody. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 804–816.

⁵⁷ См., например: Желясков С., Левченко В. Метрические книги Александро-Невской церкви Императорского Новороссийского университета как источник биографических исследований его профессорско-преподавательского состава // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 11. Одесса, 2011. С. 22–34; Жарова Е.Ю. Издаваемые университетами «Обозрения преподавания наук» как исторический источник по истории высшего образования в дореволюционной России // Историческое обозрение. 2013. № 14. С. 68–73; Михальченко С.И. «Воспоминания» Е.В. Спекторского как источник по истории университетской жизни в годы Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 111–123; Киселева Ю.А. Ценности университетской культуры сквозь призму чувств (По воспоминаниям воспитанников и профессоров Императорского Харьковского университета) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2017. № 60. С. 111–127.

⁵⁸ Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследований // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII–XX в. М., 2009. С. 187.

К исследованию академической мобильности примыкает изучение научных связей ученых конца XIX – начала XX в.⁵⁹

Еще одно перспективное направление, уже в достаточной степени освоенное, но всё ещё имеющее возможности для расширения, связано с изучением диссертационной культуры в российских университетах рубежа XIX–XX вв. Любопытно заметить, как фокус исследователей, интересующихся данной тематикой, смещался от функционального анализа системы ученых степеней в 1990-е – 2000-е гг.⁶⁰ к социо-антропологическому анализу именно диссертационной культуры в 2010-е гг. В этом отношении особенно интересны работы, осуществленные учеными из разных стран, среди которых – Н.Н. Алеврас, В.П. Корзун, С.И. Посохов, Т. Сандерс⁶¹.

Пока не до конца исследованной представляется тема профессорской повседневности и досуга (в отличие от нашедшей большее количество заинтересованных авторов темы студенческого досуга), к которой обращалась

⁵⁹ См., например: Фукс Э. Влияние войны на международные научные связи // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 94–113.

⁶⁰ Мазалова Е.А. Ученые степени и подготовка преподавательских кадров в Санкт-Петербургском университете в XIX–XX вв. // История ученых степеней в России и Западной Европе (XII–XX вв.). Материалы научной конференции 14 февраля 1998 г. М., 1998. С. 43–46; Хартанович М.Ф. Присвоение ученых степеней в России во второй половине XIX в. // История ученых степеней в России и Западной Европе (XII – XX вв.). Материалы научной конференции 14 февраля 1998 г. М., 1998. С. 67–73; Якушев А.Н., Казначеев Д.А. Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени в Российской империи // Право и образование. 2006. № 3. С. 162–177; Якушев А.Н., Кононова С. Присуждение ученых степеней в университетах Российской империи (статистический анализ) // Высшее образование в России. 2006. № 3. С. 147–150; Шаршунов В.А. История создания государственной системы аттестации ученых и педагогов в Российской империи // Проблемы управления. 2007. № 3 (24). С. 74–91.

⁶¹ Посохов С.И. «Считаю для себя неприличным...»: Этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX – начала XX вв. // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2012. Вип. 11. С. 131–153; Сандерс Т. Третий оппонент: защита диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 161–192; Алеврас Н.Н. Диссертационная культура российских историков: Взгляд на проблему шесть лет спустя // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: Опыт и перспективы изучения. Челябинск. 2016. С. 4–18; Корзун В.П. О Соотношении понятий диссертационная культура и профессорская культура: Дефиниции как исследовательская опция // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: Опыт и перспективы изучения. Челябинск. 2016. С. 19–25.

Л.А. Бушуева⁶². Также обратим внимание на то, что перспективно выглядели, не получившие пока должного продолжения исследования сферы символичного в дореволюционном университете⁶³.

Нельзя не отметить новаторскую работу последних лет группы авторов из Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики под руководством А.В. Куприянова и М.Р. Демина, которая занимается исследованием отечественной дореволюционной высшей школы с применением компьютерной обработки больших данных («big data»), что позволяет генерировать данные по заданным параметрам. В частности, группой были проведены исследования кадровой динамики университетов Российской империи, сделаны подходы к изучению академической мобильности дореволюционных преподавателей через анализ big data⁶⁴.

Обращаясь к зарубежной историографии темы, заметим, что, на наш взгляд, к этому вопросу не стоит подходить формально, ориентируясь исключительно на государственные границы.

Прежде всего, к отдельной группе следует отнести работы польских, украинских и эстонских авторов как исследователей из тех стран, где ныне расположены некоторые университеты бывшей Российской империи. За редким исключением историки из этих государств обращаются к прошлому «своих»

⁶² Бушуева Л.А. Досуг университетских профессоров Казани конца XIX – начала XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 80–83.

⁶³ Вишленкова Е.А. Университетские ритуалы (на материалах Императорского Казанского университета) // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2004. Вип. 7. С. 4–14; Парфиненко А.Ю., Посохов С.И. Старые и новые символы университетов (на материалах Харьковского университета второй половины XIX – первой половины XX веков) // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы) // Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. Харьков, 2004. С. 236–248.

⁶⁴ Иванова Е. Что может дать единая база данных по профессуре дореволюционной России исследователям академической мобильности? // Социология в действии – 2014. Избранные материалы VI социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов / Отв. ред. М. Демин. СПб, 2014. С. 131–141; Иванова Е. Попытка построения каузальной модели кадровой динамики профессорско-преподавательского состава университетов дореволюционной России // Социология в действии – 2015. Избранные материалы VII социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов / Отв. ред. М. Демин. СПб, 2015. С. 118–136; Куприянов А.В. От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «Средние данные» и формальные подходы в истории науки // *Topos*. 2017. № 1–2. С. 111–137.

университетов – ИВУ, ИУСвВ, ИНУ, ИХУ и ИЮУ – и крайне редко предметом их исследований становятся университеты Российской империи в целом. Внутри названной группы заметно выделяется украинская историография как наиболее близкая российской (во всяком случае, до недавнего времени). Большинство сочинений украинских авторов на интересующую нас тематику написано на русском языке и ряд их уже характеризовался выше (см. упоминаемые работы А.Ю. Баженовой⁶⁵, М.А. Балышева, С.А. Желяскова, Ю.А. Киселевой, В.В. Левченко, С.И. Посохова и др.).

Что касается эстонской и в особенности польской историографии, то для неё типично несколько прохладное отношение к прошлому «русского университета». Не секрет, что на протяжении довольно долгого времени в польских исследованиях по истории высшего образования имперскому периоду университетской истории придавалось нередко периферийное значение.

Только с 1980-х гг. польские исследователи стали постепенно, а затем систематически включать ИВУ в историю науки и высшего образования Польши⁶⁶.

Хотя для современной польской историографии по-прежнему характерна достаточно обоснованная установка на то, что основной миссией Варшавского университета было осуществление русификаторской политики на западе Империи, всё больше и больше исследователей обращается к глубокому разностороннему анализу деятельности университета в Варшаве в тот период, когда он не был по-настоящему польским. В этой связи в первую очередь нужно отметить публикации И. Шиллер-Валицкой⁶⁷, особенно её монографию

⁶⁵ А.Ю. Баженову можно назвать украинско-польским исследователем; её основной исследовательский интерес связан с анализом профессионального сообщества ученых-историков ИВУ.

⁶⁶ *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915* / Red. S. Kieniewicz. Warszawa, 1981. 605 s.; *Historia nauki polskiej* / Red. B. Suchodolski. T. IV. 1863–1918. Cz. III. Wrocław, 1987. 1124 s.

⁶⁷ Schiller J. Profesorowie Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego wobec wydarzeń rewolucji 1905 roku // *Rozprawy z Dziejow Oswiaty*. 2008. T. XVII (XLII). S. 75–97; Schiller J. Aleksandr Lwowicz Błok (1852–1909) – portret niespełnionego człowieka i uczonego // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 2009. № 1. S. 11–33; Шиллер-Валицка И. Проекты реформы российских университетов конца XIX – начала XX века // *История и историческая память*. 2013.

«Universitas rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863–1917»⁶⁸, в которой автор выходит за рамки польской проблематики и обращается к вопросу соотношения замысла, который вкладывало российское правительство в Университет, и реалий второй половины XIX – начала XX в.

При этом заметим, что бóльшая часть польских работ по университетской истории касается развития тех или иных научных направлений в ИВУ и в меньшей степени затрагивает проблему профессуры как социальной группы.

Хорошим поводом к интенсификации исследований по истории ИВУ стало 200-летие университета. К юбилею среди прочих изданий, в том числе биографических словарей профессоров и преподавателей, вышла солидная коллективная монография «Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1816–1915» (История Варшавского университета. 1816–1915), которую следует признать не столько юбилейным сочинением информационно-рекламного характера, сколько серьезным обобщающим трудом по дореволюционной университетской истории⁶⁹. Интересующему нас периоду посвящены три главы книги. Две из них касаются науки и студенчества; а наибольший интерес представляет глава «Cesarski uniwersytet Warszawski: Między edukacją a polityką. 1869–1917» (Императорский Варшавский университет: Между образованием и политикой. 1869–1917).

Хотя авторы главы ожидаемо делают акцент на проблеме соотношения официозного русского университета и польских элементов, на попытках добиться преподавания на польском языке, осуществлявшимся отдельными профессорами, в целом, им удалось нарисовать сложную и неоднозначную картину университетской жизни второй половины XIX – начала XX в. Это позволяет констатировать, что современной польской исторической науке удастся уходить от стереотипов исключительно негативных оценок прошлого.

№ 7–8. С. 191–207.

⁶⁸ Schiller J. Universitas rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863–1917. Warszawa. 2008, 709 s.

⁶⁹ Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1816–1915 / Pod redakcją prof. dr hab. Wojciech Tygielski. Warszawa, 2016, 850 s.

Из современных эстонских исследователей университетской истории следует отметить Леа Леппик (Lea Leppik) и Сирье Тамул (Sirje Tamul).

Научный интерес Л. Леппик сфокусирован на вопросах социальной мобильности профессоров и преподавателей ИДУ/ИЮУ. Этому была посвящена её докторская диссертация и более поздние работы⁷⁰.

Исследовательские интересы С. Тамул несколько более разнообразны и сосредоточены на изучении студенческого корпуса ИЮУ, университетской благотворительности, влиянию Первой мировой войны на судьбу университета в Прибалтике⁷¹.

Что касается – назовем условно – «западной» историографии, то, как уже отмечалось выше, она в XX в. не носила такого дискретного характера, как историография отечественная, что позволяет рассмотреть её в качестве цельного явления.

Относительно систематически западноевропейские и американские исследователи стали обращаться к теме университета и интеллектуальных сообществ досоветской России только с 1960-х гг. Как раз на это десятилетие выпадает публикация ряда работ об истории русской «intelligentsia» – именно так, без попыток перевода используется это понятие в названии большинства из них⁷².

В конце десятилетия была предпринята плодотворная попытка дать обзор истории образования в России за всё время существования государственности.

⁷⁰ Leppik L. Tartu Ülikooli teenistujate sotsiaalne mobiilsus 1802–1918. Tartu, 2006. 308 l.; Leppik L. Social Mobility and Career Patterns of Estonian Intellectuals in the Russian Empire // Historical Social Research. 2008. № 33 (2). P. 42–62; Leppik L. Tartu ülikool ja meditsiiniteenuste turg 19 Sajandil // Eesti Tervisekaitse seltsi 54. konverentsi ettekannete kogumik. Tallinn, 2008. L. 28–29; Leppik L. Kalefaktoripojast professoriks. Tartu ülikooli teenistujate sotsiaalne mobiilsus 1802–1918. Tartu, 2011. 380 l.

⁷¹ Tamul S. Über die Studentenschaft der russifizierten Tartuer Universität (1883–1918) // Universitätsgeschichte in Osteuropa, Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. S. 102–111; Tamul S. Donatsioonid Tartu ülikoolile aastatel 1802–1918 // Ajalooline Ajakiri. 2002. S. 177–192; Tamul S. Die Bedeutung des Krieges für die Universität Jur'ev: Schließungsabsichten und Evakuierungsmaßnahmen (1915–1918) // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. Von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 223–238.

⁷² Wildman A.K. The Russian Intelligentsia of the 1890's // American Slavic and East European Review. 1960. Vol. 19. № 2. P. 157–179; Nahirny V. The Russian Intelligentsia: From Men of Ideas to Men of Convictions // Comparative Studies in Society and History. 1962. Vol. 4. № 4. P. 403–435; Putnam G. Aleksandr Blok and the Russian Intelligentsia // The Slavic and East European Journal. 1965. Vol. 9. № 1. P. 29–46.

Причем, советскому периоду посвящена только заключительная глава книги, а бóльшая её часть повествует о дореволюционной истории образования, в том числе университетского⁷³.

В изданиях разных лет российская дореволюционная высшая школа затрагивается в обобщающих работах по истории европейских университетов⁷⁴.

Что касается узкоспециальных работ, то заметим, что вплоть до недавнего времени в западной историографии непосредственно внутреннему развитию российских университетов уделялось слабое внимание; в основном университетские исследования вписывались в контекст общественно-политической истории имперской России. Как справедливо подмечено в историографической работе группы петербургских авторов, эта особенность объясняется тем, что для университетской истории Запада российская тема носит периферийный характер и зачастую является сферой интересов не историков образования, а специалистов по истории России в целом⁷⁵.

Несмотря на это, выходявшие с 1970-х гг. труды заслуживают внимания как транслировавшие нетипичный для отечественной историографии тех лет немарксистский подход.

Одним из первых исследований этого круга стала монография Джеймса Макклелланда «Самодержцы и ученые: Образование, общество и культура в царской России»⁷⁶. Автор, делая акцент на проблеме неравенства с точки зрения доступности образования в имперской России, приходит к выводу о том, что именно элитный характер университетов порождает феномен русской интеллигенции, оторванной от большинства общества по уровню образования и

⁷³ Johnson W.H.E. *Russia's Educational Heritage*. New York, Octagon, 1969. 351 p.

⁷⁴ The transformation of higher learning 1860–1930: expansion, diversification, social opening and professionalization in England, Germany, Russia and the United States / Ed. Jarausch K.H. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. 375 p.; Rüegg W. *History of the University in Europe*. Vol. III: Universities in the Nineteenth and early Twentieth Centuries (1800–1945). Cambridge, 1991. 752 p.; Anderson R.D. *European Universities from the Enlightenment to 1914*. Edinburgh, 2004, 348 p.

⁷⁵ Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.В., Сидорчук И.В. Академическая корпорация столичного университета в фокусе историографии // КЛИО. Журнал для ученых. 2012. № 7. С. 55.

⁷⁶ McClelland J.C. *Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia*. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 150 p.

образу жизни. С точки зрения нашего исследования, любопытны наблюдения Дж. Макклелланда о чертах профессорского самосознания, базовым элементом которого являлась, по его мнению, «мистика науки».

Примечательно, что в рассматриваемый период интерес западноевропейских и американских авторов в бóльшей степени фокусировался на студенческом движении в дореволюционной России⁷⁷. (Вероятно, не в последнюю очередь это было связано с актуальностью студенческого вопроса для западного общества 1960-х – 1970-х гг.). В целом авторы сходились на том, что образовательные учреждения Российской империи являлись средой формирования оппозиционных настроений, вплоть до революционного радикализма.

Наиболее важной англоязычной книгой 1980-х гг., специально посвященной русскому университету, стала солидная монография профессора Тринити-колледж (Коннектикут, США) Самуэля Кассоу (Кассова) «Students, Professors, and the State in Tsarist Russia» («Студенчество, профессура и государство в царской России»)⁷⁸, сфокусированная на проблеме отношений университета и правительства в начале XX в. Анализируя эволюцию взаимодействий университетского сообщества с властями в период студенческих волнений между 1899 и 1911 г., автор наглядно показывает процесс политизации профессуры. Важно, что С. Кассоу опирается не только на материал столичных университетов, но довольно широко привлекает данные по истории ИУСвВ, ИНУ, ИХУ.

В 1990-е – 2000-е гг. западная историография сохранила свой интерес к проблеме взаимоотношений университета (в лице ученого сообщества и студенчества) и русского общества⁷⁹. В монографии П. Конечного «Builders and

⁷⁷ См. работы: Brower D. Reformers and Rebels: Education in Tsarist Russia // History of Education Quarterly. 1970. Vol. 10. № 1. P. 127–136; Johnson P.W Taming Student Radicalism: The Educational Policy of I.D. Delianov // Russian Review. 1974. Vol. 33. № 3. P. 259–268; Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tharist Russia. Ithaca. London, 1975. 248 p.

⁷⁸ Kassow S.D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley and Los Angeles, 1989. 438 p.

⁷⁹ Morrissey S.K. Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. 304 p.; Konecny P. Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal, 1999. 358 p.

Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941», несмотря на название, первая глава посвящена предреволюционному периоду; из неё можно почерпнуть знания о повседневной жизни столичных студентов, в том числе, о взаимоотношениях с преподавателями.

Для нашего исследования важен взгляд на историю российских университетов, представленный в сочинении Д. Вартенвейлера «*Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914*»⁸⁰. Его труд – это попытка объединить интеллектуальную и социальную историю позднимперской России. На материале двух крупнейших университетов – ИСПБУ и ИМУ – автор изучает участие либеральной университетской профессуры в создании гражданского общества в России начала XX в., а точнее – усилия академического сообщества воплотить на практике идеи гражданского общества через образовательные проекты. Д. Вартенвейлер исходит из того что либеральные профессора в своей деятельности преследовали две цели: как профессионалы – сохранение университета в качестве центра чистой науки, а как граждане – усиление независимости подданных от монархического государства. Причем эти две цели часто противоречили друг другу.

Книга Д. Вартенвейлера вызвала интерес специалистов, что отразилось в серии в основном благожелательных рецензий⁸¹.

Качественно новый подход к изучению университетской истории России в европейской историографии связан с исследованиями Т. Маурер, о которых уже велась речь выше.

Западноевропейские и американские авторы транслируют взгляд на прошлое российских университетов со стороны, так как при этом они не пишут

⁸⁰ Wartenweiler D. *Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914*. Oxford, 1999. XII, 252 p.

⁸¹ Stockdale M.K. *Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914* by David Wartenweiler [Review] // *Russian History*. 2000. Vol. 27. № 3. P. 348–350; Hickey M.C. *Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914* by David Wartenweiler [Review] // *History of Education Quarterly*. 2000. Vol. 40. № 4. P. 483–485; Kassow S.D. *Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914* by David Wartenweiler [Review] // *The American Historical Review*. 2001. Vol. 106. № 2. P. 683–684; Balzer H. *Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914* by David Wartenweiler [Review] // *The Russian Review*. 2004. Vol. 63. № 1. P. 166–167.

историю «своей» Alma Mater; несомненно то, что иметь такой взгляд чрезвычайно важно для формирования объективной исторической оценки.

Завершая историографический обзор, отдельно отметим, что к настоящему времени написаны и защищены диссертационные исследования по истории дореволюционной профессуры четырех из одиннадцати университетов: ИТУ (С.А. Некрылов, 1999 г., кандидатская диссертация), ИМУ (Н.Н. Никс, 2004 г., кандидатская диссертация), ИКУ (Л.А. Сазонова, 2009 г., кандидатская диссертация) и ИСПБУ (Е.А. Ростовцев, 2017 г., докторская диссертация).

Подчеркнем, что фокус этих четырех диссертаций был довольно различным.

Так, С.А. Некрылов предметом своего исследования избрал собственно профессорско-преподавательский корпус первого в Азиатской части России университета, включая его социальную характеристику, образовательную, научную, общественную деятельность⁸². Л.А. Сазонова сфокусировала внимание на истории повседневной жизни казанской профессуры, не обходя стороной социальную характеристику профессорской корпорации и корпоративные отношения⁸³. Диссертация Н.Н. Никс, в отличие от трех выше названных диссертаций, посвящена профессуре не одного университета, а крупнейшего города – Москвы – с акцентом на социокультурный аспект⁸⁴. Е.А. Ростовцев, вынесший в название диссертации сам столичный университет, все-таки преимущественно посвящает её преподавательской и студенческой корпорациям ИСПБУ, не затрагивая, в отличие от С.А. Некрылова, научной деятельности профессуры⁸⁵.

⁸² Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 300 с.

⁸³ Сазонова Л.А. Повседневность университетского профессора Казани 1863–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 217 с.

⁸⁴ Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX вв. Социокультурный аспект. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 372 с.

⁸⁵ Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017. Т. 1. 429 с.; Т. 2. 517 с.

Учитывая, что диссертация (и почти одноименная монография⁸⁶) Е.А. Ростовцева является наиболее свежим фактом историографии, и то, что это первая докторская диссертация по близкой к настоящему исследованию тематике, уделим её характеристике больше внимания.

Е.А. Ростовцев поставил задачу вписать Санкт-Петербургский университет в социально-политическую историю России последних десятилетий существования империи. При этом главным объектом анализа Е.А. Ростовцев избирает университетскую корпорацию, понимаемую как совокупность профессуры, «младших» преподавателей и студенчества. Нельзя не отметить новаторство такого подхода, поскольку традиционным для отечественной историографии является рассмотрение преподавательского и студенческого сообществ в отдельности.

Любопытным представляется структура работы: она состоит из двух частей, причем если первые семь глав, формирующие первую часть, выстроены по проблемному принципу, то три заключительных главы, вошедшие во вторую часть – по хронологическому.

Значительное место в работе занимает анализ проблемы университетской автономии. И, хотя эта тема, с разных сторон, уже многократно поднималась в исторических и историко-философских исследованиях, нам представляется важным вывод Е.А. Ростовцева, что фактическая автономия университетов была несравненно больше формальной, оговоренной уставом 1884 г. и последующими нормативными актами.

В силу специфики изучаемого периода Е.А. Ростовцев большое внимание уделяет теме «Университет и Власть», подчеркивая, что Санкт-Петербургский университет глубже других вузов был вовлечен в социально-политические процессы. При этом можно согласиться с мыслью Е.А. Ростовцева о том, что внимание к политическим вопросам и участие в политической борьбе для большинства профессоров имело в своей основе не столько желание

⁸⁶ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. 903 с.

непосредственного участия во власти, сколько стремление посредством политических инструментов обеспечить свои академические и корпоративные интересы.

Большим достоинством работы в той её части, которая посвящена характеристике преподавательского состава ИСПБУ, является дифференциация по факультетам с целью определения специфики разных преподавательских групп, вытекающей из специальности или представляемой отрасли научного знания. Такой подход позволил автору выделить преподавателей физико-математического факультета с точки зрения их особо заметного вклада в науку; преподавателей юридического факультета – с точки зрения их большей вовлеченности в социальные и политические процессы, а преподавательский корпус восточного факультета – как самый стабильный по своему составу среди других факультетов. Е.А. Ростовцев приходит к выводу о существовании внутри университетского сообщества нескольких корпоративных укладов. Несмотря на то, что диссертационное исследование Е.А. Ростовцева посвящено истории только одного университета, можно утверждать, что автор сумел нарисовать широкое полотно университетской жизни России рубежа XIX–XX вв. и открыл путь для дальнейшего изучения университетской истории.

Диссертационные работы, написанные нашими предшественниками, внимательно нами изучались и, при необходимости, использовались (в большей степени – труды С.А. Некрылова и Е.А. Ростовцева) как важная исследовательская литература по теме настоящей диссертации.

Итак, проведенный историографический анализ наглядно показывает, что в настоящее время российская историография отечественного дореволюционного университета и его профессорско-преподавательской корпорации весьма активно развивается, находя новые перспективные ниши. К ней примыкают научные работы исследователей из других стран – в первую очередь тех, на территории которых ныне расположены некоторые университеты бывшей Российской империи. В этом отношении отметим продуктивность украинских исследователей (в особенности – харьковских) и в несколько меньшей степени – польских и

эстонских, для которых типично прохладное отношение к прошлому «русского университета».

В последние десятилетия в отечественной исторической науке (вслед за европейской и американской) все большую востребованность приобретает социальная история. Широкое использование в истории социальных подходов позволяет увеличить познавательные возможности исторической науки, поэтому сегодня исследователи с охотой обращаются к анализу различных социальных групп, рассчитывая с новых ракурсов рассмотреть прошлое. В центре таких исследований – люди, и этот подход, несомненно, успешно применяется и для изучения истории высшего образования.

Сделав обзор отечественной и зарубежной историографии, обратимся к выбору методологических подходов, которые позволят решить поставленные во Введении задачи.

1.2. Источниковая база исследования

Охарактеризованные выше исследования были проведены авторами с привлечением разнообразных источников. Однако, формирование источниковой базы по той или иной исторической проблематике – это перманентный процесс, так как при углублении исследовательской работы обнаруживаются наряду с очевидными всё новые и новые нетривиальные источники информации об университетском прошлом.

Можно согласиться с мнением авторов монографии «Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов», которые заметили, что современному исследователю дореволюционной профессуры уже недостаточно университетских архивов, чтобы в полной мере зафиксировать все «ипостаси или поприща русского профессора»⁸⁷.

⁸⁷ Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 11.

Действительно, если ставить задачу не только охарактеризовать научную и образовательную деятельность профессоров и преподавателей, а — реконструировать университетское сообщество как социальный феномен с выявлением аспектов профессиональной идентичности представителей профессорско-преподавательского корпуса, то, очевидно, что возможной такая реконструкция становится лишь при привлечении самого широкого спектра исторических документов исследуемой эпохи, что мы и постарались реализовать.

Вместе с тем нельзя не признать, что наиболее полная концентрация неопубликованных документов по университетской истории сосредоточена в архивах.

Прежде чем предложить видовую классификацию как опубликованных, так и неопубликованных источников, дадим общую характеристику имеющейся в настоящее время архивной базы по истории профессорско-преподавательского корпуса российских университетов рубежа XIX–XX вв.

Поскольку большинство университетов дореволюционной России располагалось в европейской части страны, после распада Российской империи, а позднее и Советского Союза, важнейшие источники по истории половины университетов оказались в архивах, находящихся на заграничной по отношению к Российской Федерации территории. Отечественному исследователю, занимающемуся указанной тематикой, помимо федеральных и региональных российских архивов необходимо охватить и архивные учреждения Украины, Эстонии и Польши.

Важнейшие документы по теме сосредоточены в двух федеральных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). В последнем, в частности, находится фонд Министерства народного просвещения (Ф. 733). Наибольшую ценность здесь представляют дела разряда ученых учреждений и высших учебных заведений, включенные в описи 149–156. В центральных архивах встречаются дела, содержащие обзорную информацию по всем университетам. Например, о

введении нового устава⁸⁸, работе профессорского дисциплинарного суда⁸⁹, выборах профессоров в члены Государственной думы и Государственного совета⁹⁰, студенческих беспорядках в университетах⁹¹, материальном положении преподавателей⁹², размере гонорара⁹³. В этом же архиве хранится и переписка МНП с попечителями учебных округов, по которой можно судить о механизмах управления высшей школой, реакции с мест на те или иные министерские решения.

В ГАРФ хранится обширный фонд Департамента полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102), где сосредоточены сведения о политических пристрастиях профессоров и преподавателей, материалы агентурного наблюдения за участниками оппозиционных движений, досье на «неблагонадежных» представителей преподавательской корпорации.

В региональных российских, а также в центральных и местных украинских, польских и эстонских архивах исследователя, в первую очередь, привлекут фонды самих университетов и попечителей учебных округов. Несомненный интерес представляют фонды «силовых структур» рассматриваемого периода (губернских жандармских управлений, управлений полицмейстера). Кроме того, важная информация по интересующему нас вопросу обнаруживается в фондах губернаторов или губернских канцелярий.

Фонд Санкт-Петербургского университета сосредоточен в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 14), Московского университета – в Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГАМ. Ф. 418), Казанского университета – в Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ. Ф. 977), Новороссийского университета – в Государственном архиве Одесской области (ГАОО. Ф. 45), Харьковского университета – в Государственном архиве Харьковской области (ГАХО. Ф. 667),

⁸⁸ РГИА. Оп. 149. Д. 882, 883.

⁸⁹ РГИА. Оп. 154. Д. 190, 735; Оп. 155. Д. 18, 629.

⁹⁰ РГИА. Оп. 154. Д. 217; Оп. 155. Д. 246, 529.

⁹¹ РГИА. Оп. 150. Д. 37, 560, 561, 659.

⁹² РГИА. Оп. 156. Д. 338.

⁹³ РГИА. Оп. 150. Д. 188; Оп. 155. Д. 603.

университета Святого Владимира – в Государственном архиве города Киева (ГАК. Ф. 16), Варшавского университета – в Государственном архиве в Варшаве / Archiwum Państwowe w Warszawie (APW. Z. 214) и Государственном архиве Ростовской области (ГАРО. Ф. 527 «Донской университет. 1915–1919 гг.»), Дерптского (Юрьевского) университета – в Историческом архиве Эстонии (ИАЭ. Ф. 402), Томского университета – в Государственном архиве Томской области (ГАТО. Ф. 102), Саратовского университета – в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО. Ф. 393), Пермского университета – в Государственном архиве Пермского края (ГАПК. Ф. Р-180).

Фонды университетов, даже если брать во внимание только дела, относящиеся к рассматриваемому периоду, весьма объемны; они, как правило, насчитывают десятки тысяч дел. Исключение составляют фонды самых молодых университетов – Саратовского (3529 единиц хранения за период с 1909 по 1925 гг.) и Пермского (для рассматриваемой темы представляют интерес несколько сотен дел из описей 1–2, относящихся к 1916–1917 гг.). Невелик состав фонда Варшавского университета, сократившийся в период эвакуации в Ростов-на-Дону, и Харьковского университета, сильно пострадавший в годы Великой Отечественной войны.

Документация учебных округов тоже расплелена по нескольким архивам, расположенным в городах, где находилась столица соответствующего округа. Фонд Санкт-Петербургского учебного округа находится в ЦГИА СПб (Ф. 139), Московского – в ЦИАМ (Ф. 459), Казанского – в НАРТ (Ф. 92), Одесского – в ГАОО (Ф. 42), Киевского – в Центральном государственном историческом архиве Украины (ЦГИАУ. Ф. 707), Дерптского (Рижского) – в ИАЭ (Ф. 384), Западно-Сибирского – в ГАТО (Ф. 126).

В подчинении каждого из попечителей находился один университет. Исключение представлял Казанский учебный округ, который охватывал и Саратовскую губернию, поэтому с образованием в 1909 г. Николаевского университета он оказался в ведении попечителя этого учебного округа. Особняком стоял Пермский университет, располагавшийся на территории

Оренбургского учебного округа, но основанный в качестве отделения Петроградского университета, имел столичное подчинение. Выделение же отделения Петроградского университета в самостоятельный Пермский университет в июле 1917 г. совпало с ликвидацией окружного управления высшей школой.

Содержимое фондов попечителей для рассматриваемого периода представляет особый интерес, поскольку в соответствии с уставом 1884 г. эти чиновники стали выполнять функции надзора и косвенного (а порой и непосредственного) управления университетами, так как ряд важнейших вопросов университетской жизни был отнесен к ведению попечителей.

Документы, отложившиеся в фондах местных (губернских и городских) отделений «силовых структур» дореволюционной России (в ГАПК – Ф. 162 «Пермское губернское жандармское управление Министерства внутренних дел», в ГАХО – Ф. 52 «Управление полицмейстера г. Харькова», в НАРТ – Ф. 199 «Казанское губернское жандармское управление», в ЦГИАУ – Ф. 268 «Южное районное охранное отделение», Ф. 274 «Киевское губернское жандармское управление», Ф. 275 «Киевское охранное отделение», Ф. 304 «Харьковское охранное отделение», Ф. 385 «Жандармское управление г. Одессы», Ф. 705 «Юго-восточное охранное отделение», в ГАСО – Ф. 53 «Саратовское губернское жандармское управление», в АРВ – Z. 31 «Warszawski oberpolicmajstra» / «Варшавский обер-полицмейстер» и Z. 1160 «Warszawski gubernialny zarzadzandarmerii» / «Варшавское губернское жандармское управление») содержат немало информации, полезной для анализа общественно-политических настроений в профессорско-преподавательской среде.

В этом же отношении важны фонды губернских канцелярий (например, НАРТ. Ф. 1 «Канцелярия Казанского губернатора», ГАХО. Ф. 3 «Канцелярия Харьковского губернатора»), где оседали сведения о политической активности членов преподавательского корпуса.

Документы, отложившиеся в государственных архивах России, Украины, Эстонии и Польши, содержат информацию о разнообразных сторонах

жизнедеятельности профессоров и преподавателей российских университетов рубежа XIX–XX вв. Довольно полно они освещают профессиональную деятельность, общественно-политические настроения профессоров и преподавателей, их материальное положение; гораздо хуже – быт и внутрикорпоративные отношения. Важным свойством этих архивных документов является достаточно равномерный охват всех университетов за рассматриваемый период. Однако при анализе соотношения архивного материала, касающегося, с одной стороны профессоров, а с другой – «младших преподавателей» (лекторов, приват-доцентов) бросается в глаза явное преобладание документов о профессуре.

При всём богатстве фондов государственных архивов, необходимо иметь в виду, что часть ценного материала по теме сосредоточена также в архивах самих университетов, музеях истории университетов, Архиве Российской академии наук, где хранятся личные фонды членов Петербургской академии наук, многие из которых преподавали в российских вузах. Однако в целом можно констатировать, что документы, хранящиеся в РГИА, ГАРФ, ГАК, ГАОО, ГАПК, ГАТО, ГАХО, НАРТ, ЦИАМ, ЦГИА СПб, ГАСО, ИАЭ, АРШ, незаменимы при исследовании сложного феномена отечественного университетского профессорско-преподавательского корпуса конца XIX – начала XX в.

В силу наличия исследовательского интереса к университетской истории, а также государственного характера системы университетского образования, довольно многие документы, имеющие прямое или косвенное отношение и истории дореволюционного университетского профессорско-преподавательского корпуса, опубликованы, причем как собственно в рассматриваемый период, так и в позднейшие годы – уже в качестве исторических источников.

Предложим видовую классификацию как опубликованных, так и неопубликованных источников.

Нормативные документы

Без привлечения законов и других нормативных актов было бы невозможно обоснованно судить о политике, проводимой государством в отношении университетов вообще и профессорско-преподавательского корпуса, в частности.

Основополагающую роль в этом смысле играли университетские уставы: общий – 1884 г. и продолжавшие действовать в рассматриваемый период уставы Варшавского и Дерптского (Юрьевского) университетов.

Нормативные акты, регламентировавшие жизнь высшей школы, публиковались как в общих («Полное собрание законов Российской империи»), так и в специальных («Сборник постановлений по Министерству народного просвещения») изданиях, а также дублировались в разделе «Правительственные распоряжения» «Журнала министерства народного просвещения». В этом же раздел «Журнала...» публиковались министерские распоряжения о назначении, перемещении профессоров и приват-доцентов, что позволяет проследить академическую мобильность университетских преподавателей.

В том случае, если действовавшие в рассматриваемый период законы, принимались ранее, возникала необходимость обращаться к соответствующим источникам⁹⁴.

Делопроизводственная документация

Под делопроизводственными документами принято понимать комплекс документации, образующейся в результате деятельности какого бы то ни было органа управления.

Разделим делопроизводственную документацию по интересующей нас теме на ту, что создавалась внешними по отношению к университетам органами и должностными лицами (министерством народного просвещения, министерством внутренних дел, попечителями учебных округов, губернскими чиновниками) и собственно университетскую.

Первая подгруппа документации представлена официальной перепиской университетов с попечителями учебных округов, попечителей – с Министерством народного просвещения, перепиской по линии Министерства внутренних дел; отчетами (в том числе ежегодными «Всепогодданнейшими отчетами министра народного просвещения»), циркулярами, справками, положениями, протоколами,

⁹⁴ Например, уставы о гражданской службе, изданные в «Своде законов Российской империи» (СПб, 1876. Т. III).

рапортами, прошениями, донесениями, материалами совещаний по университетскому вопросу.

Большая часть подобных документов не издана и содержится в вышеназванных архивных фондах. В фондах попечителей учебных округов особый интерес представляет именно переписка. Поскольку, по действовавшему уставу, университеты не имели права непосредственного сношения с министерством, попечители стали посредниками между МНП и университетами, поэтому в делах этих фондов обнаруживается интереснейший материал, отражающий то, как, например, о своих нуждах писали попечителю университеты и то, как такие запросы трансформировались при переправлении в МНП.

Как уже отмечалось, документы, отложившиеся в фондах местных отделений «силовых структур» (губернских жандармских управлений, охранных отделений, управлений полицмейстера), содержат важнейшую информацию, незаменимую для анализа общественно-политических настроений представителей профессорско-преподавательского корпуса. Общественно-политический облик преподавателя был предметом контроля со стороны министерств народного просвещения и внутренних дел. Во многом, именно благодаря этому вниманию сегодня исследователям доступен отложившийся преимущественно в архивах богатый материал, помогающий пролить свет на мировоззрение и политическую активность профессоров и приват-доцентов университетов. Интересующая нас информация сосредоточена в агентурных записках, справках, рапортах, донесениях, отчетах, разнообразной переписке по линии двух названных министерств, затрагивавшей вопросы политической благонадежности университетских преподавателей.

В частности, в ГАРФ нами были выявлены справки на 125 профессоров и приват-доцентов московских вузов, проходивших по делам Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве. Эти справки были составлены в январе 1911 г.; их адресатом был директор Департамента полиции Н.П. Зуев⁹⁵.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342.

Помимо этого, известны обширные списки со систематизированными сведениями об умонастроениях и политической активности профессуры ряда университетов⁹⁶.

Отдавая должное информативности документов, исходивших от «силовых ведомств», необходимо соблюдать критичное отношение к ним. В силу профессиональных особенностей, чины таких инстанций, как полиция, жандармские управления, охранные отделения были склонны преувеличивать оппозиционность университетских преподавателей и обнаруживать её там, где на неё имелись лишь бездоказательные намёки. Именно поэтому сведения в подобного рода документах порой противоречивы и нуждаются в перепроверке и подкреплении данными из иных источников.

Говоря об университетской делопроизводственной документации, подчеркнем то, что первоочередную важность для настоящего исследования представляют «Годичные акты», «Отчеты о состоянии [и деятельности]» императорских университетов, а также – протоколы заседаний университетских и факультетских советов. О том, как вырабатывалось коллективное мнение университетских корпораций, можно судить по докладам, запискам, рапортам советских комиссий по разным вопросам⁹⁷.

⁹⁶ «Список личного состава администрации и профессоров С.-Петербургского университета с указанием кратких сведений о их прежней деятельности», 1899 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 2 – 31 об.). Аналогичный список со сведениями о преподавателях ИМУ (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 33–50). «Список левых профессоров и приват-доцентов Новороссийского университета», 1906 г. (ЦГИАУ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 543. Л. 39 – 39 об.). «Список профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (принадлежащих к политическим партиям, обществам и союзам за период 1902–1908 гг.)», 1908 г. (НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 200. Л. 1 – 8 об.). Агентурная записка от 9 января 1911 г. со сведениями о 27 профессорах и приват-доцентах ИМУ, «принадлежащих к левым партиям» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177).

⁹⁷ См., например: Доклад комиссии, назначенной Советом Императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы, предложенные г. Министром Народного Просвещения об изменении в уставе и правилах университетов. СПб, 1901 г. 69 с.; Ответы Совета Императорского Казанского университета на предложенные Господином Министром Народного Просвещения вопросы, касающиеся устройства университетов. Казань, 1901. 45 с.; Записка Совета Императорского Харьковского Университета по вопросу об условиях, при которых возможно достижение нормального течения университетской жизни. Харьков, 1905. 8 с.

К этой же группе источников отнесем и «Отчеты» различных учреждений, созданных как при университетах, так и вне их, и отражавших деятельность университетских профессоров и преподавателей⁹⁸.

Документальные издания

В известном смысле в категорию «документальные издания» могут быть включены охарактеризованные выше «Доклады», «Записки», «Отчеты» как письменные источники, напечатанные в пределах рассматриваемого периода, но не в интересах исторической науки, а с текущими информационными целями. Особый и очень важный вид источников – изданные, как правило, позднее, за пределами рассматриваемого периода, сборники исторических документов. Первые подобного рода документальные публикации относятся еще к концу XIX в.⁹⁹ Однако систематически сборники документов по университетской, а значит и профессорской, истории стали выпускаться с 1960-х гг. и продолжают публиковаться в наши дни¹⁰⁰. Такие издания, как правило, снабжены профессиональными комментариями и прочим справочным аппаратом, что делает их незаменимым помощником в работах исследователя.

Справочные издания

Издания справочного характера также следует разделить на две больших подкатегории.

⁹⁸ Например: Отчет о состоянии Варшавских высших женских курсов за 1912–1913 акад. год (4-й год существования). Варшава, 1914. 169 с.; Отчет о состоянии лазарета Императорского Харьковского университета для раненых воинов со дня его открытия 26 октября 1914 года по 1-е января 1915 года. Харьков, 1915. 40 с.

⁹⁹ Будилович А.С. Юрьевский университет. Несколько документальных справок по содержанию к ответу бывшего ректора Дерптского университета ректору Юрьевского университета // Рижский вестник. 1897. № 93. 23 апреля.

¹⁰⁰ См., например: Материалы по истории Ленинградского университета. 1819–1917. Обзор архивных документов / Сост.: Горфункель А.Х., Никулина А.А., Семенов С.Н. Л., 1961. 124 с.; Alma Mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917–1920. Матеріали, документи, спогади. У 3 кн. / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. Київ, 2000. Кн. 1. Університет Св. Володимира між двома революціями. 702 с.; Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Сборник документов / Отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб, 2007. 341 с.; Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Науч. ред. М.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. 372 с.

К первой мы относим те издания, которые выпускались с информационными целями в рассматриваемый период. Это различные календари¹⁰¹, указатели¹⁰², памятные книжки¹⁰³, списки¹⁰⁴, справочники¹⁰⁵, статистические издания¹⁰⁶. С точки зрения исследуемой темы такие источники важны тем, что содержат сведения о месте проживания, семейном положении профессоров ряда университетов, отдельные биографические данные о них. Помимо этого, такие справочные издания, как путеводители, дают представления об инфраструктуре и стоимости жизни в университетских городах, а также содержат информацию о профессорах университетов, имевших врачебную практику, что позволяет реконструировать их внеуниверситетскую профессиональную активность.

Остановимся подробнее на характеристике таких источников, как списки лиц, служащих по ведомству МНП или в том или ином университете.

¹⁰¹ См., например: Адрес-календарь Одесского градоначальника на 1889 год. Одесса, 1888. 479 с.

¹⁰² См., например: Алфавитный указатель жителей С.-Петербурга, Гатчины, Красного Села, Кронштадта, Ораниенбаума, Павловска, Петергофа и Царского Села; Список улиц, домов и их владельцев на 1913 год. СПб, 1913. 895 с.

¹⁰³ См., например: Памятная книжка Варшавской губернии на 1894 г. Варшава, 1894. 330 с.; Памятная книжка Варшавской губернии на 1913 г. Отдел первый. Варшава, 1913. 512 с.; Памятная книжка Одесского учебного округа на 1913–1914 учебный год. Одесса, 1914. 499 с.

¹⁰⁴ См., например: Список лицам, служащим в императорском Университете Святого Владимира (по 1 января 1894 г.). Киев, 1894. 113 с.; Члены 2-ой Государственной Думы: Биографии. Сравнительная характеристика членов 1-ой и 2-ой думы. Алфавитный указатель. СПб, 1907. 124 с.

¹⁰⁵ См., например: Путеводитель по Киеву / Ред. В.Д. Бублик. Киев, 1894. 288 с.; Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Ред. Н.П. Загоскин, Казань, 1895. 805 с.; Путеводитель по Одессе / Изд. Ю. Сандомирского. Одесса, 1901. 284 с.; Путеводитель и Справочная книжка по Юрьеву и Юрьевскому университету / Ред. Д.К. Зеленин. Юрьев, 1909. 109 с.; Вся Казань. Справочная книга на 1910 год. Казань, 1910. 422 с.; Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе с приложением / Сост. Г.Г. Москвич. Одесса, 1914. 224 с.; Настольная справочная книга учащихся в высших учебных заведениях и путеводитель по г. Юрьеву / Совс. А.П. Тюрморезов. Юрьев, 1915. VIII, 305 с. и ил.

¹⁰⁶ См., например: Временник центрального статистического комитета. Выпуск 1. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские / Сост. А. Дубровский. СПб, 1888. 110 с. + 35 с.; Петроград. Статистические данные, относящиеся к городу Петрограду и Петроградскому городскому хозяйству (В диаграммах). Пг, 1916. 56 с.; Свод статистических данных по гор. Петрограду за 1916 год. Пг, 1917. 60 с.; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг, 1917. 673 с.

«Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения» (с середины 1890-х гг. название сменилось на «Список лиц, служащих...») был ежегодным официальным изданием МНП. Информационная ценность данного источника определяется тем, что на каждого штатного университетского преподавателя в нем содержится информация о занимаемой должности, чине, знаках отличия (наградах), размере содержания, времени начала службы по ведомству МНП, времени начала службы в текущем чине, времени начала службы в текущей должности и время получения последней награды.

С 1902 г. «Списки...» становятся заметно более информативными. Наряду с прежними графами появляются графы, в которых приводятся сведения о годе рождения, вероисповедании, происхождении, месте получения высшего образования («место воспитания»), имущественном состоянии, семейном положении, детях профессоров и преподавателей.

Заметим, что при всей информативности, «Списки» содержат некоторые неточности, связанные, в первую очередь, с несвоевременным обновлением сведений, поэтому имена уже перешедших на новое место службы, или скончавшихся преподавателей, могли некоторое время (как правило, до года) проходить по прежним спискам. Серьезный недостаток министерских «Списков...» заключается ещё и в том, что они содержат информацию только о штатных университетских преподавателях – профессорах и лекторах. Однако, по отдельным университетам выпускались другие – более информативные – списки, содержащие и перечни приват-доцентов с некоторыми биографическими данными¹⁰⁷.

Информация, содержащаяся в министерских и прочих «Списках», является во-многом уникальной и позволяет провести количественный и сравнительный анализ штатов российских университетов рассматриваемого периода. Кроме того, благодаря ежегодному обновлению информации, этот источник позволяет проследить карьерный рост университетских преподавателей, а также выявить

¹⁰⁷ Список лицам, служащим по Императорскому Харьковскому университету на 1913 год. Харьков, 1913. 64 с.; Список лицам, служащим в императорском Университете Святого Владимира (по 1 января 1894 г.). Киев, 1894. 113 с.

динамику академической мобильности представителей профессорско-преподавательского корпуса в территориальных рамках Российской империи.

Вторая подгруппа состоит из энциклопедических изданий и биографических словарей.

Традиция составления биографических словарей университетской профессуры восходит к середине XIX в., когда к 100-летию со дня основания был издан словарь профессоров ИМУ. В течение рассматриваемого периода были написаны биографические словари, посвященные профессорам и преподавателям ИКУ, ИСПБУ, ИУСВВ и ИЮУ¹⁰⁸. За исключением словаря преподавателей ИУСВВ, прочие словари, как правило, содержат справочную информацию о годах жизни, происхождении, образовании, карьере, основных трудах профессоров и приват-доцентов. Словарь преподавателей ИСПБУ отличается большим вниманием направлениям научных исследований столичных университетских ученых.

В позднее советское время эта традиция была возобновлена¹⁰⁹, но в полной мере возродилась в 1990-е–2000-е гг. и была продолжена в 2010-е гг. Тогда увидели свет не только новые биографические словари профессоров и преподавателей ИМУ, ИСПБУ и ИКУ¹¹⁰, но и впервые изданы биографические

¹⁰⁸ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета [за сто лет] (1804–1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. 553 с.; Ч. 2. Казань, 1904. 455 с.; Загоскин Н.П. Деятели императорского Казанского университета. 1805–1900 гг. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95 лет его существования. Казань, 1900, 187 с.; К столетней годовщине Казанского университета. Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете. (1805–1905). Материалы для истории университета / Сост. А.И. Михайловский. Ч. 1. Вып. 3 (1885–1903 г.г.). Казань, 1908. 1647 с.; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894. Том первый. А–Л. СПб, 1896. 419 с.; Том второй. М–Я. СПб, 1898. 374 с.; Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Университета Святого Владимира (1834–1884), Киев, 1884, 816 с.; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования. (1802–1902). Т. 1. Юрьев, 1902. 664 с.; Т. 2. Юрьев, 1903. 656 с.

¹⁰⁹ См.: Библиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета: 1905–1917. Казань. 1986. 80 с.

¹¹⁰ Деканы Казанского медицинского университета: (от медицинского до медицинского университета): Биографический словарь деканов Казанского государственного медицинского университета / Под ред. А.Л. Зефирова и В.Ю. Альбицкого. Казань, 1997. 64 с.; Лёвшин Л.В.

словари профессоров ИХУ, ИНУ, ИТУ, ИНСУ, ПУ¹¹¹. В настоящее время по-прежнему ненаписанным по-русски остаётся биографический словарь, который был бы посвящен профессорам ИВУ¹¹², что компенсируется свежими польскими изданиями¹¹³.

Помимо биографических словарей, посвящённых профессорско-преподавательскому корпусу конкретных университетов, следует назвать словари, составленные по иному тематическому принципу – по признаку отношения ученых к той или иной специальности¹¹⁴, а также энциклопедии

Деканы физического факультета Московского университета. М., 2002. 272 с.; Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: биобиблиографический словарь / Сост. Г.А. Тишкин; редколлегия: Л.А. Вербицкая (отв. ред.) и др.; авт. вступ. ст.: Л.А. Вербицкая, Г.А. Тишкин. СПб, 2004. 756 с.; Профессора Московского университета. 1755–2004. Биографический словарь / Авт.-сост. А.Г. Рябухин и Г.В. Брянцева. М., 2005. Т. 1. 816 с.; Т. 2. 768 с.; Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917) / Ред. коллегия: Р.Ш. Ганелин (руковод. проекта), А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, Е.А. Ростовцев, И.Л. Тихонов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html> (дата обращения: 04.05.2018).

¹¹¹ Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996. 288 с.; Профессора и доктора наук Саратовской области, 1909–1999: Библиографический справочник: в 8 т. Т. 1: 1909–1917 / Редколлегия: А.И. Аврус (отв. ред.) и др. Саратов, 2000. 246 с.; Профессори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Одеса, 2000. Т. 1: Ректори, 180 с.; Т. 2: А–І, 448 с.; Т. 3: К–П, 542 с.; Т. 4: Р–Я, 544 с.; Профессора Пермского государственного университета (1916–2001) / Гл. ред. В.В. Маланин. Пермь, 2001. 432 с.; Биобиблиографический словарь ученых Харьковского университета (1805–2004). Т. 1: Ректоры / Сост.: В.Д. Прокопова, Р.А. Ставинская, М.Г. Швалб, Б.П. Зайцев, С.М. Куделко, С.И. Посохов. Харьков, 2004. 162 с.; Костицын В.И. Ректоры Пермского университета. 1916–2006. Изд. 2-е, перераб. и доп. Пермь, 2006. 352 с.; Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В., Мендрин Г.И., Венгерровский А.И., Новицкий В.В. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): Биографический словарь. Томск, 2013. Т. 1, 488 с. Т. 2, 574 с.

¹¹² Исключение составляет издание: Краковский К.П. Нить времени (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета). Ростов-на-Дону, 2003. 382 с.

¹¹³ Poczet Rektorów Uniwersytetu Warszawskiego / Podred. prof. drhab. Wojciech Tygielski. Warszawa, 2016. 417 s.; Portrety uczonych. Profesorowie Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915 / Pod red. prof. dr hab. Wojciech Tygielski. Warszawa, 2016. 536 s.

¹¹⁴ См., например: Левицкий Г.В. Астрономы Юрьевского университета с 1802 по 1894 год. Юрьев, 1899. 224 с.; Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII – начала XX в. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб, 2003. 544 с.; Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX века. Справочное пособие. М., 2001. 336 с. и др.

городов, областей, содержащие биографические статьи, относящиеся к интересующей нас теме¹¹⁵.

Жанр энциклопедических биографических словарных статей предполагает представление унифицированных данных на каждую персону, что облегчает реализацию задачи просопографического исследования и проведения статистических подсчетов.

Материалы периодической печати

Обращение к периодической печати при проведении исторического исследования необходимо для понимания представлений об изучаемом явлении, господствовавших в обществе в рассматриваемый период. С другой стороны, в случае с настоящим сочинением, сам предмет исследования – профессура – был активным актором в сфере периодической печати. Профессура имела возможность публично высказываться по ряду профессиональных вопросов в том числе в университетской или ведомственной периодике¹¹⁶.

Что касается периодики общегражданской, то спецификой рассматриваемого периода была ярко выраженная идеологическая направленность прессы, а то и, вовсе, наличие непосредственно партийных изданий.

В настоящем исследовании мы обращались к материалам газет либерального («Киевская мысль», «Речь», «Русские ведомости»), умеренно-либерального («Голос Москвы»), консервативного («Московские ведомости», «Новое время», «Россия», «Русское слово») направлений, в так же к изданиям без

¹¹⁵ Например: Москва: Энциклопедия / Глав. ред. С.О. Шмидт; Сост.: М.И. Андреев, В. М. Карев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997, 976 с.; Энциклопедия Саратовского края: в очерках, событиях, фактах, именах / [редкол.: А. И. Аврус и др.]. Саратов, 2002. 687 с.; Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004, 440 с.; Санкт-Петербург. Энциклопедия / ред. Б.В. Ананьич и др. СПб; М., 2006, 1024 с.; Энциклопедия Томской области. Т. 1: А–М. Томск, 2008, 480 с.; Т. 2: Н–Я. Томск, 2009, 465–1000 с.

¹¹⁶ Например: Варшавские университетские известия. Варшава, 1884–1916; Журнал Министерства народного просвещения (СПб). 1884–1917; Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1884–1916; Известия Императорского Томского университета. Томск, 1889–1916 и др.

ярко выраженной идеологической направленности («Волжский листок» (Казань), «Наши дни» (СПб), «Саратовец» (Саратов), «Южный край» (Харьков)).

Периодика, с одной стороны, предоставляет справочную информацию (о событиях в университетах, о публичных лекциях, о ценах и уровне жизни в университетских городах и пр.), а с другой – как площадка для высказывания мнений – является незаменимым источником информации о палитре мнений, бытовавших как в университетской среде, так и в обществе рассматриваемого периода в целом, об университете, профессуре, студенческом движении и пр.

Публицистика

Публицистика, как и такие источники личного происхождения, как дневники, письма, воспоминания, позволяют увидеть предмет изучения глазами современников, а, учитывая наличествовавший разброс мнений об университете и профессуре, реконструировать типичные и уникальные суждения о предмете исследования, звучавшие и от лица самой профессуры, и со стороны (от министерства, от иных властей и их сторонников, от современников в целом).

Интересующая нас профессорская публицистика в основном была посвящена решению университетского вопроса. Яркими публицистами рассматриваемого периода следует признать профессора ИХУ Д.И. Багалея, профессоров ИМУ В.И. Вернадского, П.Г. Виноградова, С.Н. Трубецкого, профессоров ИСПБУ Э.Д. Гримма, Н.И. Кареева и многих других.

Противостоявшая, во многом либеральной, внешняя по отношению к университету, консервативная, публицистика была представлена текстами Ф.П. Еленева, В.М. Пуришкевича, бывшего ректора ИВУ и ИЮУ А.С. Будиловича и др.¹¹⁷

Несколько особняком стояла леворадикальная (революционная) публицистика, для которой было характерно противопоставление не Университета – Государству, а социалистического студенчества – либеральной и

¹¹⁷ Будилович А.С. Наука и политика. Три статьи по злободневным вопросам. СПб, 1905. 110 с.; Еленев Ф. Студенческие беспорядки. СПб, 1888. 46 с.; Пуришкевич В.М. Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб, 1914. 282 с.

охранительной профессуре. В этом отношении источниковедческую ценность представляют в том числе ленинские работы¹¹⁸.

Заметим, что злободневные публицистические сочинения выходили как отдельными брошюрами, так и на страницах периодической печати, о которой уже велась речь выше.

Источники личного происхождения

В диссертации широко задействованы такие источники, как воспоминания, автобиографии, дневники, письма. Их главное отличие от выше затронутой публицистики состоит в том, что многие из них создавались не для публичного знакомства, что усиливает их субъективность, но, порой, увеличивает информативность и позволяет исследователю заглянуть в те сферы, которые, как правило, не документируются иными источниками. Такие источники незаменимы для реконструкции личных связей, взаимоотношений внутри университетских преподавательских коллективов; кроме того, они часто проливают свет на видение профессуры отдельных аспектов университетской жизни.

Немало источников личного происхождения, относящихся к теме исследования, к настоящему времени опубликовано, однако, архивные хранилища остаются важнейшим ресурсом такого рода информации. В этом отношении стоит обратить внимание на личные фонды профессоров и преподавателей различных отечественных университетов и чиновников от образования. В РГИА это фонды В.Г. Глазова (Ф. 922), С.И. Залесского (Ф. 856), Б.В. Никольского (Ф. 1006), В.Э. Регеля (Ф. 1033), С.В. Рождественского (Ф. 1037), М.П. Чубинского (Ф. 1081), В.Т. Шевякова (Ф. 1129), П.И. Георгиевского (Ф. 1624); в ГАРФ – С.А. Муромцева (Ф. 575), И.Ф. Озерова (Ф. 1838); в ГАОО – А.А. Кочубинского (Ф. 158), А.М. Клитина (Ф. 170), И.А. Линниченко (Ф. 153), Е.Н. Щепкина (Ф. 151); в ГАХО – В.Я. Данилевского (Ф. Р-5810), М.В. Ключкова (Ф. 1027), А.П. Рославского-Петровского (Ф. 1011); в ЦГИАУ – А.С. Лебедева (Ф. 2037), Н.Ф. Сумцова (Ф. 2052) и др.

¹¹⁸ См., например: Ленин В.И. Студенческое движение и современное политическое положение // Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 17. С. 214–220.

В делах из личных фондов обычно заключена информация о службе того или иного профессора. Но наибольший интерес представляют дела, содержащие более уникальную информацию – переписку, дневники, авторские заметки представителей университетского сообщества. Весьма ценны документы, зафиксировавшие отношение профессоров и преподавателей к «университетскому вопросу». К числу таких документов, например, относятся «Материалы по вопросу о преобразовании университетов» в фонде профессора ИСПБУ университета С.В. Рождественского¹¹⁹; проект университетского устава, статьи о баллотировке (избрании по конкурсу) профессоров и об университетском преподавании профессора ИНУ И.А. Линниченко¹²⁰; проект реформы экзамена на звание лекаря и доктора медицины профессора ИХУ В.Я. Данилевского¹²¹; особые мнения профессоров ИМУ, составленные ими в 1901 г. при обсуждении в совете ответов на вопросы МНП об устройстве университетской жизни с пометками профессора И.Х. Озерова, отложившиеся в его личном фонде¹²² и др.

Дадим более подробную характеристику таким типам источников как дневники и воспоминания.

Только самое начало рассматриваемого периода захватывает дневник киевского профессора А.Ф. Кистяковского, скончавшегося в январе 1885 г. и до последних дней оставлявшего поденные записи, по которым можно составить представление о довольно напряженной атмосфере, царившей в ИУСвВ период введения нового устава¹²³.

В «Русском Архиве» в 1910 г. были опубликованы дневниковые записи профессора ИМУ В.В. Марковникова (1838–1904 гг.) за декабрь 1892 г. – май 1894 г.¹²⁴ Они ценны не столько зафиксированными событиями, сколько обширными отступлениями. Несмотря на то, что «Записки» изначально

¹¹⁹ РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 4–6.

¹²⁰ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21, 51, 52.

¹²¹ ГАХО. Ф. Р-5810. Оп. 1. Д. 142.

¹²² ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 3102.

¹²³ Кістяківський О.Ф. Щоденник (1874–1885). У 2 тт. / Предмова І.Л. Бутича; примітки, покажчики, словник рідковживаних слів і термінів, список скорочень В.С. Шандра; упорядники В.С. Шандра (ст. упорядник), М.І. Бутич, І.І. Глизь, О.О. Франко. Київ, Т. 2. 1995, 584 с.

¹²⁴ Записки В.В. Марковникова// Русский Архив. 1910. № 3. С. 357–400.

создавались с расчетом на аудиторию, их автор выражает свои мысли откровенно, не стесняясь в оценочных суждениях. Источник содержит язвительные, весьма резкие характеристики («безграмотный секретарь-армянин», «первый просто ничтожество, но последний отъявленный негодяй» – о двух профессорах, «два сиятельных проходимца» – о попечителе и министре).

В 1913 г. «Русский Архив» опубликовал записки Н.П. Боголепова (1846–1901 гг.), относящиеся к декабрю 1894 г. – марту 1895 г.¹²⁵ В этот период Н.П. Боголепов, оставивший пост ректора, был профессором ИМУ, а в последствии он станет попечителем Московского учебного округа и министром народного просвещения. Записки Н.П. Боголепова важны тем, что они содержат развернутую авторскую трактовку раскола среди профессоров ИМУ на фоне студенческих протестов конца 1894 г.

В содержательном отношении с записками Н.П. Боголепова схож дневник А.Н. Савина, целиком посвященный жизни ИМУ на протяжении десятилетия (1908–1917 гг.)¹²⁶.

Здесь же упомянем обнаруженный нами неопубликованный дневник профессора ИХУ В.Я. Данилевского (1852–1939 гг.). Он охватывает 1908–1909 гг. и помимо заметок о встречах, контактах, финансах автора, содержит любопытные мысли о необходимых, по мнению профессора, преобразованиях в отечественных университетах¹²⁷.

Важнейшим источником по истории московской профессуры для нас стал опубликованный дневник профессора М.М. Богословского (1867–1929 гг.)¹²⁸, разделявшего умеренно-консервативные взгляды. Дневник охватывает период с 1913 г. по 1919 г., однако основную его часть составляют записи за июль 1915 г. – ноябрь 1917 г. В этот отрезок времени М.М. Богословский оставлял записи почти

¹²⁵ Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // Русский Архив. 1913. № 1. С. 8–86.

¹²⁶ А.Н. Савин. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Ответств. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб, 2015. 524 с.

¹²⁷ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 146.

¹²⁸ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011.

ежедневно, отражая свое отношение к университетским делам и политическим событиям кануна и хода революции 1917 г.

Дневник в будущем крупного советского ученого С.И. Вавилова (1891–1951)¹²⁹ интересен тем, что в нем охвачен период обучения автора на физико-математическом факультете ИМУ в начале 1910-х гг.

Значительным событием последних лет для изучения университетской истории стал факт публикации дневников трёх ярких представителей университетского мира рубежа XIX–XX вв. – профессора ИСПБУ, а затем ИНУ В.И. Модестова¹³⁰, профессора ИМУ М.С. Корелина¹³¹ и приват-доцента ИСПБУ, а затем профессора ИЮУ Б.В. Никольского¹³². Последние из названных воспоминаний особенно интересны тем, что передают взгляд на общественные и университетские вопросы представителя правого, монархического фланга университетской общественности рассматриваемого периода, хотя и почти не касаются университетских дел.

В отличие от дневников, воспоминания, относящиеся к рассматриваемому периоду, более многочисленны. Это, с одной стороны, воспоминания самих членов университетского преподавательского сообщества (В.П. Бузескула, В.И. Герье, В.Д. Зёрнова, А.А. Иностранцева, Н.И. Кареева, А.А. Кизеветтера, Н.Ф. Кащенко, И.Ю. Крачковского, И.А. Малиновского, Д.Н. Овсянико-Куликовского, Ю.А. Орлова, И.М. Сеченова, В.А. Стеклова, Е.В. Тарле, И.И. Янжула) и бывших студентов и слушателей¹³³ (Н.П. Анциферова, К. Бежаницкой, С.Н. Василенко, В.В. Вересаева, Ю.В. Готье, И.Э. Грабаря, К.М. Гречищева, Н.М. Дружинина, И.В. Егорова, С.А. Жебелева, И. Зайцевского, Н. Зарницына, Д.А. Засосова, И.К. Конаржевского, В.А. Маклакова,

¹²⁹ Сергей Иванович Вавилов. Дневники, 1909–1951: в 2 кн. М., 2012. Кн. 1. 603 с.

¹³⁰ Профессор В.И. Модестов. Воспоминания, письма. М., 2014. 416 с.

¹³¹ Корелин М.С. Дневник // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 274–448.

¹³² Никольский Б.В. Дневник 1896–1918. Т. 1: 1896–1903 / Изд. подг. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб, 2015. 704 с.; Никольский Б.В. Дневник 1896–1918. Т. 2: 1904–1918 / Изд. подг. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб, 2015. 656 с.

¹³³ Некоторые из них впоследствии стали приват-доцентами и профессорами (Ю.В. Готье, К.М. Гречищев, В.И. Пичета), но нами использовались воспоминания, относящиеся к студенческому периоду, пришедшемуся на 1884–1917 гг.

В.В. Молодцова, В.И. Пичеты, В.И. Пызина, Л.И. Рубинштейна, М.В. Сабашникова, А.Ф. Селиванова, С.Г. Струмилина, П.В. Танеева, П.П. Устюжанина, Б.А. Щетинина, З.Г. Френкеля). С другой – современников, которые наблюдали университет и университетскую профессию со стороны (А.В. Тырковой-Вильямс, Е.А. Боголеповой).

Остановимся на короткой характеристике наиболее важных для диссертационной работы воспоминаний.

Воспоминания профессора И.А. Малиновского – исключительно важный источник в том числе по бытовой жизни университетских преподавателей Томска и Варшавы, включая период эвакуации.

В.В. Вересаев, прослушавший полные курсы и окончивший сначала историко-филологический факультет ИМУ (1888 г.), а затем – медицинский факультет ИДУ (1893 г.), оставил характеристики многих профессоров этих двух университетов, причем как лестные, так и весьма категоричные¹³⁴.

З.Г. Френкель (1869–1970 гг.), учившийся сначала на медицинском факультете ИМУ, а затем – ИДУ почти одновременно с В.В. Вересаевым также оставил воспоминания¹³⁵ о местных преподавателях, которые не во всем сходятся с воспоминаниями В.В. Вересаева. Заметим, что воспоминания З.Г. Френкель писал в глубокой старости, в 1960-х гг., будучи академиком АМН СССР.

В.А. Маклаков (1869–1957 гг.), в будущем известный адвокат и общественный деятель, депутат Государственной думы II, III и IV созывов, учился на естественном отделении физико-математического факультета (1887–1890 гг.) ИМУ, откуда был отчислен и позднее восстановлен на историко-филологическом факультете (окончил в 1894 г.)¹³⁶. Писал свои воспоминания¹³⁷ уже в эмиграции незадолго до смерти.

¹³⁴ Вересаев В.В. Воспоминания. В студенческие годы // Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения 12.01.2018).

¹³⁵ Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб, 2009. 696 с.

¹³⁶ Помимо учебы, с Московским университетом В.А. Маклакова связывало то, что профессорами ИМУ были его отец, Алексей Николаевич, и младший брат, Алексей Алексеевич.

¹³⁷ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. 384 с.

Е.А. Боголепова, вдова Н.П. Боголепова, служившего в разные годы профессором, ректором, попечителем учебного округа и, наконец, министром народного просвещения, оставила воспоминания о деятельности своего супруга на различных ступенях его карьеры¹³⁸.

Исследователь Е.А. Вишленкова утверждает, что профессорские мемуары содержат особенности изложения, порожденные научной специализацией автора: «Представители точных и естественных наук предпочитали вести своего рода хронику университетской жизни, называя в ней имена коллег и учащихся, фиксируя календарные числа, детально описывая места действий. [...] В отличие от протокольных свидетельств “естественников”, из-под пера гуманитариев выходили сюжетные рассказы об университетской повседневности “вообще”. [...] Не претендуя на точность собственной памяти, историки, филологи, философы предупреждали читателя, что их записи – всего лишь продукт воображения на тему университета»¹³⁹. Отчасти с таким наблюдением можно согласиться, хотя, скорее, оно является несколько упрощенным обобщением.

Нет необходимости доказывать то, что при анализе мемуаров необходимо брать во внимание обстоятельства их создания. Например, сборник памяти скончавшегося профессора следует, скорее, относить к некрологам, которые примыкают к источникам личного происхождения.

Заметим, что, несмотря на то, что некрологи зачастую носят исключительно комплиментарный характер в отношении покойного, они тоже могут выступить любопытным источником по истории профессорско-преподавательской корпорации, поскольку в них невольно отражается представление об «идеальном профессоре», обладающем благодетелями, особо ценимыми в университетском сообществе. В рассматриваемый период некрологи на скончавшихся

¹³⁸ Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Министром народного просвещения // Русский Архив. 1906. № 11. С. 358–407; Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Попечитель Московского учебного округа // Русский Архив. 1906. № 7. С. 449–477; Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Пред попечительством в Московском Учебном Округе // Русский Архив. 1906. № 4. С. 625–640.

¹³⁹ Вишленкова Е.А. Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 31.

университетских преподавателей регулярно публиковались в Журнале министерства народного просвещения; иногда выпускались отдельными брошюрами¹⁴⁰. Известен опыт составления документального издания, отразившего списки и некрологи погребенных на кладбищах одного из университетских городов¹⁴¹.

Источниковая база по истории дореволюционного профессорско-преподавательского корпуса весьма богата и разнообразна. Оперирование как опубликованным, так и неопубликованным, вводимым отчасти впервые в научный оборот, историческим материалом позволило извлечь из него информацию, необходимую для решения задач, поставленных в настоящем исследовании.

1.3. Методология исследования: подходы, принципы и инструментарий

Исследовательские подходы и принципы

При обилии подходов к изучению университетской истории, сам предмет настоящего диссертационного исследования во многом предопределил выбор в пользу «человеческого измерения» университета. В свете этого обстоятельства основным подходом следует назвать антропологический, который предполагает фокусирование на персоналиях и университетских сообществах. Отсюда – внимание к «университетскому человеку», к межличностным отношениям в университетской среде, к формированию в университетских коллективах подгрупп по разным признакам, отношениям между ними.

В центре настоящего исследования одновременно находится и человек – профессор, приват-доцент или лектор университета, и совокупности университетских людей, составлявших профессиональные коллективы. Нас

¹⁴⁰ Например: Памяти Михаила Ивановича Коновалова. М., 1908. 68 с.; Соловьев И. Заслуженный профессор Богословия в Московском Императорском Университете, протоиерей Николай Александрович Елеонский. Сергиев Посад, 1910. 20 с.; Осипов И.П. Памяти Николая Александровича Черная. Харьков, 1914. 7 с.

¹⁴¹ Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 гг. / Ред.-сост. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2001. 327 с.

интересовало то, что собой представлял «человек университетский» дореволюционной эпохи с трех сторон:

во-первых, с точки зрения правовых (статус, положение, обязанности, привилегии) и социальных (происхождение, возраст, достаток) характеристик;

во-вторых, с точки зрения профессиональной (но внеуниверситетской) и гражданской активности;

в-третьих, с точки зрения выстраивания отношений внутри университета, как со студенчеством, так и между преподавателями.

Мы старались раскрыть феномен университетского преподавателя, подходя к нему с разных сторон, включая обзор мнений самой дореволюционной профессуры о сути своей профессии¹⁴².

Собственно профессиональная деятельность университетских преподавателей – учебная и научная – осталась за рамками настоящего исследования, так как, по нашему убеждению, она составляет иной предмет. Так, научная жизнь университетов, безусловно, должна рассматриваться в рамках такого направления, как история науки и техники, а учебная деятельность преподавателей – в рамках истории образования и педагогической мысли, что не вполне коррелируется с социально-антропологическим наклоном настоящей работы.

При этом антропологическое измерение выполняет цементирующую функцию для всего исследования: даже при обращении к вопросам о правовом статусе, ученых степенях, званиях, общественно-политическим вопросам внимание удерживается на человеке, а не на организации, учебном или научном процессе и пр.

При выборе данного подхода мы отчасти вдохновлялись ставшей классической работой американского историка немецкого происхождения Фрица Рингера (1934–2006) «Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в

¹⁴² См. 1-й раздел 7-й главы, в которой в числе прочего затрагивается тема участия профессоров и преподавателей в обсуждении «университетского вопроса».

Германии: 1890–1933»¹⁴³. Опубликованная в 1969 г. и касающаяся несколько иного времени и совсем другой страны, по сравнению с предметом нашего диссертационного исследования, это сочинение показало возможности изучения интеллектуального сообщества – в том числе его мировоззрения и гражданской (не)активности – для реконструкции механизмов общественно-политических процессов.

Охарактеризованные Ф. Рингером явления и процессы в германском обществе конца XIX – первых десятилетий XX в. далеко не во всем совпадают с российскими, а в чём-то противоречат им¹⁴⁴. Но, несмотря на это, в подходе Ф. Рингера, во-первых, привлекает обращение не к отдельным «героям» и «антигероям», а к феномену академического сообщества в национальном масштабе во всей его сложности и многообразии, а, во-вторых, – идея о ключевой роли в общественной жизни интеллектуальной элиты, что было особенно актуально для рубежа XIX–XX вв., когда аристократия утрачивала свои позиции, а новая элита, типичная для XX столетия – управленцы, крупные предприниматели, партийные лидеры – еще не заняли достаточно прочных позиций.

С точки зрения учета опыта изучения университетской профессуры – пусть и иной страны – интересен труд М. Баумгартнер «Professoren und Universitäten im 19. Jahrhundert. Zur Sozialgeschichte deutscher Geistes- und Naturwissenschaftler» («Профессора и университеты в XIX веке. Социальная история немецких гуманитарных и естественнонаучных сообществ»). В этой книге автор сделала акцент на изучении эволюции кафедр и профессорских ставок в ключевых немецких университетах, уделив особое внимание социальному облику, университетской карьере, академической мобильности профессоров, династийности и семейным связям между ними¹⁴⁵.

¹⁴³ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой, П. Гольдина. М., 2008. 648 с.

¹⁴⁴ Согласно автору – при упрощенной интерпретации – самоустраненность германских интеллектуалов от политических процессов, их ориентация на «чистое знание» приводят А. Гитлера к власти.

¹⁴⁵ Baumgartner M. Professoren und Universitäten im 19. Jahrhundert. Zur Sozialgeschichte

Применительно к социальной истории, антропологический подход реализуется в рамках различных направлений, выработанных исторической наукой. К их числу относится история повседневности, историческая конфликтология, психоистория («история ментальностей»), изучение университета в контексте городского пространства.

История университетской повседневности может быть рассмотрена как средство против предначертанности логики рассуждений историка, работающего в русле функционального подхода, ведь не секрет, что повседневные практики в реальности часто вступают в противоречие с предписанным модусом поведения. Именно поэтому всё многообразие университетской жизни невозможно уловить, анализируя, например, деятельность факультетов, и опираясь при этом лишь на уставы, отчеты, прочие нормативные или делопроизводственные документы. По меткому выражению австралийского политолога Кеннета Миноуга, «we spend a good deal of everyday life in distinguishing essence from function» [«мы обращаемся к повседневной жизни, чтобы отделить сущность от функции»]¹⁴⁶. Это претензионное заявление было призвано подчеркнуть, что именно анализ реальной повседневной жизни может раскрыть сущность происходящих процессов. Во всяком случае, бесспорно, что внимание к повседневности позволяет «дойти до отдельного человека» и реконструировать образ жизни профессоров и преподавателей, ритуалы, правила поведения, сложившиеся в университетской среде¹⁴⁷.

С точки зрения исторической конфликтологии, анализ конфликтов в преподавательской среде для реконструкции прошлого полезен тем, что подобные ситуации, отложившиеся в разнообразных источниках, обнажают проблемы, высвечивают «узкие места» любой системы (в нашем случае – университетской), позволяют увидеть наличие разных точек зрения на один предмет. Этот и выше охарактеризованный подход были нами применены преимущественно при

deutscher Geistes- und Naturwissenschaftler. Göttingen, 1997. 376 s.

¹⁴⁶ Minogue K.R. The Concept of a University. London, 1973. P. 4.

¹⁴⁷ Об исследованиях, выполненных в русле истории университетской повседневности, см. выше, в историографическом обзоре.

анализе корпоративных принципов существования профессорско-преподавательского корпуса университетов России¹⁴⁸.

Психоистория или «история ментальностей» помогает разобраться в причинах, мотивах поведения как отдельных личностей, так и групп. Изучение социально-психологических черт позволяет понять природу поступков человека, уходящую корнями, как правило, в традиции, религию, воспитание, образование.

Элементы «истории ментальностей» в настоящей работе были применены при анализе профессиональной идентичности представителей университетского преподавательского сообщества, а именно – при реконструкции этических принципов, на которых базировалась система ценностей, а, следовательно, и поведение, университетского человека рубежа XIX–XX вв.

Подход к изучению университета в контексте городского пространства проистекает из того обстоятельства, что университет как порождение городской культуры всегда был тесно связан с городскими институтами и городскими сообществами, а наличие университета и профессорской корпорации, в свою очередь, накладывало серьезный отпечаток на жизнедеятельность города. Взаимоотношения университета и города можно рассматривать как обмен возможностями и ресурсами. Названный подход на материале трех университетов (ИМУ, ИКУ и ИХУ) середины XVIII – середины XIX в. освоил харьковский исследователь С.И. Посохов, выступив, в том числе, как методолог университетской истории. А ранее, применительно к началу XX в., на материале ИСПБУ, ИМУ, ИКУ и ИЮУ его в коллективном труде применили историки из России, Германии и Эстонии¹⁴⁹. Специальное исследование, написанное отчасти с культурно-урбанистических позиций, посвящено истории ИКУ¹⁵⁰. Дополнительная ценность подобных исследований заключается в том, что они

¹⁴⁸ Об исследованиях, выполненных в русле конфликтологии, применительно к университетской истории, см. выше, в историографическом обзоре.

¹⁴⁹ Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Хариков, 2014. 364 с.; Университет и город в России в начале XX века / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. 784 с.

¹⁵⁰ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю. Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. 500 с.

позволяют взглянуть на город не столько как на социально-экономический феномен, но как на явление культуры. В настоящей работе названный подход был применен при анализе форм связи университетской общественности с городом.

Следует признать, что на университетские исследования способны оказывать влияние и теории, рожденные вне исторической исследовательской традиции. Одной из них является теория неoinституционализма, пришедшая из экономики, но находящая применение в том числе в политических, социологических и прочих гуманитарных исследованиях. Универсальность и применимость неoinституционализма и к исследованиям университетской профессуры определяются тем, что он ориентирует на понимание мира через действия институтов, к которым можно отнести самые разнообразные политические и правовые категории, социальные и экономические явления: от государства до семьи, от традиций до денег; университет – тоже является институтом (при всем своеобразии звучания этого утверждения). Каждое из четырех направлений неoinституционализма – теория рационального выбора, нормативный, исторический, социологический неoinституционализм – оформившиеся за последние десятилетия, предоставляет теоретическую базу для исследования прошлого университета и его профессорского корпуса, поскольку оперирует такими понятиями, как «ценности», «нормы», «правила», «организованные практики», «стратегии поведения». Давая характеристику корпоративных отношений в университете на рубеже XIX–XX вв., мы неизбежно прибегаем к элементам этой теории.

Еще одно замечание методологического характера, которое необходимо сделать, состоит в том, что университет как любой сложный организм (институт) – это совокупность явлений, процессов, субинститутов, через призму которых можно изучать явление в целом. Университет можно изучать через призму профессорских речей на заседаниях советов, можно – через тексты учебных курсов. Еще одной из таких призм (по-прежнему довольно слабо изученных) является университетская экономика¹⁵¹. Речь идет далеко не только об анализе

¹⁵¹ Теме университетской экономики посвящен сборник научных трудов «Finanzierung

бюджета университетов, источников и динамики доходов, структуры расходов и прочих сугубо экономических категориях. Помимо них, экономический материал способен пролить свет на социальную сторону университетского прошлого. По доходам и расходам профессоров можно судить о качестве жизни представителей университетского сообщества дореволюционной России, а также о том, насколько денежное обеспечение профессорской должности коррелировало с представлениями о степени престижности университетской карьеры в обществе того времени. Отношение профессуры к материальным благам – важный элемент для понимания мировоззрения и системы ценностей «университетского человека» конца XIX – начала XX в. Отдельная тема – профессорская благотворительность – готовность жертвовать материальными ценностями ради социального блага. Ряд суждений и выводов, сделанных на основании «экономического материала», нашел отражение в настоящей работе.

Методологической основой диссертации послужили принципы историзма и системности, позволившие рассмотреть университетский профессорско-преподавательский корпус дореволюционной России в динамике его изменения в конкретно-исторических условиях конца XIX – начала XX в.

Исходя из требований научной объективности, поставленные в диссертации задачи решались, в первую очередь, путем критического анализа источников. Вместе с тем, заметим, что специфика темы налагает на следование принципу объективности некоторые особенности, усугубляя эту общую для любой науки проблему.

Дело в том, что историк, обращающийся к анализу жизнедеятельности и особенностей бытования научно-образовательной интеллигенции, обязан – согласно стандартам научной работы – вести наблюдение за исследуемым объектом со стороны, как внешний, неангажированный аналитик. В то же время,

von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart» (Basel, 2005. 602 s.). Вторая глава книги целиком касается вопросов финансирования университетов и науки в XIX–XX вв. В работах разных авторов представлены модели финансирования университетов Германии, Швейцарии, скандинавских стран, Великобритании, США; финансовые аспекты российских университетов охарактеризованы в статье А.Ю. Андреева «Zur Frühgeschichte der russischen Universitäten» «Finanzielle Aspekte».

очевидно, что такой исследователь, принадлежа к тому же культурному и ценностному пространству, что и объект его изучения, априори остается – не желая того – предвзятым наблюдателем. На эту особенность изучения интеллигенции обратил внимание П.Б. Уваров¹⁵². Названная проблема может быть минимизирована только путем критического восприятия историком любой поступающей ему информации по теме научной работы с приложением несколько больших усилий, затрачиваемых на проверку объективности своих суждений и выводов, чем это потребовалось бы при исследовании иной темы.

Методический инструментарий

Осуществление большой научной работы предполагает обращение как к общенаучным, так и специальным методам исследования.

В нашем случае общенаучные методы – выявление, систематизация и системный анализ исследуемого материала, применение к нему индуктивных и дедуктивных подходов – дали возможность исследовать процессы, протекавшие как в стране в целом, так и в высшей школе дореволюционной России в частности, с точки зрения их влияния на университетский профессорско-преподавательский корпус.

Набор специальных исторических методов, задействованных при написании диссертации, и сферы их применения, выглядят следующим образом.

Проблемно-хронологический метод позволил последовательно рассмотреть эволюцию университетского преподавательского корпуса с точки зрения параллельно протекавших процессов – осуществления преподавателями профессиональной деятельности, их отношений со студенчеством, их участия в политической жизни и пр.

Примыкающий к нему историко-генетический метод позволил раскрыть характер происходивших за рассматриваемый период изменений университетской политики, самого российского Университета и профессорско-преподавательского корпуса как его органической части.

¹⁵² Уваров П.Б. Исторические методы исследования интеллигенции: Концептуальные основания и когнитивные возможности): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2010. С. 8–9.

Историко-типологический метод применялся при необходимости классификации исследуемых объектов. В частности, была предложена классификация форм протестной активности профессуры, две альтернативных типологизации конфликтов в преподавательской среде.

Историко-сравнительный метод дал возможность провести необходимые сопоставления профессорско-преподавательских корпораций разных университетов с целью выявления их особенностей.

Для определения количественных характеристик исследуемого объекта (количество преподавателей разных категорий в разные годы, количество защищенных диссертаций, минимальный, средний и максимальный размер доходов и расходов и пр.), широко применялся статистический метод.

Помимо этого, взгляд на университетских преподавателей как на социально-профессиональную корпорацию предопределил выбор особой исследовательской оптики.

Так, при изучении особенностей корпоративных отношений и вклада профессоров и преподавателей российских университетов в различные сферы общественной жизни были применены «социальный» подход и биографический метод. «Социальный» подход предполагает рассмотрение биографии исторического персонажа как «реконструкции личной жизни отдельных исторических индивидов» и одновременно – как одну из необходимых «предпосылок познания включавшего их исторического социума» (Л.П. Репина). Иными словами, биографический метод, предполагающий сбор и анализ данных о жизненном пути человека как личности и субъекта деятельности, с учетом событийной канвы того или иного исторического периода, позволяет не только реконструировать биографию конкретного человека, но является и эффективным средством познания общества (и сообществ) исследуемого периода.

Одним из наиболее важных методов, который был использован в исследовании, стало просопографическое изучение профессорско-преподавательского корпуса российских университетов конца XIX – начала XX в. Под просопографическим исследованием понимается сплошное изучение

биографий избранной в качестве объекта социальной группы с особым вниманием к карьерам и горизонтальным связям внутри группы¹⁵³. Реконструкция социальной картины общества на основе изучения биографий его членов представляется важным направлением исторического исследования. Здесь обе составляющих имеют самостоятельную ценность: как изучение человеческих судеб на переломных этапах истории, так и общая картина, вырисовывающаяся на основании анализа полученных массовых данных. Просопографический метод позволяет, во-первых, выявить основные модели поведения исследуемых объектов, а во-вторых, исследование биографий всех профессоров и преподавателей за конкретный выбранный хронологический отрезок дает возможность не только создавать «коллективные (социальные, групповые) портреты», но и реконструировать горизонтальные связи между представителями университетской общественности – дружеские/враждебные, соседские, родственные и т.п. Также этот метод был незаменим при составлении социального портрета профессуры, при выявлении среди университетской профессуры сторонников тех или иных политических взглядов, при анализе академической мобильности. Использование метода просопографии к исследованию профессорско-преподавательского корпуса базируется на историографической традиции составления биографических словарей ректоров, профессоров и преподавателей российских университетов.

¹⁵³ Применительно к преподавательскому сообществу отдельных отечественных университетов этот метод уже был удачно использован в ряде исследований. См.: Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX в. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 203–253; Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследований // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII–XX в. М., 2009. С. 183–221; Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. 903 с.; Куприянов А.В. От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «Средние данные» и формальные подходы в истории науки // *Topos*. 2017. № 1–2. С. 111–137. При изучении истории германских университетов просопографический метод был широко использован М. Баумгартнер. См.: Baumgartner M. Professoren und Universitäten im 19. Jahrhundert. Zur Sozialgeschichte deutscher Geistes- und Naturwissenschaftler. Göttingen, 1997. 376 s.

Необходимость реконструкции отношений внутри преподавательских коллективов диктует необходимость привлечения конкретных многочисленных примеров-казусов, демонстрирующих связи между людьми. К этому примыкает метод ситуационного анализа или метод кейсов – углубленное исследование конкретных ситуаций, событий, казусов для атрибутики их как уникальных или, напротив, типичных, отражающих объективную реальность исследуемой эпохи.

Разнообразие исследовательских техник при изучении темы диссертационного исследования дало возможность извлечь из источников как очевидную, так и скрытую, не всегда доступную при традиционном историческом анализе информацию, получить новые результаты.

Выводы по Главе 1

Изучение истории отечественных университетов и их преподавательских сообществ прошло большой эволюционный путь. От первых юбилейных и публицистических работ, написанных на злобу дня, через акцентирование на революционном движении и, шире, на политической истории, к вниманию к социальным аспектам. Именно с последней тенденцией, на наш взгляд, связаны основные перспективы изучения университетского прошлого.

Предмет настоящей диссертационной работы предопределил выбор в пользу изучения университета в «человеческом измерении», что стало основным исследовательским подходом, который следует назвать антропологическим.

Цель и задачи исследования могут быть успешно достигнуты посредством применения антропологического подхода, примененного к таким направлениям социальной истории, как история повседневности, историческая конфликтология, психоистория («история ментальностей»), изучение университета в контексте городского пространства.

Фокусирование на персоналиях и университетских сообществах, внимание к «университетскому человеку», к межличностным отношениям в университетской среде, к формированию в университетских коллективах подгрупп по разным признакам, отношениям между ними позволит

охарактеризовать профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональную группу российского общества.

Глава 2. Служебно-правовое и материальное положение профессоров и преподавателей российских университетов

Приступая к основной в содержательном отношении части исследования, определим ключевые черты и особенности правового статуса университетских преподавателей на рубеже XIX–XX вв., а также дадим оценку их материального положения, складывавшегося как из жалования по занимаемой должности, так и из разнообразных дополнительных источников доходов.

2.1. Университетские преподаватели как чиновники

Общая характеристика

Правовой статус представителей «ученого сословия» Российской империи формировался на протяжении XVIII–XIX вв. по мере учреждения в стране ключевых для этой сферы институтов – Академии наук, императорских университетов и высших учебных заведений иного типа.

Как верно заметила Н.Н. Зипунникова, основными компонентами правового статуса русских ученых, включая профессоров, были организационно-процедурный и непосредственно связанный с преподавательской и исследовательской деятельностью¹⁵⁴. Первый вытекал из служебного положения университетских преподавателей и определял их статус как чиновников по ведомству Министерства народного просвещения; ключевую роль в этом отношении играл «Свод уставов о службе гражданской», регламентировавший вопросы чинопроизводства. Второй был детерминирован занимаемыми в университете должностями; в этом отношении главными нормативными актами

¹⁵⁴ Зипунникова Н.Н. Правовой статус ученого в Российской Империи (особенности формирования ключевых компонентов) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/014-20.pdf> (дата обращения: 30.03.2017).

выступали университетский Устав 1884 г., Положение об испытаниях на ученые степени 1864 г., различные министерские установления и циркуляры¹⁵⁵.

Проблема правового статуса университетского преподавателя была самым тесным образом связана со степенью автономности университета по отношению к правительству. Иными словами, вопрос стоял следующим образом: являются ли профессора такими же чиновниками, как, к примеру, делопроизводители департамента МНП, или, будучи государственными служащими, профессора, тем не менее, обладают определенной самостоятельностью, вытекавшей из специфики их профессиональной деятельности.

Этот вопрос не терял своей злободневности на протяжении всего рассматриваемого периода, и мы ещё неоднократно будем к нему возвращаться. Здесь же заметим, что уже при подготовке университетской реформы (её чаще обоснованно именуют контрреформой по отношению к эпохе преобразований Александра II) 1884 г. становились ясны стремления властей «очиновничить» профессуру, продолжавшую сохранять генетическую память об известной «вольнице» первого университетского устава 1804 г.; да и действовавший устав 1863 г. гарантировал профессорам довольно широкое самоуправление.

Одним из выразителей этого стремления в самой университетской среде был весьма консервативно настроенный профессор ИМУ Н.А. Любимов, призывавший к изменению устава 1863 г. Публично вступая в полемику с Н.А. Любимовым, его коллега профессор С.А. Усов писал: «Любимову мерещится не университет со своим самоуправлением, а та обетованная пора, когда русские университеты могли бы превратиться в Московский, Казанский, Харьковский, Киевский, Одесский и другие департаменты Министерства народного просвещения, где ректор занимал бы должность директора департамента, профессора были бы начальниками отделений, доценты столоначальниками и пр. — все по назначению начальства с обязанностью заниматься делопроизводством преподавательным в строго бюрократическом

¹⁵⁵ См.: Зипунникова Н.Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII — начала XX века. Екатеринбург, 2009. 440 с.

порядке»¹⁵⁶. Впрочем, следует отметить, что С.А. Усов несколько упрощал и тем самым искажал позицию Н.А. Любимова, концепция которого также предполагала, что профессора должны были быть свободны, правда, только в отношении научной деятельности и преподавания.

Как известно, принятие нового устава затянулось, хотя его проект был готов уже в 1879 г. Убеждая Александра III утвердить проект устава, М.Н. Катков, известный публицист из охранительного лагеря, писал 8 июня 1884 г. императору, что «профессора суть должностные лица, которым вверяются высшие интересы образования отборного юношества страны»¹⁵⁷.

В целом, в результате принятия устава такой взгляд на сущность профессорской должности и утвердился – по крайней мере – в глазах императора, министра, попечителей учебных округов и иных представителей власти. Так, например, уже в 1890 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов, излагая свои соображения об участии профессоров ИМУ Ю.С. Гамбарова и А.Н. Нерсесова в армянском национальном движении, писал попечителю Московского учебного округа графу П.А. Некрасову: «[упомянутые профессора – М.Г.] должны помнить, что они русские чиновники, давшие присягу на верность службе и, следовательно, обязанные не предпринимать ни каких действий без ведома правительства»¹⁵⁸.

О том, как относились к своему «чиновничеству» сами профессора, речь пойдет в 7-й главе. Здесь остановимся на формальных обстоятельствах, необходимых для характеристики служебного и правового статуса преподавателя университета конца XIX – начала XX в.

Особенности служебного положения

Нормативные акты XIX – начала XX в. не были достаточно конкретны в отношении объема учебной нагрузки, которую должен был нести университетский преподаватель. Согласно 67-й статье университетского Устава

¹⁵⁶ Усов С. Рачители университетского устава // Отечественные записки. 1873. № 3. С. 15.

¹⁵⁷ Письмо М.Н. Каткова Александру III [июль – август 1884 г.] // Былое. 1917. № 4. С. 28.

¹⁵⁸ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4285. Л. 8 – 8 об.

1884 г., профессор был обязан «посвящать преподаванию по занимаемой им кафедре достаточное число часов в неделю, применительно к шестичасовой норме»¹⁵⁹.

Чтобы выяснить реальный объем учебной нагрузки профессоров, лекторов и приват-доцентов, следует привлечь разнообразные источники.

Так, в отчете ИТУ за 1894 г. читаем: «г[оспода] профессора и их помощники посвящали делу преподавания до 10–15, а многие и более 20 часов в неделю»¹⁶⁰.

В абсолютных цифрах в том же университете, но на следующий год, количество прочитанных лекций было следующим: на всех курсах тогда единственного медицинского факультета в течение первого полугодия было прочитано 2048 лекций, в течение второго полугодия – 1486 лекций; итого 3534 лекций. Таким образом, в течение учебного года в неделю читалось средним числом 131 лекция¹⁶¹.

Учитывая, что преподавательский состав факультета в это время насчитывал около 30 человек, в среднем каждый из них должен был читать по 4–5 лекций в неделю.

Аналогичные данные можно почерпнуть из некоторых источников личного происхождения. Так, в сентябре 1907 г. профессор ИЮУ И.И. Лаппо писал археографу И.Я. Спрогису: «С той недели предполагаю начать чтение лекций. Читаю нынче: 1) общий курс с середины XV до конца XVI столетия; 2) специальный курс по изучению Петровских реформ и 3) веду практические занятия по источникам для изучения крестьян и несвободных Московского государства XVI–XVII ст[олетий]. Всего имею шесть лекций в неделю»¹⁶².

Проблема учебной нагрузки тесно сопряжена с вопросом соотношения количества преподавателей и студентов.

¹⁵⁹ Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 29.

¹⁶⁰ Отчет о состоянии ИТУ за 1894 год. Томск, 1895. С. 82.

¹⁶¹ Отчет о состоянии ИТУ за 1895 год. Томск, 1896. С. 26.

¹⁶² Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского университета. Ф. 6-63. Л. 34.

Известно, что в рассматриваемый период рост числа студентов в университетах опережал рост числа преподавателей (не говоря уже о весьма медленном увеличении количества самих университетов). Так, на 1885 г. во всех восьми университетах обучалось около 13 тысяч студентов; в 1899 г. в девяти университетах Российской Империи насчитывалось 16,5 тысяч студентов, а вот к началу 1908 г. – уже более 35 тысяч¹⁶³, таким образом, имело место более чем двукратное увеличение численности университетского студенчества за одно десятилетие. Это происходило вследствие расширения контингента лиц, имевших право на поступление в университеты. Помимо этого, количество студентов резко выросло с утверждением предметной системы (1906 г.), поскольку теперь учащиеся могли дольше сохранять студенческий статус.

На начало рассматриваемого периода, соотношение преподавателей и студентов примерно 1:20; аналогичным оно оставалась до начала XX в. С введением предметной системы¹⁶⁴ соотношение стало доходить до показателя 1:30 (с учетом приват-доцентов).

¹⁶³ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 6.

¹⁶⁴ На начало XX в. в России пришлось реализовать любопытного нововведения в сфере высшего образования – замена курсовой системы на предметную. Суть традиционной для отечественной высшей школы курсовой системы сводилась к тому, что студенту было необходимо в течение учебного года в установленной последовательности освоить определенный набор дисциплин, строго привязанных к конкретному семестру. Система предполагала наличие единого для всех университетов учебного плана. Такой план, а также обзор преподавания, список рекомендуемой литературы, расписание подлежали утверждению министерством. Суть предметной системы заключалась в том, что вводилось свободное посещение лекций и других занятий (кроме занятий в лабораториях учебных мастерских). Студенту требовалось прослушать определенное количество предметов и сдать определенное число экзаменов. Для получения выпускного свидетельства от студента требовался зачет восьми (на медицинском факультете – десяти) полугодий. Студент был обязан выполнить требования одного из утвержденных для факультета учебных планов и подвергнуться испытанию по тем предметам, которые будут установлены для него факультетом. Он мог приступить к экзамену лишь по тому предмету, который прослушал, своевременно на него записавшись, и по которому он выполнил обязательные для него практические занятия. Экзамены отныне проводились не один раз, а в начале или в конце семестра, в некоторых университетах допускалось сдавать их в течение всего учебного года. Достоинствами этой системы стали предоставленная студентам возможность комбинировать предметы в рамках программы и возможность сдавать экзамены по мере готовности. Отстающие и талантливые получили возможность составить себе индивидуальный план обучения, равномернее распределить нагрузку, получить более прочные знания. Такая система стимулировала студента, отвечала условиям жизни малообеспеченных студентов, вынужденных, наряду с учебой, искать возможность заработка. От студента требовалось

Представляет интерес сопоставление соотношения количества преподавателей и студентов в отечественных и зарубежных университетах.

В Германии в 1870 г. соотношение университетских преподавателей и студентов было 1:9; в 1906 г. – 1:14¹⁶⁵.

В австрийских университетах в 1893/94 учебном году на 609 преподавателей (без учета приват-доцентов, которых было примерно столь же) приходилось 15456 студентов, что давало соотношение 1:25¹⁶⁶.

Детальные данные по американским вузам на начало XX в. можно почерпнуть из статьи «The salaries of professors in American colleges and universities» («Зарплаты профессоров в американских колледжах и университетах»), опубликованной в журнале «Science» в 1908 г. (таблица 1).

Таблица 1 – Соотношение количества преподавателей и студентов в избранных американских вузах в начале XX в.¹⁶⁷

Университет	Количество студентов	Количество преподавателей	Соотношение
Гарвардский университет	4012	573	7
Колумбийский университет	4087	559	7,3
Йельский университет	3306	365	9
Университет Иллинойса	3605	414	8,7

умение самостоятельно определить приоритеты, сосредоточить внимание на основных проблемах (см., например: Правила о предметной системе преподавания и экзаменов на Юридическом Факультете Императорского Харьковского университета. Харьков, 1907. 7 с.). Хотя обсуждение перспектив внедрения предметной системы велось с 1902–1903 гг., переход к ней был связан с обстоятельствами Первой русской революции; дело в том, что в течение 1905–1906 гг. в университетах не состоялось большое количество занятий, порой университеты и вовсе закрывались на продолжительное время. Компенсировать такие пропуски курсовая система не позволяла, а вот предметная – благодаря своей гибкости – позволяла студентам безболезненно наверстать пропущенный материал. Правила о переходе на предметную систему обучения были опубликованы 12 июня 1906 г.

¹⁶⁵ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1933. М., 2008. С. 68.

¹⁶⁶ Иолли Л. Народное образование в разных странах. СПб, 1900. С. 119.

¹⁶⁷ The salaries of professors in American colleges and universities // Science. Vol. 28. № 708. 1908. Jul. 24. P. 104–106.

Университет Пенсильвании	3700	375	9,8
Университет Калифорнии	2987	350	8,5
Университет Небраски	2886	173	16,6
Университет Техаса	1693	110	15,3
Университет Айовы	1791	149	12
Университет Вирджинии	785	91	8,6
Университет Западной Вирджинии	667	62	10,7
Университет Колорадо	840	112	7,5
Университет Майами	570	41	13,9
Университет Огайо	1224	38	32,2
Университет Миссисипи	344	28	12,2
Университет Орегона	570	87	6,5
Университет Рочестера	нет данных	340	—

Как видим, в российских университетах в сравнении с американскими на одного преподавателя приходилось заметно больше студентов, что свидетельствовало о недостаточности преподавательских кадров. При этом надо иметь в виду и известную неравномерность распределения студентов внутри системы российского университетского образования: около 70 % всех учащихся в начале XX в. приходилось на ИМУ, ИСПБУ и ИУСвВ и, соответственно, чуть больше 30 % – на остальные 7 университетов.

В свете анализа учебной нагрузки дореволюционных профессоров небезынтересным представляется вопрос об их «трудовой дисциплине». Источники, отложившиеся в университетских фондах, позволяют достаточно ясно восстановить картину пропуска преподавателями занятий.

По данным за январь 1887 г. двадцатью восьмью профессорами и преподавателями ИКУ было пропущено 85 часов лекций. Причинами пропусков чаще всего назывались болезнь и «нахождение в отпуску». Декан физико-

математического факультета профессор К.В. Ворошилов не провел 6 лекций потому, что исполнял обязанности присяжного заседателя в окружном суде¹⁶⁸.

Согласно ведомостям, представленным ректору ИНУ, в январе 1899 г. сорока профессорами и приват-доцентами университета было пропущено 145 часов занятий, в феврале тридцать шесть преподавателей пропустили 115 занятий, в марте – тридцать один – 110¹⁶⁹.

Обострился вопрос проведения занятий в период массовых студенческих волнений. Так, МНП было выражало возмущение решением Совета ИУСвВ, позволявшим профессорам не проводить занятия при отсутствии слушателей. Министр П.С. Ванновский в письме попечителю учебного округа В.В. Вельяминову-Зернову (февраль 1902 г.) настаивал: «Постановление Совета о предоставлении профессором права не ходить на лекции несколько дней незаконно в формальном отношении. [...] Профессоры должны подавать примеры непоколебимого исполнения обязанностей и всячески убеждать студентов, чтобы они не прерывали занятий»¹⁷⁰.

Судя по обнаруженным нами документам, всерьез за борьбу с практикой пропуска занятий министерство взялось в 1904 г.

Распоряжением от 7 мая 1904 г. МНП, обращая внимание на то, что университеты часто ходатайствуют о командировании преподавателей с научной целью за границу и внутри империи в учебное время, отмечало: «Принимая во внимание, что столь продолжительное со времени начала учебных занятий в высших учебных заведениях отсутствие их преподавателей бывает неминуемо сопряжено с усиленным чтением известного предмета в последующее время, что несовместимо с целями академического преподавания, требующего от студентов равномерных занятий в течение всего учебного года, Министерство народного просвещения просит начальства учебных округов сделать зависящее распоряжение об ограничении на будущее время срока означенных

¹⁶⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7770. Л. 13.

¹⁶⁹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 29. Л. 23 об. – 26, 50 об. – 52, 67 об. – 69.

¹⁷⁰ APW. Z. 214. S. 331. k. 125.

командировок, с приурочиванием его к сроку окончания каникул»¹⁷¹.

В июне 1904 г. министерство народного просвещения в специально выпущенном циркуляре подчеркивало то, что почти не в одном университете в начале семестра занятия не начинаются вовремя. Главной причиной этого явления называлось позднее возвращение в города значительной доли студентов, а в качестве второй причины – несвоевременное возвращение из отпусков и командировок ряда преподавателей¹⁷².

3 декабря 1904 г. МНП был обнародован документ под названием «О принятии мер к правильному течению учебной жизни в высших учебных заведениях». Министерские чиновники отмечали, что ведомости о пропуске преподавателями занятий многими высшими учебными заведениями представляются несвоевременно или не представляются вовсе, а в представляемых ведомостях «число пропущенных учебных часов из назначенных по расписаниям нередко выражается весьма значительными цифрами, доходящими по некоторым высшим учебным заведениям в среднем до 30 %, по отдельным же предметам даже до 100 %». Далее Министерство народного просвещения доводило до вузов свои указания относительно пропуска преподавателями занятий: «Перерывы в преподавании в течение учебного времени вследствие командировок или отпусков профессоров и преподавателей не должны быть допускаемы, за исключением случаев особенной важности [...]. Еще менее допустимы пропуски учебных занятий по причине посторонних занятий профессоров и преподавателей, а потому совместительство с прямыми их обязанностями иных должностей должно быть ограничиваемо тем условием, чтобы исполнение обязанностей по этим должностям не влекло за собой пропуска лекций и других учебных занятий. Равным образом расписания учебных занятий должны быть составляемы так, чтобы репетиции, экскурсии, осмотры исполненных студентами работ и экзамены по частям пройденных курсов не отвлекали г[оспод] преподающих от чтения лекций [...].

¹⁷¹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 16. Ч. 1. 1904 г. СПб, 1907. Столбец 153–154.

¹⁷² APW. Z. 214. S. 463. k. 322–325.

Малое число студентов на лекциях, особенно замечаемое в начале и перед окончанием учебных занятий, не должно служить причиной пропуска лекций со стороны профессоров и преподавателей. Пропущенные часы учебных занятий [...] должны подлежать правильной регистрации, с объяснением причин пропусков, каковые могли бы быть разделены по рубрикам: 1) болезнь и семейные обстоятельства, 2) командировки и отпуска, 3) служебные обязанности по учебному заведению, 4) неотложные занятия вне учебного заведения (напр[имер], экспертизы по приглашению суда, отправление обязанностей присяжного заседателя), причем пропущенные часы следует показывать по каждому предмету и для каждого из г[оспод] преподающих особо с указанием числа часов, назначенных по расписанию, и с выводом в отдельной графе процентного отношения [...].

Ведомости за каждое полугодие должны быть соответственно представляемы в Министерство не позже 1-го января и 1-го июля с заключением факультета или соответствующего сему последнему учреждения, которые при этом обязаны войти в обсуждение мер, могущих восстановить нарушенную значительными пропусками правильность учебных занятий каковыми мерами могли бы служить: 1) возмещение лекций, пропущенных в одном полугодии, назначением добавочных неоплачиваемых особо лекций тому же преподавателю в следующем полугодии; 2) привлечение к чтению лекций приват-доцентов за особое вознаграждение из средств учебного заведения; 3) установление особых, в случаях надобности, параллельных курсов и др.»¹⁷³.

В Варшавском архиве сохранилась Ведомость по физико-математическому факультету ИВУ за первое полугодие 1904/05 учебного года, составленная вслед за получением министерского указания. В ведомости – 15 фамилий. Только у одного из преподавателей (зоолог А.К. Мордвилко) не зафиксировано не единого пропуска. У остальных доля пропущенных лекций колеблется между 1,1 и 53,3 %, при этом средний процент пропущенных лекций равнялся 15,7. В абсолютном

¹⁷³ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 16. Ч. 1. 1904 г. СПб, 1907. Столбец 385–388. APW. Z. 214. S. 464. k. 110 об., 120. APW. Z. 214. S. 500. k. 19 об. – 22.

большинстве случаев причиной пропуска занятий значилось «болезнь и семейные обстоятельства», на второй месте со значительным отрывом – «командировки и отпуска», на третьем – «служебные обязанности по учебному заведению»¹⁷⁴.

Строгие министерские требования появились накануне революции и поначалу не дали ощутимого эффекта. В 1905–1906 гг. в отдельных университетах занятия могли не проводиться неделями. В этих условиях попечитель Казанского учебного округа С.Ф. Спешков в отношении ректору ИКУ Д.И. Дубяго от 23 января 1905 г. еще раз подчёркивал необходимость «предоставить возможность студентам, желающим работать, продолжать занятия в университете» и высказывалось требование «принять все необходимые меры для сохранения непрерывности занятий и между прочим напомнить профессорам о требовании Министерства, чтобы они читали лекции при каком бы то ни было малом числе слушателей»¹⁷⁵.

В послереволюционные годы ситуация с проведением преподавателями лекций стала нормализоваться. Так, по данным, озвученным на заседании совета историко-филологического факультета ИВУ в мае 1909 г., в завершавшемся в учебном году значительное число лекций было пропущено лишь профессором Е.А. Бобровым вследствие тяжелой болезни – 11 обязательных и 9 необязательных лекций. С целью возмещения пропущенных занятий Е.А. Бобров планировал в следующем полугодии прочитать дополнительный курс логики, но совет предложил профессору «восполнить по возможности происшедшие вследствие его болезни пробелы преподавания при чтении назначенных на будущий год нормальных курсов по психологии и истории педагогики». Помимо этого, немало занятий не состоялось по немецкому языку. Все они относились к числу необязательных и не состоялись по причине неявки слушателей¹⁷⁶. В январе же 1914 г. декан историко-филологического факультета ИВУ И.И. Замотин писал ректору С.И. Вехову: «Принимая во внимание, что пропущенные г[осподами] профессорами историко-филологического факультета

¹⁷⁴ APW. Z. 214. S. 464. k. 110 об., 139.

¹⁷⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 58.

¹⁷⁶ APW. Z. 214. S. 378. k. 44–45.

в I полуг[одии] 1913/14 уч[ебного] года лекции не превышают шести часов у каждого и преподавание по читаемым сими профессорами предметам ущерба не претерпело, историко-филологический факультет не находит нужным принимать какие-либо экстренные меры для усиления преподавания»¹⁷⁷.

Как бы то ни было, пропуск преподавателем занятий без уважительной причины во все времена являлся исключительным и неприемлемым обстоятельством. Сами же профессора традиционно склонны были полагать, что, учитывая объем учебных поручений и необходимость проводить научные изыскания, они работают с перенапряжением сил. Весьма типично в этой связи звучит фраза из дневниковой записи профессора ИМУ М.М. Богословского от 5 ноября 1915 г.; с долей иронии он записал: «Преподавательство мешает научной работе, а научная работа отвлекает внимание от преподавания: вот тягость профессорства»¹⁷⁸. Еще спустя несколько дней (9 ноября) М.М. Богословский самокритично отметит: «Я плохо читаю, между прочим, и потому, что читаю два разных курса и веду четыре разных семинария, а мысль всецело направлена на “Биографию”»¹⁷⁹. Внимание рассеивается. Так разбрасываться нельзя!»¹⁸⁰.

Вместе с этим, несмотря на серьезную нагрузку, в дореволюционной России существовал и хорошо знакомый нашим современникам типаж «профессора-совместителя». Профессор ИМУ И.А. Линниченко не без сарказма писал в брошюре в 1916 г.: «Есть профессора, числом читаемых лекций побивающие рекорд преподавателя гимназии, имеющие в разных высших учебных заведениях более 30 часов в неделю. Это уже не профессора – а настоящие граммофоны». И.А. Линниченко метко выражался о преподавателях-совместителях, говоря о их, как об «одной тетрадкой обслуживающих по несколько высших учебных заведений»¹⁸¹.

¹⁷⁷ АРШ. Z. 214. S. 329. k. 353.

¹⁷⁸ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 49 с.

¹⁷⁹ Речь о биографии Петра I, над которой в этот период работал М.М. Богословский.

¹⁸⁰ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 51 с.

¹⁸¹ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 6 об. Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг, 1916. С. 12.

Впрочем, отмечая наличие этого феномена, подчеркнем, что в рассматриваемый период он не получил такого широкого распространения, как в следующее столетие.

Обратим внимание на некоторые организационные вопросы. В дореволюционный период не было редкостью осуществление учебного процесса и прием экзаменов в домах преподавателей. Занятия на дому нередко проводили заболевшие или престарелые преподаватели, Впрочем, не только они. О занятиях на дому у приват-доцента П.Ф. Лесгафта по причине отсутствия помещений в ИСПБУ вспоминал его бывший студент И. Зайцевский¹⁸². На дому у профессоров порой устаивались не только университетские занятия, являвшиеся частью формального учебного процесса, но и неформальные домашние семинары (семинарии)¹⁸³. Ю.В. Готье, учившийся во второй половине 1890-х гг. на историко-филологическом факультете ИМУ, так описывал занятие на дому у профессора В.И. Герье: «Разбор¹⁸⁴ приходился на пасху и был назначен в доме Герье в Гагаринском переулке. С каким ужасом шел я и мои товарищи туда, с каким страхом звонили у двери, как кисел и невкусен казался нам чай с лимоном, который мы там пили, как трепетали мы в приемной, где должны были происходить занятия, ожидая, что вот-вот выйдет сейчас В[ладимир] И[ванович] из своего кабинета»¹⁸⁵.

Порой проведение таких занятий сопровождалось некоторыми административными сложностями. Так, 22 ноября 1897 г. московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов писал попечителю Московского учебного округа Н.П. Боголепову: «12-го сего ноября в квартире экстраординарного профессора уголовного права Михаила Васильевича Духовского, проживающего в

¹⁸² Зайцевский И. Слово о Лесгафте // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 171.

¹⁸³ Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С. 44–45, 48.

¹⁸⁴ Речь шла о разборе книги Н.А. Любимова «Крушение монархии во Франции: Очерки и эпизоды первой эпохи французской революции (1787–1790)» (М., 1893), что было темой семинария.

¹⁸⁵ Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 561.

собственном доме по Левшинскому переулку, имело место с неизвестной мне целью сбирще с участием значительного количества студентов Московского университета, что собственно и обратило внимание местной полиции, предварительно никем не поставленной в известность о таковом сбирще. В полученных мной по сему поводу сведений усматривается, что сбирще в квартире профессора Духовского происходило, якобы, с разрешения университетского начальства с целью обсуждения разных юридических вопросов и таковые собрания имеют продолжаться и в будущем еженедельно по средам. Так как для чинов вверенной мне полиции, своевременно не осведомленных, подобные сбирща внешними признаками мало чем отличаются от обычных недозволенных сходках учащейся молодежи, могут вызвать нежелательные недоразумения, то, во избежание сего, я об изложенном считаю долгом сообщить Вашему Превосходительству, покорнейше прося сделать распоряжение о сообщении мне сведений о всех собраниях, разрешаемых учебным начальством»¹⁸⁶. Спустя месяц, 18 декабря 1897 г., Д.Ф. Трепов повторно писал Н.П. Боголепову: «Впоследствии письма от 5 декабря за № 2605 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что последовавшее со стороны ректора императорского московского университета разрешение экстраординарному профессору уголовного права Михаилу Васильевичу Духовскому производить в текущем году в его частной квартире по Левшинскому переулку занятия со студентами, по моему мнению, могло иметь место лишь по предварительному сношению ректора со мной и получения согласия моего на допущение сего. Всякие занятия со студентами вне приспособленных для сего аудиторий или иных специальных помещений, происходящие в частных квартирах, не входящих в район надзора учебного начальства, внешними признаками своими всегда будут походить на обычные недозволенные в обывательских домах сходки учащейся молодежи, наблюдение за коими вне стен учебных заведений лежит на обязанностях полицейских чинов, которые, не будучи своевременно оповещены о целях и мотивах собрания студентов, могут со своей стороны принятием

¹⁸⁶ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4933. Л. 1 – 1 об.

законных мер к недопущению таковых соборищ вызывать нежелательные недоразумения и столкновения с учебным персоналом»¹⁸⁷.

При недостатке учебного материала для студентов большую роль играла возможность литографирования – то есть размножения печатным способом – лекций профессоров. Однако и этот вопрос решался не всегда гладко. Например, в июне 1894 г. попечитель Варшавского учебного округа А.Л. Апухтин напоминал ректору университета И.П. Щелкову, что «правилами для студентов университетов Империи, безусловно, воспрещено студентам, во время прохождения ими университетского курса, литографирование лекций и конспектов по предметам преподавания профессоров. За последнее, однако, время, до Министерства стали доходить сведения, что студенты университетов весьма часто не выполняют означенного правила и позволяют себе издавать лекции и конспекты типографическим способом, даже с разрешения цензуры, но без согласия профессоров и, следовательно, без ответственности профессоров за качество изданных лекций и конспектов и за их научное содержание. Принимая во внимание, что таким путем наносится весьма существенный ущерб преподаванию предметов университетского курса, Господин Министр народного просвещения [требуется] воспретить не только литографирование лекций и конспектов преподавания, но и печатание и все прочие способы воспроизведения их, если на то не будет разрешения профессоров»¹⁸⁸. После такого письма профессора были вынуждены писать на имя ректора отношения следующего, например, содержания: «Поручая студентам: Пакалныню Павлу (I-го курса) и Барану Михаилу (II-го курса) издать читаемые мною в текущем 189⁵/₆ ак[адемическом] году студентам I-го и II-го курсов историко-филологического факультета лекции по сравнительному языкознанию, честь имею просить Ваше Превосходительство о разрешении на литографирование этих лекций в литографии Шиллера, [улица] Новый Свет, № 21» (отношение профессора

¹⁸⁷ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4933. Л. 5–6.

¹⁸⁸ APW. Z 214. S. 200. k. 22 – 22 ob.

Г.К. Ульянова)¹⁸⁹. В ответ профессора получали от ректора такого рода удостоверение: «Дано сие удостоверение от Императорского Варшавского Университета ординарному профессору оного, Действительному Статскому Советнику П.А. Кулаковскому в том, что он заявил желание литографировать свои лекции по Юго-славянской народной поэзии, читаемые им в текущем 1896/7 учебном году студентам 3 и 4 курсов Историко-филологического факультета, в литографии Пясецкого, находящейся по улице Новый Свет, № 32. Настоящее удостоверение выдается профессору Кулаковскому для предоставления в случае надобности цензурным властям»¹⁹⁰.

Что касается контроля со стороны преподавателей посещения студентами их занятий, то в рассматриваемый период эта тема имела особое звучание. В силу внедрения гонорарной системы¹⁹¹, вставал вопрос о посещении студентами занятий именно тех преподавателей, на которых они записались. Однако, судя по многочисленным свидетельствам, такой контроль на практике не осуществлялся. Например, профессор ИУСвВ Ю.А. Кулаковский писал: «Что же касается до преподавателя, то невозможно предположить, и конечно, не было случая, чтобы он сам в аудитории проверял прав студентов его слушать, осведомляясь у них, заплатили ли они за его курс а затем устранял из аудитории тех, кто не заплатил»¹⁹².

О реальном числе студентов в аудиториях в одном из университетов можно судить по документу «Список аудиторий, лабораторий и кабинетов в Новороссийском университете с показанием предметов преподавания, числа студентов, подписавшихся на каждый предмет, и числа мест в означенных помещениях». Этот документ был подготовлен в 1887 г. Согласно «Списку», больше всего слушателей было у приват-доцента С.И. Иловайского (дисциплина «Финансовое право», 170 студентов), профессора А.Н. Кудрявцева (дисциплина «Каноническое право», 120 студентов), профессора Н.Е. Чижова (дисциплина

¹⁸⁹ APW. Z 214. S. 200. k. 30.

¹⁹⁰ APW. Z 214. S. 200. k. 54.

¹⁹¹ См. подробно во 2-м разделе 2-й главы и в 1-м разделе 7-й главы.

¹⁹² Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. С. 42.

«История философии права», 151 студент), при этом на курсы 42 преподавателей записалось меньше, чем по 15 студентов¹⁹³.

Оценивая дисциплину студентов на занятиях, профессор ИСПбУ А.А. Иностранцев, служивший по совместительству в ряде иных учебных заведениях Санкт-Петербурга, вспоминал: «Сравнивая состав бывших моих аудиторий по внимательности и уважению к профессору, я могу поставить на первом плане военные Академии, где, очевидно, военная дисциплина приучила слушателей быть в аудитории до прихода профессора. На втором плане стоят Высшие женские курсы, где уже вполне самостоятельно были заведены свои порядки и тишина на лекциях была идеальная [...]. Университетские лекции читались и читаются только на старших курсах, вполне дисциплинированных, а потому и порядок на лекциях у меня никогда не нарушался. На последнем плане в этом отношении я поставил Технологический институт»¹⁹⁴.

Весьма распространенной формой выражения одобрения студентами понравившихся лекций были аплодисменты. Однако, еще в 1848 г. было выпущено Предписание министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа о запрещении студентам выражать на лекциях одобрение профессорам аплодисментами¹⁹⁵. Действовал этот запрет, хотя, по воспоминаниям современников, не очень строго соблюдался, и в конце 1880-х гг.¹⁹⁶

Интересно, что отношение самих профессоров к такой форме проявления слушателями чувств было совсем неоднозначным. Например, профессор ИТУ И.А. Малиновский оставил об этом явлении достаточно нейтральные воспоминания: «Лекции мои нравились студентам. Аплодировали не только после вступительной, но и долго потом после каждой лекции, пока это, наконец, не показалось лишним»¹⁹⁷.

¹⁹³ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 313. Л. 32–41.

¹⁹⁴ Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 131.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Д. 3.

¹⁹⁶ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 103–104.

¹⁹⁷ Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор),

Ю.В. Готье зафиксировал следующую реакцию профессора В.О. Ключевского на аплодисменты после лекции: «Тут он, сделав испуганное лицо, ускорял шаг, исподлобья боком бросал сердитые взгляды на студентов и отмахивался от них обеими ладонями рук»¹⁹⁸.

Любопытными наблюдениями о реакции профессоров на аплодисменты поделился Б.А. Щетинин, учившийся в конце 1880-х гг. на юридическом факультете ИМУ. Согласно его воспоминаниям, профессора А.И. Чупров и И.И. Янжул демонстрировали отрицательное отношение к этой практике. Так, профессор А.И. Чупров, по словам Б.А. Щетинина отреагировал следующим образом: «Господа! Я очень благодарен вам за сочувственный прием, но усердно прошу вас на будущее время воздержаться от всяких оваций по моему адресу. Не нужно дразнить инспекцию, это невыгодно ни для вас, ни для меня: у вас могут выйти разные неприятные столкновения, а я буду чувствовать себя до некоторой степени связанным. Лучше, господа, давайте вести себя корректно, чтоб не вызывать понапрасну ничьих подозрений и не чувствовать над собой нежелательного надзора со стороны профанов науки». «Нечего и говорить – продолжает Б.А. Щетинин – что с той поры мы уже ни разу не аплодировали Чупрову».

Что касается реакции профессора И.И. Янжула, то Б.А. Щетинин оставил об этом такое воспоминание: «Лишь только раздались по его адресу рукоплескания, как он остановил нас энергичным жестом и сказал: “Господа! Здесь не цирк, и я не клоун... Прошу мне не хлопать!”»¹⁹⁹.

Различная, но, как видим нередко болезненная реакция профессоров-лекторов на аплодисменты от слушателей, вероятно, объясняется тем, что такая

С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 288.

¹⁹⁸ Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 566.

¹⁹⁹ Щетинин Б.А. Первые шаги (Из недавнего прошлого) // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 540.

практика многими из них воспринималась как неуместная в университетских стенах, для которых больше подходила строгая академическая сдержанность.

Права и привилегии

В соответствии со «Сводом уставов о службе гражданской», должностям профессоров и преподавателей соответствовали чины определенных классов «Табели о рангах». В силу этого университетские преподаватели пользовались особыми правами и преимуществами, получали ордена за усердную службу. Должность ректора университета соответствовала IV классу «Табели о чинах гражданских» (действительный статский советник²⁰⁰), ординарного профессора – V классу (статский советник), экстраординарного профессора – VI классу (коллежский советник), лектора – только VIII классу (коллежский асессор).

Заметим, что если до 1856 г. обладание чином V класса – статского советника – обеспечивало потомственное дворянство, то позднее оно могло быть приобретено только, начиная с чина IV класса. По состоянию на 1903 г. в Российской империи насчитывалось 3113 действительных статских советников, а, например, в ИТУ, по подсчетам С.А. Некрылова, этот чин за период службы в университете получили 18 профессоров, не имевших дворянского происхождения²⁰¹.

Правила чинопочитания предполагали обращение (титулование), соответствовавшее чину: «Ваше превосходительство» – к обладателю чина IV класса, «Ваше высокородие» – к обладателю чина V класса, «Ваше высокоблагородие» – к обладателю чина VI и VIII классов.

Любопытное воспоминание об отношении иностранных профессоров к чинам оставил литературовед В.В. Вересаев, учившийся на медицинском факультете ИДУ в 1888–1893 гг.: «...читали профессора-немцы, в большинстве приглашенные из Германии. [...] Все они очень любили чины и в публикуемых немецких своих работах обязательно ставили под своим именем: “russischer

²⁰⁰ «действительный» – в значении «настоящий», «полный». См.: Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб, 1999. С. 155.

²⁰¹ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 83.

Staatsrath” или “russischer wirklicher Staatsrath” (“русский статский советник” или “русский действительный статский советник”). Эта любовь и почтение к чинам были, впрочем, вообще особенностью германских профессоров и в самой Германии. Мировой ученый, имя которого стоило каких угодно высоких чинов, обижался, если его называли “господин профессор”, а не “господин тайный советник”»²⁰². Впрочем, здесь В.В. Вересаев несколько переигрывает, поскольку чин тайного советника относился к III классу и соответствовал должностям министра, товарища министра, сенатора, иногда – губернатора или попечителя учебного округа, а в преподавательской университетской среде был весьма редок.

Как и прочие чиновники, профессора за «усердную службу» получали государственные награды. Согласно «Своду уставов о службе гражданской», по форме награды могли быть довольно разнообразны: объявление Высочайшей благодарности и благоволения, подарки, денежные выдачи²⁰³, но самой распространенной и регулярной формой были ордена. Отличия по гражданской службе отмечались орденами Св. апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Владимира, Св. Анны и Св. Станислава. Но первые три из них полагались только чинам I–III классов. Редкие для профессуры ордена Св. Александра Невского и Белого Орла были, например, у профессора ИУСвВ В.А. Караваева.

Награждение орденами производилось в следующей постепенности: Св. Станислава 3-й степени – Св. Анны 3-й степени – Св. Станислава 2-й степени – Св. Анны 2-й степени – Св. Владимира 4-й степени – Св. Владимира 3-й степени – Св. Станислава 1-й степени – Св. Анны 1-й степени – Св. Владимира 2-й степени – Белого Орла – Св. Александра Невского.

При награждении орденом применялась следующая формулировка: «Профессор православного богословия Императорского Казанского университета, Протоирей Николай Миловидов Всемиловейше сопричислен к ордену

²⁰² Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания [Электронный ресурс] //brusl.ru: Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения: 03.01.2016).

²⁰³ СЗРИ. М., 1910. Кн. 1. Т. 3. Свод уставов о службе гражданской. Кн. 1. Ст. 664.

Св. Анны 3 ст. за усердную службу по ведомству Министерства Народного Просвещения»²⁰⁴.

При получении ордера орденоседец должен был в 4-месячный срок уплатить взнос в Капитул орденов. Например, за орден Св. Анны 2-й степени – 35 руб., за орден Св. Анны 3-й степени – 20 руб., за орден Св. Станислава 2-й степени – 30 руб., за орден Св. Станислава 3-й степени – 15 руб.

Следует подчеркнуть, что ордена полагались не столько за выдающиеся заслуги и подвиги, сколько за исправную службу. Практически все профессора императорских университетов с течением времени получали эти награды. Например, из пяти сотен штатных профессоров и преподавателей, служивших в отечественных университетах в 1887/1888 учебном году, те или иные ордена имелись у 399 человек²⁰⁵.

Как чиновники профессора пользовались рядом привилегий²⁰⁶. В соответствии с Высочайше утвержденным 27 июля 1893 г. «Списком должностям, исполнение коих освобождает от призыва в войска», университетские преподаватели не несли военную службу²⁰⁷.

Однако, в этот список оказалась не включена должность лектора русского языка ИВУ. В сентябре 1895 г. А.В. Михайлов, занимавший эту должность, обращался к ректору П.И. Ковалевскому с просьбой возбудить ходатайство о включении своей должности в список²⁰⁸. Ходатайство действительно было возбуждено, и 29 декабря 1895 г. было принято положительное решение по этому вопросу²⁰⁹. 2 января 1898 г. было принято постановление «О включении в список должностей, освобождающих от призыва в войска, приват-доцентов, не имеющих степени магистра, но допущенных к постоянному преподаванию в

²⁰⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7868. Л. 11.

²⁰⁵ Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1887/8 учебный год. СПб, 1887.

²⁰⁶ См.: Еремина Т.И. Служебные льготы профессоров университетов в Российской империи // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: сборник научных трудов ежегодной Всероссийской научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. М., 2014. С. 44–50.

²⁰⁷ Сборник узаконений и распоряжений Правительства за 1893 г., ст. 1134.

²⁰⁸ APW. Z. 214. S. 648. k. 88.

²⁰⁹ APW. Z. 214. S. 648. k. 90.

университетах»²¹⁰. В представлении этого предложения в Кабинет Министров говорилось, что привлечение «приват-доцентов к исполнению воинской повинности причиняет существенный вред преподаванию в университетах».

С началом мировой войны изменилась ситуация для подданных иных государств. В частности, на службу в французскую армию были мобилизованы некоторые преподаватели российских университетов. Так, лектор французского языка ИВУ А. Мансюи в 1914 г. был зачислен солдатом в 52-й территориальный полк французской армии. Уже 18 сентября 1914 г. появилось Высочайшее повеление, согласно которому за призванными во французские войска преподавателями в гражданских учебных заведениях сохранялись занимаемые ими должности. В соответствии с этим, ректор ИВУ С.И. Вехов в ноябре 1914 г. обратился к факультету: «Имею часть просить историко-филологический факультет [...] о временном обеспечении преподавания французского языка впредь до возвращения г. Мансюи»²¹¹.

О льготах материального характера и особенностях пенсионного обеспечения профессоров см. во 2-м разделе этой главы.

Обязанности

Статус имперских чиновников накладывал на профессоров ряд обязанностей и ограничений.

Профессора и преподаватели были обязаны носить в университете форменный мундир. Сначала на них распространялось общее положение для чинов гражданского ведомства. Но в октябре 1897 г. было выпущено специальное «Положение о форменной одежде для чинов Министерства народного просвещения»²¹². Положение регламентировало внешний вид и правила ношения профессорами различных видов одежды во время исполнения ими служебных обязанностей.

Вот что и как полагалось носить:

²¹⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. 1897–98. 1902. Столбец 1159–1196.

²¹¹ APW. Z. 214. S. 425. k. 151 – 151 об.

²¹² Положение о форменной одежде для чинов Министерства народного просвещения: [Утв. 30 окт. 1897 г. Москва], 1898. 8 с.

– гражданский полукафтан, или мундир, с шитьем (узор шитья различался по учебным округам); цвет шитья и пуговиц устанавливался общий по всему ведомству – золотой; при мундире полагались треугольная шляпа и шпага;

– мундирный фрак – для лиц, занимавших должности не ниже IV класса, то есть только для ректора;

– двубортный сюртук темно-синего сукна с отложенным бархатным воротником;

– дорожная форменная одежда (тужурка) черного сукна, двубортная в виде укороченного пальто; отвороты у бортов должны были быть черного сукна, а у лиц, состоявших в чинах не ниже IV класса, – синего; аналогичное правило распространялось на плащ и пальто;

– брюки предписывались суконные темно-синие, при дорожной форме – черные, а при парадной форме у лиц, занимавших должности не ниже IV класса, – белые или темно-синие с золотым галуном²¹³.

– жилет должен был соответствовать цвету мундира.

В летнее время дозволялась замена на одежду из беленого или небеленого полотна. На сюртуке, тужурке, плаще, пальто предусматривались плечевые знаки – поперечные из синего бархата, на который нашивалась золотая тканая рогожка со звездочками, соответственно чинам: у действительного статского советника (ректор) – сплошная рогожка с двумя вышитыми канителью и блестками звездочками; у статского советника (ординарный профессор) – сплошная рогожка с одной вышитой канителью и блестками звездочкой; у коллежского советника (экстраординарный профессор) – рогожка при двух узких просветах без звездочек; у коллежского асессора (лектор) – рогожка при двух узких просветах с двумя металлическими звездочками. Фуражка должна была быть темно-синего сукна.

Вся выше перечисленная одежда разделялась на парадную, праздничную, будничную и дорожную, и отдельные ее элементы должны были носиться в соответствии к подходящим случаям. Например, праздничная (мундир и темно-

²¹³ Галун, или позумент – золотая, серебряная или мишурная (медная, оловянная) тесьма.

синие брюки) – при представлении Императору и особам Императорской фамилии²¹⁴.

В источниках зафиксирована практика ношения форменной одежды.

Ю.В. Готье, поступивший в 1891 г. на историко-филологический факультет ИМУ, описывал в своих воспоминаниях профессора В.И. Герье как одетого «всегда в простой сюртук, в отличие от других профессоров, носивших в то время еще форменные фраки»²¹⁵.

Профессор ИТУ И.А. Малиновский вспоминал: «В то время [описывается 1898 г. – М.Г.] профессора обязаны были быть в форме при исполнении служебных обязанностей. Форма была двух родов: старая, традиционная – вице-мундир и новая, заведенная министром юстиции Муравьевым для членов судебного ведомства, а потом заведенная и другими ведомствами – сюртук с погонами на плечах (я заказал себе вицмундирную пару)»²¹⁶.

Извещая профессоров о визите в ИМУ в 1901 г. министра П.С. Ванновского и приглашая их в актовый зал для представления министру, ректор А.А. Тихомиров указывал: «Одежда: мундир, у неимеющих одного – вицмундир (при орденах)»²¹⁷.

Однако, как свидетельствуют архивные источники и воспоминания современников, положение о форменной одежде нередко нарушалось. Так, попечитель Киевского учебного округа С.П. Голубцов писал ректору университета Н.А. Лавровскому в августе 1885 г., что по дошедшим до МНП сведениям, «профессора и преподаватели [университета Св. Владимира], несмотря на сделанное бывшим министром народного просвещения графом Толстым распоряжения о постоянном ношении профессорами форменной одежды, являются даже на тождественные собрания в партикулярном платье».

²¹⁴ ЖМНП. 1898. Апрель. [пагин. 1-я]. С. 25–29.

²¹⁵ Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 559.

²¹⁶ Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 287.

²¹⁷ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 70. Д. 420. Л. 13.

Передавая слова действовавшего министра, попечитель просил от его имени ректора «принять зависящие меры к предупреждению на будущее время появления профессоров на лекции в партикулярном платье. Это требование представляется тем более необходимым, что пренебрежение им может служить дурным примером для студентов, обязанным быть в форменной одежде»²¹⁸.

При награждении иностранным орденом следовало получить разрешение на его ношение. Действовавшие правила требовали обращения ходатай к ректору, ректора – к попечителю, попечителя – к министру; последний во форме всеподданнейшего доклада обращался к императору и только последний мог дать разрешение на ношение русским подданным иностранных орденов.

Например, в 1893 г. профессор ИУСвВ Ф.К. Борнгаунт ходатайствовал о праве ношения ордена, пожалованного ему Герцегом Ольденбургским²¹⁹. В январе 1895 г. заслуженный профессор того же университета И.И. Рахманинов ходатайствовал о праве ношения ордена Св. Саввы 2-й ст., пожалованного ему сербским королем²²⁰. Такой вопрос должен был быть решен на самом высоком уровне, и в апреле 1895 г. попечитель Киевского учебного округа В.В. Вельяминов-Зернов сообщил ректору Ф.Я. Фортинскому о том, что императору Николаю II «благоугодно было [...] Всемиловейше соизволить на принятие и ношение [...] пожалованного [...] ордена»²²¹.

Аналогичные правила действовали в отношении получения иностранного почетного диплома или звания. Например, в марте 1886 г. профессору ИКУ Д.Л. Нагуевскому был вручен диплом на звание почетного профессора итальянского Академического института Его Величества короля Гумберта I, а также присваиваемый к этому званию знак итальянского «Общества Белого Креста» для ношения на шее. Получив эту награду, Д.Л. Нагуевский обратился к ректору Н.А. Кремлёву с просьбой о возбуждении ходатайства на право ношения

²¹⁸ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 220. Л. 1 – 1 об.

²¹⁹ ГАК. Ф. 16. Оп. 332. Д. 54. Л. 2 – 2 об.

²²⁰ ГАК. Ф. 16. Оп. 334. Д. 26. Л. 1.

²²¹ ГАК. Ф. 16. Оп. 334. Д. 26. Л. 3.

знака²²². Это вопрос рассматривался в МИД, куда его переадресовали из МНП. МИД признал «невозможным испрашивать Высочайшего соизволения на принятие и ношение» знака итальянского общества, поскольку Академический Институт «по отзыву нашего посольства в Риме, законом не признан и не имеет никаких прав награждать дипломами, крестами или другими подобного рода знаками отличия»²²³. Однако возражений относительно возможности ношения профессором Д.Л. Нагуевским знака со стороны министерств не последовало, и ходатайство было удовлетворено.

Стоит отметить, что подобные прошения чаще всего без затруднений удовлетворялись. Так, ординарный профессор ИВУ Ф.Ф. Вержбовский в январе 1905 г. получил разрешение МВД принять звание действительного члена филологического отдела Краковской академии наук²²⁴.

Для того, чтобы жениться, преподаватели университетов спрашивали разрешение ректора. Так, в мае 1888 г. ординарный профессор ИУСвВ П.П. Цитович направил прошение на имя ректора Н.К. Ренненкампа: «Предполагая вступить в законный брак с дочерью подполковника девицею Александрой Аркадьевной Корниенко, покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне установленный для этого разрешительный документ»²²⁵. В выдаваемом ректором свидетельстве, который составлялся на основе формулярного списка, приводились сведения о возрасте, вероисповедании, чине, прежних браках (если таковые имелись) просителя²²⁶.

Профессора как «особые» чиновники

Итак, с формальной точки зрения, русские профессора, безусловно, являлись чиновниками, но при этом невозможно было не признавать, что при всем желании образ жизни и профессиональной деятельности профессора не мог совпадать с паттернами поведения кабинетного «столоначальника». Е.А. Вишленкова замечает, что «если чиновник, как правило, не был защищен

²²² НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7718. Л. 1.

²²³ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7718. Л. 3 – 3 об.

²²⁴ APW. Z. 214. S. 665. k. 406.

²²⁵ ГАК. Ф. 16. Оп. 327. Д. 78. Л. 1.

²²⁶ ГАК. Ф. 16. Оп. 327. Д. 78. Л. 2.

корпоративной поддержкой и нёс персональную ответственность за выполнение служебных поручений, то в университете ситуация была иная. Отсутствие преподавателя на занятиях (из-за болезни, пьянства, домашних обстоятельств или поездки “по казенной нужде”), как правило, покрывалось перераспределением его обязанностей среди коллег»²²⁷. Кроме того, «поскольку, в отличие от чиновника, служба профессора не была жестко привязанной к присутственному месту, затраченное им время с трудом поддавалось измерению и административному контролю»²²⁸.

Действительно, многими видами профессиональной деятельности профессора занимались не в университетских кабинетах, а у себя дома: готовились к лекциям и семинарам, нередко проводили сами занятия, занимались научными исследованиями, если они не требовали соответствующего оборудования, описывали их результаты и пр.

2.2. Качество жизни профессоров и преподавателей

В контексте нашего исследования интерес к материальной стороне жизни университетских преподавателей предопределяется тем обстоятельством, что степень престижа их профессии не в последнюю очередь была связана с экономическим положением профессоров и их семей.

Источники доходов

Материальный достаток человека может определяться как получаемыми доходами от результатов деятельности, так и «стартовыми позициями» — наличием/отсутствием приносящего доход имущества, доставшегося по наследству. Вопреки расхожему мнению, в рассматриваемый период среди профессоров и преподавателей вовсе не преобладали выходцы из потомственного

²²⁷ Вишленкова Е.А. Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 33.

²²⁸ Вишленкова Е.А. Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 34.

дворянства: удельный вес таковых лиц с середины XIX в. неизменно падал и дошел к 1917 г. до 33 %.

Впрочем, и принадлежность к потомственному дворянству в начале XX в. уже вовсе не означала обладания значительным состоянием. По подсчетам А.Е. Иванова, основанным на анализе «Списка лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г.», накануне революции лишь 12,6 % штатных преподавателей университетов обладали земельной собственностью и домами. Землевладельцев было 6,3 %. Этот процент складывался из 3,8 % мелких и средних и 2,5 % крупных (свыше 500 десятин) землевладельцев. Только один профессор владел имением в 6 000 десятин²²⁹.

Таким образом, можно утверждать, что для большинства профессоров и преподавателей основным источником благосостояния являлось чиновничье жалование, получаемое по линии министерства народного просвещения, а также доходы от иной профессиональной деятельности.

Раскрывая тему источников доходов профессоров и преподавателей, в первую очередь необходимо остановиться на анализе размера жалования.

Как известно, размер преподавательского жалования фиксировался в университетских уставах, которые четырежды принимались на протяжении XIX в. Проследим эволюцию размеров жалования в XIX столетии.

По уставу 1804 г. профессора получали 2 000 руб., а адъюнкты – 800 руб.

По уставу 1835 г. содержание ординарных профессоров равнялось уже 4 500 руб. ассигнациями, экстраординарных – 3 400 руб., адъюнктов – 2 300 руб.

Устав 1863 г. утвердил содержание ординарных профессоров в размере 3 000 руб. (соответствовало 10 500 руб. ассигнациями), экстраординарных – 2 000 руб. (соответствовало 7 000 руб. ассигнациями), доцентов – 1 200 руб. (соответствовало 4 200 руб. ассигнациями).

Устав 1884 г. не изменил размер содержания ординарных и экстраординарных профессоров²³⁰.

²²⁹ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 224.

²³⁰ Заметим, что в начале XIX в. жалование профессоров ИДУ было выше чем в других

Таким образом, после 31 года действия первого устава номинал содержания был увеличен в 2,25 раз. Спустя еще 28 лет содержание выросло в 2,3 раза, но больше уже не менялось вплоть до кануна февральской революции 1917 г. Однако, как не сложно догадаться, названные увеличения жалования в лучшем случае покрывали инфляцию и вовсе не означали качественное улучшение уровня достатка университетских преподавателей.

Заработавшие пенсию профессора, лишались жалования, правда, при желании они могли остаться в университете в статусе сверхштатных. Такие профессора продолжали нести небольшую учебную нагрузку. 15 декабря 1899 г. было принято постановление о выделении из средств Государственного Казначейства по 32 400 руб. в год на вознаграждение²³¹ сверхштатным профессорам (выбывших за выслугу лет) Императорских университетов²³².

В 1884 г. Соединенные Департаменты Законов и Экономии Государственного Совета, обсудив проект устава 1884 г., вынуждены были признать, что «материальное положение профессорской коллегии должно было остаться и на будущее время почти столь же мало обеспеченным» и что это обусловлено неблагоприятным положением финансовых средств государства. Члены Госсовета сохраняли надежду, что «такая причина, быть может, по прошествии некоторого времени устранился, явится и возможность удовлетворить потребности университетов в полной мере», именно поэтому «нельзя не признать предпочтительным утверждение проектированных штатов лишь временно, на три года, с тем, чтобы, по истечении сего срока, Министр Народного Просвещения, основываясь на указаниях опыта, представил на уважение Государственного Совета окончательные предложения об устройстве материального положения Университетов»²³³. Однако, признанные «временными», штаты российских университетов не претерпели изменений вплоть до кануна февральской революции 1917 г., когда было принято – вновь

университетах, но в рассматриваемый период оно было уже одинаковым.

²³¹ Например, в ИТУ такие профессора получали по 1 200 руб. в год.

²³² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. 1897–98. 1902. Стлб. 1995.

²³³ Отчет по Государственному Совету за 1884 год. СПб, 1886. С. 295.

«временное» (!) «Расписание окладов содержания лицам, состоящим по учебной части Императорских Российских университетов» (1916 г.).

Вместе с тем необходимо заметить, что масштабы Российской империи учитывали некоторые региональные особенности университетов. Так, профессора и преподаватели ИТУ пользовались льготами, установленными «Положением о заработной плате и льготах в Сибири»: они получали полуторное содержание. Кроме того, к основному содержанию ординарных и экстраординарных профессоров по истечении 5 и 10 лет службы были положены прибавки в размере 20 % и 40 % жалованья²³⁴.

Особая система расчета окладов существовала и в ИВУ. Профессорам и преподавателям, служившим в самом западном университете империи, полагалась 20-процентная прибавка к штатным окладам, что увеличивало их до 3 600 руб. (у ординарных профессоров), 2 400 руб. (у экстраординарных профессоров) и 1 440 руб. (у доцентов, сохраненных в штате этого университета). Кроме того, после первых пяти лет службы делалась прибавка в 25 % к тому окладу, который получал преподаватель; по выслуге следующих пяти лет делалась вторая 25-% прибавка, но при этом отменялась указанная выше 20-% прибавка²³⁵. Третье и четверное пятилетия службы также вели к новым 25-% прибавкам, и профессора, прослужившие 20 лет в ИВУ, получали 100-% прибавку к жалованию²³⁶. Таким образом, преподавательский корпус ИВУ имел оклады от 1 440 до 6 000 руб. в год. Эта цифра увеличивалась для преподавателей, в чьих семьях воспитывались дети в возрасте от 9 до 17 лет – максимум – на 450 руб. в год.

²³⁴ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 102.

²³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 530. Л. 5 – 8 об.

²³⁶ Норма, предусматривавшая 25-% надбавки, была введена Правилами о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского, от 30 июля 1867 г. При этом, чиновникам, служившим не по учебной части, полагались только 15-% надбавки. См. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. Т. XLII. Отделение I. СПб, 1867. № 44887.

Названная норма была уточнена Правилами об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского от 13 июня 1886 г., которыми были предусмотрены только две прибавки. Причем те профессора, которые успели заслужить 100-% прибавку за 20-летнюю службу, продолжили ее получать. См. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. VI. СПб, 1888. № 3817.

Отдельно стоит сказать о том, на какое содержание могли рассчитывать приват-доценты. Приват-доценты пользовались гонораром (см. ниже); помимо этого, они могли получать вознаграждение на следующих условиях: приват-доценту с разрешения МНП могло быть поручено временное исполнение обязанностей по вакантной кафедре с вознаграждением, не превышавшем половины оклада ординарного профессора. Это практиковалось либо, когда не было ни одного профессора, либо, когда кафедра была представлена одним профессором, а нужды преподавания требовали расширения кадров.

Кроме того, для поощрения тех приват-доцентов, «коих преподавание оказалось особенно полезным» по представлению попечителей учебных округов раз в полугодие МНП могло выдать дополнительные средства. Так, в середине 1880-х гг. на 6 действовавших тогда университетов по данной статье выделялось 60 000 руб.²³⁷

В 1898 г. Совет ИУСвВ таковыми («коих преподавание оказалось особенно полезным») посчитал 4 приват-доцентов историко-филологического факультета, запросив 200 руб. каждому, 6 приват-доцентов физико-математического факультета, запросив для них от 200 до 600 руб., и 1 приват-доцента юридического факультета, предложив выплатить ему 100 руб.²³⁸ Отметим, что всего в том году в университете числилось 45 приват-доцентов²³⁹. При этом МНП из своих средств готово было поощрять лишь тех приват-доцентов, которые читали обязательные курсы по предметам, необеспеченным штатными преподавателями. В архивах сохранились свидетельства отказа МНП выписывать суммы приват-доцентам, если те не соответствовали указанным условиям²⁴⁰.

В 1899 г. МНП еще раз подтвердило, что «будет назначать вознаграждение впредь на год или полгода вперед из сумм, находящихся в его распоряжении, лишь тем приват-доцентам факультета, которые читают обязательные курсы по поручению факультета. [...] Все остальные приват-доценты, читающие

²³⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 297. Л. 290 об.

²³⁸ ГАК. Ф. 16. Оп. 337. Д. 76. Л. 4, 4 об.

²³⁹ ГАК. Ф. 16. Оп. 337. Д. 76. Л. 16–17, 20–21, 24–29.

²⁴⁰ ГАК. Ф. 16. Оп. 337. Д. 76. Л. 7 – 7 об.

необязательные для всех студентов данного семестра курсы, но очень важные для полноты преподавания факультетских предметов, могут рассчитывать получить некоторое вознаграждение за свой труд преподавания иногда только через год или полгода по окончании ими чтения данного курса. [...] Очевидно, такие приват-доценты в ожидании возможного ассигнования им некоторого вознаграждения за их преподавательский труд должны искать средства для своего существования путем посторонних заработков, если только они не обеспечены достаточно лично своими средствами, каковых среди приват-доцентов Казанского физико-математического факультета не имелось и не имеется»²⁴¹.

Вопрос повышения окладов профессоров и преподавателей поднимался неоднократно. Обсуждался он и в 1902 г. во время работы Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений.

Перед началом работы комиссии советам университетов было предложено дать ответ на 18 вопросов. Среди них значился и такой: «В какой мере должно быть увеличено штатное содержание профессоров, при котором они, не обременяя себя посторонними университету занятиями, получили бы возможность отдавать свое время и силы научным и образовательным трудам и не только читать лекции, но и деятельно вести практические занятия со студентами?».

О несправедливо низких окладах в российских университетах высказывались многие члены Комиссии на заседании 2 декабря 1902 г. Вот одно из показательных высказываний: «Лицо, оставленное при университете, написавшее и защитившее диссертацию, на что им потрачено, примерно, около 5 лет, может рассчитывать при современных условиях лишь на 1 200 р[уб]. содержания, между тем, как его товарищ по университету, по окончании курса поступивший на государственную службу и занимающий, положим, должность помощника акцизного надзирателя, получает более 2 000 р[уб].; столоначальник Министерства Финансов, занимающий должность VII класса, получает в общем до 3 000 р[уб.], начальник отделения в Департаменте Общих Дел получает до

²⁴¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9928. Л. 12–13.

7 000 р[уб]., а начальники отделений Министерства Финансов, зачастую состоящие представителями министерства в частных коммерческих учреждениях, доводят свое содержание до значительно больших размеров»²⁴². Члены Комиссии сошлись на необходимости увеличении до 6 000 тысяч руб. годового оклада ординарного профессора и 4 000 руб. – оклада профессора экстраординарного²⁴³.

В сентябре 1902 г. Министерство народного просвещения разослало попечителям учебных округов письма с оповещением готовящегося повышения жалования лиц, состоявших на учебной службе. Речь велась о примерно 20-% увеличении, которое, впрочем, сулилось не всем. «Министр финансов, с которым Министерство вошло по сему делу в отношение – говорилось в письме – уведомил, что он со своей стороны не встречал бы в принципе препятствий к испрошению разрешения Государственного Совета на отпуск из казны начисленной суммы и на увеличение содержания в преподавательскому персоналу, но полагал бы, что не все без различия оклады должностных лиц учебной службы должны были быть повышены на 20 %, так как ныне получаемое содержание является весьма неравномерным не только по отдельным категориям учебных заведений, но даже в отношении различных должностных лиц одного и того же учебного заведения, и потому присвоенные ныне оклады содержания нуждаются в увеличении далеко не в одинаковой степени. Так, наряду с лицами действительного могущими заслуживать прибавки содержания есть много таких должностных лиц, материальное положение которых, благодаря различным условиям, как, например, вследствие получения учебной пенсии по службе, является сравнительно уже достаточно обеспеченным, и, наконец, существует много лиц, содержание которых если и может быть признано нуждающимся в увеличении, то лишь в весьма незначительной степени»²⁴⁴.

Увеличение на 20 % всех окладов могло бы, по мнению министерства, лишь усилить существовавшую неравномерность в вознаграждении. Министерства

²⁴² Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 2. СПб, 1903. С. 124.

²⁴³ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 2. СПб, 1903. С. 127.

²⁴⁴ APW. Z. 214. S. 177. k. 280.

народного просвещения и финансов были готовы установить 20-% надбавки для всех штатных преподавателей, кроме тех, которые получали пенсию и/или гонорар свыше 1000 руб. в год; помимо этого, надбавка не полагалась лицам, занимавшим административные должности ректоров университетов, деканов, секретарей факультетов²⁴⁵. Но эта норма вступила в силу лишь в 1909 г. Правило о 20-процентной надбавке не распространялось на профессоров и преподавателей ИТУ и ИВУ²⁴⁶, так как в них существовали иные принципы увеличения базовой суммы жалования.

В дальнейшем, без изменения штатных окладов, размер реального жалования штатных преподавателей увеличивался «явочным порядком». Например, на 1913 г. в государственный бюджет на эти цели по инициативе МНП был внесен дополнительный кредит в 250 тыс. руб.²⁴⁷

Всерьез российские власти вознамерились повысить преподавательское жалование только в условиях заметного удорожания жизни в годы Первой мировой войны. В декабре 1915 г. министр народного просвещения П.Н. Игнатьев разослал ректорам университетов письмо, в котором просил университетские власти «в виду общей дороговизны, вызванной исключительными обстоятельствами военного времени» представить свои соображения о размере «пособий, которые могли бы быть выданы единовременно лицам преподавательского персонала»²⁴⁸. Советы университетов в качестве минимальной необходимой доплаты к ежегодному жалованию называли сумму в 2 000 руб.²⁴⁹ Совет ИТУ был более скромнее; томские профессора решили подойти к вопросу дифференцированно и запросили для себя прибавку в размере от 185,5 до 809,5 руб., в зависимости от полученного в текущем году гонорара²⁵⁰.

В этот же период министерство выражало готовность увеличить оклады преподавателей открывавшегося в Перми отделения ИПГУ. В 1916 г. министр

²⁴⁵ АРВ. Z. 214. S. 177. k. 249.

²⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 91 – 91 об.

²⁴⁷ Сибирская жизнь. 1913. 17 мая.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 5 – 5 об.; ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 649. Л. 93 – 93 об.

²⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 19 – 19 об.

²⁵⁰ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 649. Л. 93 об – 94.

П.Н. Игнатъев писал ректору столичного университета Э.Д. Гримму: «Я полагал бы установить, независимо от штатного содержания по занимаемой ими [профессорами и преподавателями – М.Г.] должности и причитающихся им по командировкам видам довольствия, оплату по числу часов занятий, а именно – для ординарных профессоров по 500 руб., для экстраординарных по 350 р[уб.] и для приват-доцентов по 300 руб. за годовой час. С включением в общую сумму получаемого вознаграждения и имеющего поступать со студентов в осеннем полугодии 1916 г. гонорара»²⁵¹.

В марте 1916 г. министр П.Н. Игнатъев обратился к попечителям учебных округов с предложением (фактически – распоряжением) о улучшении материального обеспечения профессоров университетов: «представилось бы возможным выдать [...] профессорам единовременные пособия из специальных средств университета, а так же из других, имеющихся в распоряжении Министерства народного просвещения источников. Размер такого пособия мог бы быть определен в виде дополнительного вознаграждения к получаемому профессором содержанию с таким расчетом, чтобы общий размер этого содержания, считая совокупность штатных окладов и иных видов получаемого от университета вознаграждения, не превышал для ординарных профессоров суммы в 5 000 р[уб.], а для экстраординарных 4 000 рублей. [...] Я предлагаю [название университета – М.Г.] университету немедленно применительно к указанным выше нормам выдать из имеющейся в наличности специальных средств означенные пособия и сообщить Министерству 1) сумму наличности специальных средств к моменту выдачи пособий, 2) общую сумму произведенного расхода по выдаче означенных пособий и 3) какую часть этого расхода надлежит возмещать из средств Министерства народного просвещения»²⁵².

В Правлении ИПГУ этот вопрос обсуждался 17 марта, а 19-го был направлен ответ Департаменту народного просвещения МНП: «Правление Петроградского

²⁵¹ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

²⁵² РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 26–27.

университета [...] постановило принять все меры к безотлагательному удовлетворению г[оспод] профессоров и приват-доцентов единовременными пособиями с выдачею таковых заимообразно из специальных средств университета [...]. В отношении же тех профессоров, кои пользуются казенными квартирами по иной должности и из содержания коих, таким образом, производится удержание квартирных денег, Правление университета постановило считать за основной оклад лиц упомянутой категории получаемое ими за вычетом квартирных денег содержание [...]. Что же касается г[оспод] приват-доцентов университета, то Правление университета постановило назначить им единовременные пособия в размере 50 % получаемого ими в университете основного содержания как за чтение обязательных курсов по поручению факультетов, так и за ведение практических занятий, входящих в постоянный учебный план факультетов, с тем, однако, расчетом, чтобы означенные пособия, в виду получаемого некоторыми г[осподами] приват-доцентами весьма малого содержания, не были менее 100 руб., а совокупность получаемого приват-доцентами содержания, гонорара и единовременного пособия не превышала нормы в 2 400 руб. в год»²⁵³.

В целом, вследствие этой министерской инициативы в 1916 г. лицам, получавшим содержание по службе в размере не выше 2 400 руб. в год (а для пользовавшихся квартирой – не свыше 1 920), была установлена процентная добавка к содержанию «по случаю вызванного войной вздорожания жизни», которая составила в зависимости от места службы и размера жалования от 12,5 до 30 %²⁵⁴.

Несколько позднее, министерством отдельно был поднят вопрос об оплате труда приват-доцентов. Профессор ИМУ М.М. Богословский оставил дневниковое описание факультетского заседания 3 мая 1916 г., посвященного этой теме: «долгие разговоры возбудили два вопроса, вызванные бумагами из

²⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 137–138.

²⁵⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. 14 мая. № 129. Ст. 990.

министерства: 1) о вознаграждении приват-доцентов по 300 и 200 р[уб]. за час²⁵⁵ в зависимости от имени степени [...]. Вопрос о вознаграждении приват-доцентов был поднят в Государственной думе, по-видимому, в связи с дороговизной. Министерство, идя навстречу этому пожеланию, заявило, что в особом законе по этому предмету нет нужды, т.к. распорядиться о вознаграждении может министр. Трудность заключалась в том, кого подвести под понятие приват-доцентов, читающих “по поручению” факультета. Здесь начались протекции и личные расположения. Некоторые приват-доценты читают одинаковые курсы. Я высказывался в том смысле, что бумагу министра и пожелание Думы, из которого она возникла, надо толковать возможно шире и вознаградить возможно большее число приват-доцентов, даже и читающих параллельные курсы. Факультет, сначала было наводивший разные экономии, стал потом на эту точку зрения»²⁵⁶.

Выше перечисленные инициативы носили разовый характер.

Летом 1916 г. были, наконец, увеличены штатные оклады профессоров и преподавателей. Согласно закону (утвержден 3 июля 1916 г., вступал в силу 1 января 1917 г.) «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов и Демидовского юридического лица, а также доцентов Императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лица и об изменении некоторых постановлений Устава Императорских Российских университетов» новые оклады выглядели следующим образом: ординарный профессор – 4 500 руб., экстраординарный профессор – 3 000 руб., доцент (в ИВУ и ИЮУ) – 2 400 руб., лектор – 1 500 руб. Кроме того, новые оклады предусматривали две прибавки – по выслуге пяти и десяти лет – по 750, 500, 350 и 250 руб. соответственно для профессоров, доцентов и лекторов (таблица 2). Этот же закон отменял гонорар.

²⁵⁵ Имеется в виду «годовой час», т. е. годовая норма лекционных часов.

²⁵⁶ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 93.

Таблица 2 – Временное расписание окладов содержания лицам, состоящим по учебной части Императорских Российских университетов (1916 г.)²⁵⁷

Наименование должностей		Содержание в год одному, руб.				Прибавки, руб.	
		жало- вание	столо- вые	квар- тирные	всего	1	2
Ректор	Сверх содержа ния по должнос ти професс ора	—	—	—	3000	—	—
Проректор		—	—	—	2000	—	—
Помощник ректора ИМУ		—	—	—	2000	—	—
Декан		—	—	—	1200	—	—
Секретарь факультета		—	—	—	900	—	—
Профессор богословия		3000	750	В натуре или 750	4500	750	750
Ординарный профессор		3000	750	В натуре или 750	4500	750	750
Экстраординарный профессор		2000	500	500	3000	500	500
Преподаватель восточных языков в звании экстраорд. профессора ИКУ		2000	500	500	3000	500	500
Лектор русского языка ИВУ		2000	500	500	3000	250	250
Доцент ИВУ и ИДУ		1600	400	400	2400	350	350
Лектор		1000	250	250	1500	250	250

²⁵⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. 3 июля. № 197. Ст. 1662.

21 января 1917 г. М.М. Богословский записал в дневнике: «После лекции был у казначея получить увеличенное жалованье, достигающее теперь все же некоторой ощутительной суммы – 491 рубль в месяц»²⁵⁸.

Впрочем, следует признать, что, наконец, осуществленное в 1916 г. повышение едва ли могло поспевать за ростом расходов профессоров, неизменно увеличивавшихся в военное время вследствие инфляции.

Гонорар. Среди новшеств, внесенных уставом 1884 г. в университетскую жизнь, была гонорарная система. Её суть сводилась к тому, что помимо казенного жалования, преподаватели теперь стали получать дополнительные выплаты из сумм, вносимых студентами в университетскую казну за слушание лекций. Считалось, что тот преподаватель, который лучше преподает, будет иметь больше слушателей и, соответственно, больший гонорар.

Суммы, получаемые профессорами с гонорара, были весьма разнообразны. Приведем обнаруженные нами данные по различным университетам за разные годы.

Достаточно полную картину размера и распределения гонорара в начале рассматриваемого периода в отдельно взятом университете даёт Ведомость о размере гонорара, выплаченного преподавателям ИКУ в 1886 г. (Рисунок 1).

²⁵⁸ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 150.

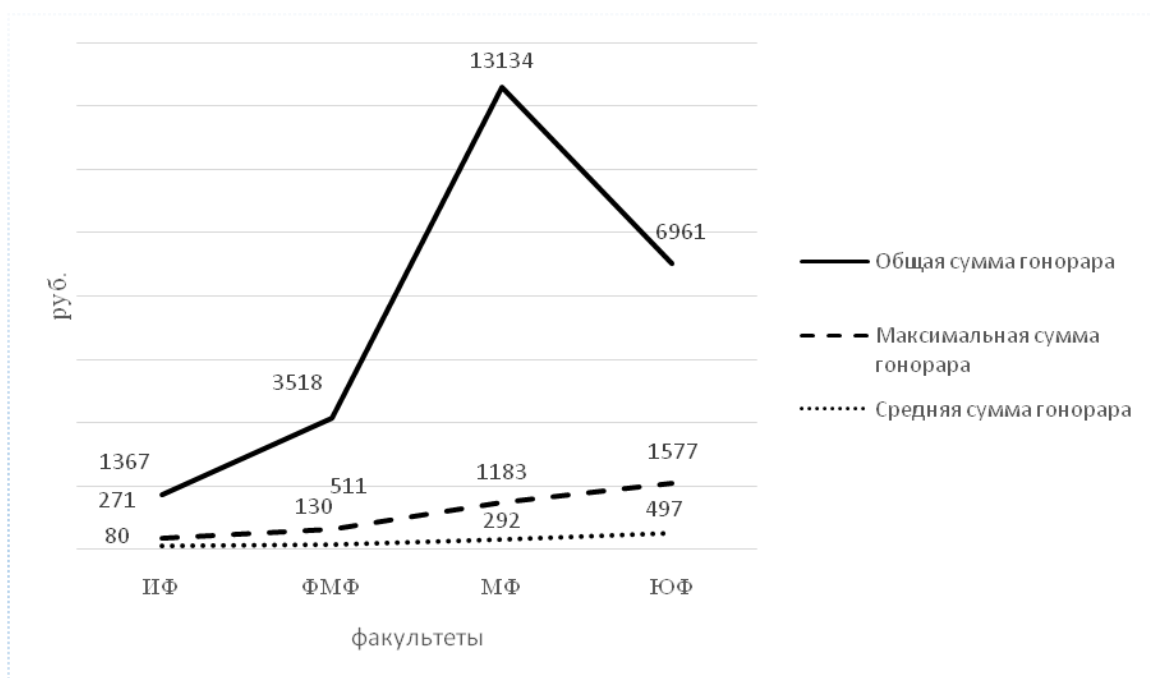

Рисунок 1 – Данные о размере гонорара, выплаченного преподавателям ИКУ в 1886 г.

Согласно ведомости, на историко-филологическом факультете гонорар в указанном году получили 17 человек на общую сумму 1 367 руб.; в среднем – чуть более, чем по 80 руб. на человека. Самые большие суммы получили профессора Д.И. Нагуевский (271 руб.) и Д.Ф. Беляев (259 руб.), кроме них никто не получил более 200 руб. На физико-математическом факультете гонорар получили 27 человек на общую сумму 3 518 руб., 55 копеек; в среднем – чуть более, чем по 130 руб. на человека. Самые большие суммы были выплачены профессорам А.В. Васильеву (511 руб.) и Ф.М. Суворову (399 руб.). На медицинском факультете гонорар получили 45 человек на общую сумму 13 134 руб., 64 копейки; в среднем – около 292 руб. на человека. Самые большие суммы получили профессора Д.С. Ермолаев (1 183 руб.) и В.О. Подвысоцкий (889 руб.). Наконец, на юридическом факультете гонорар получили 14 человек на общую сумму 6 961 руб.; в среднем – чуть более чем по 497 руб. на человека. Больше других – профессора Н.П. Загоскин (1 577 руб.²⁵⁹) и Я.Е. Степанов (919 руб.). По Ведомости видно, что меньше всех гонорарных денег получали

²⁵⁹ Подчеркнем, что эта сумма гонорара одного профессора-юриста превысила сумму гонорара всех преподавателей историко-филологического факультета.

лекторы иностранных языков и приват-доценты. Итого, во всем университете в течение 1886 г. гонорар получили 103 человека на сумму 24 981 руб., 19 копеек, в среднем – по 242,5 руб. на человека. При этом:

33 человека получили менее 50 руб.,

7 человек – от 50 до 100 руб.,

21 человек – от 100 до 200 руб.,

10 человек – от 200 до 300 руб.,

11 человек – от 300 до 400 руб.,

6 человек – от 400 до 500 руб.,

5 человек – от 500 до 600 руб.,

3 человека – от 600 до 700 руб.,

3 человека – от 700 до 800 руб.,

1 человек – от 800 до 900 руб.,

1 человек – от 900 до 1 000 руб.,

1 человек – от 1 000 до 1 500 руб.,

1 человек – свыше 1 500 руб.²⁶⁰

В РГИА, в фонде МНП, сохранилась сводная ведомость о размере гонорара, полученного преподавателями четырех университетов (ИХУ, ИУСвВ, ИКУ и ИНУ) в 1887 г. Согласно документу, большими гонорарами в названном году отличились профессора ИУСвВ. Гонорар девятнадцати профессоров превысил 1 000 руб.: Л.Н. Казанцев получил 4 345 руб., Ф.М. Гарнич-Гарницкий – 2 815 руб., С.И. Чирьев – 2 742 руб. 75 копеек, П.И. Морозов – 2 430 руб., В.А. Бец – 2 352 руб. 25 копеек, М.Ф. Владимирский-Буданов – 2 219 руб., Н.Н. Шиллер – 2 128 руб., Г.Н. Минх – 2 118 руб. 75 копеек, Г.Е. Рейн – 1 669 руб. 50 копеек, П.И. Перемежко – 1 482 руб., М.П. Авенариус – 1 434 руб., Н.К. Ренненкамф – 1 231 руб., Н.В. Бобрецкий – 1 220 руб., П.П. Цитович – 1 210 руб., И.Ф. Шмальгаузен – 1 205 руб., В.В. Чирков – 1 107 руб., 50 копеек, В.Б. Антонович – 1 086 руб., Ф.К. Борнгаупт – 1 066 руб. 50 копеек, С.Д. Сидоренко – 1 023 руб. Заметим, что девять из перечисленных профессоров

²⁶⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7784. Л. 3 – 4 об.

были представителями медицинского факультета, пятеро – юридического, четверо – физико-математического и только один – историко-филологического. Наименее высокие гонорары были зафиксированы в ИНУ, где профессоров, получивших свыше 1 000 рублей, было только двое – Ф.И. Леонтович (1 324 руб.) и И.Г. Табашников (1 123 руб.)²⁶¹.

Приведем данные по ИХУ. За два семестра 1888, 1889, 1890 гг. и за первый семестр 1891 г. профессора и преподаватели получили по факультетам: на историко-филологическом факультете – 25 человек за три с половиной учебных года получили 37 95 руб.; на физико-математическом факультете – 28 человек – получили 26 540 руб. 25 копеек; на юридическом факультете – 13 человек – получили 34 820 руб.; на медицинском факультете – 44 человек – получили 73 472 руб. 75 копеек²⁶².

В НАРТ сохранились сводные данные о том, каков был размер гонорара у 25 преподавателей историко-филологического факультета ИКУ за шесть лет: с 1892 г. по 1897 г. Из сводной таблицы видно, что в этот период регулярно – каждый семестр – небольшой гонорар (40–80 руб. в год) получала примерно половина преподавателей; вторая половина получала его нерегулярно и в еще меньшем размере²⁶³.

В ИТУ в 1895/1896 учебном году сумма, выплаченная в качестве гонорара, составила 13 215 руб. Она была распределена между 26 профессорами и преподавателями. Выплаты были весьма неравномерными. 17 человек получили сумму, не превышавшую 500 руб. Самые же большие выплаты пришлось на профессоров Н.М. Малиева (1 988 руб. 25 копеек), Е.В. Вернера (1 420 руб. 50 копеек), Н.Ф. Кащенко (1 040 руб. 25 копеек)²⁶⁴. На следующий год лидерами были Ф.Я. Капустин (1 712 руб. 39 копеек), Е.В. Вернер (1 494 руб. 97 копеек), И.С. Павловский (1 335 руб. 30 копеек), А.Е. Смирнов (1 025 руб. 20 копеек),

²⁶¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150(1888). Д. 188. Л. 59–70.

²⁶² ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 135. Л. 1–12.

²⁶³ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 9–12.

²⁶⁴ Отчет о состоянии ИТУ за 1895 год. Томск, 1896. С. 113.

получившие свыше 1 000 руб. за учебный год, средняя же выплата составила 596 руб. (при 24 получателях)²⁶⁵.

В.А. Мякотин в статье «К вопросу о профессорском гонораре» привел подробные сведения о размере гонорара, полученного разными категориями преподавателей столичного университета в 1896 г. Эти данные обобщены в таблице 3.

Таблица 3 – Размер гонорара, полученного преподавателями ИСПбУ в 1896 г.

Размер гонорара, руб.	Профессора	Приват-доценты, получающие содержание	Приват-доценты, не получающие содержание	Количество преподавателей, получающих гонорар	% от общего количества преподавателей
1–249	23	25	41	89	59,1
250–499	11	5	нет	16	10,6
500–999	10	2	2	14	9,3
1 000–1 499	6	1	3	10	6,6
1 500–1 999	4	1	нет	5	3,3
2 000–2 499	2	1	нет	3	2
2 500–2 999	6	нет	1	7	4,6
3 000–3 499	нет	1	нет	1	0,6
3 500–	нет	нет	1	1	0,6

²⁶⁵ Отчет о состоянии ИТУ за 1896 год. Томск, 1897. С. 139.

3 999					
4 000– 6 000	5	нет	нет	5	3,3
итого	67	36	48	151	100

Детализация по факультетам наглядно показывает, что в порядке уменьшения получаемого гонорара факультеты ИСПбУ размещались в следующем порядке: юридический, физико-математический, историко-филологический и, наконец, факультет восточных языков. Помимо этого, важно отметить, что, если среди профессоров лиц, получавших самый небольшой гонорар (до 250 руб.), было 34 %, то среди приват-доцентов с содержанием таких было 69 %, а среди приват-доцентов без постоянного содержания – уже 85 %. И наоборот, крупные гонорары (свыше 2 000 руб.) выплачивались почти исключительно профессорам²⁶⁶.

В том же, 1896 г., все профессора ИМУ получили гонорар на общую сумму 129 744 руб. Учитывая, что профессоров, получавших гонорар, было 90, в среднем – по 1 442 руб. на человека. При детализации можно обнаружить следующую картину:

не получали гонорар – 3 человека,
получили менее 100 руб. – 8 человек,
получили от 100 до 299 руб. – 13 человек,
получили от 300 до 499 руб. – 11 человек,
получили от 500 до 999 руб. – 10 человек,
получили от 1000 до 1499 руб. – 12 человек,
получили от 1500 до 1999 руб. – 12 человек,
получили от 2000 до 2999 руб. – 10 человек,
получили более 3000 руб. – 14 человек.

Представляет интерес и иная статистика, касающаяся 93 московских профессоров (с учетом троих, не получавших гонорар). 67 из них были штатными

²⁶⁶ Мякотин В.А. К вопросу о профессорском гонораре // Русское богатство. 1897. Октябрь. [пагин. 2-я]. С. 84.

преподавателями, на долю которых пришлось 110 000 руб. гонорара; 17 – вышедшими из штата за выслугу лет, они получили 16 863 руб. гонорара; 9 (1 юрист и 8 медиков) – сверхштатными профессорами без оклада, при этом один юрист получил 3 086 руб., а 8 медиков – 970 руб. гонорара на всех²⁶⁷.

Профессор ИКУ Н.Ф. Высоцкий провел в 1897 г. подсчеты и пришел к следующим выводам: «Вся сумма платы собираемой ежегодно со студентов нашего университета, в пользу профессоров (за последние два года), равняется 26–27 тыс. рублей. Наибольшая часть ее уплачивается студентами-медиками – от 16 до 17 тыс. рублей, за ними идут юристы, уплачивающие около 6 тыс. рублей, на обоих отделениях физико-математического факультета размер платы доходит до 4 тыс. рублей, а на долю филологов приводится около 800 руб. [Предлагаю] посмотреть, как распределяется эта сумма между отдельными преподавателями. Из 141 человека профессоров и приват-доцентов только один получает в год гонорара от 1 200 до 1 500 руб., двое – от 1 000–1 200 руб., восемь от 700–800 руб., восемь от 600–400 руб., около двенадцати человек от 500–300 руб. и около 11 человек от 300–150 руб., все же остальные (почти 100 человек) получают менее 150 руб. в год, причем минимальный годовой гонорар профессора достигает 8–14 р[уб]. в год, а приват-доцента 4 руб. Очевидно, что для огромного большинства преподавателей гонорар, при настоящей системе его распределения, не может служить сколько-нибудь серьезным подспор[ьем] к получаемому ими содержанию»²⁶⁸.

Спустя годы картина будет оставаться приметно такой же. В 1910 г. в ИСПБУ гонорар получили 50 профессоров и приват-доцентов. Самые маленькие гонорары были по-прежнему у преподавателей факультета восточных языков: здесь только один преподаватель (лектор А.А. Ларонд) получил свыше 200 руб. за год. Самые солидные гонорары были зафиксированы на юридическом факультете: у 10 профессоров, получивших гонорар, его размер варьировался от 3 661 руб. (у И.И. Кауфмана) до 11 680 руб. (у М.Я. Пергамента; около 10 000 руб.

²⁶⁷ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 15 об.

²⁶⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 20 об.

получили еще три профессора). На физико-математическом факультете средний гонорар в этот год немного превысил 2 400 руб., а вот на медицинском был равен только 663 руб.²⁶⁹

В предреволюционном 1916 г. в ИХУ на историко-филологическом факультете гонорар получили 17 преподавателей в размере от 10 до 600 руб. (по 298 руб. в среднем). На юридическом факультете – 13 преподавателей – от 1 424 до 4 078 руб. (по 2 871 руб. в среднем). На физико-математическом факультете – 23 преподавателя – от 32 до 3 266 руб. (по 1 062 руб. в среднем). На медицинском факультете – 25 преподавателей – от 567 до 5 671 руб. (по 1 534 руб. в среднем)²⁷⁰. Наглядно это распределение отображено на рисунке 2.

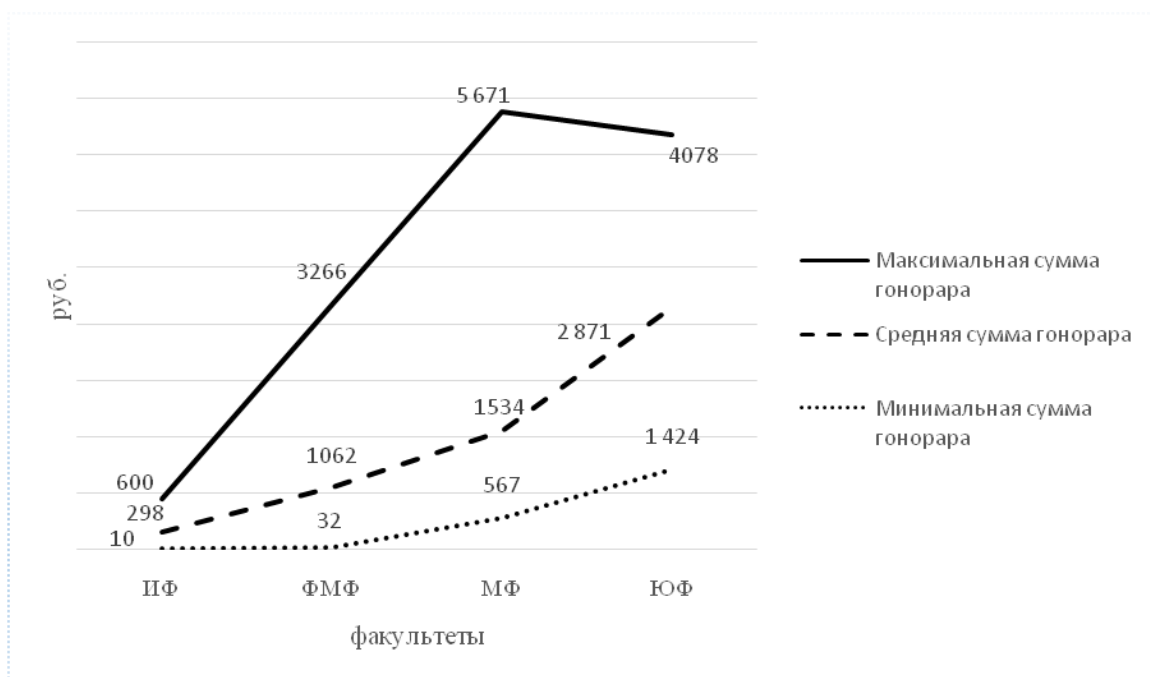

Рисунок 2 – Данные о размере гонорара, выплаченного преподавателям ИХУ в 1916 г.

Итак, самые большие гонорары, доходившие до нескольких тысяч руб. в год и потому сопоставимые с размером оклада (а то и превышавшими его), были у профессоров ИМУ и ИСПБУ в силу большого числа студентов (третьим по численности был ИУСвВ, прочие университеты заметно отставали от этой тройки). Редкими, но все же не уникальными были случаи, когда гонорар

²⁶⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 603. Л. 18 – 18 об.

²⁷⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 20 – 21 об.

отдельных профессоров превышал 10 000 руб. в год²⁷¹. В официальном министерском издании 1901 г. подчеркивалось, что устав 1884 г. улучшил материальное положение профессора за счет гонорара и что профессора многолюдных факультетов теперь стали получать вознаграждение, «не меньшее, чем то, которое присвоено высшим должностным лицам государства»²⁷².

Однако и в столичных вузах наблюдалась серьезная разница в размерах гонораров отдельных преподавателей, вытекавшая из наличия «многолюдных» (в первую очередь, юридический) и «малолюдных» (историко-филологический) факультетов.

Неравномерность гонорара станет предметом перманентной дискуссии в университетских кругах. Правительственное решение по смягчению неравенства будет принято лишь в 1909 г., когда стало действовать правило, согласно которому профессора, чей гонорар был ниже 1 000 руб. в год, получали 20-процентную прибавку к жалованию²⁷³. Это правило касалось весьма значительной части преподавателей, ведь, как указывалось выше, солидными гонорарами могли похвастаться преимущественно профессора столичных университетов. А, например, в ИНУ в 1904 г. насчитывалось только 13 человек, получивших свыше 1 000 руб. гонорара²⁷⁴. В силу того, что 20-процентная надбавка зависела от того, был ли гонорар меньше 1 000 руб. в течение всего года, исчисление этой надбавки порой встречало некоторые затруднения. Так, в 1908 г. правление ИНУ и Одесского учебного округа затруднялось решить вопрос о надбавке профессорам И.М. Занчевскому и С.В. Васьковскому, которые в весеннем полугодии получили примерно 900 руб. гонорара, а в осеннем полугодии не читали лекций, так как были отстранены от преподавания Временным Одесским генерал-губернатором. Аналогичное затруднение коснулось профессора

²⁷¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 603. Л. 36.

²⁷² Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб, 1901. С. 126.

²⁷³ При этом в расчет брался только гонорар, полученный за чтение обязательных лекций по занимаемой кафедре, гонорар, полученный за чтение необязательных лекций, не учитывался (см.: ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 53. Л. 3 об.; ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 50. Л. 5 – 5 об.).

²⁷⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 431. Л. 9 – 9 об.

В.А. Косинского, переведшегося в середине года из ИНУ в Киевский политехнический институт²⁷⁵. Во всех упомянутых случаях министерством в надбавке было отказано²⁷⁶.

Заметим, что из гонорара удерживались суммы за пропущенные без уважительных причин профессорами и преподавателями лекции²⁷⁷. Согласно архивным документам, отложившимся в РГИА, с предложением так поступать впервые обратился в Министерство народного просвещения в июне 1887 г. попечитель Киевского учебного округа С.П. Голубцов²⁷⁸. Уже в июле министерство просило попечителей прочих учебных округов высказать свое мнение по поводу озвученного предложения²⁷⁹. Попечитель Московского учебного округа П.А. Капнист возражал, полагая, что эта мера «нанесет вред, усложнит и без того сложные обязанности ректора и внесет в среду университета элемент раздора и пререканий»²⁸⁰. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа И.П. Новиков предупреждал: «если бы такая мера и была введена в употребление, то она послужила бы, скорее, ко вреду, чем к пользе учебного дела, так как подобное взыскание не только неминуемо повлекло бы за собой ослабление нравственной ответственности преподавателей за пропущенные ими уроки, но даже в некоторой степени узаконило бы их»²⁸¹. Попечитель Харьковского учебного округа Н.П. Воронцов-Вельяминов возражал против новшества²⁸². Одесский попечитель Х.П. Сольский признал меру целесообразной²⁸³. Из канцелярии Казанского учебного округа было заявлено, что предложенное «представляется мерой справедливой, но ... может встретить затруднения в определении уважительности или неуважительности пропусков»²⁸⁴. Несмотря на неоднозначную оценку предложения попечителя Киевского

²⁷⁵ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 497. Л. 6 об., 7.

²⁷⁶ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 497. Л. 6 об., 19.

²⁷⁷ О количестве пропускаемых занятий см. во 2-й главе.

²⁷⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 1.

²⁷⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 7.

²⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 8 об.

²⁸¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 11 об. – 12.

²⁸² РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 15.

²⁸³ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 9 об.

²⁸⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 10 об.

учебного округа, практика удерживания суммы за пропущенные лекции была внедрена.

Гонорарная система вызывала много споров в университетской среде (этот аспект подробно разбирается в 7-й главе) тем не менее, она просуществовала до начала 1917 г.

Прочие доходы.

Орденские пенсии. Доходы профессора могло увеличить обладание орденами. Согласно действовавшим правилам, орденосцам, попадавшим в «комплект»²⁸⁵, назначалась ежегодная пенсия. Размер пенсии зависел от ордена и его степени и варьировался от 50 (орден Св. Анны 4-й степени) до 600 (орден Св. Владимира 1-й степени) руб. Итак, орден Св. Владимира мог принести в зависимости от степени 600, 300, 150 или 100 руб. ежегодной пенсии. Орден Св. Анны – 350, 150, 100 или 50 руб. ежегодной пенсии. Орден Св. Станислава – 143, 115, или 86 руб.

Пособия. Стоит упомянуть и о такой форме увеличения доходов, как пособия. Они могли носить регулярный и разовый характер. Например, преподавателям русского происхождения, служившим в ИВУ, полагались пособия на воспитание детей размером в 100 или 150 руб. в год, в зависимости от возраста ребенка²⁸⁶.

Единовременные пособия выдавались из специальных средств университета в исключительных случаях. Например, 29 мая 1905 г. ординарный профессор ИКУ Н.П. Загоскин обратился в Совет со следующим письмом: «26-го числа наступающего июня исполняется 30 лет моей преподавательской деятельности в Казанском университете и вместе с тем с этого дня я буду считаться уже перечисленным с штатного оклада жалования на государственную пенсию.

Производство по назначению пенсий затягивается, как известно, месяца на 2–3, в виду чего в течение этого промежутка времени мне предстоит оставаться

²⁸⁵ Попастъ в «комплект», то есть в установленные квоты можно было в порядке очереди по старшинству награждений тем или иным орденом.

²⁸⁶ APW. Z. 214. S. 642. k. 53 – 53 ob.

без всяких материальных ресурсов, что грозит мне весьма существенными осложнениями.

Вышеизложенное побуждает меня к крайне тяжелой и щекотливой необходимости [...] ходатайствовать перед Советом относительно назначения мне временного пособия из средств университета в размере не свыше 300 рублей. Сознавая затруднительное положение университетского бюджета, я называю испрашиваемое пособие временным в том смысле, что я даю нравственное обязательство возместить его университету не позже окончания текущего гражданского года.

В продолжении 30-ти лет моего академического служения Казанскому университету, я ни разу не обращался к нему с какими бы то ни было ходатайствами материального характера, в виду чего смею надеяться, что моя настоятельная просьба не будет сочтена выходящую за пределы служебной или житейской этики»²⁸⁷.

Совет и попечитель (утвердивший решение Совета) удовлетворили просьбу Н.П. Загоскина²⁸⁸.

В 1912 г. правление ИНУ приняло решение о назначении пособия в 200 руб. и. д. экстраординарного профессора С.Г. Вилинскому «в виду его крайне тяжелого материального положения, а также вследствие болезни его матери», пособия в 250 руб. – профессору Я.Н. Лебединскому «на лечение от постигшей его болезни» и пособия в 200 руб. – профессору Д.К. Третьякову в связи с переездом из Санкт-Петербурга в Одессу²⁸⁹. Всего в 1912 г. на пособия преподавателям и служащим ИНУ было израсходовано 3 000 руб.²⁹⁰. В 1896 г. вдове профессора ИТУ И.И. Судакевича из специальных средств университета было выдано пособие размером 600 руб. на покрытие расходов по погребению покойного супруга²⁹¹.

²⁸⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11141. Л. 1.

²⁸⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11141. Л. 3, 4.

²⁸⁹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 554. Л. 5, 7, 29.

²⁹⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 554. Л. 21.

²⁹¹ Известия Томского университета. Кн. 14. Томск, 1898, отд. 1, [пагин. 2-я]. С. 3.

В соответствии с предложением МНП от 7 февраля 1902 г. размер таких единовременных пособий не мог превышать 300 руб.²⁹²

Дополнительные заработки. Признавая достаточно обоснованными сетования университетских преподавателей на относительно небольшие, в сравнении с другими чиновниками, оклады, не стоит забывать, что многие из них имели возможность получить дополнительный заработок путем преподавания в других учебных заведениях (институтах, высших женских курсах, гимназиях), а также – посредством юридической или медицинской практики.

Заметим, что относительно этого вопроса в университетской среде встречалось мнение, согласно которому, побочные занятия должны быть запрещены для профессоров, как отвлекающие их от основного занятия. Так, профессор ИТУ И.В. Михайловский указывал на «необходимость достаточного материального обеспечения, чтобы ничто не отвлекало бы профессора от его работы и не влияло бы неблагоприятно на качество этой работы (между прочим: недопустимость для профессоров-медиков частной платной практики, недопустимость совместительства деятельности профессора с другой деятельностью, требующей постоянной напряженной работы, напр[имер], судья, адвокат, редактор ежедневной газеты, директор банка, управляющий каким либо коммерческим делом и т.п.)»²⁹³. Впрочем, условием выполнения такого пожелания было внушительное увеличение жалования, чего не происходило; поэтому побочная занятость и побочные заработки оставались распространенным явлением.

По данным В.И. Гребенщикова, в 1890 г. 4 106 гражданских врачей (в эту категорию автор включил и профессорско-преподавательский состав медицинских факультетов университетов) в среднем зарабатывали врачебной практикой 1 200 руб. в год²⁹⁴.

²⁹² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 554. Л. 1.

²⁹³ Михайловский И.В. Университет и наука. Томск, 1908. С. 11.

²⁹⁴ Гребенщиков В.И. Опыт разработки результатов регистрации врачей России. СПб, 1891. С. 20.

Доход приносили и гонорары за публикацию статей в различных изданиях. Например, профессор ИНУ И.А. Линниченко в июне 1891 г. получил 76 руб. за статью «Критический обзор новой литературы по истории Западной Руси», опубликованную в «Журнале министерства народного просвещения»²⁹⁵.

В 1892 г. за статьи, напечатанные в университетских «Известиях», профессорам ИВУ К.Я. Гроту, Г.Э. Зенгеру и С.М. Лукьянову было уплачено 45, 20 и 110,5 (за две статьи) руб. соответственно²⁹⁶.

Скруплезно фиксировавший свои доходы профессор ИМУ М.С. Корелин, отразил в своем дневнике следующую динамику средств, полученных им за публицистическую деятельность: 1893 г. – 645,75 руб., 1894 г. – 318,35 руб., 1895 г. – 698,10 руб., 1896 г. – 486,40 руб., 1897 г. – 392,95 руб., 1898 г. – 1 369,50 руб.²⁹⁷ Учитывая, что М.С. Корелин являлся экстраординарным профессором с годовым жалованием в 2 000 руб., эти дополнительные доходы следует признать достаточно существенными.

Профессор ИМУ М.М. Богословский оставил дневниковую запись (8 декабря 1915 г.) о гонораре в 64 руб. 75 копеек за статью, помещенную в «Журнале министерства народного просвещения»²⁹⁸. В 1916 г. М.М. Богословский получил гонорар 1 625 руб. от издателя И.Д. Сытина за второе издание учебника по истории для V класса гимназии²⁹⁹. Такую же сумму М.М. Богословский получил осенью 1916 г. за 2-ое издание III части учебника. «Таким образом – заключал профессор – учебник дал мне за 1916 год 4 500 р[уб]. Это весьма недурно»³⁰⁰.

Представление о возможностях профессоров иметь дополнительный заработок дают воспоминания профессора И.А. Малиновского. Сразу после

²⁹⁵ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 220. Л. 1.

²⁹⁶ АРШ. Z. 214. S. 57. k. 9 об.

²⁹⁷ Цыганков Д.А. Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 129.

²⁹⁸ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 57.

²⁹⁹ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 62.

³⁰⁰ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 124.

приезда в Томск он начал сотрудничать с редакцией газеты «Сибирская жизнь». «Писал довольно много, длинные статьи на темы педагогические и научные. Получал по наивысшей таксе – 5 коп. за строчку. Часть гонорара получал деньгами, часть книгами и канцелярскими принадлежностями из магазина Макушина [редактора газеты – М.Г.] ... все, взятое мною в магазине или присланное мне из магазина, записывалось на мой счет, а при уплате гонорара за газетные статьи делался расчет»³⁰¹. В 1911 г., лишившись места в университете, И.А. Малиновский вынужден искать альтернативные источники: «Нужно было подумать, на какие средства жить. Я стал писать в “Сибирскую жизнь” больше, чем раньше. Был фактическим бессменным редактором “Сибирской жизни”. Читал в Омске публичные лекции за гонорар. Получил гонорар за справку в Архиве Министерства юстиции в Москве по делу (земельному) томских татар, которое вел присяжный поверенный Александровский; получил пособие от министерства (600 р[уб].) на печатание диссертации; получил пособие от Академического Союза (ок[оло] 2000 р[уб].). В конце концов, я имел не меньше того, сколько получал, когда был профессором, и жили мы с прежним комфортом»³⁰².

Дополнительный доход порой приносила и некоторая работа внутри университета. Так, на медицинском факультете ИВУ в 1912 г. за прием экзаменов на звание зубного врача, уплаченная 25-ю экзаменовавшимися сумма в 500 руб. по решению совета факультета была распределена в виде гонорара поровну между шестью экзаменаторами³⁰³.

Льготы. Упомянем в этом же разделе о льготах материального характера, распространявшихся на университетских преподавателей. С 1907 г. по решению

³⁰¹ Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 290.

³⁰² Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 322.

³⁰³ APW. Z. 214. S. 502. k. 140 ob.

МНП дети профессоров и преподавателей, обучавшиеся в университете, были освобождены от взноса платы за обучение³⁰⁴. Вопрос об этом стал обсуждаться с 1906 г., когда Правление одного из университетов возбудило соответствующее ходатайство, ссылаясь на многолетнюю практику средних учебных заведений. Соответствующее предложение в 1906 г. внес ректор ИВУ Е.Ф. Карский во время работы совещания профессоров по университетской реформе³⁰⁵.

Например, в ИНСУ в 1914 г. 4 студента были освобождены от платы как дети профессоров и приват-доцентов этого университета³⁰⁶.

Пенсионное обеспечение. В соответствии с уставом 1884 г., по истечении 20 лет службы профессор мог выйти в отставку и пожизненно получать пенсию в размере 50 % от жалования (без столовых и квартирных денег). Сумму, равную 100 % жалования в качестве пенсии, профессор получал после 25 лет службы. Выслуживший 30 лет, профессор получал пожизненную пенсию в размере жалования, столовых и квартирных сумм (т.е. 3 000 руб. для ординарных профессоров в большинстве университетов)³⁰⁷. Эта норма была нововведением устава 1884 г., которое увеличило пенсионное содержание бывших профессоров вдвое. Т.И. Еремина обращает внимание на льготное положение университетских преподавателей по сравнению с другими государственными служащими Российской империи, которым для выслуги половинной и полной пенсии требовалось не 20 и 25, а 25 и 35 лет соответственно³⁰⁸.

Назначение пенсии нередко сопровождалось бумажной волокитой, вследствие случавшихся сложностей с исчислением стажа³⁰⁹, либо неоднозначности трактовок законодательства. Так, экстраординарный профессор

³⁰⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 430. Л. 3, 4. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11232. Л. 5.

³⁰⁵ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 141.

³⁰⁶ Отчет о состоянии и деятельности Саратовского университета за 1914 год. Саратов, 1917. С. 15.

³⁰⁷ Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 49.

³⁰⁸ Еремина Т.И. Особенности правового оформления государственного пенсионного обеспечения преподавателей университетов в XIX – начале XX века // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2015. № 4. С. 26.

³⁰⁹ См. подробнее об этом во 3-й главе.

ИУСВВ Т.И. Лоначевский-Петруняк писал 24 января 1895 г. товарищу министра народного просвещения Н.М. Аничкову: «По распоряжению Правления университета Св. Владимира я не получаю жалования с 1-го июня прошлого года. Это распоряжение не оправдывается предложением Его Сиятельства г[осподи]на министра н[ародного] п[росвещения] от 23 марта 1890 г. за № 4956 о назначении меня профессором, а потому не согласуется с предложением Его Сиятельства г[осподи]на товарища министра от 14 октября 1894 г. за № 19479 об оставлении меня на службе. Так как кроме того не последовало распоряжения о невключении меня в число читающих профессоров, то я до сих пор считаю несвоевременным ходатайствовать о назначении мне пенсии и уже в течение восьми месяцев несу профессорскую службу без жалования, без вознаграждения и, конечно, без пенсии. Испытывая, вследствие этого, большие материальные затруднения, беру на себя смелость покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить Киевскому Учебному округу о моем настоящем служебном положении в университете Св. Владимира»³¹⁰. Недоразумение было устранено и Т.И. Лоначевский-Петруняк еще на много лет остался в числе штатных профессоров; более того, в 1913 г. он станет заслуженным экстраординарным профессором и будет значиться в списках профессоров вплоть до 1917 г.

Сложности с назначением пенсии возникли у профессора ИКУ М.Я. Капустина, что было связано с его избранием депутатом Государственной думы. М.Я. Капустин обратился 1 сентября 1907 г. к ректору ИКУ Н.П. Загоскину со следующим ходатайством: «6-го февраля текущего года, состоя в настоящей должности, я был избран законным порядком в члены Государственной Думы 2-го созыва от г. Казани. Принимая это избрание, я знал, что, согласно ст. 139 Св[ода] Зак[онов] Т. 1, ч. II положения о выборах в Государственную Думу, изд. 1906 г.³¹¹, должен буду оставить государственную службу и потому

³¹⁰ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 /1895/. Д. 4. Л. 1–1об.

³¹¹ Статья 53 «Положение о выборах в Государственную Думу» гласила: «В члены Государственной думы могут быть избираемы только лица, изъявившие на то свое согласие. Лица, занимающие на гражданской государственной службе должность с определенным окладом содержания, в случае избрания их в члены Думы обязаны оставить занимаемую ими должность». (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Т. XXV. Отделение

тогда же в заявлении, поданом Вашему Превосходительству 10 февраля 1907 г., а равно в заявлении на имя попечителя учебного округа, просил сделать соответственные закону распоряжения относительно моей службы. По прибытии моем в С-Петербург, я справился в Министерстве народного просвещения о времени моей отставки и о назначении мне пенсии по учебной службе, сообразно выслуженному мною сроку. В Министерстве мне было сказано, что дело о моем увольнении и о назначении мне соответственной пенсии будет начато тогда, когда в Государственной Думе, после установленной законом проверки, полномочий избрание мое будет признано правильным. В силу такого указания авторитетных лиц Министерства, я воздержался от каких-либо личных хлопот об отставке до утверждения моих полномочий в Государственной Думе. Утверждение это по обстоятельствам от меня не зависевшим затянулось и состоялось только 29 мая сего года. Как только решение это вошло в законную силу, я тот час же подал лично г[осподину] министру народного просвещения прошение об отставке от должности профессора Казанского университета. Когда затем, 3 июня с[его] г[ода] Государственная Дума была распущена, г[осподин] министр предложил мне возвратиться к месту службы, что мною и было исполнено. Ныне, возвращаясь в Казань из каникулярного отпуска, я получил предложение Вашего Превосходительства от 15 минувшего августа за № 1414, в котором по предложению товарища министра, согласно отзыву Государственного Контроля, сообщается, что с меня должно быть взыскано содержание по должности профессора университета за время действия второй Государственной Думы, составляющее срок более 3-х месяцев. Зная и уважая закон, я, конечно, не имел в виду получать двойное жалование, содержание профессора и суточные члена Государственной Думы, но я имел законное и нравственное право, будучи членом Государственной Думы, получать выслуженную мною пенсию, в ожидании которой получал содержание профессора университета, хорошо зная, что все излишне полученное, будет удержано при назначении пенсии. А потому, сделанное ныне распоряжение, по моему мнению, нарушает мои законные права,

приобретенные на государственной службе. Имея 28 лет учебной службы и более 5 лет медицинской службы по общественным учреждениям, я надеялся, что мне может быть назначен полный оклад профессорской пенсии, т.е. 3 000 руб. в год, в крайнем случае же оклад за 25 лет, т.е. 2 400 руб. в год. Таким образом, если бы я был уволен в отставку со дня открытия Государственной Думы, то я, на законном основании, получал бы от 200 до 250 руб. в месяц пенсии, независимо от суточного довольствия, установленного для членов Думы. Излишне полученную мною можно считать только небольшую разницу между размерами выслуженной мною пенсии и содержанием штатного профессора. От выхода в отставку я не уклонялся и поступал согласно указаниям начальствующих лиц ведомства. Полученные деньги издерживал без остатка, и возратить их не имею возможности. Будучи поставлен в чрезвычайно трудное положение означенным выше распоряжением, я прошу Ваше Превосходительство представить об этом высшему начальству и ходатайствовать об отмене или видоизменении сделанного распоряжения».

Ректор признал основательность мотивов, изложенных в письме М.Я. Капустина и, присоединившись к ходатайству, 5 сентября 1907 г. обратился к попечителю Казанского учебного округа А.Н. Деревецкому³¹². В канцелярии попечителя, а затем в министерстве рассмотрение дела о пенсионном обеспечении профессора М.Я. Капустина несколько затянулось. Наконец, 28 января 1908 г. товарищ министра народного просвещения направил в округ ответ, из которого следовало, «по соглашению с Министерством финансов и Государственным Контролем, Министерство народного просвещения не встречает препятствий к ограничению удержания с профессора Капустина за время состояния его Членом Государственной Думы 2-го созыва, разницею между окладом его содержания по должности профессора и выслуженной им пенсии, всего на сумму 169 р[уб.] 86 к[опеек]»³¹³.

³¹² НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7612. Л. 12, 12 об., 12а.

³¹³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7612. Л. 16.

Похоже, задержки с назначением пенсии, действительно, не были редкостью. Так, в ноябре 1914 г. вышедший в отставку с должности ординарного профессора ИВУ А.В. Михайлов, обращался к ректору: «Двухмесячное промедление возбуждения ходатайства о пенсии на месте моей службы [...] ставит меня в ближайшем будущем в крайне тяжелое материальное положение. Жалования я не получаю, заработков нет, капиталов тоже, а остатки от прежних получек жалования слишком ничтожны, чтобы просуществовать на них без нужды продолжительное и неопределенное время»³¹⁴.

Суммируя все постоянные (оклад, региональные прибавки) и вероятные (университетский гонорар, гонорары за предоставление услуг, орденские пенсии) доходы, получаемые профессорами и преподавателями вследствие их профессиональной деятельности, можно сделать вывод о достаточно большом разбросе итоговых цифр: от сумм, едва превышающих 1 000 руб. в год у доцентов и до 8 000–10 000 руб. у профессоров-юристов столичных университетов. Впрочем, и профессор-юрист самого восточного – Томского университета, И.А. Малиновский вспоминал: «жизнь вздорожала [...] но повысился и мой заработок (адвокатура, прибавки за пятилетки, жалование редактора, гонорар за статьи в газетах и журналах) доходил до 8, даже до 10 тысяч в год»³¹⁵. Московский профессор М.М. Богословский в дневниковой записи от 5 апреля 1916 г. отмечал: «С Курсов отправился в Университет за получением жалованья, гонорара и дополнительного вознаграждения по поводу дороговизны. В Казначейской хоть открывай заседание Совета – такой приток профессоров. Видел Челпанова, Виппера и несколько медиков. Денег в общем получил довольно много»³¹⁶.

³¹⁴ APW. Z. 214. S. 648. k. 28 – 28 об.

³¹⁵ Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 326.

³¹⁶ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 87.

Для более адекватного представления о «качестве» профессорских окладов необходимо сопоставить их с размером содержания иных чиновников империи. С одной стороны, оклады университетских сотрудников были заметно выше учительского содержания³¹⁷ и равны содержанию преподавателей других государственных вузов, подчиненных МНП, – технологических, ветеринарных институтов. С другой, в сравнении с чиновничеством, профессорские оклады нередко выглядели менее выигрышно, но вполне сопоставимо. В разных ведомствах Российской империи оклады, присвоенные должностям одного класса, были различны. Для сравнения: по Высочайше утвержденному 3 мая 1899 г. временному штату центральных установлений Министерства Путей Сообщения 75 должностей были отнесены к V классу (как и ординарные профессора по ведомству МНП) и только по одной из них оклад равнялся 3 000 руб. в год. Остальным 74 должностям V класса присвоены оклады от 4 500 до 8 000 руб. (из них 67 % – от 6 000 до 8 000 руб.)³¹⁸. Оклад губернаторов в начале XX в. равнялся 10 000 руб. Оклады директоров народных и реальных училищ, гимназий составляли 4 050–4 200 руб. Для создания более детальной картины приведем также данные о содержании офицеров российской армии. В начале XX в. (1909 г.) оклад (денежное довольствие, столовое и добавочное содержание; данные округлены) полного генерала равнялся 8 500 руб., генерал-лейтенанта – 6 500 руб., генерал-майора – 4 900 руб., полковника – 4 300 руб., подполковника – 2 400 руб., капитана – 1 750 руб., штабс-капитана – 1 550 руб., поручика – 1 350 руб., подпоручика – 900 руб., прапорщика – 770 руб.³¹⁹ Как видим, базовые оклады университетских профессоров находились на уровне подполковника – полковника.

³¹⁷ См.: Ушаков А.В. Особенности материального положения и труда интеллигенции России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2009. № 1 (3). С. 45.

³¹⁸ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 214–215.

³¹⁹ Миронов Б.Н. Жалованье офицеров русской армии в XVIII – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 46.

Любопытное наблюдение о достатке профессуры сделал профессор ИСПБУ А.А. Иностранцев, который в конце XIX в. выступал инициатором проведения «ужинов», объединявших профессоров столичного университета и Военно-медицинской академии: «На общих ужинах можно было заметить довольно большое различие между медиком и университетским профессором. Большинство медицинских профессоров были практики, люди богатые, некоторые из них после первого блюда требовали себе шампанского, чего университетский профессор позволить себе не мог, и это обстоятельство довольно сильно стало влиять на последних и заметно стало их уменьшение за ужином»³²⁰.

Представляет интерес сопоставление окладов отечественных университетских преподавателей с окладами их зарубежных коллег.

Профессор ИУСвВ Ю.А. Кулаковский в брошюре «Гонорар в русских университетах» (1897 г.) привел данные о размерах заработка в университетах Германии. По сведениям Ю.А. Кулаковского, начальная сумма жалованья ординарного профессора в Германии в среднем равнялась 4 000 марок. Если профессор получал приглашение перейти из одного университета в другой, то условием перехода ставилось повышение оклада как минимум на 1 000 марок (на аналогичную сумму оклад профессора повышал университет, если желал удержать профессора в своих стенах). У известных ученых, которых хотели бы видеть у себя многие университеты, жалованье таким образом возрастало вдвое и более чем вдвое, достигало 9 000–10 000 марок. Помимо этого, по прошествии каждых четырех лет оклад профессора увеличивается на 400 марок. Что касается гонорара, то в работе Ю.А. Кулаковского его размер был приведен на 1894/95 учебный год. Тогда из общего числа 478 ординарных профессоров 86 человек (18 %) получили гонорар в размере ниже 300 марок, 191 человек (40 %) – в размере 300–1 000 марок; гонорар 42 % профессоров превысил 1 000 марок. Сверхвысокие гонорары – свыше 10 000 марок – приходились на долю только 26 человек (5 %) общего числа ординарных профессоров³²¹. Таким образом,

³²⁰ Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 195–196.

³²¹ Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. С. 31–33, 35–36.

можно рассчитать, что среднестатистический германский профессор конца XIX в., прослуживший 15–20 лет, и хотя бы раз переходивший по приглашению из одного университета в другой, в год зарабатывал ориентировочно 7 500–8 000 марок. Курс марки к рублю в эти годы был примерно 1:1.

При этом заметим, что тема несправедливого неравенства в заработках университетских преподавателей, составляла предмет дискуссий и в Германии рассматриваемого периода³²².

В 1908 г. в журнале «Science» вышла статья «The salaries of professors in American colleges and universities» («Зарплаты профессоров в американских колледжах и университетах»), в которой был дан обширный обзор заработных плат в североамериканской и канадской системах высшего образования; всего исследованием было охвачено около 50 учебных заведений. Из проведенных в статье данных видно, что американской системе образования начала XX в. наблюдался заметный разрыв в размере окладов в разных университетах – в зависимости от их престижности и состоятельности. В самых престижных из них (Гарвардский, Колумбийский, Стэндфордский университеты) средняя зарплата профессора превышала 4 000 долларов в год, зарплата доцента (associate professor) равнялась примерно 3 500 долларов, а зарплата младшего преподавателя (assistant professor) – превышала 2 000 долларов. В университетах «средней руки» – университетах штатов – в среднем зарплата профессора превышала 2 000 долларов в год, зарплата доцента равнялась примерно 1 600 долларов, а зарплата младшего преподавателя немного превышала 1 000 долларов. В то же время, по состоянию на 1908 г. одна треть американских учебных учреждений платила преподавателям в среднем менее 1 000 долларов в год, а в тридцати пяти учреждениях средняя зарплата преподавателей составляла менее 500 долларов в год.

Более точные данные о зарплатах в ряде американских вузах приведены в таблице 4 ниже.

³²² Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1933. М., 2008. С. 67.

Таблица 4 – Средняя зарплата преподавателей в избранных американских вузах в начале XX в.³²³

Университет	Размер заработной платы		
	профессор	доцент	младший преподаватель
Гарвардский университет	4 413	3 600	2 719
Колумбийский университет	4 289	нет данных	2 201
Стэндфордский университет	4 000	2 700	2 000
Йельский университет	3 500	нет данных	2 000
Университет Пенсильвании	3 500	нет данных	1 850
Университет Калифорнии	3 300	2 200	1 620
Массачусетский институт	3 192	2 115	1 653
Университет Вирджинии	3 100	нет данных	1 425
Университет Техаса	2 889	2 300	1 893
Университет Иллинойса	2 851	2 168	1 851
Университет Рочестера	2 383	нет данных	1 750
Университет Небраски	2 200	нет данных	1 500
Университет Айовы	2 152	нет данных	1 271
Университет Западной	2 080	1 600	1 320
Университет Колорадо	2 050	нет данных	1 400
Университет Майами	2 000	1 650	1 150
Университет Миссисипи	2 000	1 325	1 000
Университет Огайо	1 900	1 600	900
Университет Орегона	1 800	нет данных	1 400
Колледж Айовы	1 500	1 000	950
Рипон колледж (Висконсин)	1 336	нет данных	800
Друри колледж (Миссури)	1 400	нет данных	687

Курс доллара к рублю в 1908 г. был ориентировочно 1:2,5. Таким образом, если не брать во внимание мелкие колледжи, а сравнивать оклады в американских престижных частных вузах и университетах штатов с одной стороны, и в

³²³ The salaries of professors in American colleges and universities // Science. Vol. 28. № 708. 1908. Jul. 24. P. 97–109.

российских университетах – с другой, можно прийти к следующему выводу: средний уровень годовой зарплаты в названных американских вузах держался на уровне 3 000 долларов, или 7 500 руб., что превосходило средний уровень штатных окладов в Российских университетах³²⁴.

Качество жизни

Дав характеристику основным и дополнительным, регулярным и вероятным доходам университетских преподавателей, для оценки качества их жизни важно составить точное представление о тратах типичной профессорской семьи.

Состав профессорских семей

Учитывая то, что в абсолютном большинстве случаев в дореволюционной России профессора как главы своих семей были единственными лицами, приносящими доход, для оценки покупательной способности их заработка чрезвычайно важно учитывать состав семей, а точнее, количество лиц, бывших на иждивении профессоров.

Холостых преподавателей в начале рассматриваемого периода в университетах было около четверти (23,7 %), порядка 4 % были вдовцами, а большинство преподавателей (72,5 %) имели семьи, которые им нужно было обеспечивать³²⁵. В дальнейшем соотношение имевших и не имевших семью преподавателей кардинально не менялось.

В городском архиве Киева сохранился любопытный источник – сведения о составе семей преподавателей, которые представляют собой анкеты, собственноручно заполненные 27-ю профессорами ИУСвВ в августе 1915 г.

³²⁴ Заметим, что приведенные данные не позволяют делать выводы о качестве жизни европейской или американской профессуры, так нуждаются в корреляции с уровнем потребительских цен. О покупательной способности германской марки в рассматриваемый период см.: Die Kaufkraft der „Goldmark“ 1871 bis 1914 und der Preis der Glaswaren Gründerzeit ... Gründerkrach ... Gründerkrise // Pressglas-Korrespondenz. 2007. № 4 Режим доступа: <http://www.pressglas-korrespondenz.de/aktuelles/pdf/pk-2007-4w-sg-gruenderkrise.pdf> (дата обращения 10.05.2018); То же // Pressglas-Korrespondenz. 2011. № 3 Режим доступа: <http://www.pressglas-korrespondenz.de/aktuelles/pdf/pk-2011-3w-sg-preise-1800-1900.pdf> (дата обращения 10.05.2018).

³²⁵ Отметим, что больше всего холостых преподавателей было в ИМУ (34 %), ИДУ (30,9 %) и ИХУ (30 %), а меньше всего – в ИКУ (13,8 %), ИУСвВ (14,7 %) и ИСПБУ (19,5 %). См.: Временник центрального статистического комитета. Выпуск 1. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские / Сост. А. Дубровский. СПб, 1888. С. 21.

(Приложение А). Респондентам предлагалось перечислить членов своих семей, включая жен, детей, пасынков, падчериц, находившихся на их иждивении других родственников, а также лиц, служащих в их доме. Анализ этого источника позволяет на репрезентативном материале по одному из университетов составить уверенное представление о типичном составе семьи профессуры начала XX в., а, следовательно, и о масштабах вероятных расходов профессорских семей.

Минимальное количество иждивенцев (одного–двух), не считая прислуги, показали восемь из двадцати семи профессоров: Я.Н. Баранловский (жена), П.И. Морозов (жена), О.О. Эйхельман (жена), Ф.И. Ломинский (дочь), А.А. Садовень (жена и дочь), П.Я. Армашевский (жена и пасынок), К.Э. Добровольский (жена и племянник), Ф.Ю. Чаговец (мать и сестра).

Максимальное количество лиц на своем иждивении указали пять профессоров: Г.М. Малков (7 человек: жена, три сына и три дочери), А.Ф. Шимановский (7 человек: жена, три сына, дочь, мать, тетя), В.А. Таранухин (8 человек: жена, два сына и пять дочерей), Ф.Г. Яновский (10 человек: жена, два сына, две дочери, две сестры, муж одной из сестер, племянница и два племянника). Н.М. Волкович перечислил трех замужних дочерей с детьми, еще одну незамужнюю дочь и добавил примечание «Кроме дочерей с их семьями на моем попечении находится брат зятя», итого получалось 11 человек.

Не было в 1915 г. детей на содержании у шести профессоров, по одному ребенку было у четырех, по два ребенка – у восьми, по три ребенка – у четырех, больше трех детей – у пяти профессоров. У 10 профессоров из 27, данные на которых представлены в архивном деле, в семьях, помимо жен и детей, находились на иждивении другие родственники. В целом семья среднестатистического киевского профессора состояла примерно из пяти человек (включая самого профессора).

Важно заметить, что наличие прислуги в доме указали 16 профессоров, причем из них по одной прислуге было в семьях только 4 профессоров, в

остальных семьях имелось 2–3 человек прислуги, включая горничных, кухарок, нянь, бонн и гувернанток³²⁶.

Заметим, что, согласно подсчетам Е.А. Ростовцева, проведенных на основании фокусного исследования семейного положения профессуры физико-математического факультета ИСПбУ, среднестатистическая семья столичного профессора была несколько меньше семьи профессора киевского: при двух детях она, как правило, состояла из четырех человек³²⁷.

Для формирования более общей картины обратимся к такому источнику, как «Списки лиц», служивших по МНП, в которых, начиная с 1902 г., стали публиковаться данные о наличии у университетских преподавателей детей (и годах их рождения).

Так, по состоянию на 1902 г. у всех отечественных университетских преподавателей, включенных в списки, коэффициент, отражающий количество детей, равнялся 1,83³²⁸. При этом самыми многодетными, с коэффициентом больше 2, оказались преподаватели ИСПбУ (2,2) и ИКУ (2,05). Меньше всего детей в 1902 г. было у преподавателей ИНУ (1,5) и ИХУ (1,6).

При этом надо заметить, что примерно от четверти до трети преподавателей вовсе не имели детей.

На это обстоятельство обратила внимание Н.Н. Никс, однако, несколько преувеличенным представляется её утверждение о том, что именно «крайне стесненные материальные условия жизни были одной из причин того, что многие профессора и преподаватели, особенно молодые, не могли себе позволить иметь семью и детей»³²⁹. Всё-таки следует признать, что университетская профессура вовсе не относилась к числу самых обездоленных подданных Российской империи, и при этом в куда менее обеспеченных семьях из иных социальных

³²⁶ ГАК. Ф. 16. Оп. 469. Д. 233. Л. 3–52.

³²⁷ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 174–175.

³²⁸ Цифра получена путем деления общего количества детей в семьях преподавателей на количество преподавателей.

³²⁹ Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX в. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 212.

групп, а также в среднем по России, количество детей было выше³³⁰. Скорее, это свидетельствовало о том, что городская культура начала XX в., частью которой являлась и профессура, предопределяла уход от ценности большей патриархальной семьи.

С другой стороны, встречались и многодетные профессора. Так, по девять детей в 1902 г. было у профессора богословия ИХУ Т.И. Буткевича, экстраординарного профессора ИВУ С.Н. Ящинского. По восемь детей в этом году было у заслуженного ординарного профессора ИСПБУ Д.В. Марковникова, у ординарного профессора ИКУ П.И. Кротова³³¹. Относительно феномена многодетности согласимся с Н.Н. Никс в том, что большие семьи, как правило, были у профессоров - выходцев из духовного звания, с устойчивыми православными брачно-семейными традициями.

В целом, за норму начала XX в. можно взять наличие преподавательских семьях двух детей. В дальнейшем этот показатель мало менялся.

Это позволяет утверждать, что на протяжении рассматриваемого периода в среднем на доходы, получаемые преподавателем университета, должна была существовать семья из четырех человек.

Расходная часть преподавательского бюджета

Квартирный вопрос. Традиционно одним из мерил качества жизни считаются жилищные условия. Значительная часть профессуры либо проживала в казенных квартирах, либо снимала жилье.

В дореволюционной России существовала практика проживания ряда профессоров непосредственно в университетских или специально выделенных помещениях. Так, под квартиры профессоров университета в Перми была отдана часть второго этажа трехэтажного флигеля дома просветительных учреждений имени Е.И. Мешковой³³². Здесь в 1916 г. располагалось 9 квартир, бесплатно

³³⁰ Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика населения: Состав населения; брачность; рождаемость; смертность; механическое движение населения. СПб, 1892. С. 210.

³³¹ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1902 год. СПб, 1902. С. 516, 750, 349, 460.

³³² ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 220. Л. 11 об. – 12.

предоставленных меценатом Н.В. Мешковым³³³. Еще до открытия Пермского отделения ИПГУ местные власти инициировали вопрос об обеспечении профессоров и студентов квартирами для проживания. Пермское Губернское Собрание на заседании 27 мая 1916 г. приняло решение: «Признавая необходимым оказать всяческое содействие в предоставлении профессорам и студентам будущего университета удобных и дешевых квартир, поручить Управе разработать в ближайшем времени вопрос о постройке квартир для профессоров университета и общежития и квартир для студентов или за счет капиталов Земства, или за счет специально организованного на сей предмет капитала при условии предоставления удобных и вполне благоустроенных квартир за возможно более умеренную плату, покрывающую %% эксплуатационного расхода и погашение капиталов, затраченных на постройку здания»³³⁴.

В ноябре 1916 г. профессор В.Д. Зёрнов поднимал на Совете ИНСУ вопрос о строительстве жилых домов для преподавателей и сотрудников университета на Московской площади Саратова³³⁵.

Снимавшие жильё преподаватели получали квартирные деньги. При переезде на казенную квартиру преподаватель прекращал их получать.

Условия съема жилья в разных университетских городах существенно отличались. Приведем несколько документальных свидетельств, освещающих квартирный вопрос и его решение разными профессорскими семьями или холостыми преподавателями.

Вот как описывал В.Э. Грабарь свое жильё в Юрьеве в 1890-х гг.: «Будучи уже профессором, но еще одиноким, я занимал квартиру в пять комнат, весь нижний этаж дома, с садом сзади него и палисадником спереди. Этот тихий уют обходился мне всего в 400 рублей в год»³³⁶.

Профессор ИТУ И.А. Малиновский так описывал квартиру, которую он снял в Томске, приехав сюда в 1898 г.: «Квартира большая: шесть комнат,

³³³ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 220. Л. 68.

³³⁴ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.

³³⁵ ГАСО. Ф. 393. Он. 1. Д. 727. Л. 2–5.

³³⁶ Грабарь В.Э. Четверть века в Тартуском (Дерптском – Юрьевском) университете // Ученые записки тартуского университета. 1954. Вып. 35. С. 56.

передняя, ванная, кухня, комната для прислуги. Мы так распределили комнаты: отдельная комната направо от передней с окнами во двор – мой кабинет, рядом с ней за стеной спальня, прямо из передней дверь вела в большую комнату с выходом в сад. Это была столовая: в столовой было несколько дверей: кроме двери в переднюю и против нее двери в сад, направо была одна дверь в спальню и рядом с ней дверь в комнату для прислуги, оттуда в кухню и на черный ход: налево из столовой была дверь в угловую комнату; налево от передней была тоже большая комната с окнами на улицу – гостиная; из гостиной дверь вела в Марусин [супруги И.А. Малиновского – М.Г.] кабинетик, а оттуда в угловую комнату»³³⁷. Эта квартира обходилась И.А. Малиновскому сначала 55, а затем 65 руб. в месяц, то есть 660–780 руб. в год³³⁸. Известно, что годовая аренда 5–6-комнатной квартиры в Киеве в аналогичный период обходилась 1 000–1 200 руб.³³⁹

30-летний В.Д. Зёрнов, только начинавший свою карьеру в качестве штатного профессора в ИНСУ, снял при переезде из Москвы в Саратов 6-комнатную квартиру и вспоминал на закате жизненного пути об этом так: «Когда я начинал свою профессорскую деятельность, нельзя было и предположить, чтобы в квартире профессора не было отдельного кабинета, общей комнаты – гостиной, под которую всегда отводилась самая большая комната квартиры, отдельной столовой и, в зависимости от числа детей, одной или двух детских, ну и, конечно, отдельной спальни. [...] При кухне имелась комната для прислуги. Ванна и прочие “удобства” – всё было исключительно хорошо оборудовано»³⁴⁰. Стоимость аренды этой квартиры составляла 66 руб. в месяц.

³³⁷ Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 288.

³³⁸ Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 327.

³³⁹ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 213.

³⁴⁰ Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 165.

Ректор ИВУ И.Н. Трепицын писал 16 февраля 1912 г. в докладной записке министру народного просвещения Л.А. Кассо: «Что стоит жизнь в Варшаве? Главным определяющим фактором являются квартиры, цена на которые постоянно повышается. В настоящий момент самая обыкновенная, скромная в 4–5 комнат стоит от 900 до 1 200 р[уб.] в год (без отопления). Эта цена, ничуть не преувеличенная, выставляется между прочим и законопроектом, возникшем в Государственной Думе и касающимся увеличения квартирных денег для мировых судей и судебных следователей города Варшавы. Сообразно с этим квартира в 6 комнат стоит 1 500 руб. Если принять, что квартирная плата составляет только одну пятую часть бюджета средней семьи, то мы получим суммы в 4 500 р[уб.] для малосемейных и в 6 000 и 7 500 р[уб.] для лиц со средней и большой семьей. Эти цифры, по сравнению с приведенными выше окладами, ясно показывают, что профессора Варшавского университета, состоя на государственной службе, должны или проживать собственные средства, или, у кого их нет, – просто бедствовать, и они действительно бедствуют»³⁴¹.

Заметно меньше денег на квартиру тратили профессора ИЮУ. Так, согласно путеводителю по г. Юрьеву (1915), 5-комнатная квартира с кухней обходилась здесь арендатору в сумму от 20 рублей месяц³⁴².

Выше упомянутых «квартирных» денег (300 руб. в год для ординарных профессоров, 200 – для экстраординарных и являвшихся при этом составной частью жалования), очевидно, было недостаточно для аренды комфортабельной квартиры даже в небольших городах, не говоря о столицах.

Любопытным источником о степени материального достатка профессорской семьи дает список вещей профессора ИВУ Н.И. Мухина, оставленных им на хранение в специализированной конторе во время эвакуации из Варшавы в конце 1914 г. Список включает в себя около 90 наименований разной домашней утвари. Среди них – рояль, три отоманки, буфет, обеденный стол, три письменных стола, два дивана, восемь мягких стула, две кровати,

³⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 530. Л. 5 – 8 об.

³⁴² Настольная справочная книга учащихся в высших учебных заведениях и путеводитель по г. Юрьеву / Сост. А.П. Тюрморезов. Юрьев, 1915. С. 117.

зеркала, пять шкафов, ковры, четыре сундука с домашними вещами, тридцать ящиков с книгами и посудой, швейная машинка, граммофон³⁴³. Этот перечень создает уверенное впечатление о весьма зажиточном быте.

Иллюстрацией расходов, которые ежемесячно несла профессорская семья, могут служить данные, приведенные во время работы комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.). Данные базировались на записях, ведшихся с 1892 г. по 1896 г. включительно одним из профессоров ИХУ, семья которого состояла из жены и двух детей (мальчика 13 лет и девочки 11 лет). Структура средних ежемесячных трат этой семьи представлена в таблице 5.

Таблица 5 – Структура месячных расходов семьи профессора ИХУ (данные за 1892–1896 гг.)

Категория расходов	Стоимость, руб.
На наем помещения	58,33
Отопление	10
Освещение	3,36
Прислуга	35,7
Пища	94,17
Одежда и обувь	40
Обучение детей и книги	22,92
Удовольствия и лакомства	12,37
Лечение и лекарства	9,88
Курение	3,42
Извозчики	5,01
Благотворительность	7,67
Ремонт хозяйственного инвентаря, мойка белья, починка мебели, раздача «на водку» и другие случайные расходы	44,88
Итого в месяц	347,71

При таких ежемесячных тратах годовые должны были составлять более 4 000 руб. Приведя эти данные, авторы доклада справедливо подмечали, что

³⁴³ APW. Z. 214. S. 324. k. 67 – 68 ob.

«здесь еще нет некоторых необходимых статей бюджета, например, расходы на научные книги, научные пособия, на дачу и досуг»³⁴⁴.

Покупательная способность рубля

Остановимся подробнее на анализе покупательной способности рубля. Очевидные сложности такого анализа заключаются в наличии региональных особенностей уровня цен на потребительские товары в разных университетских городах и в необходимости учета инфляции на протяжении тридцати с лишним рассматриваемых лет. Не ставя перед собой задачи досконального анализа динамики потребительских цен в десятке университетских городов, мы считаем, что для формирования адекватного представления об изучаемом вопросе будет достаточно привести усредненные данные по стоимости основных товаров и услуг в ряде «типовых» университетских городов, применительно к трем ключевым временным отрезкам (1: середина – вторая половина 1880-х гг.; 2: начало – первое десятилетие XX в.; 3: период Первой мировой войны – кануна Февральской революции 1917 г.).

В качестве «типовых» университетских городов возьмем с одной стороны, Санкт-Петербург и Москву как города-миллионники (по уровню цен к ним примыкала Варшава – третий по численности город империи); с другой, Киев, Одессу – города юга Российской империи с населением около полумиллионов человек в начале XX в.; с третьей – Юрьев, Томск как самые малонаселенные из числа университетских городов. Такой подход позволит охватить вниманием как столичные мегаполисы с их развитой инфраструктурой (в том числе – сферой обслуживания), так и мелкие «камерные» университетские города, расположенные друг по отношению к другу на расстоянии от сотен до тысяч километров.

Усредненные цены на основные товары в ряде университетских городов приведены в следующей таблице 6.

³⁴⁴ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 212.

Таблица 6 – Усредненные цены на товары и услуги в университетских городах в конце XIX – начале XX в. (руб.)³⁴⁵

Категория товаров и услуг, ед. изм.	Университетский город								
	С.-Петербург, Москва			Киев, Одесса			Томск, Юрьев		
	Период								
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Продовольствие									
говядина, фунт	0,12– 0,25	0,2	0,26– 0,4	–	0,12– 0,2	–	0,05	0,1– 0,15	0,2
осетрина, фунт	–	0,57	–	–	0,2– 0,5	–	0,1 – 0,12	–	–
курица, 1 шт.	–	0,93	2,89	–	1	–	–	0,5	–
яйца, 100 шт.	–	3,2	6,6	–	0,4– 0,9	–	–	1,20	–
хлеб,	–	0,05	0,06–	–	–	–	–	0,03–	–

³⁴⁵ Сибирский вестник 1888. 10 апреля; Сибирская газета 1888. 14 июля; Путеводитель по Киеву / Ред. В.Д. Бублик. Киев, 1894. С. XII; Сибирская жизнь 1901. 21 июля; Город Томск. Томск, 1912. С. 311; Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 213; Путеводитель и Справочная книжка по Юрьеву и Юрьевскому университету / Ред. Д.К. Зеленин. Юрьев, 1909. С. 68, 100; Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе с приложением / Сост. Г.Г. Москвич. Одесса, 1914. С. 13; Петроград. Статистические данные, относящиеся к городу Петрограду и Петроградскому городскому хозяйству (В диаграммах). Пг, 1916. С. 49–52; Липкин Ф.А. Движение цен за два года войны. Пг, 1916. С. 83; Свод статистических данных по гор. Петрограду за 1916 год. Пг, 1917. С. 41–43; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг, 1917. С. 299; [Глубоковский М.Н.] Практическое наставление родителям для выдачи замуж дочерей, а невестам – для выхода замуж // Наука и жизнь. 2000. № 12. С. 138–142; [без автора]. Цена рубля // Родина. 2005. № 5. С. 45; Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск, 2010. С. 54; Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 97, 157; Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 415–436; Нефедов С.А. Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 635–655.

фунт			0,14					0,05	
Одежда									
брюки	—	—	—	—	1	—	1,5	1,5–2	1,2–3
сорочка	—	—	—	—	1	—	0,95	1–1,2	1,85
пальто	—	—	—	—	20	—	—	—	—
ботинки	6	8–10	22–25	—	—	—	4	7–9	25–30
Услуги									
извозчик, 2 версты	—	—	1	—	—	—	—	0,1– 0,15	—
театр, 1 билет	—	—	—	—	1,2– 4,5	—	—	0,15– 0,5	—
ресторан, на 1 чел.	—	—	4,5	—	0,6– 1,25	—	—	0,3– 0,6	—

Опираясь на приведенные данные о ценах, можно сделать ожидаемый вывод о том, что стоимость жизни в университетских городах была пропорциональна степени их крупности. Городом с наиболее демократическими ценами следует назвать Дерпт (Юрьев).

С середины 1880-х гг. по 1913 г. потребительские цены в России в среднем выросли на 70 % (был период – 1893–1896 гг., когда они даже падали).

В этих условиях даже в крупных городах на 300 руб. (средний месячный доход профессора с учетом гонорара) профессорская семья в начале XX в. могла позволить себе не стеснять себя в расходах на питание и приобретение текущих бытовых товаров. В годы же войны, особенно накануне революции, среднестатистическая профессорская семья уже, вероятно, испытывала известные материальные сложности (см. об этом ниже).

О достаточно высоком достатке отдельных профессоров можно судить по производимым ими тратам, а также по их благотворительной деятельности.

Известно, что в 1911 г. профессор ИМУ И.А. Линниченко внес деньги за пай на владение нефтяным участком в Баку³⁴⁶.

Некоторые профессора завещали университетам весьма солидные суммы³⁴⁷. Например, согласно духовному завещанию профессора ИМУ Н.В. Воронцовского, после его кончины следовало 24 000 руб. обратить в капитал, на проценты с которого создать⁴ стипендии, 10 000 руб. – на учреждение медицинской библиотеки при факультетских клиниках и еще 3 000 руб. – на университетскую церковь, итого, Н.В. Воронцовский завещал на университетские нужды 37 000 руб.³⁴⁸ Профессор ИМУ М.М. Богословский 18 ноября 1915 г. оставил дневниковую запись: «После завтрака отправился подписаться на новый военный заем [...] подписался на 2 000 рублей. Капля в общем море, но ведь и море составляется из капель. Таким образом, всего моих денег в военных займах 5 000 рублей. Это единственное, чем я непосредственно участвую в войне, памятуя завет Петра Великого: “Денег, как возможно, собирать, понеже деньги суть артериею войны”»³⁴⁹.

Особенности качества жизни в военное время. Анализируя уровень материального благополучия университетских профессоров в рассматриваемых хронологических границах 1884–1917 гг., необходимо различать довоенный и военный периоды³⁵⁰.

Известно, что уже к марту 1915 г. в России произошло удорожание стоимости жизни 20–25 % по сравнению с июнем 1914 г.³⁵¹ А к концу 1916 г., согласно докладной записке петроградского охранного отделения, цены на продукты в столице выросли по сравнению с довоенным временем на 300 %³⁵².

³⁴⁶ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 480. Л. 2.

³⁴⁷ Подробнее об этом см. во 2-м разделе 4-й главы и во 2-м разделе 5-й главы.

³⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 92. Л. 6.

³⁴⁹ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 52.

³⁵⁰ См. специально этому вопросу посвященное исследование: Фомичев И.В. Изменения в материально-правовом положении школьных учителей и преподавателей вузов в условиях первой мировой войны // Право и образование. 2010. № 6. С. 127–140.

³⁵¹ Ефимова Е.А., Захаров А.В. Рост цен и уровень жизни населения в условиях мобилизации экономики (на материалах 1914–1915 гг.) // Власть. 2014. № 7. С. 150.

³⁵² Нефедов С.А. Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской

Влияние военного времени на снижение покупательной способности профессорского оклада прослеживается по дневнику профессора ИМУ М.М. Богословского. Если прежде вопрос цен мало волновал профессора, то с наступлением войны на страницах дневника все чаще и чаще встречаются заметки о чрезвычайной дороговизне.

15 октября 1915 г. «Утром опять ожидание дров и разочарование. Василий позвонил по телефону, что дрова есть, но сырые и мелкие, и вернулся домой ни с чем. 17 октября. Суббота. Привезли, наконец, нам дрова, сажен 12–14, купленные по бешеной цене – рублей по 22 за сажень»³⁵³.

«Извозчики ломили прямо-таки фантастические цены. От угла Тверской и Газетного до нас – 1 рубль, от Арбатской площади до нас 80 коп. Большого безобразия в Москве давно не бывало»³⁵⁴.

17 мая 1916 г. «Утро ознаменовалось большим и радостным событием: я, наконец, купил себе новую обувь – штиблеты за 22 р[уб]. 80 к[опеек]. (прежде за такие платил 8–10 руб.) и большие сапоги для деревни за 22 р[уб]. (прежде цена им была 10 р[уб].) Но хорошо, что нашел в магазине Офицерского общества. Повсюду только и разговоров о том, что обуви нигде нет. Прямо хоть поставь ее на стол под стекло, да и любуйся как редкостью»³⁵⁵.

29 мая 1916 г., находясь в Ярославле, М.М. Богословский записал: «Мне дали рыбную солянку за 1 р[уб]. 25 к[опеек] и за такую же цену отбивную телячью котлету. Каждая из этих порций рассчитана на двоих. Всего я не мог далеко истребить. Значит, эти наши столичные цены просто искусственно взвинчены, и жалобы на недостаток продуктов вздуты. Можно еще жить в русской земле!»³⁵⁶.

революции // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 638.

³⁵³ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 46 с.

³⁵⁴ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 46.

³⁵⁵ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 97.

³⁵⁶ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 102.

4 июля 1916 г.: «Л[иза] хотела было купить Мине новые башмаки. Мы зашли в первый же хороший магазин; нам показали некую невероятную дрянь и объявили ей цену в 17 р[уб]. 50 к[опеек]. Идет какая-то бешеная скачка цен»³⁵⁷.

«Дороговизна отчаянная, цены прямо-таки бешеные. За колку сажени дров два года назад мы платили 60 коп[еек], теперь подрядили ночного сторожа за 2 р[уб]. 50 к[опеек]!»³⁵⁸.

20 февраля 1917 г.: «Цены с ноября на все подняты. Мой номер вместо двух р[ублей] стоит уже 3 р[убля]. За продовольствие, обходившееся, бывало, в 1 р[уб]. 80 к[опеек]. (обед из двух блюд), и ужин (из одного) я заплатил 4 р[уб]. 50 к[опеек]. Это, и по сравнению с Москвой, непомерно дорого, ибо в “Праге” обед из четырех блюд стоит именно 4 р[уб]. 50 к[опеек].»³⁵⁹.

7 сентября 1917 г.: «Мы с [профессором Д.Н. Егоровым – М.Г.] уплатили по 700 руб. каждый за вагон дров, который покупаем пополам через университетскую лавку. 1 400 р[уб]. за 12 сажень, а в позапрошлом году я купил вагон за 250 р[уб].»³⁶⁰.

В еще более сложном положении оказались находившиеся за штатом приват-доценты. В этом отношении любопытным источником является хранящееся в фондах РГИА анонимное письмо, написанное летом 1916 г. от имени «матери приват-доцента» и адресованное Министру народного просвещения. В нём говорилось: «Я осмеливаюсь [...] описать, как пример, положение сына моего: окончив классическую гимназию с золотой медалью, он поступил в Университет, по окончании которого был удостоен так же золотой медали за представленное им сочинение и был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Через три года он выдержал магистерский экзамен и получил звание приват-доцента. В следующем

³⁵⁷ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 107.

³⁵⁸ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 117.

³⁵⁹ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 157.

³⁶⁰ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 213.

году был командирован от Министерства за границу для приготовления магистерской диссертации, на что ему была назначена стипендия – 2 000 р[уб]. в год. Побыв там 1½ года, он был застигнут в Германии войной, принужден был бежать, при чем потерял все свое имущество: книг на 500 р[уб]., весь багаж, даже ручной и билеты на проезд. На возвращение употребил 18 дней, истратив 350 р[уб]. По приезде в Россию стипендия от Министерства была прекращена, но несмотря на свое трудное материальное положение, он продолжил заниматься окончанием диссертации, читая вместе с тем лекции в Университете безо всякого определенного вознаграждения, так как лекции его считались необязательными. Со слушателей получал 22 р[уб]. за полугодие. В настоящее время диссертация его окончена, уже напечатана, частично на счет Университета, частично на собственные средства. Войдите Ваше Высокопревосходительство, в положение такого лица, подумайте, чем ему существовать в таких тяжелых условиях, не имея личных средств и в такое исключительное время? После защиты магист[ерской] диссертации ему предстоит писать еще докторскую, снова покупать и выписывать книги. Неужели за недостатком средств ему бросить любимую ученую карьеру и заниматься другим делом? Вероятно, не один мой сын находится в подобных невозможных условиях, потому я, слыша и читая о том, сколько Вы заботитесь о положении учащихся и учащихся, надеюсь, что Вы обратите Ваше благосклонное внимание и не забудете таких приват-доцентов как мой сын, улучшите их положение, назначив определенное вознаграждение за чтение лекций как обязательных, так и необязательных, дав им тем возможность добраться до профессуры»³⁶¹.

В военные годы не только обесценивался рубль, университеты стали иметь заметно меньше т.н. «специальных средств». 5 ноября 1916 г. М.М. Богословский записал: «Тягостное заседание Совета [...]. Лейст докладывал о финансовом положении университета и о видах на 1917-й год. Специальных средств ожидается в виду убыли студентов, призываемых на войну, – всего 300 000 рублей, вместо прежних 600 000. Между тем, на одни только расходы по

³⁶¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 131–132.

отоплению университетских зданий потребуется до 360 000 рублей. На все же расходы Университета, относимые на специальные средства ввиду оплаты труда приват-доцентов по новому закону, потребуется до миллиона рублей. Таким образом, получается дефицит более 700 000 рублей. М. К. Любавский едет в Петроград – просить»³⁶².

Итак, источники рисуют противоречивую картину. С одной стороны, на фоне совокупности представителей профессий физического труда и служащих Российской империи рубежа XIX–XX вв. университетские преподаватели должны быть отнесены к верхнему слою с точки зрения получаемых доходов; в начале века состоятельным считался человек с годовым доходом в 1 000 руб., а во всей 130-миллионной Российской империи таковых насчитывалось около 572 тысяч человек³⁶³.

С другой стороны, сами профессора были склонны оценивать свое материальное положение как недостаточное и видеть в этом одну из причин бед в сфере образования, что ярко было выражено во время работы комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.): «Стесненные материально условия профессорской жизни не могли не отразиться на университетском преподавании. Служба по Министерству Финансов с солидными окладами, выгодная частная служба в сферах промышленных, даже выборная служба в земстве и при думах, не требующая высоких ученых степеней, а тем более деятельность адвокатов, практикующих врачей и публицистов отвлекли от науки наиболее даровитые силы, так как такого рода должности и занятия очень быстро дают не только обеспечение и возможность обзавестись семьей, но даже некоторую зажиточность. Напротив, для того, чтобы посвятить себя при теперешних условиях науке, нужна не только упорная привязанность к

³⁶² Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 134–135.

³⁶³ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М., 2012. С. 601, 602.

теоретическому знанию, но прямо-таки некоторая доля аскетизма и отречения от мира»³⁶⁴.

Известное противоречие между объективной реальностью и ощущением университетских преподавателей, вероятно, объясняется тем, что они были склонны мерить своё благосостояние не применительно ко всей массе подданных Российской империи, а применительно к её элитарным слоям, к которым относили и себя.

Выводы по Главе 2

Таким образом, специфика профессорско-преподавательского корпуса российских университетов с формально-правовой точки зрения определялась наличием чиновничьего костяка, к которому де-юре принадлежали штатные преподаватели – профессора и лекторы (а также доценты ИВУ и ИДУ), разбавленного не-чиновничьим элементом – приват-доцентами.

Но и профессора, неся службу государству и обществу в Императорских (что ко многому обязывало!) университетах, являли собой категорию государственных чиновников «нового типа»³⁶⁵; по характеру профессиональной деятельности и стилю служебного поведения они, скорее, напоминали не встроенных в жесткую вертикаль бюрократов, а гражданских служащих, испытывавших органическую связь не столько с профильным ведомством – Министерством народного просвещения, сколько с самим университетом и преподавательским сообществом.

Материальный достаток в профессорско-преподавательской среде в основном определялся теми доходами, которые получали университетские преподаватели в результате осуществления профессиональной деятельности. Как в любой иерархизированной системе, дифференциация доходов представителей профессорско-преподавательского корпуса была довольно велика. Если доходы многих профессоров позволяли им вести на рубеже XIX–XX вв. образ жизни

³⁶⁴ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 214.

³⁶⁵ Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 7.

зажиточного горожанина, то доходы младших преподавателей – доцентов (в ИВУ и ИЮУ), лекторов и приват-доцентов – не могли обеспечить жизненные потребности семейного человека. Это вынуждало многих из них в ущерб научным занятиям искать дополнительный заработок. Ассистент ИМУ Г. Зацепа писал с досадой: «В годы подготовки к научному служению стране будущие ученые, будущие профессора принуждены заниматься главным образом различными побочными мелочами для поддержания своего существования и лишь в самой ничтожной степени – наукой»³⁶⁶.

Впрочем, часто и профессорского содержания не хватало для того, чтобы сделать долгосрочные сбережения, «сколотить капитал».

Вместе с тем, учитывая то, что жалование преподавателем было увеличено только в 1917 г. (да, и то с одновременной ликвидацией гонорара), а потребительские цены только за предвоенный период выросли почти вдвое, можно сделать вывод о том, что на протяжении рассматриваемого периода материальное положение университетских преподавателей имело тенденцию к ухудшению.

Недостаточность содержания многих представителей профессорско-преподавательского корпуса, особенно усилившаяся в годы Первой мировой войны, с одной стороны, вызывала проблемы с комплектованием университетских кадров, и, с другой стороны, формировала критицизм по отношению к властям в преподавательской среде.

³⁶⁶ Зацепа Г. Пасынки университета: материалы по вопросу о положении в университетах младших преподавателей. М., 1907. С. 43.

Глава 3. Особенности кадрового состава российских университетов конца XIX – начала XX в.

Дав характеристику правового и материального положения, обратимся к выявлению ключевых особенностей кадрового состава российских университетов конца XIX – начала XX в., включая динамику численности, проблемы академической мобильности, социальное происхождение профессоров и преподавателей, пути формирования профессорско-преподавательского корпуса, формы научно-педагогической аттестации, типовые карьеры университетских сотрудников.

3.1. Динамика численности профессоров и преподавателей российских университетов в конце XIX – начале XX в. Академическая и неакадемическая мобильность

Штаты университетов после введения Устава 1884 г.

История российских университетов отмеряется уставами. Каждый из четырех уставов, принятых на протяжении XIX в., на несколько десятилетий предопределял жизнь отечественной высшей школы. Последний дореволюционный устав 1884 г. действовал в течение 33 лет, оказавшись самым долгоиграющим (если не брать во внимание Временные правила 1905 г.).

Известно, что устав 1884 г. был весьма скептически встречен преобладающим числом преподавателей. В свете этого несколько комично звучит фраза попечителя Киевского учебного округа С.П. Голубцова, который, докладывая 19 сентября 1884 г. министру народного просвещения И.Д. Делянову о том, что экземпляры нового устава разосланы всем преподавателям ИУСвВ, добавлял, что «как избранные мною деканы, так равно и все профессора и преподаватели, выражают полную готовность исполнять новый устав во всей точности и полноте его»³⁶⁷.

³⁶⁷ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 87. Д. 6639. Л. 7.

Новый устав был распространен на шесть из восьми университетов – ИСПБУ, ИМУ, ИКУ, ИХУ, ИУСвВ и ИНУ (правила нового устава не были применены только к ИВУ и ИДУ) и внес серьезные изменения в состав их профессорско-преподавательского корпуса: ликвидировалась штатная доцентура, численно увеличивалась категория экстраординарных профессоров, расширялась внештатная приват-доцентура.

Учитывая предстоявшие серьезные кадровые перестановки, министр И.Д. Делянов писал попечителям учебных округов 3 сентября 1884 г.: «Имею честь выразить надежду, что те должностные лица, которые упоминаются в статьях 23, 27, 28 § IV п.п. 1 и 2³⁶⁸, 29, 41 § III и 49 и порядок избрания и назначения которых в должность ныне изменен, не подвергнутся смене лишь на этом основании, буде они соответствуют занимаемым ими должностям, и что те должностные лица и установления, от которых ныне зависит их избрание, будут в этом случае действовать с надлежащую осторожностью и осмотрительностью, дабы не внести на первых же порах какого-либо замешательства в ход дел по учебной, административной, хозяйственной и дисциплинарной частям университетского управления»³⁶⁹.

В указанных министром статьях устава упоминались ректоры, секретари советов, деканы, профессора, лекторы, лаборанты и их помощники, хранители кабинетов и музеев, прозекторы и их помощники, астрономы-наблюдатели, ученые садовники, механики и препараторы, ординаторы клиник, провизоры, библиотекари и их помощники, бухгалтеры и их помощники, архитекторы, университетские врачи, экзекуторы и их помощники, архивариусы, письмоводители, инспекторы студентов и их помощники. Так что фактически речь велась обо всех университетских сотрудниках, которые следовало успокоить обещанием сохранения места.

Несколькими днями ранее, 30 августа 1884 г. И.Д. Делянов писал попечителю Московского учебного округа П.А. Капнисту: «Относительно

³⁶⁸ В тексте – опечатка, поскольку § IV есть в статье 27, а статья 28 не делится на параграфы. Верно так: «...27, § IV п.п. 1 и 2, 28...».

³⁶⁹ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 87. Д. 6639. Л. 2 – 2 об.

ректоров я полагаю ходатайствовать перед Государем Императором об утверждении в сей должности тех лиц, которые занимают оную в настоящее время». И далее: «Хотя избрание деканов и инспектора студентов предоставляется непосредственно Попечителю учебного округа, тем не менее, Ваше Сиятельство без сомнения признаете полезным истребовать частным образом мнение ректора [...] по вопросу о том, не могли бы с пользою для дела и для надлежащего приведения в действие нового устава быть утверждены нынешние деканы и инспектор студентов»³⁷⁰. Такие письма, вероятно имели цель настроить руководство университетов на более лояльное отношение к намечаемым серьезным кадровым изменениям.

Очевидно, что более всего новый устав затронул интересы доцентов шести университетов, чьи должности вовсе ликвидировались. Судьба бывших штатных доцентов была определена в «Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета об общем уставе о штате Императорских Российских университетов» следующим образом: «а) тех из них, которые приобрели известность своими учеными трудами и даром преподавания возвести в звание экстраординарных профессоров, не требуя от них для сего докторской степени, но обязав их приобретением оной для дальнейшего повышения в ординарные профессоры; б) возлагать на доцентов, если преподавание их признано будет полезным, временное исполнение обязанностей вакантных профессорских должностей, на указанном в статье 64 нового устава университетов основании, возобновляя, в случае надобности и приносимой пользы, таковое поручение ежегодно, с сохранением притом за сими лицами, в продолжение всего этого времени, содержания и служебных преимуществ, предоставляемых доцентам по уставу и штату университетов 1863 г. и с распространением на них действия статей 23, 69, 99 и 11 нового устава; в) всех остальных доцентов оставить за штатом, предоставив им читать лекции в качестве приват-доцентов, и при этом условии пользоваться в течение двух учебных годов, следующих за утверждением настоящего узаконения, содержанием и служебными преимуществами,

³⁷⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4065. Л. 9, 12.

присвоенными должности доцента по уставу и штатам 1863 г. и с распространением на них действия приведенных в предшествующем пункте статей нового устава»³⁷¹. Иными словами, у бывших доцентов был шанс быть назначенными экстраординарными профессорами / и.д. экстраординарных профессоров или утратить штатное место, превратившись, в лучшем случае, в приват-доцентов.

1 сентября 1884 г. МНП предлагало попечителю Одесского учебного округа С.П. Ярошенко для претворения в жизнь новых правил «войти немедленно в соглашение с ректором и деканами каждого факультета в отдельности и вместе с ними тщательно обсудить, к какой из вышеперечисленных категорий должен быть отнесен каждый из наличных штатных доцентов», учитывая при этом количество ординарных и экстраординарных профессоров, определенных новым уставом³⁷². Согласно последующему донесению попечителя, 7-го и 8-го сентября он провел соответствующие встречи с деканами физико-математического и юридического факультетов (на третьем – историко-филологическом – доцентов не было, а медицинский факультет ИНУ будет открыт позднее, в 1900 г.).

Приведем в качестве примера несколько характеристик попечителя С.П. Ярошенко на доцентов, на основании которых принимались решения об их дальнейшей службе. В характеристике на доцента физико-математического Л.В. Рейнгарда говорилось, что он «в течение нескольких лет нес на себе всю тяжесть преподавания по кафедре ботаники. Эту задачу он выполнил с большим успехом, успев приобрести репутацию способного преподавателя, и постоянно работая по своему специальному предмету, приготовил работу, представляемую им для защиты на степень доктора. Почему д[ействительный] с[татский] с[оветник] Вериге [декан факультета – М.Г.] и полагает возможным причислить г[осподина] Рейнгарда к 1-й категории. Хотя я и разделяю в общем характеристику г[осподина] Рейнгарда, высказанную г[осподином] Вериге, тем не менее ввиду кратковременности его службы, невыясненности характера и

³⁷¹ Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 7.

³⁷² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 287. Л. 61 – 61 об.

направления, равно принимая в соображение возможность скорого представления им докторской диссертации [...] полагал бы более справедливым и полезным отчислить г[осподина] Рейнгарда ко 2-й категории».

К той же категории был причислен доцент П.Г. Меликов. Два других доцента физико-математического факультета – В.М. Репяхов и П.А. Спиро – были причислены к 3-й категории. Единственным из доцентов ИНУ, причисленный к 1-й категории, оказался В.И. Палаузов. Ему была дана такая характеристика: «По своей преподавательской и научной деятельности предоставляет все данные заключить, что он и в том и другом отношении является вполне и прочно установившемся ученым. Его литографированный курс уголовного судопроизводства [...] мог бы быть напечатан. [...] Доцент Палаузов в течение четырех лет преподавания в качестве доцента ведет практические занятия со студентами 4 курса, весьма важные и необходимые в такой науке как уголовное судопроизводство. [В.И. Палаузов] приготовил к печати докторскую диссертацию [...]. На основании вышеизложенных соображений признается желательным причисление г[осподина] Палаузова к 1-й категории с возведением его в звание экстраординарного профессора». При обосновании того, почему, например, доцента юридического факультета Л.В. Федоровича следует отнести к 3-й категории и предложить ему только приват-доцентуру, указывалось на то, что, с одной стороны, Л.В. Федорович еще не приступил к чтению лекций и не может быть оценен как преподаватель, но с другой, признавалось, что он является ценным специалистом по политической экономии³⁷³.

В итоге на физико-математическом факультете ИНУ появилось два новых экстраординарных профессора из числа бывших доцентов (П.Г. Меликов и Л.В. Рейнгард), и два – на юридическом факультете (В.И. Палаузов и Н.Е. Чижев). Еще один преподаватель – Ю.С. Гамбаров – стал экстраординарным профессором ИМУ, Итого – 5 человек получили штатное место в университетах. Выбыли из

³⁷³ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 287. Л. 74–76.

штата доценты В.М. Репяхов (кафедра зоологии)³⁷⁴, П.А. Спиро (кафедра физиологии), Л.В. Федорович (кафедра политической экономии и статистики).

Подчеркнем, что, судя по выше приведенным выдержкам из характеристик, при определении судьбы бывших доцентов попечители, ориентируясь на мнение университетской администрации, вносили свои коррективы (случай Л.В. Рейнгарда), что лишний раз наглядно демонстрирует расширившуюся после введения нового устава роль руководителей учебных округов в решении внутриуниверситетских дел.

Обратимся к характеристике того, как вопрос перевода доцентов в экстраординарные профессора, решался в других университетах.

ИСПБУ. В столичном университете на историко-филологическом факультете из числа бывших доцентов в категорию экстраординарных профессоров было переведено три человека (Ф.Ф. Соколов, П.В. Никитин, А.В. Прахов), на физико-математическом факультете – четыре (Н.С. Будаев, Х.Я. Гоби, С.П. Глазенап, А.И. Воейков) на юридическом факультете – пять (Л.Б. Дорн, В.А. Лебедев, С.В. Ведров, Н.Д. Сергеевский, С.А. Бершадский), на факультете восточных языков – три (В.Д. Смирнов, Н.И. Веселовский, А.М. Позднеев). Итого по университету – 15 человек. При этом выбыли из штата только два доцента А.А. Цагарелли³⁷⁵ (кафедра грузинской словесности) и Д.А. Пешуров³⁷⁶ (кафедра китайской словесности).

ИМУ. Попечитель Московского учебного округа П.А. Капнист писал осенью 1884 г. министру народного просвещения И.Д. Делянову: «имею честь представить на Ваше усмотрение мои соображения о применении к штатным доцентам, ныне находящимся на службе при Императорском Московском университете [...] нового устава [...]. Причем долгом считаю доложить, что соображения эти основаны на совещании с Ректором и деканами Университета».

³⁷⁴ В 1886/1887 учебном году В.М. Репяхов был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры зоологии.

³⁷⁵ В 1886/1887 учебном году А.А. Цагарелли был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры армянской и грузинской словесности.

³⁷⁶ В 1890/1891 учебном году Д.А. Пешуров был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры китайской словесности.

Рассуждая об историко-филологическом факультете, П.А. Капнист заключал, что «нынешним личным составом могут быть замещены все кафедры за исключением кафедры русского языка и литературы, которая остается свободною. Г[оспода] доценты, ныне преподающие на историко-филологическом факультете, соединяют в себе условия, дающие им право на самостоятельное занятие кафедры»³⁷⁷.

В момент введения устава на историко-филологическом факультете служило 8 ординарных, 2 экстраординарных профессоров и 5 доцентов. Предложение университета, поддержанное попечителем, состояло в возведении всех доцентов в должность экстраординарных профессоров, несмотря на то, что «при удовлетворении сего предложения число экстраординарных профессоров превысит установленное штатом на три человека». Всех доцентов юридического факультета также было предложено «возвести» в экстраординарные профессора. Что касается доцентов физико-математического факультета, то трем из них планировалось дать профессуру, а двум – приват-доцентуру. Наконец, из числа доцентов медицинского факультета восемь были предложены для перевода в экстраординарные профессора, двое – в приват-доценты, двое – в прозекторы³⁷⁸.

На практике всё вышло несколько иначе, но близко к изложенному предложению: на историко-филологическом факультете появилось шесть новых экстраординарных профессоров (А.Н. Шварц, Ф.Ф. Фортунатов, В.Ф. Миллер, В.Г. Зубков, П.Г. Виноградов, Д.Н. Анучин³⁷⁹), на физико-математическом факультете – один (Ф.Е. Орлов), на юридическом факультете – три (Н.И. Нерсесов, А.С. Алексеев, Г.Е. Колоколов), на медицинском факультете – семь (А.М. Макеев, В.И. Ельцинский, В.Ф. Снегирев, В.С. Богословский, Ф.И. Синицин, В.А. Тихомиров, В.Д. Шервинский); Ф.Ф. Эрисман стал ординарным профессором. Итого по университету – 18 человек. За штатом были

³⁷⁷ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4066. Л. 79 – 81 об.

³⁷⁸ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4066. Л. 120 – 122 об.

³⁷⁹ Д.Н. Анучин был переведен с кафедры антропологии физико-математического факультета на кафедру географии и этнографии историко-филологического факультета.

оставлены П.И. Погожев (кафедра физиологии) и В.И. Глики (кафедра фармакологии).

ИКУ. На историко-филологическом факультете ИКУ в экстраординарные профессора были переведены три доцента (Л.З. Колмачевский, И.Н. Смирнов, А.С. Архангельский), на физико-математическом факультете – два (Ф.М. Суворов, Ф.М. Цомакион), на юридическом факультете – два (Д.М. Львов, Г.Ф. Дормидонтов), на медицинском факультете – три (А.Г. Ге, Д.П. Сколозубов, Н.И. Котовщиков). Итого по университету – 10 человек. Выбыли из штата доценты В.А. Богородицкий (кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков)³⁸⁰, В.И. Сорокин (кафедра агрономической химии)³⁸¹, М.М. Усов (кафедра зоологии)³⁸², В.П. Максимович (кафедра чистой математики)³⁸³, Н.П. Иванов (кафедра международного права), В.В. Ивановский (кафедра полицейского права)³⁸⁴, Р.А. Лангель (кафедра фармации и фармакогнозии) и М.Ф. Болдырев (кафедра энциклопедии и истории медицины).

ИХУ. На историко-филологическом факультете ИХУ все бывшие доценты были выведены за штат; на физико-математическом факультете экстраординарным профессором стал один доцент (Г.В. Левицкий); на юридическом факультете – трое (А.И. Загоровский, Н.О. Куплевасский, К.Н. Ярош); на медицинском факультете – трое (А.И. Дудукалов, П.И. Ковалевский, М.С. Субботин). Итого по университету – 7 человек. Выбыли из штата доценты Р.И. Шерцль (кафедра римской словесности), Н.Ф. Сумцов (кафедра русской литературы)³⁸⁵, Г.Ф. Шульц (кафедра греческой словесности)³⁸⁶,

³⁸⁰ В 1888/1889 учебном году В.А. Богородицкий был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры сравнительного языкознания.

³⁸¹ В 1888/1889 учебном году В.И. Сорокин был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры агрономии.

³⁸² В 1886/1887 учебном году М.М. Усов был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры зоологии.

³⁸³ С 1887/1888 учебного года В.П. Максимович – экстраординарный профессор кафедры чистой математики ИУСвВ.

³⁸⁴ В 1886/1887 учебном году В.В. Ивановский был возвращен в штат в должности ординарного профессора кафедры государственного права.

³⁸⁵ В 1889/1890 учебном году Н.Ф. Сумцов был возвращен в штат в должности ординарного профессора кафедры русского языка и словесности.

Д.И. Багaley (кафедра русской истории)³⁸⁷, Э.М. Диллен (кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков), М.А. Тихомандрицкий (кафедра чистой математики)³⁸⁸, А.К. Погорелко (кафедра физики), А.Е. Зайкевич (кафедра агрономии), И.С. Сыцяно (кафедра терапевтической клиники), Д.И. Киселев – «доцент для преподавания диагностики», З.И. Стрельцов – «доцент для преподавания эмбриологии», П.И. Морозов – «доцент для преподавания хирургии и топографической анатомии»³⁸⁹, Н.А. Чернай – «доцент для преподавания медицинской химии», М.М. Ломиковский – «доцент для преподавания лорингопатологии»³⁹⁰. Известно, что изначально, по согласованию с попечителем учебного округа М.С. Максимовским, планировалось оставить в штате почти $\frac{3}{4}$ бывших доцентов, но по решению министерства доля оставленных оказалась гораздо меньше³⁹¹.

ИУСвВ. На историко-филологическом факультете ИУСвВ четыре бывших доцента стали экстраординарными профессорами (Н.П. Дашкевич, А.А. Козлов, Т.Д. Флоринский, Ю.А. Кулаковский), на физико-математическом факультете – один (П.Я. Армашевский), на юридическом факультете – три (Д.И. Пихно, Л.Н. Казанцев, Д.Г. Тальберг), на медицинском факультете – один (М.И. Стуковенков). Всего по университету – 9 человек. Были оставлены за штатом доценты Я.Н. Барзиловский (кафедра химии)³⁹², Э.Г. Немецки (кафедра фармации и фармакогнозии), Е.И. Афанасьев (кафедра клинической и

³⁸⁶ В 1889/1890 учебном году Г.Ф. Шульц был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры классической филологии.

³⁸⁷ В 1887/1888 учебном году Д.И. Багaley был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры русской истории.

³⁸⁸ В 1886/1887 учебном году М.А. Тихомандрицкий был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры чистой математики.

³⁸⁹ С 1886 г. П.И. Морозов – экстраординарный профессор кафедры оперативной хирургии ИУСвВ.

³⁹⁰ В 1887/1888 учебном году М.М. Ломиковский был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры диагностики.

³⁹¹ Багaley Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906. С. 249–250.

³⁹² В 1890/1891 учебном году Я.Н. Барзиловский был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры химии.

теоретической патологии и терапии)³⁹³, Н.Ф. Толочин (кафедра клинической и теоретической патологии и терапии)³⁹⁴, О.А. Рустицкий (кафедра хирургии)³⁹⁵, А.С. Яценко (кафедра хирургии), П.Ф. Суханов (кафедра физиологии), А.Л. Липский – «доцент по предмету детских болезней», А.А. Шварц (кафедра акушерства).

Обобщим выше приведенные сведения в следующей таблице 7.

Таблица 7 – Перевод доцентов в экстраординарные профессора по условиям университетской реформы 1884 г.

Университет	Количество штатных доцентов в 1884 г.	Количество доцентов, переведенных в экстраординарные профессора	Количество доцентов, выведенных за штат
ИСПбУ	17	15	2
ИМУ	21	18	3
ИКУ	18	10	8
ИХУ	21	7	14
ИНУ	8	5	3
ИУСвВ	18	9	9
Всего	103	64	39

Из таблицы видно, что две трети доцентов российских университетов сохранили за собой штатное место и даже выиграли в служебном отношении от проведенной реформы. Менее всего от штатных пертурбаций 1884 г. пострадали доценты столичных университетов; более всего – доценты ИХУ (здесь соотношение оставшихся и выведенных за штат обратно общероссийскому)³⁹⁶ и

³⁹³ В 1887/1888 учебном году Е.И. Афанасьев был возвращен в штат в должности экстраординарного профессора кафедры частной патологии и терапии.

³⁹⁴ С 1885 г. Н.Ф. Толочин – экстраординарный профессор кафедры акушерства и детских болезней ИХУ.

³⁹⁵ С 1893 г. О.А. Рустицкий – экстраординарный профессор кафедры оперативной хирургии ИКУ.

³⁹⁶ Временно лишившийся тогда штатного места будущий ректор ИХУ Д.И. Багалей

ИУСвВ (здесь штатное место сохранили 50 % бывших доцентов). Заметим, что эти цифры отражают картину изменений внутри конкретных университетов. Но надо иметь в виду, что некоторые бывшие доценты получили должности экстраординарных профессоров в других университетах; иные, будучи в 1884 г. выведенными за штат, побывали приват-доцентами и были возвращены в штат в качестве профессоров через несколько лет.

Среди лиц, не получивших штатного места после введения нового устава, преобладали молодые преподаватели, имевшие, впрочем, как правило уже не менее 10 лет стажа. Исключение составляли весьма возрастные доценты П.И. Погожев (кафедра физиологии ИМУ), Р.А. Лангель (кафедра фармации и фармакогнозии ИКУ), Э.Г. Неметти (кафедра фармации и фармакогнозии ИУСвВ), З.И. Стрельцов – «доцент для преподавания эмбриологии» ИХУ.

Доценты, сохранившие штатное место, были переведены в экстраординарные профессора централизованно; например, 1 октября 1884 г. – в ИКУ, 1 ноября 1884 г. – в ИСПБУ и ИМУ.

В связи с неполным соответствием состава кафедр по Уставу 1884 г. в сравнении с предшествующими годами, возникали известные сложности. Так, новый устав не предполагал наличия на юридическом факультете кафедры судебной медицины (как и ранее, она была в структуре медицинского факультета), однако, например, на юридическом факультете ИМУ такая кафедра ранее была создана и занимал её в 1884 г. профессор В.А. Легонин, который к тому же являлся деканом юридического факультета. Предложение, с которым университет вышел на попечителя, а попечитель – на министра, заключалось в следующем: кафедру сохранить и оставить профессора Легонина деканом юридического факультета (несмотря на то, что он являлся доктором медицины), так как ни один другой профессор юридического факультета к должности декана не подходит³⁹⁷. Попечитель учебного округа П.А. Капнист писал по этому поводу

впоследствии называл распределение в 1884 г. доцентов на категории, очень несправедливым. См.: Багалій Д.І. Автобіографія // Ювілейний збірник на пошану академіка Д.І. Багалія з нагоди 70-ї річниці життя та 50-х роковин наукової діяльності. Київ, 1927. С. 48–50.

³⁹⁷ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4065. Л. 102 – 104 об.

в министерство: «Юридический факультет Московского университета, к сожалению, таков, что кроме Легонина никого нельзя избрать на должность декана. Из остальных 7 наличных профессоров Павлов, хотя и является человеком хорошего направления и надежным, но обладает некоторыми чертами характера (большою неровностью и нервностью), делающими его мало способным к административной деятельности. К тому же он постоянно уклонялся от принятия каких-либо должностей, держал себя в стороне от общих Университетских дел, и, насколько мне известно, и в настоящее время едва ли примет на себя какие-либо административные обязанности. Профессор Янжул едва ли был бы удобен как декан уже в виду того, что он кроме исполнения профессорских обязанностей занимает должность фабричного инспектора и следовательно вряд ли мог бы уделять деканству достаточно времени. Профессор граф Камаровский, человек во всех отношениях хороший, но очень робкого и мягкого характера и притом молод, а потому не будет иметь ни в факультете, ни в Университете достаточного авторитета. Профессор Мрочек-Дроздовский не соответствует должности декана. Профессор Боголепов уже занимает должность ректора. А затем назначение на должность декана г[оспод] Ковалевского или Чупрова я, как вероятно и Ваше Высокопревосходительство, находил бы неудобным³⁹⁸»³⁹⁹. Министерство поддержало это предложение, и В.А. Легонин оставался деканом еще 15 лет, до своей смерти в 1899 г.

В целом, после приведения штатов университетов в соответствие с требованиями нового устава картина по всей университетской системе Российской империи сложилась следующая.

Накануне принятия нового устава (1884 г.) в восьми университетах насчитывалось 520 преподавателей, включая 37 заслуженных ординарных профессоров, 240 ординарных профессоров, 7 профессоров православного

³⁹⁸ Имелись в виду политические взгляды и общественная деятельность профессоров М.М. Ковалевского и А.И. Чупрова; см. об этом подробнее в 6-й главе.

³⁹⁹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4065. Л. 105–105 об.

богословия⁴⁰⁰, 73 экстраординарных профессоров, 123 доцентов, 27 лекторов, а также 13 сверхштатных профессоров (таблица 8).

Таблица 8 – Преподавательский состав российских университетов в 1884 г. (до вступления в силу нового университетского устава)⁴⁰¹

Университет	Сверхштатные профессора	Профессора православного богословия	Заслуженные ординарные профессора	Ординарные профессора	Экстраординарные профессора	Доценты	Лекторы	Всего
ИСПБУ	3	1	9	26	11	17	5	72
ИМУ	1	1	6	35	7	21	4	75
ИКУ	1	1	3	29	11	18	3	66
ИХУ	1	1	6	32	10	21	3	74
ИНУ	2	1	2	23	3	8	4	43
ИУСвВ	2	1	6	28	11	18	3	69
ИВУ	2	0	0	31	17	11	4	65
ИДУ	1	1	5	36	3	9	1	56
ИТОГО	13	7	37	240	73	123	27	520

В первый год после утверждения нового устава, кадровый состав университетов несколько изменился (таблица 9).

⁴⁰⁰ В ИДУ соответствующая должность именовалась «профессор богословия для студентов православного исповедания».

⁴⁰¹ Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 188⁴/₅ учебный год. СПб, 1884. С. 115–154, 192–225, 267–294, 321–350, 373–390, 416–445, 490–519, 547–572.

Таблица 9 – Преподавательский состав российских университетов в 1885 г.⁴⁰²

Университет	Сверхштатные профессора	Профессора православного богословия	Заслуженные ординарные профессора	Ординарные профессора	И.д. ординарных профессоров	Экстраординарные профессора	И.д. экстраординарных профессоров	Доценты	Лекторы	Всего
ИСПБУ	3	1	9	28	0	22	0	0	4	67
ИМУ	1	1	7	37	0	27	0	0	4	77
ИКУ	0	1	4	35	0	20	0	0	2	62
ИХУ	1	1	8	29	0	15	0	0	2	56
ИНУ	2	1	2	25	1	7	0	0	4	42
ИУСВВ	3	1	8	29	0	17	0	0	3	61
ИВУ	2	0	0	33	2	13	0	12	5	67
ИДУ	1	1	4	36	0	0	1	9	2	54
ИТОГО	13	7	42	252	3	121	1	21	26	486

Незначительное сокращение количества штатных преподавателей в первый год действия нового устава (на 6,5 %) объясняется выводом за штат ряда доцентов.

Дальнейшие изменения университетских штатов

Штаты, предусмотренные для университетов уставом 1884 г., не были неизменными. Количество штатных должностей медленно росло по мере возникновения новых структурных подразделений и открытия новых университетов (ИТУ в 1888 г., ИНСУ в 1909 г., Пермского филиала ИПГУ в 1916 г.). Так, в 1898 г. на факультете восточных языков ИСПБУ была создана новая кафедра – японского языка и словесности с выделением новой ставки

⁴⁰² Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 188⁵/₆ учебный год. СПб, 1885. С. 116–154, 194–227, 269–296, 324–353, 376–393, 420–449, 494–523, 552–577.

одного ординарного профессора⁴⁰³. В 1899 г. ИНУ была создана кафедра византийской филологии. В 1905 г. в ИВУ – кафедра польского языка и истории польской литературы. В 1898 г. был открыт юридический факультет ИТУ, в 1900 г. – медицинский факультет ИНУ.

Важно заметить, что МНП – во всяком случае на уровне деклараций – исходило из концепта единства штатов во всех отечественных университетах: «Как в отношении числа кафедр, так и в отношении числа преподавателей, университеты ставятся вообще в одинаковые условия по тем соображениям, что по особенностям русской жизни каждый университет должен представлять из себя законченное целое в смысле полноты преподавания; не в обычае русской жизни, чтобы студенты переходили из одного университета в другой, с целью дослушать во втором те курсы, которых нет в первом» (1915 г.)⁴⁰⁴. На практике этот принцип не вполне соблюдался, во-первых, из-за того, что некоторые университеты все-таки отражали в своей структуре региональные особенности (кафедра местного права, действующего в губерниях: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, а также юридической практики ИДУ, кафедра польского языка и истории польской литературы ИВУ и др.), во-вторых, из-за невозможности оперативно развернуть в полном объеме деятельность вновь создававшихся университетов.

В течение 1884–1917 гг. номинальное количество преподавательских кадров, регламентированное штатным расписанием, не было постоянным: оно варьировалось в зависимости от количества отслуживших отведенный срок, на оставленных в университете сверхштатных профессоров, а также – приват-доцентов.

Реальное число университетских преподавателей росло, достаточно медленно: по подсчетам А.Е. Иванова, в 1898/99 учебном году оно составляло 1130 человек с учетом приват-доцентов (46 % общего числа преподавателей

⁴⁰³ Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. Т. 14. 1898–1900 гг. СПб, 1904. Столбец 67.

⁴⁰⁴ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598. Л. 29 об.

высшей школы России – 2458), а в 1913/14 учебном году – 1510 (33,7 % из 4477) человек⁴⁰⁵.

При этом актуальной оставалась проблема невозможности заместить все кафедры лицами соответствующего научного ценза. В 1900/01 учебном году в университетах осталась незамещенной 121 штатная единица (22,6 %)⁴⁰⁶. К концу десятилетия, в 1908 г. во всех российских университетах вакантными оставались 113 кафедр⁴⁰⁷. В 1913/14 учебном году насчитывалось 123 формально вакантных кафедр, однако в реальности 63 из них были замещены профессорами, прослужившими 30 лет, 28 – приват-доцентами, но 32 – не замещены вовсе⁴⁰⁸. К осени 1917 г. в 10 российских университетах имелось 119 вакантных профессур⁴⁰⁹.

По вопросу о привлечении в высшую школу новых кадров в официальной переписке порой звучал нескрываемый скептицизм. Так, в ответ на предложение взыскивать с профессорских стипендиатов, вовремя не защитивших магистерских диссертаций, потраченные на их содержание казенные средства Правление ИНУ в декабре 1899 г. писало попечителю Одесского учебного округа Х.П. Сольскому: «...и при отсутствии такой строгости привлечение молодых людей к ученой деятельности, не обещающей особых материальных выгод, становится с каждым годом все более и более затруднительным»⁴¹⁰.

К кануну февральской революции штаты российских университетов выглядели следующим образом (таблица 10).

⁴⁰⁵ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. С. 208–209.

⁴⁰⁶ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1900 год. СПб, 1901, вед. 4.

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 8.

⁴⁰⁸ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год. Пг, 1916, вед. 2.

⁴⁰⁹ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

⁴¹⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 367. Л. 6.

Таблица 10 – Преподавательский состав российских университетов в 1917 г.⁴¹¹

Университет	Сверхштатные, внештатные профессора	Профессора православного богословия ⁴¹²	Заслуженные профессора	Ординарные профессора	И.д. ординарных профессоров	Экстраординарные профессора	И.д. экстраординарных профессоров	Доценты	Лекторы	Всего
ИПГУ	30	2	10	31	2	4	5	0	0	84
ИМУ	36	1	13	35	0	9	3	0	0	97
ИКУ	19	1	5	30	8	7	6	0	1	77
ИХУ	28	1	2	34	3	5	21	0	0	94
ИНУ	11	1	3	31	7	4	12	0	0	69
ИУСВВ	31	1	3	36	1	2	10	0	0	84
ИВУ	1	0	7	25	9	19	0	0	0	61
ИДУ	14	1	2	26	5	10	1	0	0	59
ИТУ	12	2	0	15	11	3	0	0	0	43
ИНСУ	0	1	0	16	2	8	0	0	0	27
ИТОГО	182	11	45	279	48	71	58	0	1	695

Как видим, за тридцать с лишним лет количество штатных единиц в российских императорских университетах изменилось не очень значительно. Рост, как уже отмечалось выше, обеспечивался штатами вновь открытых университетов и категориями «сверхштатных» и «внештатных» профессоров; обращает на себя внимание тот факт, что профессора этой категории занимали весьма значительную долю от числа всех штатных преподавателей, особенно в двух столичных университетах и в ИУСВВ.

⁴¹¹ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год. Пг, 1917. С. 225–250, 299–331, 409–432, 432–440, 483–509, 550–571, 600–623, 678–694, 711–728, 774–785.

⁴¹² Включая внештатных.

Однако нужно иметь в виду, что реальный рост численности преподавательского состава университетов увеличивался за счет приват-доцентуры, о чем пойдет речь ниже.

Академическая и неакадемическая мобильность

Общая характеристика; понятие

Тема мобильности ученых актуальна в различных отношениях, в том числе с точки зрения установления профессиональных научных связей, интеграции российских университетов в международное образовательное пространство, трансфера знаний и пр. Однако для настоящего диссертационного исследования наиболее важны вопросы особенностей комплектования штатов российских университетов вследствие перемещения преподавателей внутри университетской системы, включая мотивы и обстоятельства этих перемещений. Именно имея в виду различные обстоятельства, введем понятия «академическая» и «неакадемическая» мобильность.

Под академической мобильностью принято понимать, как краткосрочное, так и рассчитанное на продолжительные сроки перемещение учащихся и преподавателей в иное образовательное или научное учреждение для обучения, преподавания или проведения исследований. Однако, учитывая то, что тема профессорских стипендиатов и их заграничных стажировок для подготовки магистерских и докторских (в медицине) диссертаций поднимается в разделе 2.3, здесь остановимся на вопросе смены мест службы преподавателями.

Под неакадемической мобильностью будем понимать перемену места службы, не связанную с научно-образовательными и карьерными мотивами. Здесь речь пойдет о мобильности вынужденной (перемещение профессоров из одного университета в другой по инициативе МНП; переезды вследствие эвакуации в годы Первой Мировой войны).

В сравнении с Западной Европой, мобильность отечественных ученых осложнялась расстояниями между немногочисленными университетскими центрами. Информация – в качестве наглядного примера – о расстоянии между Харьковом и другими университетскими городами Российской империи, а также

о стоимости проезда на железнодорожном транспорте (в зависимости от класса) для одного человека представлена в нижеследующей таблице 11.

Таблица 11 – Расстояние между Харьковом и другими университетскими городами и стоимость проезда на железнодорожном транспорте (1904 г.)⁴¹³

Город	Расстояние, км	Стоимость, руб.		
		I класс	II класс	III класс
Москва	731	17	10,2	6,8
Санкт-Петербург	1 341	25	15	10
Киев	512	13,5	8,1	5,4
Варшава	1 213	23,5	14,1	9,4
Одесса	832	18,5	11,1	7,4
Казань	1 619	28,5	17,1	11,4
Юрьев	1 507	нет данных	нет данных	нет данных
Томск	3 832	нет данных	нет данных	нет данных

Для сравнения приведем данные о стоимости проезда на железнодорожном транспорте из г. Юрьева в другие университетские города России на 1915 г. (таблица 12).

Таблица 12 – Стоимость проезда на железнодорожном транспорте из г. Юрьева в другие университетские города России (1915 г.)⁴¹⁴

Город	Стоимость, руб.	
	II класс	III класс
Москва	12,0	8,0
Петроград	7,2	4,8
Киев	15,3	10,2
Варшава	13,2	8,8
Одесса	18,6	12,4
Харьков	17,1	11,1
Казань	19,2	12,8
Саратов	18,0	12,0
Томск	37,5	25,0

⁴¹³ Харьковский календарь на 1904 год: С прил. плана г. Харькова. [Харьков, 1903]. С. 225–228.

⁴¹⁴ Настольная справочная книга учащихся в высших учебных заведениях и путеводитель по г. Юрьеву / Сост. А.П. Тюрморезов. Юрьев, 1915. С. 61–68.

Отметим, что самыми удаленными друг от друга университетами были ИВУ и ИТУ: расстояние от Варшавы до Томска по железнодорожным путям превышает 4 000 км. Учитывая средние заработки преподавателей и себестоимость рубля в начале XX в.⁴¹⁵ стоимость переезда можно назвать относительно невеликой, во всяком случае, в сопоставлении со средними заработками и ценами начала XXI в. Можно согласиться с выводом С.А. Некрылова о том, что, несмотря на отсутствие развитой транспортной инфраструктуры и доступных средств связи, профессора довольно легко расставались со службой в одном университете и переходили в другой⁴¹⁶. В то же время, цена железнодорожного билета была, конечно, не единственным обстоятельством, определявшим совокупную стоимость при переезде профессора с семьей из одного города в другой; он нес дополнительные большие расходы по упаковке и перевозу своих вещей, включая книги, мебель, утварь и пр.

Академическая мобильность

Вопрос перемещения профессоров между университетами тесно связан с особенностями формирования преподавательских штатов в рассматриваемый период; он разбирается особо – в 3-м разделе этой главы. Заметим, что вне зависимости от того, преобладала ли практика выборов или прямого назначения преподавателей, движение профессоров и приват-доцентов внутри университетской системы оставалось достаточно распространённым явлением изучаемого периода.

Рассмотрим типичные ситуации, раскрывающие обстоятельства смены места службы университетскими профессорами и приват-доцентами конца XIX – начала XX в.

Распространенным явлением рассматриваемого периода было передвижение молодых преподавателей-приват-доцентов из центра в региональные университеты с целью получения штатного места. Столичный писатель А.Ф. Селиванов обращаясь к знакомому харьковскому профессору

⁴¹⁵ См. 2-й раздел 2-й главы.

⁴¹⁶ Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск, 2010. Т. 1. С. 151.

А.С. Лебедеву, писал в начале века: «Мой брат⁴¹⁷, доктор чистой математики, хотел бы получить экстраординарного профессора в Хар[ьковском] Ун[иверситете]. Он [...] приват-доцент, но в Петербурге скоро нельзя ожидать вакансий»⁴¹⁸. Несколько ранее, в 1893 г., приват-доцент ИСПБУ доктор зоологии Н.Н. Полежаев свое желание сменить место службы, перейдя в ИУСвВ, объяснял климатическими условиями Санкт-Петербурга⁴¹⁹.

Возможности приват-доцентов попасть в штат значительно расширялись при открытии новых университетов. Таких случаев в рассматриваемый период было три, и они подробно рассмотрены ниже. Вместе с тем, попав в штат новых университетов, бывшие приват-доценты, а теперь экстраординарные или уже ординарные профессора, нередко стремились перебраться в университеты европейской части Российской империи.

О таких устремлениях ярко свидетельствует случай с ординарным профессором ИТУ А.П. Коркуновым занимавшим с 1890 г. кафедру медицинской диагностики и терапевтической факультетской клиники. В 1893 г. он обратился в МНП с прошением о переводе его на службу в ИУСвВ или ИХУ. На эту просьбу министерство ответило (через попечителя) назидательной отповедью: «Из имеющихся в министерстве сведений усматривается, что молодые ученые, прельщаясь материальными выгодами, приобретаемыми при назначении на службу в Томский университет, и возможностью скорого получения звания ординарного профессора, домогаются назначения в названный университет не с целью посвятить себя постоянной службе в этом университете, а в видах только приобретения ординатуры и перехода затем в другое учебное заведение Европейской России. [...] Г[осподин] министр народного просвещения, находя со своей стороны такой взгляд на службу в Томском университете неправильным и весьма вредным для успеха преподавания [...] просит меня объявить г[осподам] профессорам Томского университета, чтобы они смотрели на службу в этом

⁴¹⁷ Речь шла о Д.Ф. Селиванове (1855–1932), приват-доценте, позднее – профессоре ИСПБУ.

⁴¹⁸ ЦГИАУ. Ф. 2037. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.

⁴¹⁹ ГАК. Ф. 16. Оп. 332. Д. 142. Л. 1.

университете как на место постоянной службы, а не считали бы Томский университет местом легкого способа приобретения звания ординарного профессора и переходною лишь ступенью для дальнейшей службы в Европейской России»⁴²⁰. Заметим, что профессор А.П. Коркунов останется в ИТУ и покинет кафедру только в 1906 г.

Тем не менее, на текучку преподавательских кадров в Томске современники будут указывать и позднее. Так, декан юридического факультета ИТУ И.А. Базанов, ходатайствуя перед ректором М.Г. Курловым о предоставлении М.И. Боголепову права чтения курса, писал в октябре 1906 г.: «г. Боголепов является первым ученым питомцем самого Томского Юридического Факультета. В лице его Факультет впервые выполняет одну из важных своих задач – самовосполнения в отношении своих научных сил. А осуществления этой задачи обеспечивает окраинному факультету устойчивость и независимость от состояния научных сил в других университетах. Как питомец самого Томского Университета, г. Боголепов может быть крепче привязан к этому Университету и *не будет смотреть на него как на переходную ступень к другим университетам, что весьма обычно случается с привлекаемыми со стороны учеными* [курсив мой – М.Г.]»⁴²¹.

Еще позднее, профессор кафедры анатомии ИТУ Н.Ф. Кащенко замечал, что «смена лиц в Томске происходит быстро, а потому в 1912 г. я оставался единственным профессором из числа назначенных в первый год существования университета»⁴²².

Тему перехода профессуры из провинциальных университетов в столичные ранее поднимал харьковский профессор В.Я. Данилевский. В брошюре, представлявшей собой проект университетского устава (1897 г.), он писал: «Я позволю указать на одно зло, с которым приходится считаться провинциальным

⁴²⁰ Известия Императорского Томского университета. 1895. Кн. 7, отд. 1, [пагин. 2-я]. С. 9–10.

⁴²¹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 85. Л. 31.

⁴²² Кащенко Н.Ф. Краткая автобиография // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 357.

университетам. Это – переход наиболее выдающихся, известных профессоров из провинциальных в столичные университеты [...]. С чисто этико-коллегиальной точки зрения, крайне нежелательно столь неравномерное распределение научных сил по университетам, которые должны давать одинаковое образование и одинаковые права. Хотя упомянутые случаи перехода встречаются довольно редко, но все же они могут оставить на долго нежелательные последствия в провинциальном фак[ульте]те». Одним из мотивов перехода В.Я. Данилевский называл стремление профессора обеспечить свое материальное положение и добавлял: «Если бы университет имел право и средства предложить этому преподавателю добавочное жалование в размере 1 000–2 000 р[уб.] в год, то, быть может, – полагал В.Я. Данилевский – этим путем удалось бы провинциальным университетам иногда удерживать ученые силы»⁴²³.

Остановимся подробнее на вопросе академической мобильности, вызванной открытием новых университетов. В рассматриваемый период три города Российской империи – Томск, Саратов и Пермь – стали университетскими, поскольку там либо были открыты новые Императорские университеты (ИТУ и ИНСУ), либо возникло отделение (филиал) существовавшего университета (отделение ИПГУ в Перми, ставшее самостоятельным университетом летом 1917 г.). Всякий раз в связи с началом функционирования новых высших учебных заведений кадровая проблема решалась преимущественно за счет перевода профессоров и преподавателей из «старых» университетов во вновь открывавшиеся, так как зачастую на местах своего кадрового потенциала для укомплектования кафедр не имелось вовсе. Охарактеризуем процесс комплектования штатов ИТУ, ИНСУ и Пермского отделения ИПГУ.

ИТУ, основанный в 1878 г., был открыт спустя 10 лет, в 1888 г. За несколько лет до открытия университета «Сибирский Вестник» высказывал сомнения в возможности привлечь в Томск университетских преподавателей, ибо «может ли сколько-нибудь солидный, составивший уже себе имя в ученом мире, профессор соблазниться несколько увеличенным жалованием, сокращенным сроком службы

⁴²³ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 19 об. – 20.

на пенсию, или другою какою-либо служебной привилегией, и променять Петербург, Москву, Киев, Одессу, Варшаву, Харьков, и даже Казань на Томск, где, кроме университетской, нет никакой порядочной библиотеки, ни одного музея, никаких пособий для занятия наукой и для ее разработки, где всякую новую книгу он должен или выписывать сам или настаивать на приобретении ее университетом, а старую, если ее нет в университетской библиотеке, и совсем достать невозможно?». Вся надежда оставалась на то, что из числа выпускников университетов Европейской России «найдутся талантливые люди, которые, без всяких особых привилегий, предпочтут преподавательскую деятельность в Сибирском университете другим общественным положениям, и со свойственной молодости горячностью и преданностью делу положат здесь первое основание университетской науки»⁴²⁴.

Пожалуй, можно констатировать, что эти опасения оказались несостоятельными. На переезд в Томск решились и молодые выпускники университетов, и те, кто уже имел относительно устоявшееся служебное положение (таких, правда, было меньшинство). Мотивы для переезда в Сибирь были разные. Во-первых, учреждение нового университета означало открытие кафедр, заняв которые, приват-доценты прочих университетов получали долгожданную профессию. Во-вторых, за службу в Сибири полагалось жалование, в полтора раза превышавшее жалование в Европейской части России. Наконец, Сибирь могла увлекать своей неизведанностью, что открывало широкие перспективы для научного поиска медикам, биологам, географам, этнографам.

Штаты преподавателей ИТУ пополнялись по мере потребностей учебного процесса. Учитывая то, что вплоть до конца 1890-х гг. в университете был только медицинский факультет, сначала понадобились профессора, преподававшие студентам-медикам на первом курсе, на следующий год – обеспечивавшие преподавание на втором курсе и т.д. Цельный штат медицинского факультета сформировался только через 3–4 года после открытия университета.

Летом 1888 г. в Томск приехала основная группа профессоров, которым

⁴²⁴ Сибирский Вестник. 1885. 13 июня.

предстояло обеспечить учебный процесс на первом курсе медицинского факультета. Это были представители ИКУ (А.С. Догель, А.М. Зайцев, С.И. Коржинский, Н.М. Малиев, Э.А. Леман), ИДУ (С.И. Залеский), ИСПБУ (Н.А. Гезехус). Н.А. Гезехус был назначен вр. и.о. ректора ИТУ. В марте 1889 г. в Томск прибыл выпускник ИХУ Н.Ф. Кащенко⁴²⁵. Все выше перечисленные преподаватели до приезда в Томск защитили магистерские и/или докторские диссертации, но ни один из них до зачисления на службу в ИТУ не занимал штатной должности экстраординарного или ординарного профессора. В возрастном отношении это были люди от 27 (С.И. Коржинский) до 47 лет (Н.М. Малиев)⁴²⁶.

В 1898 г. в ИТУ был открыт юридический факультет. Аналогично тому, как за десять лет до этого укомплектовывались штаты медицинского факультета, в первый год, профессора были назначены лишь на те кафедры, которые обеспечивали преподавание на первом курсе: на кафедру гражданского права и процесса – И.А. Базанов, на кафедру истории русского права – И.А. Малиновский, на кафедру энциклопедии и истории философии права – С.И. Живаго, на кафедру римского права – С.Г. Сабинин, на кафедру политической экономии – М.А. Рейснер.

Уже в 1902/03 учебном году по числу преподавателей со степенями юридический факультет ИТУ не уступал ИВУ и ИКУ. По количеству профессоров на юридическом факультете – 12 – ИТУ занимал третье место в России после ИМУ, где было 16 и ИУСвВ, где было 14 профессоров. В других университетах их имелось соответственно: в ИЮУ – 11, ИНУ – 10, ИКУ – 9, ИВУ – 8⁴²⁷.

К январю 1917 г. в ИТУ служили 36 профессоров, 2 лектора иностранных языков; преподавали 13 приват-доцентов. В том же году, но уже после

⁴²⁵ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие по его открытии. Томск, 1889. С. 3–4.

⁴²⁶ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 34.

⁴²⁷ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 39.

Февральской революции, в ИТУ появились историко-филологический и физико-математический факультеты, вызвав дальнейшее расширение штатов.

С открытием в Саратове в 1909 г. нового университета вновь имели место достаточно массовые перемещения внутри системы Императорских российских университетов.

Так же, как и ИТУ, университет в Саратове первоначально открылся в составе одного медицинского факультета. Из доклада председателя комиссии по народному образованию Государственной Думы В.К. фон Анрепа по внесенному МНП законопроекту об основании университета в Саратове (31 октября 1908 г.) следует: «Министерство Народного Просвещения не могло не остановиться на том, что при современном состоянии научных сил в России, едва ли оказалось бы возможным в короткое время подобрать надлежащий контингент преподавателей для всех факультетов нового университета»⁴²⁸. В результате, решено было остановиться на открытии только медицинского факультета, так как «надлежащее обеспечение преподавания по этому факультету сопряжено в настоящее время с наименьшими затруднениями»⁴²⁹.

Кроме кафедр медицинского факультета при открытии ИНСУ были созданы еще шесть: православного богословия, физики с физической географией и метеорологией, химии органической и неорганической, минералогии с геологией и палеонтологией, ботаники, зоологии со сравнительной анатомией. Штат ИНСУ предусматривал 18 ординарных профессоров, 10 экстраординарных, 1 профессора богословия, 4 лектора иностранных языков⁴³⁰.

Кандидатами на занятие вакантных кафедр, как правило, становились молодые ученые – приват-доценты. Исключение из правил составлял 64-летний заслуженный ординарный профессор ИУСвВ Я.Н. Барзиловский, который в 1909 г. выразил желание занять кафедру химии, мотивируя свое желание тем, что по выслуге 30 лет состоит в Киеве лишь сверхштатным профессором⁴³¹. Однако,

⁴²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 6 об.

⁴²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 6 об.

⁴³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 26.

⁴³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 56–57.

места в ИНСУ Я.Н. Барзиловский не получил и остался в Киеве. Другими кандидатами – не из университетской системы – были главный ботаник Тифлисского ботанического сада А.В. Фомин, профессор Психоневрологического института (Санкт-Петербург) Б.П. Вейнберг.

Экстраординарный профессор ИКУ И.А. Чуевский, желавший занять кафедру физиологии, писал в своем прошении на имя министра А.Н. Шварца: «Долговременная моя служба в звании приват-доцента, а также мой научный ценз [...] дают мне смелость надеяться, что при назначении в Саратовский университет я получу звание ординарного профессора; занять же место экстраординарного профессора при данных условиях для меня не представляется возможным между прочим и в силу материальных соображений, так как первый год придется существовать лишь на одно жалование без гонорара в виду того, что физиология читается на втором курсе»⁴³². Просьба И.А. Чуевского была удовлетворена, и 27 июня 1909 г. он получил из МНП за подписью министра А.Н. Шварца письмо следующего содержания: «Милостивый государь Иван Афанасьевич! 10 текущего июня последовало ВЫСОЧАЙШЕЕ утверждение одобренного Государственным Советом и Государственной Думой закона об утверждении в городе Саратове университета. Озабочиваясь возможно скорейшим принятием надлежащих мер к своевременному началу занятий в названном университете и предполагая переместить Вас ординарным профессором того же университета по кафедре физиологии, я, предварительного воследования ВЫСОЧЬИШЕГО приказа об определении Вас к означенной должности, поручаю Вам на основании ст. 172 Св[ода] Зак[онов], т. III изд. 1896 г. Уст[ава] о служ[бе] [по определению от – М.Г.] прав[ительства]⁴³³ вступить в исполнение обязанностей по оной, а

⁴³² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 71 об., 74.

⁴³³ Статья 172 «Устава о службе по определению от правительства»: «Министрам и Главноуправляющим отдельными частями предоставляется впредь до воследования об определении к должности Высочайшего приказа, замещать вакантные места пятого и шестого классов, указанные в статье 170, по своему усмотрению, с тем, однако, что назначенные таким порядком лица считаются назначенными только в том случае, если назначение будет подтверждено Высочайшим приказом, причем назначение это считается с того времени, когда состоялось распоряжение о возложении на данное лицо исполнения обязанностей по должности» (Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб, 1896. Ст. 20).

равно и по должности декана медицинского факультета с 1 июля сего года»⁴³⁴. Заметим, что на первые три года все профессора и преподаватели ИНСУ назначались непосредственно министром.

Ректором вновь открытого вуза стал бывший ординарный профессор ИКУ В.И. Разумовский⁴³⁵. Кроме него и И.А. Чуевского из ИКУ в Саратов были перемещены экстраординарный профессор А.Я. Гордягин (ординарным профессором кафедры ботаники) и приват-доцент В.В. Вормс (экстраординарным профессором кафедры медицинской химии).

Приват-доцент ИКУ доктор медицины Н.Г. Стадницкий был назначен экстраординарным профессором кафедры анатомии; приват-доценты ИМУ магистры В.Д. Зёрнов⁴³⁶ и Б.И. Бирухов – и.д. экстраординарного профессора кафедры физики и и.д. экстраординарного профессора кафедры зоологии соответственно⁴³⁷.

Именно из названных семи лиц состоял весь профессорско-преподавательский корпус ИНСУ в первый год после открытия.

На второй год в штате появились экстраординарные профессора В.А. Павлов (бывший приват-доцент ИХУ), Б.И. Словцов (бывший приват-доцент Военно-медицинской академии) и В.В. Челинцев (бывший приват-доцент ИМУ).

Весь рассматриваемый период ИНСУ так и останется университетом в составе одного факультета. Так же, как и в Томске, в университете Саратова историко-филологический и физико-математический факультет будут созданы только в 1917 г. решением Временного правительства.

Еще один всплеск подобного рода академической мобильности был связан с *открытием в Перми в 1916 г. отделения ИПГУ*.

⁴³⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11882. Л. 12.

⁴³⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11882. Л. 4.

⁴³⁶ В.Д. Зёрнов оставил воспоминания о том, как после защиты магистерской диссертации он был рекомендован на кафедру в ИВУ, но предпочел только открывавшийся ИНСУ, о чем ходатайствовал перед министром А.Н. Шварцем. При этом, рассуждая о мотивах, побудивших его к такому решению, В.Д. Зёрнов указывал на то, что его захватывала мысль о возможности заняться организацией преподавания физики с нуля, на новом месте, в Саратове. См.: Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 136–137.

⁴³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 5 – 5 об. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

В отличие от ИТУ и ИНСУ, университетское образование в Перми начиналось с физико-математического, историко-филологического и юридического факультетов, а в 1917 г. медицинское отделение физико-математического факультета было преобразовано в медицинский факультет.

Профессорско-преподавательский состав вновь открывавшегося вуза первоначально был составлен исключительно из лиц, служивших прежде в иных университетах. Всего командируемых МНП в Пермь для чтения лекций и ведения практических занятий в Отделении ИПГУ было 24 человека. Из них большинство – 15 – представители «головного вуза», 4 – ИКУ, по 2 – ИМУ и ИЮУ и 1 – ИУСвВ. Следует отметить, что подавляющая часть этих преподавателей (19 человек) до переезда в Пермь не являлась штатными сотрудниками «своих» университетов, будучи приват-доцентами и лишь 2 человека – К.Д. Покровский и В.Ф. Матвеев были и до переезда на новое место службы ординарными профессорами соответственно ИЮУ и ИКУ⁴³⁸. Однако, заняв кафедры нового учебного заведения, бывшие приват-доценты вскоре стали профессорами⁴³⁹.

Ю.А. Орлов, ученик профессора ИСПБУ А.А. Заварзина оставил воспоминания о том, как в 1916 г. тот убеждал его ехать вместе с ним в Пермь, чтобы занять должность ассистента кафедры гистологии в открывавшемся отделении ИПГУ: «Алексей Алексеевич и слышать ничего не хотел о моих сомнениях в пригодности для ассистентуры. Ему хотелось ехать в Пермь, по его словам, потому, что в провинции можно развернуться и создать что-то новое, сосредоточеннее и продуктивнее заниматься наукой, работать над созданием нового университета и очага науки. Он приводил примеры Казанского, Харьковского и других наших университетов, называл имена крупнейших ученых, которые там выросли. Кроме того, Алексею Алексеевичу хотелось вырваться из атмосферы ссор и дразг, которых тогда было много в окружавшей его университетской обстановке»⁴⁴⁰. Ю.А. Орлов примет предложение

⁴³⁸ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 – 26 об.

⁴³⁹ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 105. Л. 26 – 26 об.

⁴⁴⁰ Орлов Ю.А. Невозвратимое прошлое // Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I / Сост. А.С. Стабровский. Пермь, Изд-во ТГУ Перм. отд-ние, 1991. С. 21.

А.А. Заварзина, и вместе с ним до первой половины 1920-х гг. проработает в Перми.

В июне 1917 г. МНП разрешило командировать и.д. экстраординарного профессора ИНУ магистра всеобщей истории В.Э. Крусмана, магистра богословия А.П. Дьяконова, приват-доцентов ИПГУ Б.В. Казанского и Б.А. Кревского, и ИХУ Л.А. Булаховского в г. Пермь для чтения лекций в качестве исполняющих обязанности профессоров, В.Э. Крусмана – по всеобщей истории, Б.В. Казанского – классической филологии, Б.А. Кревского – по истории западно-европейских литератур (одновременно – в качестве и.о. лектора французского языка), А.П. Дьяконова – по истории церкви, Л.А. Булаховского – по славянской филологии⁴⁴¹.

Всего в короткий для Пермского отделения ИПГУ дореволюционный период сюда прибыли для прохождения службы порядка 30 человек.

Отметим здесь же такое явление, как служба в российской университетской системе нероссийских подданных. Так, нередко лекторами иностранных языков были подданные не Российской империи. Известны случаи перехода в российское гражданство некоторых таких преподавателей. Так, в 1897 г. лектор французского языка ИКУ Адольф Пар, бывший до того французским подданным, принял российское подданство⁴⁴². Во время Первой Мировой войны профессор ИЮУ австро-венгерский подданный Иван Иванович Квачала, оказавшийся в начале военных действий за пределами Российской империи, подал прошение о принятии его в русское подданство и просил впустить его на территорию России. Просьба была удовлетворена 19 марта 1915 г. главнокомандующим VI армией⁴⁴³.

Итак, насколько в российских университетах конца XIX – начала XX в. была высока степень академической мобильности?

Один из способов оценить уровень мобильности штатных университетских преподавателей заключается в том, чтобы проанализировать переходы из одного учебного заведения в другое (или вовсе – выход за пределы сферы высшего

⁴⁴¹ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1019. Л. 6–7.

⁴⁴² НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9758. Л. 2.

⁴⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 72 ч. 101. Л. 15.

образования) по состоянию на выбранные контрольные точки. В качестве таких точек примем начало рассматриваемого периода (1884–1885 гг.), начало XX в. (1900–1901 гг.) и канун Февральской революции (1916–1917 гг.).

Соответствующие расчёты нами были произведены на основании данных «Списков лиц, служащих по ведомству МНП» и биографических сведений, почерпнутых из разных источников.

Расчеты визуализированы ниже на трех схемах, где числовые изображения и стрелки указывают на то, какое количество преподавателей перемещалось внутри отечественной университетской системы; на схемах также представлен процесс кадрового взаимодействия с внешними по отношению к университетам институциями – другими учебными и научными учреждениями Российской Империи (на схемах – «Др. РИ»), учебными и научными учреждениями, располагавшимися за пределами империи (на схемах – «Др. мир»), неакадемическим сектором (на схемах – «неакад. сектор»).

Приведем результаты произведенных нами расчетов. На начало рассматриваемого периода (1884–1885 гг.) фиксируется повышенная мобильность преподавателей (33 человека на около 500), что было обусловлено пертурбациями в связи с введением нового университетского устава. Именно отсюда – высокая доля штатных университетских преподавателей (в основном бывших доцентов), перешедших в середине 1880-х гг. на службу в иные учебные и научные заведения, или вышедших на пределы академического сектора (Рисунок 3).

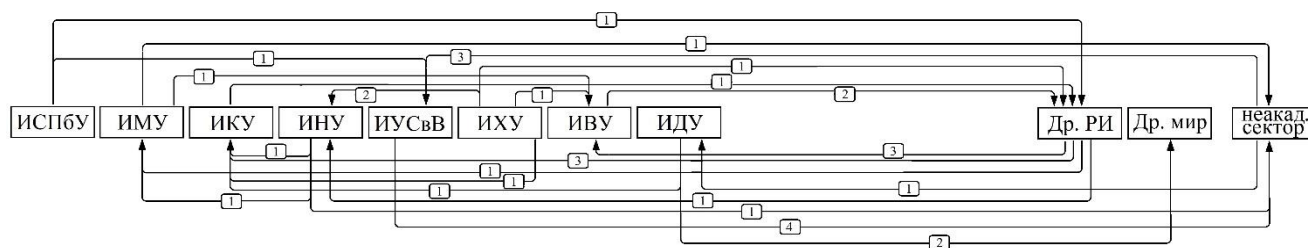

Рисунок 3 – Академическая мобильность
университетских преподавателей в 1884–1885 гг.

Данные на начало XX в (1900–1901 гг.) позволяют зафиксировать ситуацию со среднегодовой мобильностью в условиях нормы (в эти годы не происходили существенные изменения университетского законодательства, не открывались новые университеты, не случалось форс-мажорных обстоятельств, подобных «делу Кассо» или вынужденной эвакуации). По произведенным нами подсчетам видно, что на рубеже столетий из немногим более чем 600 штатных преподавателей в течение года поменяли место службы 21 человек. Из них 8 перешли из одного отечественного университета в другой. 7 преподавателей пришли в университеты из иных научных и учебных заведений, но 6 бывших университетских преподавателей, наоборот, начали служить в подобных учреждениях. Только 1 преподаватель из российского университета перешел в европейское научное учреждение. Также 1 человек вовсе покинул академическую среду, тогда как 4 человека из неакадемической среды перешли на службу в университеты (Рисунок 4).

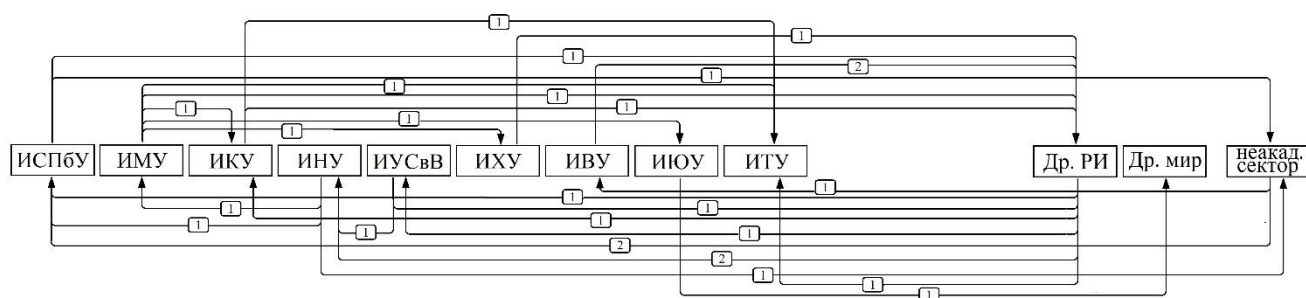

Рисунок 4 – Академическая мобильность
университетских преподавателей в 1900–1901 гг.

В финале рассматриваемого нами периода (1916–1917 гг.) количество случаев смены преподавателями места службы возросло вдвое и составило 49 человек на около 700 штатных преподавателей, но половина из этих случаев (24 из 49) приходится на переходы молодых преподавателей «старых» университетов в штат открывшегося Пермского отделения ИПГУ. Если пермский казус оставить за скобками, то можно обнаружить, что накануне финала имперского периода академическая мобильность университетских преподавателей в количественном отношении мало отличается от ситуации начала века (Рисунок 5).

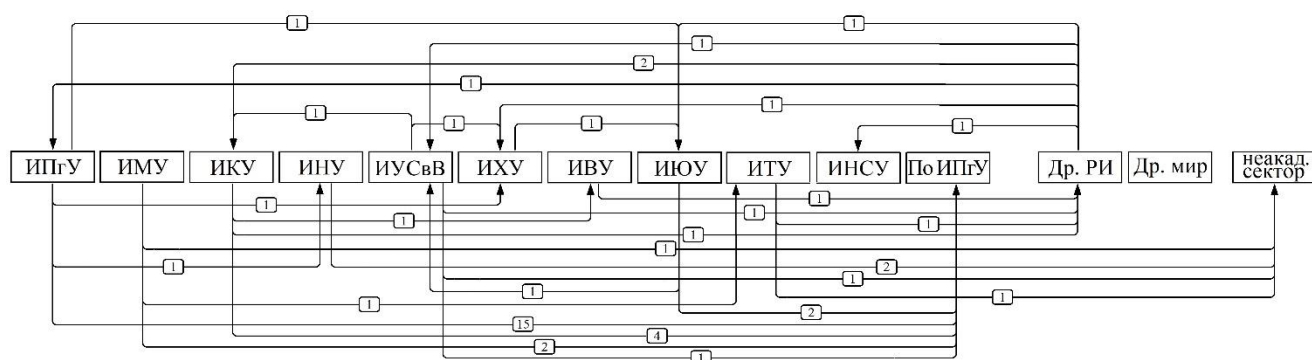

Рисунок 5 – Академическая мобильность
университетских преподавателей в 1916–1917 гг.

По произведенным расчетами можно сделать вывод о наличии такого явления, как движение приват-доцентов одних университетов в другие университеты по мере появления там штатных должностей (более половины переходов преподавателей из одного университета в другой были связаны именно с мобильностью бывших приват-доцентов), а также о том, наиболее тесные в кадровом отношении связи с европейскими научно-образовательными центрами имел ИДУ (ИЮУ): в трёх контрольных точках преподаватели только из этого университета переходили на службу за границу.

Итак, высокой академическую мобильность университетских преподавателей назвать нельзя.

Полученные нами данные коррелируются с подсчётами, произведенными М.В. Лоскутовой, в соответствии с которыми, в ИСПбУ более 50 % профессоров второй половины XIX в. ни разу не поменяли место жительства и службы, причем наименее мобильны были профессора гуманитарных факультетов – восточного и историко-филологического; чаще на каком-либо из этапов карьеры покидали университет преподаватели физико-математического факультета. Примерно такая же картина наблюдалась в ИКУ⁴⁴⁴.

⁴⁴⁴ Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследований // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной

С темой невысокого уровня мобильности напрямую связана проблема инбридинга.

А. Куприянов на основе анализа данных по истории ряда университетов пришел к заключению о планомерном увеличении их кадровой замкнутости на протяжении XIX – начала XX в. Так, если до 1860-х гг. лица, дослужившиеся с позиций адъюнкта до позиции ординарного профессора, составляли в ИСПБУ порядка 10–15 %, то к концу века уже половина ординарных профессоров состояла из лиц, начавших карьеру в этом же университете с позиций доцентов/приват-доцентов, а к кануну революции 1917 г. этот показатель вырос до 80 %. По данным А. Куприянова, схожая картина наблюдалась и в других университетах с незначительными отклонениями. Например, в ИКУ уровень инбридинга был еще выше, а в ИЮУ – несколько ниже⁴⁴⁵.

Любопытно сравнить приведенные цифры с данными по германским университетам аналогичного времени.

М. Баумгартнер подчеркивает, что для небольших германских университетов высокий уровень оттока преподавателей являлся признаком того, что они качественны: чем больше преподавателей покинули университет, тем больше они – университеты – призваны в научном мире. И наоборот, для крупных университетов, чем меньше профессоров переходили в другие университеты, тем выше была их репутация. По подсчетам М. Баумгартнер самый высокий уровень оттока в XIX – начале XX в. был в университете Киля (70 % преподавателей-гуманитариев и порядка 55–60 % представителей естественных наук покидало его). Профессора же, которые служили в университетах Мюнхена и Берлина, редко переезжали в другие университеты; показатели оттока здесь равнялись 9,6 % для гуманитариев, 2,3 % для естественников в Мюнхене и 6,3 % и 2,3 % соответственно в Берлине⁴⁴⁶.

Европы XVIII–XX в. М., 2009. С. 194–195.

⁴⁴⁵ Куприянов А.В. От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «Средние данные» и формальные подходы в истории науки // *Topos*. 2017. № 1–2. С. 131.

⁴⁴⁶ Baumgartner M. Professoren und Universitäten im 19. Jahrhundert. Zur Sozialgeschichte deutscher Geistes- und Naturwissenschaftler. Göttingen, 1997. S. 172–173, 243–244.

Общий уровень академической мобильности в России следует признать более низким чем в Германии. Вместе с тем, в России не фиксировалось выраженной корреляции между статусом университета и уровнем мобильности преподавателей, замеченной М. Баумгартнер применительно к университетам Германии. Очевидно, это связано с тем, что отечественная университетская система была куда менее масштабна и в ней не успели сложиться такие закономерности, которые были типичны для Европы.

Неакадемическая мобильность

Как известно, в рассматриваемый период перемещение преподавателей между университетами не всегда было детерминировано карьерными или научными мотивами. Весьма распространенное явление, особенно типичное для периода, когда МНП возглавлял Л.А. Кассо (1910–1914 гг.) – перемещение преподавателей в приказном порядке, без учета их желаний. Назовем такую мобильность «неакадемической», или «административной».

Так, в годы министерства Л.А. Кассо только в ИСПБУ в качестве профессоров были назначены из ИНУ – В.М. Грибовский, С.П. Никонов, И.И. Чистяков; из ИХУ – П.П. Мигулин, из ИУСвВ – А.А. Жилин, В.А. Удинцев; из ИЮУ – А.С. Яценко, В.Ф. фон Зелер⁴⁴⁷. В ИХУ в этот период были переведены профессор А.Ф. Брандт (из ИНУ), приват-доцент Э.А. Жербовский (из ИУСвВ)⁴⁴⁸; в ИНУ – профессор С.С. Груздев (из ИХУ)⁴⁴⁹; в ИМУ – В.А. Муратов (из ИТУ)⁴⁵⁰.

Массовое перемещение преподавателей ряда университетов было связано с эвакуацией в связи с наступлением немецких войск в годы Первой Мировой войны. В дореволюционный период таких случаев было два: эвакуация ИВУ – в Ростов (ныне Ростов-на-Дону) и ИУСвВ – в Саратов. Эти два случая отличаются

⁴⁴⁷ Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34. С. 218, 221; ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3725. Л. 8.

⁴⁴⁸ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3725. Л. 8.

⁴⁴⁹ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3736. Л. 66. Забастовка на медицинском факультете // Южный край (Харьков). 1913. 17 сентября.

⁴⁵⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4933. Л. 111.

друг от друга тем, что ИВУ был эвакуирован не в университетский город и сам факт эвакуации означал возникновение нового университета на Юге России; ИУСвВ же, будучи на непродолжительный срок эвакуированным в Поволжье, функционировал в стенах уже существовавшего ИНСУ.

ИВУ. В июле 1915 г. рассматривался вопрос о переводе ИВУ в ИНСУ (по его инициативе). Тогда же поднимался вопрос об использовании Уфы как места эвакуации⁴⁵¹. Но совет ИВУ предпочел Ростов⁴⁵². Всего в Ростов перебралось около 700 преподавателей и студентов, которым уже было не суждено вернуться назад: в силу последующих исторических событий в Варшаве начнет работу новый – собственно польский – университет, а ИВУ станет кадровой и – отчасти – материальной базой для создания Донского (ныне Южного федерального) университета⁴⁵³.

Во время объявленной эвакуации университета, пришедшейся на каникулярное время, многие профессора находились за пределами Варшавы. Некоторым из них так и не удалось вернуться в город, и они лишились своего имущества⁴⁵⁴.

ИУСвВ. В сентябре 1915 г. в Саратов прибыло свыше 2 500 студентов и преподавателей трех факультетов ИУСвВ: историко-филологического, физико-математического и юридического (медицинский факультет был эвакуирован в другое место), которые разместились в зданиях ИНСУ. Напомним, что сам ИНСУ в 1915 г. состоял лишь из медицинского факультета, поэтому объединение двух университетов никак не могло состояться и их деятельность протекала параллельно. Однако, находясь в эвакуации в Саратове, некоторые профессора ИУСвВ принимали участие в делах ИНСУ. Так, киевские профессора Д.А. Граве, Г.Г. Де-Метц и А.П. Котельников в январе–феврале 1916 г. по приглашению

⁴⁵¹ См.: Ергин Ю.В. О неудавшейся попытке перевода в Уфу Варшавского университета в годы Первой русской революции // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 2. С. 627–630.

⁴⁵² ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 600. Л. 3, 8.

⁴⁵³ Варшавяне-на-Дону // Culture.pl. Режим доступа: <http://culture.pl/ru/article/varshavyane-na-donu> (дата обращения 07.08.2017).

⁴⁵⁴ Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1816–1915 / Pod redakcją prof. dr hab. Wojciech Tygielski. Warszawa, 2016. S. 682.

Совета ИНСУ участвовали в работе комиссии по открытию в ИНСУ физико-математического факультета, в частности, входили в подкомиссию по разработке сметы новых подразделений⁴⁵⁵. Декан и секретарь историко-филологического факультета ИУСвВ, соответственно профессора Н.М. Бубнов и А.М. Лобода, в это же время были приглашены в ИНСУ для обсуждения возможности открытия там историко-филологического факультета и выступили с совместным «Мнением», поддержав эту идею⁴⁵⁶. Эвакуация ИУСвВ в Саратов продлится один учебный год, а осенью 1916 г. ИУСвВ вернется в Киев.

Заметим здесь же, что в декабре 1915 г. рассматривалась возможность эвакуации ИЮУ в Пермь. Эта перспектива вызвала протесты значительной части профессуры. 29 членов совета (позже присоединились еще 4) из 52 возбудили ходатайство об отмене этого решения⁴⁵⁷. Однако на этом скитания многих университетских преподавателей не закончились. Уже после революции, в 1918 г., Юрьевский университет будет переведен в Воронеж⁴⁵⁸, а в годы Гражданской войны из Перми и Казани несколько десятков профессоров и преподавателей вместе с частью студентов были эвакуированы в Томск.

3.2. Социальный, возрастной, национальный состав профессорско-преподавательского корпуса.

Университетские кадры и «национальный вопрос»

Социальный и возрастной состав университетских преподавателей

Обратимся к характеристике социального происхождения университетских преподавателей российских университетов. Наша задача облегчается тем, что ранее необходимы нам подсчеты уже были проведены различными

⁴⁵⁵ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 5 – 8 об., 9 – 9 об.

⁴⁵⁶ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 5 – 8 об., 19, 23–25.

⁴⁵⁷ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1388. Л. 8. Юрьевский вестник. 1915. 7 декабря.

⁴⁵⁸ См.: Эрингсон Л. Из истории эвакуации Тартуского университета 1915–1917 гг. // Вопросы истории Эстонской ССР. Тарту. 1970. Т. 6. С. 288–313; Карпачев М.Д. Об одной мнимой сенсации из истории основания Воронежского университета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 5–8.

исследователями⁴⁵⁹. Поэтому свою задачу мы видим в том, чтобы обобщить доступный материал, обращая особое внимание на локальные особенности университетов. Впервые общие данные по всей университетской системе были приведены в труде Г.И. Щетининой (таблица 13).

Таблица 13 – Социальный состав университетского преподавательского корпуса⁴⁶⁰

Социальное происхождение	Доля, %	
	1904 г.	1917 г.
дворяне	39,2	33,4
личные дворяне, чиновники и обер-офицеры	17,1	22,4
духовенство	20,9	16,2
почетные граждане	2,8	3,2
купечество	5,3	4,7
казаки и крестьяне	2,3	2,8
мещане	7,9	9,7
интеллигенция	4	4,7
иностранцы или иностранные подданные	0,6	2,7
ИТОГО	100	100

Вывод о постепенной демократизации профессорско-преподавательского состава университетов сделал еще А.Е. Иванов⁴⁶¹. Действительно, нельзя не обратить внимание на то, как со временем уменьшалась доля потомственного дворянства и росла доля выходцев из городских непривилегированных слоев.

Региональные особенности разберем на примере трех университетов – ИСПбУ, ИКУ и ИТУ.

⁴⁵⁹ Авторские подходы к публикации интересующего нас материала несколько отличаются с точки зрения наименования социальных страт, группировки данных и пр. Поэтому для удобства использования, презентации и анализа данных нами была проведена работа по унификации способа представления этих сведений. При этом мы выделили категорию «интеллигенция», включив в неё представителей интеллектуальных профессий недворянского происхождения.

⁴⁶⁰ Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 50, 170.

⁴⁶¹ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 223.

Ясную картину социального происхождения преподавательского корпуса столичного университета дает сведение данных о происхождении преподавателей четырех факультетов ИСПбУ, приведенных Е.А. Ростовцевым (таблица 14).

Таблица 14 – Социальный состав преподавательского корпуса ИСПбУ в 1884–1917 гг.⁴⁶²

Социальное происхождение	Доля, %
дворяне	32,2
чиновники	15,55
духовенство	11,25
почетные граждане	3,1
купечество	7,025
казачество	1,225
мещане	4,2
крестьяне	3,05
интеллигенция	10,35
инородцы или иностранные подданные	10,8
неизвестно	1,15
ИТОГО	100

⁴⁶² Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 172–173.

Данные о происхождении профессоров и преподавателей ИКУ 1884–1917 гг. могут быть подсчитаны на основании данных о социальном происхождении преподавателей ИКУ в разные периоды, приведенных Л.А. Бушуевой (таблица 15).

Таблица 15 – Социальный состав преподавательского корпуса ИКУ в 1884–1917 гг.⁴⁶³

Социальное происхождение	Доля, %
дворяне	27,8
чиновники и обер-офицеры	18,6
духовенство	22,7
почетные граждане	1,95
купечество	5,25
мещане	4,95
крестьяне	0,6
интеллигенция	9,15
инородцы или иностранные подданные	0,95
неизвестно	8,05
ИТОГО	100

⁴⁶³ Бушуева Л.А. Состав профессорской коллегии Императорского Казанского университета в условиях модернизации российской высшей школы во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития: сб. статей / отв. ред. А.С. Бушуев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 105.

Наконец, для составления представления о происхождении 87 профессоров и преподавателей ИТУ, служивших там в дореволюционный период, обратимся к данным, приведенным в труде С.А. Некрылова, и уточненным, благодаря «Электронной энциклопедии Томского государственного университета»⁴⁶⁴ (таблица 16).

Таблица 16 – Социальный состав преподавательского корпуса ИТУ в 1888–1917 гг.⁴⁶⁵

Социальное происхождение	Доля, %
дворяне	27,6
чиновники и обер-офицеры	14,9
духовенство	34,5
почетные граждане	2,3
купечество	6,9
мещане	5,75
крестьяне	5,75
интеллигенция	1,15
инородцы или иностранные подданные	1,15
ИТОГО	100

Сопоставление данных о социальном происхождении профессоров и преподавателей разных университетов позволяет прийти к следующим заключениям. В столичных университетах доля дворян среди преподавателей была несколько выше, чем в университетах провинциальных⁴⁶⁶. Бросается в глаза большой процент инородцев в ИСПБУ, что объясняется спецификой состава одного из факультетов – восточных языков. Преобладание в ИТУ выходцев из

⁴⁶⁴ Аносов Иосиф Исаевич // Электронная энциклопедия ТГУ. Режим доступа: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Аносов,_Иосиф_Исаевич (дата обращения 09.08.2017).

⁴⁶⁵ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 46.

⁴⁶⁶ В начале 1880-х гг. в ИСПБУ доля преподавателей, чьи отцы были потомственными дворянами доходила до 54 %, а менее всего – только 11 % – дворянских детей было среди преподавателей ИТУ. См.: Временник центрального статистического комитета. Выпуск 1. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские / Сост. А. Дубровский. СПб, 1888. С. 23.

духовенства объясняется тем, что первое десятилетие, когда университет функционировал в составе только медицинского факультета, приезжавшие на службу в Томск преподаватели являлись в основном выпускниками Военно-медицинской академии, куда принимали на учебу и лиц, окончивших духовные семинарии.

Затрагивая вопрос о возрастных характеристиках преподавательского состава, отметим, что, по нашим подсчетам, средний возраст вступления в должность профессоров за весь дореволюционный период существования ИТУ составлял 37 лет. По этому показателю сибирский университет не слишком отличался от столичного, где соответствующий показатель находился на уровне 38,7 лет⁴⁶⁷.

По подсчетам Л.А. Бушуевой, средний возраст профессоров ИКУ со второй половины XIX в. к началу XX в. неуклонно возрастал. В 1863 г. – 42 года, в 1903 г. – 55 лет, к 1917 г. – 58 лет⁴⁶⁸.

Эти данные вполне согласуются с результатами наших подсчетов среднего возраста преподавателей всех университетов в начале и в конце рассматриваемого периода (таблица 17).

⁴⁶⁷ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 162.

⁴⁶⁸ Бушуева Л.А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 260.

Таблица 17 – Средний возраст профессорско-преподавательского состава
 российских университетов⁴⁶⁹

Университет	Средний возраст профессорско-преподавательского состава университетов (без приват-доцентов)	
	1884 г.	1917 г.
ИСПБУ (ИПГУ)	47	54
ИМУ	44	55
ИКУ	42	53
ИХУ	44	54
ИНУ	41	53
ИУСвВ	45	54
ИВУ	42	49
ИДУ (ИЮУ)	44	52
ИТУ	–	51
ИНСУ	–	47
<i>Среднее значение</i>	<i>44</i>	<i>52</i>

Как можно заметить, разброс показателей среднего возраста преподавателей в отечественных университетах был небольшим, хотя следует подчеркнуть относительную «молодость» ИВУ, ИТУ и ИНСУ, а также то, что за рассматриваемый период преподавательский корпус университетов постарел примерно на 10 лет.

Для сравнения приведем данные о возрасте преподавателей в американских университетах начала XX в. (таблица 18).

⁴⁶⁹ Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1884/5 учебный год. СПб, 1884. С. 115–154, 192–225, 267–294, 321–350, 373–390, 416–445, 490–519, 547–572. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год. Пг, 1917. С. 225–250, 299–331, 409–432, 432–440, 483–509, 550–571, 600–623, 678–694, 711–728, 774–785.

Таблица 18 – Средний возраст преподавателей американских университетов начала XX в.⁴⁷⁰

Университет	Средний возраст, лет
Гарвардский университет	39
Колумбийский университет	37,5
Йельский университет	35
Стэндфордский Университет	35
Массачусетский институт	38
Университет Небраски	35
Университет Техаса	32,5
Университет Айовы	37,5
Университет Вирджинии	35
Университет Западной Вирджинии	35
Университет Колорадо	32
Университет Огайо	25
Университет Орегона	40

При сопоставлении данных бросается в глаза большая молодость американских университетских преподавателей в сравнении с российскими. Это объясняется тем, что в случае с отечественными преподавателями расчет делался на основании данных о возрасте штатных профессоров и немногочисленных лекторов.

«Национальный вопрос» в российских университетах.

В такой многонациональной стране как Российская империя трения на межнациональной почве на рубеже XIX–XX вв. (как, впрочем, и в иные времена), к сожалению, не являлись редкостью. Национальный вопрос мог вмешиваться в жизнь человека, как в силу бытовых факторов (конфликты на почве личной неприязни), так и вследствие проводимой государством политики (ограничительные меры). Национальный вопрос нередко оказывал серьезное влияние на судьбы людей, становясь, к примеру, непреодолимым препятствием

⁴⁷⁰ The salaries of professors in American colleges and universities // Science. Vol. 28. № 708. 1908. Jul. 24. P. 104–106.

для служебной карьеры. Данный фактор не мог обойти стороной и преподавательский корпус российских университетов. Более того, в силу пристального внимания со стороны государства, университеты XIX – начала XX в. испытывали на себе упомянутые выше ограничительные меры в отношении отдельных национальностей.

Рассмотрим отдельные случаи, казусы, конфликтные ситуации в университетской преподавательской среде, имевшие отношение к национальному вопросу на рубеже XIX–XX вв.

В рассматриваемый период российское правительство проводило политику, направленную на поддержание в преподавательской среде преобладания лиц православного исповедания, что, как правило, соответствовало принадлежности к титульной нации. Действовало распоряжение Министерства народного просвещения от 16 ноября 1898 г. за № 266 и разъяснения Департамента народного просвещения от 30 марта 1905 г. за № 6783, в силу которых «лица нехристианских исповеданий к преподаванию в христианских учебных заведениях Министерства народного просвещения не допускаются». На этом основании, например, попечитель Одесского учебного округа В.Н. Смольянинов в 1914 г. не допустил к приват-доцентуре в ИНУ доктора прикладной математики Хаима Гохмана. Направляя отказ на имя ректора, попечитель счел необходимым «на будущее время» особо отметить, что «на службу при Императорском Новороссийском университете мною не будут допускаться не только лица нехристианского исповедания, но и вообще инородцы, хотя бы они были и христианских исповеданий. Исключения я признаю допустимым лишь в самых редких случаях, при совершенном отсутствии кандидатов русского происхождения и по отношению только к тем из инородцев, преданность которым русским государственным началам будет для меня несомненною»⁴⁷¹. Любопытно, Х.И. Гохман, чье прошение о назначении приват-доцентом было отклонено, не был для университетской среды посторонним человеком. Он с 1887 г. по 1906 г.

⁴⁷¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 18. Л. 4–4 об.

уже преподавал в ИНУ в качестве приват-доцента⁴⁷², но оставил по болезни это занятие, возобновить которое уже ему не было позволено. По причине нехристианского вероисповедания не смог сделать университетскую карьеру выпускник юридического факультета ИСПБУ, будущий депутат Государственной Думы первого созыва Алимардан-Бек Тобчибашев («Должен был остаться при университете для проф[ессорской] кафедры, но помехой оказался унив[ерситетский] устав, ограничив[авший] права нехристиан»⁴⁷³).

В результате проводимой этно-конфессиональной политики в конфессиональном отношении большинство преподавателей университетов происходило из семей из православных.

В таблице 19 ниже представлены данные о вероисповедании преподавателей университетов по состоянию на начало 1880-х гг.

Таблица 19 – Вероисповедание штатных университетских преподавателей (по данным переписи 1880 г.)⁴⁷⁴

Университеты	Вероисповедание					
	Православное	Римско-католическое	Протестантское	Армяно-григорианское	Иудейское	Магометанское
ИСПБУ	79,3	3,4	12,6	1,2	1,2	2,3
ИМУ	82,9	1,2	14,7	1,2	—	—
ИХУ	79,4	7,9	12,7	—	—	—
ИНУ	90,9	6,8	2,3	—	—	—
ИКУ	76,9	9,2	13,9	—	—	—
ИУСвВ	79,4	4,4	14,7	—	1,5	—
ИДУ	4,4	7,4	88,2	—	—	—
ИВУ	39,7	45,6	14,7	—	—	—

⁴⁷² ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 18. Л. 15.

⁴⁷³ Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Первый созыв. 1906–1911 г. М., 1906. С. 499.

⁴⁷⁴ Временник центрального статистического комитета. Выпуск 1. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские / Сост. А. Дубровский. СПб, 1888. С. 25.

В столичном университете со временем доля преподавателей православного вероисповедания еще увеличится. Например, в 1910/1911 учебном году из 304 человек учебного состава ИСПБУ православные составляли 266, католики – 16, члены протестантских церквей – 35 человек, армяно-григориане – 3 человека, иудеи – 2 человека, мусульмане – 1 человек, буддисты – 1 человек. При этом среди университетской профессуры представителей нехристианских конфессий вовсе не было – 60 православных и по 6 протестантов и католиков⁴⁷⁵. Подобная картина, за исключением, некоторых региональных особенностей, повторялась и в других университетах. Итак, преподаватели, не являвшиеся представителями титульной нации и не исповедовавшие официальной религии, имели в университетских штатах явное меньшинство. Чтобы сохранять такой статус-кво правительство предпринимало немало усилий.

Наиболее актуальна национальная проблема, с точки зрения российского правительства, была для западных университетов – ИВУ и ИЮУ. Правда, в отношении одной из наций географические границы были не принципиальны; речь, разумеется, об «еврейском вопросе».

«Еврейский вопрос»

Заметим, что системное изучение жизнедеятельности лиц еврейского происхождения в преподавательской среде ещё ждет своего исследователя, а вот еврейское студенчество дореволюционной России уже стало предметом анализа⁴⁷⁶.

В отношении лиц иудейского вероисповедания в Российской Империи действовало наибольшее число ограничений. Заметим, что при этом в IX том Свода Законов (изд. 1857 г.) была включена статья № 1395, предусматривавшая возможность для евреев, имевших ученую степень доктора, поступать на учебную службу⁴⁷⁷. Однако необходимо учитывать особенности применения этой статьи.

⁴⁷⁵ См., напр., данные по личному составу Университета в 1911 г.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. / Под ред. экстраорд. проф. Н.А. Булгакова. СПб, 1912. Отдел XI. Личный состав. С. 1–52.

⁴⁷⁶ Иванов А.Е. Еврейское студенчество в Российской Империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007. 436 с.

⁴⁷⁷ Статья 1395 IX т. Свода Законов: «Евреям, получившим от Университетов и

Еще в мае 1866 г. Совет ИХУ возбудил вопрос о том, могут ли на основании указанной статьи лица «еврейского вероисповедания» допускаться к преподаванию в университете в звании приват-доцента, а последующем – и штатными преподавателями – доцентами и профессорами. Позднее ответ МНП был изложен в письме ректора ИУСвВ Н.К. Ренненкампа попечителю Киевского учебного округа С.П. Голубцову: «Принимая во внимание, что на основании примеч[ания] к ст[атье] 1395 IX т. Св[ода] Закон[ов] (по 3 продолж.) евреи, имеющие ученые степени, допускаются в службу по всем ведомствам, г[осподин] управляющий министерством народного просвещения статс-секретарь И.Д. Десянов нашел, что по смыслу сего постановления *нет законного основания* (курсив мой – М.Г.) к отказу евреям поступать в учебную службу, но имея в виду могущие произойти неудобства от допущения евреев к преподаванию наук юридических, политических и исторических, основанных главным образом на началах истин христианской религии, Его Высокопревосходительство признал совершенно несовместным с направлением и духом преподавания в наших учебных заведениях допускать к преподаванию упомянутых наук лиц еврейского закона и предложил в случаях поступления от евреев прошений о допущении их к преподаванию по разряду означенных наук, отклонять подобные ходатайства»⁴⁷⁸. 9 апреля 1886 г. попечитель С.П. Голубцов информировал ректора ИУСвВ о том, что министр народного просвещения «вполне разделяет мнение о необходимости не допускать лиц еврейского исповедания в число приват-доцентов Университета Св. Владимира»⁴⁷⁹.

Посмотрим, как фактический запрет действовал на практике.

Академий ученые степени, а от Академии Художеств аттестаты на звание Художников, предоставляются следующие права: 1) Получившие степени: Студента, Кандидата, Магистра и Художника (Академии Художеств), могут просить себе почетного гражданства личного. 2) Получившие степень Доктора» могут просить почетного гражданства потомственного. 3) Сверх того, получившие степень Доктора, по засвидетельствованию Министра Народного Просвещения об отличных способностях их, могут вступать в учебную и гражданскую службу, но не иначе, как с Высочайшего разрешения...». (Свод Законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Т. IX. Законы о состояниях. СПб, 1857. С. 270).

⁴⁷⁸ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 240. Л. 3 об. – 4 об.

⁴⁷⁹ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 240. Л. 7.

В конце 1904 г. врач П.М. Ревидцов возбудил перед МНП ходатайство об утверждении его в должности приват-доцента ИМУ. Попечитель Московского учебного округа П.А. Некрасов писал в Департамент народного просвещения: «Г[осподин] Ревидцов обращался уже с аналогичным ходатайством в 1903 году, каковое ходатайство мною было признано не подлежащим удовлетворению вследствие иудейского вероисповедания просителя, о чем и было сообщено министерству народного просвещения в секретном донесении от 23-го марта 1903 года за № 340. К сему долгом считаю присовокупить, что по тем же соображениям настоящее прошение Ревидцова я признаю также не подлежащим удовлетворению»⁴⁸⁰. В следующем донесении в министерство попечитель по этому же поводу высказался еще более определенно: «В настоящее время брожения в среде приват-доцентов побуждает меня еще с большей осторожностью относиться к допущению евреев в преподавательский персонал Московского университета»⁴⁸¹. Любопытно, что в письме, адресованном самому просителю, отказ был мотивирован вовсе не его происхождением или вероисповеданием, а тем, что, по мнению руководства учебного округа, необходимость в приват-доцентах отсутствовала («Министерство не может не разделять доводов начальства учебного округа, признающего преподавание медицинских наук в области избранной Вами специальности вполне обеспеченным»)⁴⁸². Как видно из приведенного примера с отказом П.М. Ревидцову от приема на службу в ИМУ по причине происхождения и выше процитированного ответа министра И.Д. Делянова, власти, проводя последовательно политику ограничения (если не запрещения) приема на преподавательские должности евреев, не стремились афишировать свои намерения и мотивы.

С точки зрения властей, еврейство, в известной степени, само по себе содержало элемент предосудительности. Отсюда – настороженное отношение к тем, кто становился в позицию защитника или ходатая по «еврейскому вопросу».

⁴⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 136. Л. 50 – 50 об.

⁴⁸¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 136. Л. 51 об.

⁴⁸² РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 136. Л. 54 – 54 об.

Так, в секретном донесении из Киевского охранного отделения директору департамента полиции (1910 г.) о неблагонадежных в политическом отношении преподавателях о профессоре ИУСВВ (немце по происхождению) О.О. Эйхельмане, в частности, как косвенно порочащие приводятся такие сведения: «Известен постоянными ходатайствами за евреев и евреек. Женат на еврейке, принявшей лютеранство»⁴⁸³. Аналогичные обвинения в этом донесении звучали и в отношении профессора по кафедре чистой математики Б.Я. Букреева («известен своим[и] [...] постоянными разными ходатайствами за евреев, в особенности на высших женских курсах»)⁴⁸⁴.

Профессор ИМУ И.И. Янжул подробно описал в своих воспоминаниях тщетные попытки юриста М.Я. Герценштейна занять место приват-доцента ИМУ. М.Я. Герценштейн неоднократно подавал соответствующие ходатайства. «Прежде формальным препятствием служило его еврейское вероисповедание, но он давно уже вместе с женитьбой на русской – принял христианство». «Мы оба с Александром Ивановичем [Чупровым – М.Г.] горячо ратовали на заседании факультета за безусловную необходимость исполнить его просьбу [...]. Помнится мне, наши настойчивые убеждения подействовали на большинство факультета в этом заседании, и значительное число голосов, начиная (что нам казалось особенно важным) с декана факультета В.А. Легонина, высказались за допущение М.Я. Герценштейна [...]; но не согласился и решительно говорил резко и долго против допущения М.Я. Герценштейна на кафедру лишь один, собственно влиятельный член факультета – бывшим тогда ректором Н.П. Боголепов. Он соглашался вполне с формальными аргументами в пользу допущения Герценштейна на кафедру, но ставил вопрос широко и произвольно. Противно закону, он утверждал, что *крещенный еврей остается все равно евреем* (курсив мой – М.Г.) и должен подвергаться-де таким же самым ограничениям, т.е. никогда

⁴⁸³ ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 2. Д. 53. Л. 255.

⁴⁸⁴ ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 2. Д. 53. Л. 258 об.

не допускаться в университет»⁴⁸⁵. В итоге вопрос решал попечитель учебного округа, который поддержал ректора⁴⁸⁶.

Не смог остаться в университете защитивший в ИМУ магистерскую диссертацию будущий депутат Государственной Думы первого созыва Г.Б. Иоллос («Не был утвержден в профессоры моск[овского] унив[ерситета], как еврей»)⁴⁸⁷.

Заметим, что антисемитские настроения имели место и среди университетской администрации и профессуры. Так, ректор ИУСвВ Н.К. Ренненкампф в письме к попечителю учебного округа С.П. Голубцову 1 марта 1886 г. указывал: «Отстраняя упомянутых выше лиц еврейского происхождения от приват-доцентуры и ходатайствуя об установлении 10-% ограничения для студентов-евреев медицинского факультета, Совет ИУСвВ руководствовался [...] (тем – М.Г.), что евреи, получившие образование, и в особенности высшее, почти всегда отличаются духом ложного либерализма и при всех удобных случаях становятся на сторону противоправительственных и особенно национальных брожений, чему неоднократно были примеры в стенах Университета Св. Владимира»⁴⁸⁸.

О соответствующих воззрениях профессора ИНУ П.А. Лаврова можно судить по обширной записке, касающейся студенческих беспорядков, которую он составил весной 1899 г. по просьбе попечителя учебного округа. Профессор, в частности, писал: «Увеличивать процент евреев в школе нежелательно уже по одному тому, что это может повести к усилению еврейства вообще, пагубность чего очевидна на судьбе несчастной Франции. Это было бы равносильно

⁴⁸⁵ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1910. Т. 2. С. 92.

⁴⁸⁶ Вместе с тем, известны случаи, когда приятие православия, обеспечивало лицу еврейского происхождения место в университете. Так случилось в 1894 г., когда приват-доцентом ИНУ стал историк М.И. Мандес, и в 1897 г., когда приват-доцентуру на физико-математическом факультете получил математик В.Ф. Каган (см.: Левченко В.В. Евреи в профессорско-преподавательском составе Одесского института народного образования (1920–1930): ретроспективный анализ // Материалы Семнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2010. Ч. 2. С. 245).

⁴⁸⁷ Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Первый созыв. 1906–1911 г. М., 1906. С. 263.

⁴⁸⁸ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 240. Л. 1–5 об.

усилению и без того вредного влияния евреев, благодаря эксплуататорскому духу своего племени являющихся бичом того народа, среди которого они живут»⁴⁸⁹.

Современный петербургский исследователь Е.А. Ростовцев, отмечая общую толерантность университетской профессуры в этно-религиозном отношении, замечает, что единственным исключением в этом смысле, пожалуй, стоит считать отношение «патриотически-настроенной» части профессуры по отношению к евреям. Но и в этом случае, по его мнению, такие фобии не носили, как правило, идеологически антисемитского характера, а скорее отражали определенные предрассудки и настороженность российской интеллектуальной элиты в отношении чуждой в культурном и поведенческом отношении социальной группы⁴⁹⁰.

За исключением еврейского, другие национальные «вопросы» были, как правило, географически детерминированы и локализованы на западных окраинах империи, где и располагалось немало университетов.

«Польский вопрос»

Помимо выше упомянутых законодательных актов в отношении иностранцев, в Российской Империи продолжало действовать Высочайшее повеление от 20 сентября 1868 г. о недопущении к каким-либо должностям по МНП лиц польского происхождения римско-католического вероисповедания⁴⁹¹.

Создавая университет в Варшаве как русский, правительство возводило серьезные преграды для его полонизации. Впрочем, до середины 1880-х гг. профессорско-преподавательский состав ИВУ оставался на 50 % польским, а в студенческой среде поляки составляли абсолютное большинство до революции 1905 г. По подсчетам А.Ю. Баженовой, в педагогическом персонале, служившем в

⁴⁸⁹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 51.

⁴⁹⁰ Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы. Томск, 2012. С. 40.

⁴⁹¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 333. Л. 2.

ИВУ на протяжении 1870–1900 гг., 63 % составляли русские, 21 % – поляки, 11 % – немцы и евреи, 5 % – чехи, итальянцы, французы и др.⁴⁹²

В разгар революции, когда было принято решение о временном закрытии ИВУ, Совет Министров сформулировал свою позицию следующим образом: «Когда польское общество убедится в несостоятельности его притязаний на колонизацию высшей школы, тогда прекратится и бесцельное преследование университета. Надо надеяться, польское население поймет, что при неразрывной связи края с остальной Империей, в Варшаве никакого иного государственного, кроме русского, университета существовать не может» (20 октября 1906 г.)⁴⁹³.

Со временем доля поляков среди профессуры неуклонно сокращалась. На сложности для лиц польского происхождения занять преподавательское место можно встретить указания в периодике начала XX века. Так, газета «Русские ведомости» в заметке, посвященной частным просветительским обществам в Варшаве, которые устраивали образовательные курсы, писала: «преподавателями курсов являются польские ученые, пользующиеся известностью в своих специальностях, которые при других условиях могли бы занимать университетские кафедры»⁴⁹⁴.

Еще в декабре 1884 г. ректор ИВУ Н.А. Лавровский писал министру народного просвещения И.Д. Делянову, предостерегая его от распространения на названный университет некоторых норм нового Устава (1884 г.): «Система же гонорара и тесно связанный с ней институт приват-доцентов, по соображению местных условий, решительно не применимы к Варшавскому университету. Нет сомнения, что вслед за открытием свободного доступа к приват-доцентуре для окончивших курс в Варшавском университете, этот институт будет переполнен лицами польского происхождения, которые откроют всевозможные курсы, параллельные курсам русских профессоров, – и можно с решительною уверенностью утверждать, что аудитории польских приват-доцентов и

⁴⁹² Баженова А.Ю. Историки Императорского Варшавского университета: условия формирования пограничной идентичности // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 246.

⁴⁹³ APW. Z. 214. S. 26. k. 51.

⁴⁹⁴ Русские ведомости. 1909. 18 сентября.

профессоров будут переполнены, а русских профессоров пусты, как бы ни ничтожны были курсы первых и как бы ни высоко было научное достоинство последних. Кроме того, едва ли желательно устанавливать здесь денежную зависимость русского преподавателя от польско-еврейской аудитории»⁴⁹⁵. Впрочем, опасения ректора оказались напрасны. Общеуниверситетский устав на ИВУ распространен не был, и здесь, в отличие от остальных университетов империи, сохранилась штатная доцентура (приват-доцентура была разрешена в 1899 г., правда, ненадолго, до 1909 г.).

Очень схожая аргументация прозвучит почти 20 лет спустя, во время работы комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.) при обсуждении необходимости введения тьюторов («курсовых профессоров») в университетах. Категорически против такого нововведения выступал и тогдашний ректор ИВУ Г.К. Ульянов и профессор Л.Д. Давыдов. Первый из них опасался, что «при избрании “курсовых профессоров” студенты-поляки стали бы демонстративно отдавать предпочтение профессорам польского происхождения и отказываться от избрания русских профессоров, предлагаемых русскими студентами»⁴⁹⁶.

Предубеждение в отношении польской интеллигенции звучало во многих документах того времени. Так, ректор ИКУ Н.Н. Булич, давая осенью 1884 г. заключение на ходатайство экстраординарного профессора ИВУ И.П. Скворцова о переводе его в ИКУ (где он прежде, до введения устава 1884 г. уже служил доцентом) писал: «Я не могу согласиться с теми мотивами, так сказать политическими, которые приводятся Скворцовым, как причина, почему каждый русский профессор стремится и должен стремиться из Варшавы. Я убежден, напротив, что чем выше научное и умственное достоинство русского профессора в Варшавском университете, тем служба его там больше принесет пользы его

⁴⁹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 882. Л. 5.

⁴⁹⁶ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 300.

отечеству и тем легче ему импонировать над польской интеллигенцией, которой я не приписываю, зная ее, высокого достоинства»⁴⁹⁷.

Подобная мысль прозвучала и в докладной записке нового ректора ИВУ, И.Н. Трепицына, на имя министра народного просвещения Л.А. Кассо (1912 г.). Ректор сетовал на сложности, в том числе кадровые, работы в Варшаве: «В Варшаву – отмечал он – едет большую частью молодежь, еще нигде не пристроенная, лишь бы зацепиться, и в надежде перейти в другой университет на более выгодные условия)»⁴⁹⁸. Указывая ограниченные возможности для получения преподавателями дополнительных доходов, ректор писал: «Что же касается [...] профессоров-медиков, то из них почти никто не имеет сколько-нибудь заметной практики: польский антагонизм дает себя чувствовать и здесь»⁴⁹⁹. И.Н. Трепицын призывал министерство улучшить материальное положение профессоров и доцентов и акцентировал внимание на том, что в Варшаве служат «профессора, которые являются культурными носителями русской государственности на такой требовательной и недружелюбно настроенной окраине, как Польша»⁵⁰⁰.

Интересно, что именно спецификой польского окружения университетское начальство порой обосновывало «борьбу за качество кадров». Так ректор ИВУ Г.К. Ульянов в письме (1901 г.) попечителю учебного округа Г.Э. Зенгеру, объясняя то, почему он выступает против продления службы в университете профессора А.С. Таубера, чьими профессиональными качествами он не был удовлетворен, замечал: «Польское общество очень зорко следит за Университетом и усердно хватается за всякие промахи и недостатки преподавателей Университета; клиницист-хирург, естественно, является здесь особенно на виду, тем более, что в Варшаве имеется значительное число хороших хирургов из местных врачей-поляков. В виду этого клиницист-хирург в Варшавском университете должен стоять безусловно на высоте своей

⁴⁹⁷ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 16007. Л. 3 об.

⁴⁹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 530. Л. 5 об.

⁴⁹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 530. Л. 7.

⁵⁰⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 530. Л. 7 об.

специальности, чтобы не ронять достоинства русского высшего учебного заведения и русской науки»⁵⁰¹.

Как уже отмечалось выше, до революционных событий начала XX в. в студенческой среде ИВУ преобладали поляки, что было закономерным, ведь университет и создавался для распространения русского влияния на молодежь Привислинского края. Сочетание преимущественно польского студенчества со всё более русифицировавшейся профессурой создавало почву для конфликтов.

Разберем здесь несколько конфликтных ситуаций (хотя профессорско-студенческие отношения еще будут анализироваться особо в 4-й главе).

Одна из таких произошла в 1897 г., когда в Вильне был заложен памятник М.Н. Муравьеву, бывшему виленскому генерал-губернатору, приобретшему широкую известность в качестве руководителя подавления польского восстания 1863 г. Шесть профессоров ИВУ – П.А. Кулаковский, Е.Ф. Карский, К.Я. Грот, А.И. Смирнов, И.П. Филевич и П.А. Зилов – отправили в Вильну телеграмму следующего содержания: «Душевно присоединяемся к настоящему торжеству по поводу начатия постройки памятника великому государственному деятелю России гр[афу] М. Муравьеву, освободившему Северо-Западный край от польско-католического ига и утвердившего ту истину, что край этот был и есть чисто русским». Инициатива профессоров вызвала негодование заметной части польских студентов. В студенческом воззвании (октябрь 1897 г.) писалось: «Шесть профессоров Варшавского университета совершили позорный поступок [...]. Во истину, более опозорить профессорское звание невозможно [...]. Обращаемся прежде всего к остальным профессорам университета, выражая им свое соболезнование в том, что они принуждены считать своими товарищами эти личности, лишенные всякого нравственного достоинства, не заслуживающие названия не только профессора университета, но вообще честного человека и надеемся, что профессора употребят все свои старания для устранения из нашего университета этих господ, опозоривших и позорящих все, с чем они

⁵⁰¹ APW. Z. 214. S. 109. k. 46.

сталкиваются»⁵⁰². Польские студенты устроили демонстративные акции, направленные против упомянутых профессоров, за что университетский суд приговорил 28 участников демонстрации к исключению из университета на срок от 1 до 3 лет, и еще 50 студентам вынес выговоры. Любопытно, что эта история получила отклик студентов других университетов. Известно «Письмо московских студентов к варшавским», содержащее поддержку тех, кто устроил демонстрацию⁵⁰³. От имени «Кассы взаимопомощи» студентов ИСПБУ в ноябре 1897 г. было составлено воззвание, содержащее такие строки: «Некоторая часть печати [...] ставит вопрос на национальную почву и делает всех русских студентов как бы солидарными с г[осподами] Зил[овым] и Фил[евичем] и К°. “Касса взаимопомощи” полагает, что в этом вопросе национальность не имеет никакого значения. Деятельность Муравьева отличалась жестокостью не потому что он служил в Западном крае, а потому, что был представителем того режима, который одинаково давит Россию и Польшу. [...] Мы называем профессоров, почтивших его память, и студентов, защищавших этих профессоров, духовными потомками этого вешателя. Они не товарищи нам, они наши враги, с которыми, русские ли они или поляки – мы должны бороться»⁵⁰⁴. Однако из столичного университета доносилось и противоположное мнение. В «Адресе русским студентам Варшавского университета от русских студентов Санкт-Петербургского университета» звучали слова: «возмущены поступком студентов-поляков, позволивших себе в такой безобразной и дикой форме оскорбить своих профессоров и товарищей русских в стенах русского же университета, смевшим, несмотря на агитацию польской партии, выразить свое глубокое сочувствие как пострадавшим профессорам, так и всем русским colleg'ам, сумевшим, несмотря на численно превосходство противной партии, с достоинством поддержать»⁵⁰⁵. Таким образом, варшавские трения были хорошо известны в прочих университетах, во всяком случае, в столичных, и вызвали заметный резонанс.

⁵⁰² APW. Z. 214. S. 540. k. 70 – 70 об.

⁵⁰³ APW. Z. 214. S. 540. k. 107–108.

⁵⁰⁴ APW. Z. 214. S. 540. k. 104 – 104 об.

⁵⁰⁵ APW. Z. 214. S. 540. k. 105.

В архивных документах отложился еще один заслуживающий внимания случай. Окончившему курс юридического факультета ИВУ Ивану Преображенскому долгое время не выдавалось «удостоверение в благонадежности», которое по завершению обучения должен был выписать университет и без которого выпускнику невозможно было поступить на государственную службу. Желая добиться получения удостоверения, И. Преображенский написал 9 июля 1898 г. ректору обширное письмо с объяснениями обстоятельств, которые, по его мнению, препятствовали получению документа. Преображенский полагал, что всему виной составная коллективная фотография, для которой ему предложили сняться другие студенты. «Вполне поверив товарищам, что группа будет только товарищеская, – писал И. Преображенский – я не думал, что на ней вообще будут профессора; но если я и мог предположить, что будут они, то уж не в коем случае не мог допустить и мысли, что сняты будут только пять профессоров-поляков, из которых двое уже умерли, а третий даже не читал лекций нашему выпуску»⁵⁰⁶. И. Преображенский просил ректора выдать искомый документ и при этом особо подчеркивал: «Что же касается моей национальности, то несмотря на то, что мать моя полька и католичка, я воспитан в русском духе и всегда гордился своей национальностью и подчеркивал ее, где это было нужно»⁵⁰⁷ (добился ли И. Преображенский получения «удостоверения в благонадежности» нам не известно). При некоторой курьезности описанной ситуации она отражает известную степень напряженности вокруг «польского вопроса» в университетской среде.

С конца XIX в. ИВУ, как и многие иные высшие учебные заведения Российской империи, сотрясаясь от студенческих волнений. В ходе некоторых из них также проявлялся «польский вопрос». Инспектор студентов писал в рапорте на имя ректора 1 марта 1899 г. по поводу, «беспорядков» 22 февраля: «[Вы заявили] что желаете с ними [со студентами – М.Г.] говорить. Они ответили громким криком: “Мы сами желаем этого”. Но пока я успел передать Вам это,

⁵⁰⁶ APW. Z. 214. S. 325. k. 25.

⁵⁰⁷ APW. Z. 214. S. 325. k. 26.

студенты изменили намерение выслушать Вас и крича из аудитории по-польски: “Пусть Г[осподин] ректор подождет!”. [...] При входе Вашем в аудиторию страшный шум и крик не давал Вам возможности говорить со студентами в течение не менее 5–6 минут»⁵⁰⁸. В ходе этих событий студенты составили программу требований «причем все пункты читались сначала на польском языке и потом переводились на русский. При этом предложенное сходкую требование уничтожения обязательности русского языка для студентов встретило несогласие русских студентов и было исключено из программы»⁵⁰⁹.

Во время забастовки, проходившей в январе 1905 г., вновь актуализировалась тема языка. Профессор В.В. Есипов в рапорте на имя ректора Е.Ф. Карского писал: «Часов в 12 в читальню вошла группа студентов и один них, обратившись к находившемуся здесь профессорам по-польски заявил (насколько я понял), что никаких занятий в Университете нет и что они предлагают нам уйти из Университета»⁵¹⁰.

В определенном смысле власти пошли на компромисс с польской частью студенчества, когда в разгар Первой русской революции разрешили преподавание в ИВУ польского языка и литературы. 26 сентября 1905 г. на заседании совета историко-филологического факультета ИВУ обсуждалась записка профессора Ф.Ф. Вержбовского о возможности преподавания в ИВУ польской истории и польского языка. В записке, в частности говорилось, что «для польского народа беспристрастное изучение национальной истории [...] имеет, быть может, еще большее значение, чем для других народов их национальная история. Поэтому особо важно, чтобы разработка польской истории не была достоянием одних любителей и дилетантов». Профессор призывал факультет «пойти навстречу [...] нуждам польского общества [...] и интересам учащихся» и возбудить перед МНП соответствующее ходатайство. После прений последовало голосование. На вопрос о целесообразности ходатайствовать об учреждении новой кафедры члены совета единогласно ответили положительно. Но идею преподавать историю Польши, в

⁵⁰⁸ APW. Z. 214. S. 327. k. 81 – 81 об.

⁵⁰⁹ APW. Z. 214. S. 327. k. 82.

⁵¹⁰ APW. Z. 214. S. 337. k. 35

случае учреждения кафедры, на польском языке поддержали только 5 профессоров; 10 высказались за русский как язык преподавания, а еще 4 остались при особом мнении⁵¹¹.

27 октября 1905 г. решением императора в ИВУ были учреждены штатные должности профессора польского языка и истории польской литературы и лектора польского языка и словесности «с преподаванием сими лицами указанных предметов на польском языке»⁵¹². Но поскольку это решение пришлось на революционный период, когда университет оказался закрытым, его реализация затянулась. Только в сентябре 1906 г. будет рассматривать вопрос о разрешении объявить конкурс на эти должности, «но не раньше возобновления учебных занятий в Университете»⁵¹³.

В конце концов, занятия по польскому языку начались, но процедура встраивания преподавания польского языка в учебный процесс ИВУ не была гладкой. В 1909 г. профессор Ф.Ф. Вержбовский настаивал на том, чтобы программа его курса была напечатана в университетских известиях непременно на польском языке, на что и совет факультета, и совет университета затруднились дать согласие, ссылаясь на Устав, предусматривавший в качестве языка делопроизводства в университете только русский⁵¹⁴. Профессор Ф.Ф. Вержбовский регулярно указывал на притеснения в отношении преподаваемого им предмета со стороны университетской администрации. В мае 1913 г. он обратился с изложением этих претензий напрямую к попечителю учебного округа Г.В. Левицкому. В письме попечителю и – позже – в разговоре с ректором И.Н. Трепицыным Ф.Ф. Вержбовский высказал возражение против решения совета историко-филологического факультета объявить курс польского языка необязательным. Более того, он утверждал, что проректор университета профессор С.Н. Ящинский регулярно предпринимает усилия с целью уменьшения числа его слушателей: все записавшиеся на курс студенты приглашаются в

⁵¹¹ APW. Z. 214. S. 504. k. 18 ob. – 19; Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1816–1915 / Pod redakcją prof. dr hab. Wojciech Tygielski. Warszawa, 2016. S. 663.

⁵¹² APW. Z. 214. S. 81. k. 110.

⁵¹³ APW. Z. 214. S. 375. k. 8 ob.

⁵¹⁴ APW. Z. 214. S. 28. k. 14 ob. – 15.

канцелярию, где подвергаются опросу о причинах и целях посещения лекций, а служителям зданий, якобы, дано указание не отвечать на вопрос о том, где читаются лекции по польскому языку и литературе⁵¹⁵. Делу был дан ход, но проректор в своей объяснительной записке на имя ректора отрицал какую-либо злонамеренность своих действий⁵¹⁶ и принципиально ситуация не поменялась. В очередной раз вопрос поднимался в 1915 г., но также – без видимых последствий⁵¹⁷.

Заметим здесь же, что современники отмечали различия в отношении профессуры к польскому студенчеству в разных университетах. Польский ученый Людовик Яновский, преподававший в Краковском университете (Австро-Венгерская империя), в письме в Харьков, профессору Н.Ф. Сумцову (1912 г.), замечал, что он часто расспрашивал поляков разных поколений, которые учились в ИХУ, и они «все подчеркивали полнейшую беспристрастность профессоров по отношению к их национальности. Иначе дело обстояло в Киеве»⁵¹⁸.

Возвращаясь к профессорско-преподавательскому составу, отметим, что лицам польского происхождения был затруднен путь не только в ИВУ, но и в учебные заведения всего Юго-Западного края Российской империи, куда включались Волынская, Подольская и Киевская губернии⁵¹⁹. Таким образом, киевский ИУСвВ также был ограждаем от «польского влияния».

Еще в апреле 1839 г. было Высочайше постановлено на будущее время не допускать в ИУСвВ на преподавательские должности лиц польского происхождения. В 1863 г. министр народного просвещения А.В. Головин предложил попечителю Киевского учебного округа Ф.Ф. Витте «принимать все зависящие меры к замещению открывавшихся в учебных заведениях Киевского округа вакансий лицами русского происхождения и православного исповедания». На этом основании не были допущены на службу в ИУСвВ, например, адъютант

⁵¹⁵ APW. Z. 214. S. 81. k. 86–88, 162.

⁵¹⁶ APW. Z. 214. S. 81. k. 177–178.

⁵¹⁷ APW. Z. 214. S. 178. k. 56, 59, 60.

⁵¹⁸ ЦГИАУ. Ф. 2052. Оп. 1. Д. 1421. Л. 4.

⁵¹⁹ С 1881 по 1889 г. Юго-Западный край включались так же Полтавская и Черниговская губернии.

ИХУ И.К. Коссов, а также магистр И.А. Бодуэн де Куртенэ, в последствии известный ученый-лингвист⁵²⁰.

В марте 1886 г. ректор ИУСвВ Н.К. Ренненкампф писал попечителю Киевского учебного округа С.П. Голубцову: «Университет Св. Владимира всегда находился и находится в исключительном положении в отношении упомянутых двух национальностей [поляков и евреев – М.Г.] в виду нижеприведенных Высочайших повелений и правительственных распоряжений, вызванных возникавшими неоднократно в этом крае движениями политического характера. [...] Необходимость этих постановлений и распоряжений для Юго-западного края подтверждается фактами: все те случаи, где были допущены по особым ходатайствам изъятия, имели печальный исход. Так: допущенные на службу в Университет Св. Владимира поляки по происхождению Исидор Коперницкий в должности прозектора, Степан Павловский и Константин Ельский в должности консерватора получив в 1863 г. отпуска, не только не возвратились на службу, но приняли непосредственное и значительное участие в польском мятеже. Затем Коперницкий и Ельский бежали за границу (где и ныне находятся), а Павловский сослан в Сибирь в каторжную работу на 12 лет»⁵²¹.

В январе 1889 г. новый попечитель Киевского учебного округа В.В. Вельяминов-Зернов получил письмо, отправленное ему неустановленным нами лицом, в котором говорилось, что «молодой дерптский ученый хирург Бронислав Константинович Червинский желал бы поступить приват-доцентом в университет Св. Владимира», но «на осуществление этого желания может послужить препятствием то обстоятельство, что он католик». Желая показать претендента на приват-доцентуру с лучшей стороны, автор письма обращал внимание попечителя на то, что отец Б.К. Червинского более 35 лет состоит на службе по военному ведомству, является военным инженером, что сам Б.К. Червинский родился в Риге и «насколько мне известно, он даже не говорит

⁵²⁰ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 240. Л. 1–3. ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 54. Д. 116. Л. 3 об.

⁵²¹ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 240. Л. 1 – 5 об.

по-польски»⁵²². В архивном деле также содержится безымянная заметка о том, что, хотя Б.К. Червинский католического исповедания и воспитывался в немецких школах, «во всем остальном вполне русский»⁵²³. Однако, несмотря на такие рекомендации, Б.К. Червинский к приват-доцентуре допущен не был.

Выше упомянутый ректор ИУСвВ Н.К. Ренненкампф писал в мае 1889 г. попечителю В.В. Вельяминову-Зернову: «Я принадлежу к составу Киевского университета более 30 лет и долговременный опыт с несомненностью убедил меня, что допущение лиц польского происхождения и католического исповедания в учебную службу в Юго-Западном крае вообще и в Университет в особенности всегда оказывало на учащихся [...] вредное влияние: лица этого рода, будучи даже самого равнодушного политического и общественного настроения, подпадали влиянию своих семей, родственников, ксёндзов и затем нередко, против своей воли, принимали участие, прямое или скрытое, в польской политической пропаганде, а нередко в волнениях. Сами ученики и студенты увлекали их на этот путь, окружая их особым ореолом внимания, ований и популярности»⁵²⁴.

Служившие в Киеве профессора польского происхождения находились под надзором полиции. Так, на запрос от 31 марта 1887 г. министра народного просвещения И.Д. Делянова о политической благонадежности профессора ИУСвВ Н.А. Хржонщевского товарищ министра внутренних дел, начальник полиции Н.И. Шебеко отвечал: «отец его, поляк, участвовавший в восстании 1820 г., [...] женился на еврейке, принявшей православие. В 1882 г. проф[ессор] Хржонщевский состоял в числе жертвователей на устройство в г. Киеве тайной польско-русской типографии. [...] Хржонщевский относится крайне враждебно ко всему русскому и существующему порядку вещей. В 1884 г. Хржонщевский вместе с другими профессорами унив[ерситета] либерального направления выражал неудовлетворение на распоряжение правительства об увольнении

⁵²² ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 54. Д. 116. Л. 1 – 1 об.

⁵²³ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 54. Д. 116. Л. 2.

⁵²⁴ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 54. Д. 116. Л. 4 об. – 5.

Мищенко с должности доцента Университета»⁵²⁵ (речь шла о Ф.Г. Мищенко, лишившегося должности как «лицо, политическая неблагонадежность которого находится вне сомнения»⁵²⁶).

Симпатии к польскому движению со стороны русской профессуры могли вызвать карьерные сложности для носителя соответствующих взглядов. Так, профессору А.Л. Погодину, пожелавшему в 1910 г. перевестись из ИВУ в ИХУ, МВД дало такую характеристику (в письме в МНП): «Погодин помещал в журнале “Московский еженедельник” статьи по польскому вопросу полонофильского содержания и по отзыву Варшавского генерал-губернатора известен как один из самых крайних “кадетов”. Состоя преподавателем в 8-классной школе Хржановского в г. Варшаве, принадлежащей к союзу прогрессивной молодежи, Погодин при отъезде в Петербург получил 31 августа 1908 года от педагогического персонала школы альбом с надписью: “борцу свободы, равенства и братства от товарищей и друзей совместного труда” [...]; поддерживает оживленные отношения с польскими политическими деятелями, дает им советы, как целесообразнее бороться с правительством, и проявляет полную преданность польскому национальному делу»⁵²⁷. Впрочем, несмотря на такую характеристику, А.Л. Погодин все-таки был избран профессором в Харькове.

В секретном донесении из Киевского охранного отделения директору департамента полиции (1910 г.) о неблагонадежных в политическом отношении преподавателях о приват-доценте историко-филологического факультета ИУСвВ Г-Р.И. Якубанисе, читавшем лекции и на высших женских курсах в Киеве, утверждалось следующее: «весьма популярен среди польских студентов, читая рефераты в польских нелегальных кружках студентов и курсисток, считаясь действительным работником польского общества “Освятя”»⁵²⁸.

⁵²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 83. Д. 268. Л. 2.

⁵²⁶ Сватиков С. Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 29.

⁵²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 21 – 21 об.

⁵²⁸ ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 2. Д. 53. Л. 258.

Сталкиваясь с названными административными запретами, лица польского происхождения, желавшие сделать карьеру университетского профессора, могли пойти по пути принятия православия (в том случае, если ранее они были крещены по католическому обычаю), старались войти в состав преподавательского корпуса одного из университетов не Юго-Западного края⁵²⁹. Впрочем, необходимо отметить, что и названные выше законодательные препоны не всегда носили тотальный характер и порой обходились под предлогом невозможности замещения кафедры альтернативным лицом.

«Остзейский вопрос»

Еще одним воспаленным в национальном отношении университетским центром Российской империи был Дерпт (с 1893 г. – Юрьев).

В ИДУ наблюдалось традиционное деление профессуры на группировки по национальному признаку. Начальник Лифляндского губернского жандармского управления писал 22 октября 1885 г. в секретном донесении в Департамент полиции МВД: «Между профессорами Дерптского университета издавна существуют две партии. Одна Балтийская (крайняя немецкая), в настоящее время именуемая Этингенскою (по имени двух братьев Этингенов⁵³⁰, самых влиятельных профессоров), к которой принадлежат все самые рьяные поборники остзейского партикуляризма, а другая, умеренная, состоящая в большей своей части из профессоров-иностранцев и в меньшей – из местных уроженцев. Эта последняя партия преследует исключительно научные цели и относится равнодушно к всяким проявлениям национально-политических стремлений здешних балтийцев»⁵³¹. «До назначения нынешнего Попечителя Округа⁵³² партия

⁵²⁹ Один из самых известных профессоров польского происхождения – Л.И. Петражицкий, служивший в ИСПБУ в 1898–1918 гг. – подчеркивал свою «польскость»: в его доме читали польскую литературу, там часто звучала польская речь и польская музыка, в 1915 г. он возглавил Общество польских экономистов и правоведов (См.: Соловьев К. Лев Иосифович Петражицкий: «Я юрист не только по званию, но и по убеждению...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 689).

⁵³⁰ Александр фон Этинген (1827–1905), профессором догматического богословия и богословской этики; Артур фон Этинген (1836–1920), профессор физики.

⁵³¹ ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1885. Д. 687. Л. 1.

⁵³² В 1883–1890 гг. попечителем Дерптского учебного округа был М.Н. Капустин.

Этингенов пользовалась безграничной властью в университете: в ректоры, деканы и в другие должности, а равно и на профессорские кафедры попадали всегда только те, кто был угоден этой партии. [...] Желая положить конец этому ненормальному порядку вещей в университете, новый Попечитель Округа Тайный Советник Капустин стал оказывать нравственную поддержку умеренной партии профессоров. [...] На выборах ректора, произошедших 3 сего Октября, на эту должность был выбран самый неприятный для Этингентской партии человек, профессор физиологии Александр Шмидт, кандидат умеренной партии; кандидат же партии Балтийской Гаусман [...], по распоряжению Правительства удаленный из России, не прошел. Этого мало, бывший ректор, профессор Валь, один из самых ревностных приверженцев Этингенов, пожелавший после ректорства быть деканом медицинского факультета, был забаллотирован»⁵³³. Мы вполне можем предположить, что упомянутые действия попечителя М.Н. Капустина не ограничивались «нравственной поддержкой», а включали в себя и административную.

Депрт в первой половине 1890-х гг. являлся одним из главных объектов русификации. Объясняя сложности этого процесса, авторы «Исторического обзора мер по высшему образованию в России» отмечали: «Историческая жизнь Остзейского края шла очень долго, до самого последнего времени, особняком от русской жизни; русская культура была всегда чужда этому краю; население всячески противилось введению русского государственного языка в их крае, а потому, не говоря уже о простом населении, *но нередко даже и профессора Юрьевского университета не знали русского языка* (курсив мой – М.Г.); вот почему настояния, производимые теперь относительно распространения русского языка в Остзейском крае, представляются людям, выросшим в прежних порядках, как бы насилием»⁵³⁴. Действительно, до того значительная часть профессоров, например, медицинского факультета ИДУ имела ученые степени доктора медицины, полученные не в России, а в европейских университетах. Среди

⁵³³ ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1885. Д. 687. Л. 1 об. – 2.

⁵³⁴ Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Вып. 1. Саратов, 1894. С. 176–177.

преподавателей университета 1851–1875 гг. воспитанники самого университета составляли 56,2 %, а выпускники университетов Германии – 32,2 %⁵³⁵.

Важно подчеркнуть, что сложившийся порядок не был случайностью, а являлся результатом ранее – с начала XIX в. – проводившейся целенаправленной политики по поддержанию «немецкого университета» внутри Российской империи⁵³⁶.

В 1889–1895 гг. была проведена реформа ИДУ⁵³⁷. Вслед за городом он был переименован в ИЮУ. Произошла замена немецкого как языка преподавания – русским (исключение составлял богословский факультет, где работа на немецком языке официально продолжалась до 1916 г.).

Еще в конце 1887 г. попечитель учебного округа М.Н. Капустин по поручению министра И.Д. Делянова предложил юридическому факультету ИДУ на обсуждение вопрос о постепенном введении преподавания юридических наук на русском языке. В РГИА, в фонде МНП, сохранились ответ факультета и письмо попечителя министру с анализом и собственными комментариями к этому ответу. М.Н. Капустин писал: «Факультет в своем мнении [...] высказался критически как против преподавания на русском языке, так и против изложения русского права в большем против настоящего объеме. Первое свое положение факультет основывает на том, что еще не известно, какой язык будет принят для отправления правосудия в Прибалтийских губерниях. [...] Очевидно [под этим аргументом – М.Г.], скрывается другое соображение – именно незнание русского языка большинством преподавателей, хотя все они русские подданные, обучались

⁵³⁵ Тамул С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 587.

⁵³⁶ См. подробнее об этом: Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 355–360; Спикина Е.Э. Русский профессор в Дерптском университете // Апробация. 2013. № 6 (9). С. 38–40; Kostina T.V., Kouprianov A.V. Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat university (1803–1884) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 31–45; Гаврилина И.А. Ректор Г.Ф. Паррот и попечитель Ф.М. Клиnger: Два взгляда на развитие Дерптского университета в первые годы его существования (1802–1803) // Клио. 2017. № 10 (130). С. 47–56.

⁵³⁷ Русификация коснулась не только ИДУ. В аналогичный период схожие процессы протекали в Рижском политехникуме (см. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 200).

русскому языку в гимназиях (один в реальном училище) и университетах. Исключение сделано для проф[ессора] Энгельмана, но и он, по мнению факультета, не может излагать свой предмет по-русски “без ущерба для научного характера преподавания”. При этом факультет вовсе не упоминает о проф[ессоре] Мейкове, который вполне владеет русским языком и не считает понижением научного характера преподавания, если оно производится по-русски. [...] В виду сказанного я не могу признать мнение факультета основательным и желал бы необходимым перейти к преподаванию юридических наук в Дерпте на русском языке»⁵³⁸. Как видно, реализация этого решения несколько затянулась.

Переход на русский язык обусловил существенные изменения в преподавательском составе: сокращался удельный вес лиц, имевших прибалтийско-немецкие корни. Только с 1889 г. по 1900 г. в Германию переехали 19 преподавателей, на пенсию вышло 9 профессоров. Удельный вес немцев сократился с 87 % (1889 г.) до 10 % (1918 г.), число русских по происхождению преподавателей увеличилось соответственно с 8,7 % до 75 %⁵³⁹. В 1876–1900 гг. доля выпускников германских университетов среди преподавателей университета снизилась до 19 %⁵⁴⁰.

Впрочем, и после такой радикальной реформы в ИЮУ сохранилось деление профессуры на группировки по национальному признаку. Бывший профессор университета М.Н. Крашенинников уже в советское время вспоминал: «В Юрьевском университете профессура делилась на 2 партии: более значительная состояла из кадетов и немцев, менее значительная — из русских, причем принципом деления были собственно не политические убеждения, но вопрос местного характера в отношении к местному населению: первая партия (так называемые “левые”) поддакивала немцам-прибалтийцам, которые желали восстановления прежнего немецкого университета, а вторая (“правые”) стояла за

⁵³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 882. Л. 242 – 242 об.

⁵³⁹ История Тартуского университета. 1632–1982. Таллин, 1982. С. 273.

⁵⁴⁰ Тамул С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 587.

сохранение этого университета в качестве русского»⁵⁴¹. Как следует из употребленных фраз и из собственного признания, сам М.Н. Крашенинников относил себя ко второй группе.

Бывший студент В.В. Вересаев вспоминал: «Когда, в последние годы моего пребывания в Дерпте, началась русификация Дерптского университета и профессорам, местным уроженцам, было предложено в течение двух лет перейти в преподавании на русский язык, Кербер немедленно стал читать лекции по-русски. Язык русский он знал плохо, заказал русскому студенту перевести свои лекции и читал их по переводу, глядя в рукопись. И мы слушали:

– ...Приближаем друг к другу концы проводов. Получается электрическая икра. Эта электрическая икра перелетает через воздух...»⁵⁴².

Полагаем, что можно согласиться с мнением исследователя К.С. Маслова, который, обращая внимание на то обстоятельство, что схожая языковая и образовательная политика в разные годы проводилась Германией и Францией в отношении части своих территорий, замечает при этом, что не стоит преувеличивать степень тотальности проведенной русификации⁵⁴³.

«Немецкий вопрос»

Затронем тут же и «немецкий вопрос», отдавая себе отчет в том, что он несколько выпадает из общего ряда «национальных вопросов» в виду его специфической привязке исключительно к военным обстоятельствам.

В последние годы существования Российской империи имел место всплеск ксенофобских настроений по отношению к немцам. В годы Первой мировой войны по стране прокатилась антинемецкая кампания, вылившаяся в том числе и

⁵⁴¹ ЦДНИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-16967, т. 3. Л. 392.

⁵⁴² Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания [Электронный ресурс] // brusl.ru: Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения: 03.01.2016).

⁵⁴³ Маслов К.С. Университетская жизнь и образовательная политика на рубеже XIX–XX вв. глазами преподавателей и студентов (на примере Тартуского университета) // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 2. С. 75. См. также: Маурер Т. Германизация, русификация и ликвидация: Страсбургский и Юрьевский университеты в 1872/1887 – 1918 // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII–XX в. Москва, 2009. С. 157–182.

в выступления против профессоров и преподавателей немецкого происхождения. И это при том, что научные связи России с Германией были крепки, как ни с одной другой страной мира, а внутри академической корпорации насчитывалось немало выходцев из Германии.

Отметим выступления студентов ИПГУ против профессора В.Ф. фон Зелера в октябре 1914 г. Вернувшись из Германии (где он находился в каникулярное время) в Россию, профессор встретил озлобленное по отношению к себе настроение студенческой аудитории. Этот настрой был вызван слухами о том, что Зелер имеет германское подданство. Часть студентов освистала своего профессора, выкрикивая при этом: «Долой немецкого подданного, долой прусаков». Студенты утверждали, что одной из причин, вызвавших демонстрацию, была «фраза, будто бы произнесенная профессором фон Зелером во время беседы его со студентами. По циркулирующим среди студентов слухам профессор фон Зелер противопоставил спокойствие, царившее “у нас” (по одним версиям: “у нас в Берлине”, по другим – “у нас в санатории”, в коей профессор фон Зелер проживал) беспокойству и взволнованности, наблюдаемой им в Петрограде, т.е. надо полагать, среди окруживших его студентов»⁵⁴⁴. В результате, спустя некоторое время В.Ф. фон Зелер был прикомандирован к ИТУ и приступил к чтению лекций. Однако, в феврале 1917 г. он был отстранен от занимаемой должности и арестован по подозрению в шпионаже в пользу Германии. В апреле 1917 г. В.Ф. фон Зелер будет освобожден, после чего эмигрирует в Эстонию и оседет в Тарту⁵⁴⁵.

Аналогичная ситуация произошла с заслуженным ординарным профессором ИУСвВ Ф.И. Кнауэром, вернувшимся, как и фон Зелер, осенью 1914 г. из Германии по месту службы в Россию⁵⁴⁶. Особое ожесточение против профессора Кнауэра вызвало то, что незадолго до начала войны он, по циркулировавшим слухам, добился перехода своих сыновей в Германское подданство и вывез их на

⁵⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 501. Л. 14 – 15 об.

⁵⁴⁵ Зелер Карл-Вильгельм Фридрихович (Вильгельм Фридрихович) фон // Электронная энциклопедия ТГУ. Режим доступа: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Зелер,_Карл-Вильгельм_Фридрихович (дата обращения 09.08.2017).

⁵⁴⁶ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 54. Д. 116.

проживание к матери в г. Йену. Сам Ф.И. Кнауэр в заявлении на имя ректора ИУСвВ Н.М. Цытовича от 5 октября 1914 г. заверял, что его дети лишь вышли из российского подданства, но германского не получали. «О принятии моих детей в германское подданство я пока не хлопотал. Вопрос этот может быть решен лишь после заключения мира. Поэтому мои сыновья в настоящее время не находятся в германском подданстве. [...] Таким образом мои сыновья стоят совершенно в стороне, не принимая ни малейшего участия в военных делах ни прямо, ни косвенно, да и я им как несовершеннолетним никогда не позволил бы выступать против России, которой я обязан своим существованием. Будут ли мои дети приняты в Германии после заключения мира, пожелают ли они сами перейти в германское подданство по истечении настоящего печального времени, это вопрос будущего. Я всегда стоял за союз России с Германиею и крайне сожалею, что судьба решила иначе»⁵⁴⁷.

Объяснения не разрядили обстановку. В донесении в министерство попечитель Киевского учебного округа А.Н. Деревницкий писал: «Большинство профессоров сторонилось от него, многие из них перестали подавать ему руки, а проф. С.Т. Голубев даже открыто выступил против него в заседании историко-филологического факультета с обвинениями в измене и с требованиями его удаления»⁵⁴⁸.

17 ноября 1914 г. товарищ министра народного просвещения писал попечителю А.Н. Деревницкому: «Считаю долгом просить Ваше Превосходительство обратиться, частным образом, к заслуженному ординарному профессору [...] Кнауэру с предложением подать ныне же рапорт о болезни и затем не появляться ни в университете, ни в Киевских высших женских курсах во все время войны. Если бы профессор Кнауэр не пожелал исполнить этот добрый совет, то прошу Вас, Милостивый Государь, предложить ему официально подать прошение об отставке и в случае неподачи такого прошения, – представить

⁵⁴⁷ Цит. по: Alma Mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917 – 1920. Матеріали, документи, спогади. У 3 кн. / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський Київ, 2000. Кн. 1. Університет Св. Володимира між двома революціями. С. 658.

⁵⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 501. Л. 22.

профессора Кнауэра к увольнению от службы без прошения, предварительно предупредив его об этом»⁵⁴⁹.

Ф.И. Кнауэр под давлением⁵⁵⁰ попечителя был вынужден подать 24 ноября 1914 г. рапорт о временном освобождении его от службы по болезни, который был удовлетворен уже 25 ноября⁵⁵¹. Но на этом история не окончилась.

28 ноября 1914 г. начальник Киевского жандармского управления полковник А.Ф. Шредель в Справке о сложившейся с профессором Ф.И. Кнауэром ситуации указывал на то, что профессор получает из Университетского казначейства пенсию в размере 240 рублей в месяц, а также плату за чтение лекций в Университете и на Высших женских курсах и «означенное содержание, получаемое Кнауэром от русского Правительства, идет полностью на содержание семьи Кнауэра в Германии, при чем им было выслано за период военного времени на имя жены четыре раза по 500 рублей».

«Суммируя выше доложенное и не имея возможности точно установить степень участия сыновей названного Кнауэра в действиях, враждебных России, — писал полковник А.Ф. Шредель — есть данные предполагать, что [...] показания Фридриха Кнауэра характеризуют последнего как приверженца Германии, я полагал-бы необходимым, по обстоятельствам военного времени, наложить арест на пенсию, получаемую действительным Статским Советником Фридрихом Кнауэром, а также на наличные деньги Кнауэра, из числа имеющихся у него на руках, текущем счету и в %% бумагах н сумме равной пенсии — полученной им, Кнауэром, из Университетского казначейства со дня объявления Германией войны нашему отечеству, то есть с двадцатого июня сего года по настоящее время, чтобы таковой мерой предотвратить возможность вполне обеспеченного в материальном отношении проживания в Германии означенной немецкой по убеждениям, семьи на средства, идущие от Русского Правительства.

⁵⁴⁹ Цит. по: Alma Mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917 – 1920. Матеріали, документи, спогади. У 3 кн. / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. Київ, 2000. Кн. 1. Університет Св. Володимира між двома революціями. С. 659.

⁵⁵⁰ ЦГИАУ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3318. Л. 6 об.

⁵⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 501. Л. 29.

Что же касается Действительного Статского Советника Фридриха Ивановича Кнауэра, 65 лет, то пребывание его в Киеве я нахожу вредным для общественного спокойствия и Государственной безопасности и ходатайствую о высылке названного Кнауэра из местностей, входящих в театр военных действий, на все время военного положения»⁵⁵².

Вскоре Ф.И. Кнауэр был арестован и сослан в Томскую губернию. Однако, позднее его перевели в губернский центр, где Ф.И. Кнауэр вскоре скончался⁵⁵³.

В фондах ЦГИАУ сохранился, подготовленный в 1914 г., «Список профессорам, значащимся на службе при Киевском Университете Св. Владимира с иностранными фамилиями». В списке из 30 фамилий перечислены далеко не только профессора, а лица, занимавшие различные должности в университете:

«1) Перетц Владимир Николаевич, ординарный профессор истории русской словесности.

2) Кнауэр Феодор Иванович, доктор по кафедре сравнит[ельного] языковед[ения].

3) Сонни Ад[ольф] Израил[евич], доктор греческой словесности⁵⁵⁴.

4) Бруннек Март[ин] Иванович, лектор немецкого языка.

5) Шовен Анрд[е]-Райм. Александрович, лектор французского языка.

6) Пфейффер Георг[ий] Ав[густович], магистр по предметам чистой математики.

7) Кордым Леонд. Иосифович, по предмет, физик магистрант.

8) Перье Мих[аил] Иванович, лаборант химической лаборатории.

9) Белинг Дмитрий Евст[афьевич], зоол[огической] лаборатории.

⁵⁵² ЦГИАУ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3318. Л. 2–3.

⁵⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 501. Л. 46.

⁵⁵⁴ Любопытно, что попавший в приведенный список профессор немецкого происхождения А.И. Сонни 26 ноября 1914 г. писал иронически приват-доценту В.Е. Данилевичу «Большая неприятность: Кнауэра вышвырнули из Университета и с [Высших женских] курсов, то есть пока заставили его подать рапорт о болезни по текущий и на наступающий семестры. Дивны дела Твои, о Господи!» (Цит. по: Пучков А.А. Адольф Сонни, киевлянин: К истории классической филологии в Императорском университете св. Владимира / Послесл. А.Ю. Клековкина; Ин-т проблем совр. искусства НАИ Украины. К.: Феникс, 2011. С. 69).

10) Рейтлингер Мих[аил] Эдм[ундович], лаборант при кафедре технической химии.

11) Финн Влад[имир] Вильг[ельмович], сверхштатный консерватор при ботаническом саде.

12) Гомбаум Эрн[ест] Карл[ович], садовник ботанического сада.

13) Эйхельман От[тон] От[тонович], доктор по кафедре международного права

14) Раммат Конст[антин] Дав[ыдович], лектор английского языка.

15) Бартоломуччи Альфр[ед] Ант[оновч], лектор итальянского языка.

16) Клиндер Вит[алий] Павлович, магистр классич[еской] филос[офии] римской словесности

17) Фогель Роб[ерт] Фил[иппович], ординарный профессор по кафедре астрономии и геодезии, доктор астрономии.

18) Де Метц Георгий Герг[иевич], ординарный профессор по кафедре физики.

19) Бунге Ник[олай] Андр[еевич], доктор химии.

20) Граве Дим[итрий] [Александрович], доктор математических наук.

21) Зиверт Алф[ред] Карл[ович], доктор медиц[ины] по предм[ету] клин[ических] внутренних болезней

22) Мирам Кон[стантин] Р[удольфович], доктор медиц[ины] по предм[ету] общ[ей] патологии.

23) Руберт Ив[ан] Юл[ьевич], доктор медиц[ины] по предм[ету] офтал[ьмологии]

24) Вебер Евгений Фердин. доктор медиц[ины] по предм[ету] внутренних болезней

25) Майдель Эрн[ест] Эрн[естович], при кафедре физиологии лекарь.

26) Сандер Петр Фед[орович], при кафедре общей патологии.

27) Овен В.П., лекарь при кафедре анатомии.

28) Экверт Алф[ред] Карл[ович], доктор медиц[ины] по предметам клин[ики] внутренних болезней.

29) Гейбель Карл Георгиевич, доктор медицины по кафедре фармакологии.

30) Дитерихс Мих[аил] Мих[айлович], доктор мед[ицины] по предм[ету] клин[ической] хирургии»⁵⁵⁵.

Приведенный обширный список лишний раз подчеркивает широкое распространение в Российской империи, начиная с XVIII в., немецких семей, что, конечно, крайне затрудняло какие бы то ни было антинемецкие меры, наметившиеся было в связи с начавшейся войной. Об этом в дневниковой записи от 7 августа 1915 г. писал профессор ИМУ М.М. Богословский: «У нас можно разрешить какие угодно вопросы: польский, еврейский, армянский, но немецкого не разрешить: до такой степени за двести с лишком лет немцы вошли в нашу жизнь и слились с нами. Немецкие фамилии у нас среди интеллигентного круга на каждом шагу. У нас на факультете из 16 профессоров три немца: Брандт, Виппер, Мальмберг – но разве они немцы? После этого и Кизеветтера надо считать немцем»⁵⁵⁶.

М.М. Богословский был прав, и какой бы то ни было масштабной государственной антинемецкой кампании в высшей школе не проводилось (впрочем, за таковую можно считать Высочайше одобренное решение осени 1914 г. об исключении подданных воюющих с Россией государств из состава всех российских учреждений), отдельные упомянутые случаи остались эксцессами, инициированными снизу.

В литературе уже поднимался вопрос о реакции отечественного университетского сообщества на вступление России в Первую мировую войну и об его отношении в этой связи к немецким ученым, и исследователи в основном склоняются к обоснованному выводу о том, что в академической среде антинемецкие настроения, характерные для российского общества в большей степени для начального этапа войны, не получили широкого распространения⁵⁵⁷.

⁵⁵⁵ ЦГИАУ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3318. Л. 13 – 13 об.

⁵⁵⁶ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 31 с.

⁵⁵⁷ Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127; Дмитриев А.Н. Мобилизация интеллекта:

Итак, архивные документы и другие исторические источники сохранили информацию о проявлении национального вопроса в университетской преподавательской среде на рубеже XIX–XX вв. Из приведенных выше сведений явствует, что по отношению к образовательной системе острее всего национальный вопрос стоял в университетах, расположенных на западных окраинах Российской Империи (ИДУ, ИВУ, ИУСвВ). Всю систему затрагивал неизменный «еврейский вопрос», помимо этого, приметой военного времени стал прежде не проявлявшийся «немецкий вопрос».

Бытовые трения на межнациональной почве следует признать, хоть и прискорбным, но психологически объяснимым явлением, вытекавшим из настороженного отношения к чужой культуре, различных фобий и предрассудков. Гораздо более опасной являлась политика ограничений для представителей отдельных наций, проводимая российским правительством в многонациональной

Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 196–235; Маурер Т. «Война умов» и общность европейцев. Размышления по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 57–78; Дмитриев А.Н. Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 236–255; Ростовцев Е.А. Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации? (Преподавательское сообщество Петроградского университета в годы Первой мировой войны) // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб, 2007. С. 191–194; Фукс Э. Влияние войны на международные научные связи // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 94–113; Черказьянова И.В. Немцы – российские ученые в годы Первой Мировой войны: эпизоды из истории Академии наук // Вопросы германской истории. 2008. С. 23–33; Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 308–324; Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории – уроки историка Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб, 2012. С. 308–315; Маурер Т. Сосуществование и сотрудничество: Полиэтнический Юрьевский университет во время Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. М., 2014. С. 427–434; Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Академический патриотизм: Пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3. С. 3–21.

империи в период роста национального самосознания народов, что сыграет не последнюю роль в грядущем распаде Российской Империи.

3.3. Ученые степени, должности и звания как элементы системы координат университетской карьеры

Комплектование штатов

Если проследить жизненные пути большинства университетских профессоров, можно обнаружить, что чаще всего преподавательская карьера представляла собой прямой путь: студент – профессорский стипендиат – приват-доцент – экстраординарный профессор – ординарный профессор. Встречались и исключения из этого правила. До перехода в университет будущие преподаватели порой несли службу в различных местах, в зависимости от специальности это могла быть государственная, военная служба, учительство, практическая медицина и т.д. Преподаватели-юристы нередко приходили из профессиональной сферы. Например, И.В. Михайловский становится в 1900 г. приват-доцентом ИУСвВ, будучи судьей⁵⁵⁸. Попав в сферу высшего образования, преподаватели, как правило, уже не оставляли ее, или, оставив, все-равно позднее возвращались. Так, будущий ординарный профессор по кафедре сельского хозяйства и технологии ИДУ Б.Ф. Бруннер после службы в Лейпцигском университете, перебравшись в Россию, некоторое время занимал место заведующего технической частью машиностроительного завода, затем был преподавателем математики в уездном училище, и только после этого (не работал в высшей школе 8 лет) был избран доцентом Дерптского ветеринарного института, еще через год – профессором ИДУ.

⁵⁵⁸ Чишков С.Л. Иосиф Викентьевич Михайловский: «Идея личности есть высшая нормативная идея» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 643. Получение научного звания приветствовалось в профессиональной среде, оно могло способствовать судейской карьере. Так, и И.В. Михайловский после защиты диссертации был повышен в должности – с городского судьи города Козельца Черниговской губернии до уездного члена суда по Козелецкому уезду.

Проблема генезиса научно-педагогической аттестации в дореволюционной России неоднократно поднималась в исторической литературе⁵⁵⁹, и мы не видим необходимости еще раз подробно описывать существовавшие в рассматриваемый период правила. Однако в настоящей работе есть потребность остановиться на характеристике того, как функционировали те или иные элементы научно-педагогической аттестации в «человеческом изменении».

Прежде чем обращаться к отдельным аспектам проблемы, приведем довольно обширный отрывок из письма А.Е. Преснякова, будущего известного историка, оставленного после окончания ИСПБУ (1893 г.) при кафедре русской истории столичного университета для подготовки к профессорскому званию. В эти годы он писал матери: «А моя ученая карьера? Ты, по-видимому, не знаешь, что это такое. Положим, оставляют меня при университете. Это значит, надо готовиться к магистерскому экзамену и писать диссертацию. Прежде диссертация была всем, а экзамен – пустою формальностью. [...] В лучшем случае экзамен сдают года через 2–3. Тогда становятся «магистрантом», получают право читать лекции. Затем – диссертация: от выбора темы зависит, сколько времени на нее надо. Но *minimum* – 5 лет, а обыкновенно больше. Затем вы магистр. [...] Сохраняете право читать лекции, если найдутся охотники слушать. Предполагается, что магистр пишет докторскую диссертацию. Но все это ученые степени, скажешь ты, а профессура? Профессура дается старшему доценту по вакансии. Так после Замысловского стал профессором Платонов, и я надеюсь, что

⁵⁵⁹ Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.; Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994; Матушанский Г., Завада Г. Послевузовская подготовка научно-педагогических кадров в России: ретроспективный взгляд // Высшее образование в России. 2008. № 5. С. 48–56; Хартанович М.Ф. Присвоение ученых степеней в России во второй половине XIX в. // История ученых степеней в России и Западной Европе (XII–XX вв.). Материалы научной конференции 14 февраля 1998 г. М., 1998. С. 67–73; Шаршунов В.А. История создания государственной системы аттестации ученых и педагогов в Российской империи // Проблемы управления. 2007. № 3 (24). С. 74–91; Якушев А.Н., Казначеев Д.А. Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени в Российской империи // Право и образование. 2006. № 3; Якушев А.Н., Кононова С. Присуждение ученых степеней в университетах Российской империи (статистический анализ) // Высшее образование в России. 2006. № 3. С. 147–150; Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Boehala Verlag; Koeln; Weimar; Wien, 1998. 245–254 s.

не доживу до того, чтобы в Петербургском университете был другой профессор русской истории, т[ак] к[ак] это значит, что Платонов скончался или ушел. А ему повезло. Ему всего 34–35 лет, и он профессор, а Милюков, его ровесник – человек с крупным именем в науке – доцент. [...] Ни магистерство, ни докторство, ни доцентура не составляют того, что мы зовем “положением”, не дают обеспечения. Их практичность в рекламе – в большей легкости попадать в разные столичные учебные заведения. [...] Быть университетским преподавателем в настоящем смысле этого слова может только профессор [...]. Положение это лично для меня недостижимо, потому что я если даже буду доцентом, то после Платонова – приблизительно десятым или одиннадцатым кандидатом на кафедру, а это мыльный пузырь. Моя ученая карьера в моей голове. Если в этой голове есть что-нибудь, то что-нибудь и выйдет, а нет – так и нет»⁵⁶⁰. Любопытно, что А.Е. Пресняков в отношении своих весьма пессимистических предположений об университетской карьере окажется во многом прав. Только в 1907 г. он получит приват-доцентуру, а магистерскую диссертацию защитит в 1909 г.; должности же профессора он добьется уже после революции, в 1918 г., некоторое время спустя после защиты в том же году докторской диссертации.

Остановимся на узловых элементах, из суммы которых складывалась карьера университетского профессора в дореволюционной России.

Механизм пополнения преподавательских кадров

Основным⁵⁶¹ механизмом пополнения преподавательских кадров был институт профессорских стипендиатов, функционирование которого в рассматриваемый период регулировалось министерским циркуляром от 21 мая 1884 г., а позднее – распоряжением МНП от 15 ноября 1910 г.

⁵⁶⁰ Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники, 1889–1927. СПб, 2005. С. 66–67.

⁵⁶¹ Альтернативный путь был актуален преимущественно для молодых медиков. Выпускники медицинских факультетов отечественных университетов, желавшие сделать научную карьеру, нередко назначались лаборантами, ординаторами, помощниками прозектора в университетские клиники. Выполняя практическую работу, они имели возможность накопить материал для научных исследований, подготовить и защитить диссертацию.

Введение в действие Положения о профессорских стипендиатах сопровождалось критикой со стороны МНП того, как в университетах было поставлено дело подготовки кадров. В мае 1884 г. министр И.Д. Делянов в циркулярном письме попечителям учебных округов указывал на то, что выделявшиеся на подготовку будущих профессоров средства не всегда приносят ожидаемую пользу и «не вполне содействуют замещению достойными представителями науки университетских кафедр». «Причиной этого служит – продолжал министр – то, что, как в деле избрания молодых людей для оставления при университете или командирования их за границу, так и в деле приготовления к профессорскому званию, слишком большой простор был предоставляем различного рода случайностям, и дело такой чрезвычайной важности не было подчинено каком-либо одному общему плану». Министр И.Д. Делянов подчеркивал, что ответственность за подготовку будущих преподавателей лежит на нынешних профессорах и декане факультета, указывал, что критериями отбора на профессорские стипендии или на командирование за границу должны быть «очень хороший аттестат», в частности, отличные оценки по предмету избираемой кафедры, достаточное знание языков, «способность правильно и свободно выражать свои мысли», «безупречная и надежная нравственность» и «другие нужные в преподавателе качества и надежное состояние здоровья (не имение болезней или предрасположения к болезням, могущим препятствовать прохождению профессорского поприща), засвидетельствованное университетским врачом». Приведя такой перечень, министр, впрочем, делал оговорку, что некоторое несоответствие кандидата одному из условий может быть компенсировано выдающимися качествами по другим критериям. В завершении послания особо отмечалось, что лица, участвовавшие в студенческие годы в беспорядках или «заявляли свою политическую неблагонадежность» не могут быть рекомендованы министерству ни на профессорские стипендии, ни на заграничные командировки, отчего вытекало требование прилагать к каждой рекомендации свидетельства университетской инспекции и местного

полицейского управления⁵⁶². Собственно, перечисленные выше критерии отбора профессорских стипендиатов и вошли в Положение 1884 г.

В 1880-е гг. на эту программу выдавалось 18 000 руб. ежегодно (при стипендии в 600 руб. их хватало на 30 человек). Например, с 1888 г. по 1898 г. в ИУСВВ ежегодно выделялось только по 4 казенных стипендии⁵⁶³. Со временем сумма, выделявшаяся по соответствующей статье, росла. По состоянию на 1907 г. на все университеты выделялось 21 000 руб., которых хватало на 35 профессорских стипендиатов (сумма в 600 руб. оставалась неизменной, лишь в 1909 г. размер стипендии вырос вдвое и составил 1 200 руб.)⁵⁶⁴. Однако в действительности, ежегодно подготовку проходило большее количество молодых людей, поскольку университеты могли готовить кадры еще и за счет собственных средств.

В 1901 г. на историко-филологическом факультете ИСПБУ имелось 2 казенных стипендии, еще 3 устанавливал факультет за счет различных сумм, при этом число ежегодно оставляемых при факультете лиц достигало 15–20, то есть $\frac{3}{4}$ их являлись вовсе необеспеченными⁵⁶⁵.

Помощь в финансировании подготовки к профессорскому званию оказывали и благотворители. Так, в 1881 г. был учрежден «Пироговский фонд»; процентами с капитала фонда могли по очереди пользоваться все университеты, которые ежегодно направляли по одному человеку в заграничную командировку для совершенствования в области анатомии и хирургии⁵⁶⁶.

По данным А.Е. Иванова, во всех российских университетах в 1900 г. было 184 профессорских стипендиата, проходивших подготовку в России, и еще

⁵⁶² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 287. Л. 9 – 11 об., 16–17.

⁵⁶³ Доклады Комиссии, избранной Советом Императорского университета Св. Владимира для разработки ответов на вопросы относительно устройства университетов. Киев, 1901. С. 56–57.

⁵⁶⁴ APW. Z. 214. S. 81. k. 183 ob.

⁵⁶⁵ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 2. СПб, 1903. С. 46.

⁵⁶⁶ APW. Z. 214. S. 113. k. 162.

19, командированных для подготовки диссертаций за границу; в 1913 г. первых насчитывалось 465, а вторых – 33⁵⁶⁷.

Профессора старались заботиться о своих учениках, прилагая усилия к тому, чтобы обеспечить их стипендиями. Так, профессор ИМУ М.М. Богословский 15 сентября 1915 г. оставил такую дневниковую запись о прошедшем факультетском заседании: «Устроил стипендии своим оставленным: Львову – Володи Павлова в 700 р[уб.], Рыбакову – Соловьева в 600 р[уб.], Новосельскому – Иловайского в 500 р[уб.]»⁵⁶⁸. Профессор Богословский перечисляет благотворительные стипендии для оставленных при ИМУ для приготовления к профессорскому и магистерскому званиям, обеспечивавшиеся процентами с пожертвованных капиталов: имени Володи Павлова, имени С.М. Соловьева и имени Сергея Иловайского.

Вместе с тем, сложившаяся практика функционирования института профессорских стипендиатов вызывала неизменные нарекания, причем с разных сторон: и от министерства, и от профессоров.

Вот, что отмечалось в «Докладе по вопросу об условиях подготовки преподавателей в высших учебных заведениях Министерства Народного Просвещения», подготовленного в связи с работой в 1901 г. комиссии по преобразованию высших учебных заведений: «Известен обычный порядок их оставления и жизни в университете, где назначение стипендии и ее продолжение являются нередко своего рода лотереей, надлежащее руководство профессора не обеспечено, магистерский экзамен не всегда носит научный характер, заграничная командировка – удел счастливейших, отзывы ученого комитета о занятиях стипендиатов за границей – незаслуженная им обида. Все же дальнейшая участь молодого ученого, который прошел благополучно все эти стадии в своей первоначальной ученой деятельности, остается совершенно не обеспеченной; что, конечно, заставляет его искать необходимого заработка, заниматься к явному

⁵⁶⁷ Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи: XVIII век – 1917 г. М., 1994. С. 81.

⁵⁶⁸ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 38 с.

ущербу своему призванию делами, не имеющими никакого отношения к предстоящей ему учено-педагогической деятельности»⁵⁶⁹.

Использованный в докладе образ лотереи – отсутствие справедливости и объективности при назначении на стипендию – можно развить. Источники доносят информацию о случаях не вполне обоснованного оставления при университетах для приготовления к профессорскому званию. Так, профессор ИМУ М.М. Богословский писал в дневнике 26 сентября 1915 г.: «Помешал мне [заниматься научной работой – М.Г.] явившийся из Казани оставленный там при университете С.А. Пионтковский⁵⁷⁰, державший государственные экзамены в бытность мою в Казани председателем комиссии. Он и тогда показался мне весьма недалеким *и оставлен был ради того, что сын профессора* (курсив мой – М.Г.). [...] Он хочет жить в Москве и просил позволения посещать семинарии. Представления о магистерском экзамене у него смутны. Битый час, как и в Казани, я ему разъяснял наши требования»⁵⁷¹.

Предметом для критики было то, что факультеты отстранены от принятия решений о том, кого из выпускников оставить для подготовки к профессорскому званию, так как право окончательного решения о кандидате на стипендию оставляло за собой МНП. «Коллегия профессоров университета вполне компетентна в оценке и суждении о научных заслугах деятелей и питомцев университета. Только профессорской коллегии принадлежит право организации новых кадров для приготовления молодых людей к профессорскому званию. Если профессорская коллегия устранена от этого дела, которое совершается помимо факультета, путем назначения, то этим колеблется и принцип академической свободы науки и самая вера в науку и доверие к даваемым ею ученым степеням,

⁵⁶⁹ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 3. СПб, 1903. С. 133.

⁵⁷⁰ Сергей Андреевич Пионтковский – сын Андрея Антоновича Пионтковского (1862–1915), доктора уголовного права, профессора ИКУ.

⁵⁷¹ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 41–42 с.

но этим же снимается ответственность с профессоров за состояние ученых кадров и даже за уровень науки в стране»⁵⁷².

Предложения выдвигались следующие: передать факультетам право самостоятельно определять профессорских стипендиатов; увеличить, число, размер содержания и продолжительность подготовки профессорских стипендиатов (по 5 стипендий на каждый факультет, 1 200 руб. в год, продолжительность – 3 года)⁵⁷³.

Любопытно, что немало споров вызвал вопрос о необходимости проводить конкурс среди желавших остаться при факультете. В частности, профессор С.Ф. Платонов предостерегал, что «при таком порядке исчезает совершенно моральная оценка аспиранта»⁵⁷⁴. При выборе лица профессором принимается во внимание личность во всей ее совокупности, что будет невозможно при конкурсной системе»⁵⁷⁵.

Министерство было готово тратить казенные средства на решение кадровых вопросов только отечественной науки. В декабре 1907 г. из МНП в ИВУ поступило довольно категоричное заявление, согласно которому «научные работы, представляемые в доказательство успешности занятий, не могут быть излагаемы на польском языке. Министерство отпускает средства на приготовление профессоров для русских, а не для иностранных университетов. Подготовка будущих ученых, недостаточно владеющих русским языком и игнорирующих русскую литературу, не может входить в задачи Правительства»⁵⁷⁶. При этом, как известно, заграничная подготовка будущих русских профессоров весьма приветствовалась, но по поводу того, как профессорские стипендиаты проходили подготовку за границей, МНП тоже регулярно выражало недовольство. В министерском циркуляре 1896 г.

⁵⁷² Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 3. СПб, 1903. С. 135.

⁵⁷³ Труды... Вып. 2. СПб, 1903. С. 55–56.

⁵⁷⁴ В лексиконе начала XX века это слово применялось в значении «кандидат», здесь – кандидат на звание профессорского стипендиата.

⁵⁷⁵ Труды... Вып. 2. СПб, 1903. С. 47.

⁵⁷⁶ APW. Z. 214. S. 27. k. 1 ob.

отмечалось: «Весьма часто усматривается, что эти лица отступают в своих занятиях от данных им инструкций, без всякого на это надлежащего разрешения. [...] Отчеты нередко представляются в Министерство написанными весьма неразборчивым почерком, с разными исправлениями и пометками». МНП требовало, чтобы «командируемые с ученою целью за границу молодые люди, в случае отступления от данной им инструкции, предварительно испрашивали на то разрешение факультетов, и, во 2-х, чтобы отчеты, имеющие поступить на рассмотрение в Министерство, написаны были четким и свободным от исправлений и пометок почерком»⁵⁷⁷.

И все же незадолго до начала Первой мировой войны министерство решило сосредоточить подготовку научных кадров в европейских центрах. В 1911 г. МНП разослало попечителям учебных округов письмо следующего содержания: «озабочиваясь вообще возможно широкой постановкой дела таковой научной подготовки, Министерство наряду с существующим порядком оставления молодых людей для приготовления к профессорской деятельности при университетах и других высших учебных заведениях с командированием их, в отдельных случаях, за границу, предполагает независимо от сего, основываясь на опыте существовавших в 80-х годах минувшего столетия особых курсов по римскому праву при Берлинском университете, давших нашим университетам целый ряд выдающихся профессоров, организовать на тех же приблизительно основаниях при некоторых университетах Западной Европы особые институты или курсы для подготовки молодых людей, получивших в России высшее образование, к дальнейшей научной деятельности.

Таковые курсы намечены Министерством в следующих центрах Западной Европы:

в Берлине — для подготовки юристов по римскому, гражданскому и уголовному праву,

в Тюбингене — для наук биологических и физики,

⁵⁷⁷ APW. Z. 214. S. 113. k. 88 – 88 ob.; APW. Z. 214. S. 485. k. 307 ob.

в Париже – для наук математических и по наукам юридическим, для дисциплин: 1) цивильно и 2) государственно-правовых (право государственное, административное, международное)

и, наконец, в Карлсруэ – по механике и прикладным наукам».

При этом МНП обращалось к попечителям с просьбой «в видах заблаговременного осведомления Министерства о лицах, которые заслуживали бы откомандирования для занятий на означенных курсах, ныне же озаботиться собранием соответствующих справок и предположений по высшим учебным заведениям вверенного Вам округа с сообщением таковых в Министерство»⁵⁷⁸.

Впрочем, из-за начавшейся мировой войны этот план так и не успел в полной мере реализоваться. В 1915 г. совет физико-математического факультета ИМУ выступил с предложением, чтобы средства, которые выделялись МНП на организацию «заграничного семинария», были переданы отечественным университетам⁵⁷⁹. Однако, в условиях затягивавшейся войны приоритеты правительства уже лежали вне проблем просвещения.

По подсчетам С.А. Некрылова и С.Ф. Фоминых, за всю дореволюционную историю ИТУ через институт профессорских стипендиатов прошло только 9 человек⁵⁸⁰.

Представление об эффективности функционирования института профессорских стипендиатов дают сводные данные по трем факультетам ИКУ за 15 лет – с 1 января 1886 г. по 1 января 1901 г. Согласно этим данным, за указанный период в университете (без учета медицинского факультета) были оставлены для приготовления к профессорскому званию 52 человека (11 – на историко-филологическом, 19 – на физико-математическом, 22 – на юридическом факультете). На историко-филологическом факультете из 11 оставленных 5 были

⁵⁷⁸ APW. Z. 214. S. 485. k. 411 – 411 ob.

⁵⁷⁹ Сибирская жизнь. 1915. 7 февраля.

⁵⁸⁰ Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Императорского Томского университета) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Под редакцией М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. С. 60.

еще и командированы за границу; на физико-математическом факультете – 2 из 19; на юридическом факультете – 6 из 22. Итого – 13 из 52. Защитили же диссертации на историко-филологическом факультете – 2 из 11; на физико-математическом факультете – 7 из 19; на юридическом факультете – только 1 из 22. Итого – 10 из 52⁵⁸¹. Этот не очень впечатляющий показатель эффективности несколько смягчается тем, что в сводных данных, готовившихся летом 1901 г., были учтены в числе прочих те молодые исследователи, которые совсем недавно были оставлены при университете и, естественно, не могли еще подготовить и защитить диссертации. Аналогичные сведения были нами обнаружены по истории ИВУ. В списках, подготовленных по запросу МНП в начале 1902 г., значатся только 19 фамилий лиц, оставленных для подготовки к профессорскому званию при кафедрах историко-филологического, юридического и физико-математического факультетов за 15 лет. Из них 6 было командировано за границу. Из 19 упомянутых молодых исследователей к концу 1891 г. магистерскую диссертацию защитили 5 (из них 2 – уже успели защитить докторские диссертации)⁵⁸². Из приведенных сведений видно, что в конце XIX в. в ИКУ и ИВУ для защищавшихся в двух университетах была вполне сопоставима: 19,2 % и 26,3 %.

Степени, звания

Защита диссертаций и, в первую очередь, процедура замещения вакантных должностей играли роль пропуска в университетскую преподавательскую корпорацию. Обратимся к характеристике некоторых особенностей подготовки диссертации и процедуры защиты диссертаций на рубеже XIX–XX вв.

Очень немногим лицам, готовившим диссертации, удавалось уложиться в штатные сроки (в случае подготовки магистерской диссертации). Правление ИНУ сообщало попечителю Одесского учебного округа Х.П. Сольскому в декабре 1899 г.: «Приготовление себя к профессорскому званию при современном развитии наук и при обширности программ представляет такие затруднения, что

⁵⁸¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10464. Л. 5–29.

⁵⁸² APW. Z. 214. S. 113. k. 124–142.

только молодые люди исключительных дарований могут добросовестно подготовиться к магистерскому испытанию в 2 года; большинство же молодых людей, впоследствии оказавшихся вполне на высоте своей задачи, употребляют на приготовление себя от 3-х до 6-ти лет»⁵⁸³.

Подготовка докторской диссертации преподавателей нередко затягивалась на многие годы. Попечитель Варшавского учебного округа В.И. Беляев писал ректору ИВУ Е.Ф. Карскому 11 марта 1908 г.: «В виду того, что неимение степени доктора во многих случаях препятствовало служебному продвижению некоторых экстраординарных профессоров Варшавского университета [...] бывшим Министром Народного Просвещения неоднократно испрашивалось ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на предоставление таким лицам высших профессорских должностей в изъятие из закона. [...] Признавая, что дальнейшее замещение кафедр профессорами без требуемого ценза, допустимое в виде временной меры, сделалось обычным явлением [...], г. Министр Народного Просвещения, от 26 февраля с[его] г[ода] за № 5228, просит меня напомнить г[осподам] и[справляющим] д[олжность] профессоров о лежащем на них нравственном долге в отношении приобретения высшей ученой степени доктора и с тем вместе получить от них [...] сведения о том, в какой срок они предполагают приобрести означенную степень»⁵⁸⁴.

В течение нескольких дней в адрес ректора от девяти преподавателей был получен ответ.

Ф.Ф. Зигель, и.д. ординарного профессора кафедры истории славянских законодательств, писал: «причины, делающие для меня приобретение докторской степени крайне затруднительным, пожалуй, даже невозможным, заключаются в отсутствии в наших университетах занимаемой моею кафедрой и в необходимости сосредоточить все мое внимание не на специальные исследования, долженствующие составлять предмет докторской диссертации, а на научную постановку целого предмета, что должно выразиться в издании полного курса

⁵⁸³ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 367. Л. 2 об.

⁵⁸⁴ APW. Z. 214. S. 27. k. 23; APW. Z. 214. S. 81. k. 123 – 123 ob.

истории славянского права. Что касается первой причины, то даже получение мною магистерской степени было сопряжено с немалыми затруднениями, ибо среди профессоров-юристов не было лиц, знающих славянские языки и юридические сочинения, написанные на польском, чешском и сербском языках»⁵⁸⁵.

И.д. ординарного профессора по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства В.В. Есипов представил список своих трудов (58 работ), добавив, что «непрерывное издание коих свидетельствует о моей научной продуктивности и о том, что возможно рассчитывать на получение мною докторской степени в ближайшем будущем»⁵⁸⁶.

И.д. ординарного профессора по кафедре фармакологии и фармакогнозии Д.Л. Давыдов, ссылаясь на Врачебный устав, указывал, что по «фармацевтической части» самой высшей степенью является степень магистра фармации и обращал внимание на то, что «эту самую высшую фармацевтическую степень, которую я получил в 1886 г. можно было бы в видах придавания мне звания ординарного профессора приравнять к степени доктора медицины». Вместе с тем Д.Л. Давыдов просил ректора разрешить ему, не оставляя профессорской должности, прослушать курс наук медицинского факультета и держать экзамены на лекаря и доктора медицины⁵⁸⁷.

И.д. ординарного профессора по кафедре государственного права А.Л. Блок сообщал: «приобретение мною степени доктора государственного права зависит от представления и допущения к защите всей моей давно предпринятой работы [...], часть которой я предполагаю отпечатать в нынешнем году [...], а остальную [...] – в одном из следующих»⁵⁸⁸.

С.И. Вехов, и.д. ординарного профессора кафедры римской словесности, отвечал на запрос следующим образом: «как до, так и после назначения и.д. ординарного профессора я имел в виду интересы дела, употребляя свободное от

⁵⁸⁵ APW. Z. 214. S. 81. k. 128.

⁵⁸⁶ APW. Z. 214. S. 81. k. 132.

⁵⁸⁷ APW. Z. 214. S. 81. k. 133.

⁵⁸⁸ APW. Z. 214. S. 81. k. 136.

служебных занятий время главным образом для расширения и углубления своих познаний в науках, входящих в состав занимаемой мною кафедры». Профессор сообщал, что им было прочитано студентам 30 курсов и то, что «для окончания моей работы, которая затем могла бы быть представлена в качестве докторской диссертации, по моему приблизительному расчёту, необходимо при служебных занятиях еще около двух лет»⁵⁸⁹.

Большую степень гарантии скорой защиты смогли дать только три человека. В.К. Роше, доцент кафедры физики давал обещание завершить работу над диссертацией «к началу, а в случае непредвиденных задержек, к концу осеннего семестра»⁵⁹⁰. Е.В. Спекторский, и.д. доцента по кафедре энциклопедии права, писал, что в 1909 г. он планирует издать второй выпуск «Очерков по философии общественных наук» и представить его в качестве диссертации на степень магистра⁵⁹¹. И.д. доцента по кафедре славянской филологии В.А. Погорелов заверял, что его «диссертация [магистерская – М.Г.] печатается в настоящее время в одном из томов Сборника отделения русского яз[ыка] и словесности Императорской Академии Наук»⁵⁹².

Если взглянуть на дальнейшую университетскую карьеру вышеперечисленных варшавских преподавателей, мы обнаружим, что никто из и.д. профессоров, не бравших на себя обязательств в скором времени защитить докторскую диссертацию, так её и не защитит, включая С.И. Вехова, занявшего в 1914 г. пост ректора. Что касается группы и.д. доцентов, то В.К. Роше покинет 1911 г. ИВУ, не защитив к тому времени магистерскую диссертацию. А вот Е.В. Спекторский и В.А. Погорелов это все-таки сделают.

Спустя 5 лет вопрос о состоянии подготовки докторских диссертаций был поднят в запросе попечителя Казанского учебного округа Н.К. Кульчицкого на имя ректора ИНСУ П.П. Заболотнова. Запрос касался лиц, которые будучи магистрами, были во время открытия университета назначены

⁵⁸⁹ APW. Z. 214. S. 81. k. 135, 139.

⁵⁹⁰ APW. Z. 214. S. 81. k. 129.

⁵⁹¹ APW. Z. 214. S. 81. k. 130.

⁵⁹² APW. Z. 214. S. 81. k. 137.

и.д. экстраординарных профессоров⁵⁹³. В ИНСУ таких оказалось два человека – В.Д. Зёрнов и Р.Ф. Холлман. Ни тот, ни другой диссертаций не защитили. Давая свои комментарии на запрос попечителя, В.Д. Зёрнов и Р.Ф. Холлман обосновали это, прибегнув фактически к одним и тем же формулировкам: во время приглашения их занять должность в Саратове «вопрос о сроках приобретения [...] ученой степени доктора затронут не был». При этом, если Р.Ф. Холлман брал на себя обязательства в будущем приобрести-таки степень доктора, то В.Д. Зёрнов писал, что никакого «срочного обязательства» взять на себя не может⁵⁹⁴. К слову, заметим, что Р.Ф. Холлман, рано ушедший из жизни (в 1921 г.) так и не защитит докторской диссертации, а В.Д. Зёрнов приобретет ученую степень доктора физико-математических наук лишь в советское время (1937 г.).

Уже написанные и поступившие в советы факультетов диссертационные работы должны были пройти научную экспертизу. Процесс этот также нередко затягивался. Попечитель Варшавского учебного округа Г.В. Левицкий писал ректору ИВУ И.Н. Трепицыну 30 января 1914 г.: «В виду имеющихся в министерстве сведений о крайне медленном рассмотрении диссертаций, представленных на соискание ученых степеней магистра и доктора, г[осподин] Министр народного просвещения просит меня подтвердить вверенному Вам университету, что время на рассмотрения представленной на искомую степень работы и для заслушания отзыва о диссертации факультетом не должно превышать шести месяцев, считая со дня представления работы факультету; при этом, если конец указанного срока приходится в каникулярное время, отзыв о диссертации должен обсуждаться в ближайшем после окончания каникул факультетском заседании. [...] Прошу Вас о представленных факультетом диссертациях и о времени заслушания отзывов доносить мне по окончании каждого учебного полугодия, для сообщения в Министерство»⁵⁹⁵.

⁵⁹³ Высочайшим повелением 9 марта 1902 г. лицам, имеющим степень магистра, было дозволено становиться и.д. экстраординарных профессоров при условии защиты докторской диссертации в 3-летний срок.

⁵⁹⁴ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 350. Л. 1, 5–7.

⁵⁹⁵ APW. Z. 214. S. 473. k. 129.

Профессор ИМУ М.М. Богословский 3 ноября 1915 г. оставил такую запись, относящуюся к тому же вопросу: «Стычка была с М.Н. Сперанским, затянувшим представление отзыва о книге Шамбинаго более чем на год, тогда как по трем циркулярам министра, крайне категорическим и, надо сказать, вполне справедливым, отзывы о диссертациях должны представляться в шестимесячный срок. Сперанский начал юлить, ссылаясь на соглашение с С.К. Шамбинаго. Я выразил удивление, как можно распоряжения министра, акты публичного права, уничтожать частными сделками. Декан объявил, что поставит отзыв о Шамбинаго на повестку следующего заседания. Сперанский стал говорить, что он один профессор по своей кафедре, что он перегружен занятиями, что он поэтому отзыва представить через две недели не сможет. (Это после 2-х лет, как он держит в руках книгу Шамбинаго! в двух ее редакциях.) Декан поставил вопрос на баллотировку. Сперанский стал говорить, что пусть лучше его уволят от составления отзыва! М.К. Любавский совершенно его ошельмовал, сказав, что как ректор может дать ему отпуск на 8 дней, если он действительно перегружен занятиями. Надо только подать прошение. Это Сперанский и согласился сделать»⁵⁹⁶.

Спустя две недели профессор М.Н. Сперанский представил свой отзыв. Вот что об этом записал в дневнике М.М. Богословский (17 ноября 1915 г.) «М.Н. Сперанский читал около часу свой отзыв о книге Шамбинаго, написанный туманно, расплывчато и водянисто, с неоднократными утомительными повторениями, однако содержащий указания [не только] на отрицательные стороны книги, чего мы ожидали, но и на положительные, и последних было немало. От заключения, т. е. заслуживает ли книга быть допущенной, он странным и глупым образом воздержался. Второй отзыв приват-доцента Орлова также продолжался более 50 минут, но был составлен ясно, конкретно и дельно и хорошо прочтен. [...] Так все кончилось с этой книгой благополучно. Разумеется, что, если бы Сперанский встретил в ком-либо поддержку, он склонился бы в

⁵⁹⁶ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 49.

отрицательную сторону своего отзыва. Вот удобство таких отзывов и за, и против без определенного решения»⁵⁹⁷.

При предварительном обсуждении работ, представленных в качестве диссертаций, нередкими были «столкновения» между профессорами. Например, такого рода конфликт произошел в ИКУ при обсуждении докторской диссертации по зоологии приват-доцента И.П. Забусова. Отзыв профессора Э.К. Мейера на диссертацию И.П. Забусова был положительным. Против положительной оценки категорично выступал профессор Е.П. Головин. В ходе дискуссии дело дошло до взаимных оскорблений двух профессоров⁵⁹⁸.

П.В. Танеев, учившийся в 1890-х гг. в ИМУ, оставил воспоминания о таком случае: «В этом же году [1893] в Московский университет представил свою диссертацию на степень магистра физики молодой приват-доцент князь Борис Борисович Голицын. Его диссертация была написана на тему: “Исследования по математической физике”. Труд этот, по постановлению физико-математического факультета, поступил к Столетову на заключение. А<лександр> Г<ригорьевич> нашел в нем много ошибок и неточностей и просил факультет поручить составить отзыв еще и другому профессору физики, Алексею Петровичу Соколову. Последний вполне согласился с мнением Столетова. Голицыну предложили его работу исправить, но он отказался. Без исправлений и Столетов, и Соколов считали работу Голицына негодной, и ее забраковали.

Для того, чтобы прийти на помощь зарвавшемуся князю, попечитель Московского учебного округа граф Капнист предпринял ряд незаконных и подлых мероприятий. Столетову и Соколову было предписано дать положительное заключение о диссертации Голицына; вопрос о ней был поставлен, как полагалось, на заседании факультета, но вместо декана проф[ессора] П.А. Некрасова председательствовал попечитель Капнист. Таким образом, предполагалось решить вопрос благожелательно для диссертанта. На этом заседании факультета декан Некрасов резко критиковал отзыв Столетова и

⁵⁹⁷ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 52.

⁵⁹⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 17856. Л. 1–3.

Соколова, и было зачитано наглое письмо Голицына. Столетов выступил с защитой своего мнения. Большинство членов факультета во всех подобных делах руководствовалось по отношению к начальству девизом “что изволите приказать” и отнеслось ко всем этим действиям учебного округа, декана и диссертанта индифферентно, а часть профессоров даже приняла сторону начальства. Но, конечно, К.А. Тимирязев твердо встал на защиту Столетова. Климент Аркадьевич произнес в факультетском заседании яркую речь, исчерпывающую вопрос, и резко и смело охарактеризовал присланное Голицыным письмо как дерзкое и нахальное. В нем диссертант требовал от факультета отклонения неблагоприятного отзыва специалистов и поручения вторично рассмотреть его труд представителям других специальностей. Климент Аркадьевич представил все сказанное в речи в виде особого мнения. По поводу выступления проф[ессора] Некрасова Климент Аркадьевич высказал свое резкое суждение и представил в факультет тоже особое мнение. В этом мнении К<лимент> А<ркадьевич> указывал Некрасову на незаконность его действий, их оскорбительность для факультета и особенно для профессоров Столетова и Соколова»⁵⁹⁹. Отметим, что в 1893 г. Б.Б. Голицин все-таки так и не был допущен к защите.

Обратим внимание на некоторые обстоятельства, которые отличали процедуру защиты диссертаций рассматриваемого периода от защит в советские или постсоветские годы. Так, дореволюционный диссертант должен был напечатать (как правило, за счет университета) 300 экземпляров диссертации. Заметим, что именно в начале XX в. начинала складываться система обмена диссертациями между университетами. В министерском постановлении 1904 г. подчеркивалось, что «в книжной торговле [...] диссертации часто не могут быть приобретаемы, особенно по прошествии некоторого времени после выхода их из печати» и рекомендовалось, чтобы «русские университеты впредь взаимно высылали для университетских библиотек соответствующие диссертации, а также

⁵⁹⁹ Танеев П.В. Воспоминания о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989. С. 524–525.

обменивались и ранее появившимися, насколько такой обмен ныне является выполнимым»⁶⁰⁰.

Оппонентами по диссертации могли быть исключительно члены факультета, принявшего диссертацию к защите. Показательный случай произошел в ИВУ в ноябре 1908 г. Физико-математический факультет ходатайствовал перед университетским советом о приглашении в качестве оппонента на защиту магистерской диссертации П.А. Православлева профессора ИУСвВ Н.И. Андрусова и о возмещении ему путевых расходов в 150 руб. В ответ на замечание ректора Е.Ф. Карского о противоречии этого предложения Положению об испытаниях на ученые степени от 4 января 1864 г. декан П.И. Митрофанов заявил, что два официальных оппонента из числа членов совета уже назначены, но дополнительно факультет хотел бы, чтобы в диспуте принял участие киевский профессор Н.И. Андрусов как специалист по теме диссертации. Вопрос вызвал разногласия и был поставлен на голосование, в результате которого голосами 19 членов совета против 11 в приглашении профессора Н.И. Андрусова было всё-таки отказано⁶⁰¹.

В отличие от наших дней, вторыми оппонентами на защитах диссертаций могли быть лица, не имевшие той степени, на которую претендовал диссертант. Так, П.Г. Виноградов 1879 г., будучи приват-доцентом ИМУ был назначен оппонентом по магистерской диссертации Н.И. Кареева⁶⁰². Известна практика назначения «запасных оппонентов» на случай неявки основных⁶⁰³.

Защита диссертации (диспут) могла устраиваться даже в воскресный день. Например, на 3 октября 1904 г. был назначен диспут по диссертации приват-доцента ИУСвВ В. Железнова⁶⁰⁴. М.М. Богословский оставил дневниковые записи

⁶⁰⁰ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 16. Ч. 1. 1904 г. СПб, 1907. Стлб. 113–114.

⁶⁰¹ APW. Z. 214. S. 27. k. 254.

⁶⁰² Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С. 163.

⁶⁰³ Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Попечитель Московского учебного округа // Русский Архив. 1906. № 7. С. 473.

⁶⁰⁴ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1904). Д. 15 Л. 13.

о диспуте П.Н. Сакулина, который состоялся в воскресенье 13 октября 1913 г., о диспуте Д.Н. Егорова – в воскресенье 28 февраля 1916 г.⁶⁰⁵

На защиту диссертации основным участникам следовало являться во фраке, о чем вспоминал, например, И.Ю. Крачковский⁶⁰⁶.

Как правило, диспуты становились важным событием городской жизни, на них регулярно присутствовала публика. Более того, для её привлечения в местных газетах делались анонсы о предстоявших защитах. В.И. Пичета, учившийся на историко-филологическом факультета ИМУ на рубеже 1880–1890-х гг., оставил воспоминания о защите магистерской диссертации Н.А. Котляревского в 1899 г.: «Я хорошо помню диспут Н.А. Котляревского, защищавшего диссертацию на тему “Мировая скорбь”. Актный зал был полон, и преобладало не студенчество: театральный мир, литераторы, журналисты, адвокаты, представители московской интеллигенции. Н.А. Котляревский был блестящим оратором, и его вступительное слово [...] произвело сильное впечатление. На диспуте царила все время атмосфера уюта, ласки и доброжелательства. Н.И. Стороженко, одна сплошная доброта, и А.Н. Веселовский дали общую оценку книге, ограничившись отдельными замечаниями. И его оппонент В.И. Герье поблагодарил автора за снисходительное отношение к Руссо, [заявив], что он с удовольствием присудил бы ему степень магистра всеобщей истории. Эта атмосфера взаимного любования была расстроена выступлением молодого В.М. Фриче [...], который подошел к книге с идеологической точки зрения. Надо отметить, что “большой барин” Котляревский сначала отнесся довольно пренебрежительно к выступлению Фриче, почти не слушал его и даже разговаривал с кем-то с факультета. Но все-таки возражения Фриче, в основе марксистские, были так сильны, что Котляревскому пришлось уже защищать идеологическую сторону своей книги, что он и делал крайне разухабисто и самоуверенно. Профессорская братия была

⁶⁰⁵ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 28, 75.

⁶⁰⁶ Крачковский И.Ю. Впервые оппонентом на диссертации // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 144.

очень недовольна выступлением Фриче, но ничего нельзя было поделать на диспуте царила свобода слова»⁶⁰⁷.

И.Ю. Крачковский вспоминал эпизод на защите магистерской диссертации приват-доцента А.Э. Шмидта: «Одна присутствующая на диспуте дама, мало знакомая с обычной процедурой, очень обижалась за нападки на А.Э. Шмидта, как ей показалось, и вслух выражала свое негодование. Александру Эдуардовичу стоило немалого труда впоследствии несколько ее успокоить»⁶⁰⁸.

В тоже время, упомянутый выше В.И. Пичета отмечал изменение после первой революции состава публики, посещавшей диспуты в ИМУ: «Интересной стороной университетской жизни были диспуты – защиты диссертаций. Я их с удовольствием посещал [...]. Диспуты собирали очень много публики. Это было очень любопытно, тем более что после революции 1905 г. на диспутах, кроме студентов и профессоров и небольшой группы знакомых, посторонних лиц почти не бывало. Безусловно, диспуты были событием общественного характера, крайне важным в эпоху той реакции, в которую погрузилась дворянская Россия в конце XIX и начале XX в. На диспутах искали живого слова, живой мысли, ибо где-нибудь в другом месте их нельзя было высказать»⁶⁰⁹.

Обычная продолжительность диспута составляла два–три часа, хотя современники отмечали и исключительные по продолжительности защиты. Так, М.М. Богословский 6 октября 1913 г. записал о защите приват-доцента ИХУ Е.Г. Кагарова: «был уже седьмой час в исходе, а диспут начался в 1 ½ – и я ушел. Кажется, с 1906 г. не было диспута по классической филологии, и наши классики с накопленными свежими силами набросились на бедного магистранта, как голодные на желанную и давножданную добычу»⁶¹⁰. О диспуте Д.Н. Егорова

⁶⁰⁷ Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989. С. 593.

⁶⁰⁸ Крачковский И.Ю. Впервые оппонентом на диссертации // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 144.

⁶⁰⁹ Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989. С. 592.

⁶¹⁰ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания

28 февраля 1916 г. М.М. Богословский оставил такую запись: «Диспут был длиннейшим из всех, какие я помню, начиная с 1886 года, он окончился в половине девятого, начавшись в половине второго»⁶¹¹.

Диспуты привлекали как представителей ученого мира, так и любопытствовавших горожан наличием научного спора, что всегда прибавляло процедуре защиты диссертации зрелищности.

В делах ИУСвВ встречается информация о столкновении между официальными оппонентами приват-доцентом В.В. Подвысоцким и ординарным профессором М.И. Стуковенковым на диспуте лекаря И.И. Судакевича в 1888 г. О конфликте было доложено в МНП. Из описания конфликта следует, что после выступления всех оппонентов приват-доцент В.В. Подвысоцкий попросил слово вторично и в своем выступлении «вместо возражений дефенденту направил свои возражения против положений, высказанных профессором М.И. Стуковенковым». Более того, приват-доцент В.В. Подвысоцкий обратился к докторанту со словами: «Я настоятельно требую, чтобы Вы отказались от Ваших слов, которыми Вы согласились с мнением, высказанным Вам одним из оппонентов»⁶¹². Реакция министра И.Д. Деянова, выраженная в письме попечителю, была следующей: «Рассмотрев настоящее дело, я нахожу, что несогласия научного характера между оппонентами могут иметь место на всяком диспуте и нельзя считать таковые предосудительными; но, само собою, разумеется, что эти несогласия, как бы значительны они ни были, должны быть выражаемы в форме приличной, без вызывающих жестов и без тона, показывающего в говорящем раздражение». Нарушившим приличия был признан В.В. Подвысоцкий, за что ему было поставлено на вид⁶¹³.

М.М. Богословский в воспоминаниях описывал случай на диспуте по магистерской диссертации приват-доцента ИУСвВ А.Н. Гилярова, который происходил в ИМУ в 1888 г. Когда один из оппонентов, профессор Н.Я. Грот,

Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 28.

⁶¹¹ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 75.

⁶¹² ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1888). Д. 3. Л. 1, 2 об.

⁶¹³ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1888). Д. 3. Л. 5 – 5 об.

стал указывать на недостатки диссертации, А.Н. Гиляров «совершенно неожиданно для всех, вынимая письмо из бокового кармана, воскликнул: “А кто мне писал, что это – блестящая диссертация?”». Как выяснилось, профессор Н.Я. Грот ранее дал положительный отзыв на книгу А.Н. Гилярова, защищаемую в качестве диссертации, но позже поменял свое мнение. Чтобы выйти из ситуации, Н.Я. Грот заявил, что «тогда он писал как частное лицо, а теперь дает отзыв как официальный оппонент»⁶¹⁴.

Не часто, но источники доносят сведения об отрицательных отзывах. Так, в 1915 г. профессор ИВУ В.А. Гаген дал отрицательный отзыв на диссертацию Я.М. Гороховского «Административная юстиция на Западе и в России»⁶¹⁵.

Для полноты картины обратимся к статистике. В 1886–1899 гг. степень магистра в России была присуждена 358 человекам, а за тот же период в 1900–1913 гг. – 447. В 1886–1899 гг. в университетах было защищено 1 108 докторских диссертаций, в 1900–1913 гг. – 754⁶¹⁶.

Дискуссия о количестве научных степеней. На рубеже веков вопрос о количестве диссертаций и, соответственно, о числе ученых степеней являлся дискуссионным. Как известно, российскую систему отличало от европейской большая дифференциация ученых степеней. Современный украинский исследователь С.И. Посохов связывает сохранение в России степеней магистра и доктора с «сословно ранжированным российским обществом», полагая, что ученые степени имели здесь табельно-должностной статус и были связаны со всей иерархической социальной системой России⁶¹⁷.

Вопрос о целесообразности двух степеней поднимался на совещаниях комиссии по преобразованию высших учебных заведений в 1902 г. Три заседания (XXV, XXVI и XXVII) были посвящены обсуждению вопроса об ученых степенях

⁶¹⁴ Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 83–84.

⁶¹⁵ APW. Z. 214. S. 484. k. 63 ob.

⁶¹⁶ Шаповалов В.А., Якушев А.Н. Историко-статистические материалы по университетам России о количестве лиц, утвержденных в ученых степенях и учено-практических медицинских званиях (1794–1917 гг.): справ, пособие. СПб, 1995. С. 148–203.

⁶¹⁷ Посохов С.И. «Считаю для себя неприличным...»: Этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX – начала XX вв. // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2012. Вип. 11. С. 135.

(причем этого вопроса не было в первоначальном министерском списке). Обсуждался порядок (процедура) защиты, разряды ученых степеней.

Мнения звучали разные. Например, Совет ИВУ высказался за то, чтобы ученая степень была одна – доктора, которая и давала бы право на профессорское звание. Однако абсолютным большинством членов Комиссии это предложение было отвергнуто. Выступавшие в дебатах указывали на недопустимость понижения требований к аттестации профессорско-преподавательского корпуса, высказывали опасение, что установление одной степени ударит по университетской науке. Профессор Демидовского юридического лица И.Я. Гурлянд в прениях так сформулировал свою позицию: «Нельзя сомневаться в том, что установление ученых степеней вовсе не является необходимым условием для выработки ученого. Но в настоящее время, в особенности для России, где, по сравнению с Западной Европой, отсутствуют другие факторы, способствующие развитию научной деятельности, сохранение двух ученых степеней, как некоторого стимула к научной работе, является вполне целесообразным. Не следует забывать, что такими могущественными факторами на Западе являются сильно развитое общественное мнение и серьезно поставленная ученая критика, гарантирующая правильный выбор преподавателей и надлежащую оценку их трудов»⁶¹⁸. В целом комиссия рекомендовала сохранить две ученых степени, но за пределами работы комиссии дискуссия не останавливалась. На сокращении количества «казенных диссертаций» настаивал и профессор ИТУ И.В. Михайловский, придавая при этом большое значение магистерскому экзамену, «этой прекрасной гарантии усвоения основ [...] науки»⁶¹⁹. Противоположного мнения придерживался профессор ИНУ И.А. Линниченко. В частных записках он оставил такое мнение: «Мы не можем согласиться с сокращением ученых степеней до одной только – докторской. Ученая степень магистра должна быть оставлена. Она должна давать право на доцентуру.

⁶¹⁸ Труды... Вып. 2. СПб, 1903. С. 64.

⁶¹⁹ Михайловский И.В. Университет и наука. Томск, 1908. С. 12.

Профессором же может быть только доктор. Нужно повышать, а не понижать ученый профессорский ценз»⁶²⁰.

Профессор ИХУ В.Я. Данилевский, работая над авторским проектом университетского устава, еще в 1888 г. обобщил известные ему аргументы за существование одной и двух ученых степеней.

Аргументы за одну ученую степень.

– «Ценность научной деятельности тем выше, чем менее замешаны посторонние, внешние побуждения, чем более её стимул привлекается к идеальным свободным стремлениям развивающегося интеллекта».

– «Облегченное приобретение формального права на получение профессуры содействует увеличению числа лиц, посвящающих себя ученой карьере». «Есть основание надеяться, что устранение сложных условий к достижению высшей ученой степени, условий строго регламентированных и отчасти даже устрашающих, может вызвать усиленный приток молодых ученых сил».

– Университеты могли бы предъявлять к претендентам на профессорские вакансии собственные требования, которые несводимы к ученой степени. Такие требования «менее вредны для дела, чем излишняя регламентация и однообразие требований, которые несовместимы с духом научной работы».

– «Заграницей такого решающего значения, как в России, докторская степень вовсе не имеет по отношению к замещению профессорской вакансии». «Необходима апробация всех научных трудов и заслуг во всей их совокупности». «Замещение кафедр только по формальному критерию, именно по наличности ученой степени, знаменует собою период упадка научной продуктивности».

– «Достижение двух ученых степеней нередко вызывает такое громадное расходование сил, энергии и времени, что вслед за тем [...] наступает реакция охлаждения и надолго приостанавливается творческая научная деятельность». «В научной деятельности нужно предоставить возможно широкий простор и свободу индивидуальности молодого человека и не стеснять его [...] рамками всяческих испытаний по приобретению ученой степени».

⁶²⁰ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

– «Получение двух степеней требует обыкновенно не менее 8–10 лет, а иногда и больше. В течение этого времени необеспеченность положения [...] может на иного оказать удручающее влияние, или даже отворотить от ученой карьеры и вызвать угасание таланта и любви к науке».

– «В Академии наук не требуется ученая степень для получения штатного места академика, и рядом с этим предъявляются высокие требования по научному цензу кандидата».

Аргументы за две ученых степени.

– Две ученых степени могут увеличить продуктивность научной деятельности.

– Две ученых степени лучше характеризуют ученого, чем одна.

– Требование двух ученых степеней повышает общий уровень требований к научной деятельности.

– «Соответствие между степенями и должностями: доцент должен быть магистром, а докторская степень открывает путь к профессуре. Эти две градации знаменуют собою два периода развития ученого: 1) период усвоения знаний, умений ими пользоваться и критически разбираться и 2) период самостоятельной творческой научной деятельности»⁶²¹.

Как видно, некоторые из приведенных В.Я. Данилевским аргументов вступали в противоречие друг с другом. Это, например, касается оценки влияния количества ученых степеней на активность научной работы.

Особая дискуссия велась про защиты диссертаций по медицине. Как известно, в отличие от иных наук, в медицине предусматривалась защита одной, докторский, диссертации.

В марте 1885 г. ректор ИУСвВ Н.К. Ренненкампф в письме к попечителю Киевского учебного округа С.В. Голубцову отмечал: «Вообще условия для научной карьеры медиков и молодых ученых прочих четырех факультетов далеко не равны. Уже самый докторский экзамен, прямо со скамьи, не может идти в сравнение с экзаменом магистерским. Докторский медицинский экзамен,

⁶²¹ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 141. Л. 10–11.

производимый со всех предметов факультета, не имеет никакой специальности и докторант медицины ничем не отличается по обширности и основательности познаний от лучшего кандидата других факультетов. К тому же докторская медицинская степень вообще утратила свой прежний чисто ученый характер, степень эта требуется ныне для многих административных медицинских должностей, и факультеты, зная такое положение докторского диплома, раздают его легко и щедро, не стесняясь научной подготовкой докторанта. Далее для достижения высшей ученой степени медик представляет одну докторскую диссертацию, ученые прочих факультетов две: магистерскую и докторскую; при этом в большинстве случаев медицинская докторская диссертация есть не более как простая экспериментальная работа, произведенная в какой-либо лаборатории по указаниям и под наблюдением профессора. Исполнение и описание результатов такой работы требуют лишь наблюдения, внимания и не гарантирует ни общего медицинского образования, ни даже знания всей области той науки, к которой относится работа. Должно к этому прибавить, что директоры лабораторий и клиник, и за границею и у нас, вообще склонны преувеличивать достоинства и результаты работ, произведенных под их наблюдением, и потому почти всегда дают отзывы о них очень похвальные и таким образом выпускают ежегодно десятки докторов медицины, причем нередкость встретить таких, которые не умеют перевести и даже правильно прочесть французскую или немецкую книгу»⁶²².

Дискуссии на эту тему не утихали весь рассматриваемый период. От разных заинтересованных сторон время от времени поступали новые предложения по оптимизации системы ученых степеней в медицине. Например, в 1891 г. Совет ИХУ предлагал ввести степень докторанта как предшествующую степени доктора медицины⁶²³.

⁶²² ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1885). Д. 6. Л 1 об. – 2.

⁶²³ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 141. Л. 7 об.

В конце апреля – начале мая 1913 г. работало особое совещание профессоров медицинских факультетов всех университетов, которое предложило введение двух степеней – кандидата и доктора медицинских наук⁶²⁴.

Учебные власти, кажется, определились для себя в вопросе о количестве ученых степеней к концу рассматриваемого периода. В 1915 г. под эгидой МНП был разработан проект нового университетского устава. Проект предполагал сохранение только одной степени – доктора наук – для всех специальностей. В объяснительной записке к проекту устава, подготовленной чиновниками министерства, давалось развернутое объяснение такого предложения.

Новая постановка преподавания, по мнению МНП, «должна сильно поднять научный уровень лиц», что позволит отказаться от двух ученых степеней, сохранив лишь степень доктора. Авторы записки обращали внимание на то, что такого количества ученых званий и степеней, которое существует в русских университетах, не знает ни одно западноевропейское государство, «тем не менее такой порядок не отражается невыгодно на научных качествах лиц, привлекаемых к университетскому преподаванию». Останавливаясь на главных соображениях в пользу сохранения двух ученых, авторы записки называли отсутствие в России научной конкуренции, «которая при избрании на кафедры могла бы заменить формальные требования» и «особенности русского характера, требующие некоторых внешних понуждений к большей научной производительности». Однако, первое основание называлось явлением временного характера, которое должно исчезнуть со вступлением в силу нового университетского устава, а по поводу второго заявлялось, что «всякая работа под внешним давлением менее ценна, чем работа самопроизвольно произведенная. Доказательством этого служить и то замечаемое явление, что докторские диссертации часто являются не лучше, но иногда и хуже магистерских».

МНП полагало, что ученый, «доказавши уже свою научную зрелость публично защищенной диссертацией, в дальнейшем должен быть предоставлен свободному развитию своего научного творчества, сообразно особенностям

⁶²⁴ APW. Z. 214. S. 503. k. 171–178.

своего характера. Дальнейшая опека над его ученой работой является уже стеснительной и едва ли целесообразной».

Министерство исходило из положения, что ученая степень доктора как формальный ценз, удостоверяющий степень научной подготовки лица, должен являться основным условием для всякой самостоятельной преподавательской деятельности в университете, а повышение университетского преподавателя из приват-доцента в доценты и далее в профессора должно производиться не по формальным признакам, а по оценке общей совокупности его научных и преподавательских достоинств. В подтверждение этой позиции приводилось мнение покойного профессора ИПГУ В.И. Сергеевича, который долгое время был сторонником двух ученых степеней, но впоследствии убедился в правильности противоположного взгляда: «Какое можно привести разумное основание тому, что доцент и приват-доцент могут учить, не имея ученой степени, а профессор должен ее иметь! [...] Ведь суть профессора в том, что он учит, а не в том, что он состоит в известном классе, получает жалование, имеет установленную форму одежды и т.п. Если учить можно без ученой степени, то и ученые степени и ординарные профессора вовсе не нужны».

Наконец, авторы объяснительной записки обращали внимание на такое явление, как назначение и.д. профессоров лиц, не имевших докторской степени, и заявляли, что, «если сама жизнь показала, что требование двух ученых степеней невыполнимо, то лучше отказаться от этого требования, чем сохранить обход закона, в виде назначения исправляющих должности профессоров»⁶²⁵.

Несмотря на то, что, казалось, решение о сокращении числа ученых степеней было принято, в жизнь оно так и не будет претворено по причине затяжек с принятием нового университетского устава.

Замещение должностей: назначение vs выборы

Одним из центральных вопросов университетской жизни рассматриваемого периода, как, впрочем, и периода предшествовавшего, был вопрос о принципе замещения преподавательских и административных должностей. Устав 1884 г.

⁶²⁵ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598. Л. 32–33.

предусматривал два равнозначных варианта замещения вакантной профессорской должности: либо непосредственное назначение распоряжением министра, либо избрание кандидата Советом университета с последующим утверждением министерством университетского выбора; причем, какой из двух возможных путей избрать, решал сам министр⁶²⁶. В случае следования по второму пути, университет был обязан «немедленно объявить о вакантной кафедре во всеобщее ведение» и принимать заявления от желающих занять кафедру кандидатов; помимо этого, действовавшие профессора могли официально рекомендовать на вакантную должность известных им лиц.

Порядок, установленный Уставом, действовал без изменений 20 лет. Но в разгар Первой русской революции, «Временными правилами» 27 августа 1905 г. был установлен запрет на практику прямого назначения, что, однако, не отменяло необходимости утверждения избранных Советом профессоров министерством⁶²⁷. Впрочем, такое послабление действовало недолго. Поскольку нового устава, который бы закрепил данную норму, так и не появилось, с изменением политической атмосферы министерство смогло при необходимости произвести кадровые перестановки в университетах апеллировать не к «Временным правилам», а к общим для чиновников принципам, которые предполагали право министра по своему усмотрению уволить или переместить любое лицо и без его согласия⁶²⁸. Поэтому в послереволюционные годы, особенно начиная с 1910 г. когда министром народного просвещения стал Л.А. Кассо, непосредственное назначение профессоров решением МНП вновь стало распространенным явлением.

8 апреля 1906 г. было высочайше разрешено как избрание путем объявления конкурса, так и по рекомендации членов факультета (без объявления открытого конкурса). Теперь при открытии вакансии университет мог ходатайствовать перед МНП об инициировании выборных процедур по одному или иному сценарию.

⁶²⁶ Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 36.

⁶²⁷ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб, 1908. № 26692.

⁶²⁸ Свод законов Российской империи. СПб, 1876. Т. III. С. 84.

Новая процедура предполагала, право каждого члена факультета назвать кандидата на вакантную должность.

Товарищ министра народного просвещения П.П. Извольский в письме ректору ИВУ Е.Ф. Карскому (апрель 1906 г.) так разъяснял особенности нового порядка: «Конкурс, привлекая к соисканию вакантной кафедры все наличные силы, гарантирует [...] избрание наилучшего кандидата, хотя иногда лица с известным ученым именем и не выставляют своей кандидатуры, не желая подвергаться случайностям конкурсной оценки. Но, к сожалению, это слишком громоздкая процедура, отнимающая у научного преподавания в наилучшем случае ½ года, а чаще целый год и более. Поэтому в тех случаях, когда требуется скорое замещение кафедры и у факультета намечены вполне достойные кандидаты, объявлению конкурса следует предпочесть избрание по рекомендации»⁶²⁹.

Итак, как видим, главным преимуществом новой системы министерству виделась скорость выборной процедуры. Как уже отмечалось, некоторые элементы определения кандидатов на должность по рекомендациям существовали и ранее, и отношение в университетской среде к этому явлению не было однозначным. Например, профессор ИМУ В.В. Марковников 12 августа 1893 г. записал в дневнике: «При рекомендациях попадают на кафедры такие гуси, которые при выборном начале, конечно, никогда не были бы выбраны»⁶³⁰.

Вот как в марте 1911 г. проходило замещение по рекомендациям кафедры факультетской терапевтической клиники медицинского факультета ИВУ. В факультетском заседании три профессора выдвинули трех своих кандидатов: профессор М.М. Кузнецов – клинического профессора при Варшавском военном госпитале доктора медицины Г.Я. Гуревича; профессор И.Ф. Пожариский – экстраординарного профессора по кафедре частной патологии и терапии ИМУ доктора медицины А.И. Игнатовского; профессор П.В. Никольский – приват-доцента ИУСвВ доктора медицины А.С. Своехотова. В соответствии с

⁶²⁹ APW. Z. 214. S. 81. k. 114 – 114 ob.

⁶³⁰ Записки В.В. Марковникова // Русский Архив. 1910. № 3. С. 391.

процедурой, были озвучены рекомендации названных профессоров медицинского факультета, curriculum vitae претендентов, отзывы об их работах. После этого состоялась баллотировка, в результате которой Г.Я. Гуревич получил 7 избирательных и 9 неизбирательных шаров, А.И. Игнатовский – 11 избирательных и 5 неизбирательных шаров, а А.С. Своехотов – по 8 избирательных и неизбирательных шаров. Таким образом, А.И. Игнатовский был избран кандидатом на вакантную кафедру. На этом основании факультет просил университетский совет ходатайствовать о назначении А.И. Игнатовского на кафедру факультетской терапевтической клиники⁶³¹. Ходатайство министерством было удовлетворено, и в мае 1911 г. А.И. Игнатовский занял искомую должность экстраординарного профессора. Таким образом, процесс замещения должности занял два месяца.

Несмотря на пертурбации с механизмом замещения должностей, университеты и министерство не прекращали поиск оптимальных требований к кандидатам.

99-я статья Устава 1884 г. звучала весьма категорично; согласно ей, «никто не может быть профессором, не имея степени доктора»⁶³². Однако на протяжении десятилетий в каждом университете служили десятки профессоров, имевших только одну магистерскую степень. Выход из противоречия Уставу был найден в назначении лиц, не имевших докторской степени, «исправлявшими должность» профессоров: лицам, имевшим степень магистра, было дозволено становиться и.д. экстраординарных профессоров при условии дачи обязательства защиты докторской диссертации в 3-летний срок. Такая практика стала широко распространяться с 1890 г., когда с Высочайшего разрешения было позволено произвести ряд назначений и.д. экстраординарных профессоров ИХУ (В.П. Безескул, Р.И. Шерцль, Г.Ф. Шульц), ИУСвВ (Н.П. Яснопольский) и ИСПБУ (А.И. Введенский)⁶³³. Заметим, что лица, исправлявшие должность

⁶³¹ APW. Z. 214. S. 501. k. 64–65.

⁶³² Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 36.

⁶³³ Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время

профессора, имели равные права с профессорами в вопросе членства в совете, оклада, выслуги пенсии. «Естественно, что при таких условиях – отмечал профессор И.А. Линниченко – и. д. профессоров не было никакого смысла писать докторские диссертации – никакой выгоды от этого они не имели»⁶³⁴.

Отношение в университетской среде к такому явлению, как «исправление должности», было различным. Ординарный профессор юридического факультета ИМУ А.С. Алексеев в докладе (1901 г.), подготовленном для Комиссии по преобразованию высших учебных заведений, отмечал: «Полное несоответствие между числом профессур и количеством лиц, имеющих докторскую степень, и вытекающая отсюда невозможность замещать вакантные кафедры лицами, удовлетворяющими условиям, установленным законом, привели к целому ряду нежелательных приемов, практиковавшихся при замещении профессур, – приемов, посредством которых обходился закон. Создалась особая категория университетских преподавателей, именуемых “исправляющими должность экстраординарных и ординарных профессоров” Кафедры поручались лицам, не имеющим вовсе ученой степени. Так, напр[имер], не менее половины кафедр Томского унив[ерситета] занято лицами, не имеющими даже степени магистра; на этом факультете только один профессор имеет степень доктора и только пять – степень магистра; не имеющие степени магистра имеют звание исполняющих должность экстраординарных профессоров, а не имеющие степени доктора – звание исполняющих должность ординарных профессоров. Но даже в университетах с историческим прошлым и поставленных в сравнительно благоприятные условия, как, напр[имер], в Московском и Петербургском, нередко бывали случаи назначения исправляющими должность ординарных профессоров лиц, имеющих лишь степень магистра. И эти “исправляющие должность профессоров” лица, не обладавшие требуемым законом ученым

царствования Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб, 1901. С. 136–137.

⁶³⁴ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 4. Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг, 1916. С. 7.

цензом, назначались деканами, мало того — становились не раз во главе университета и облакались властью ректора»⁶³⁵.

С другой стороны, глядя на вопрос комплектования штатов глазами молодых университетов, в возможности назначить молодого преподавателя на должность и.д. экстраординарного профессора виделось решение кадровых проблем. Так, профессор ИУСвВ Д.А. Граве, участвовавший в январе 1916 г. в заседании комиссии по подготовке открытия в ИНСУ физико-математического факультета (а один из основных аргументов против открытия состоял в недостаточности кадров), говорил: «недостаток лиц, могущих вести преподавание в университетах, есть явление кажущееся. Если министерство будет настаивать на необходимости для профессоров известной марки — степени, то не только нельзя будет открыть ни одного высшего учебного заведения, но и существующие придут в полное запустение. Профессором может быть тот, кто имеет работы, кто действительно может научить студентов, а получение или неполучение степени есть во многих случаях дело случайное, чисто с наукой ничего общего имеющее»⁶³⁶. В итоге, в выработанном комиссией докладе для Совета содержался пункт № 4, который гласил: «Вследствие возможности замещения кафедр магистрами и возможности поручения преподавания магистрантам не встретится затруднений для обеспечения преподавания на физико-математическом факультете»⁶³⁷. В целом, по состоянию на 1915 г. порядка 30 % всех профессорских должностей в университетах Российской империи было занято и.д. экстраординарных или ординарных профессоров, имеющими степень магистра⁶³⁸.

Судя по объявлениям о вакансиях преподавательских должностях, требования разных университетов к претендентам могли варьироваться. Например, согласно объявлению о поиске ИУСвВ лектора итальянского языка (декабрь 1906 г.), от претендентов требовалось рукописное или печатное

⁶³⁵ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 160.

⁶³⁶ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 6 об. — 7.

⁶³⁷ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 11 об.

⁶³⁸ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598. Л. 33.

сочинение по итальянскому языку или по литературе; помимо этого, «лица, явившиеся кандидатами на должность лектора, должны в присутствии членов историко-филологического факультета: а) защитить представленные ими сочинения и извлеченные из них тезисы и б) прочитать две пробные лекции, одну по языку, другую по истории литературы»⁶³⁹. А вот историко-филологический факультет ИЮУ, искавший в 1915 г. лектора французского языка, предъявлял к конкурсантам меньше требований: лица, желавшие занять указанную должность, должны были прислать заявление на имя декана и представить диплом или иное удостоверение о полученном образовании, *curriculum vitae*, печатные труды (при наличии)⁶⁴⁰.

Дискуссия о том, что именно и в каких формах требовать от претендентов на вакантные кафедры, довольно часто возникала в Советах университетов. Так, в июне 1907 г. медицинский факультет ИКУ был озабочен замещением кафедры патологической анатомии, ставшей вакантной после смерти профессора Н.М. Любимова. Во время первой процедуры выборов из четырех кандидатов на эту должность больше других «избирательных голосов» получил приват-доцент Военно-медицинской академии Ф.Я. Чистович, опередив в числе прочих и доктора медицины П.П. Заболотнова, приват-доцента ИКУ, ученика покойного профессора Любимова. Однако, этот конкурс министерством народного просвещения был признан незаконным в силу допущенного нарушения, которое выразилось «в допущении студентов участию в факультетской оценке кандидатов»⁶⁴¹. Во время обсуждения порядка повторных выборов члены Совета университета раскололись по вопросу о том достаточно ли при проведении конкурса ознакомления только с печатными работами кандидатов или требуется вызов всех претендующих на занятие кафедры в Казань, чтение ими пробных лекций и проведение патологоанатомических вскрытий (что не было предусмотрено действовавшим уставом, но вытекало, по мнению сторонников

⁶³⁹ ЖНМП. 1906. Декабрь [пагин. 1-я]. С. 70–71.

⁶⁴⁰ АРВ. Z. 214. S. 329. k. 164.

⁶⁴¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7545. Л. 31.

этой меры, из специфики кафедры)⁶⁴². Во время развернувшийся 18 сентября 1907 г. дискуссии на заседании Совета медицинского факультета прозвучали небезытересные доводы и аргументы с разных сторон. Если профессор В.И. Разумовский не видел в дополнительных испытаниях ничего зазорного⁶⁴³, то профессор К.А. Арнштейн занял иную позицию: «Подобное требование равносильно экзамену, которому уважающий себя специалист с научным именем не пожелает подвергнуться. На это пойдут только второразрядные или молодые ученые, научная репутация которых ещё не установлена и которым, следовательно, терять нечего. [...] А самые способные из кандидатов займут кафедры в других университетах»⁶⁴⁴. (Отметим пресечение мыслей профессора Арнштейна с выше приведенными соображениями товарища министра народного просвещения П.П. Извольского, высказанными им в 1906 г.). В любом случае, по мнению большинства членов Совета, усложнение конкурсной процедуры, отпугнуло бы от приезда в Казань иногородних кандидатов. Принятие решения затянулось, велись согласования с ректором, попечителем и министерством. В итоге было принято решение проводить конкурс обычным порядком, без дополнительных испытаний, и кафедру с 1908 г. занял выше упомянутый Ф.Я. Чистович, одержавший победу еще на первых выборах в июне 1907 г.⁶⁴⁵

При обсуждении достоинств кандидатов на вакантные кафедры порой разгорались нешуточные споры. Приведем несколько примеров из истории разных университетов.

В конце 1880-х гг. приват-доцент ИНУ В.А. Яковлев обратился в МНП с просьбой о назначении его профессором по кафедре русского языка и литературы. Министерство, в свою очередь, запросило через попечителя от университета характеристику на просителя, которую по поручению ректора дал ординарный профессор А.А. Кочубинский. Характеристика вышла достаточно негативной;

⁶⁴² НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7545. Л. 25.

⁶⁴³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7545. Л. 34 об.

⁶⁴⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7545. Л. 34.

⁶⁴⁵ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7545. Л. 44.

профессор А.А. Кочубинский в частности писал: «Участие г[осподина] приват-доцента Владимира Яковлева в судьбах истории русской литературы как науки обозначилось изданием некоторых памятников нашей письменной старины, именно Патерика⁶⁴⁶ и Домостроя, и некоторым обследованием первого. Но как ученая, так и издательская деятельность г[осподина] Яковлева обнаружила недостаточную подготовку автора для науки. [...] Легкое отношение к предмету сделалось тяжелым уделом г[осподина] Яковлева, чего бы он ни касался, хотя и касаться он позволял себе нечасто. [...] Но что сказать о втором ингредиенте – кафедры, которой домогается г[осподин] Яковлев, – русского языка? Эта область [...] совсем чужда ему. Воспитавши в себе особое отношение к интересам научного труда, г[осподин] приват-доцент Яковлев едва ли [реализует – М.Г.] с осязаемой пользой свое преподавательское поприще у нас: он был среди нас только как человек с формальным правом. [...] Поручать кафедру истории русского языка и литературы г[осподину] приват-доценту Яковлеву, следовательно, связывать судьбы ее у нас с его деятельностью, не представляется желанным, так как желанного усиления этой кафедры произойти не может – не представляется желательным»⁶⁴⁷. Заметим, впрочем, что, несмотря на такой отзыв, в 1894 г. В.А. Яковлев все-таки ненадолго станет экстраординарным профессором ИНУ кафедре русского языка и литературы.

Заседания факультетских и университетских Советов сопровождали особенно бурные споры, когда решался вопрос о замещении вакантных преподавательских должностей. Не согласные с решением Совета профессора могли оставаться при Особом мнении, фиксируя свое несогласие письменно. Так, в 1914 г. ординарный профессор юридического факультета ИЮУ Б.В. Никольский оказался в меньшинстве при баллотировке приват-доцента А.А. Алексеева на должность экстраординарного профессора по вакантной кафедре энциклопедии и философии права (результаты голосования: пять – за избрание А.А. Алексеева, три – против). В Особом мнении Б.В. Никольский

⁶⁴⁶ Патерик – сборник изречений святых отцов подвижников или рассказов о них.

⁶⁴⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 326. Л. 3 – 3 об.

писал: «Ссылаться на то, что за книгу автор уже удостоен ученой степени, недостаточно. Мы знаем, что иногда книга бывает умней и значительней автора, а иногда – и гораздо чаще – наоборот. Присуждение степени, основываясь не на книге только, а и на диспуте, на впечатлении от личности автора, очень часто зиждется не только не столько на достоинствах произведения, сколько на способностях автора и возбуждаемых им надеждах. Бывает иногда, и к несчастью чаще, чем следует, что степень, особенно магистерскую, присуждают только в виде “поощрения”, а то даже из сострадания и человеколюбия. Знаменитый Пернис⁶⁴⁸, по словам его биографа, порою голосовал за присуждение ученой степени со словами: “Lassen wir schon den dummen Jungen durch – Pech genug für ihn, dass er so ein Schaaf ist”⁶⁴⁹. Но одно дело поощрять любовь к науке ... и иное дело – поручить человеку преподавание. Приглашая в свои ряды нового сочлена, мы должны заботиться об интересах преподавания, а никак не о поощрении кафедрой человека, к ней, может быть, не способного и не подготовленного. [...] Тут ни поощрению, ни снисхождению, ни тем более жалости не должно быть места. Притом недостаточная строгость и заботливость наша при этих выборах служит наилучшим оправданием замещения кафедр назначением»⁶⁵⁰.

Далее Б.В. Никольский принялся за анализ труда приват-доцента А.А. Алексеева «Министерская власть в конституционном государстве» (Харьков, 1910), за которую тот был удостоен степени магистра государственного права, на предмет «1, достаточна ли она сама по себе, чтобы присудить за нее степень магистра, 2, свидетельствует ли она о преподавательских способностях автора и 3, свидетельствует ли она о его пригодности для занятия той кафедры, на которую его рекомендуют»⁶⁵¹. На все три вопроса Б.В. Никольский дал отрицательные ответы.

В заключение Б.В. Никольский пишет: «Если другого кандидата, кроме г. Алексеева нет, так значит надо отказаться от замещения кафедры и выжидать,

⁶⁴⁸ Людвиг Вильгельм Антон Пернис (1799–1861) – германский юрист, учёный-правовед.

⁶⁴⁹ «Давайте пропустим этого глупого мальчика – ему уже достаточно не повезло в том, что он такой баран» (нем.).

⁶⁵⁰ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1373. Л. 14.

⁶⁵¹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1373. Л. 15.

ибо непозволительно факультету и совету рекомендовать слабого кандидата только потому, что он единственный: это напомнило бы Гоголя, у которого один из действующих лиц восклицает: «Не с чего, так с бубен!». В особенности следовало бы быть осторожными в деле таких замещений лицам, находящим избрание профессоров предпочтительнее назначения: какой прок в избрании, если при этом на безлюдье и Фома дворянин?»⁶⁵². И далее: «Готов был бы разделить розовые надежды тех, кто уповает, что г. Алексеев поучится и научится учить других; однако, на чей же умственный счет и за чью нравственную ответственностью будет подучиваться г. Алексеев? Что же для чего, в конце концов, существует – профессура для того, чтобы студенты у них учились, или студенты для того, чтобы профессора у них учились? Такие *experimenta in anima vili*⁶⁵³ противоречат нашему достоинству как наставников и руководителей молодежи. Она должна знать, что избираемый нами профессор есть достойный её доверия и внимания наставник, что он приглашается в университет во свидетельство признания нами его преподавательских и ученых качеств, а не для того, чтобы заткнуть вакантную кафедру единственным наличным кандидатом, заслуживающим только тройки на суде самих рекомендующих»⁶⁵⁴. Получив большинство голосов «за», А.А. Алексеев занял искомую кафедру, хотя задержался в университете ненадолго.

При определении кандидатов на вакантную кафедру естественным образом задействовались личные связи. Так, в ноябре 1907 г. профессору ИВУ П.И. Митрофанову писал директор Пулковской обсерватории О.А. Баклунд: «При нашем кратком свидании вчера я совершенно забыл назвать Вам еще одного вполне подходящего кандидата на должность профессора астрономии». О.А. Баклунд рекомендовал рассмотреть в качестве кандидата адъюнкта-астронома Пулковской обсерватории Г.А. Тихова⁶⁵⁵. Впрочем, Г.А. Тихов, в последствии член-корреспондент Академии наук СССР, так и не свяжет свою

⁶⁵² ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1373. Л. 33.

⁶⁵³ «Опыт на малоценном организме» (лат.); перен. – о пренебрежительном отношении к тем, чьи интересы затронуты проводимым мероприятием.

⁶⁵⁴ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1373. Л. 33–34.

⁶⁵⁵ APW. Z. 214. S. 466. k. 428.

профессиональную деятельность с Варшавой. В сентябре 1911 г. бывший ординарный профессор ИВУ В.В. Максимов, возглавлявший хирургическое отделение Санкт-Петербургской городской детской больницы, так реагировал на просьбу медицинского факультета ИВУ назвать кандидатуру на новую кафедру: «Позвольте прежде всего поблагодарить Вас за лесное доверие и честь, которыми Вы меня удостоили, предоставив мне по поручению медицинского факультета указать и рекомендовать достойного кандидата на открывающуюся новую кафедру педиатрии при И[мператорском] Варшавск[ом] Унив[ерситете]». В.В. Максимов рекомендовал своего коллегу, доктора медицины Б.Н. Воинова, заведующего отделением инфекционных детских болезней⁶⁵⁶.

В свете разбираемого аспекта университетской истории встает вопрос о степени конкуренции среди отечественных преподавателей и ученых при выборах на штатные должности в российских университетах. Анализ многочисленных выборных процедур приводит к двоякому выводу. С одной стороны, редкие выборы кандидата на вакантную университетскую кафедру обходились без конкуренции, как минимум, между двумя–тремя лицами. С другой стороны, «ученый ценз» претендентов очень часто не соответствовал требованиям должности. Приведем примеры, относящиеся к ИНСУ, самому молодому в империи. В 1912 г. здесь проводился конкурс на замещение 6 кафедр медицинского факультета, на которые претендовал 21 человек. Среди них – сверхштатный экстраординарный профессор ИХУ, 5 приват-доцентов ИМУ, 3 приват-доцента ИУСвВ, 2 приват-доцента ИНУ, по одному приват-доценту их ИКУ и ИХУ, а также 4 приват-доцента Военно-медицинской академии, 2 приват-доцента Санкт-Петербургского женского медицинского института, врач из больницы Екатеринбурга и старший ординатор из Варшавского лазарета⁶⁵⁷.

В 1916 г. «Список г[оспод] аспирантов⁶⁵⁸», подавших заявления на соискание вакантной кафедры госпитальной терапевтической клиники при Императорском Николаевском университете» состоял из семи человек: шести приват-доцентов и

⁶⁵⁶ APW. Z. 214. S. 108. k. 123 – 123 ob.

⁶⁵⁷ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 161. Л. 6 – 6 об., 100.

⁶⁵⁸ Слово «аспирант» здесь употребляется в значении «кандидат», «претендент».

только одного ординарного профессора⁶⁵⁹. Для разбора заслуг кандидатов была сформирована комиссия, которая разделила всех претендентов на три группы. К первой были отнесены четыре человека, «обладающие вполне солидной подготовкой, необходимой для кандидата на такую ответственную кафедру», ко второй – одного из претендентов, «считая его опытным практическим врачом и полезным приват-доцентом», но с указанием на некоторые недочеты в его работе, в третью группу были включены два приват-доцента «как неудовлетворяющие тем требованиям, которые должны быть предъявлены к профессору-клиницисту». В результате выборов, последовавших за оглашением выводов комиссии, победу одержал приват-доцент Г.А. Любенецкий, изначально включенный в первую группу⁶⁶⁰.

Редкий случай произошел в 1912 г. в ИЮУ. В ноябре 1912 г. при выборах профессора кафедры всеобщей истории имелось четыре кандидата. Ни первая, ни вторая баллотировка не принесли победу одному из кандидатов. По итогам третьей баллотировки вновь равное количество голосов получили Е.В. Тарле и В.Э. Регель⁶⁶¹. Подробное описание процедуры через канцелярию попечителя учебного округа было направлено Министерство, которое приняло достаточно неожиданное решение: утвердить в качестве экстраординарных профессоров обоих кандидатов⁶⁶².

Вопрос замещения преподавательских должностей в рассматриваемый период был тесно сопряжен с проблемой раскола университетских советов на враждебные группировки, с чем была связана практика «голосования по партиям». Рекомендованный к избранию факультетским советом претендент, мог быть забаллотирован на уровне университетского совета, а избранный на университетском совете профессор, мог не получить утверждения в министерстве. Зависимость решения о назначении на должность не только от мнения факультета, но и от университетского Совета и, тем более, от МНП порой

⁶⁵⁹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 731. Л. 4.

⁶⁶⁰ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 731. Л. 8, 9, 290.

⁶⁶¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 169. Л. 11 – 12 об.

⁶⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 169. Л. 34 – 34 об.

сильно досаждала представителям университетского сообщества. Показательно в этом отношении письмо (27 февраля 1914 г.) приват-доцента ИСПБУ В.Ф. Якубовича профессору ИУСвВ Г.М. Малкову об избрании его – Якубовича – профессором в Киеве: «Хотя я и бесконечно рад избранием меня, но пока боюсь окончательно надеяться, так как еще не известно, чем дело кончится в Совете. В Одессе был ни один случай, где выбранного факультетом единственного кандидата совет провалил, благодаря агитации среди членов последнего теми членами медицинского факультета, самолюбие которых было уязвлено не избранием желательного им кандидата, а в других случаях вследствие желания дать министру возможность назначить то или другое желательное лицо. Так было и в том случае, когда выступали Вы, Левашевской клике⁶⁶³ желательно было, чтобы в одном случае был назначен Коровицкий, а в другом – Игнатовский. Во всяком случае, пока Вы не известите меня, что я прошел и в совете, буду держать Вашу телеграмму в строгом секрете, чтобы пока и министр ничего не узнал раньше времени и секретно не оказал бы давления на Совет. Когда же окажусь избранным и последним также, то пушу в ход родню г[осподина] Кассо, которой он обещал, что не будет противиться моему избранию. Вот тогда наступит для него щекотливый момент показать окончательно, могут ли даже родственники верить его словам»⁶⁶⁴. Опасения В.Ф. Якубовича были не напрасны. Он, действительно, не был утвержден в должности профессора, во всяком случае его фамилии в списках профессоров ИУСвВ за 1914–1917 гг. не обнаруживается.

Вместе с тем, знакомство с многочисленными биографиями университетских профессоров позволяет прийти к выводу о том, что в период действия последнего университетского устава, допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности, правом этим министерство народного просвещения пользовалось не так уж и часто, и имевшие порой место случаи игнорирования мнения Советов при определении нового члена факультета зачастую воспринимались как из ряда вон выходящие меры.

⁶⁶³ Левашев Сергей Васильевич (1857–1919 гг.) – с 1903 г. – профессор, в 1907–1913 гг. – ректор ИНУ. Депутат IV Государственной думы.

⁶⁶⁴ ЦГИАУ. Ф. 385 Оп. 2. Д. 26. Л. 65.

Вопросы механизмов комплектования штатов (конкурс, рекомендация, назначение) и проблема конкуренции были актуальны для человека, претендовавшего на включение в число штатных университетских преподавателей. При дальнейшем движении по карьерной лестнице (из экстраординарных профессоров в ординарные, из ординарных – в заслуженные) так остро вопросы уже не стояли. Однако любопытно заметить, что при рассмотрении вопроса о переводе профессоров из экстраординарных в ординарные учитывались не только научные и педагогические успехи. В рекомендациях и отзывах отмечалось и то, что в советское время будет принято именовать «общественной нагрузкой». Так, в отношении ректора ИНСУ П.П. Заболотнова попечителю Казанского учебного округа И.А. Базанову о профессорах Н.Н. Кирикове, В.Д. Зёрнове и В.А. Арнольдове после характеристики научно-педагогических заслуг и организационных качеств профессоров, ректор приводит список советских комиссий, создававшихся для разрешения самых разных университетских вопросов, в работе которых они принимали участие за все время службы (Н.Н. Кириков принимал участие в работе 24 комиссий, В.Д. Зёрнов – 15, а В.А. Арнольдов – 13)⁶⁶⁵.

В соответствии со 106-й статьей университетского устава 1884 г., после выслуги 25 лет профессор удостоивался звания «заслуженного»⁶⁶⁶. Приведем воспоминания по этому поводу профессора И.М. Сеченова: «Не помню, каким образом, сам ли я догадался, или кто меня надоумил, но только в 1887 г. я вспомнил, что профессорствую уже 27 лет, а за вычетом года отставки между медицинской академией и Одесским университетом – более 26. Когда я заявил об этом в университетской канцелярии, поднялось дело о моем представлении в звание заслуженного профессора. Много ли, мало ли прошло затем времени, но раз сижу я в совете, и прочитывается, между прочим, бумага от министра, в которой заявляется отказ на представление, потому, дескать, что из 26 лет следует вычесть 10 лет, проведенных мною, профессором, в медицинской академии.

⁶⁶⁵ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 597. Л. 1 – 2 об., 14 – 15 об.

⁶⁶⁶ Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 38.

Нужно заметить, что на меня первого обрушилась буква закона, по которому звание заслуженного получают лишь лица, профессорствовавшие 25 лет в университете, потому что еще за год до того профессору статистики были зачтены в университетскую службу годы профессорства в Горыгорецком институте⁶⁶⁷.

Это было тем более непоследовательно, что медицинская академия, как медицинский факультет, совершенно равнозначна университетским факультетам. На этом основании, по прочтении министерской записки, ректор (Андр[ей] Ник[олаевич] Бекетов) обратился к совету с вопросом, не найдет ли он нужным обратиться к г. министру с просьбой отменить выслушанное решение. Но прежде чем совет мог высказаться, я с своей стороны обратился к нему с просьбой не делать этого, так как уступка со стороны г. министра имела бы значение оказанной мне милости, а милость я могу принимать только от государя, но никак не от министра. Много лет спустя, уже в Москве, к немалому моему огорчению и, конечно, без ведома с моей стороны, меня все-таки произвели в заслуженные, и я таким образом лишился желанного мною оригинального звания «незаслуженного профессора», несмотря на 40 лет профессорства»⁶⁶⁸.

Процесс замещения административных должностей естественным образом приковывал к себе ещё бóльшее внимание как университетской общественности, так и министерства.

Как известно, XIX в. знал разные периоды университетской истории применительно к процедуре определения на должность лиц университетской администрации. Выборное начало максимально широко применялось по первому университетскому уставу 1804 г.; в дальнейшем зависимость ректорской должности от попечителя министерства будет возрастать⁶⁶⁹.

⁶⁶⁷ Имеется в виду Горыгорецкий земледельческий институт, располагавшийся в г. Горки Могилевской губернии.

⁶⁶⁸ Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 151–152.

⁶⁶⁹ См. подробнее: Андреев А.Ю., Посохов С.И. Университет в Российской Империи XVIII – первой половины XIX века. М., 2012. 671 с.; Andreev A.Yu. The election of rectors in the first decades of university autonomy in Russia // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 4–16.

Устав 1884 г. предусматривал только один способ замещения руководящих университетских должностей – назначение. Ректора назначал на четыре года министр народного просвещения, а деканов на аналогичный срок – попечитель учебного округа при условии утверждения в МНП⁶⁷⁰. «Временными правилами» 27 августа 1905 г. была предусмотрена выборность ректора на Совете университета, а деканов – на Советах факультетов с последующим утверждением министерством⁶⁷¹.

До 1905 г. вопрос о назначении ректора становился, как правило, предметом согласования между министерством и попечителем. Сохранилась любопытная переписка 1898 г. между министром Н.П. Боголеповым и попечителем Киевского учебного округа В.В. Вельяминовым-Зерновым о необходимости назначения нового ректора ИУСвВ. Министр ситуацию видел следующим образом: «Хотя нельзя возлагать на одного ректора Фортинского всю вину за распущенность Университета, однако несомненно, что он не только пассивно смотрел на незаконное образование студенческих старост и хозяйничанье их в университете, но даже вместе с бывшим Инспектором Жуком содействовал скрытию их имен от полицейской власти. В виду этого я покорнейше прошу Ваше Превосходительство подыскать в ректоры кандидата, который способен был бы без крутой ломки постепенно, но твердо установить более правильный порядок в жизни университета»⁶⁷².

Несмотря на такую, весьма определенную, установку министра, попечитель взялся отстаивать кандидатуру Ф.Я. Фортинского. В ответе министру 28 августа 1898 г. В.В. Вельяминов-Зернов писал: «прямодушие и правдивость в связи с беспристрастием и спокойствием поставили его вне партийных несогласий и приобрели ему сочувствие большей части сослуживцев и товарищей [...] и доверие благоразумного большинства студентов». Высказав такое мнение,

⁶⁷⁰ Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 11, 13.

⁶⁷¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб, 1908. № 26692.

⁶⁷² ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1898). Д. 10. Л. 2 – 2 об.

попечитель все-таки назвал и двух альтернативных кандидатов на должность ректора – профессоров Н.А. Бунге и М.А. Тихомирова, добавив, что «назначение того или другого [...] не может служить ручательством большего порядка и более строгой дисциплины среди студентов»⁶⁷³. В подтверждение слов попечителя к его письму было приложено студенческое воззвание, подписанное «Киевским союзным советом объединенных землячеств и организаций» и содержащее жесткую критику М.А. Тихомирова как декана медицинского факультета⁶⁷⁴. В результате Ф.Я. Фортинский все-таки сохранил свой пост; он будет занимать его вплоть до своей смерти в 1902 г.

Восстановление в августе 1905 г. после более чем 20-летнего перерыва выборов⁶⁷⁵ ректоров и деканов стало громким событием как университетской истории, так и общественно-политической жизни страны. В силу чрезвычайно накаленной общественной атмосферы, характерной для революционной поры, первые выборы оказались весьма политизированными. Показательным в этом отношении стало затянувшееся избрание декана медицинского факультета ИНУ, сопровождавшиеся конфликтами и переизбранием. После того, как в совете медицинского факультета никто из претендентов не смог в ходе серии баллотировок набрать большинства голосов, университетский Совет принял решение (60 против 3) о передаче права избрания декана от факультета – себе. В октябре 1906 г. большинством Совета (34 против 5), где явно преобладала «левая» профессура⁶⁷⁶, деканом медицинского факультета был избран профессор В.Ф. Вериге.

С таким решением не были согласны попечитель и министерство. Они настояли на переизбрании декана в факультетском совете. Ректор И.М. Занчевский, солидаризировавшийся с левым большинством

⁶⁷³ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1898). Д. 10. Л. Л. 3 – 4 об.

⁶⁷⁴ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1898). Д. 10. Л. Л. 6 об. – 7 об.

⁶⁷⁵ Любопытная подробность: отсутствовавшие члены Совета имели право официально передать свой голос другому. Так, в 1915 г. накануне выборов декана физико-математического факультета ИВУ профессор Д.Н. Горячев направил в Ростов-на-Дону, куда к этому времени был эвакуирован университет, телеграмму следующего содержания: «Передаю вам мой шар при выборах декана» (APW. Z. 214. S. 474. k. 495 об.)

⁶⁷⁶ См подробнее о этом в 6-й главе.

университетского Совета, предпринимал усилия для того, чтобы отложить факультетское голосование «потому лишь, что в это время уезжали из Одессы в отпуск два профессора из левой группы» (из донесения попечителя – министру). Голосование в факультете, наконец, состоявшееся 9 февраля 1907 г., было скандальным, сопровождалось демонстративным покиданием заседания «левой» профессурой, оказавшейся в меньшинстве⁶⁷⁷.

Оставшиеся «правая» часть Совета единогласно избрала деканом профессора С.В. Левашова. Коллизия с затянувшимся избранием декана медицинского факультета ИНУ стала одним из самых ярких примеров «партийного» голосования. Профессор ИНУ В.М. Истрин в «отдельном мнении», составленном после одного из заседаний совета медицинского факультета, критикуя активную позицию ректора И.М. Занчевского, настаивал на том, что «выборный ректор для пользы дела не должен служить орудием одной группы профессоров»⁶⁷⁸, однако в раскаленной атмосфере 1905–1907 гг. ожидать этого было сложно. Заметим, что избранный деканом С.В. Левашов уже в 1907 г. сменит И.М. Занчевского на посту ректора ИНУ, а профессор В.Ф. Веригу прослужит в ИНУ до 1914 г., когда будет отстранен от преподавательской деятельности, которую он сможет возобновить только в 1917 г., уже в Пермском университете.

Однако даже без ярко выраженной политизации выборного процесса процедура нередко затягивалась, ведь на выборах неизменно сталкивались различные советские «партии», отражавшие разные группы интересов. Так, во время выборов декана медицинского факультета ИВУ в сентябре 1905 г. первая баллотировка не принесла никому из 21 претендента избирательных шаров больше, чем неизбирательных. Вторая баллотировка была проведена между теми, кто набрал в свою поддержку не менее семи шаров. Таких оказалось 15 человек. В результате этого этапа голосования вновь не было выявлено такого кандидата, который бы набрал голосов «за» больше, чем голосов «против». В третьей

⁶⁷⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 452. Л. 2–11.

⁶⁷⁸ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 452. Л. 92 об. – 93.

баллотировке снова участвовали те, кто в ходе предыдущего этапа голосования набрал в не менее семи голосов. Из 7 участников третьего тура голосование выявило одного – профессора В.В. Кудревецкого – с положительным балансом голосов: 11 «за», 9 «против», который и был объявлен новым деканом (заметим, что входе двух предшествующих этапов В.В. Кудревецкий был среди лидеров голосования, хотя и без большого отрыва от остальных участников)⁶⁷⁹.

Через пять лет, когда В.В. Кудревецкий вышел в отставку, медицинский факультет ИВУ вновь избирал декана. Процедура состоялась в январе 1911 г. и снова не прошла гладко. На первом этапе кандидатами закрытой баллотировкой были определены 3 профессора (не считая отказавшийся). Трижды проводились голосования, но всякий раз они не выявляли кандидата, количество голосов «за» которого превышало бы количество голосов «против». Так как три баллотировки не выявили победителя, четвертая баллотировка была произведена между всеми ординарными профессорами факультета. Её результат был аналогичным. Таким образом, заседание медицинского факультета закончилось безрезультатно⁶⁸⁰. Должность декана оставалась вакантной до 1912 г., пока, наконец, ее не занял профессор Н.А. Оболенский.

Уже выбранные университетские руководители могли не получить утверждения в министерстве. Так случилось в 1912 г. на первых выборах ректора ИНСУ. В мае 1912 г. ректором был избран профессор И.А. Чуевский, бывший до того деканом медицинского университета (учитывая, что медицинский факультет в ИНСУ был единственным, его декан фактически являлся вторым лицом в университете). Однако его кандидатура не была утверждена министерством народного просвещения и в ИНСУ более полутора лет имелся лишь и.о. ректора: первоначально В.И. Разумовский (первый ректор, планировавший в 1912 г. покинуть свой пост), а затем Н.Г. Стадницкий. Только в сентябре 1913 г. новым ректором университета в результате тайного голосования стал профессор П.П. Заболотнов (получил 14 голосов «за», 11 – «против»).

⁶⁷⁹ APW. Z. 214. S. 500. k. 201–202.

⁶⁸⁰ APW. Z. 214. S. 501. k. 9 – 10 об.

Феномен приват-доцентуры

Зарождение приват-доцентуры в России восходит к началу XIX в., когда, по образцу немецких университетов, в ИДУ были допущены к преподаванию лица, не входившие у преподавательских штат и не подучавшие систематического жалования (причем тогда для их обозначения даже не был введен специальный термин)⁶⁸¹. Возникновение понятия заштатной доцентуры относится к 1842 г., когда она нашла отражение в уставе ИУСвВ⁶⁸². Вопрос о постановке преподавания и об университетских штатах вновь актуализировался спустя два десятка лет при подготовке нового общеуниверситетского устава, который предусмотрел уже повсеместное введение приват-доцентуры. Министерство народного просвещения предполагало с введением приват-доцентуры значительно расширить категорию преподавателей и за счет конкуренции повысить научный уровень университетского преподавания. Предполагалось, что приват-доцентура «оживит университеты постоянным притоком новых и свежих сил», станет «рассадином профессоров и главнейшим средством для замещения кафедр»⁶⁸³. Однако ни в 1860-х, ни в 1870-х гг. приват-доцентура не получила широкого распространения в российской системе образования. Главная причина этого состояла в отсутствии продуманных принципов и процедур ее финансирования.

Существенное изменение приват-доцентуры связано с разработкой и вступлением в силу университетского устава 1884 г., который значительно расширил этот институт.

Позволим себе обширную цитату из брошюры профессора ИНУ И.А. Линниченко (1916 г.), в которой автор иронически изложил суть, вкладываемую в приват-доцентуру университетским уставом: «Устав [18]84 г.

⁶⁸¹ См. подробнее: Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов (1803–1884) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 98–116; Пискунов И.В. Как стать российским приват-доцентом? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. № 51. С. 243–260.

⁶⁸² Устав и штаты Императорского университета Св. Владимира. Б.м., [1842]. С. 22–23.

⁶⁸³ Цит. по: Шаршунов В.А. История создания государственной системы аттестации ученых и педагогов в Российской империи // Проблемы управления. 2007. № 3 (24). С. 83.

возлагал большие надежды на приват-доцентуру. Ее считали Броун-Секаром *Academicum*⁶⁸⁴ способным оживить инертную ткань Академической корпорации. Приват-доценты – не профессорские адъюнкты, младшие преподаватели, *apprentis*⁶⁸⁵, аспиранты, помощники профессоров, работающие под их ферулою⁶⁸⁶, ауспициями⁶⁸⁷, постепенно зреющие в профессора; это те же профессора, только свободные, почти независимые, не зараженные рутиною конкуренты штатной профессуры. Приват-доцент может открыть курс, параллельный курсу профессора, которого он перестал слушать чуть ли не вчера; он может, обладая талантом, знаниями и лекторскими способностями, превратить профессора в казенный манекен, чиновника в мундире, единственную обязанность которого будет получать жалование в свое двадцатое число; профессор может остаться без слушателей, перекочевавших в аудиторию его талантливого соперника... и без гонорара, целиком перекочевавшего в карман талантливого конкурента, *professeur libre de l'Ecole d'Etat*⁶⁸⁸. [...] Настоящая “*Concours hippiques*”⁶⁸⁹ таланта и знаний – славы и пекунии⁶⁹⁰ достигает “фаворит”. Профессор должен вечно тренироваться, подтягиваться, быть на чеку, напрягать все силы, чтобы одолеть приват-доцента в окончательном финише и получить *Grand Prix*⁶⁹¹ – гонорар»⁶⁹².

Более академично схожую мысль в марте 1885 г. сформулировал ректор ИУСвВ Н.К. Ренненкампф в письме к попечителю Киевского учебного округа С.В. Голубцову: «Устав Университетов 1884 года, упразднив оказавшееся неудачным учреждение штатных доцентов, стремится развить приват-доцентуру, надеясь образовать этим путем будущих профессоров и вместе с тем побудить

⁶⁸⁴ Броун-Секар Шарль Эдуар – французский физиолог XIX в., объявивший об омолаживающем влиянии на человеческий организм вытяжек из семенных желёз животных.

⁶⁸⁵ Ученики (фр.).

⁶⁸⁶ Ферула – гнетущий и бдительный надзор (Толковый словарь Ушакова).

⁶⁸⁷ Ауспиции – наблюдения (устар.).

⁶⁸⁸ Профессор школы свободного государства (фр.).

⁶⁸⁹ Турнир, забег, скачки (фр.).

⁶⁹⁰ Денег (от лат. *pecunia*).

⁶⁹¹ гран-при (фр.).

⁶⁹² ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 15. Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг, 1916. С. 21.

штатных профессоров стоять на уровне современных научных требований и быть всегда готовыми к конкуренции»⁶⁹³.

Еще один типичный взгляд на характеризующее нововведение был выражен в 1906 г. профессором ИСПБУ Д.Д. Гриммом: «Приват-доцентура по назначению своему должна служить рассадником свободной науки. Все, что связывает профессуру – утверждение со стороны высшего начальства, чины и ордена, материальная зависимость от власти – здесь отпадает»⁶⁹⁴.

Заметим, что рассуждения рассматриваемого периода о необходимости приват-доцентуры принципиально не отличались от подобных рассуждений, проходивших ещё в 1860-е гг., что видно из исследования И.В. Пискунова⁶⁹⁵.

Профессиональная деятельность приват-доцентов в основном регламентировалась статьями 109–113 Устава (помимо этого, о приват-доцентах упоминалось в статьях 95, 97, 99, 108). Статья 109 определяла круг лиц, имевших право быть приват-доцентами. Статья 110 касалась процедуры становления приват-доцентом. Статья 111 была посвящена вопросу контроля качества их работы. Статья 112 определяла механизм вознаграждения труда приват-доцентов. Наконец, в соответствии с 113-й статьей предусматривалось сложение звания приват-доцента с лица, не преподававшего более полугода⁶⁹⁶.

Со временем законодательство уточнялось, поводом для чего становились нарекания в отношении «научных и педагогических качеств лиц, ищущих звания приват-доцента».

8 декабря 1885 г. появился циркуляр МНП, обязывавший приват-доцентов «представить доказательства, что он имеет в своем распоряжении пособия и демонстрационный материал, достаточные, чтобы выполнить задачу, им на себя

⁶⁹³ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1885). Д. 6. Л. 1.

⁶⁹⁴ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве Народного просвещения под председательством Министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 182.

⁶⁹⁵ Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов (1803–1884) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 101–102.

⁶⁹⁶ Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 35–40.

принимаемую, и притом для значительного или только ограниченного числа слушателей»⁶⁹⁷.

12 мая 1898 г. было опубликовано Циркулярное предложение МНП начальствам учебных округов, касавшееся приват-доцентов. В нем указывалось на необходимость более жесткого контроля над преподавательской деятельностью «младших преподавателей» со стороны факультетского начальства и между прочим подчеркивалось, что «так как время, проведенное в звании приват-доцента зачисляется при известных условиях в действительную службу и само это звание дает впоследствии право на занятие должности профессора, то следует строго следить, чтобы сим званием отнюдь не пользовались лица, не читающие лекций в университете, хотя бы то было и вследствие отсутствия слушателей: а потому [...] приват-доцент, не преподававший без уважительных причин в течение полугодия, лишается этого звания, причем уважительность причин в каждом отдельном случае определяется факультетом»⁶⁹⁸. После этого распоряжения была проведена своего рода «ревизия» приват-доцентов. Декан физико-математического факультета ИКУ в отношении от 8 июня 1898 г. сообщал ректору, что в настоящее время при факультете состоит 15 приват-доцентов, 10 из которых по поручению факультета читают обязательные курсы; все приват-доценты в предыдущем полугодии имели слушателей. Он заявлял, что за 8 лет деканства не было ни одного случая жалоб на преподавание приват-доцентов или неисполнения ими поручений. Далее следовал список всех 15 приват-доцентов с указанием количества их слушателей. Согласно этим данным, среднее число слушателей приват-доцентских курсов на физико-математическом факультете равнялось 20. Больше всего слушателей было у А.Я. Гордягина – 78 студентов⁶⁹⁹. И.о. декана историко-филологического факультета профессор Ф.А. Курганов сообщал о пяти приват-доцентах, каждый из которых вел обязательные курсы⁷⁰⁰.

⁶⁹⁷ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 87. Д. 6639. Л. 149 об.

⁶⁹⁸ Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. Т. 14. 1898–1900 гг. СПб, 1904. Столбец 177–178. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9921. Л. 1 – 2 об.

⁶⁹⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9921. Л. 5 – 5 об.

⁷⁰⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9921. Л. 4 – 4 об.

Серьезное изменение института приват-доцентуры произошло в 1912 г. Циркуляром от 19 февраля 1912 г. приват-доцентам запрещено было чтение курсов, параллельных с профессорскими⁷⁰¹, из-за чего многие курсы прекратили свое существование⁷⁰².

На приват-доцентов как на членов преподавательского корпуса распространялись некоторые льготы. Например, они не несли военную службу, правда, только с 1898 г., когда в «Список должностей, освобождающих от призыва в войска» были включены и приват-доценты⁷⁰³. Их дети, обучавшиеся в университете, были освобождены от взноса платы за обучение⁷⁰⁴.

Для характеристики института приват-доцентуры важно составить представление о количестве и удельном весе данной категории преподавателей. Выяснение полного списка приват-доцентов 1884–1917 гг. составляет определенную сложность. Так, из министерских документов видно, что в первое время после вступления в силу нового устава не во всех университетах велись формулярные списки приват-доцентов⁷⁰⁵.

Обратимся с целью определения численности приват-доцентов к данным по столичному университету. Накануне введения устава 1884 г. в ИСПБУ несли службу 83 штатных преподавателя, из них 40 профессоров, 24 доцентов и 8 лекторов⁷⁰⁶. В предреволюционном 1916 г. в университете преподавали уже 293 человек. Но при этом рост преподавательского состава достигался, главным образом, за счет группы «младших преподавателей»; удельный вес приват-

⁷⁰¹ Хотя еще в 1901 г. Совет ИУСвВ утверждал, что «для молодого ученого представлялся большой риск открыть такой курс при наличных обязательных преподавателях, и имея в перспективе лишь вознаграждение в виде гонорара от слушателей... мы не знаем случая, чтобы приват-доценты вели курсы, параллельные с профессорскими» (Доклады Комиссии, избранной Советом Императорского университета Св. Владимира для разработки ответа на вопросы, предложенные г-ном Министром народного просвещения относительно устройства Университетов. Киев, 1901. С. 48).

⁷⁰² ЦГАМ. Ф. 459. Д. 7158.

⁷⁰³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. 1897–98. 1902. Столбец 1159–1196.

⁷⁰⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 430. Л. 3, 4. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11232. Л. 5.

⁷⁰⁵ ЖМНП. 1885. Июль. [пагин. 1-я]. С. 31.

⁷⁰⁶ Отчет по С.-Петербургскому университету за 1882 г. С приложением речи ординарного профессора В.П. Васильева. [СПб, 1883]. С. 11.

доцентов увеличился с 36,2 % в 1886 г. до 68,3 % в 1916 г. от преподавательского состава⁷⁰⁷.

Число приват-доцентов в российских университетах росло со следующей динамикой: в 1894 г. – 321, в 1900 г. – 422, в 1901 г. – 560, в 1905 г. – 556, в 1914 г. – 674 человек⁷⁰⁸. При этом, из 560 приват-доцентов в 1901 г., из них 287 было на медицинских факультетах, 91 – на историко-филологических, 119 – на физико-математических, 63 – юридических⁷⁰⁹. Обратимся к данным, приведенным украинским исследователем С.Н. Кулишом. Они представлены в ниже следующей таблице 20.

Таблица 20 – Количество приват-доцентов в некоторых университетах⁷¹⁰

Университет	Годы				
	1889	1899	1905	1910	1912
ИСПбУ	58	95	118	154	163
ИМУ	85	152	224	270	193
ИКУ	39	46	46	52	56
ИХУ	20	50	51	58	64
ИУСвВ	28	39	52	64	82
ИНУ	25	35	34	47	42

Из данных таблицы видно, что наибольшее количество приват-доцентов было в столичных университетах, именно там на рубеже XIX–XX вв. они представляли существенное явление университетской жизни.

⁷⁰⁷ Ростовцев Е.А., Баринев Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы. Томск, 2012. С. 41.

⁷⁰⁸ Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России в начале XX века / Сост.: Т. Маурер, А. Дмитриев. М., 2009. С. 127; Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб, 1901. С. 145.

⁷⁰⁹ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 159.

⁷¹⁰ Куліш С.М. Інститут приват-доцентури в Харківському університеті другої половини XIX – початку XX ст. // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2006. № 1. С. 45.

На 1 января 1914 г. ситуация с количеством приват-доцентов была следующей: во всех университетах состояло 674 приват-доцента, при этом в ИСПБУ – 162, в ИМУ – 199, в ИХУ – 70, в ИКУ – 62, в ИУСВВ – 81, в ИНУ – 53, в ИТУ – 13, в ИЮУ – 24, в ИНСУ – 10, в ИВУ приват-доцентов не было⁷¹¹.

Архивные фонды сохранили истории о том, как порой непросто было добиться приват-доцентуры. Так, ординатор Киевской городской больницы цесаревича Александра, доктор медицины В.П. Образцов, начиная с 1888 г. предпринимал, как минимум, четыре попытки занять место приват-доцента местного университета⁷¹². Наконец, в 1891 г. он был избран приват-доцентом, а еще через два года – профессором по кафедре частной патологии и терапии ИУСВВ.

При этом лишиться звания приват-доцента по воле вышестоящего начальства было не сложно. В этом отношении показателен случай приват-доцента А.И. Елистратова. Выпускник ИКУ, он с 1900 г. преподавал в нем в качестве приват-доцента юридического факультета. Был на хорошем счету и в 1906 г. даже был избран и.о. экстраординарного профессора кафедры полицейского права (единогласно в факультетском заседании и 33 голосами против 16 в заседании Совета университета), однако утверждение А.И. Елистратова экстраординарным профессором затягивалось. В феврале 1908 г. у А.И. Елистратова начались неприятности на службе после того, как он в Обществе вспомоществования приказчикам прочел публичную лекцию «Административное право и народное образование». По запросу из МНП попечитель учебного округа А.Н. Деревницкий через университетские власти затребовал текст лекции А.И. Елистратова, после знакомства с которым в мае 1908 г. министром А.Н. Шварцем было сделано распоряжение впредь не поручать А.И. Елистратову чтение обязательного курса, при этом вопрос о дальнейшем

⁷¹¹ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год. Пг, 1916, вед. 1.

⁷¹² ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 252. Л. 1–2, 4 – 10 об.

пребывании А.И. Елистратова на службе в ИКУ был оставлен на усмотрение попечителя⁷¹³.

С июня 1908 г. А.И. Елистратов был отстранен от чтения лекций в качестве приват-доцента. В августе 1908 г., получив на это предварительное разрешение, А.И. Елистратов написал лично министру народного просвещения обширное (в НАРТ сохранилась копия на 16 машинописных листах) «Объяснение», являющееся весьма любопытным документом. Так как А.И. Елистратову приписывалась пропаганда воззрений социал-демократической партии в упомянутой публичной лекции, в письме министру он разобрал 12 пунктов, в которых была усмотрена пропаганда, стремясь доказать, что ничего противозаконного в них не содержалось, и заявил, что «воззрения социал-демократической партии, в пропаганде каковых меня подозревают, принципиально не соответствуют моему научному credo».

Разобрав содержание публичной лекции и представив характеристику своей научной работы, А.И. Елистратов сделал попытку обжаловать перед министром действия попечителя учебного округа «как незакономерные с формальной стороны». Для устранения А.И. Елистратова от чтения лекций попечитель воспользовался 511-й статьей «Свода уставов ученых учреждений и учебных заведений», которая касалась только преподавания, составляющего служебную деятельность приват-доцента, а наказание А.И. Елистратов понес за публичную лекцию, прочитанную вне стен университета. А.И. Елистратов особо подмечал, что, «ознакомившись с содержанием лекции, прочитанной мною на публичном собрании вне университета, г[осподин] попечитель мог предположить, что в университете я читаю то же, что и на публичных лекциях. Однако публичная лекция, преследуя задачу популяризации знания, существенно отличается от лекции университетской, предполагающей солидное научное обоснование каждого содержащегося положения. Вместе с тем лектор может на публичных лекциях работать одним методом (напр[имер], историко-сравнительным), а в университетском преподавании держаться другого метода (напр[имер],

⁷¹³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 6224. Л. 52.

догматического). И во всяком случае карать по простому предположению юридически недопустимо. [...] Между тем, г[осподин] Попечитель не нашел нужным ни навести справки о моем университетском преподавании через г[осподина] Ректора и г[осподина] Декана, ни осведомиться с направлением моего преподавания лично»⁷¹⁴.

Последовал ли ответ на это письмо, нам неизвестно. Во всяком случае, известно, что с 1908 г. А.И. Елистратов перестал работать в ИКУ. Впрочем, уже с 1910 г. он стал экстраординарным профессором, а с 1911 г. – ординарным профессором кафедры полицейского права юридического факультета ИМУ.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что служебное положение приват-доцентов было нестабильным. Находясь за штатом университета, приват-доценты не могли быть уверены в стабильности своего служебного положения и искали возможность скорейшего получения штатной должности. Например, 18 октября 1892 г. приват-доцент ИМУ В.В. Сапожников на имя попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского направил письмо и жизнеописание («Curriculum vitae») со списком опубликованных работ, высказав просьбу предоставить ему вакантную кафедру в ИТУ. В письме В.М. Флоринскому он посетовал на то, что при его тогдашнем неопределенном положении в ИМУ он не мог с «той успешностью, как это было бы желательно», завершить свою докторскую диссертацию. «Получение кафедры [в ИТУ – М.Г.], – писал он, – дало бы мне возможность, не разбивая внимания, сосредоточиться на преподавании и ученых занятиях в избранной области, и в этом направлении быстрее совершенствоваться». Правда, он, ссылаясь на С.И. Коржинского, выразил сожаление, что в Томске он найдет «Малоблагоприятные условия для физиологических работ» и, тем не менее, выразил надежду на то, что «при небольшой материальной помощи со стороны университета» ему удастся создать необходимые для физиологических исследований условия. «Теперь, – писал он далее, – мое внимание обращено на предмет, не требующий особенно сложных и

⁷¹⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 6224. Л. 56–71.

дорогих приборов, и я довольствуюсь почти исключительно простыми химическими аппаратами»⁷¹⁵.

Стоит заметить, что критиков приват-доцентуры в университетской среде было довольно много. Приведем несколько показательных мнений.

Как уже отмечалось выше, ректор ИУСвВ профессор Н.К. Ренненкампф, который был невысокого мнения о качестве большинства медицинских докторских диссертаций, в марте 1885 г. в письме к попечителю Киевского учебного округа С.В. Голубцову отмечал: «При [...] легкости в получении медицинской докторской степени число медицинских докторов, желающих получить звание приват-доцента в Университете, не может быть незначительным. Стремление медицинских докторов к получению звания приват-доцента поддерживается еще следующими обстоятельствами: в университетских городах всегда есть значительные военные госпитали, Военно-окружные медицинские управления, при которых состоит большое число разных ординаторов, ассистентов, штабных врачей, имеющих докторские степени. Для всех этих лиц чрезвычайно привлекательно и выгодно получить звание приват-доцента, которое, возлагая на них не трудную обязанность – прочесть одну-другую в неделю практическую лекцию, дает им более возвышенное общественное положение, открывает способ заявлять о себе перед публикою и расширять свою практику».

В подтверждение своих слов Н.К. Ренненкампф привел данные, согласно которым на момент написания письма в ИУСвВ помимо пяти приват-доцентов из числа бывших штатных доцентов имелось еще четыре новых, «сверх того, в текущем полугодии заявили желание еще 4 доктора, есть данные, что на днях поступят заявления еще от 2-х докторов Военного госпиталя, и без сомнения, число это будет расти с каждым годом»⁷¹⁶. Н.К. Ренненкампф выражал сомнения, что такой наплыв докторов может принести пользу студенчеству. Н.К. Ренненкампф предлагал подыскивать приват-доцентов преимущественно из

⁷¹⁵ Ястребов В.Я. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск, 1996. С. 146.

⁷¹⁶ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1885). Д. 6. Л. 2 – 4 об.

числа лаборантов при кафедрах, а к претендующим на звание приват-доцента сторонним докторам предъявлять повышенные требования: в том числе отношении знания иностранных языков и качества пробных лекций⁷¹⁷. Получивший от попечителя округа сообщение о письме ректора Н.К. Ренненкампа министр народного просвещения И.Д. Делянов, назвал опасения ректора преувеличенными⁷¹⁸.

Ректор ИМУ Н.П. Боголепов в письме на имя попечителя П.А. Капниста (1887 г.) высказывал убеждение, что «Устав открыл широкий доступ как в приват-доценты, так и на различные сверхштатные должности по учебной части, учреждаемые в неограниченном числе. На практике это привело к чрезмерному переполнению университета учебным персоналом этих категорий и к понижению качества этого персонала [...] Огромная часть названного персонала не находит себе в университете настоящего дела; но она пользуется правами службы и пенсии, пользуется освобождением от исполнения воинской повинности, страдает неудовлетворенным самолюбием, ищет у студентов популярности и сближения, иногда будирует за одно с ними. Эти ненормальности усиливаются еще неясностью подчиненности этой многолюдной части учебного персонала органам университета, невозможностью надзора за нею и отсюда трудностью привлечь ее к ответственности, которая притом ослабляется тем, что лица эти, почти не получаю вознаграждения, мало дорожат своим местом и делают университету как будто одолжение своей службою. [...] Более всего недоразумений представляется на медицинском факультете, где второстепенный учебный персонал крайне многолюден и представляет среду, влияющую на студентов не всегда в желательном направлении. Многие ненормальные явления, приписываемые действию профессоров на студентов, проистекают на самом деле из условий, в которые поставлены как приват-доцентура, так и различные сверхштатные должности по учебной части»⁷¹⁹.

⁷¹⁷ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1885). Д. 6. Л. 2 – 2 об.

⁷¹⁸ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1885). Д. 6. Л. 5 – 5 об.

⁷¹⁹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4940. Л. 3 об. – 4.

По словам профессора ИМУ В.И. Герье, «приват-доцент может рассчитывать только на семь университетов, из которых некоторые даже не могут входить в расчет молодого человека, привязанного родом своих занятий или другими отношениями к какому-нибудь из университетских городов. Приват-доцентура есть роскошь университетской жизни, которая может развиться и разорвется само собой при избытке сил, когда будут удовлетворены существенные потребности университетов, когда число желающих получить кафедры превысит число последних. Но эта пора у нас еще не настала, и судить об этом можно по одному очень верному признаку. Где у нас магистры и доктора, не находящие себе места в университете? Когда в России окажется избыток в людях с учеными степенями, тогда у нас образуется почва для развития приват-доцентуры»⁷²⁰. Рассуждая о приват-доцентах как о «поставщиках» альтернативных курсов, В.И. Герье писал, что «польза, которую студенты в состоянии извлечь из конкуренции преподавателей, весьма двусмысленна», поскольку эта конкуренция основана на «фразеах и приманках» и не имеет отношения к подлинному «научному» состязанию⁷²¹.

Профессор ИМУ В.М. Грибовский полагал, что введение свободной приват-доцентуры «при существовании гонорарной системы и праве конкуренции с профессорами» и вовсе понизило уровень преподавания и экзаменационных требований⁷²².

Поднимался вопрос о приват-доцентуре и во время работы Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.). Перед началом работы комиссии советам университетов предлагалась обсудить вопрос о статусе и числе приват-доцентов. При наличии разных точек зрения на сей предмет, члены комиссии большинством голосов, настаивая на возвращении доцентуры, выступили за сохранение института приват-доцентов⁷²³.

⁷²⁰ Цит. по: Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов, 1893. С. 155.

⁷²¹ Герье В.И. Университетский вопрос // Вестник Европы. 1873. № 4. С. 833.

⁷²² Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса, 1912. С. 239.

⁷²³ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных

В.И. Пичета, учившийся на историко-филологическом факультета ИМУ на рубеже 1880–1890-х гг., отмечал в воспоминаниях: «При той системе университетского формализма, которая царила в это время в университете, единственно живыми были приват-доцентские курсы»⁷²⁴.

Не стоит забывать и про такой особый, но не очень распространенный феномен как становление приват-доцентами известных состоявшихся ученых. Например, вышедший в отставку в 1889 г. ректор ИКУ Н.А. Кремлёв, переехал в столицу, где стал консультантом при министерстве юстиции и участвовал в комиссии, разрабатывавшей новый Гражданский кодекс, а одновременно с этим стал приват-доцентом ИСПБУ. Среди таких лиц был и крупнейший физиолог И.М. Сеченов, который позднее вспоминал: «пребывание в петербургской лаборатории стало казаться мне бесцельным, даже неприятным, и я решил заменить профессорство более скромным приват-доцентством в Москве, где, по имевшимся сведениям, физиология не была в авантаже. С этой целью в 1888 г. я вышел в отставку [...] Я списался с моей старой приятельницей Надеждой Федоровной Шнейдер [которая] имела связи в университете и могла доставить мне верные сведения, насколько мое намерение приват-доцентствовать в университете может не нравиться некоторым из профессоров. Получился ответ, что моему переселению действительно не сочувствуют. На это я просил успокоить, что никого не стесню и никому не встану поперек дороги. Тогда получился удовлетворительный ответ, и я ранней весной съездил в Москву подать документы о приват-доцентстве»⁷²⁵. Необходимо заметить, что подобная категория приват-доцентов встречалась почти исключительно лишь в столичных университетах.

заведений. Вып. 2. СПб, 1903. С. 113–115.

⁷²⁴ Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М. 1989. С. 584.

⁷²⁵ Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М., 1945. С. 164–165. Заметим, что через три года приват-доцентства И.М. Сеченов займет в ИМУ профессорскую должность.

При обсуждении различных сторон университетского вопроса нередко поднималась тема реформирования института приват-доцентуры. Так, профессор ИХУ В.Я. Данилевский, разрабатывая авторский проект университетской реформы (1897 г.), о приват-доцентах, которым поручается чтение курсов, высказывался следующим образом: «Такой преподаватель обыкновенно оказывается не на высоте своего призвания; он мало опытен в этом деле; он не член коллегии и это одно уже ставит его преподавание в необычное положение»⁷²⁶. «Результатом этого [отсутствия контроля со стороны декана и факультета за курсами приват-доцентов – М.Г.] происходит то, что молодые приват-доценты, к которым всегда более относится выражение “docendo discimus”⁷²⁷, лишенные благожелательного руководства, стараются нередко пополнить недочеты и пробелы своих курсов смелостью суждений, стремятся излагать “по своему”, неосновательным новаторством и т.п.»⁷²⁸. «Многочисленные приват-доцентские курсы развлекают внимание студентов, мешают им сосредоточиться на основательном изучении главных предметов, причиняют малоуспешность систематического хода учения, способствуют развитию энциклопедического полужнания с его обычную самонадеятельностью и неосновательностью»⁷²⁹. В.Я. Данилевский, впрочем, делал оговорку, что «быть может, [...] такие недочеты преподавания [...] являются лишь в виде исключений». «Но даже в этом случае необходимо изменить постановку всего этого дела»⁷³⁰. В.Я. Данилевский внес предложения по изменению приват-доцентуры. По его мнению, для того, чтобы стать приват-доцентом, было необходимо: иметь «одобрительный отзыв факультета», прочтение двух пробных лекций, признанных факультетом удовлетворительными, программа курса и «объяснительная по ней записка» рассматриваются в факультете (требуется одобрительный отзыв компетентного рецензента). Кроме этого приват-доцент должен доказать наличие «достаточных способов и средств обеспечения

⁷²⁶ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 10 об.

⁷²⁷ «обучая, учатся» – лат.

⁷²⁸ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 11.

⁷²⁹ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 11 об.

⁷³⁰ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 11 об. – 12.

практическо-демонстрационной части своего курса». По клиническому предмету условием допуска должен являться еще и клинический разбор приват-доцентом трех больных в присутствии факультетской комиссии, а для хирурга – производство одной операции. Звание приват-доцента В.Я. Данилевский предлагал давать не ранее как через два года после получения степени доктора медицины. «Приват-доценту по соглашению со штатным преподавателем [...] может быть поручено [...] чтение известного отдела обязательного курса. [...] В таком виде приват-доцентура может оказать существенную помощь штатного преподавания». По окончании курса приват-доценту следовало представить отчет, в котором отразить число прочитанных лекций и число слушателей, при этом В.Я. Данилевский полагал, что приват-доценты не имеют права самостоятельно производить какие-либо поверочные испытания или зачеты полугодий»⁷³¹. В.Я. Данилевский критиковал практику приобретения звания приват-доцента прозекторами, ассистентами и лаборантами. «Вместо того, чтобы помогать своему профессору в ведении его обязательного курса такие приват-доценты нередко уделяют гораздо больше времени, труда и внимания своему частному курсу, совершенно независимому от профессорского. Это порождает неправильные отношения между обоими лицами»⁷³².

В апреле 1897 г. попечитель Московского учебного округа Н.П. Боголепов направил министру народного просвещения И.Д. Делянову обширную записку о мерах к упорядочению института приват-доцентуры: «тринадцатилетние применения Университетского Устава 1884 года обнаружило несколько крупных недостатков в постановке приват-доцентуры. Эти недостатки особенно вредно отражаются в жизни Московского университета вследствие того, что в нем число приват-доцентов чрезвычайно велико»⁷³³.

Недостатки приват-доцентуры Н.П. Боголепов видел следующие:

1. Приват-доценты образуют группу, над которой не имеет власти ни факультетская, ни университетская администрация. «Некоторые из приват-

⁷³¹ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 12.

⁷³² ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 12 об.

⁷³³ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4922. Л. 1.

доцентов отказывались присутствовать ассистентами на экзаменах, ссылаясь на то, что нет закона, который давал бы кому-нибудь налагать на них подобные обязанности. Некоторые и прямо заявляли ректору, что не считают себя ему подчиненными»⁷³⁴ «Представленный самому себе юный приват-доцент, по самой юности своей склонный к нарушению меры и к радикализму, может делать большие ошибки в приемах преподавания, а иногда, пользуясь своим безответственным положением, внушать слушателям взгляды, вредные и в политическом отношении»⁷³⁵.

2. «Не имея возможности конкурировать с профессорами по существу дела, многие из приват-доцентов прибегают к таким средствам конкуренции, какие не должны быть терпимы: на лекциях и в частных сношениях льстя студентам, на экзаменах обнаруживают крайнюю снисходительность в оценке ответов, что особенно пагубно при конкурентных курсах, потому что побуждает и конкурента делать то же самое; курс лекций стараются сделать покороче и вообще более легким для экзамена, хотя бы в ущерб научному его достоинству, в стремлении привлечь слушателей доходят до того, что зазывают студентов в аудиторию, даже устраивают для них закуску»⁷³⁶.

3. «Образовался довольно значительный класс не читающих приват-доцентов, преимущественно, но не исключительно на медицинском факультете [...]. Приват-доценты могут оставаться при университете неопределенное количество лет, совсем не читая. Таким образом, наислабейшие из приват-доцентов, т.е. совсем не имеющие слушателей, пользуются во-1-х званием приват-доцента, а во-2-х важными преимуществами по ст[атье] 150 Устава: им в случае поступления на государственную службу, засчитывается в действительную службу время, проведенное в звании приват-доцента. Эти лица перед концом двадцати пятилетия будут всеми средствами добиваться профессуры, и таким образом некоторые кафедры, хотя бы на короткий срок, будут заняты лицами

⁷³⁴ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4922. Л. 1.

⁷³⁵ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4922. Л. 1 об.

⁷³⁶ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4922. Л. 1 об.

заведомо неспособными к преподаванию»⁷³⁷. Указанные недостатки попечитель видел возможность устранить через официальное толкование Устава со стороны Министерства.

Как видим, споры о сущности и целесообразности и истинном назначении приват-доцентуры велись на протяжении всех тридцати с лишним рассматриваемых лет. Радикальные изменения последуют после февраля 1917 г. На волне демократизации высшей школы институт приват-доцентуры был еще более расширен. С целью расширения круга лиц, допускаемых к преподаванию, в начале осени 1917 г. МНП инициировало допуск к соисканию звания приват-доцента лиц, окончивших курс университета, не только путем сдачи магистерского экзамена и прочтения пробных лекций, но и путем защиты диссертации *pro venia legendi*⁷³⁸. Кстати, такой способ и ранее был разрешен в ИЮУ⁷³⁹.

С этого же времени произошло официальное допущение приват-доцентов в университетские Советы. Вот, как описывал 19 сентября 1917 г. первое такое заседание М.М. Богословский: «Заседание факультета в расширенном составе с приват-доцентами, к которым Грушка [декан историко-филологического факультета ИМУ – М.Г.] обратился с приветственной речью по этому поводу. От них отвечал Д.Н. Ушаков. Заседание было длинное и будничное с массой текущих, самых прозаических дел [...]. Приват-доценты стали разбегаться, и к середине заседания остались уже одни почти профессора, обязанные заседать, потому что получают жалованье, между прочим, и за это»⁷⁴⁰. Впрочем, автора строк можно признать предвзятым наблюдателем; М.М. Богословский тяготел к «правой» профессуре и не был сторонником расширения служебных прав «младших преподавателей».

Изучение практики функционирования института приват-доцентуры в российских университетах в конце XIX – начале XX в. приводит к выводу о том,

⁷³⁷ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4922. Л. 1 об. – 2.

⁷³⁸ На получение права читать лекции.

⁷³⁹ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 61. Л. 85.

⁷⁴⁰ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 216.

что далеко не все идеи, заложенные при разработке Устава 1884 г., нашли воплощение в реальности. Более того, идея «свободы преподавания и свободы слушания» (именно с ней связывалось расширение приват-доцентуры) вступала в непримиримое противоречие со строгой курсовой системой, предполагавшей посещение студентами тех курсов, которые читались в соответствии с утвержденными МНП программами⁷⁴¹.

С другой стороны, создание в университетах обширной категории преподавателей «второго сорта», породило ситуацию конфронтации, которая приобретала политическое звучание в накаленной атмосфере начала XX в.

Штатная доцентура

Не будет преувеличением сказать, что вопрос о возвращении доцентов в штат университетов не сходил с повестки весь период действия устава 1884 г., в соответствии с которым доцентура в императорских университетах была отменена (за исключением ИВУ и ИЮУ).

Члены профессорской Комиссии 1902 г. единодушно высказывались за возвращение штатной должности доцента⁷⁴², причем тема штатной доцентуры стала лейтмотивом работы Комиссии. Она звучала не только при обсуждении проблемы ученых степеней и званий, но вплотную затрагивалась тогда, когда поднимались вопросы о факультетских штатах, профессорских стипендиатах, университетских окладах и др. Необходимость штатной должности доцента в университете объяснялось ожидаемым «расширением и усложнением преподавания». Кроме того, по мнению Комиссии, восстановление доцентуры должно сделать академическую карьеру более привлекательной: по действовавшему Уставу для того, чтобы занять штатную преподавательскую должность (экстраординарного профессора), нужно иметь докторскую степень,

⁷⁴¹ Еще в 1901 г. Совет ИУСвВ заявил: «Так наз[ываемые] “свобода преподавания и свобода слушания” – эти столпы нового порядка, потерпели на практике полное изменение и, наконец, крушение, и флаг, поднятый во имя их, вскоре был спущен» (См.: Доклады Комиссии, избранной Советом Императорского университета Св. Владимира для разработки ответа на вопросы, предложенные г-ном Министром народного просвещения относительно устройства Университетов. Киев, 1901. С. 45).

⁷⁴² Труды... Вып. 2. СПб, 1903. С. 113–114.

которую обычно получали не ранее, чем через 10 лет после окончания университета. В течение этого срока претендент на кафедру вынужден был находиться в неопределенном статусе приват-доцента. Настаивая на возвращении доцентуры, члены комиссии выступали за сохранение института приват-доцентов⁷⁴³.

На совещании профессоров по университетской реформе 1906 г. большинство вновь высказалось за возвращение штатной доцентуры; при этом предполагалось допущение доцентов в Совет факультета с правом решающего голоса по всем вопросам, кроме избрания профессоров, но недопущение в университетский Совет⁷⁴⁴.

Проект нового университетского устава, разработанный МНП в 1915 г., предполагал возвращение штатной доцентуры (с ликвидацией должности экстраординарного профессора). Во время обсуждения проекта в ИНСУ профессор П.П. Заболотнов высказался против этого, видя в штатных доцентах «тех людей, которые, в случае конкурса, могут заслонить кандидатов со стороны и тем препятствовать освежению факультетов». По его мнению, лучше было «иметь дело с приват-доцентами, а не связывать себя как бы обязательством по отношению к доцентам предоставлять им во чтобы то ни стало кафедры». Впрочем, профессор П.П. Заболотнов остался в меньшинстве, и совет ИНСУ поддержал идею восстановления штатной доцентуры⁷⁴⁵.

На практике только Временное правительство летом 1917 г. санкционировало учреждение в российских университетах должностей доцентов с содержанием 2 400 руб. в год. Число штатных доцентов не должно было превышать: на историко-филологическом факультете – одиннадцати, на физико-математическом – четырнадцати, на юридическом – восьми, на медицинском – девяти, на восточном – десяти. Должности доцентов должны были замещаться факультетами из лиц, имевших степень доктора или магистра или же

⁷⁴³ Труды... Вып. 2. СПб, 1903. С. 113–115.

⁷⁴⁴ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве Народного просвещения под председательством Министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 45–46.

⁷⁴⁵ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598. Л. 94.

удовлетворявших условиям допущения к преподаванию в качестве приват-доцентов и фактически преподававших в высших учебных заведениях не менее трех лет. Весьма важным обстоятельством нового закона было то, что доценты допускались к участию в заседаниях факультетов с решающим голосом по всем делам кроме вопросов об избрании профессоров⁷⁴⁶. Таким образом, возвращение доцентуры вслед за окончанием имперского периода символизировало и конец прежнего этапа университетской истории, длившегося с вступления в силу устава 1884 г., ликвидировавшего доцентуру.

Стаж

Нередко возникали сложности с определением стажа профессоров и преподавателей.

Например, профессор ИНУ И.Ф. Синцов в 1893 г. возбуждал перед ректором ходатайство о внесении изменений в его формулярный список, в котором значилась фраза о том, что он в 1868 г. был оставлен при ИКУ «для занятий по геологическому кабинету»⁷⁴⁷. Профессор Синцов предлагал трактовать эту фразу в значении: оставлен для приготовления к профессорскому званию, так как в таком случае данный срок можно было бы включать в общий стаж. Ходатайство Синцова было поддержано ректором И.С. Некрасовым, однако из министерства был получен отказ на том основании, что закон о зачислении в действительную службу времени, проведенного при университете для приготовления к профессорскому званию стал действовать только с 12 мая 1871 г. и его действие не могло распространяться на более ранний срок⁷⁴⁸.

При назначении пенсии профессору ИТУ Ф.К. Крюгеру возник вопрос, считать ли его службу в ИДУ в 1887–1888 гг. в качестве ассистента медицинской или учебной. Служба была признана учебной, что было выгодно для Ф.К. Крюгера⁷⁴⁹.

⁷⁴⁶ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 3. Л. 34 – 34 об.

⁷⁴⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 332. Л. 11.

⁷⁴⁸ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 332. Л. 10 – 10 об.

⁷⁴⁹ ЕАА. 402. N. 3. S. 886. L. 99–102.

Сложности с определением срока выслуги того или иного профессора случалось и в тех случаях, когда профессора работали не только в университетах, но и в других учебных заведениях. Например, в 1908 г. профессор ИУСвВ Л.С. Белогриц-Котляревский ходатайствовал о зачете в срок выслуги звания заслуженного профессора времени службы в Демидовском юридическом лицее с февраля 1883 г. по апрель 1891 г., то есть свыше восьми лет. Ходатайство профессора поддержал и попечитель Киевского учебного округа П.А. Зилов, однако по причине скорой кончины, решения своего вопроса Л.С. Белогриц-Котляревский не успел дожидаться⁷⁵⁰.

В то же время известно, что, например, профессору ИТУ И.В. Михайловскому был засчитан судейский стаж⁷⁵¹.

Возникали сложности с определением срока службы в связи с заграничными командировками. Зачастую вопрос о том зачитывать или не зачитывать время нахождения за границей того или иного преподавателя решался явочным порядком. Профессор ИКУ К.А. Арнштейн в феврале 1885 г. возбуждал перед ректором ходатайство о зачислении в срок действительной службы времени, проведенного им за границей с целью обучения, но за собственный счет: в 1864 г., сдав экзамен на доктора медицины в ИДУ К.А. Арнштейн оправился в Мюнхен, где был зачислен студентом университета. Пробыв там год, перебрался в Берлин, где посещал занятия известных германских профессоров-медиков и проводил собственные исследования. В декабре К.А. Арнштейн вернулся в Дерпт и защитил диссертацию на степень доктора медицины. «Таким образом – заключал К.А. Арнштейн в ходатайстве – я занимался три года [...] в германских университетах и целью приготовления к профессорскому званию, что удостоверяется [...] документами и указаниями на печатные труды»⁷⁵². Делу был дан ход. Ректор Н.Н. Булич обратился к попечителю учебного округа В.А. Попову, попечитель – в МНП, откуда в апреле 1885 г. пришел

⁷⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 175. Л. 1, 7, 17.

⁷⁵¹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1016. Л. 46.

⁷⁵² НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7435. Л. 1 – 1 об.

положительный ответ⁷⁵³. В 1893 г. ходатайство о зачислении в срок службы времени, проведенного за границей с 1 января 1870 по 1 января 1872 г. и с 1 июля по 1 октября 1872 г., возбудил профессор ИУСвВ О.В. Баранецкий⁷⁵⁴.

В целом, стаж действовавших университетских преподавателей был, как правило, не мал.

Вот, например, данные по ИМУ на 1897 г.:

- прослуживших менее 10 лет – 2 профессора
- прослуживших от 11 до 15 лет – 6 профессоров
- прослуживших от 16 до 20 лет – 21 профессор
- прослуживших от 21 года до 25 лет – 15 профессоров
- прослуживших от 26 до 30 лет – 20 профессоров
- прослуживших более 30 лет – 20 профессоров⁷⁵⁵.

Как видим, порядка половины всех профессоров ИМУ в конце XIX в. имели более чем 25-летнюю выслугу. Аналогичный вывод о стаже профессоров ИСПБУ можно сделать на основании исследования, проведенного Е.А. Ростовцевым⁷⁵⁶.

Оставление должности

Прибегая к известной практике и формальной логике выделим ключевые возможные обстоятельства оставления преподавательской должности в российском университете конца XIX – начала XX в.

- перемещение внутри образовательной системы (императорских университетов; всей отечественной образовательной системы; международной образовательной системы);
- добровольное увольнение (из-за желания сменить занятие, болезни и пр.);
- недобровольное увольнение;
- выход на пенсию;
- смерть.

⁷⁵³ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7435. Л. 4 – 4 об.

⁷⁵⁴ ГАК. Ф. 16. Оп. 332. Д. 10. Л. 1–6.

⁷⁵⁵ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 16.

⁷⁵⁶ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 162–164.

Поскольку о перемещениях (мобильности) преподавателей речь уже шла выше (в первом разделе этой главы), разберем ниже кейсы, связанные преимущественно с их увольнением и выходом на пенсию.

Недобровольное увольнение. В 6-й главе подробно рассказывается о случаях увольнения профессоров по политическим мотивам. Такова была судьба приват-доцента ИНУ Р.М. Орженцкого, приват-доцент ИСПбУ В.И. Семевского, профессоров ИКУ Д.Н. Зейлигера и Н.Н. Фирсова, профессора ИМУ М.М. Ковалевского, профессора ИСПбУ О.Ф. Миллера, профессора ИТУ М.А. Рейснера и других. После февральской революции начинается, в некотором смысле, противоположный процесс. В марте 1917 г. министерство рекомендовало уволить из университетов всех профессоров, назначенных после 1905 г. без прохождения процедуры выборов в Советах. Очевидно, что в основном эта мера коснулась преподавателей консервативных политических взглядов, которыми в предшествовавшее десятилетие правительство стремилось замещать вакантные кафедры. Нововведение затронуло профессора ИМУ М.М. Богословского. 12 марта 1917 г. он записал в дневнике: «Вот какие дела бывают на свете! Я вчера лег спать профессором Университета, а проснулся сегодня уже не профессором. Взяв в руки “Русские ведомости”, я увидел распоряжение министра народного просвещения [А.А. Мануйлова] об увольнении всех профессоров, назначенных с 1905 г., и о замещении их должностей в кратчайший срок путем ускоренной рекомендации, не прибегая к конкурсам. Итак, прощай, Alma mater!»⁷⁵⁷. 18 марта М.М. Богословский пишет: «Вчера вечером принесли бумагу из Университета с предложением подать в отставку в трехдневный срок и с предупреждением, что если прошения не подадите, то будете уволены без прошения»⁷⁵⁸. Однако уволенные профессора имели право, пройдя через процедуру выборов, восстановить свое положение в университете. Выборы М.М. Богословского в совете факультета состоялись 25 апреля: «День достопримечательный в моей

⁷⁵⁷ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 165.

⁷⁵⁸ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 168.

жизни! [...] Приближалось время, когда должно было начаться заседание факультета, на котором назначены были мои выборы. [...] Оказалось, что я избран единогласно – случай редкостный. Даже рука Р.Ю. Виппера не повернулась налево»⁷⁵⁹. 29 апреля состоялись выборы в университетском Совете, которому теперь принадлежало окончательное право утверждения на профессорские должности: «Только в 6-м часу узнал о результате выборов, сообщенном Готье. Я получил 66 “за” и 4 “против”. Изрядное большинство! Ничего подобного я не ожидал. [...] Ну, таким образом, горе, разразившееся 12 марта, успокоено»⁷⁶⁰.

Добровольное увольнение и выход на пенсию. Как правило, оставление преподавания в университете и смена занятия были характерны для не состоявших в штате приват-доцентов, которые далеко не всегда достигали (дожидались) профессорских должностей, на что было особенно сложно рассчитывать без защищенной своевременно диссертации. Выпускник ИУСвВ Виктор Петров так писал об этом: «Те, кто выдержал первые испытания, написав медальную работу и добившись оставления при университете, в большинстве случаев не выдерживали вторых. Успешно пройдя магистерские экзамены и получив доцентуру, они сдавали. Их силы были исчерпаны. Они уже отдали все, что могли отдать, и превращались в ничто. Диссертации оставались ненаписанными. Опустошенные, они замолкали»⁷⁶¹. А «замолчав», часто покидали университет.

Досрочное оставление профессорской должности было весьма редким явлением. Источники доносят до нас информацию об единичных случаях такого рода.

Любопытен в этом отношении случай профессора ИЮУ Г.А. Таммана, который в ноябре 1902 г. был «уволен в отпуск» за границу по 12 января 1903 г. и,

⁷⁵⁹ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 177–178.

⁷⁶⁰ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 179.

⁷⁶¹ Цит. по: Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 119.

не возвращаясь из отпуска, возбудил ходатайство об увольнении его со службы со дня окончания срока отпуска, предполагая, при этом, что к этому времени он выслуживал срок, достаточный для получения пенсии по профессорской должности. Когда при рассмотрении прав на пенсию выяснилось, что для её получения профессору Г.А. Тамману следует прослужить еще 9 месяцев и 11 дней, он подал прошение о разрешении ему заграничной командировки или отпуска для научных целей до 19-го октября 1903 г. – времени выслуги им 20-летнего срока, дававшего право на «половинную» пенсию. Однако МНП к «удовлетворению такого ходатайства я не усматривало никаких оснований». Положение профессора Г.А. Таммана усугубилось тем, что до МНП дошли сведения о том, что профессор уже поступил на иностранную службу в Германии, не дождавшись требовавшегося по закону позволения русского правительства. Все это могло стать основанием для привлечения Г.А. Таммана к уголовной ответственности по статье № 325 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, согласно которой «кто отлучаясь из отечества войдет в иностранную службу без позволения правительства, или вступит в подданство иностранной державы, тот за сие нарушение верноподданнического долга и присяги подвергается: лишению всех прав состояния и вечному из пределов государства изгнанию, или в случае самовольного потом возвращения в Россию, ссылке в Сибирь на поселение».

Этот неординарный случай в июне 1903 г. разбирался на уровне министров народного просвещения (Г.Э. Зенгер) и внутренних дел (В.К. Плеве). Г.Э. Зенгер занял в отношении Г.А. Таммана достаточно мягкую позицию. Он писал В.К. Плеве: «Принимая [...] во внимание, что профессор Тамман по окончании отпуска подал прошение об увольнении его со службы и о дозволении поступить на иностранную службу и в виду бывших примеров, имел полное основание предполагать, что к удовлетворению такого ходатайства не встретится каких-либо препятствий, я признавал бы возможным не применять к нему ст[атью] 325 Улож[ения] о нак[азаниях] угол[овных] и исправ[ительных] и поступление его на иностранную службу до получения на сие позволение русского

правительства не считать препятствием к увольнению его, согласно прошению, от службы с 12-го января 1903 года, к предоставлению ему права на выслуженное единовременное пособие и к разрешению ему войти в иностранную службу»⁷⁶². Поскольку К.В. Плеве не возражал, именно такое решение и было принято⁷⁶³.

Чем-то схожий, но менее драматичный случай, произошел в конце университетской карьеры профессора ИМУ И.И. Янжула. В 1905 г. он был избран в Петербургскую академию наук и принял решение о переезде в столицу. Однако, к тому времени профессор еще не выслужил 30 лет, необходимых для полной пенсии. При незамедлительном переходе в Академию И.И. Янжул, как он сам выражался «лишился бы профессорской пенсии, имеющей, как известно, волшебное свойство сохраняться при всяком содержании», и, чтобы не потерять право на полную пенсию И.И. Янжул еще на несколько лет задержался в Москве⁷⁶⁴.

И.М. Сеченов так вспоминал свой уход из ИМУ в 1901 г.: «Покончить преподавательскую деятельность побудили меня лета, осознание начавшейся отсталости в науке и убеждение, что старику не следует дожидаться времени, когда публика будет желать его ухода. Моя отставка не вызвала, правда, сожалений ни в начальстве, ни в слушателях; но, с другой стороны, признаков, чтобы мой уход был желателен, тоже не было. Пршение об отставке было подано мною в начале академического года, и месяца три я ничего не знал о его судьбе. Думая, что оно застряло в какой-нибудь инстанции от канцелярии университета до канцелярии министра, я отправился с вопросом по этому поводу к ректору и узнал к немалому моему удивлению, что дело мое может быть покончено в несколько дней: по звонку колокольчика явился чиновник из канцелярии, ректор поручил ему написать мой формуляр, и дело кончилось без дальнейших разговоров»⁷⁶⁵.

⁷⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 60. Д. 46. Л. 1–2.

⁷⁶³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 60. Д. 46. Л. 4.

⁷⁶⁴ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. СПб, 1910. Т. 2. С. 82.

⁷⁶⁵ Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 175.

Как известно, согласно 104-й статье университетского устава 1884 г., после выслуги 25 лет профессора могли быть отправлены на пенсию или имели право ходатайствовать перед попечителем учебного округа об оставлении их на университетской службе⁷⁶⁶.

Такие ходатайства чаще удовлетворялись. Но встречались и исключения. Порой препятствия к продолжению службы исходили от университетского начальства. Так, осенью 1900 г. истек 25-летний период службы профессора ИВУ А.С. Таубера. Попечитель Г.Э. Зенгер запросил мнение ректора Г.К. Ульянова относительно оставления А.С. Таубера на службе (это случай в ином контексте уже затрагивался выше). Ректор предложил сохранить профессора в должности лишь до 1 июля 1901 г., то есть до окончания учебного года, после чего отправить на пенсию. Объясняя свою позицию, ректор писал: «по моему убеждению, профессор Таубер в качестве клинического преподавателя кафедры хирургии приносит Варшавскому университету больше вреда, чем пользы». Ректор указывал на «недостаточно удовлетворительную деятельность его как клинициста», при этом ссылаясь на слухи, ходившие в 1893 г. о двух смертях в клинике профессора Таубера («с тех пор и до настоящего времени профессор Таубер не приобрел себе репутации хорошего хирурга»)⁷⁶⁷. Еще одним аргументом выступали факты предвзятого отношения к студентам со стороны А.С. Таубера. В итоге профессор А.С. Таубер в 1901 г. вышел в отставку, переехал в Санкт-Петербург, где продолжил службу редактором Военно-медицинского журнала.

Переживания по поводу перспектив оставления в университете по истечении 25 лет службы встречаются и на страницах дневника профессора ИУСвВ А.Ф. Кистяковского⁷⁶⁸.

⁷⁶⁶ Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. С. 37.

⁷⁶⁷ APW. Z. 214. S. 109. k. 37.

⁷⁶⁸ Кістяківський О.Ф. Щоденник (1874–1885). У 2 тт. / Предмова І.Л. Бутича; примітки, показники, словник рідковживаних слів і термінів, список скорочень В.С. Шандра; упорядники В.С. Шандра (ст. упорядник), М.І. Бутич, І.І. Глизь, О.О. Франко. Київ, Т. 2. 1995. С. 472.

Иногда инициатором отправки профессора на пенсию тотчас после достижения 25 лет службы выступал попечитель. Так, в 1886 г. попечитель Киевского учебного округа С.П. Голубцов в письме министру И.Д. Делянову настойчиво предлагал так поступить в отношении профессора ИУСвВ П.П. Алексеева, который «неоднократно выражал неудовольствие свое к установленному новым Университетским уставом порядку»⁷⁶⁹. Однако, как ни странно, предложение попечителя не было реализовано, и П.П. Алексеев продолжил занимать кафедру химии до своей смерти в 1891 г.

Как правило, профессора, выслужившие и 30 лет, ходатайствовали об оставлении их при университете (хотя и за штатом), и такие просьбы, как на уровне ректора, так и на уровне попечителя и министерства встречали понимание и чаще всего удовлетворялись.

Случались и исключения. Так, ректор ИУСвВ Н.К. Ренненкампф, пересылая весной 1885 г. попечителю Киевского учебного округа С.П. Голубцову документы профессора П.В. Павлова, дал отрицательный отзыв, рекомендовав не удовлетворять ходатайства профессора. Аргументируя свою позицию, ректор указывал на то, что профессор Павлов, «имея степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики», после 13-летнего перерыва в университетской службе⁷⁷⁰, в 1875 г. был определен в ИУСвВ на учрежденную Уставом 1863 г. кафедру теории и истории искусств. «К сожалению, десятилетняя деятельность профессора Павлова на этом новом для него поприще совершенно не оправдала ожиданий. В течение указанного времени профессор Павлов не только не напечатал серьезного труда, относящегося к его кафедре и не выдал даже письменного курса своим слушателям, но также и не поместил нигде самой краткой заметки, которая бы хоть сколько-нибудь характеризовала бы его

⁷⁶⁹ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1886). Д. 8. Л. 6–7.

⁷⁷⁰ Заметим, что упоминаемый ректором перерыв университетской службы профессора Павлова был вызван тем, что в 1862 г., будучи профессором ИСПБУ, он по политическим обстоятельствам был арестован и административным порядком выслан в г. Ветлугу Нижегородской губернии. Позднее условия ссылки были смягчены, а в 1866 г. П.В. Павлову было разрешено вернуться в столицу.

научную успешную деятельность в области новой специальности»⁷⁷¹. В 1885 г. профессор П.В. Павлов был оправлен на пенсию.

Свое отношение к стремлению возрастных профессоров остаться в университете высказал в дневнике М.М. Богословский. 7 февраля 1917 г. он записал: «Факультетское заседание, главным вопросом которого было вознаграждение внештатных, выслуживших 30 лет профессоров. Вознаграждение это приходится брать из остатков от содержания личного состава, т. е. от свободных экстра-ординатур, и является опасность, что таким образом будет заграждаться путь приват-доцентам, получающим степень доктора, как это и происходит теперь с Шамбинаго [...]. Мое мнение такое: выслужил 30 лет и уступай дорогу молодым силам, тем более что, уступив такую дорогу, можно и самому преподавать с приват-доцентским вознаграждением по 300 рублей за час»⁷⁷².

Однако, к совету М.М. Богословского прислушивались далеко не все профессора, что отчасти предопределило углубление раскола между профессурой и молодыми преподавателями и о чем еще пойдет речь в 7-й главе.

Выводы по Главе 3

Первоначально университетская реформа 1884 г. изменила преподавательский состав российских университетов незначительно: две трети бывших доцентов сохранили за собой штатное место и даже выиграли в служебном отношении, став экстраординарными профессорами. С учетом выведенных за штат, но вскоре вернувшихся, или нашедших место в другом университете, доля таких лиц была еще выше. Менее всего штатные пертурбации 1884 г. затронули доцентов столичных университетов; более всего – доцентов ИХУ и ИУСвВ.

Однако введенный в 1884 г. Устав предопределил на три с лишним десятилетия особенности профессорско-преподавательского корпуса российских университетов. Специфической чертой рассматриваемого периода

⁷⁷¹ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 226. Л. 2 – 2 об.

⁷⁷² Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 153–154 с.

университетской истории, безусловно, следует назвать «сосуществование» штатных (профессора, лекторы) и нештатных (приват-доценты) преподавателей.

За тридцать с лишним лет (1884–1917 гг.) количество штатных единиц в российских императорских университетах изменилось не очень значительно. Рост обеспечивался штатами вновь открытых подразделений (кафедры, факультеты) и университетов, а также – категориями «сверхштатных» и «внештатных» профессоров; обращает на себя внимание тот факт, что профессора этой категории занимали весьма значительную долю от числа всех штатных преподавателей, особенно в ИСПБУ, ИМУ и ИУСвВ. При этом нужно иметь в виду, что реальная численность всей совокупности преподавательского состава университетов увеличивалась за счет приват-доцентуры. Наибольшее количество приват-доцентов было в столичных университетах, где они представляли существенное явление университетской жизни. Наименьшее – в молодых ИТУ, ИНСУ.

Вопрос комплектования штатов российских университетов тесно связан с темой мобильности, которую мы, имея в виду различные обстоятельства пространственного перемещения профессоров, предлагаем разделить на «академическую» и «неакадемическую» (или «административную»).

Резюмируя особенности академической мобильности отметим, что распространенным явлением рассматриваемого периода было движение молодых преподавателей-приват-доцентов из центра в региональные университеты в поисках штатного места, а зрелых, состоявшихся профессоров, напротив, из регионов – в центр в поисках лучших условий службы. Основная, массовая, академическая мобильность сопровождала открытие новых университетов – ИТУ, ИНСУ, отделение ИПГУ в Перми.

Неакадемическая мобильность (т.е. перемена места службы, не детерминированная научно-образовательными или карьерными мотивами) была связана с перемещениями профессоров из одного университета в другой по инициативе МНП, а также эвакуацией преподавательского состава ИВУ, ИУСвВ и ИЮУ в годы Первой Мировой войны.

В социальном отношении профессорско-преподавательский состав университетов постепенно демократизировался: нельзя не обратить внимание на то, как со временем в университетских кругах уменьшалась доля потомственного дворянства и росла доля выходцев из городских непривилегированных слоев. При этом обращают на себя внимание некоторые региональные особенности социального происхождения преподавателей различных университетов, В ИСПбУ и ИМУ доля дворян среди преподавателей была несколько выше, чем в университетах провинциальных. Бросается в глаза большой процент «инородцев» в ИСПбУ (что объясняется спецификой состава факультета восточных языков) и преобладание в ИТУ выходцев из духовенства (что объясняется тем, что первое время приезжавшие на службу в Томск преподаватели являлись в основном выпускниками Военно-медицинской академии, куда принимали на учебу и лиц, окончивших духовные семинарии).

В результате проводимой этно-конфессиональной политики в конфессиональном отношении большинство преподавателей университетов происходило из семей из православных и представляли титульную нацию.

Преподавательский корпус российских университетов не мог не затронуть один из «больных» вопросов России рубежа XIX–XX вв. – национальный вопрос. Острее всего он стоял в университетах, расположенных на западных окраинах Российской Империи (ИДУ, ИВУ, ИУСвВ); всю систему затрагивал неизменный «еврейский вопрос», помимо этого, приметой военного времени стал прежде не проявлявшийся «немецкий вопрос».

Резюмируя тему ученых степеней, должностей, званий как элементов системы координат университетской карьеры, следует подчеркнуть следующее:

– Защита диссертаций и процедура замещения вакантных должностей играли роль пропуска в университетскую преподавательскую корпорацию.

– Институт профессорских стипендиатов, выполнявший функции выращивания новых преподавательских кадров для университетов, не приходится признавать очень эффективным: лишь порядка 20 % профессорских стипендиатов защищали диссертации.

– Непрекращавшаяся весь рассматриваемый период дискуссия о необходимом количестве диссертаций к кануну 1917 г. подойдет к своему логическому завершению: учебные власти склонятся к мнению о необходимости сокращения числа ученых степеней до одной – докторской; но в жизнь эта идея так и не будет претворена по причине затяжек с принятием нового университетского устава.

– В период действия последнего университетского устава, допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности, правом этим МНП пользовалось не так уж и часто, а имевшие порой место случаи игнорирования мнения Советов при определении нового члена факультета зачастую воспринимались университетской общественностью как покушение на их права. Такое внимательное отношение профессуры к «кадровым вопросам» вполне объяснимо: члены университетской преподавательской корпорации желали, во что бы то ни стало, сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир, что им в основном удавалось.

– Изучение практики функционирования института приват-доцентуры в российских университетах в конце XIX – начале XX в. приводит к выводу о том, что далеко не все идеи, заложенные при разработке Устава 1884 г., нашли воплощение в реальности.

Более того, идея «свободы преподавания и свободы слушания» (именно с ней связывалось расширение приват-доцентуры) вступала в непримиримое противоречие со строгой курсовой системой, предполагавшей посещение студентами тех курсов, которые читались в соответствии с утвержденными МНП программами. С другой стороны, создание в университетах обширной категории преподавателей «второго сорта», породило ситуацию конфронтации, которая приобретала политическое звучание в накаленной атмосфере начала XX в.

Возвращение доцентуры вслед за окончанием имперского периода символизировало и конец прежнего этапа университетской истории, длившегося с вступления в силу устава 1884 г., ликвидировавшего доцентуру.

Глава 4. Профессорско-преподавательский корпус и студенчество: границ взаимоотношений

Завершая ту часть исследования, которая посвящена внутриуниверситетским обстоятельствам, обратимся к характеристике отношений преподавателей с главным объектом их деятельности – учащимися с целью исторической реконструкции особенностей взаимоотношения профессорско-преподавательского корпуса со студенчеством в рассматриваемый период.

4.1. Преподаватели и студенты в дореволюционном университете: кризис отношений

Университет – весьма консервативный общественный институт. Особенно это проявляется в вопросах субординации, в том, какие роли исполняют лица «университетской семьи»: студенты, учебно-вспомогательный персонал, профессора, администрация. «В университетской системе, – пишет современный исследователь Е.А. Вишленкова, – изначально заложено внутреннее противоречие, основанное на дидактической, бюрократической, возрастной, культурной, символической и прочих видах власти преподавательского “меньшинства” над студенческим “большинством”»⁷⁷³.

Такой порядок вещей был закреплён в нормативных актах, действовавших в рассматриваемый период. Согласно дополнению от 14 декабря 1885 г. 11-го параграфа Правил для студентов университетов, во время прохождения курса они были обязаны отдавать честь профессорам, прикладывая руку к козырьку фуражки, не становясь при этом во фронт (отдавать честь, прикладывая руку к козырьку фуражки и становясь во фронт, студенты должны были при встрече с

⁷⁷³ Вишленкова Е.А. Радикальная интеллигенция как побочный продукт университета Российской империи: опыт Казани // Логос. 2005. № 6. С. 219.

императором, императрицей, наследником престола, великими князьями и княжнами)⁷⁷⁴.

«Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов» требовали, чтобы студент всегда имел с собой именной билет для входа в университет и предъявлял его по требованию в том числе преподавателей; без билета студенты не должны были допускаться к слушанию лекций и к занятиям в университетских помещениях⁷⁷⁵. § 10 Правил запрещал студентам публично выражать свое отношение к тому что и как преподает профессор («Выражение одобрения или неодобрения преподавания ни под каким предлогом не допускается»). Согласно § 11, ко времени прихода преподавателя на лекцию все студенты должны быть в аудитории на своих местах и после начала лекции никому из слушателей входить в аудиторию не дозволялось⁷⁷⁶.

Приведенные в качестве примера нормы отражали патриархальный строй, унаследованный университетами из начала XIX века. Однако, рубеж XIX–XX вв. – время ускоренного развития, как экономики России, так и различных общественных институтов. Создаваемая веками модель университетской жизни, в том числе стилистика отношений преподавателей и студентов, не могла в этих условиях оставаться неизменной. Она переживала кризис, выражавшийся, с одной стороны, в отступлении части профессуры от соблюдения ритуалов в отношениях учащимися, а, с другой, – в протестах студентов против своих учителей.

Слово «кризис» в данном случае употреблено в значении «переходное состояние», которое порой сопровождается конфликтами, но вовсе не всегда. Например, тогда, когда профессора отступали от правил, предполагавших жесткую субординацию в отношении со студентами, это, как правило, находило положительный отклик у последних.

⁷⁷⁴ ЖМНП. 1886. Январь. [пагин. 1-я]. С. 41–42.

⁷⁷⁵ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. СПб, 1885. С. 11.

⁷⁷⁶ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. СПб, 1885. С. 13.

Л.И. Рубинштейн, поступивший на медицинский факультет ИТУ в год его открытия, в 1888 г., вспоминал: «Мы считались старшими и притом первыми, почему пользовались уважением и отчасти расположением, как младших товарищей – студентов, так и профессуры; профессора с нами всегда здоровались, подавая руку, чего не делали по отношению к младшим студентам»⁷⁷⁷.

И.К. Конаржевский, учившийся в ИТУ в одно время с Л.И. Рубинштейном, впоследствии писал: «В кабинетах и клиниках у нас не чувствовалось начальников и их подчиненных; здесь нередко между директором той или другой клиники по поводу встречающихся болезненных форм происходили целые дебаты, во время которых иногда нами высказывалось много и смешных, ничем не обоснованных, предположений, но никто из нас не был строго осужден, не был зло осмеян; зато, напротив, путем целого ряда научных доводов, ссылок на соответственные литературные источники старались наши профессора разубедить в заблуждениях, ошибках, не так понимаемых у кровати больного наличных явлений, доказать путем надлежащего освещения фактов истину»⁷⁷⁸.

Учившийся в том же университете Н. Зарницын, писал: «надо отдать справедливость, по отношению к студенчеству все профессора были в высшей степени внимательными и держались просто, по-товарищески»⁷⁷⁹.

З.Г. Френкель, поступивший в 1889 г. в ИМУ, вспоминал о практике достаточно неформальных отношений между учащими и учащимися: «Начало нового учебного семестра в январе 1890 г. после рождественских каникул связано прежде всего в моих воспоминаниях с “Татьяниным днем”, с днем годового праздника Московского университета. По уже укоренившейся традиции этот день

⁷⁷⁷ Рубинштейн Л.И. Воспоминания первого студента Императорского томского университета // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 417.

⁷⁷⁸ Конаржевский И.К. К десятой годовщине Императорского Томского университета: кое-какие мысли вслух // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 363.

⁷⁷⁹ Зарницын Н. Дни юности // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 424.

ежегодно отмечался общестуденческим банкетом в одном из крупнейших ресторанов, в “Эрмитаже”. Банкет начинался несколькими приветствиями, речами профессоров, в том числе самых старейших. Но основным и главным содержанием вечера было всеобщее пьянство, которое заканчивалось тем, что и студенты, и профессора на главной лестнице, в общем зале, в коридорах, везде лежали вповалку совершенно пьяными, либо их уносили и отправляли домой в извозничьих санях. Некоторые молодые студенты, впервые отмечавшие Татьянин день, с удивлением относились к тому, что наряду со студентами пьют и поют их профессора»⁷⁸⁰. Позднее З.Г. Френкель продолжит обучение в ИДУ. Об этом периоде он оставил такое показательное воспоминание: «я получил предложение от профессора Б. Кербера заниматься с двумя его сыновьями, учениками 2-го и 4-го класса, сильно отстававшими по многим предметам в школе. В качестве гонорара мне была предоставлена комната и питание: утром кофе подавался мне в мою комнату, а обед и ужин были за общим столом с семьёй профессора»⁷⁸¹.

Ю.В. Готье, учившийся во второй половине 1890-х гг. на историко-филологическом факультете ИМУ, так вспоминал о профессоре П.Г. Виноградове: «Он был именно тем, чем должен быть профессор по отношению к студентам: прост и доступен с соблюдением тех границ, которые отделяют настоящего большого ученого от начинающих учеников»⁷⁸².

П.П. Устюжанин, поступивший в 1916 г. в Пермское отделение ИПГУ, писал: «А.Г. Генкель читал нам ботанику. [...] Это был тип студента, мы всегда чувствовали себя с ним как со студентом, товарищем. Он и в вечерах студенческих активно участвовал»⁷⁸³.

⁷⁸⁰ Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб, 2009. С. 82.

⁷⁸¹ Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб, 2009. С. 108.

⁷⁸² Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 562.

⁷⁸³ Устюжанин П.П. В душе пылал огонь свободы // Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I / Сост. А.С. Стабровский. Пермь, Изд-во ТГУ Перм. отделение, 1991. С. 12.

Пожалуй, можно утверждать, что демократический, но предполагавший взаимоуважение, стиль отношений особенно располагал друг к другу преподавателей и студентов. Современные исследователи А.Ю. Парфиненко и С.И. Посохов отмечают важность для студентов XIX в. обращения профессоров к ним на «Вы» (то есть как к равным), типичное для рассматриваемого периода⁷⁸⁴.

Учившийся в 1881–1885 гг. в ИХУ А.Ф. Селиванов вспоминал: «Меня более всего поразили дружеские отношения, существовавшие между профессорами и студентами... За все четыре года я не помню никаких столкновений на нашем юридическом факультете между профессорами и студентами. Единственный профессор был К.Н. Ярош, который возбудил неудовольствие среди студентов нашего времени. Мы, поклонники реформ царя-освободителя, слышали то К[уприяна] Н[иколаевича] на лекциях осуждение этих реформ, и, в особенности, нас возмущало его нападение на суд присяжных»⁷⁸⁵. Автор воспоминаний, указывая на дружеские отношения, сложившиеся между профессорами и студентами, подчеркивал, что последние обращались к первым даже по личным делам. Обращают на себя внимание такие места из воспоминаний: «К нему [профессору К.К. Гаттенбергеру] никто не ходил, но в пивной Спонгради каждый вечер можно было найти любимого учителя и поговорить с ним»⁷⁸⁶.

Распространенной практикой рассматриваемого периода было неформальное прощание как преподавателей со студентами, окончившими курс, так и студентов с покидавшими по той или иной причине университет преподавателями. Приведем фрагмент обращения профессора Л.В. Рейнгарда к выпускникам медицинского факультета ИХУ (2 июня 1908 г.): «Последний раз

⁷⁸⁴ Парфиненко А.Ю., Посохов С.И. Старые и новые символы университетов (на материалах Харьковского университета второй половины XIX – первой половины XX веков) // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920 – 1950-е годы) // Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. Харьков, 2004. С. 242.

⁷⁸⁵ Селиванов А.Ф. Из воспоминаний о Харьковском университете за время с 1881 г. (август) по июнь 1885 г. постороннего слушателя // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 171.

⁷⁸⁶ Селиванов А.Ф. Из воспоминаний о Харьковском университете за время с 1881 г. (август) по июнь 1885 г. постороннего слушателя // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 172.

собравшись вместе, чтобы провести несколько часов в товарищеской беседе и сообщая вспомнить минувшие годы своей университетской жизни, Вы, мои дорогие друзья, не забыли и меня и почтили приветственной телеграммой. Ваша добрая память обо мне, Ваше сердечное ко мне отношение глубоко тронули меня и вызвали непреодолимую потребность выразить Вам самую горячую благодарность и от всей глубины души пожелать Вам счастья и успеха в предстоящей Вам благородной, но трудной и ответственной деятельности; пожелать сил и бодрости, чтобы Вы всю жизнь не изменяли тому высокому знамени, под которым мы вместе стояли, чтобы до конца своего оставались верными светлым идеалам студенчества»⁷⁸⁷.

Зеркальные ситуации – прощание студентов с уходившими профессорами – порой сопровождалось выражением определенного недовольства учебных властей.

Вот как в отношении попечителя Московского учебного округа А.А. Тихомирова министру народного просвещения Л.А. Кассо описывались проводы профессора Н.С. Кишкина (25 октября 1913 г.): «24-го сего октября в аудитории Пропедевтической Клиники около 11 ч[асов] происходило прощание профессора КИШКИНА со своими слушателями, причем последними был прочитан ему адрес и профессор был провожаем долго продолжавшимися рукоплесканиями многочисленных студентов других курсов медицинского факультета, собравшихся в вестибюле и около Пропедевтической Клиники, на дворе. После чествования профессора студенты стали расходиться и затем лекции в клинических зданиях не состоялись за отсутствием слушателей. По имеющимся у агентов Проректуры сведениям студенты намерены выразить свое огорчение по поводу прекращения лекций профессором КИШКИНЫМ трехдневной забастовкой. Донося об изложенном Вашему Высокопревосходительству, долгом считаю присовокупить, что одновременно с этим я запросил ректора университета, было ли испрошено у него Н.С. КИШКИНЫМ разрешение на

⁷⁸⁷ ГАХО. Ф. 667. Оп. 667. Д. 158. Л. 1.

принятие адреса от студентов в помещении университета, профессором которого он уже не состоит»⁷⁸⁸.

Такое отношение предопределяло потенциально широкое влияние профессуры на студенчество. Общественный деятель начала XX в. А.В. Тыркова-Вильямс в воспоминаниях, написанных в эмиграции, отмечала: «Профессора пользовались и у молодежи, и в обществе исключительным авторитетом, не только научным. На них оглядывались, от них ожидали руководства»⁷⁸⁹.

Б.А. Щетинин, учившийся в конце 1880-х гг. на юридическом факультете ИМУ, писал о профессоре А.И. Чупрове: «Влияние Чупрова на университетскую молодежь было огромно, к нему прислушивались, как к какому-то оракулу, жадно ловили каждое его слово, где бы оно ни было сказано, – в аудитории, на улице, в ученом заседании, в печати или просто у него на дому, куда любой из его слушателей всегда имел доступ»⁷⁹⁰.

Однако действительность была более сложна, и примеры теплых отношений профессоров и учащихся и благотворного влияния первых на вторых не определяли всех процессов, протекавших в российском университете конца XIX – начала XX в.

Конфликты между преподавателями и студентами

Исторические источники свидетельствуют о том, что конфликтные ситуации между учащими и учащимися не были редкостью, а упоминаемый выше демократизм преподавателей, бывало, сопровождался панибратством со стороны студентов. Так, Харьковский полицмейстер докладывал губернатору Н.Н. Пешкову в рапорте от 21 сентября 1906 г.: «Во время чтения лекций в Университете студенты держат себя непозволительно, кладут ноги на скамьи, курят, а некоторые из них, подойдя к профессору, хлопают его по плечу, говоря: “Эй, товарищ”»⁷⁹¹.

⁷⁸⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 400. Л. 30 – 30 об.

⁷⁸⁹ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 68.

⁷⁹⁰ Щетинин Б.А. Первые шаги (Из недавнего прошлого) // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 539.

⁷⁹¹ ЦГИАУ. Ф. 304. Оп. 1. Д. 145. Л. 72; РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 320. Л. 2.

Обобщим конфликтные ситуации, возникавшие между студентами и преподавателями, разбив их на две тематические группы:

– конфликты, связанные с учебным процессом (включая выступления против неудовлетворявших студентов преподавателей);

– конфликты, являвшиеся составной частью студенческого движения.

Конфликты, связанные с учебным процессом.

Можно утверждать, что в конце XIX в. университетская жизнь большинства студентов протекала в «штатном режиме» и с точки зрения отношений между «учащими и учащимися» соответствовала представлениям о норме. Воспоминания студентов тех лет изобилуют светлыми образами профессоров и передают патетическое отношение к университету преобладающей доли мемуаристов. Например, В.В. Молодцов, поступивший в 1916 г. в Пермское отделение ИПГУ, писал: «Мы с каким-то священным трепетом слушали лекции наших новых учителей»⁷⁹². Однако, случавшиеся эксцессы заслуживают внимания. Приведем несколько примеров.

К.М. Гречищев, учившийся в ИТУ с 1894 г., оставил воспоминание о конфликте между студентами и профессором Е.В. Вернером. Мемуарист подчеркивал, что перед конфликтом Е.В. Вернер был одним из самых популярных преподавателей и его лекции по химии с большой охотой посещались 50 студентами второго курса медицинского факультета. Конфликт же произошел тогда, когда однажды студенты, застав двери в лекционную аудиторию закрытыми, стали стучать, после чего появившийся профессор Е.В. Вернер обругал студентов. «Студенты опешили. Выпад профессора ошеломил и тотчас стал предметом обсуждения студентами почти всего курса у двери в аудиторию его кафедры. Последовало предложение заставить профессора взять обратно свое оскорбление студентов курса, а если профессор не согласится на это, не посещать его лекций, пока он не извинится перед курсом». Курсовая забастовка

⁷⁹² Молодцов В.В. Здесь я принял эстафету, которую несу всю жизнь... // Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I / Сост. А.С. Стабровский. Пермь, Изд-во ТГУ Перм. отд-ние, 1991. С. 15.

продолжалась более месяца, после чего, незадолго до экзаменов студенты все-таки вернулись в аудиторию⁷⁹³.

Профессор ИМУ Н.П. Боголепов в дневниковой записи за 25 февраля 1895 г. оставил такую заметку: «Был маленький инцидент у проф[ессора] Борбова. Разбирая в аудитории историю болезней, он смеялся над грамматическими ошибками, встречавшимися в них. Студенты нашли это оскорбительным и вышли из аудитории. [...] Бобров пользуется среди них (у студентов – М.Г.) популярностью – подчеркивал Н.П. Боголепов – и, несмотря на это, был наказан»⁷⁹⁴.

Приведем еще один пример чем-то похожего конфликта, но случившегося заметно позднее. В марте 1910 г. студенты первого курса юридического факультета ИТУ обратились к профессору И.В. Михайловскому с просьбой разрешить им издать его лекции за их счет. Профессор Михайловский отказал, сославшись на то, что у тех студентов, которые ходят на его лекции, и без того они есть. Студенты на общем собрании объявили о бойкоте лекций И.В. Михайловского, выдвинув ряд требований, в том числе – уважительного к ним отношения со стороны преподавателя. Конфликт этот разрешился только после вмешательства университетского начальства и администрации учебного округа⁷⁹⁵. Заметим, что М.В. Сабашников, учившийся в первой половине 1890-х гг. на физико-математическом факультете ИМУ, делился таким воспоминанием: «Говорили, что некоторые профессора невыпуск ими курсов мотивируют желанием заставить студентов посещать их лекции»⁷⁹⁶.

⁷⁹³ Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 381–384.

⁷⁹⁴ Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // Русский Архив. 1913. № 1. С. 54–55.

⁷⁹⁵ Чижков С.Л. Иосиф Викентьевич Михайловский: «Идея личности есть высшая нормативная идея» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 647.

⁷⁹⁶ Сабашников М.В. Воспоминания. В университете // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 576.

Три приведенных примера объединяет то, что студентами, которые шли на конфликт в описанных ситуациях, вероятно, двигали чувство несправедливости, обида, задетая честь.

Несколько в ином свете предстают действия студентов в описании случая, отложившегося в архивных делах ИУСвВ (март 1903 г.), когда студенты-математики обратились к пришедшему в лекционную аудиторию профессору Д.А. Граве с просьбой не читать лекции, так как они заняты обсуждением «одного важного для них вопроса». Д.А. Граве, ссылаясь на служебный долг, отказал студентам и предложил не желавшим слушать лекцию покинуть аудиторию. После этого состоялось прямое голосование, выявившее, что большинство студентов слушать лекцию не хотели. Староста курса объявил, что решению большинства обязано подчиниться меньшинство и предложил всем студентам покинуть аудиторию, что они и сделали. После же того, как последним вышел профессор, студенты вернулись в аудиторию и продолжили свое совещание. Этот эпизод, разумеется, не мог остаться незамеченным учебным начальством, однако, когда после дознаний выяснилось, что студенты обсуждали лишь учебные вопросы – о программах экзаменов и об издании профессорских лекций – ректор решил ограничиться объявлением выговора ряду студентов, инициировавших собрание. Впрочем, когда об инциденте стало известно в министерстве, директор департамента высших учебных заведений сетовал на слишком мягкое наказание, хотя и не настаивал на его ужесточении⁷⁹⁷.

Потенциально «конфликтоёмкой» всегда оставалась процедура сдачи зачетов и экзаменов. Источники по университетской истории содержат упоминания о довольно большом количестве «столкновений» студентов с профессорами на этой почве. Приведем несколько примеров.

По сообщению директора департамента полиции П.Н. Дурново, адресованному начальнику Харьковского губернского жандармского управления (5 декабря 1888 г.), профессор ИХУ А.И. Дудукалов «получил от имени студентов медицинского факультета, не выдержавших экзамена, письмо угрожающего

⁷⁹⁷ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1903). Д. 9. Л. 1–3.

характера с предупреждением, что если он, профессор, будет так же строго требователен, как до сих пор, то ему будет нанесено оскорбление одним из студентов, на кого упадет жребий. О выше изложенном Департамент долгом считает сообщить Вашему Высокоблагородию для принятия зависящих мер по охранению личности профессора Додукалова»⁷⁹⁸.

В мае 1899 г. инспектор студентов ИВУ сообщал ректору Г.Э. Зенгеру, что по окончании экзамена на V курсе медицинского факультета один из студентов обратился к профессору М.А. Васильеву «с прошением [жалобой – М.Г.] на малую, по его мнению, отметку “удовлетворительно”, поставленную ему на экзамене, и когда профессор ответил ему, что экзаменационная комиссия не признала его ответ заслуживающим высшей отметки и что его заявление о перемене отметки необоснованно, [студент – М.Г.] обратился к профессору с угрозой: “Мы это Вам припомним, профессор”»⁷⁹⁹.

Архивные материалы по истории того же университета, сохранили информацию о любопытном своим размахом случае студенческих беспорядков, связанных с экзаменационным процессом. По материалам дела, разбиравшегося университетским судом, в июне 1902 г. студенты второго курса медицинского факультета «нарушали обычный порядок» хода экзамена по фармации и фармакогнозии тем, что «шумели, толпой окружали экзаменационную комиссию, настойчиво требовали объявлять им выставляемые отметки», затем покинули место проведения экзамена, «заставив своим отсутствием экзаменационную комиссию сделать вынужденный перерыв, продолжавшийся почти три часа». После возобновления экзамен продолжался до 11 часов вечера. По окончании экзамена комиссия уединилась в кабинете инспектора для выставления оценок. Когда оценки были оглашены и выяснилось, что одному из экзаменовавшихся студентов выставлена неудовлетворительная оценка, студенты вновь взволновались и стали требовать её исправления. Получивший неудовлетворительную оценку студент ворвался в аудиторию, где заседала

⁷⁹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 84. Д. 458. Л. 1.

⁷⁹⁹ APW. Z. 214. S. 543. k. 134 – 134 ob.

комиссия, и «словами дерзкими и поносительными» оскорбил профессора Д.Л. Давыдова⁸⁰⁰.

В апреле 1906 г. в ИХУ было инициировано Прошение на имя ректора, под которым было поставлено 62 подписи слушателей, по поводу экзамена профессора Ф.А. Патенко. В Прошении в частности утверждалось: «Профессор г[осподин] Патенко обращается грубо с экзаменующимися, придирается к каждому слову, третирует за каждую мелочь; на просьбу одного товарища продолжать его экзаменовать в виду того, что он ошибся выражением, т.е. вместо слова “доза” сказал “средства” – профессор г[осподин] Патенко заявил: “Что вы хотите, чтобы я полицию призвал”; на просьбу нашего старосты экзаменовать нас по порядку нашего списка, который составлен с общего нашего согласия и которого придерживаются все экзаменующие г[оспода] профессора и до сих пор придерживался так же и профессор г[осподин] Патенко, – профессор заявил, что будет поступать так, как он хочет и назначил экзамен по протоколам, а на замечание старосты, что это будет неудобно, так как некоторым придется экзаменоваться по двум предметам одновременно, он, бросив нам упрек в том, что мы якобы жаловались на него, совсем отказался экзаменовать и ушел. Уходя он приказал служителю передать полиции, что здесь происходят не экзамены, а сходки, несмотря на то, что в это время происходили экзамены у профессора г[осподина] Чирикова». Слушатели просили назначить вместо профессора Патенко другого экзаменатора или назначить комиссию⁸⁰¹. Была ли удовлетворена эта просьба, не известно.

Крупный конфликт разгорелся в ИВУ в феврале 1909 г. Почвой для него было нераспространение на университет предметной системы, введенной в прочих университетах еще в 1906 г. На студенческой сходке было принято заявление: «По нашему глубокому убеждению, курсовая система во всех отношениях не состоятельна. Приурочивая экзамены к одному определенному сроку, она, прежде всего, влияет на продуктивность работы учащихся, с чем

⁸⁰⁰ АРХ. З. 214. С. 21. к. 262 об. – 264 об.

⁸⁰¹ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 149. Л. 1–2.

согласны, как многие профессора, так и студенты. Курсовая система, притом же одинаково неудобна как для студентов, так и для профессоров. Вследствие многочисленности экзаменующихся в ограниченный промежуток времени профессора не имеют возможности точно определить уровень познаний студентов. При этих условиях та или другая оценка знаний дело случая, а благодаря этому экзамены принимают характер лотереи. Наконец, очевидная несообразность курсовой системы заключается и в том, что экзаменующийся, получивший неудовлетворительную отметку по одному из предметов и успешно выдержавший все остальные, должен снова потратить целый год для прохождения прежнего курса, а иногда благодаря этому и совсем лишается возможности продолжать высшее образование, так как при материальной необеспеченности большинства лишний год имеет немаловажное значение. Такой жестокой и несправедливой системы не знает и средняя школа; тем более ей не должно быть места Университете. Общеизвестным фактом является то, что концентрация экзаменов, имеющая место при курсовой системе, в высшей степени вредно отражается на здоровье учащихся, принуждая их к чрезмерному напряжению сил при подготовке к экзамену. Все вышеуказанные мотивы делают введение предметной системы необходимым»⁸⁰².

Не рассчитывая в короткие сроки добиться введения предметной системы, студенты (преимущественно юридического факультета) требовали перенести сроки сдачи экзаменов. Состоялась студенческая сходка; ректор Е.Ф. Карский, желая остановить неразрешенное собрание, пошел к студентам. Описание событий самим профессором Е.Ф. Карским весьма показательное: «Аудитория оказалась битком набитой студентами, так что едва с трудом удалось добраться до кафедры. Когда я вошел, *студенты не встали, и два лица, стоявшие на кафедре, оттуда сошли только тогда, когда я сам стал перед ними* (курсив мой – М.Г.)». Выступление ректора имело некоторый результат, но прежде чем разойтись, студенты составили заявление с перечнем требований, одно из которых предполагало принесение ректором извинений студентам. По-видимому,

⁸⁰² APW. Z. 214. S. 28. k. 56.

весьма обескураженный этим пунктом, ректор Е.Ф. Карский просил председателя сходки студента К. Врублевского указать, в чем именно ему следует извиниться, на что студент «дерзко заявил, что каждый благовоспитанный человек, желая войти в собрание и держать речь, должен испросить разрешение председателя собрания и затем, поклонившись, говорить к присутствующим (так в тексте – М.Г.); между тем ректор прямо вошел на сходку и предложил немедленно разойтись, угрожая по истечении 5 минут переписать присутствующих»⁸⁰³. К. Врублевский позднее был удален из университета, тогда как абсолютное большинство студентов, участвовавших в сходке (всего переписанных участников оказалось 296 человек) избежало наказания⁸⁰⁴.

В 1915 г. профессор ИНСУ С.И. Спасокукоцкий отказывался ставить зачет по своему предмету старосте курса студенту Павлу Веселаго на том основании, что он и большинстве его товарищей неаккуратно посещали лекции профессора, что также вызвало конфликтную ситуацию⁸⁰⁵.

Впрочем, конфликты, хотя и не исключительно редкие, всё же были громкими и скандальными исключениями из правил. Как правило, экзамены, разумеется, протекали в рамках установленных норм.

Особо стоит рассмотреть случаи выступлений против неудовлетворявших студентов преподавателей.

С конфликта началась академическая карьера в ИХУ 31-летнего П.Н. Буцинского, назначенного в 1885 г. и.д. экстраординарного профессора по кафедре русской истории. Его первые лекции, посвященные Смутному времени, сопровождались студенческими беспорядками. После одной из лекций в сборном зале университета было прикреплено студенческое воззвание: «Свистки и шиканье были направлены собственно не против лекции Буцинского, которая, впрочем, заслуживала такой награды, ибо и в ней он обнаружил полнейшую неспособность к обобщениям и выводам, что в истории самой главное»⁸⁰⁶ – они

⁸⁰³ APW. Z. 214. S. 28. k. 54, 57.

⁸⁰⁴ APW. Z. 214. S. 28. k. 54, 171–173.

⁸⁰⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 14 (1915). Л. 35.

⁸⁰⁶ В предыдущем воззвании содержались слова: «мы не удовлетворены перечислением и

были единственно для нас возможной формой протеста против наполнения нашей злосчастной “almamater” разного рода тупицами и бездарностями, к числу которых, несомненно, принадлежит и г. Буцинский»⁸⁰⁷. Далее в воззвании содержался прозрачный намек на то, что назначение П.Н. Буцинского стало возможным исключительно благодаря протектированию со стороны профессора историко-филологического факультета В.К. Надлера, который в ближайшее время должен был стать тестем П.Н. Буцинского. «Такая нежная заботливость г. Надлера об интересах своей семьи делает ему, конечно, честь, но, к сожалению, она не всегда совпадает с интересами науки, и вот в данном случае г. Надлер положительно позорит себя: это пристраивание к науке как к теплему местечку и ремеслу есть профанация и оскорбление её, а также и всех людей, преданных и уважающих науку. [...] Да, товарищи, великий позор совершается у нас на глазах: университет обратился в какую-то биржу, где роль высокостоящих акций играет тупоумие и подлость, а наука стала пирогом, к которому почти каждый из профессоров старается по мере возможности приставить своего близкого человека»⁸⁰⁸. Впрочем, описанная конфликтная ситуация заметно не повлияет на карьеру П.Н. Буцинского в университете. Он останется преподавать на историко-филологическом факультете; в 1893 г. станет ординарным профессором, а в 1913 г. выйдет в отставку.

24 октября 1891 г. приват-доцент ИКУ Ф.А. Тилль читал вступительную лекцию по римскому праву. Присутствовавшие на лекции студенты медицинского факультета «вследствие неудовлетворительного знания лектором русского языка выразили ему порицание шиканием»⁸⁰⁹. После этого случая университетское начальство запретило студентам медицинского факультета посещать лекции приват-доцента Тилля.

1910 год в ИКУ ознаменовался выступлениями против профессора И.М. Догеля, вызванными неудовлетворенностью студентов им как

восхвалением разных царствований, а также бестолковым нагромождением фактов, а ищем связующую их мысль» (ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1885. Д. 162. Л. 4 об.).

⁸⁰⁷ ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1885. Д. 162. Л. 2.

⁸⁰⁸ ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1885. Д. 162. Л. 2–3.

⁸⁰⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 89. Д. 879. Л. 1.

преподавателем и экзаменатором⁸¹⁰. 13 октября 1910 г. во время лекции 130 студентов-медиков 3-го курса подписали заявление следующего содержания: «В виду того, что профессор И.М. Догель уклоняется от принятой для медиков программы по фармакологии и что экзамен у профессора Догеля носит анекдотический характер, мы, нижеподписавшиеся медики 3 курса, отказываемся как посещать его лекции, так равно и экзаменоваться у него, и просим факультет назначить нового профессора». Известную объективность предъявлявшихся к И.М. Догелю претензий в мягкой форме подтвердил и ректор университета Г.Ф. Дормидонтов, указав в письме попечителю учебного округа А.Н. Деревницкому на преклонный возраст профессора (в 1910 г. И.М. Догелю было уже 80 лет) и его болезненное состояние. Исключительности этому случаю добавляет то, что недовольные своим профессором студенты в 1910 г. не только публично высказывали свое неудовлетворение, но и обратились к профессору ИТУ П.В. Буржинскому с предложением объявить в ИКУ курс параллельный курсу профессора Догеля⁸¹¹. Из письма Попечителя А.Н. Деревницкого в МНП следует, что у студентов были сведения, якобы, от профессора Ф.Я. Чистовича о том, что, «левая профессура уже изъявила согласие на приглашение Буржинского, а правая обещала ничего не иметь против этого. В виду сего Гурьянов и Надеждин [студенты ИКУ – М.Г.] предлагали послать от имени студенчества телеграмму в С.-Петербург Георгиевскому и Жогину [студенты ИКУ – М.Г.] с поручением лично передать Буржинскому, находящемуся ныне в С.-Петербурге, приглашение от всего студенчества, как лицу, желательному для Казанского университета по его либеральному и левому направлению. На посылку телеграммы Гурьянов и Надеждин произвели сбор денег и предложили товарищам препятствовать профессору Догелю вести правильные занятия, чтобы добиться этим путем усиленной записи на лекции проф[ессора] Буржинского»⁸¹².

Несмотря на упоминавшуюся в документах политическую подоплеку («левая профессура», «либеральное и левое направление»), ректор ИКУ всякие

⁸¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 159. Л. 7, 9.

⁸¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 159. Л. 1.

⁸¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 159. Л. 1 об.

политические мотивы в деле с бойкотом профессора Догеля отрицал: «Я уже имел случай докладывать, что с политикой это недовольство не имеет ничего общего, хотя давно известно старание и умение политических агитаторов использовать всякое недовольство учащейся молодежи в политических целях»⁸¹³. Сообщая попечителю предысторию и подробности конфликта, ректор ИКУ писал, что до объявления бойкота профессору Догелю группы студентов дважды подходили к нему с просьбой о смене преподавателя. «Я ответил – пишет ректор – , что такой жалобы я не могу принять, так как не дело студентов назначать себе преподавателей. Раз курс известного преподавателя объявлен и утвержден Советом университета и высшим начальством, слушание этого курса в данном семестре обязательно». В документах имеется любопытная деталь, о том, что в виду отказа принять от них заявление о смене преподавателя, «студенты Надеждин и Гурьянов предложили своим однокурсникам отправить таковое [заявление – М.Г.] в редакции прогрессивных органов общей и медицинской прессы с оговоркой, что принуждены поступить таким образом вследствие отказа университетского начальства прийти на помощь студентам»⁸¹⁴.

Вся эта история, вызвавшая обильную переписку, не имела практического результата. П.В. Бурижинский останется в Санкт-Петербурге, где будет заведовать кафедрой в психоневрологическом институте, а И.М. Догель останется в ИКУ до своей кончины в 1916 г.

Среди студентов еще в конце XIX в. обнаруживались лица, настроенные резко против лекционной системы подачи материала. Так, В.А. Маклаков, в будущем известный адвокат и политический деятель, учившийся в первой половине 1890-х гг. на историко-филологическом факультете ИМУ, дал позднее такую характеристику лекциям в своих воспоминаниях: «Я относился вполне отрицательно к лекционной системе преподавания, которая существовала в университетах. Она представлялась мне варварством. Раз есть книгопечатание и мы грамотны, мы лекции можем прочесть. Этим выгадаем во времени и в

⁸¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 159. Л. 12.

⁸¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 159. Л. 9 об., 12 об.

понимании. В университетском преподавании важнее и продуктивнее практические занятия и семинарии: только в них профессора дают студентам то, чего книга не в состоянии дать»⁸¹⁵.

Исторические источники зафиксировали случаи негативных оценок студентами педагогических способностей их преподавателей. Студент ИНУ А. Соболев так писал 3 февраля 1913 г. в Москву родственнику (Б.В. Соболеву) об обстановке в университете: «Профессорский состав отвратителен, особенно на юридическом факультете – есть только один профессор Шпаков, лекции которого всегда проходят при переполненной аудитории, остальные же профессора – невозможны, к тому же большая часть их за отсутствием достаточного количества преподавателей временно читает и те предметы, в которых они сами ничего не смыслят. Например, наш декан П. Казанский – специалист по международному праву, а читает энциклопедию права. Есть еще одна особенность в нашем университете: существует запись посещения лекций, причем отмечают час прихода, но не ухода, вследствие чего можно посетить только первую лекцию и затем уйти, а будут считать, что посетил и остальные лекции, минимум же посещений, кажется, 30»⁸¹⁶.

Студенческое недовольство могло выплескиваться и во время защиты нелюбимым преподавателем диссертации. В декабре 1898 г. в ИМУ во время докторского диспута (защиты докторской диссертации) приват-доцента В.М. Хвостова группа студентов «позволила себе нарушить тишину свистами и шиканием, повторяя это нарушение несколько раз, несмотря на неоднократный призыв к порядку со стороны председателя, оппонентов и большинства студентов»⁸¹⁷. После этого случая Правление ИМУ постановило, что «впредь вход на публичные диспуты, которые могут быть многолюдны будет допускаем только по билетам»⁸¹⁸.

⁸¹⁵ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 172.

⁸¹⁶ ЦГИАУ. Ф. 385 Оп. 2. Д. 26. Л. 30.

⁸¹⁷ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5043. Л. 1.

⁸¹⁸ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5043. Л. 3.

Особо стоит сказать о влиянии гонорарной системы на отношения преподавателей со студентами. Общим местом в рассуждениях современников об университетском вопросе был тезис об отчуждении учащихся и учащихся. В этой связи любопытно заметить, что, при установлении гонорарной системы со стороны властных структур звучали, по выражению профессора ИМУ П.Г. Виноградова «самые смелые надежды». Так, ряд членов Государственного совета полагал, что «плата за учение в виде гонорара сразу установит нравственные и вполне добросовестные отношения между ними [профессорами и студентами – М.Г.] на почве науки. Студенты, записываясь на лекции профессора и при этом взнося причитающиеся именно за эти лекции деньги, тем самым будут заявлять свою надежду наилучше у него научиться; профессор же, естественно, будет прилагать все усилия сколь можно полнее оправдать возложенные на него надежды»⁸¹⁹.

Однако, практика оказалась иной. Довольно часто студенты записывались к одним преподавателям, а посещали занятия других. И речь не шла о преднамеренном обмане со стороны студентов: уплатив гонорарный взнос, они считали себя вправе пользоваться всеми интеллектуальными возможностями университета⁸²⁰. Бывший студент историко-филологического факультета ИСПБУ С.А. Жебелев вспоминал: «Позже – должен покаяться – я, по указанию самих же профессоров, записывался только на обязательные лекции, лекции же необязательные, т.е. выходившие за пределы 18-часовой нормы, продолжал слушать в достаточном количестве, но в записи не помечал, иными словами гонорара за них не платил»⁸²¹. Выше уже приводилась цитата из книги профессора ИУСвВ Ю.А. Кулаковского, свидетельствовавшего о том, что на его памяти не было случая, чтобы преподаватель в аудитории проверял права

⁸¹⁹ Цит. по: Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 115.

⁸²⁰ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. Т. I. С. 94.

⁸²¹ Жебелев С.А. *Alma mater* // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 179.

студентов его слушать, «осведомляясь у них, заплатили ли они за его курс а затем устранял из аудитории тех, кто не заплатил»⁸²².

Следует признать, что выше упомянутые надежды членов Госсовета не оправдывались. Приведем несколько типичных мнений университетских преподавателей о влиянии гонорарной системы на их отношения со студентами.

Профессор ИМУ П.Г. Виноградов красноречиво называл гонорар «оброчной повинностью слушателей в пользу профессоров»⁸²³. Эта хлесткая фраза была призвана подчеркнуть тяжесть гонорара для студенческого (родительского) бюджета⁸²⁴.

Но чаще профессора подчеркивали иной аспект влияния гонорара. Профессор медицинского факультета ИКУ А.Я. Щербаков (1897 г.) утверждал, что, «мало [...] повышая материального благосостояния профессоров, гонорар в тоже время приносит весьма большой вред в педагогическом отношении, делая преподавателей наемщиками, а студентов нанимателями. Когда, до учреждения гонорара, профессоры не находились ни в какой материальной зависимости от студентов, и эти последние знали в своих преподавателях только лиц, по собственному призванию ведущих курс того или другого предмета, тогда отношения были вполне нормальны: одни учили, другие учились. Но с учреждением гонорара [...] дело много изменилось к худшему. Взявши хотя небольшая, иногда ничтожные деньги за свой труд, профессор чувствует уже себя не совершенно свободно перед своими слушателями, а эти последние, заплативши из своих скудных, часто нищенских средств преподавателю, имеют право относиться и нередко фактически относятся к нему несколько свысока. Громко заявляются претензии, когда профессор по болезни или иным обстоятельствам позднее обыкновенного начинает или ранее обычного срока кончает свой курс,

⁸²² Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. С. 42.

⁸²³ Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 116.

⁸²⁴ Размер суммы, вносимой студентами за слушание лекций «в пользу отдельных преподавателей», исчислялся по формуле: 1 руб. «за недельный час в полугодие», что означало примерно 50 руб. в год; помимо этого, аналогичную сумму студент уплачивал «в пользу университета». Итого – порядка 100 руб. в год.

при чем дело иногда доходит до требования назад гонорарной платы. Но что хуже всего, это то, что, считая себя как бы хозяевами дела, студенты зачастую сами весьма не аккуратно посещают, а иногда задолго до срока вовсе перестают посещать лекции, особенно по тем предметам, по которым нет зачета полугодий или экзамена, и всем этим лишают преподавателя возможности успешно и правильно вести дело преподавания»⁸²⁵.

В 1899 г. в ответ на запрос попечителя Одесского учебного округа Х.П. Сольского о причинах студенческих волнений ряд преподавателей ИНУ (профессор по кафедре уголовного судопроизводства В.Н. Палаузов, профессор по кафедре сравнительного языкознания А.И. Томсон, профессор по кафедре агрономической химии П.Г. Меликов, лектор французского языка А.А. Шапеллон) в качестве необходимой для сближения со студентами меры предлагали отменить гонорарную систему⁸²⁶. Приведем их суждения. Профессор В.Н. Палаузов: «На преподавателей университета студенты нередко смотрят, не как на своих учителей, а как на лиц, которым они могут большим или меньшим многолюдством аудитории создать ту или другую репутацию. Иногда – к счастью очень редко – студенты смотрят на свои отношения к профессорам, как на такие, которые благодаря уплаченному ими гонорару, подходят под тип личного найма»⁸²⁷.

Лектор французского языка А.А. Шапеллон: «Система же гонорара ставит профессора в ложное отношение со студентом: студенты привыкают смотреть на своих профессоров как на чиновников, которые за какую-то плату должны прочесть в семестр столько-то лекций по такой-то программе. Такие денежные отношения подрывают авторитет профессора и уничтожают ту умственную связь, то нравственное единение, то глубокое почтение и ту живую симпатию, которые всегда служат важнейшим стимулом и вызывают подъем духа как среди профессоров, так и их слушателей»⁸²⁸.

⁸²⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 21 об. – 22.

⁸²⁶ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 28 – 28 об., 83 об., 90–92, 102.

⁸²⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 28 – 28 об.

⁸²⁸ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 83 об.

На то, что мысли А.Я. Щербакова, В.Н. Палаузова, А.А. Шапеллона имели под собой основания, среди прочего, указывает весьма резкое заявление со стороны студентов ИМУ, последовавшее за разогнанным полицией с привлечением казаков выступлением 9 февраля 1902 г. Участники выступления были возмущены тем, что профессора не вступились за них. В «Письме студентов к профессорам» читаем: «Вы не только не выразили активного протеста, Вы оказались неспособными и на пассивный, и на следующий же день 10 февраля Вы явились на службу с обычным спокойствием. Стыдитесь. Мы не рассчитываем уже на чувство Вашего благородства. Того благородства, которое так тесно связано с понятием жреца науки: мы просто думаем, что Вы все же не лишены хотя бы примитивной порядочности и считаем себя заслуживающими Вашей защиты уже потому, что *несем для Вас в виде гонорара с трудом собранные крохи* [курсив мой – М.Г.]. Если и это для Вас пустые звуки, то между нами нет ничего общего, нам нужны профессора, а не лакеи, вылизывающие лакомое блюдо, бросаемое правительством»⁸²⁹. То, что у студентов появилось формальное право попрекать профессоров гонораром, воспринималось последними, конечно, крайне болезненно.

Во время работы Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.) профессор ИНУ А.Н. Деревницкий делал доклад о мерах для сближения профессоров со студентами. К числу черт университетского строя, которые вызывают разъединение между учащими и учащимися была отнесена и гонорарная система, так как «1) в редких случаях профессорской конкуренции он [гонорар – М.Г.] вовлекал и студентов в борьбу конкурирующих друг с другом профессоров, делая их судьями в этой борьбе и подрывая в них должное уважение к нравственному авторитету своих учителей; 2) слагаясь в весьма значительной своей части из сумм, уплачиваемых благотворительными учреждениями или вносимых отдельными жертвователями, гонорар ставит профессора в

⁸²⁹ APW. Z. 214. S. 331. k. 333.

унизительное положение в глазах общества и студентов»⁸³⁰. В заключении доклада А.Н. Деревницкий перечислил меры, предложенные советами университетов, для сближения профессоров и студентов; среди них, разумеется, значилась и отмена гонорара⁸³¹.

По приведенным кейсам видно, что трения, связанные с учебным процессом, могли быть вызваны самыми разнообразными поводами, и, судя по тому, как случаи отразились в источниках, имели место как примеры, конфликтов, когда действия студентов было сложно назвать оправданными, так и случаи, когда студенческая реакция была эмоционально и морально объяснима. Обращает на себя внимание то, что многие конфликты приобретали массовый характер, что демонстрировало студенческую солидарность.

Выступления, сопровождавшие студенческое движение.

В начале века университеты сотрясались от многочисленных студенческих выступлений. Эти выступления были направлены, как правило, против инспекции, против чрезмерного административного надзора, часто приобретали политическую окраску, но крайне редко сопровождались какими бы то ни было конфликтами непосредственно между волновавшимися студентами и профессорами. Архивные материалы (рапорты, донесения, отчеты, переписка руководства университетов с попечителями о студенческих беспорядках) указывают, скорее, на косвенные трения (их обычно именовали «столкновениями») между профессурой и студенчеством на фоне студенческого движения.

Обобщение множества эпизодов позволяет выделить типовые случаи (формы) таких «столкновений»:

- прерывание речи преподавателя;
- требование студентов прекратить лекцию, срыв занятий;
- массовое непосещение лекций;

⁸³⁰ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 295.

⁸³¹ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 297–300.

Приведем наиболее показательные примеры.

Прерывание речи преподавателя. Речь профессора ИКУ М.Я. Капустина была прервана во время университетского акта 5 ноября 1904 г.⁸³²

Требование студентов прекратить лекцию. Учившийся на естественном отделении физико-математического факультета ИМУ в будущем известный адвокат и общественный деятель В.А. Маклаков вспоминал: «В день панихиды [по поводу смерти Н.Г. Чернышевского в 1889 г. – М.Г.] на моем курсе читал К.А. Тимирязев. Как староста, я уведомил Тимирязева, что мы все идем на панихиду и поэтому просим его не читать. Он согласился»⁸³³. В ИМУ 19 февраля 1894 г. перед началом лекции по финансовому праву профессора И.И. Янжула к нему явилась студенческая депутация с просьбой отложить лекцию, поскольку студенчество намерено посвятить день чествованию годовщины отмены крепостного права. Профессор отказался, предложив студентам, наоборот, послушать лекцию, «чтобы запастись в этот час большими сведениями на пользу того же “народа”»; по донесению обер-полицмейстера, когда лекция началась, половиной слушателей она была встречена свистом, половиной – аплодисментами⁸³⁴. ИВУ, 1900 г.: «Студент Ялышев Константин (I-го курса юридического факультета) дал сигнальный звонок для окончания лекций за 20 минут до ее конца, но цели этим, впрочем, не достиг»⁸³⁵. Прекратить лекцию или закончить ее раньше срока по причине необходимости обсуждения насущных вопросов требовали студенты ИНУ (27 октября 1904 г.⁸³⁶), ИКУ (ноябрь 1904 г.⁸³⁷).

Срыв занятий. ИКУ (9 февраля 1902 г.): «вчера в первом часу дня [...] около ста двадцати человек вошли в аудиторию, где читал профессор Высоцкий,

⁸³² НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10990. Л. 1.

⁸³³ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 103–104.

⁸³⁴ ГАРФ. Ф. 102(Д.3). Оп. 1894. Д. 262. Л. 3. Рассказ об этом случае см. также в воспоминаниях Е.А. Боголеповой: Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Пред попечительством в Московском Учебном Округе // Русский Архив. 1906. № 4. С. 625.

⁸³⁵ АРШ. Z. 214. S. 329. k. 41 ob.

⁸³⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10990. Л. 58.

⁸³⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10990. Л. 106.

прервали лекцию и устроили сходку»⁸³⁸. ИХУ (29 января 1911 г.): «В 11 часов утра на лекцию профессора Тимофеева, где было 7 человек слушателей, за две минуты до звонка толпа студентов до 10 человек ворвалась в аудиторию и предложила профессору прекратить чтение лекции»⁸³⁹). Весьма распространенной формой проявления студентами недовольства стала обструкция. ИКУ, март 1907 г.: «как раз в это время прибыли и два прежде являвшиеся к Ректору студента с просьбой, чтобы Ректор в виду состоявшегося постановления студентом предложил профессорам не читать лекции, иначе они вынуждены будут применить мирную обструкцию, состоящую, по их объяснению, в том, что они свистом, пением, шумом будут препятствовать чтению лекции»⁸⁴⁰. Имела место и так называемая «химическая обструкция». По воспоминаниям бывшего студента ИСПБУ С.Г. Струмилина применительно к студенческой забастовке 1899 г.: «Без всякого шума и скандала они проливали под самым носом неразборчивого лектора пару стекляночек специально заготовленных для этого химиками жидкостей вроде сероуглерода или меркаптана. В аудитории распространялся совершенно невообразимый, смертельный смрад. И лектор со своими слушателями пулей вылетал оттуда. А наблюдавшие со стороны этот вылет студенты, невольно зажимая носы, лишь провожали беглецов любезными возгласами: – Фу! Как скверно пахнет эта штрейкбрехерская наука»⁸⁴¹.

О «химической обструкции» упоминается также в документах ИХУ за 1901 г. («[в студенческих прокламациях – М.Г.] замалчивают такой недостойный поступок молодежи, как вытравление в Харьковском университете профессоров [...] сернистым углеродом»)⁸⁴² и ИВУ за 1911 г. («Студент 3-го курса юридического факультета Н.А. Монько находился 1-го февраля в вестибюле

⁸³⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2109. Л. 4.

⁸³⁹ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3295. Л. 35.

⁸⁴⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11447. Л. 25 – 25 об.

⁸⁴¹ Струмилин С.Г. Из пережитого // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 34.

⁸⁴² АРВ. Z. 214. S. 331. k. 270.

главного аудиторного здания в толпе студентов [...], когда был разбит сосуд с сернистым аммонием, распространившим зловонный запах»⁸⁴³.

Массовое непосещение лекций (ИХУ, 19 февраля 1886 г.⁸⁴⁴, ИКУ, 24 января 1905 г.⁸⁴⁵; ИКУ, 3 декабря 1907 г.⁸⁴⁶; ИКУ, 20 ноября 1912 г. «в знак протеста против приведения в исполнение смертного приговора над осужденными матросами Черноморского флота»⁸⁴⁷; ИКУ, 13–15 марта 1914 г. трехдневная забастовка студентов в знак протеста «против давящей русское общество реакции»⁸⁴⁸, 1913 г., 4 октября в ИНСУ некоторые лекции не состоялись ввиду протеста студентов против дела Бейлиса⁸⁴⁹). Из письма студента ИУСВВ, полученного агентурным путем, 7 февраля 1911 г. из Киева в Витебск: «Пока забастовка проходит ужасно вяло. Лекции идут при 2–15 слушателях, редко кто совсем не читает, практич[еские] занятия проходят при 1–2 студ[ентах] и все же это плохо, ведь нам именно важно, чтобы лекции совсем не состоялись, чтобы ректор обязан был констатировать, что занятия не идут, а то он все рапортует, будто в университете все благополучно и даже не созывает обычного в других учеб[ных] завед[ениях] в таких случаях экстренного собрания. Между тем, он совершенно умалчивает о том, что у каждой аудитории стоят 3 городских и околоточный, что профессора из кабинета выходят под конвоем, сопровождающим его до кафедры, о том, что на лекциях, где должно быть 400–500 человек, бывает 5–6 ч[еловек]»⁸⁵⁰.

Из другого письма, из Санкт-Петербурга, полученного аналогичным путем: «Студентов, срывающих лекции, было довольно много, все ждали с нетерпением, как будут держать тебя профессора, и они немножко нас утешили, т.к. все, заметив охраняемые входы в аудитории, вышли из профессорской и отправились

⁸⁴³ АРШ. Z. 214. S. 540. k. 150.

⁸⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 37. Л. 8, 8 об.

⁸⁴⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 25 об.

⁸⁴⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11512. Л. 31.

⁸⁴⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 12346. Л. 1.

⁸⁴⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 12801. Л. 1, 2, 7 об.

⁸⁴⁹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 4. Д. 5. Л. 77.

⁸⁵⁰ ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2154. Л. 56 об.

по домам. Бастующим ничего не осталось, как тоже последовать их примеру и оставить академистов наедине с полицией»⁸⁵¹.

В ходе беспорядков студенты по отношению профессорам, если те не являлись непосредственным объектом возмущения, старались вести себя по возможности корректно. Так, университетский суд ИВУ, разбирая в декабре 1901 г. дело студентов, которые помешали профессору И.И. Беваду прочитать лекцию, так как хотели использовать лекционную аудиторию для обсуждения интересовавших их вопросов, отмечал: «За все время присутствия проф[ессора] Бевада в аудитории никаких грубых выражений, ни выходок по отношению к нему со стороны студентов не было»⁸⁵².

Один из преподавателей того же университета в отношении на имя ректора описывая беспорядки января 1905 г., обращал внимание на то, что студенты забаррикадировали некоторые университетские помещения, но «когда, однако, профессор Карский, обратясь к студентам, потребовал отворить дверь, чтобы профессора могли взять из шинельной свое верхнее платье, то они немедленно это исполнили и заперли дверь вновь лишь тогда, когда все взяли свои вещи»⁸⁵³.

Несколько иное впечатление о степени корректности студентов складывается из отношения профессора В.В. Есипова, написанного по поводу тех же беспорядков: «Часов в 12 в читальню вошла группа студентов и один из них, обратившись к находившимся здесь профессорам по-польски заявил (насколько я понял), что никаких занятий в Университете нет и что они предлагают нам уйти из Университета. Находя недостойным подчиниться такому требованию, я остался еще несколько времени и около 12 $\frac{1}{4}$ ч., убедившись, что и вторая моя лекция не состоится, вышел из Университета»⁸⁵⁴.

Выше приведенные виды и примеры студенческих действий объединены тем, что, хотя и касались конкретных преподавателей (чьи лекции тем или иным образом были сорваны), не были направлены персонально против того или иного

⁸⁵¹ ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2154. Л. 84.

⁸⁵² APW. Z. 214. S. 21. k. 12 ob.

⁸⁵³ APW. Z. 214. S. 337. k. 32.

⁸⁵⁴ APW. Z. 214. S. 337. k. 32 ob.

профессора. Отказ студентов следовать правилам университетской жизни (в том числе аккуратно посещать занятия, вести себя уважительно с преподавательским составом) был демонстрацией недовольства внешними по отношению к университету обстоятельствами.

Но имели место и другого рода выступления, такие, как бойкот конкретных преподавателей и даже «суд над профессорами».

Бойкот профессоров

Попечитель Одесского учебного округа А.А. Мусин-Пушкин так описывал в министерском донесении деятельность студентов во время революции 1905–1907 гг.: «“Центральный орган” присвоил себе права судить неугодных ему профессоров, производить над ними следствие, выносить оскорбительные для их человеческого и профессорского достоинства приговоры»⁸⁵⁵.

Из секретной переписки между департаментом полиции и МНП следует, что 13 сентября 1906 г. в ИХУ состоялась студенческая сходка, в которой приняли участие более 1 600 человек: «Большинством против 96 академистов объявлен бойкот профессорам членам русского собрания Вязигину, Денисову, Остроумову и Буткевичу»⁸⁵⁶.

Архивные источники сохранили сведения про бойкот в 1908 г. профессоров ИКУ К.С. Мережковского и Е.П. Головина (который был снят, «так как других профессоров, которыми могла бы быть замещена кафедра Мережковского, не имеется»)⁸⁵⁷; бойкот в 1914 г. профессора ИХУ И.М. Гиммеля⁸⁵⁸; здесь же можно упомянуть бойкот в 1897 г. студентами-поляками ИВУ шести профессоров за приветствие с их стороны закладки в Вильне памятника М.Н. Муравьеву,

⁸⁵⁵ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 452. Л. 51 об.

⁸⁵⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 320. Л. 1.

⁸⁵⁷ НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 24, 24 об.

⁸⁵⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 25; ЦГИАУ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 895. Л. 2. Профессор И.М. Гиммель оказался в центре конфликта со студентами-медиками и в 1914 г., когда, согласно донесению начальника Харьковского губернского жандармского управления, случились пререкания между студентами и профессором, так как последний назначил сдачу студентами отчетов по наблюдаемым ими больным на день начала студенческой забастовки, поступив, с точки зрения учебного начальства совершенно правильно (ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 4434. Л. 7 – 7 об.).

приобрётшему известность в качестве руководителя подавления польского восстания 1863 г.⁸⁵⁹

Большой резонанс в 1908 г. вызвал бойкот студентами ИКУ лекций профессора В.Ф. Залеского, который придерживался весьма консервативных политических взглядов, являлся убежденным монархистом, русским националистом и откровенным антисемитом⁸⁶⁰. В.Ф. Залеский довольно часто за свою университетскую карьеру имел столкновения со студентами. В фондах НАРТ отложились сведения о том, что еще в ноябре 1897 г. В.Ф. Залеский был освистан в прихожей университета студентами, недовольными тем, что преподаватель во время лекции сделал замечание одному из студентов за неприличное поведение⁸⁶¹, спустя полторы недели после этого случая студенты, возвращавшиеся поздно ночью с концерта, проходя мимо дома В.Ф. Залеского, разбили стекло⁸⁶². В 1906 г. Залеский был вынужден читать лекции у себя дома, опасаясь делать это в стенах университета⁸⁶³. Эта история нашла отражение даже на страницах местной печати⁸⁶⁴.

Таким образом, профессор Залеский стал для казанского студенчества одиозной фигурой. Осенью 1908 г. столкновения студентов профессором Залеским приобрели масштабный характер. В университетских делах встречаем следующее описание тех событий: «г[осподин] проректор застал некоторое количество студентов в коридоре у входа в аудиторию, дверь в которую была открыта, в самом проходе также стояли студенты, больше же всего их было в аудитории (приблизительно около 200 человек). Уже снаружи был слышен крик и шум, вследствие чего г[осподин] проректор счел себя обязанным войти в аудиторию, где застал г[осподина] Залеского читающим лекцию, но из-за шума разобрать его речи не мог. [...] Сделав предупреждение студентам в

⁸⁵⁹ См. подробнее во 3-й главе, в подразделе «польский вопрос».

⁸⁶⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11512. Л. 3 об. О В.Ф. Залеском см. подробнее: Лопатин А.А. Профессор В. Залеский – видный ученый и политик // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 3–2. С. 89–96.

⁸⁶¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23047. Л. 3.

⁸⁶² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23047. Л. 1 об.

⁸⁶³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 6206. Л. 22.

⁸⁶⁴ См. Волжский листок. 1907. 19 июня.

категорической форме, что подобное поведение с их стороны в аудитории недопустимо, г[осподин] проректор покинул аудиторию, так как проф[ессор] Залеский ему заявил, что он один дочитает лекцию до конца и что г[осподин] проректор может уйти. Несмотря на продолжавшийся шум, лекция была дочитана». По сообщению декана юридического факультета профессора Г.Ф. Дормидонтова: «20 сентября вечером, что на лекции проф[ессора] В.Ф. Залеского были в этот день беспорядки, выразившиеся в том, что собравшиеся в весьма большом числе на его лекцию слушатели (записавшихся на его лекцию всего не более 10 человек) в продолжение всей лекции шумели, кричали, прерывали лектора всякими возгласами, приглашали его замолчать, уходить из аудитории и т.п., а когда он все же дочитал лекцию свою до конца, то огромная толпа сопровождала его свистом и криками до дверей читальной комнаты; после чего толпа разошлась». Возмущенные студенты заявляли, что профессор Залеский вместо курса энциклопедии и истории философии права «читает лекции на политические темы, которым место может быть на митингах, а не в университете». В объяснении, данном декану, профессор Залеский отмечал, что он решил «предпослать своим курсам общее введение, посвященное изложению основных принципов, которых он держится в науке, для сего прочесть до начала отдельных курсов семь двухчасовых лекций на следующие темы: 1) Либерализм, 2) Парламентаризм, 3) Франкмасонство, 4) Иудейская золотая кабала, 5) О материализме и жизни духа, 6) Учение славянофилов, 7) Национальные конституции: английская, германская, русская (самодержавие)».

Согласно протоколу экстренного заседания Совета ИКУ, далее декан спросил профессора Залеского «не найдет ли он возможным в виду волнения, вызванного уже его лекциями, в интересах спокойствия университета прекратить их и перейти к изложению курсов применительно к экзаменным программам? Проф[ессор] Залеский ответил, что сделать этого не может, что это нарушит стройность изложения его курсов и прибавил, что волнений он не боится и готов хотя бы встретить смерть, излагая то, что он считает истиной. Относительно опасений г[осподина] декана возможности резких выходов со стороны молодежи,

он заявил, что оставшиеся для изложения три темы из семи вышепоименованных не носят уже такого боевого политического характера, как первые четыре, и что студенты, надо надеяться, отнесутся к этим лекциям сдержаннее». Декан настаивал на том, чтобы профессор Залеский временно приостановил чтение своих лекций, а также, чтобы впредь профессор вовсе не читал особых лекций на политические темы. Было решено допускать на лекции профессора Залеского только студентов, записавшихся на его лекции (таких было не более 10 человек), для чего выдать им особые бланки для предъявления при входе в аудиторию. «Перед входом в аудиторию совещание решило поставить усиленный наряд служителей и туда же командировать состоящего при канцелярии проректора из платы по вольному найму статского советника Н.В. Державина с предписанием пропускать в аудиторию исключительно тех студентов, кои предъявят требуемые бланки. Экзекутору университета предложено было сопровождать г[осподина] проф[ессора] Залеского из профессорской читальной комнаты вплоть до входа в аудиторию»⁸⁶⁵. Принятые меры на какое-то время нормализовали ситуацию.

Процедура принятия на студенческой сходке решения о бойкоте одного из преподавателей – профессора ИМУ Г.А. Захарьина⁸⁶⁶ – подробно описана в отношении ректора ИМУ П.А. Некрасова попечителю Московского учебного округа Н.П. Боголепову от 18 октября 1897 г.: «Предложенный студентом Альянки план совещания был следующий: сперва анамнез, т.е. история так называемой “Захарьинской истории”; затем болезнь, т.е. есть ли тут преступление со стороны проф[ессора] Захарьина; потом *status praesens*⁸⁶⁷, т.е. в каком положении находится это дело; наконец, терапия, т.е. что делать им теперь.

⁸⁶⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11683. Л. 11 – 14 об.

⁸⁶⁶ Студенты обвиняли профессора в высокомерии, корыстолюбии, некорректном отношении к больным и учащимся. См. подробнее: Тополянский В.Д. «Начальство, как и всякое начальство, заботится прежде всего о том, чтобы было наружно все спокойно да гладко»: Метафизика бойкота в Московском университете // Обыватель. Режим доступа: <http://www.obivatel.com/artical/160.html> (дата обращения 12.02.2017). Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Попечитель Московского учебного округа // Русский Архив. 1906. № 7. С. 456–458.

⁸⁶⁷ *Status praesens* (лат. «состояние в настоящее время») – состояние здоровья человека в момент медицинского обследования.

При рассуждении по этому плану участники сходки излагали вышеуказанную “историю”, читали из журнала “Врач”, № 4 1896 г. статью Жбанкова относительно проф[ессора] Захарьина и, по предложению председателя, дополняли эти сообщения различными пояснениями и сведениями.

В конце концов пришли к решению, что следует считать преступлением запись на лекции проф[ессора] Захарьина, что записывающихся нужно чуждаться и что решение это обязательно и для отсутствующих [...].

Обсуждалась и терапия, т.е. разные меры нравственного давления против слушателей проф[ессора] Захарьина. Решено имена таких студентов, как зачумленных, сообщать студентам других курсов, слушающим лекции в клиниках. Предлагалось не давать слушателям проф[ессора] Захарьина книг из студенческой библиотеки, избегать совместного с ними кураторства»⁸⁶⁸.

Особого внимания заслуживает такой феномен, как «суд над профессорами». В ИНУ 23 ноября 1906 г. состоялась сходка, посвященная 96-й годовщине со дня рождения хирурга Н.И. Пирогова. Три профессора (Н.А. Батуев, С.С. Головин, С.В. Левашев), выразившие, по мнению студентов, «неуважение» сходке, были преданы преданны суду. 26 ноября 1906 г. они получили извещение следующего содержания: «Центральный орган извещает г[осподина] профессора, что согласно постановлению студенческой сходки от сего числа, он придается университетскому суду по поводу инцидента на собрании Общества Русских врачей, посвященном памяти Н.И. Пирогова». Сходка постановила до окончания суда лекций профессора не посещать, но никаких агрессивных действий по отношению к нему не применять»⁸⁶⁹.

О «суде над профессорами» вспоминали бывший студент ИСПБУ И.В. Егоров, упоминая при этом даже ректора Э.Д. Гримма и декана историко-

⁸⁶⁸ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4931. Л. 10 об. – 11.

⁸⁶⁹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 2 об.

филологического факультета Ф.А. Брауна⁸⁷⁰, и вдова министра, Е.А. Боголевова⁸⁷¹.

Лучше понять настроения и мотивы студенчества помогают разного рода прокламации, широко распространявшиеся в дни беспорядков. Так, «Декларация Новороссийского студенчества», принятая на сходке 25 марта 1907 г., гласила: «Систематическое извращение событий на медицинском факультете со стороны правых профессоров обязывает новороссийского студенчество в целях восстановления истины [...] выступить со следующим заявлением.

Со дня объявления автономии правые профессора, не мирясь с тем, что своеволие и усмотрение начальства, покровительствующего им должно уступить место профессорскому коллективу, повели систематическую борьбу против прогрессивных элементов.

Не стесняясь никакими средствами, эта группа профессоров начала свою деятельность с травли союза младших преподавателей, в котором она видела наибольшую угрозу университетскому бюрократизму [...]. Говоря постоянно о святости университета, как храма науки, эти профессора в своих реакционно-политических целях дезорганизовали академическую жизнь медицинского факультета; они отказались от посещения факультетских собраний и участия в государственной комиссии под председательством профессора Медведева [...].

Сильные поддержкой реакционного правительства, они окольными, канцелярскими путями, минуя совет профессоров – высшую инстанцию автономного университета – добились утверждения избранных ими лиц. Сильные той же поддержкой черной сотни, они в ответ на бойкот, объявленный студентами медицинского факультета профессорам Левашеву и Маньковскому, объявляют локаут, прекращают чтение лекций; и сбросив лицемерную маску, открывают поход против той ограниченной автономии, которой пользуются российские университеты. С этой целью эта группа профессоров стремится распространить

⁸⁷⁰ Егоров И.В. В Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 114.

⁸⁷¹ Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Пред попечительством в Московском Учебном Округе // Русский Архив. 1906. № 4. С. 626–627.

локаут на все факультеты, она угрожает непокорному университету закрытием его свыше, она обращается за поддержкой к опытному в деле всяких разгромов правительству, посылающему как будто для расследования университетских дел, а в самом деле на подмогу ей одного чиновника за другим. Этот поход есть одно из проявлений реакционной волны, которая стремится отнять у народа все его октябрьская завоевания. [...] Российское студенчество, принесшее не мало жертв в борьбе за автономию, не может не вступить в борьбу с надвигающейся опасностью. Новороссийское студенчество приветствует поэтому студентов и медиков, принявших на себя первые удары профессорской черной сотни.

Новороссийское студенчество заявляет, что попытки правых дезорганизовать университет и остановить его академическую жизнь встретят энергичный отпор со стороны всех студентов»⁸⁷².

Любопытный феномен межреволюционных лет – бойкот студентами назначенных (а не избранных) преподавателей.

Например, в 1911 г. министерство информировало попечителя Московского учебного округа А.А. Тихомирова о готовившихся демонстративных студенческих акциях против профессоров Ф.Е. Рыбакова и В.А. Муратова «как назначенных Министерством» после известного ухода из ИМУ большой группы преподавателей⁸⁷³.

В конце января 1913 г. студенты четырех первых курсов медицинского факультета ИХУ устроили трехдневную забастовку в знак протеста против факта назначения в университет министерством народного просвещения профессора А.Ф. Брандта, переведенного из ИМУ. Забастовка проходила в форме непосещения лекций всех преподавателей⁸⁷⁴. Накануне забастовки от имени «группы студ. с.-р. и с.-д.» (группы студентов социал-революционеров и социал-демократов) было выпущено «Воззвание», в котором, в частности, говорилось: «Товарищи. 24-го числа вновь назначенный профессор Брандт читает первую лекцию. Вы, конечно, скажите, что назначение профессоров сделалось теперь

⁸⁷² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 452. Л. 43 – 43 об.

⁸⁷³ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4933. Л. 111.

⁸⁷⁴ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3725. Л. 5 – 5 об.

явлением обыденным и что к этому можно было уже привыкнуть, но в прежние годы, т[оварищи], студенчество считало своим нравственным долгом выражать протест против попытки отнять остатки университетской автономии»⁸⁷⁵. В воззвании упоминались петербургские профессора-назначенцы П.П. Мигулин, В.А. Удинцев и С.П. Никонов. Первый – как оставивший чтение лекций по причине бойкота его студентами, а два последних – как читавшие лекции по той же причине перед пустой аудиторией.

В сентябре 1913 г. прошла однодневная забастовка студентов медицинского факультета в знак протеста против назначения в ИХУ приват-доцента Э.А. Жербовского, переведенного из Киева, вместо профессора С.С. Груздева, переведенного, в свою очередь, в Одессу⁸⁷⁶.

В январе 1914 г. на медицинском факультете ИХУ имел место студенческий протест против назначения профессора Н.П. Тринклера заведующим факультетской хирургической клиникой (хотя он и прежде служил в ИХУ), выразившийся в однодневной забастовке⁸⁷⁷.

Кратковременной обструкции со стороны левого студенчества в 1894 г. подвергался даже популярный В.О. Ключевский. Это было связано с двумя обстоятельствами: принятием им предложения прочитать курс всеобщей истории великому князю Георгию Александровичу (сын Александра III) и произнесением в Историческом Обществе речи в память в скончавшегося императора, в которой профессор Ключевский подчеркивал его миролюбие⁸⁷⁸.

На фоне студенческих забастовок случались различные казусы. Так, во время очередных систематических срывов занятий в ИКУ в октябре 1908 г. профессор Е.Ф. Будде вовсе перестал являться в университет под предлогом

⁸⁷⁵ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3725. Л. 8.

⁸⁷⁶ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3736. Л. 66. Забастовка на медицинском факультете // Южный край (Харьков). 1913. 17 сентября.

⁸⁷⁷ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 4434. Л. 6, 12. Староверов Б. Немецкое пленение Харьковского университета. Харьков, 1915. С. 12.

⁸⁷⁸ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 195; Олейников Д. Василий Осипович Ключевский: «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могут жить лишь в допотопное время...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 325; РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 35 об.

болезни. Часть студентов, не желавшая бастовать, направила домой к профессору Будде своего представителя, студента Ивана Маркова, с целью выяснения времени назначения профессором экзамена. «Марков два раза ходил на квартиру г. Будде, но в оба раза горничная г. Будде сказала, что последний болен и никого не принимает. В последний раз студент Марков осведомился у горничной, чем болен профессор и какой доктор его лечит. 7 октября вечером студент Марков в третий раз явился к профессору Будде, у которого в то время был прием в кабинете, где находились два студента и туда же был приглашен и Марков. Как только Марков вошел в кабинет, профессор Будде обратился к нему с укоризненными выражениями и при том крайне повышенным тоном. Вошедший от такого приема растерялся и первоначально молчал, а потом спросил г. Будде, в чем заключается его “нахальство”. По словам профессора Будде оказалось, что он назвал Маркова нахалом за его расспросы у горничной о ходе болезни Будде, принятые за насмешку»⁸⁷⁹.

Большинство политических студенческих выступлений было направлено против правой профессуры. Однако в пёстром идейном ландшафте начала XX века можно было встретить и иное явление: выступление правого студенчества против левой профессуры. Так, воззвание Студенческого отдела Союза русского народа при ИСПБУ, обращенное к «русским студентам», гласило: «Хитро льстя вашему самолюбию и затуманивая глаза автономией Университета, шайка проходимцев жидов и инородцев захватила его в свои руки. [...] Многие из профессоров жида и жидовствующие Русским не дают ходу»⁸⁸⁰. Такая позиция была поддержана автором крайне право-монархической газеты «Земщина», который писал в 1909 г.: «Достаточно профессору объявить себя “правым”, как кагал не замедлит изгнать его из Университета. Вооружившись удушливым химическим составом, пронзительными сиренами и другими орудиями, студенты по пятам преследуют профессора и не дадут прочесть ни одной лекции до тех пор, пока он не объявит себя единомышленником студенчества или сам не уйдет из

⁸⁷⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11474. Л. 110–110 об.

⁸⁸⁰ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 127.

Университета»⁸⁸¹. Однако подобного рода заявления представляли собой ничтожную долю среди массы иных, противоположного политического окраса.

Итак, чаще всего студенты выступали против вопросов, не имевших прямого отношения к университетской жизни (во всяком случае – к учебному процессу). О том, что студенческие выступления редко были направлены непосредственно против профессоров, говорит такой пассаж из донесения от 20 февраля 1886 г. попечителя Харьковского учебного округа Н.П. Воронцова-Вельяминова министру народного просвещения И.Д. Делянову: «...на лекции студентов явилось очень мало: так к профессору Владимирову явилось 4 студента, к профессору Грубе – 5 слушателей, но когда профессор заявил, что для такого числа слушателей он операции делать не будет, то аудитория клиники вскоре наполнилась студентами»⁸⁸². Если конфликтные ситуации и касались учебной жизни, то они чаще были связаны с административной стороной вопроса. Например, жалобы студента ИКУ на недопущение к экзаменам⁸⁸³, жалобы на невыдачу диплома.

Встают вопросы о том, в чем современники видели способы сближения профессуры и студенчества и об отношении преподавателей к студенческому движению. Ответы на эти вопросы находятся в прямой зависимости от политических убеждений преподавательского состава, которые были разными и нередко полярными⁸⁸⁴.

4.2. Поиск путей выхода из кризиса: от дисциплинарного суда до благотворительности

Поиском способов «сближения профессуры и студенчества» были озабочены и министерские чиновники, и университетская администрация, и сами

⁸⁸¹ Цит. по: Брачев В.С. «Дело» академика А.И. Соболевского: из истории самоуправления Санкт-Петербургского университета // Terra Humana. 2008. № 4(9). С. 52.

⁸⁸² РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 37. Л. 8, 8 об.

⁸⁸³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7602.

⁸⁸⁴ Проблема отношения преподавателей к студенческому движению рассмотрена в 3-м разделе этой главы.

преподаватели. При этом под «сближением» заинтересованные стороны, очевидно, понимали несколько разные вещи. Министерству и «правой» профессуре позитивный вариант развития виделся в том, что вечно волновавшиеся студенты будут сдерживаться высоко для них авторитетными профессорами, стоящими на сугубо академических, а в политическом отношении – охранительных, позициях. «Левая» профессура также чаяла сближения со студенчеством, воспринимая его как младшего представителя не столь многочисленного образованного «класса» и видя в нем, не в последнюю очередь, союзника в решении «университетского вопроса». Позиция же университетской администрации варьировалась – была различной в разное время в разных университетах.

Правительственный взгляд на проблему был представлен в сообщении от 25 мая 1899 г., которое указывало на разобщенность студентов между собой, с профессорами и учебным начальством как на одну из главных причин, способствовавших студенческим беспорядкам. Вслед за этим МНП в циркулярном предложении от 21 июля 1899 г. изложило «руководящие указания» по вопросу об установлении «желательного общения» между студентами, профессорами и учебным начальством.

Министерство исходило из того, что общение между студентами и профессорами должно происходить только «на почве учебных потребностей». Тесное общение виделось инструментом, обеспечения «правильного развития и образования молодых людей» и «поддержания в преподавателях энергии и живого интереса к их [...] делу». МНП полагало, что такое общение облегчает разрешение практических вопросов, связанных с учебным процессом (издание лекций, выбор и приобретение учебника, распределение практических занятий, составление расписания экзаменов и пр.) или текущих проблемных ситуаций.

Министерство предложило несколько конкретных мер сближения профессоров и студентов. Это, во-первых, расширение практических занятий. Во-вторых, учреждение под руководством профессоров научных и литературных студенческих кружков, и даже студенческих хоров и оркестров. В-третьих,

устройство «правильно поставленных студенческих общежитий», которые «при надлежащей их организации, дают широкий простор для взаимного сближения учебного начальства, учащихся и учащихся и представляют наилучшие условия для наилучших занятий, в особенности, если руководство этими занятиями принимают на себя преподаватели».

Курсовые же студенческие организации, с выборными представителями, депутатами или старостами Министерство признавало не только излишними, но и вредными для спокойного течения академической жизни.

Помимо прочего, министерский документ содержал назидательное утверждение, что «тот преподаватель, который ограничивает свою преподавательскую деятельность только чтением лекций в положенные часы, а не входит в духовные интересы и нужды учащихся, не сближается с ними на этой почве и не руководит их неокрепшею мыслью, исполняет лишь малую долю своих обязанностей, возлагаемых на него высоким призванием профессора»⁸⁸⁵.

Предложенные правительством меры не выходили за рамки традиционной охранительной политики и были явно недостаточны. Гораздо более глубокое понимание проблем университетской жизни демонстрировала университетская общественность, о чем можно судить по работе Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.).

Во время работы Комиссии в числе прочих обсуждался вопрос о «мерах для сближения профессоров со студентами». Доклад на соответствующую тему подготовил профессор ИНУ А.Н. Деревницкий, который провел анализ докладов по названному вопросу советов всех университетов, а также «особых мнений» отдельных профессоров и чиновников МНП.

А.Н. Деревницкий заметил, что возникновение вопроса о необходимости специальных мер для сближения профессоров и студентов свидетельствует о том, что факт разобщения между университетскими преподавателями и учащейся молодежью официально признан. И это притом, что живая и тесная связь между

⁸⁸⁵ Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н.П. Боголепова (12 февраля 1898 – 14 февраля 1901 гг.). СПб, 1901. С. 64–67.

ними, казалось бы, должна естественным образом возникать при нормальном строе академическое жизни⁸⁸⁶.

Проанализировав «Доклады...» университетов, А.Н. Деревницкий сделал вывод о том, что большинство советов главное препятствие к сближению профессоров и студентов усматривало в действовавшем университетском уставе, который «отстранил профессоров от прямого и непосредственного влияния на университетские дела и таким образом полагающего искусственную грань между ними и студентами»⁸⁸⁷.

К числу черт университетского строя, которые вызывали разъединение между профессорами и студентами, советы отнесли следующее:

– отсутствие права «самопополнения» профессорской коллегии («доверие к профессору и в коллегиях, и среди студентов покоится исключительно на вере, что он служит только науке и только ей обязан своим положением»);

– отсутствие права избрания лиц университетской администрации (при восстановлении этого права «устаи ректора, проректора, деканов, университетских судей будет говорить [...] большинство профессорских коллегий, сложившихся и организовавшихся исключительно ради целей науки»);

– организация инспекции, как посторонней инстанции, стоящей в университете между профессорами и студентами («чуждая университету по духу и чисто формально-полицейская по задачам, инспекция усвоила, себе недоверчивое отношение к профессорам и этим сделала для них немислимым общение со студентами»; «участие инспекции в наблюдении за пропуском лекций студентами и профессорами не имеет никакой цели, а между тем подрывает авторитет профессоров и достоинство преподавания»);

– гонорарная система;

– не изменяемые на протяжении многих лет программы курсов вследствие чего у студентов складывается убеждение, что кроме официально признанной

⁸⁸⁶ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 292.

⁸⁸⁷ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 293.

науки, излагаемой в университетах в соответствии с этими программами, есть какая-то другая наука, «утаиваемая» от них профессорами;

- нехватка помещений;

- ослабление в студентах жажды знаний, вследствие недостаточности их предварительной подготовки, позднего возраста поступления в университет и материальной необеспеченности;

- отсутствие студенческого самоуправления, которое не только служило бы школой воспитания в духе товарищеского единства, но и создавало бы и новую сферу отношений между студентами и профессорами и вело бы к сближению между ними;

- наполнение аудиторий студентами, подписывающимися на лекции и практические занятия не лично у профессоров, а у деканов⁸⁸⁸.

В заключении доклада А.Н. Деревницкий перечислил меры, предложенные советами университетов, подразделив их на две категории. Первая включала мероприятия учебно-научного характера. Ко второй категории были отнесены меры, предполагавшие коренную реорганизацию университетов на началах автономии и свободы преподавания.

К числу мер первой категории было отнесено:

- устройство общеобразовательных курсов, адресованных студентам разных факультетов;

- развитие практических занятий, семинариев; расширение учебно-вспомогательных подразделений;

- устройство экскурсий, экспедиций при совместном участии профессоров и студентов;

- развитие системы «совещательных часов»; предоставление профессорам права собирать студентов с ведома ректора как в университете, так и дома с образовательными целями;

- регулярное обновление учебных программ;

⁸⁸⁸ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 294–296.

- организация при участии профессоров научно-литературных студенческих кружков;
- устройство при совместном участии профессоров и студентов университетских праздников;
- личное ознакомление профессора с подготовкой каждого студента к слушанию и прохождению того или другого предмета;
- фиксирование в дипломе при окончании курса более обстоятельных и ясных характеристик выпускника;
- развитие специализации студентов на старших курсах, что «вело бы к дроблению их на большое число групп, которые находились бы в более тесном общении с отдельными профессорами и приват-доцентами»;
- чтение курсов, способных заинтересовать молодежь своим содержанием;
- издание сборников студенческих работ;
- «установление периодических [...] “спросов”, репетиций»;
- развитие системы студенческих конкурсов и испытаний на соискание стипендий и академических наград;
- развитие института лиц младшего преподавательского персонала – помощников профессоров.

Меры второй категории включали в себя:

- предоставление профессорской коллегии права самопополнения: «надо надеяться, что осмотрительность коллегии при замещении кафедр и административных должностей поднимет научный уровень преподавателей, установит не только внешнюю, но и нравственную солидарность между ними и даст большую гарантию справедливости, чувства законности и сердечного отношения к студентам»;
- превращение инспекции в орган совета университета с полным ему подчинением, причем именно совет должен вырабатывать инструкции инспекции;
- учреждение профессорского суда;
- предоставление совету права вырабатывать правила студенческих собраний;

- допущение профессоров к участию в кружках и собраниях студентов (по их приглашению);
- учреждение студенческих клубов;
- установление свободы преподавания и слушания;
- отмена гонорара;
- введение системы патроната над студентами (в виде «туторства, испытанного веками в Англии», или института «курсовых профессоров», избираемых самими студентами, утверждаемых затем советом);
- повышение авторитета профессоров в глазах студентов; для этого – утверждение профессоров Высочайшей властью и лишение их должности до истечения выборного срока только по суду⁸⁸⁹.

Заметим, что относительно рассматриваемых вопросов звучали и противоположные мнения.

Так, с точки зрения профессора ИСПБУ А.А. Маркова, «превращать профессоров в воспитателей, проводящих около студентов значительную часть времени, не следует, так как время им необходимо для научных трудов». С этим был согласен и профессор ИКУ М.И. Догель, полагавший, что «профессор способен влиять на молодежь и даже на общество только точным исполнением своего долга, любовью к труду и примерным образом жизни». Воспитательное влияние университета, по словам профессора ИЮУ Б.И. Срезневского, должно было выражаться преимущественно «в развитии работоспособности, сознании собственного долга, уважения к чужому мнению и объективности взгляда, что гораздо важнее для общества и государства, чем высокомерное поклонение собственным взглядам сего дня». Профессор ИТУ И.Г. Табашников полагал, что, если под сближением профессоров и студентов разумеется сближение «бытовое, житейское», то оно «невозможно и было бы ненормально, ибо оно не может иметь никакой почвы». Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев видел и при условиях существовавшего университетского строя

⁸⁸⁹ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 297–300.

возможность воспитательного воздействия профессоров на студентов: «честные, искренние и добрые отношения к слушателям, без лицемерия и заискивания популярности, — заявлял он в своем заключении, — частые с ними беседы, благожелательное к ним внимание — вот в чем должно выражаться воспитательное руководство профессоров, в котором так нуждается наше юношество, поступающее в университет без всяких устойчивых взглядов на предметы, спору не подлежащие. Профессора не должны отказываться от этой задачи, и стоит только пожелать привести это в исполнение, и найдутся способы выполнения этой задачи».

По отношению к идее патроната или тьюторства безусловно отрицательно высказался совет ИМУ. Он изложил свои доводы в следующих трех положениях: «1) нельзя ввести такого рода патронат в правильное и точное соотношение с другими университетскими органами; 2) патронат легко может поставить профессоров-патронов в тяжелое, двусмысленное и неудобное положение; 3) можно и должно говорить о патронате над студенческими группами и организациями со стороны целой профессорской коллегии, но с ним несовместима такая функция отдельных, так или иначе выбранных членов профессорской коллегии». Подобное же отрицательное отношение встретила мысль варшавского совета о «курсовых профессорах» со стороны ректора ИВУ Г.К. Ульянова и профессора Д.Л. Давыдова. Первый опасался, что при избрании «курсовых профессоров» студенты-поляки стали бы демонстративно отдавать предпочтение профессорам польского происхождения и отказываться от избрания русских профессоров, предлагаемых русскими студентами. Профессору Давыдову должность курсовых профессоров представляется вообще излишней, а если она и нужна, то он полагал, что избирать таковых должен совет, а не студенты, которым в противном случае пришлось бы предоставлять также право и увольнять своих курсовых попечителей.

При всем разнообразии мнений, звучавших на совещании 1902 г., видно, как глубоко расходились взгляды министерства и профессуры относительно выстраивания отношений со студентами.

Некоторые предложения, озвученные в 1902 г. во время работы вышеупомянутой Комиссии, были реализованы. Однако их воплощение в жизнь далеко не всегда встречало одобрение даже тех из университетских профессоров, которые ранее высказывали соответствующие предложения.

Регулирование студенческих организаций

Первым, с точки зрения хронологии, было решение о регулировании деятельности студенческих организаций, которым посвящены достаточно многочисленные исторические исследования⁸⁹⁰. Вплоть до начала века организации студентов внутри университетов были фактически запрещены. Попытки студентов инициировать создание какой бы то ни было организационной структуры, как правило, наталкивались на административный запрет. Вот, например, как в документах Департамента полиции передавалось содержание письма, отправленного 15 апреля 1894 г. студентом ИСПБУ Звягинцевым студенту Солодовникову и посвященного попытке открытия научно-литературного общества: «В результате толков были собрания, возбужден вопрос и проч[ее] Устроены были частные собрания у одного приват-доцента (Форстен), частным образом выбрали председателя Лаппо-Данилевского, демонстративно провалили профессора Платонова, сидевшего в соседней комнате. В составе собрания были 13 студентов (филологов 3 и 4 к[урсов]) и 5 профессоров и приватов (Платонов, Введенский, Гриве, Лаппо-Данилевский, Форстен). Увы, высшее начальство запретило даже заикаться об обществе; и теперь вопрос видоизменился уже и мышь порождена горой; теперь мы толкуем

⁸⁹⁰ Гусятников П.С. Революционное студенчество Петербурга накануне и в период первой русской революции. Л., 1951. 26 с.; Гусятников П.С. Студенческое движение в 1905 г. // Вопросы истории. 1955. № 10. С. 74–81; Завьялов Д.А. Российское законодательство о студенческих организациях (1855–1914) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 4 (267). С. 186–201; Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010. 360 с.; Рязанцева Н.Б. Опыт координации деятельности студенческих организаций университетов Российской империи // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 4 (8). С. 65–82; Дорохина Р.В. Деятельность студенческих организаций Московского университета в дореволюционной России // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 1 (25). С. 213–225 и др.

не об обществе, а о “беседах” (вечерних) по историко-филологические науки, под руководством профессоров, с допущением студентов других факультетов»⁸⁹¹.

Министр Н.П. Боголепов в записке на имя императора Николая II (1900 г.) обосновывал запрет на деятельность студенческих организаций тем, что они имеют тенденцию выходить за рамки предписываемых уставами вопросов: «начинают обыкновенно с вопросов об образовании студенческих касс, библиотек и кружков самообразования, далее переходят к вопросу о товарищеском суде и кончают обсуждением случаев столкновения студентов с инспекторами и профессорами и судом над профессорами и начальством»⁸⁹².

Признав, наконец (уже при следующем министре), рациональность студенческих стремлений иметь законные организации, МНП пошло на их легализацию, но обставило их появление и функционирование рядом серьезных условностей. О содержании и основных положениях готовившегося положения о студенческих организациях было известно заранее и негативное отношение части студентов к документу также стало формироваться до его обнародования. В тексте одного из студенческих воззваний, посвященного разработке «Временных правил» о студенческих организациях говорилось: «Мы обращаемся к Вам, г[оспода] профессора! Неужели Вы – люди науки, люди, которые должны нести луч света студенческую среду, неужели Вы спокойно примете пощечину от министерства и не найдете в себе настолько гражданского мужества, чтобы отказаться от гнусной роли, которая отводится Вам во «Временных правилах». Неужели Вы, которые говорите о единении со студентами, думаете осуществить это единение в тех организациях, которые приказывает ввести Ванновский. Нет, г[оспода] профессора, Вы только еще больше отдалитесь от нас. Вы невольно станете нашими врагами. Почему должны будете исполнять роль шпионов. Вечным конфликтам и вражде, а не единению будет здесь место. Одумайтесь! Откажитесь от гнусной роли! Мы обращаемся к лучшим, к честным из Вас. Конечно, и среди Вас найдутся г[оспода] Залесские (их везде много), но не сними

⁸⁹¹ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1894. Д. 172. Л. 1а об.

⁸⁹² Цит. по: Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Министром народного просвещения // Русский Архив. 1906. № 11. С. 394.

мы говорим!»⁸⁹³. Любопытно, что, судя по приведенной выдержке, даже авторы воззвания (очевидно, представители левой, радикальной части студенчества) выражали надежду на взаимопонимание с частью профессоров.

22 декабря 1901 г. министром народного просвещения П.С. Ванновским были утверждены «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства министерства народного просвещения». Согласно правилам, администрации университетов по ходатайству студентов разрешалось открытие студенческих кружков для занятий науками, искусствами, физическими упражнениями, а также организация столовых, касс, библиотек, читален и прочее. Студентам предоставлялась возможность устройства собраний, но с позволения университетского руководства и исключительно по курсам, первокурсникам же собрания были разрешены лишь со второго семестра. Таким образом, Временные правила 1901 г. давали возможность создания студенческих организаций, но ставили их под контроль учебного начальства, и предполагали непосредственное вовлечение профессоров в деятельность этих организаций.

Университетские советы активно обсуждали нововведение. Так, 24 января 1902 г. состоялось обсуждение «Временных правил» на заседании совета ИВУ. Более всего членов совета занимал вопрос о роли и статусе профессора при студенческих организациях.

Профессор В.П. Амалицкий: «Эта роль ничуть не может являться в роде полицейской, а что она примерно может соответствовать роли заведующих секциями при Съездах».

Профессор Г.Ф. Симоненко: «Если профессор будет назначен для наблюдения за собраниями в качестве только свидетеля, то его роль будет унижительна, если же профессор будет избираться студентами в качестве председателя, тогда его роль будет почетна».

Ректор Г.К. Ульянов заметил, что «если допустить избрание студентами профессора-наблюдателя собрания, то может возникнуть неудобное положение для самого профессора в виду существующей национальной розни между

⁸⁹³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2109. Л. 16 об.

студентами, особенно когда на обязанности такого профессора должно лежать не только простое наблюдение, но и руководство собранием, а председателем собрания в то же время является студент. Если же предоставить студентам избирать профессора в председатели собрания, то и здесь национальная рознь может явиться источником разных недоразумений». И далее: «Если в собрании председательствует студент, роль профессора как наблюдателя и руководителя не трудна и вместе с тем почетна; если же председательствует профессор, то его роль труднее, так как он в качестве председателя окажется нередко вынужденным вступать в мелкие даже препирательства с участниками собрания»⁸⁹⁴.

Однако в ходе дальнейшего обсуждения возобладало убеждение, что возможны случаи, когда в интересах университета будет то, чтобы председателем студенческого собрания было «лицо, желательное не собранию студентов, а Университету», то есть, кто-то из профессоров. Соответствующее мнение было зафиксировано как решение совета⁸⁹⁵.

Профессор ИМУ П.Г. Виноградов высказывался (правда, анонимно) весьма резко о «Временных правилах». П.Г. Виноградов так интерпретировал те статьи «Правил», которые предусматривали участие профессоров в работе студенческих организаций: «Они [профессора – М.Г.] призываются к обязанностям полицейских комиссаров за одно с членами административного персонала, т. е., говоря просто, с помощниками инспектора, и присутствуют в роли пассивных наблюдателей при действиях студенческих собраний, но обязуются доносить о всем случившемся и, в частности, об отклонениях от порядка. Ясно, с какой точки зрения высшее учебное начальство смотрит на профессоров, но не понятно, почему оно рассчитывает на авторитетную поддержку со стороны таких командированных им соглядатаев. По уставу 1884 года унижали профессоров, устраняя их от дел. По новому уставу XX века имеют в виду унизить их еще больше, заставляя их стирать грязное белье для учебных властей»⁸⁹⁶.

⁸⁹⁴ APW. Z. 214. S. 21. k. 49 ob. – 50 ob.

⁸⁹⁵ APW. Z. 214. S. 21. k. 55 – 55 ob.

⁸⁹⁶ Виноградов П.Г. Что делается и что делать в русских университетах? // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 149. Подробнее о позиции

В ответ на «Временные правила» в первой половине 1902 г. поднялся общестуденческий протест, которые имел некоторые результаты. Совещание министров 18 августа 1902 г. по разработке мер предупреждения студенческих беспорядков признало нежелательность к дальнейшему применению «Временных правил» и с начала нового учебного года в них был введен ряд, впрочем, незначительных изменений.

Принципиально подход властей к студенческим объединениям не изменится до конца имперского периода. Качественные преобразования будут инициированы лишь Временным правительством в начале октября 1917 г., за несколько дней до его падения (9 октября 1917 г. МНП распространило среди университетов тезисы к докладу о студенческих организациях, заслушанные на совещании представителей высших учебных заведений 12–16 июня 1917 г. По мнению министерства, эти тезисы должны были служить руководящими указаниями при установлении Советами высших учебных заведений форм и способов сношений со студентами)⁸⁹⁷.

П.Г. Виноградова по студенческому вопросу см.: Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С. 239–271.

⁸⁹⁷Тезисы (1917 г.):

1) В создающемся новом университетском строе должны быть выработаны формы и установлены органы для постоянного общения между студенческими организациями и профессорскими коллегиями в целях обоюдного ознакомления, с одной стороны, со взглядами и действиями студенчества, с другой, со взглядами и действиями профессоров в сфере научно-учебного дела или академических интересов вообще.

2) Учреждая такие органы, следует иметь в виду сохранение самостоятельности, как в работе управляющих университетом и устраивающих научно-учебную жизнь профессорских коллегий (Советов и факультетов), так и в деятельности студенческих организаций. Не должно происходить смешение функций между неодинаковыми по опыту и компетенции группами, учащими и учащимися, но необходимо установить между теми и другими правильное взаимодействие.

3) Профессорским коллегиям должно вступать в сношение с различными академическими организациями, признанными студенчеством и дающими гарантии, что в них представлены интересы всего студенчества или его академических частей (факультетов). В дальнейших пунктах указываются как примеры такие организации, которые уже ныне существуют или являются желательными, с рекомендацией самых способов сношений их с профессорами.

4) В интересах взаимоознакомления и взаимопомощи студенчества в кругу его образовательных нужд студенты данного университета могли бы для их обсуждения устраивать внутри факультетов по курсам или по предметным отделениям и учебным группам (семинариям, лабораториям, клиникам) собрания и избирать из среды этих различных групп

Профессорский дисциплинарный суд

Университетский суд в России впервые был предусмотрен Уставом Московского университета 1755 г., (подтвержден указом Сената 22 декабря 1757 г.). По уставам 1804 г. и 1863 г. суд распространялся уже на все отечественные университеты. Хотя структура и полномочия суда по разным уставам отличались⁸⁹⁸, можно сказать, что сам факт его наличия мыслился своего рода проявлением юридической экстерриториальности университета по отношению к гражданским властям. В период преобладания консервативных тенденций во внутренней политике власти с урезанием автономии лишали университет и права суда; так было в 1835 г. и 1884 г. В результате, значительную

представителей. Последние составили бы студенческие, факультетские – академические коллегии, которые обслуживали бы указанные студенческие научно-учебные нужды данного факультета.

5) В случае необходимости для общения студенчества с профессорами вообще, студентами по их желанию избираются советы старост, которые обслуживают научно-учебные и академические интересы всего студенчества.

6) Для установления сношений между названными (пункт 84) студенческими академическими организациями, с одной стороны, и факультетами, с другой, каждый факультет учреждает особые профессорские факультетские комиссии. Последними устанавливаются по возникающим вопросам научно-учебной жизни общие совещания с представителями студенческих факультетских академических коллегий. Вырабатываемые здесь мнения или предложения сообщаются студенческим организациям и поступают на рассмотрение соответствующих факультетов для сведения или утверждения.

7) Подобного же рода соединенные совещания могут происходить при возникновении надобности между советскою комиссией профессоров и представителями студенческих советов старост также с докладом о намечающихся мероприятиях Совету университета для направления дел к надлежащему решению.

8) Кроме факультетских академических коллегий и советов старост студенчеством свободно устраиваются научные, литературные и художественные кружки и союзы, а совет и факультеты, регистрируя их образование, предоставляют им, по возможности, впредь до устройства студенческих домов, помещения в стенах университета. Представители же таких кружков и союзов могут ступать также в совещание с советскими и факультетскими комиссиями для сообщения им своих нужд и очередных интересов.

9) Для удовлетворения бытовых потребностей учащихся настоятельно важно приложить немедленно все усилия для устройства особых студенческих домов, внутри которых могли бы находить постоянный приют различного рода их учреждения и кружки, не занимая университетских зал и находясь во взаимном соприкосновении. В виду невозможности теперь же предпринять постройку таких домов, существенно необходимо изыскать средства для найма с этой целью подходящих помещений (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 796. Л. 13 об. – 15. ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 4. Л. 31–32).

⁸⁹⁸ См. подробнее: Андреев А.Ю. Суд университетский // Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 703–704.

часть рассматриваемого периода в российских университетах (за исключением ИДУ до 1889 г.⁸⁹⁹ и ИВУ) суд отсутствовал.

Как уже отмечалось, предложение восстановить университетский суд звучало во время работы Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.) и вошло в результирующий доклад профессора А.Н. Деревницкого.

Примечательно, что еще в 1899 г. группа профессоров ИМУ подготовила и передала в МНП предложения об изменении университетского строя в направлении расширения автономии. В документе содержалось и мысль о введении дисциплинарного суда, но, выступая за это, профессора ИМУ в то же время высказывали опасения, что участие в суде профессоров может негативно отразиться на их репутации в студенческой среде. В качестве инструмента минимизации этого негативного эффекта предлагалось введение в состав суда представителей судебного ведомства⁹⁰⁰. Можно сказать, что московские профессора в самом конце XIX в. прозорливо предвидели проблемы, которые, действительно, станут актуальными после восстановления суда.

24 августа 1902 г. «Временными правилами о профессорско-дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения» в вузах России воссоздавалась специальная судебная инстанция. В компетенцию профессорского дисциплинарного суда входило разбирательство проступков, совершавшихся студентами⁹⁰¹. «Инструкция профессорскому дисциплинарному суду в университетах и других высших учебных заведениях»

⁸⁹⁹ Об университетском суде ИДУ см. подробнее: Егоров Ю. Университетский суд Тартуского университета в XIX столетии // Из истории юридического образования в Эстонии в XVII–XIX вв. Тарту, 1989. С. 172–194.

⁹⁰⁰ См.: Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С. 177.

⁹⁰¹ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства Народного Просвещения (Высочайше утверждены 24 августа 1902 года). Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства Народного Просвещения. Харьков, 1902. С. 7.

(24 января 1908 г.) конкретизировала некоторые технические аспекты деятельности суда⁹⁰².

Правительственный взгляд на нововведение был изложен министром народного просвещения Г.Э. Зенгером: «Считаю долгом своим высказать [...] твердую уверенность, что профессора и другие преподаватели высших учебных заведений Министерства народного просвещения составят себе в священную обязанность оправдать Высочайшее доверие, выразившееся в восстановлении профессорского суда и в привлечении преподавателей к ближайшему руководству академической молодежью на почве взаимного общения нормально объединенных учебными интересами студентов по делам по делам их внутреннего студенческого обихода»⁹⁰³. Официальная трактовка суда содержалась и в петербургской газете «Новое время», где была размещена следующая заметка: «Назначение профессорского суда, прежде всего, вносит форму в бесформенное доселе дело разбирательства студенческих проступков и упорядочивает область явно беспорядочную, неурегулированную. Коллективность этого суда устраняет вопрос о придирчивости [...] и пристрастии судьи, а строгая и нерушимая его процедура дает возможность студенту оправдаться и устраняет все поводы думать или рассказывать, что он не был выслушан или не понят. Устранение ректора или даже деканов из этого суда, т.е. лиц, служащих в администрации университета, сообщает суду мягкий, несколько семейный [...] характер, и решение приговоров такого суда ни в коем случае не будет чувствоваться студентом и обсуждаться им как “наказание начальства”. Таким образом, суд этот, по всему вероятно, получит очень высокий нравственный авторитет, и при том не только в глазах учащихся, но и их родителей и родственников. Введение в состав суда, по крайней мере, одного члена из профессоров-юристов указывает на желание придать ему возможно правильный характер, без оставления поводов ссылаться на произвол или умысел

⁹⁰² ПСЗРИ. Собр. III. Т. XXVII. Отделение 1. СПб, 1908. № 29274; РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 500. Л. 5; РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 190. Л. 35–36; ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 235–236; АРШ. Z. 214. S. 545. k. 114 – 114 об.; ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 200. Л. 4 – 8 об.

⁹⁰³ Цит. по: Сибирский вестник. 1902. 10 сентября.

судящих. С другой стороны. Мера эта пробудит в самих профессорах инстинкт осторожности и самообладания до и во время, когда профессор находится лицом к лицу со студентом, в возможности – [...] своим подсудимым. Если оно есть и насколько оно есть, так называемое, “искание популярности” между студентами отойдет в область преданий, т.к. теперь оно станет лично неудобным для профессора. До сих пор такая “популярность” обыкновенно была очень удобна для популярного профессора и очень неудобна для ректора и деканов. [...] Теперь этот “популярный” профессор, избираемый в судьи, будет сам возиться с плодами своей популярности, и можно быть уверенным, что через много лет мы будем видеть и знать в университетах только истинную и здоровую популярность, проистекающую из почтения к подлинному уму, учености и доброте профессора»⁹⁰⁴.

В профессорской среде введение дисциплинарного суда вызвало неоднозначную реакцию.

Профессор ИТУ М.А. Рейснер в статье «Ректор и дисциплинарный профессорский суд» дал ему нейтрально-благожелательную оценку: «В силу правил, определяющих деятельность суда, все высшие дисциплинарные взыскания и наказания предоставлены при нормальном ходе дел его исключительному ведению и таким образом создана гарантия уже не административного, а судебного рассмотрения студенческих проступков [...] Будим верить, что ясные и точные слова закона не вызовут никаких недоразумений на почве возможных противоречий старой практики и новых правил при самом начале действий нового профессорского органа по студенческим делам»⁹⁰⁵.

«Левая» часть профессуры встретила новшество прохладно, а то и вовсе, в штыки.

Профессор ИМУ П.Г. Виноградов связывал создание суда с «желанием учебных властей переложить на профессоров ответственность за непопулярные

⁹⁰⁴ Цит. по: Сибирский вестник. 1902. 10 сентября.

⁹⁰⁵ Сибирский вестник. 1902. 24 октября.

карательные меры». «Нет сомнения, – писал он – что признание необходимости некоторых процессуальных гарантий, например, допроса свидетелей и присутствие обвиняемого при производстве следствия, так же как и попытка отделить судебную власть от администрации университета, является шагом вперед против долгого господства полнейшего административного произвола правления, ректора и инспектора. [...] Заслуживает внимания странное предоставление профессорскому дисциплинарному суду значения суда чести – заметим только, что понятие суда чести неразрывно связано с представлением о суде товарищеском: взгляды на честь и требования, нарушение которых ведет к порицаниям и карам, с точки зрения чести, весьма различны, смотря по среде, и далеко не одинаковы у профессоров и студентов. В данном случае значение имеют взгляды студенческой среды, так как дело идет о чести ее членов. Никакими временными правилами нельзя заставить студентов искать решение по таким вопросам у профессоров или подчиняться нравственно внешним предписаниям профессорского суда в этих вопросах. [...] Судьи-профессора будут стыдливо постановлять свои приговоры, как будто люди, выброшенные ими в тьму кромешную, не сделаются тотчас жертвами истязаний, в которых соображения педагогики и гуманности не играют никакой роли. Что положение профессорского суда в данном случае будет более чем тяжелое, нравственно безысходное, об этом нет надобности догадываться»⁹⁰⁶.

Были среди профессоров те, кто оказался противником дисциплинарного суда. Профессор ИХУ В.А. Стеклов вспоминал: «В 1904 г. я решительно отказался исполнять требования начальства об участии в университетском суде и увлек за собой часть других членов совета»⁹⁰⁷. Встречаются примеры досрочного оставления обязанностей судьи. Так, в мае 1904 г. ординарный профессор ИВУ Ф.К. Горб-Ромашкевич просил Совет освободить его от обязанностей члена суда, объясняя это большой загруженностью: «За два года, в течение которых я состою

⁹⁰⁶ Виноградов П.Г. Новые временные правила // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 154–156.

⁹⁰⁷ Стеклов В.А. Воспоминания // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 209.

[...] членом профессорского дисциплинарного суда, мне пришлось участвовать более чем в 60 заседаниях – 15 заседаниях в прошедшем учебном году и в 47 заседаниях в текущем учебном году. Столь многочисленные и часто затягивающиеся до полуночи заседания отразились очень вредно не только на моем, вообще очень слабом, здоровье, но также и на моей преподавательской и ученой деятельности»⁹⁰⁸.

Однако было бы не верно утверждать, что вся левая профессура оказалась настроена категорически против дисциплинарных судов и бойкотировала их. Данные о составах судов разных университетов это не подтверждают. Например, в первый состав дисциплинарного суда ИКУ в 1902 г. были избраны профессора Г.Ф. Шершеневич, Н.П. Загоскин, М.Я. Капустин, А.В. Смирнов и П.А. Никольский; кандидатами – В.В. Ивановский, К.М. Леонтьев, А.В. Васильев, А.А. Штукенберг и А.М. Зайцев⁹⁰⁹. Из десяти названных лиц, как минимум шестерых – профессоров Васильева, Загоскина, Ивановского, Никольского, Штукенберга, Шершеневича – можно отнести к тем, кто не был особенно лоялен к существовавшим властям⁹¹⁰.

Схожий вывод можно сделать по данным, приведенным С.А. Некрыловым, который привел описание выборов в состав профессорского дисциплинарного суда ИТУ в 1907 г. Согласно выявленным исследователем документам, когда проходили выборы членов суда, то в силу отсутствия на заседании Совета части «левых» профессоров, победу одержали «правые». В состав суда были избраны профессор И.И. Александрович-Дочевский, П.В. Буржинский, И.Н. Грамматикати, Ф.Я. Капустин, Ф.К. Крюгер, П.Н. Лашенков и П.А. Прокошев. Некоторое время спустя, через Совет, где преобладали «левые» было проведено решение о том, что приговоры дисциплинарного суда не являются окончательными и должны рассматриваться и утверждаться советом

⁹⁰⁸ APW. Z. 214. S. 110. k. 161.

⁹⁰⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10664. Л. 23.

⁹¹⁰ См. 6-ю главу.

университета. В ответ «правый» состав суда сложил с себя полномочия, а в новый состав вошли все «левые»⁹¹¹.

В ИСПБУ с 1907 г. по 1914 г. председателем дисциплинарного суда являлся профессор М.М. Ковалевский, один из наиболее ярких университетских деятелей, настроенных оппозиционно по отношению к властям, увольнявшийся по политическим мотивам из ИМУ еще во второй половине 1880-х гг. Правда, до 1907 г. состав дисциплинарного суда столичного университета был более умеренным (состав 1902 г.: председатель – заслуженный ординарный профессор И.Я. Фойницкий; члены – профессора А.А. Иностранцев, Ю.В. Сохоцкий, Г.В. Форстен; кандидаты – профессора Д.К. Бобылев, И.А. Шляпкин, В.И. Палладин, Л.И. Петражицкий, В.Д. Смирнов).

Не успев образоваться, дисциплинарные суды разных университетов постарались наладить контакт друг с другом. Так, председатель профессорского дисциплинарного суда ИКУ Н.П. Загоскин 26 ноября 1902 г. писал председателю профессорского дисциплинарного суда ИМУ М.В. Духовскому: «В интересах согласования деятельности новых учреждений, организованных при Университете, желательно было бы взаимное ознакомление с Инструкциями, данными Судам Советами или Правилами внутреннего распорядка, выработанными ими самими. Поэтому позвольте обратиться к Вам, коллега, с просьбой прислать Профессорскому Дисциплинарному Суду при Казанском Университете Инструкцию и Правила, какие выработаны и обязательны для Вашего Суда»⁹¹². Просьба была удовлетворена. В письме от 17 декабря Н.П. Загоскин благодарил М.В. Духовского за присланные материалы и обещал со своей стороны поступать аналогичным образом⁹¹³.

Важно иметь в виду то, первые полтора года существования дисциплинарные суды рассматривали в числе прочего и политически дела (дела о нарушении порядка, имевшие политический характер), которые с 1904 г. были

⁹¹¹ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета: 1888 – февраль 1917 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 126.

⁹¹² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 30. Л. 1.

⁹¹³ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 30. Л. 2.

изъяты из ведения профессорского дисциплинарного суда. Когда об этом решении стало известно, в ИМУ 28 декабря 1903 г. собрался полный состав суда (члены и кандидаты) для обсуждения «затруднений, которые могут возникнуть при точном выполнении означенного распоряжения». Основные затруднения члены дисциплинарного суда ИМУ связывали с невозможностью четко провести границу между политическими и неполитическими выступлениями студентов: «В настоящее время не редки случаи, когда университетские демонстрации сопровождаются обсуждением политических вопросов и приобретают политический оттенок». По мнению членов суда, при передаче политических дел в иные инстанции обвиняемые студенты лишаются возможности рассмотрения их дел «с надлежащую правильностью и внимательностью», которые гарантируются профессорским судом⁹¹⁴.

Несколько позднее в докладе комиссии ИМУ по делам студенческих учреждений, напечатанном под грифом «Секретно», была сформулирована следующая мысль: «существование профессорского суда, который мирится с тем, что важнейшие дела изъеются [так в тексте – М.Г.] из его ведения по усмотрению начальства, не может не подорвать в корне всякое уважение и доверие студентов к профессорам»⁹¹⁵.

В Записке, составленной по поручению министра народного просвещения членом совета тайным советником С.Ф. Спешковым о различных организациях среди учащихся и различных учебных заведениях МНП, рассуждая о введении положения о кураторах и о профессорских дисциплинарных судах, автор писал: «Профессора неохотно принимали на себя новые обязанности и ограничивали свою роль к качеству кураторов исключительно защитой студентов от кары закона и желанием под разными предлогами оправдать студентов и даже в тех случаях, когда они были действительно виноваты. [...] Профессора считали себя

⁹¹⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 123–125.

⁹¹⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 391 об.

обиженными недоверием Министерства, изъявшего из ведения [дисциплинарного] суда массовые беспорядки студентов»⁹¹⁶.

Проиллюстрируем работу дисциплинарного суда на примере различных университетов.

За период с 1902 г. по 1916 г. (то есть почти за все время существования) в профессорский дисциплинарный суд ИКУ поступило всего 11 дел. По характеру эти дела делились на следующие категории: дела о проступках студентов, за которые они были приговорены к наказаниям мировыми судьями (3 дела); дела о нанесении оскорблений словом или действием одним студентам другому (3 дела); «дела о студентах, подвергнутых взысканием административной властью на основании обязательных постановлений» (2 дела); дело о нанесении студентом оскорбления служителю инспекции; дело об «оскорблении студентом женской чести путем изнасилования»; дело о подлоге на экзамене путем сдачи одним студентом экзамена за другого. При этом 7 из перечисленных 11 дел не были приняты к рассмотрению либо как не подлежащие рассмотрению профессорским судом, либо из-за недостаточности материала. Дело об оскорблении женской чести было прекращено по просьбе потерпевшей. Судебные разбирательства состоялись только по 4 делам: по делу об оскорблении служителя инспекции и по 3 делам об оскорблении одним студентом другого. Во всех этих 4 случаях привлеченные к суду были признаны виновными, однако в качестве наказания были выбраны выговоры (3 случая) и нравственное порицание с лишением права участвовать в курсовых собраниях и быть избираемым в курсовые старосты⁹¹⁷. Опыт ИКУ свидетельствует о достаточной мягкости профессорского суда, что иллюстрируется одним из случаев, вошедшим в приведенную выше статистику. В феврале 1905 г. состоялся суд над студентом медицинского факультета Н. Доброславиным, который обвинялся в нанесении побоев и оскорблений двум служителям университетской инспекции – А. Матвееву и Н. Занкову. Суд счел недоказанным обвинение в оскорблении действием Занкова (не было свидетелей),

⁹¹⁶ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 465 – 465 об.

⁹¹⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. 614. Д. 22. Л. 7 – 7 об.

найдя же доказанным оскорбление действием служащего инспекции Матвеева, суд принял во внимание в качестве смягчающих вину обстоятельств сделанные ранее на студента Доброславина служащими инспекции донесения, которые он (Доброславин) считал ложными, а также «болезненное состояние, выражавшееся в форме нервного расстройства». С учетом вышеизложенных обстоятельств профессорский дисциплинарный суд вынес студенту Н. Доброславинову выговор⁹¹⁸.

Документы 1903–1910 гг. о деятельности профессорского дисциплинарного суда ИМУ, отложившиеся в фондах ЦГАМ, позволяют составить представление о спектре нарушений, которые рассматривались в профессорском дисциплинарном суде. Студенты обвинялись в «нарушении общественной тишины и нанесении городскому оскорблению словами и действием», «подлоге записки за подписью профессора Карузина», «неисполнении правил для студентов», вымогательстве, «нарушении порядка в анатомическом театре», «подделке фамилии и на заявлении о взносе платы за слушание лекций», драке, «передаче входных билетов посторонним лицам», «подчистке отметки», подделке станции отправления на льготном железнодорожном билете, «оскорблении на улице бранными словами городских», «оскорблении письмом», «нарушении порядка в здании университета», «некорректном отношении к больному»⁹¹⁹. В феврале 1913 г. студенты ИМУ обвинялись в «появлении в нетрезвом виде на улице и нарушении общественной тишины», за что последовало наказание в виде замечания⁹²⁰. В марте того же года дисциплинарный суд ИМУ за проступок, «закрывающийся в оскорблении 2 женщин на улице», перевел студента Фаворова на одно полугодие в вольнослушатели, а студенту Сколозубову, «признавшему себя виновным в том, что в нетрезвом виде он хотел войти в верхней одежде в зал публичного заведения и, когда его туда не пустили, затеял драку со швейцаром» сделал нравственное внушение⁹²¹.

⁹¹⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10993. Л. 28.

⁹¹⁹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 167, 168, 172, 182, 185, 189, 197, 201, 221, 224, 225, 260, 355, 372.

⁹²⁰ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 29. Л. 2.

⁹²¹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 29. Л. 6.

Редко, но встречались дела о конфликтах между профессорами и студентами.

В 1903 г. профессорский дисциплинарный суд ИМУ рассматривал дело о нарушениях на лекции профессора И.Х. Озерова. Согласно рапорту инспектора студентов, «в субботу, 15-го ноября, в Юридической аудитории 2-го курса ... должен был читать лекцию проф[ессор] Озеров. Не успел он начать лекцию, как в аудиторию с шумом вошла толпа сторонних (не принадлежащих курсу) студентов, не обратив никакого внимания на просьбу помощника инспектора оставить помещение... Не считая удобным входить в присутствии профессора в аудиторию, помощник инспектора не мог быть свидетелем того, что затем последовало и принять со своей стороны какие-либо меры. Как стало известно потом, один из толпы сторонних студентов позволил себе обратиться к профессору с просьбой не читать лекцию, так как де студенты желают говорить здесь о своих делах. В ответ на отказ со стороны профессора слышались шикания и свистки. Профессор принужден был оставить аудиторию, что вызвало крайнее негодование на нарушителей порядка со стороны его обычных слушателей. Так как в тот же день и в те же часы ожидалось многолюдное незаконное собрание в Новом здании (во время или после лекции проф[ессора] Ключевского), и большая часть состава инспекции была откомандирована мною туда, то личности всех нарушителей порядка не могли быть установлены»⁹²². Из 23 студентов, привлеченных к суду, явились на слушания только 11 человек⁹²³, в отношении которых суд принял следующее решение: «Признавая, что нарушение правильного течения университетских занятий есть явление весьма нежелательное, Суд находит всякое такое нарушение заслуживающим строгого порицания. Но имея в виду, что вышеозначенные студенты, по их показаниям, лишь присутствовали в аудитории, не принадлежа к обычному составу

⁹²² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 24. Л. 2 – 2 об.

⁹²³ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 24. Л. 18.

слушателей профессора и оставались в ней во время происшествия, суд постановил сделать им замечание»⁹²⁴.

Последующие заседания касались тех студентов, которые не вились на суд. В заседании 17 февраля 1904 г., обсудив дело студентов юридического факультета 1 курса Валериана Петько и историко-филологического факультета Ивана Соколова, вторично не явившихся на разбирательство, дисциплинарный суд постановил: «имея в виду соучастие в совершении проступка на лекции профессора Озерова и двукратную неявку на суд (12 и 17 февраля) без объяснений причин перевести студентов Петько и Соколова в разряд вольных слушателей на текущее полугодие»⁹²⁵. Позднее, отсутствовавший за состоявшихся заседаниях студент И. Соколов, написал в прошении на имя председателя суда профессора Д.М. Зернова, что не являлся по причине болезни и просил пересмотреть его дело: «Профессорский дисциплинарный суд – учреждение новое для студентов, устав его мало известен, и потому я, не зная куда обратиться, не мог своевременно объяснить причину своей неявки»⁹²⁶. Суд согласился на пересмотр, однако, результат пересмотра не отложился в архивном деле.

В январе 1908 г. профессорский дисциплинарный суд ИМУ рассматривал дело о нанесении оскорбления профессору С.О. Стопницкому студентом Кастратовичем. Суть конфликта не отложилась в архивном деле. Но известно, что по итогам разбирательства студент Кастратович извинился перед профессором, произнеся в присутствии судий фразу: «Я не имел намерения оскорбить Вас и если Вы считаете себя оскорбленным, то я извиняюсь». В виду примирения сторон, дело было прекращено⁹²⁷.

В том же университете в феврале 1912 г. рассматривался конфликт между студентом физико-математического факультета В. Налимовым и профессором П.И. Карузиным, который заключался в том, что студент «на предложение

⁹²⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 24. Л. 19.

⁹²⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 24. Л. 14.

⁹²⁶ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 24. Л. 21.

⁹²⁷ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 195.

явиться на экзамен в следующий срок ответил рядом дерзостей». По решению суда студент получил выговор⁹²⁸.

В январе 1916 г. дисциплинарный суд ИНСУ рассматривал дело студента медицинского факультета А. Юткина, обвинявшегося в том, что он нанес оскорбление декану профессору Н.Г. Стадницкому. Проступок студента заключался в том, что, он, обратился к декану с просьбой выдать ему документ, удостоверявший то, что им целиком выполнена программа 3-го курса. Декан же, полагая, что это не так, отказал А. Юткину, на что последний заявил: «Если Вы не дадите просимого мною удостоверения, то Вы нечестный человек»⁹²⁹. Именно определение «нечестный человек», обращенное к декану, и стало поводом обратиться с дисциплинарный суд. В ходе разбирательства студент А. Юткин не отрицал приписывавшихся ему слов, но обращал внимание на то, что он не имел намерения оскорбить декана и раскаивается в том, что употребил именно такие слова. Решение суда было облечено в такую формулу: «проступок студента Юткина заслуживал бы наказания по 6 пункту, т.е. увольнения из Николаевского университета с правом поступления в другой университет, принимая же во внимание глубокое его раскаяние и искренние извинения перед г. Деканом, а также общую его нервность в виду перенесенной болезни и работы на фронте, суд признают возможным ограничиться меньшей мерой наказания, т.е. объявить студенту Юткину выговор»⁹³⁰.

Документы 1910–1912 гг. о деятельности профессорского дисциплинарного суда ИНУ, отложившиеся в фондах ГАОО, указывают на преобладание дел о столкновениях между самими студентами⁹³¹. В основном – дела о кражах⁹³², хулиганстве. Фонды ИВУ также указывают на преобладание дел о кражах⁹³³.

⁹²⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 95. Л. 4, 7.

⁹²⁹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 740. Л. 33 – 33 об. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 797. Л. 2.

⁹³⁰ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 797. Л. 22 об.

⁹³¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 693. Л. 1–166.

⁹³² См., например, НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10817. Л. 11 – 11 об.

⁹³³ АРВ. Z. 214. S. 545. k. 353–353 об.

За 1911–1916 в профессорский дисциплинарный суд ИНСУ поступило всего 10 дел, большая доля которых касалась конфликтов между студентами, в качестве наказания во всех случаях суд избирал вынесение выговора или замечания⁹³⁴.

Анализируя деятельность профессорских дисциплинарных судов и, в особенности, принимавшиеся решения, министерское начальство довольно часто осуждало членов суда за излишнюю мягкость.

В 1904 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев сообщал в МНП, что профессорский дисциплинарный суд не оправдал возлагавшихся на него надежд, более того – расшатывал дисциплину студентов. По мнению попечителя, наказания, накладываемые профессорами на студентов, были слишком мягкими⁹³⁵.

Сравнивая степень наказания студентов за «беспорядки» в ИТУ в разные годы, попечитель Одесского учебного округа Х.П. Сольский писал министру В.Г. Глазову в январе 1905 г.: «Ненаказуемость или малая наказуемость за участие в сходках применялась лишь в 1903 г. профессорским дисциплинарным судом»⁹³⁶.

В 1908 г. выше упомянутый попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев получил из МНП письмо, отражавшее нескрываемое возмущение министерства тем, что не все виновные студенты ИТУ были привлечены к профессорскому суду: «Взыскания, наложенные судом, по своей слабости совершенно не соответствуют проступкам студентов, которые в своих объяснениях выразили явное глумление над предъявленными ими пунктами обвинения»⁹³⁷.

Приведем здесь соответствующие данные по университетскому суду ИВУ, не прекращавшему своей деятельности после введения нового устава в 1884 г. Университетский суд ИВУ разбирал в декабре 1901 г. дело 171 студента, которые собрались на сходку в лекционной аудитории в знак солидарности со своими

⁹³⁴ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 672. Л. 18–20.

⁹³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 156. Л. 120.

⁹³⁶ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 414. Л. 4.

⁹³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 190. Л. 1.

товарищами-студентами, на которых ранее было возложено взыскание постановлением Варшавского генерал-губернатора за неподчинение требованиям полиции. Сходкой была сорвана лекция, так как пришедший в аудиторию профессор И.И. Бевад не имел возможности начать ее читать. К пришедшему в аудиторию ректору участники сходки обратились с просьбой не подвергать наказанию вышеупомянутых студентов со стороны университета, в чем, спустя некоторое время, они получили заверение со стороны инспекции. Разбирая дело участников сходки, суд обвинял студентов в незаконных действиях, но любопытно то, что при этом в качестве смягчающих обстоятельств указывалось на то, что «среди присутствующих были первокурсники, недостаточно освоившиеся с режимом [так в тексте – М.Г.] университетской жизни, [...] многие из них руководствовались чувствами добрыми в своем источнике, как то чувство товарищества». Часть студентов (55 человек) суд оправдал «как не участвовавших в сходке или бывших случайно и краткое время», другую признал виновными и вынес студентам с учетом смягчающих обстоятельств в качестве наказания замечание⁹³⁸.

Выше упоминалось про привлечение к ответственности студентов второго курса медицинского факультета ИВУ за участие в беспорядках на экзамене по фармации и фармакогнозии в июне 1902 г. Несмотря на беспрецедентность и скандальность описанного случая, университетский суд, рассматривавший дело, нашел ряд смягчающих обстоятельств; среди них: «переутомление и нервная возбужденность» некоторых студентов, вызванные продолжительными экзаменами, а также – несочувствие большинства студентов поступку товарища, оскорбившего экзаменатора. В результате, из 57 обвиняемых 15 были освобождены от ответственности, 14-ти был объявлен выговор от имени ректора без внесения в штрафную книгу, 17-ти был объявлен выговор с внесением в штрафную книгу, 10-ти был объявлен выговор в присутствии правления и только один студент, нанесший оскорбление экзаменатору, был отчислен⁹³⁹.

⁹³⁸ APW. Z. 214. S. 21. k. 12 ob. – 15 ob.

⁹³⁹ APW. Z. 214. S. 21. k. 265 ob. – 269 ob.

Впрочем, степень строгости профессорского суда была разной.

В ноябре 1902 г. профессорский дисциплинарный суд ИУСвВ, рассмотрев дела пяти студентов, обвиняемых в организации беспорядков (они в память о полугодовщине смерти одного из учащихся, организовав группу студентов числом 200 человек, инициировали пение «Дубинушки», «Марсельезы» и «Смело, друзья»), вынес следующее решение: двое обвиняемых в качестве наказания были переведены на полгода в вольнослушатели и получили нравственное порицание, двое других были лишены права участвовать в курсовых собраниях и быть избранными в курсовые старосты и получили нравственное порицание, один – выговор⁹⁴⁰. В 1907 г. профессорский суд того же университета вынес решения об исключении шестидесяти шести студентов из университета без права повторного поступления⁹⁴¹. Правда, такие суровые меры были применены к студентам за неявку без объяснения причин на суд, которому они были приданы за участие в беспорядках.

24 мая 1911 г. состоялось первое заседание профессорского дисциплинарного суда ИНСУ, на котором разбирались предосудительные поступки трех студентов, которым вынесли строгие выговоры⁹⁴².

Важным аспектом темы является проблема отношения студентов к профессорскому дисциплинарному суду. Как уже отмечалось выше, для многих студентов «Временные правила» 1902 г. были символом «полицейщины». Бюллетень партии «Борьбы» ИСПБУ от 8 декабря 1903 г. гласил: «мы выражаем свое глубокое возмущение и порицание профессорам, членам дисциплинарного застенка, ставившим шпионские показания педелей выше показаний студентов и оскорбляющих при допросах чувство человеческого достоинства»⁹⁴³.

В ИМУ в феврале 1904 г. по сообщению инспектора студентов В.Н. Фаминского ректору А.А. Тихомирову: «11-го сего февраля, согласно объявленному накануне путем прокламации приглашению, в секционном зале

⁹⁴⁰ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 309. Л. 3.

⁹⁴¹ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 158. Д. 34. Л. 299.

⁹⁴² Известия ИМУ. Т. 3, вып. 2. Протокол Совета ИНСУ от 26 мая 1911 г.

⁹⁴³ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 466 об.

Академического театра в 12 ½ час. собрались студенты разных факультетов около 150–180 человек для обсуждения вопроса “об отношении студенчества к профессорскому дисциплинарному суду”»⁹⁴⁴. То, что именно говорилось на этой сходке, не нашло отражения в архивном деле, но в том же отношении ректору инспектор упоминал о целях иной сходки: «выбрать делегатов, которые должны были заявить профессорам-судьям, что студенчество не желает их суда над своими товарищами; в случае неблагоприятного ответа – сорвать суд»⁹⁴⁵.

В воспоминаниях Н.П. Анцифорова, который в 1911–1915 гг. учился на историко-филологическом факультете ИСПБУ, описан эпизод с дисциплинарным судом над студентами, написавшими резкое письмо испанскому королю Альфонсу III. Дисциплинарный суд принял решение перевести авторов письма в разряд вольнослушателей. Это решение вызвало негодование в студенческой среде. Член суда, профессор Н.И. Кареев, разъяснял студентам свою позицию следующим образом: «Я один из тех, кто вынес столь возмущивший вас приговор. Понимаете ли, отдаете ли себе отчет в том, что вы наделали, отправив вашу резолюцию в испанское посольство?! [...] Посол сейчас же перепроводил жалобу в министерство иностранных дел. А оттуда жалоба передана в министерство внутренних дел. Как спасти ваш президиум [президиум сходки – М.Г.]? Вот какой вопрос встал перед вашими профессорами. Спасти можно было одним путем – самим взять на себя наказание виновных. Мы избрали самое слабое – перечислить их в вольнослушатели. Ваши пострадавшие смогут сдавать все экзамены, а через год снова будут зачислены в действительные студенты. [...] Если бы мы не приняли своих мер, ваши товарищи в лучшем случае были бы арестованы и сосланы»⁹⁴⁶.

Любопытно, что сами студенты порой апеллировали к профессорскому суду. Так, в феврале 1905 г. в разгар студенческих волнений появилось обращенное попечителю Варшавского учебного округа А.Н. Шварцу воззвание

⁹⁴⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 33. Л. 2.

⁹⁴⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 33. Л. 2 об.

⁹⁴⁶ Анцифоров Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С. 180.

студентов ИВУ, которые призывали суд «разобрать дело беспристрастно и определить степень фактической виновности каждого из студентов»⁹⁴⁷.

Дебаты о дисциплинарном суде возобновились во время работы профессорского совещания при МНП в 1906 г. Во время обсуждения звучало немало аргументов против суда. Профессор ИУСвВ А.М. Гуляев красноречиво заявил, что «в мирное время он оказался излишним, а во время бунтов – бесполезным». Профессор ИХУ В.А. Стеклов говорил, что «не профессорское дело разбирать студентов, если один из них скажет другому грубость». Профессор ИВУ Г.Ф. Вороний сетовал на постановку работы суда: «Суд мог только разбирать показания студентов, не имея возможности производить надлежащего следствия и, таким образом, представлял собою не суд в строгом смысле слова, а расправу над студентами». К числу противников сохранения суда принадлежал и профессор ИСПБУ И.М. Гревс. Однако, на итоговом голосовании большинством в 30 голосов против 14 совещание высказалось за сохранение суда⁹⁴⁸.

Обсуждение продолжилось и на следующий год – на совещании руководителей вузов под председательством министра П.М. Кауфмана. Этот вопрос разбирался на 3-ем заседании 5 апреля 1907 г. Во вступительной речи П.М. Кауфмана отмечалось, что «во многих местах он [суд – М.Г.] существуют только на бумаге», ставился вопрос: «Желательно ли сохранить его или заменить чем либо другим?». Со своей стороны министр высказывается за «желательность такого суда, так как существует целый ряд дел чисто студенческих, которые не подлежат суду общему»⁹⁴⁹.

Декан историко-филологического факультета ИУСвВ Н.М. Бубнов выступал против дисциплинарного суда: «непреодолимым препятствием к надлежащему исполнению судом своих обязанностей – говорил он – была невозможность установить виновников и участников проступка. [...] Единственная мера наказания, которую при таких обстоятельствах пользовался

⁹⁴⁷ АРВ. Z. 214. S. 337. k. 94 – 95 об.

⁹⁴⁸ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 63–69.

⁹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 444.

суд – нравственное внушение, на которое, конечно, не обращалось никакого внимания. Такая обстановка – только унижение суда и его членов. [...] Целесообразнее проступки студентов по части нарушения порядка в стенах университетов подчинять общему закону»⁹⁵⁰.

Ректор ИЮУ Е.В. Пассек был убежден в том, что дисциплинарный суд полезен, так как он дополняет дисциплинарную власть ректора, но недостатком является сложность и громоздкость суда. Ректор полагал, что вместо 5 судей и 5 кандидатов было бы достаточно 3 судей. «Значение приговоров общего суда и дисциплинарного университетского различны: общий суд рассматривает дело с точки зрения уголовной доказуемости, университетский – с точки зрения совместности данного поступка с достоинством принадлежности к университетской семье»⁹⁵¹.

В результате обсуждения большинство участников совещания вновь высказалось за сохранение дисциплинарного суда.

Однако негативное отношение к дисциплинарному суду нарастало.

В объяснительной записке, подготовленной в МНП к проекту нового университетского устава (1915 г.), читаем: «восстановление профессорского дисциплинарного суда [...] сопровождалось во множестве случаев такими проявлениями вражды и пренебрежения к этому суду со стороны студентов, что самая деятельность суда становилась почти невозможной, и во всяком случае, бесполезной»⁹⁵².

Профессорский дисциплинарный суд продолжал функционировать до лета 1916 г., когда был упразднен решением министерства народного просвещения⁹⁵³.

Сыграл ли дисциплинарный суд отведенную ему роль? Исследователь Е.А. Загорулько высказывает мнение, что этот суд был компромиссом «между властями и активными студентами»⁹⁵⁴. Полагаем, что это утверждение можно

⁹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 444.

⁹⁵¹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 445 об.

⁹⁵² ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598. Л. 36 об. – 37.

⁹⁵³ Суязов В.В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской Империи // Вестник науки и образования / Bulletin of Science and Education. 2015. № 5 (7). С. 104.

⁹⁵⁴ Загорулько Е.А. Профессорские дисциплинарные суды в вузах Санкт-Петербурга

отнести лишь к первым двум неполным годам деятельности суда, когда он разбирал и политические выступления студентов. В дальнейшем его вес и авторитет, скорее, падали, что не способствовало укреплению связи студентов с профессорами.

Институт кураторов

В духе предложений Комиссии осенью 1902 г. в университетах был введен институт кураторов, которые были призваны «быть блюстителями интересов студентов, ходатаями об их нуждах и потребностях»⁹⁵⁵. Очевидно, именно кураторство стало преломлением на отечественной почве идеи «туторства» (тьюторства), позаимствованной в англосаксонской системе.

В министерской «Инструкции кураторам» они именовались «руководителями студентов по делам внутреннего студенческого обихода, блюстителями их интересов, ходатаями об их нуждах и потребностях». Кураторы должны были избираться Советом из числа профессоров и младших преподавателей по представлению факультетов сроком не более чем на 1 год – один куратор на курс (поток) каждого факультета или отделения. Кураторы всех факультетов образовывали комиссию под председательством ректора. Для взаимоотношений со студентами кураторы должны были назначать определенные часы, в которые к ним могли обращаться студенты, устраивать собеседования и курсовые собрания. На кураторов была возложена обязанность собирать со студентов ходатайства о пособиях, стипендиях, освобождении от оплаты, вообще все материальные и социальные вопросы студенты должны были решать через кураторов⁹⁵⁶.

Нововведение бурно обсуждалось в университетских советах. В ходе обсуждения, занявшего несколько заседаний совета ИВУ осенью 1902 г., профессора в первую очередь справедливо интересовались, не будет ли именно на

(1907–1914 годы) // Избранные тезисы докладов III Студенческой социологической межвузовской конференции / Под ред. М.Р. Демина; редсовет: Д.А. Александров, М.Р. Демин, О.Ю. Кольцова и др. СПб, 2012. С. 28.

⁹⁵⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10826. Л. 40.

⁹⁵⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10663. Л. 47–48.

куратора возложена ответственность за возможные студенческие беспорядки⁹⁵⁷. А профессор Г.Ф. Симоненко выражал досаду, что соответствующую функцию не смогут выполнять отставные профессора, ведь они «обладающие большой опытностью и знаниями, в сравнении со своими более молодыми коллегами, в состоянии оказать даже более сильное благотворное влияние на умы вверенных их попечению студентов, чем только что начинающие свое педагогическое поприще доценты»⁹⁵⁸.

В некоторых университетах введение кураторства немного затянулось. В ИКУ, например, первых кураторов определили в апреле 1903 г., причем приступить к своим обязанностям кураторы должны были только с осени. На историко-филологическом факультете ими стали профессора Н.Н. Фирсов, А.И. Александров, А.С. Архангельский и И.Н. Смирнов⁹⁵⁹.

Архивные документы зафиксировали сложность вхождения института кураторов в университетскую жизнь в силу недоверия студентов кураторам. Так, спустя год после учреждения кураторства доцент ИВУ А.В. Горбунов говорил: «Несмотря на увещание г[осподина] ректора и г[оспод] профессоров-кураторов, студенты категорически отказались вступать с ними в какие бы ни было сношения; в одном же случае студенты, обратившись к одному куратору, заявили ему, что обращаются к нему не как к куратору, а как к своему профессору. При таком отрицательном или, точнее, враждебном отношении студентов к кураторам, дальнейшая поддержка этого института может лишь скомпрометировать профессоров, состоящих кураторами, в глазах студентов и совершенно испортить отношения между последними и профессорами»⁹⁶⁰.

В 1905 г. об институте кураторов говорилось на одном из заседаний Совета ИКУ, что он «ими (студентами – М.Г.) не признается и можно сказать не вошел в жизнь»⁹⁶¹.

⁹⁵⁷ АРВ. Z. 214. S. 21. k. 345 об. – 346 об.

⁹⁵⁸ АРВ. Z. 214. S. 21. k. 314 об. – 315 об.

⁹⁵⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10663. Л. 94 об.

⁹⁶⁰ АРВ. Z. 214. S. 483. k. 348.

⁹⁶¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 172 об.

Профессор ИМУ П.Г. Виноградов так высказывался по рассматриваемому вопросу: «Необходимо было трудную роль посредника между административной организацией и студенческими обществами поставить в зависимость прежде всего от доверия студентов [...]. Чтобы сделать положение председателей курсовых собраний возможным, необходимо было сделать их выборными: студенты сами должны были бы избирать своих председателей. Между тем ректору, как председателю комиссии, и кураторам, как классным наставникам курсов, придано такое положение, в котором ясно сказывается желание в самом начале поставить студенческие собрания под ферулу университетских властей. А на этой почве едва ли удастся построить что-нибудь независимое и живое, способное конкурировать со сходками, землячествами, союзными советами и другими нелегальными организациями. [...] Имеется в виду создать такой порядок, при котором они [кураторы – М.Г.] бы отвечали за свои курсы, были как бы поручителями за них пред начальством. Такая роль совершенно невыполнима и только послужит поводом к дальнейшему дискредитированию профессоров и перед студентами, и перед начальством. Студенты будут смотреть на куратора как на замаскированного инспектора, призванного следить и доносить как о настроении своего курса, так и о свойствах его отдельных представителей, как на человека, злоупотребляющего своей ролью наставника, чтобы оказать услуги ненавистному политическому режиму [...]. Для большинства курсов трудно будет найти в русских университетах кураторов, которые имели бы хоть какой-нибудь нравственный авторитет. Места, конечно, будут замещены [...]. Но тем скорее выяснится крушение всей затеи, которую спохватились пустить в ход после того, как разогнали лучших и имевших действительное влияние профессоров»⁹⁶².

Известны случаи отказа профессоров быть кураторами. Так поступил в декабре 1904 г., например, профессор ИВУ Г.В. Вульф. Этим случаем заинтересовалось МНП, и в феврале 1905 г. министр В.Г. Глазов постановил «поставить на вид названному профессору его предосудительный образ действий

⁹⁶² Виноградов П.Г. Новые временные правила // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 158, 160.

как несогласный с требованием служебного долга и с достоинством университетского преподавателя»⁹⁶³.

Итак, пожалуй, можно констатировать, что те меры, которые предпринимало правительство с целью сближения профессоров и студентов и повышения авторитета первых в глазах вторых, не имели успеха.

Исключение составляло предложение активизировать совместные действия преподавателей и студентов во внеучебное время. Об этом говорилось и в министерском циркуляре, и во время работы упоминаемой Комиссии. Многие преподаватели реализовывали эту идею на практике. Например, в ИМУ в 1902 г. по инициативе профессора С.Н. Трубецкого было создано студенческое научное Историко-Филологическое Общество, привлечшее свыше 1000 студентов, лаборантов, приват-доцентов и профессоров. Своего рода кульминацией в истории Общества стала экскурсия 130 студентов в Грецию, устроенная С.Н. Трубецким летом 1903 г.⁹⁶⁴ Профессор ИКУ П.И. Кротов летом 1903 г. организовал для 15 студентов физико-математического факультета «научно-педагогическую географическую экскурсию» на Урал⁹⁶⁵. В 1907 г. профессор того же университета Н.Н. Фирсов со студентами историко-филологического факультета, которым он читал курс истории Поволжья, по предложению самих студентов организовал экспедицию в село Болгары для осмотра исторических памятников эпохи Волжской Булгарии⁹⁶⁶.

Благотворительность преподавателей в отношении студентов

Безусловно, сближению учащихся и учащихся способствовала благотворительная деятельность профессуры.

Российскую профессуру начала XX в. нельзя было отнести к числу обладателей самых высоких окладов; и современники, и исследователи сходятся

⁹⁶³ APW. Z. 214. S. 336. k. 44.

⁹⁶⁴ Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь / Отв. составители А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 279–280. Одним из участников экскурсии был будущий профессор ИНСУ В.Д. Зёрнов, о чем он оставил воспоминания. См.: Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 95–108.

⁹⁶⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10806. Л. 6.

⁹⁶⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11506. Л. 1.

во мнении, что большая часть преподавателей (в особенности приват-доценты) имела относительно скромные доходы⁹⁶⁷. Тем не менее, заметная часть представителей профессорско-преподавательского корпуса занималась благотворительной деятельностью, в частности – в отношении студентов. По замечанию Л.А. Бушуевой, благотворительность казанских профессоров была во многом ориентирована именно на студентов⁹⁶⁸.

Профессорская благотворительность носила как институализированный, так и неинституализированный характер. Под последним имеется в виду практика оказания помощи студентам без какого бы то ни было документального сопровождения этого действия. Например, В.В. Вересаев оставил такие воспоминания о профессоре русской литературы ИСБПУ О.Ф. Миллере: «За что его горячо любило и уважало студенчество, это за необычайную отзывчивость на все студенческие горести и невзгоды, за всегдашнюю готовность прийти на помощь решительно всем, чем только мог. Это был святой бессеребренник. Слово “студент” служило для него полной гарантией благородства и порядочности человека. Сколько его не надували, он не становился осторожнее. Нужна ли была кому из студентов книга, материальная помощь, рекомендация – всякий шел к Оресту Миллеру и отказа никогда не встречал. Однажды пришел к нему студент просить денежной помощи, а у самого профессора в это время не было ни рубля. Входит портной, приносит профессору новосшитый, заказанный им фрак. Орест Миллер в восторге всплеснул руками.

– Вот кстати! Возьмите, коллега, фрак и заложите»⁹⁶⁹.

⁹⁶⁷ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 212–214; Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 103. См. подробнее во 2-м разделе 2-й главы.

⁹⁶⁸ Бушуева Л.А. «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца XIX – начала XX в. // История России: актуальные проблемы сборник статей. Казань, 2014. С. 51.

⁹⁶⁹ Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания [Электронный ресурс] // brusl.ru: Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения: 03.01.2016).

Говоря об институализированной благотворительности, отметим, что для оказания материальной помощи учащимся, преподаватели либо действовали через общества вспомоществования недостаточным студентам, либо учреждали коллективные и персональные стипендии.

Общества вспомоществования действовали почти при каждом университете (не было подобного общества в ИВУ). Это были общественные организации, учреждаемые при вузах, в которые на добровольной основе объединялись лица, считавшие своим долгом способствовать улучшению материально-бытового положения студентов. Значительную часть членов Обществ составляли представители преподавательского состава. Более того, они же часто выступали основателями таких обществ.

Большая часть Обществ вспомоществования возникла в 1870-е гг. «Попечительство о недостаточных студентах» ИНУ – в 1870 г. (помимо этого, в Одессе с 1899 г. существовало «Общество столовых для недостаточных студентов»), «Общество для пособия нуждающимся студентам» ИХУ – в 1871 г. У истоков казанского Общества, созданного тоже в 1871 г., стоял профессор Н.А. Виноградов, чьи гонорары с публичных лекций составили первоначальный фонд организации. В Киеве, в ИУСвВ, Общество вспомоществования возникло в 1872 г. «Общество вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургского университета» было основано в ноябре 1873 г. профессором истории русской литературы О.Ф. Миллером (он же стал инициатором учреждения студенческой столовой)⁹⁷⁰. В Москве в 1874 г. было учреждено Общество для пособия нуждающимся студентам ИМУ⁹⁷¹.

В одном из последних в досоветской России, Саратовском университете, сначала, в октябре 1909 г. было создано «Общество взаимопомощи студентов-медиков Императорского Николаевского университета»; согласно архивным данным, в 1911 г. это Общество, членами которого состояло 113 человек, оказало

⁹⁷⁰ Никольцева Г.Д., Шилов Л.А. Из истории музыкальной жизни Петербургского университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Т.4. Л., 1982. С. 126.

⁹⁷¹ См.: Историческая записка о деятельности общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета за 25 лет его существования. (1874–1898) / Сост. А. Иванцов. М., 1899. 115 с.

помощь 23 студентам на сумму 513 руб. 25 копеек⁹⁷². Позднее, весной 1911 г., инициативная группа профессоров занялась организацией общества вспомоществования студентам. В списке учредителей общества значилось 17 человек, включая ректора, проректора, декана единственного медицинского факультета и 8 профессоров (еще 6 учредителей не имели служебных связей с ИНСУ)⁹⁷³.

Система управления и финансирования во всех Обществах строилась на схожих принципах. Распорядительным органом являлось собрание членов Общества, куда входили представители администрации университета, преподаватели, выпускники, представители общественности. Студенты, хотя и не могли быть членами Общества, имели право присутствовать на его заседаниях и оказывать материальное содействие. Собрание Общества формировало комитет – исполнительный орган, работавший на постоянной основе.

Помощь, оказываемая Обществами студенчеству, выражалась в следующем:

- внесение платы за обучение;
- предоставление денежных пособий (единовременных или постоянных);
- сбор и передача студентам одежды, иных вещей;
- учреждение для студентов библиотек, больниц, дешевых столовых.

Средства обществ формировались преимущественно за счет членских взносов, частных пожертвований и доходов от ценных бумаг. Жертвователи больших сумм зачислялись в почетные члены Общества. Кроме того, средства обществ пополнялись путем устройства спектаклей в пользу нуждавшихся студентов.

Была распространена практика передачи профессорами сборов со своих публичных лекций в помощь студентам⁹⁷⁴. Так, профессора ИКУ Д.А. Корсаков и

⁹⁷² ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 182. Л. 3 – 3 об.

⁹⁷³ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 92. Л. 25 – 25 об.

⁹⁷⁴ См. о реализации этой практики в Одессе: Гребцова И.С. Основание и деятельность благотворительных обществ для оказания материальной помощи студентам университетской Одессы (вторая половина XIX – начало XX ст.). // Анна Михайловна Шабанова (1933–2006). К 80-летию со дня рождения: сб. памяти: биографические материалы и статьи / отв. ред.: Т.Н. Попова. Одесса, 2012, с. 92.

И.Н. Смирнов распорядились передать сборы с публичных лекций, которые они планировали причитать в 1885 г., «Обществу для вспомоществования недостаточным студентам Казанского университета»⁹⁷⁵.

Напротив, редким, но все же зафиксированном в университетской истории явлением, была передача профессорами гонорара, собранного со студентов за слушание лекций, в их же пользу. Так, в ИТУ в год его открытия (1888) свой первый гонорар за полугодие в совокупном размере 1215 р. профессора отдали на благотворительные цели в пользу студентов – на нужды дома общежития⁹⁷⁶. Этот пример было важно привести, поскольку чаще гонорар становился поводом для разобщения студентов и преподавателей⁹⁷⁷, но мы видим, что в контексте благотворительности гонорарные деньги гипотетически могли играть совсем иную роль. К сожалению, примеры подобного использования гонорара были единичны.

В ИКУ в рамках деятельности Общества профессора порой устраивали спектакли, литературно-музыкальные вечера в пользу нуждавшихся студентов. Так, в 1889 г. профессора Н.А. Осокин и А.В. Васильев с разрешения попечителя учебного округа П.Н. Масленникова выступали в роли распорядителей вечера в помещении городского театра, где ставилась пьеса А. Дюма-сына «Дениза», а также игрались сцены из произведений Ф. Галевы «Жидовка» и И. Гёте «Фауст». Сбор с вечера был направлен Обществу вспомоществования бедным студентам Казанского университета⁹⁷⁸. В ИУСвВ в 1888 г. с благотворительными целями ставились оперетты «Боккаччо», «Ночь в Венеции», «Евгений Онегин»⁹⁷⁹.

Еще одной формой оказания материальной помощи студентам были ссудно-вспомогательные кассы. Заботясь о материально-бытовом благополучии учащихся, профессор ИХУ В.Я. Данилевский в 1902 г. сам разработал устав «Университетской ссудно-вспомогательной кассы». Профессор полагал, что материальное обеспечение студенчества должно быть «делом государственного

⁹⁷⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7424. Л. 1, 3.

⁹⁷⁶ Известия ИТУ. Книга первая. Томск, 1889. [пагин. 1-я]. С. 66.

⁹⁷⁷ См. подробно в 1-м разделе этой главы.

⁹⁷⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8160. Л. 2–8.

⁹⁷⁹ ГАК. Ф. 16. Оп. 327. Д. 9. Л. 3, 4.

установления». Проект В.Я. Данилевского любопытен тем, что напоминает современную систему учебных кредитов. Согласно проекту, «студент получает из Учебного Банка ежегодную ссуду, вполне обеспечивающую его жизнь во время унив[ерситет]ского обучения; являясь таким образом должником государственного кредитного учреждения, он обязан по истечении 3 лет по окончании курса начать уплату своего долга по частям с тем, чтобы примерно через 10–12 лет означенный долг был бы уплачен сполна»⁹⁸⁰. Размер ежегодного кредита («вольной стипендии» – по Данилевскому) должен был равняться 600 руб., а право на его получение должны были получать студенты, начиная с третьего курса. По подсчетам профессора, данная государственная программа обходилась бы казне 1 620 000 руб. в год, которые постепенно возвращались бы в казну обратно⁹⁸¹. Профессор Данилевский составил несколько вариантов проекта, подготовил ответы на возможные замечания оппонентов.

Профессора и преподаватели порой жертвовали личные средства на организацию студенческих стипендий и премий своего имени (чаще – для студентов тех факультетов, к которым благотворитель имел отношение). Нередко такие стипендии учреждались по воле профессора/преподавателя уже после его кончины на завещанный им капитал, ибо учреждались родными покойного в память о нем.

Предложим типологизацию.

Пожертвования были личными (частными) и коллективными. К последним мы относим, прежде всего, пожертвованные суммы, собранные профессорской коллегией по подписке. Что касается первого типа, то есть индивидуальных пожертвований, то их, на наш взгляд, можно в свою очередь разделить на три подкатегории: 1 – капиталы, пожертвованные при жизни, 2 – переданные по духовному завещанию, 3 – переданные родственниками покойного профессора в память о нем.

⁹⁸⁰ ГАХО. Ф. Р-5810. Оп. 1. Д. 145. Л. 1 об.

⁹⁸¹ ГАХО. Ф. Р-5810. Оп. 1. Д. 145. Л. 2.

Перечень выявленных университетских преподавателей-жертвователей с описанием основных условий использования пожертвования дан в Приложении Б.

Приведем несколько типовых или чем-либо примечательных примеров пожертвований разного рода.

Коллективные пожертвования.

Любопытным примером коллективного пожертвования в период, предшествовавший рассматриваемому, была «Стипендия 12-го апреля 1877 года». Стипендия получила название по дню объявления войны с Турцией. По добровольной подписке профессорами ИМУ было собрано 4 200 руб. Проценты с этой суммы ежегодно обращались в стипендию, получателями которой могли быть либо дети воинов, погибших в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., либо дети врачей-участников этой войны⁹⁸².

Частным случаем названного явления было учреждение в 1886 г. профессорами ИХУ премии в память 40-летия службы заслуженного профессора А.И. Палюмбецкого с процентов на собранные ими 1 100 руб. капитала⁹⁸³.

В ИТУ существовал «неприкосновенный капитал» в 2 500 руб., пожертвованных профессорами, «% с которого назначается на пособие и взносы за недостаточных студентов и содержание их в доме общежития». Стоит отметить, что среди прочих «неприкосновенных капиталов», имевшихся на данные цели, это была не самая крупная сумма. Например, в 1893 г. в университете таких капиталов насчитывалось на сумму 19 757 руб. 99 копеек. Самыми крупными были капитал имени Ермака, собранный в Москве в память присоединения Сибири (7 040 руб. 22 копейки), и капитал Тобольского городского общества (3 314 руб. 99 копеек)⁹⁸⁴.

В 1896 г. профессора ИТУ в честь коронации нового императора решили образовать капитал размером 6 000 руб. путем отчисления, начиная с 1896/97 учебного года 10 % с гонорара, причитающегося раз в полугодие каждому из профессоров из сумм взносов за чтение лекций и практические занятия со

⁹⁸² Ведомость о стипендиях в Императорских университетах. СПб, 1890. С. 40.

⁹⁸³ ЖМНП. 1886. Март. [пагин. 1-я]. С. 9–10.

⁹⁸⁴ Отчет о состоянии ИТУ за 1893 год. Томск, 1894. С. 77–78.

студентами. На проценты с капитала – учредить стипендию⁹⁸⁵. Любопытно, что один профессор – Е.В. Вернер – отказался от участия в создании этого капитала⁹⁸⁶.

Исключительно редким был случай пожертвования капитала на стипендии для студентов «не своего» университета. Профессора ИМУ собрали небольшой капитал в 700 руб. для создания с процентов с этой суммы стипендии «Бывшего профессора Санкт-Петербургского университета Модеста Яковлевича Киттары» для студентов ИКУ, где М.Я. Киттара получил образование⁹⁸⁷.

В ноябре 1892 г. Историко-филологическому обществу при ИХУ было разрешено открыть в учебных и научных учреждениях Империи подписку на собрание капитала на учреждении при обществе премии имени умершего в 1891 г. профессора А.А. Потебни за лучшие сочинения по истории русского языка и русской словесности. Известно, что только в ИКУ в подписке поучаствовало свыше 60 профессоров и преподавателей⁹⁸⁸.

В 1916 г. советом ИНСУ была инициирована подписка среди преподавателей прочих университетов на учреждение стипендии имени покойного профессора Н.Н. Кирикова. Из материалов архивного дела следует, что шесть профессоров ИЮУ собрали 20 руб., 17 преподавателей ИВУ – 24 руб. Из ИТУ, ИМУ не поступило⁹⁸⁹.

Индивидуальные пожертвования составляли большую часть. Приведем несколько примеров.

Для поощрения молодых отечественных талантов заслуженный ординарный профессор ИУСвВ И.И. Рахманинов, в память пятидесятилетия университета в 1884 г., пожертвовал 5 000 руб. для учреждения премии своего имени за лучшее сочинение в области математических или естественных наук⁹⁹⁰.

⁹⁸⁵ Известия Томского университета. Кн. 12. Томск, 1897, отд. 1, [пагин. 2-я]. С. 42–43.

⁹⁸⁶ Известия Томского университета. Кн. 14. Томск, 1898, отд. 1, [пагин. 2-я]. С. 74–75.

⁹⁸⁷ Ведомость о стипендиях в Императорских университетах. СПб, 1890. С. 75.

⁹⁸⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8698. Л. 2–4.

⁹⁸⁹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 686. Л. 9, 11, 13, 18, 21.

⁹⁹⁰ ЖМНП. 1884. Сентябрь. [пагин. 1-я]. С. 5–6.

Профессор ИСПБУ И.И. Георгиевский в 1893 г. пожертвовал 840 руб. для учреждения премии для студентов в память скончавшегося заслуженного профессора Ю.Э. Янсона. Премия (процент с капитала) назначалась один раз в три года за лучшие работы по статистике⁹⁹¹.

Сын бывшего заслуженного профессора ИКУ Н.Н. Булича в 1896 г. пожертвовал университету 2 000 руб. на организацию стипендии имени отца⁹⁹².

Профессор ИКУ Д.И. Дубяго при оставлении службы в университете в 1898 г. на проценты с капитала, который составлял 1 663 руб., учредил премию своего имени «с целью поощрять молодых даровитых людей из бывших и состоящих студентами Императорского Казанского университета в их занятиях астрономией»⁹⁹³.

В том же году вдова профессора Н.А. Виноградова, Юлия Ивановна, завещала ИКУ 4 000 руб. на учреждение с процентов с этой суммы денежной премии за лучшие сочинения по медицинскому факультету, 10 000 руб., проценты с которых каждые четыре года должны выдаваться как пособие на поездку за границу готовящемуся на университетскую кафедру по медицинскому факультету и 45 800 руб. для учреждения четырех стипендий имени ординарного профессора Николая Андреевича Виноградова⁹⁹⁴.

В 1900 г. в ИСПБУ была учреждена премия заслуженного профессора А.В. Советова, которая выдавалась студентам ИСПБУ один раз в три года за лучшие работы по сельскохозяйственной тематике⁹⁹⁵.

Одно из самых крупных по сумме пожертвований было сделано, согласно завещанию профессора ИМУ Н.В. Воронцовского: после его кончины следовало 24 000 руб. обратить в капитал, на проценты с которого создать 4 стипендии (1886)⁹⁹⁶.

⁹⁹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1022. Л. 1–2, 7–7 об.

⁹⁹² ЖМНП. 1896. Январь. [пагин. 1-я]. С. 25–26.

⁹⁹³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. 1897–98. 1902. Столбец 1377.

⁹⁹⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. 1897–98. 1902. Столбец 1277–1282.

⁹⁹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 21. Л. 22, 23–24.

⁹⁹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 92. Л. 6; Ведомость о стипендиях в Императорских

Обобщенное представление о пожертвованиях в университетах на конец XIX в. дает «Ведомость о стипендиях в Императорских университетах» (таблица 21).

Таблица 21 – Ведомость о стипендиях в Императорских университетах (СПб, 1890)

Университет	Всего частных стипендий с процентов пожертвованных капиталов	Стипендии с капиталов, пожертвованных профессорами и преподавателями
ИСПбУ	69	4
ИМУ	129	7
ИКУ	36	3
ИХУ	44	—
ИНУ	24	1
ИУСвВ	32	3
ИВУ	24	—
ИДУ	13	—

Данные свидетельствуют о том, что, по крайней мере в 90-х гг. XIX в., в общей массе пожертвований вклады преподавателей не составляли значительной доли, но, несомненно, играли важную роль в деле оказания помощи нуждавшимся студентам.

Звучит несколько удивительно, но существовала и негативная оценка профессорской благотворительности. Например, такая точка зрения принадлежала ректору ИУСвВ Н.К. Ренненкампу, который в 1884 г. высказывался так: «Вообще благотворительная деятельность частных лиц и профессоров в особенности (при существовании разрешенных Правительством Обществ попечения о бедных студентах [...]) излишняя и оказывает большей частью неблагоприятное влияние на студентов: она выделяет устроителей благотворительных сборов, возбуждает между студентами незаслуженные

симпатии и антипатии и дает повод к бесплодным, а иногда и тягостным возбуждениям среди молодежи»⁹⁹⁷.

При этом, по данным А.Е. Иванова, более 50 % российского студенчества начала века можно было отнести в категории бедных⁹⁹⁸. В свете этих данных профессорская благотворительность была весьма уместна.

4.3. Преподавательский корпус и студенческое движение

Студенческое движение в значительной степени определяло специфику университетской истории конца XIX – начала XX в. Различные аспекты истории студенческого движения в дореволюционной России нашли отражение в многочисленных исследованиях, уже частично упоминаемых в историографическом обзоре. Более того, предметом рассмотрения уже становилась историография вопроса⁹⁹⁹.

Немаловажный интерес для рассматриваемой темы представляет вопрос отношения профессорско-преподавательского корпуса к названному явлению.

Забегая вперед отметим, что отношение это во многом предопределялось гражданской позицией, которую занимали те или иные профессора. Хотя, например, вовсе не консервативно настроенный профессор ИМУ И.И. Янжул¹⁰⁰⁰ в воспоминаниях отмечал: «Тридцатилетнее профессорство дает мне право считать себя достаточно компетентным судить о крайней непригодности нашего высшего образования, служащего часто не для истинного просвещения народа, а лишь для создания опасного горючего материала для всякого рода беспорядков, существенно вредных для страны»¹⁰⁰¹.

⁹⁹⁷ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1884). Д. 5. Л. 14 об. – 15.

⁹⁹⁸ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 265–266.

⁹⁹⁹ Камчатнов Г.А. Отечественная историография дореволюционного русского студенчества: 1860 – февраль 1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. 249 с.

¹⁰⁰⁰ Об общественно-политической деятельности И.И. Янжула см. в 6-й главе.

¹⁰⁰¹ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1910. Т. 2. С. 49.

Упреки студенчества в адрес профессуры

Документы эпохи (в первую очередь, студенческие воззвания, листовки, прокламации) изобилуют упреками в адрес профессуры, которая, по мнению участников протестного движения, в недостаточной степени отстаивала университетские права.

5 ноября 1886 г., в годовщину основания университета, студенты ИКУ бойкотировали университетский праздник, после чего обратились с политическим воззванием к профессорам: «Против чего и кого направлен протест 5 ноября всякому более или менее понятно, и студенчество полагает, что профессорам как лицам наиболее близко стоящим к Университету – лучше, чем кому-нибудь другому. Однако, речь г. Кремлева, обращенная к студентам 6 ноября в юридической аудитории [показала], что им не ведомо ни то, ни другое, и они делают [...] предположение, что протест 5 ноября к ним не относится и относиться не может». «Студенчество протестовало против Устава, администрации и профессуры, которые единодушно взялись отравить и исковеркать жизнь студенчества». «Протесты 5 ноября, направленные против университетских пороков [...], направлены и против вас, г.г. профессора, за больше чем пассивное отношение к интересам и нуждам студенчества». Авторы воззвания, с одной стороны, требовали от профессоров помощи в сохранении специальной студенческой читальни, студенческого банка и общества вспомоществования недостаточным студентам, так как это не противоречило уставу, а с другой, подталкивали профессоров и к большему: «Так протестуйте же г.г. профессора, будьте с нами заодно в борьбе с невыгодными сторонами нового устава, иначе мы [...] будем думать, что деньги и мелочный расчет приковывают вас к позорному рангу деспотизма и [...] реакции!!!». Для соблюдения справедливости стоит ответить, что приписка к этому воззванию гласила: «Заметьте, что укоризненный характер этого письма не относится к тем немногим профессорам, которые неоднократно, в той мере, в какой это возможно [...], служили и служат студенческим интересам и делам»¹⁰⁰².

¹⁰⁰² РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 37. Л. 189 – 190 об.

В прокламации, распространявшейся в 1900 г. от имени студенческого «Союзного Совета Харьковских объединенных землячеств и организаций», заявлялось: «Вместо профессоров, свободно и смело исповедующих свои убеждения и говорящих правду, появились чиновники, не столько научные, сколько иные, ничего общего с наукой не имеющие цели»¹⁰⁰³.

Одно из наиболее резонансных событий университетской жизни Киева начала XX в. произошло в начале 1901 г. Тогда в ответ на выступления к 183 студентам были применены правила 29 июля 1900 г., предписывавшие отдавать студентов, участвовавших в «беспорядках скопом», в солдаты. Отклик на это событие можно встретить в одной из листовок тех лет: «Все признают, что студенты поднялись по вопросу маловажному и чисто университетскому, а между тем жандармы проникли в здание университета. [...] Профессора примирились с этим вторжением. Некоторые из них, между прочим, ректор даже требовали его». Далее речь шла о вынесенном 183 студентам наказании. «Этот приговор был вынесен судом административным. [...] И в таком-то суде профессора заседали рядом с полицией»¹⁰⁰⁴. По следам этих событий в ИУСвВ по инициативе учебных властей была созвана профессорская комиссия, отношение к которой нашло в воззвании «К киевским профессорам» (февраль 1902 г.), к котором, в частности, говорилось: «Почему вы не приходили к нам в качестве доброжелателей ранее? Где вы были в трудные годы нашей борьбы. Разве можем мы в самом деле думать, что вы по приказу правительства можете сделаться союзниками постоянных и непримиримых врагов того же самого правительства. Неужели из этой логической *contradictio in adjecto*¹⁰⁰⁵ может вытекать и искренность». Далее авторами воззвания давался профессорам следующий сложно выполнимый совет: «хотите быть искренними друзьями студенчества, перестаньте быть вечными перебежчиками из одного лагеря в другой. Смело объясните правительству, что вы друзья его врагов»¹⁰⁰⁶.

¹⁰⁰³ АРВ. Z. 214. S. 325. k. 137.

¹⁰⁰⁴ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 1110. Л. 2.

¹⁰⁰⁵ «Внутреннее противоречие» – лат.

¹⁰⁰⁶ АРВ. Z. 214. S. 331. k. 212–213.

В августе 1901 г. в ИВУ распространялась прокламация «группы студентов-евреев, активно участвующих в движениях», призывавшая снять образовательные ограничения для лиц иудейского вероисповедания, в которой содержались слова: «Но особенно своим молчанием согрешите вы, интеллигентные представители учреждений (в особенности профессора), которые смотрят на студенческие движения не как на нечто преступное, а как на сознательное и вполне справедливое стремление к достижению необходимых прав на реформу, как на частичное удовлетворение требований людей, заслуживающих этого»¹⁰⁰⁷.

Во время забастовки студентов в ИХУ в начале 1911 г. появилось воззвание, содержавшее такие утверждения: «Не менее бесчестно, чем эти изменники, держала себя в массе и наша либеральная “отвергающая всякое моральное насилие” профессура. Об университетской администрации мы и не говорим: она сразу прямо и определенно пошла на поводу у полиции. Она не захотела, да, наверное, и не могла понять, как унижительно для выборных руководителей автономной школы идти рука об руку с полицейским приставом. Но и вся профессура недалеко ушла от своих избранников. Прикрывшись фиговым листком своей пламенной любви к науке, забыв о святости и превалирующем значении проявленных в данном случае студенчеством порывов к свободе, не считаясь с естественной законностью нашего возмущения против насильников, она сразу объявила себя врагом студенческого движения. Она не просто отмежевывалась от него, она вместе с полицейской властью приняла открытое участие в походе против студенчества. Она добровольно взяла на себя регистрацию “желающих заниматься”, предавая тем самым не посещающих лекций, даже не зависимо от их настроения и убеждения, в руки внешней администрации, а отдельные, наиболее недостойные представители ее не останавливались даже перед самостоятельным приглашением в университет полиции»¹⁰⁰⁸.

¹⁰⁰⁷ АРВ. Z. 214. S. 329. k. 49 об.

¹⁰⁰⁸ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3295. Л. 166.

Насколько справедливы были такие упреки участников студенческого движения? Прежде чем искать ответ на этот вопрос важно разобраться с тем, как преподаватели трактовали причины и сущность студенческих протестов.

Причины студенческих беспорядков глазами преподавателей

Архивные документы позволяют ознакомиться с мнением ряда профессоров о природе студенческих волнений. В апреле 1899 г. попечитель Одесского учебного округа Х.П. Сольский обратился к профессорам, лекторам и приват-доцентам ИНУ с просьбой представить в недельный срок письменные соображения о причинах студенческих волнений и мерах по их устранению. Почти не оказалось тех преподавателей, у которых бы не было сформированного мнения по затронутому вопросу. Лишь ординарный профессор по кафедре физической географии А.В. Клоссовский заявил, что «мы, профессора, стоящие далеко от внутренней жизни учащейся молодежи, не имеем возможности широко взглянуть на это сложное явление» и предложил «созвание особого совещания из лиц, стоящих близко к делу воспитания университетского юношества (окружных начальств и профессоров)», так как «созвание такого совещания могло бы теперь же способствовать успокоению умов в среде волнующегося юношества»¹⁰⁰⁹.

Всего попечителем было получено 44 ответа¹⁰¹⁰, некоторые из которых представляли собой весьма обширные сочинения. Обобщим эти суждения, с тем, чтобы получить представление о палитре преподавательских мнений по интересующей нас проблеме.

Значительная доля респондентов указывала на то, что у студенческих протестов внешние по отношению к университету причины: «[студенты] явились лишь орудием в руках каких-то внешних сил» (ординарный профессор по кафедре геогнозии и палеонтологии И.Ф. Синцов)¹⁰¹¹, «внешняя агитация и вызвала и организовала движение» (ординарный профессор по кафедре истории русского

¹⁰⁰⁹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 8 об. – 9.

¹⁰¹⁰ О числе ответов и их содержании можно судить по архивному делу (Ф. 42. Оп. 35. Д. 353), озаглавленному «Докладные записки профессоров Новороссийского университета о причинах возникновения студенческого движения», хранящемся в фондах ГАОО.

¹⁰¹¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 14.

права В.В. Сокольский)¹⁰¹², студенческие волнения приходят из вне университетской среды (приват-доцент при кафедре славянской филологии М.Г. Попруженко)¹⁰¹³, причины лежат не только в университетской среде, на студенческие движение влияют причины более общего характера (экстраординарный профессор по кафедре международного права П.Е. Казанский, ординарный профессор по кафедре зоологии В.М. Репяхов)¹⁰¹⁴.

Ряд профессоров объяснял феномен студенческого движения с правых, охранительных позиций. Так, ректор, профессор Ф.Н. Шведов, замечал, что «студенческие беспорядки – естественный результат собирания в обширные группы молодых людей, которых мировоззрение еще не формировалось окончательно, которых мысли еще в состоянии брожения»; в качестве меры воздействия Ф.Н. Шведов предлагал укрепление дисциплины¹⁰¹⁵.

Декан физико-математического факультета, ординарный профессор по кафедре астрономии А.К. Кононович полагал, что «недостаточно развитое чувство законности и не выработка характера делают [...] студентов легкой жертвой отдельных лиц, обладающих более твердым характером». И добавлял, что нужно обеспечить большее влияние профессоров на студентов¹⁰¹⁶. Профессор П.Е. Казанский сетовал на то, что студент, попав в университет, оказывается под влиянием новых лиц, а влияние семьи на него падает¹⁰¹⁷. Эта мысль была развита во мнении ординарного профессора по кафедре уголовного судопроизводства В.Н. Палаузова, который обращал внимание на то, что студент, вчерашний гимназист, привыкший к строгой дисциплине в среднем учебном заведении, оказывается в университете в новой атмосфере, «окружающее его общество зачастую внушает ему, что он не просто учащийся [...], а носитель всяких либеральных идей, что он чуть ли не фактор прогресса»¹⁰¹⁸.

¹⁰¹² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 17.

¹⁰¹³ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 64.

¹⁰¹⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 1 – 3 об., 12 об.

¹⁰¹⁵ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 29.

¹⁰¹⁶ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 10 – 11 об.

¹⁰¹⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 1 – 3 об.

¹⁰¹⁸ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 28.

Декан историко-филологического факультета, ординарный профессор по кафедре классической филологии А.Н. Деревницкий так понимал истоки студенческого движения: «Начало этой эры совпало с тем временем, когда в нашей литературе возобладало отрицательное направление, систематически воспитывавшее в русском обществе и особенно в восприимчивой среде университетской молодежи дух недоверия к правительству и недовольства»¹⁰¹⁹. «Среди студентов выработался и развился особенный вкус к разного рода политическим утопиям»¹⁰²⁰.

Среди вариантов объяснений причин движения встречались и ссылки на студентов-евреев, якобы, будораживших товарищей (экстраординарный профессор по кафедре славянской филологии П.А. Лавров)¹⁰²¹.

Другая группа преподавателей была склонна видеть причины студенческого движения в специфике университетского устройства, сложившегося после 1884 г., и предлагала соответствующие меры решения проблемы.

Экстраординарный профессор по кафедре зоологии П.Н. Бучинский: «элементом, значительно усиливающим беспорядки, является несоответствие желаний пылкой и увлекающейся молодежи с некоторыми параграфами ныне действующих студенческих правил»¹⁰²².

Ординарный профессор по кафедре чистой математики И.В. Слешинский: «“Корпоративное” устройство студенчества (по примеру немецких университетов), давая законное поле для деятельности пробуждающихся в этом возрасте с особой силой общественных инстинктов, представляло бы наиболее прочную гарантию разумности и устойчивости убеждений»¹⁰²³.

И.д. экстраординарного профессора по кафедре философии А.П. Казанский: «[Необходимо – М.Г.] полное видимое отделение возложенной на профессорство воспитательной функции от обязанностей университетской инспекции, особенно

¹⁰¹⁹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 57 об.

¹⁰²⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 58.

¹⁰²¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 50–53.

¹⁰²² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 85 об.

¹⁰²³ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 15–15 об.

же освобождение профессоров от полицейского и политического надзора за учащимися»¹⁰²⁴.

Чаще всего, рассуждая о мерах, которые могли бы умиротворить волновавшееся студенчество, преподаватели называли шаги по сближению с учащимися (ординарный профессор по кафедре русского языка и литературы В.М. Истрин¹⁰²⁵, ординарный профессор по кафедре химии Е.Ф. Клименко¹⁰²⁶). Ординарный профессор по кафедре политической экономии и статистики Л.В. Федорович по этому поводу замечал, что «в настоящее время среди студентов установился взгляд на профессоров не как на лиц, связанных с ними общностью научных интересов, в лишь как на формальных исполнителей своих служебных обязанностей»¹⁰²⁷. Экстраординарный профессор по кафедре русского языка и литературы В.Н. Мочульский предлагал «поднять значение профессора до того авторитета, каким пользовался он в былые времена; уничтожить преграду, существующую в настоящее время между студентами и профессорами»¹⁰²⁸.

Многие преподаватели в качестве необходимой для сближения со студентами меры требовали отменить гонорарную систему, что уже отмечалось выше.

Во мнениях некоторых преподавателей прочитывается указание на определенную естественность и закономерность студенческих протестов. Так, заслуженный ординарный профессор по кафедре славянской филологии А.А. Кочубинский писал: «Малая наличность чувства довольства – нормальное состояние духа современного студенчества. Отсюда, помимо его молодости, склонность к отрицанию»¹⁰²⁹. «Современный студент – это не университетский школьник т[ак] наз[ываемого] старого доброго времени; в большинстве случаев его даже трудно назвать юношей. [...] Средний возраст вступающего студента 20 лет, т.е. почти гражданское совершеннолетие. Следов[ательно],

¹⁰²⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 6.

¹⁰²⁵ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 74 об.

¹⁰²⁶ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 46–47.

¹⁰²⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 117 об.

¹⁰²⁸ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 81.

¹⁰²⁹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 34 об.

университетский период жизни студента – это время уже вполне зрелого человека. [...] Студенты – члены общества, только относительно более молодые и менее всего испорченные нравственно»¹⁰³⁰. Лектор французского языка А.А. Шапеллон отмечал: «Давними традициями установилось, что эту [студенческую – М.Г.] молодежь считают и, главное, она сама считает себя представительницей передовых идей и стремлений общества к прогрессу [...] Но рядом с этими благородными и благотворными порывами проявляется и другая характерная черта учащегося юношества: резкое осуждение всяких противоположных взглядов, презрение и нетерпимость к чужому мнению»¹⁰³¹. Экстраординарный профессор по кафедре русского языка и литературы В.Н. Мочульский замечал, что «на первых порах волнения студенческие происходили на почве товарищеской поддержки и лишь с течением времени приняли преступный характер, поведший к обструкциям»¹⁰³².

Несколько более радикально высказался и.д. экстраординарного профессора по кафедре физики Н.Д. Пильчиков: «Никакие энергические репрессивные меры не устранят волнений русской учащейся молодежи, пока она не окончательно нравственно пала, потому именно, что ее волнения являются лишь неумелым протестом против того, что ей кажется нарушением общечеловеческих нравственных принципов [...]. Волнения исчезли бы, если бы возросло доверие студентов к своим профессорам, для чего необходимо, чтобы профессора занимали должность в университете по избранию и приглашению самого университета и чтобы была уничтожена система гонорара; если бы возросло уважение к университетскому начальству, что возможно лишь при восстановлении выборного начала»¹⁰³³.

При анализе этого любопытного и ценного источника стоит обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, рассуждая о студенческом движении, профессора и преподаватели составляли ответы «для попечителя», что

¹⁰³⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 35.

¹⁰³¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 82–82 об.

¹⁰³² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 78 об.

¹⁰³³ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 25.

не могло не повлиять на форму и содержание их ответов. Во-вторых, это мнение «снималось» в 1899 г., то есть до революционных событий 1905 г., когда общественно-политическая ситуация с России еще более обострится¹⁰³⁴.

Обратимся к иным свидетельствам по интересующему вопросу.

Профессор ИМУ П.Г. Виноградов в статье, опубликованной в 1902 г., давал такое объяснение природе студенческого движения: «Можно ли удивляться тому, что молодые люди, собирающиеся со всех концов России, представляющие все классы и состояния русского общества, испытавшие на себе тяжкие условия русской действительности [...], молодые люди, к которым с кафедры и из книг несется проповедь идеальных стремлений, нравственности, гуманности, самодеятельности, патриотизма, которые силою вещей собраны в многоголовое, смелое своей солидарностью общество, чтобы эти молодые люди могли относиться безучастно к византийщине, которая смотрит на них из правительственных мест и церквей, и не только смотрит, но соглядатайствует, подготавливает расправы, совершает казни?»¹⁰³⁵.

Профессор ИМУ С.Н. Трубецкой в качестве одной из главных причин развернувшегося студенческого движения называл действовавший запрет на легальные студенческие организации: «Преследуя товарищеские кружки, сложившиеся естественным путем, мы только заставляем их теснее сплотиться между собою»¹⁰³⁶.

Совет ИМУ в заседании своем 14 декабря 1904 г. высказал мысль, что студенческие волнения лишь отчасти вызываются ненормальностью внутреннего строя университета, а, главным образом, ненормальностью условий государственной жизни и строя: «Причина массовых беспорядков лежит в более

¹⁰³⁴ Говоря о предреволюционном периоде, следует отметить, что в 1901 г. в ИМУ на фоне очередной волны студенческих выступлений была организована Комиссия для выяснения причин студенческих волнений и мер по упорядочению университетской жизни (См.: Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С. 171).

¹⁰³⁵ Виноградов П.Г. Что делается и что делать в русских университетах? // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 143–144.

¹⁰³⁶ Трубецкой С.Н. Университет и студенчество // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 267.

глубоких условиях жизни и искоренить эти беспорядки массовыми исключениями студентов из университета нет никакой возможности». «Достаточно бывает малейшего повода, вызывающего общественное недовольство или сомнение в правильности действий органов правительства, чтобы в стенах университета вспыхнуло волнение»¹⁰³⁷.

Еще более определенно аналогичная мысль была сформулирована «Записке о нуждах просвещения», подписанной 342 учеными и преподавателями высших учебных заведений. В ней говорилось, что высшая школа выйдет из крайнего расстройств только тогда, когда произойдет «полное и коренное преобразование существующего порядка» (государственного), а университеты обретут автономию¹⁰³⁸.

Бурно и весьма эмоционально вопрос о студенческом движении обсуждался в 1907 г. на совещании руководителей вузов под председательством министра народного просвещения П.М. Кауфмана, однако, учитывая состав собравшихся, там звучала преимущественно правая точка зрения.

Ректор ИЮУ Е.В. Пассек на первом заседании, 2 апреля, с горечью говорил: «Поздно интересоваться студенческими организациями тогда, когда они начнут уже выгонять профессоров из аудиторий»¹⁰³⁹.

Декан юридического факультета ИХУ В.Ф. Левитский 4 апреля на втором заседании говорил о студенческом движении: «С этим соединена повышенная политическая нетерпимость студентов, приведшая к тому, что несколько профессоров должны были прекратить чтение лекций и даже выйти из университета. Этой ненормальности не существует, например, в Германии, где профессора даже с испорченной политической репутацией привлекают полные аудитории студентов, если лекции их содержательны»¹⁰⁴⁰.

Итак, как видим, за редким исключением профессорское понимание сути студенческого движения было достаточно глубоким и многоаспектным, и

¹⁰³⁷ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 468 об.

¹⁰³⁸ Право. 1905, январь, № 3.

¹⁰³⁹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 433

¹⁰⁴⁰ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 435 об.

обвинить профессуру в непонимании или упрощении этого явления не представляется возможным.

Сочувствие студенческому движению

Есть достаточные основания полагать, что значительная, вероятно, большая часть преподавателей с пониманием относилась к студенческому движению. Причем, свидетельства об этом относятся не только к бурным революционным годам. Глубина сочувствия и формы, в которых оно проявлялось, были различны: от призывов к смягчению участи студентов, подвергшихся наказанию, до открытой солидаризации с участниками движения.

Заступничество профессоров иногда имело прямой эффект и проводило к улучшению положения студентов. Например, еще в 1894 г. 42 профессора и ИМУ подписались под петицией на имя Московского Генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича о смягчении участи студентов, удаленных из Москвы за принадлежность к земляческим организациям¹⁰⁴¹.

Согласно рапорту инспектора ИВУ Л.И. Шестакова на имя ректора, он – инспектор – приложил немало усилий для вызволения из под ареста студентов университета, задержанных 16 апреля 1900 г. вместе с большой группой людей в Уяздовском парке, недалеко от центра Варшавы («Встревоженный судьбою арестованного Белоруссова¹⁰⁴², и зная, что на него, больного [...] заключение в Х павильон и пребывание там в экзаменационный период произведет угнетающее впечатление, и вместе с тем глубоко убежденный в его безусловной благонадежности, я немедленно обратился с просьбой к Вашему Превосходительству снести с господином помощником генерал-губернатора по

¹⁰⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 47 об. Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Пред попечительством в Московском Учебном Округе // Русский Архив. 1906. № 4. С. 628–630. Текст петиции см.: Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // Русский Архив. 1913. № 1. С. 61–64. В рамках полемики с Н.П. Боголеповым относительно оценки событий 1894 г. значительную часть своих воспоминаний этому сюжету посвятил участник событий профессор В.И. Герье. См.: Цыганков Д.А. Воспоминания профессора В.И. Герье. 1894 год в истории Московского университета // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Серия 2. Вып. 1 (38). С. 131–152.

¹⁰⁴² Алексей Белоруссов – студент 4-го курса историко-филологического факультета, один из арестованных.

полицейской части и ходатайствовать о немедленном его освобождении. [...] Что касается остальных студентов, арестованных того же [16] апреля, то значительно большинство из них принадлежит к числу вполне безупречных по нашим университетским сведениям и наблюдениям студентов. Хотя встречаются между ними и несколько подвергавшихся наказаниям за беспорядки в 1899 г. [...], но самая возможность в настоящем случае огульного арестования большинства безупречных студентов [...] не дает оснований считать и их виновными в каком-нибудь участии в рабочем движении»¹⁰⁴³). В результате вмешательства студенты были отпущены.

5 ноября 1903 г. в Казани после окончания концерта студенческого музыкального кружка многие студенты решили не расходиться по домам, а продолжить гуляния и пение, что встретило противодействие со стороны полиции. Около 30 студентов ИКУ были арестованы и подвергнуты аресту сроком на месяц¹⁰⁴⁴. Сочтя наказание чересчур суровым, университетская общественность постаралась вступить за студентов. Комиссия кураторов (состоявшая из профессоров), «убедившись, что происшедший 5 ноября уличный беспорядок не имел политического характера», обращалась к попечителю учебного округа С.Ф. Спешкову с просьбой ходатайствовать перед Министром народного просвещения о сокращении срока ареста «ввиду необходимости усиления учебных занятий в конце семестра»¹⁰⁴⁵. Впрочем, в этом случае обращение мало помогло арестованным.

Иная форма косвенной поддержки касается того, как некоторые преподаватели относились к студенческим забастовкам, сопровождавшимся массовым непосещением занятий. В прокламации, описывавшей сходку в ИУСвВ в октябре 1904 г., содержалось утверждение, что «на сходку явился профессор Железнов [В. Железнов в 1904 г. был приват-доцентом – М.Г.], заявил, что читать лекции не будет, и, пожелав собравшимся успеха, при громких рукоплесканиях

¹⁰⁴³ APW. Z. 214. S. 325. k. 122, 123.

¹⁰⁴⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10826. Л. 10–10 об., 12.

¹⁰⁴⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10813. Л. 14.

удалился»¹⁰⁴⁶. Впрочем, сам В. Железнов, давая объяснения по этому поводу, утверждал, что не желал собравшимся в аудитории студентам успехов в деле проведения сходки, а лишь заявил, что начнет чтение лекций со следующего понедельника¹⁰⁴⁷. Вне зависимости от истинной позиции В. Железнова, такая практика как отказ от чтения лекций во время забастовок, действительно существовала. Именно в этом в 1906 г. обвинялись преподаватели ИХУ профессора Н.Ф. Сумцов, А.-Б.П. Пшеборский, приват-доцент Г.В. Коршун¹⁰⁴⁸.

В ходе революционных событий начала XX в. некоторые университеты в лице администрации и совета выразили готовность идти на диалог со студентами.

В ИКУ 9 октября 1905 г. на студенческой сходке была избрана делегация из 7 человек «с самыми широкими полномочиями», которая была направлена в Совет университета с целью точно определить точку зрения профессоров на текущие события. Для этого Совету было предложено ответить на следующие вопросы: «I) Согласен ли Совет Профессоров Казанского университета на то, чтобы в стенах университета происходили публичные митинги с целью политического воспитания народных масс, независимо от того, встретят ли эти митинги препятствия со стороны администрации, или нет?», «II) Что предпримет Совет Профессоров, если на первый вопрос он, Совет, ответит отрицательно?», «III) Что предпримет Совет Профессоров, если митинги встретят препятствие со стороны администрации?»¹⁰⁴⁹.

Совет собрался в тот же день. После сообщения ректора на голосование были поставлены вопросы: «I) давать ли вообще ответ на предложенные вопросы», «2) и если давать, то письменно или устно» и «3) как рассматривать представленное заявление, ввиду наличности представителей другой партии, как решение всего студенчества, или только групп его». По первым двум вопросам было принято единогласное решение – дать устный ответ делегатам. При этом Совет решил рассматривать заявление представителей сходки как «групповое

¹⁰⁴⁶ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1904). Д. 15. Л. 1.

¹⁰⁴⁷ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1904). Д. 15. Л. 6 – 6 об.

¹⁰⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 1 – 2 об.

¹⁰⁴⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11108. Л. 78 – 78 об.

заявление, а не всего вообще студенчества». При обсуждении предложенных студентами вопросов по существу, профессора решили использовать следующую формулировку (она была выработана еще на предыдущем заседании 7 октября): «Совет не считает себя в праве разрешить публичные митинги, но не находить для себя возможным какие-либо меры против них». Со сути, эта фраза должна была быть ответом на первые два вопроса. На 3-й вопрос Совет решил ответить так: «Признавая, что митинги, происходящие в Университете, относятся к области факта, а не права, Совет Университета не видит возможности гарантировать неприкосновенность лиц в них участвующих».

Затем в заседание Совета были допущены члены студенческой делегации, которым были прочитаны ответы в вышеизложенной редакции. На желание депутатов предложить Совету несколько дополнительных вопросов, Совет попросил их изложить письменно; депутация от этого отказалась и заявила, что «объявленный им ответ Совета [является – М.Г.] неопределенным и не дающим прямого и ясного ответа»¹⁰⁵⁰.

Попытки установить надежный контакт со студенчеством в период волнений не всегда увенчивались успехом. Так, 12 октября 1905 г. Совет ИКУ рассматривал заявление членов Комиссии по сношению со студентами об освобождении их «от обязанностей по сношению со студентами в виду выражающегося нежелания самих студентов в такое сношение». В ходе обсуждения профессор М.Я. Капустин, высказывался за то, чтобы комиссия продолжала работу (хотя, «может быть, некоторым партиям и не нравится существование этой Комиссии»), обращая внимание на то, что она «имела сношения со студентами, старалась выяснить их положение, знакомила Совет с настроением и потребностями студентов, вообще делала, что могла».

Профессор Г.Ф. Шершеневич так разъяснял, почему Комиссия не может продолжить работу: «Она действительно старалась сплотить студентов, стремилась узнать истинное мнение студенчества чрез курсовые сходки и этого им не простит противная партия. Раз в студентах зародилось подозрение в

¹⁰⁵⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11108. Л. 81–83.

партийности Комиссии, в интересах дела необходимо членам оставить ее. Пусть студенты поймут, что Совет хотел идти навстречу им, но они сами не захотели воспользоваться. Может быть время и обстоятельства побудят их самих просить о такой Комиссии».

Не смотря на убедительные просьбы Совета, члены комиссии остались верны неуклонному желанию выйти из состава комиссии, и Совет постановил «освободить Комиссию от возложенных на нее Советом обязанностей по сношению со студентами, выразив ей глубокую благодарность за труды её; новых Членов Комиссии не выбирать, предоставить сноситься студентам с Советом чрез посредство г. Ректора»¹⁰⁵¹.

В Харькове создание аналогичной комиссии «в виду образования студенческого центрального органа» было инициировано Советом ИХУ 5 декабря 1906 г., куда было решено выбрать трех лиц «для сношения с этим политическим студенческим органом»¹⁰⁵².

Очевидно, что пика студенческое движение достигло в период Первой русской революции. То, как реагировали университетские советы на студенческие протесты, тоже весьма показательно. Самое острое противостояние студентов и властей пришлось в Харькове на 12 октября 1905 г., в Казани – на 16 октября 1905 г.¹⁰⁵³ Отталкиваясь от дошедших до нас описаний событий тех дней в разных городах, можно констатировать, что ректоры ИХУ и ИНУ действовали в чрезвычайных ситуациях аналогичным образом, выступая посредниками между студентами и полицией с целью минимизировать возможное кровопролитие.

22 октября 1905 г. Совет ИКУ обратился к Казанскому губернатору с таким заявлением: «Усматривая, как из личных наблюдений профессоров, так и из сообщений других лиц, что 1) казанская администрация, при подавлении народного движения 17 и 18 октября пользовалась находящимися в её руках средствами без всякого соответствия с задачами, возложенными на нее законом,

¹⁰⁵¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11108. Л. 87 – 87 об.

¹⁰⁵² ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 486.

¹⁰⁵³ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11108. Л. 127–129.

2) что вооруженная сила не столько ставила своею целью рассеивание народных скопищ, сколько избиение отдельных лиц, не редко совершенно непричастных к какому-либо движению, а в особенности охоту на детей. 3) что полиция и казаки при исполнении своих обязанностей находились в нетрезвом состоянии, Совет Казанского Университета, пользуясь своим высоким авторитетом, считает нравственным долгом выразить Вашему Превосходительству свое глубокое негодование по поводу таких, допущенных Вашим Превосходительством действий и указать, что Совет вместе с тем приносит телеграфу жалобу на допущение вами подобных беззаконий»¹⁰⁵⁴. Столь категоричное заявление совета красноречиво свидетельствует о настроении профессуры.

В 1905 г. ректор ИВУ П.А. Зилов в письме попечителю учебного округа А.Н. Шварцу сетовал на затруднение привлечения деканов к участию в рассмотрении дела о студенческих беспорядках¹⁰⁵⁵. Более того, же желая принимать в этом участия, сначала Е.Ф. Карский подал прошение об отставке с должности декана историко-филологического факультета¹⁰⁵⁶. Так же поступил декан юридического факультета Ф.Ф. Зигель¹⁰⁵⁷ и декан медицинского факультета А.И. Щербаков¹⁰⁵⁸.

Вопрос об отношении преподавателей к студенческим волнениям быстро вышел за пределы университетских стен. В фондах НАРТ сохранилось анонимное письмо, направленное в адрес ректора ИКУ профессора Д.И. Дубяго в период затяжных студенческих волнений начала 1905 г. В письме, написанном от лица «обыкновенных смертных, не принадлежащих к так называемой интеллигенции» содержалось утверждение, что виновниками студенческих беспорядков являются «господа профессора, которые не только не принимают со своей стороны никаких мер к успокоению и вразумлению сбитой с толка молодежи, но своим попустительством и сочувствием поддерживают беспорядки». Далее анонимные авторы письма переходили к угрозам: «всякому терпению бывает конец, и если

¹⁰⁵⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11108. Л. 149 – 149 об.

¹⁰⁵⁵ АРВ. Z. 214. S. 336. k. 109.

¹⁰⁵⁶ АРВ. Z. 214. S. 336. k. 119 – 119 об.

¹⁰⁵⁷ АРВ. Z. 214. S. 336. k. 121.

¹⁰⁵⁸ АРВ. Z. 214. S. 336. k. 122.

это терпение наконец лопнет, то мирным прежде гражданам придется прибегнуть к самосуду, печальные последствия которого Вам, конечно, не должны быть не известны, и начало самосуда прежде всего придется испытать на себе попустителям, сиречь г[осподам] профессорам, а потом уже доберутся до буйной молодежи»¹⁰⁵⁹.

Приведем текст еще одного анонимного письма, присланного в Министерство народного просвещения осенью 1905 г. В нем велась речь о ИНУ: «Обращается к Вам мать, объятая ужасом за своих детей, студентов. Неужели Министерство бессильно прекратить эти безобразия. Еще немного и профессора уже открыто поведут студентов строить баррикады. Сегодня мой сын пришел домой со сходки, воспламененный речами проф[ессора] Щепкина, который сказал блестящую речь, что он обещает стать во главе “Потемкина”, а юноши, конечно, жаждут опередить своего учителя. Боже мой, да это же начало революции, которую профессора открыто проповедуют с кафедры, откуда они излагают науку. Теперь и заикнуться нельзя об занятиях, ибо проф[ессора] Щепкин, Ланге, Косинский, Борисов, Вериге, Лысенков, Шпаков и Завьялов наущают юношей к вооруженному сопротивлению. Зачем Министерство показало свою слабость, возвративши Орженцкого и Тарасевича¹⁰⁶⁰, сделавши этих бесчестных людей идеалами молодежи. Теперь студенты возводят их на кафедры и с закрытыми глазами идя [так в документе – М.Г.] за ними. А они честолюбивы и на научном поприще могут не могут сделать себя известными, поэтому взялись за политику и в это смутное время толкают юношей в пропасть, а сами у них за спиной. Они терроризируют честных профессоров, возбуждая против них студентов. О, не оставьте просьбы несчастной матери, которая видит по своим детям, что наступает революция, если Вы оставите таких руководителей. Неужели нельзя этих профессоров разместить по другим университетам для пользы дела, тогда бы в новой обстановке они не были бы так сильны, хоты бы на первое время. Ах, если бы Вы видели как недостойно они ведут себя. По рассказам, они все почти

¹⁰⁵⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 122.

¹⁰⁶⁰ О приват-доцентах ИНУ Р.М. Орженцком и Л.А. Тарасавиче см. подробнее в 6-й главе.

трусы, так что с ними не трудно было бы сладить. Они только среди студентов чувствуют себя смелыми. Они не честные люди, верьте слову, но молодежь не понимает, они умеют заставлять слепо повиноваться себе, а сами служат революционерам. Еще раз умоляю, спасите наших детей, ибо мы, родители, уже бессильны»¹⁰⁶¹.

О сочувственном отношении – но совсем с иной интонацией – говорит в своих воспоминаниях и А.В. Тыркова-Вильямс: «Молодежь часто против чего-нибудь протестовала, останавливая всю академическую студенческую жизнь, увлекая за собой профессоров, которые и сами сочувствовали студенческому движению»¹⁰⁶².

Суждения о сочувствии профессуры волнующемуся студенчеству исходили и от представителей власти. Так, директор Департамента полиции П.Н. Дурново, прося собрать данные, писал 12 декабря 1887 г. начальнику Одесского жандармского управления полковнику П.Г. Цугаловскому: «Деп[артамент] Полиции получил сведения, что *большинство* [курсив мой – М.Г.] профессоров Новороссийского университета относятся с сочувствием к студентам по поводу производимых последними беспорядков; профессор же Маркевич будто бы позволил себе гласно выразить им одобрение»¹⁰⁶³. В ответе, направленном через месяц, начальник управления писал: «Фактических доказательств того, чтобы профессора здешнего университета, и в том числе Маркевич, гласно выражали свое одобрение беспорядкам, не добыто, но не подлежит ни малейшему сомнению, что многие из профессоров до сих пор не могут примириться с требованиями нового университетского устава, отнявшего у них корпоративные права [...]. При таких условиях весьма возможно, что в своих частных сношениях со студентами некоторые из профессоров [...], высказывая свой отрицательный взгляд на требования устава, тем самым систематически поддерживают в студентах чувство недовольства и противодействия»¹⁰⁶⁴.

¹⁰⁶¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 414. Л. 22 – 22 об.

¹⁰⁶² Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 75.

¹⁰⁶³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 83. Д. 709. Л. 1.

¹⁰⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 83. Д. 709. Л. 1 – 2 об.

В декабре того же 1887 г. департамент полиции МВД обратился к начальнику Казанского губернского жандармского управления полковнику Н.И. Гангардту с запросом, в котором говорилось: «Получены сведения, что будто бы *большинство* [курсив мой – М.Г.] профессоров Казанского университета сочувствует студенческим демонстрациям, произносит по данному поводу речи, некоторые выражают одобрение студентам»¹⁰⁶⁵. Департамент просил проверить эти сведения. В ответ на запрос 29 декабря 1887 г. начальник управления писал: «Г[осподин] Попечитель учебного округа своими решительными распоряжениями возбудил к себе неприязненные отношения многих влиятельных лиц в губернии и в особенности ректора Казанского университета Г[осподина] Кремлёва, на стороне которого стоят большинство профессоров. Из них как на наиболее выдающихся по своим крайне либеральным убеждениям, я могу указать на Щербакова, Васильева, Штукенберга, Преображенского. Эти лица, кроме Штукенберга, 4 декабря на сходке, по удалении ректором инспекции, обращались к студентам с речами, но содержание этих речей осталось неизвестным. Затем 5 декабря в Совете университета Г[осподин] Щербаков, не будучи никем уполномоченным, обратился с благодарственную за прекращение сходки речью к ректору Кремлёву, на что последний ответил: «К сожалению, мой образ действий не одобряется начальством». В настоящее время Г[осподин] попечитель предоставил правлению университета наложить, по усмотрению, дисциплинарные взыскания на менее виновных студентов, вследствие чего члены правления Г[оспода] Кремлев, Щербаков и Васильев настаивали на том, чтобы каждый студент обвинялся в присутствии правления и виновного самим инспектором. Таким образом последний ставился бы в самое неудобное положение, находясь вынужденным входить в пререкания с обвиняемыми, чем последние еще более озлоблялись бы против инспекции. Признавая подобный образ действий правления несоответствующим, Г[осподин] попечитель приостановил деятельность по изложенному вопросу правления университета и просил г. министра народного просвещения отстранить от должностей Г[осподина]

¹⁰⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1887. Д. 735. Л. 2.

Кремлева и декана медицинского факультета Г[осподина] Щербакова. ... Профессор Штукенберг, заведующий естественным факультетом, давшим наибольший процент участников беспорядков, еще раньше навлекал на себя подозрения в сомнительной политической благонадежности, выразившейся в деле о студенческой библиотеке Рейнгардта, закрытой по Высочайшему повелению в 1883 году. ... Профессор же Васильев, как мне известно негласным путем, находится в сношениях с эмигрантами в Лондоне и состоит в дружеских сношениях с крайне подозрительным в политическом отношении Г[осподином] Анненским, заведующим казанским земским статистическим бюро, а ныне занимающим такую же должность в Нижнем-Новгороде, причем, по моим сведениям, возле названного Анненского группируются все неблагонадежные элементы, удаленные из Казани»¹⁰⁶⁶. Такая демонстративная лояльность профессуры в отношении «бунтовщиков», готовность защищать студентов воспринимались чиновниками ведомства народного просвещения весьма болезненно. Ректор Н.А. Кремлев лишился своей должности в 1889 г., декан А.Я. Щербаков – в 1890 г.

На сочувствие указывается в министерских документах разных лет. В частности – в секретной записке «О современном положении высших учебных заведений», составленной для МНП предположительно в конце 1906 г.: «За редкими, единичными исключениями это отношение (отношение профессуры к студенческому движению – М.Г.) характеризуется какою-то непонятной уступчивостью, стремлением к компромиссам и каким-то робким протестом, которые напоминают, скорее, вынужденные извинения перед натиском студенческих требований готового уступить им профессорского персонала, нежели громкий протест уважающих себя наставников перед назойливыми домогательствами зарвавшейся молодежи»¹⁰⁶⁷. Авторы записки, сетуя на то, что, получив автономию (имелись в виду «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями» ведомства Министерства народного

¹⁰⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1887. Д. 735. Л. 6–8.

¹⁰⁶⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 535. Л. 1 об. – 2.

просвещения» от 27 августа 1905 г.), университеты в лице профессорской коллегии не смогли навести порядок и положить конец студенческим беспорядкам («с сентября 1905 года и почти до весны 1906 года в большинстве учебных заведений занятия вовсе не производились», «анархия в учебных заведениях господствует совершенно беспрепятственно»), предлагали правительству, если университеты сами так и не справятся со студенческим движением, пойти на радикальные меры: в этом случае «правительственная власть будет действовать одна, вне союза с профессорами, и последним, как исповедующим точку зрения, несовместную с задачами государственности, придется вместе с протестующими учащимися покинуть высшую школу и уступить место другим»¹⁰⁶⁸.

Известна еще одна записка, составленная по поручению министра народного просвещения В.Г. Глазова членом совета МНП тайным советником С.Ф. Спешковым о различных организациях среди учащихся и различных учебных заведениях Министерства народного просвещения. В ней, в частности, говорится: «К сожалению, в обществе, в печати и в профессорской среде политические увлечения студенческих организаций, их выступления и забастовки не встречали осуждений, а напротив вызывали к себе сочувствие и даже удивление перед героизмом студентов»¹⁰⁶⁹.

Попечитель Одесского учебного округа граф А.А. Мусин-Пушкин писал министру народного просвещения П.М. Кауфману в декабре 1906 г.: «с его (Совета – М.Г.) стороны, конечно, рассчитывать (на осуждение студентов – М.Г.) нельзя при современном составе его большинства, заискивающем перед революционно настроенным Центральным студенческим органом»¹⁰⁷⁰. Речь шла о выборном студенческом органе самоуправления.

В 1907 г. попечитель А.А. Мусин-Пушкин обратился в министерство с описанием ситуации, сложившейся в Новороссийском университете: «“Центральный орган” (первоначально “коалиционный совет”) – фактический

¹⁰⁶⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 535. Л. 3.

¹⁰⁶⁹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 463 об.

¹⁰⁷⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 3.

хозяин в Новороссийском университете. Против такого незаконного захвата власти в Новороссийском университете, ни Ректор, ни Совет (большинство) не проявили никакого противодействия, отмечается не только полное подчинение установившемуся беззаконию, но даже несомненное сочувствие революционным элементам студенчества и полное игнорирование интересов студентов-академистов. 1. Для “центрального органа” имеется, например, отдельная комната, для академистов не предоставлено таковой. 2. Ректор постоянно совещается с представителями “центрального органа”; “центральный орган” является признанной властью со стороны “левых” профессоров. Благодаря силе “центрального органа” Совет к Ректору потеряли в настоящее время всякий авторитет в глазах студентов; в важнейших вопросах университетской жизни решающая роль фактически принадлежит уже ни Совету, а революционным элементам студенчества (открытие и закрытие университета). В настоящем учебном году Совет ни разу самостоятельно не закрывал, не открывал университета, он только санкционировал факт, уже известный по объявлениям, вывешенным на дверях университетских зданий. “Центральный орган” присвоил себе права судить неугодных ему профессоров, производить над ними следствие, выносить оскорбительные для их человеческого и профессорского достоинства приговоры и т.д., и все это остается без всякого внимания со стороны Ректора и Совета (следствие над профессорами медицинского факультета, объявления о привлечении к суду профессоров Левашева, Батуева и Головина). “Центральный орган” обыкновенно в своих решениях опирается на постановления сходов, которые на самом деле не могут выражать действительного настроения студенчества и представляют собой одну фальсификацию»¹⁰⁷¹.

Сближение части преподавательского состава с волновавшимся студенчеством очень беспокоило власти и университетскую администрацию. В январе 1905 г. ректор ИНУ профессор А.Н. Деревницкий писал попечителю Одесского учебного округа Х.П. Сольскому: «Результаты деятельности помянутых групп [оппозиционно настроенных преподавателей – М.Г.], и

¹⁰⁷¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 452. Л. 51 – 51 об.

сведения обо всех этих фактах, проникая в среду учащихся, поддерживают меж ними брожение и порождают, если не прямую уверенность, то по крайней мере надежду на то, что в дальнейшем течении политической борьбы, ареною которых стали наши университеты, профессора и прочие университетские преподаватели теперь уже примут на себя более активную роль». И далее: «Я указал на необходимость [...] содействовать отрезвлению и успокоению волнующейся молодежи и не дать ей какого-либо повода подозревать, будто бы в затеваемых ею политических демонстрациях, к которым без сомнений относится и забастовка, она может опереться на поддержку преподавателей. [...] Страшна, конечно, не забастовка студентов, с которую можно было бы сладить, а та постепенно надвигающаяся и уже близкая опасность активного сближения радикальных элементов студенчества и профессорской коллегии, которое, несомненно, еще более усложнит и затруднит борьбу с нестроениями университетской жизни»¹⁰⁷².

Такая оценка была близка и представителям консервативного политического фланга, что, в частности, нашло отражение в статье «Профессорская и студенческая забастовка», опубликованной в ультраправой газете «Колокол»¹⁰⁷³. А несколько ранее, в декабре 1907 г., группа из 68 правых депутатов Государственной Думы инициировала запрос на имя министра народного просвещения П.М. фон Кауфмана о том, какие меры предприняты им в отношении советов профессоров ИСПБУ и ИЮУ, не только, по их мнению, не пресекавших, но и поощрявших «незаконмерные действия» студентов в своих стенах¹⁰⁷⁴.

Большую ценность для рассматриваемого вопроса представляют источники, основанные на сведениях, собранных агентурным путем. В фондах ГАРФ хранится Агентурная записка «Общая характеристика профессуры Московского университета в связи с последними студенческими волнениями», датированная

¹⁰⁷² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 414. Л. 6 об. – 7.

¹⁰⁷³ Колокол. 1908.23 сентября.

¹⁰⁷⁴ Запрос министру народного просвещения // Русское знамя. 1907. 27 декабря; Брачев В.С. Студенческая забастовка 1908 г. в Санкт-Петербургском университете // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Санкт-Петербург, 2012. С. 57.

18 июля 1911 г. Составленная летом 1911 г., она отразила последствия острого конфликта начала года¹⁰⁷⁵. Приведем ряд фрагментов из этого источника.

«Президиум Университета профессора кн. Трубецкой, Ф.А. Рейн, П.Г. Виноградов, С.Н. Бумаков, П.Н. Лебедев, В.К. Рот, А.С. Алексеев и Чаплыгин, признавая, что Университет нужен для науки и что студенческие беспорядки в форме забастовки не желательны, сваливали, однако, всю вину на Министерство Народного Просвещения.

По их мнению, вмешательство полиции в дело прекращения беспорядков недопустимо, а зависимость от Попечителя и недостаток автономии не дают профессорам возможности влиять на студенчество в сторону прекращения беспорядков.

Указанная группа профессоров хотя и присоединилась к общему постановлению Совета о недопустимости сходов, но сделала это только официально. Частным же образом в беседах, газетных статьях и других выступлениях, указанные профессора всегда и везде приписывали беспорядки отсутствию автономии и намеренному желанию правительства путем беспорядков провести новый университетский устав, в корне уничтожающий всякую автономию.

Профессор Кн. Трубецкой не раз высказывался как в газетных статьях, так и на сходах студентов, что “беспорядки нужны только правительству, что этими мерами кормится целый ряд агентов власти”.

Такое ложное и извращенное толкование мероприятий правительства и постоянная ссылка на покушения правительства на Университетскую автономию были результатом того, что огромное количество профессоров и приват-доцентов начали относиться оппозиционно к мероприятиям правительства по прекращению студенческих волнений.

Огромную роль в создавшемся настроении профессоров играл и тот факт, что инициаторами этих инсинуаций были такие авторитеты в научном и

¹⁰⁷⁵ См. подробно в 7-й главе.

общественном отношении, как например профессор Кн. Трубецкой, Виноградов, Булгаков и Рейн»¹⁰⁷⁶.

Авторы записки трактовали действия московской профессуры за отмену Министерского циркуляра о воспрещении студенческих сходок как организованные: «В число принятых ими мер входили: 1) критика циркуляра в печати; 2) возбуждение общественного мнения путем частных бесед и суждений; 3) немедленное внесение через Думу запроса о незаконности циркуляра и 4) организация общеимперского протеста против циркуляра.

Кроме того, некоторая часть профессуры в лице Мануйлова, Озерова, Мензбира и Рейна решила всеми способами восстановить известную часть членов Государственного Совета против циркуляра.

По поводу организации всероссийского протеста профессуры состоялось несколько частных совещаний упомянутой выше левой профессуры и приват-доцентуры»¹⁰⁷⁷.

Авторы записки выражали убежденность в том, что особое влияние на ход студенческих беспорядков имели профессора Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич, Ф.Ф. Кокошкин, А.А. Кизеветтер, приват-доценты М.Н. Гернет и А.А. Боровой: «Некоторые из названных лиц имели непосредственные связи с нелегальными студенческими организациями, что в совокупности выразилось в следующем. Кн. Е. Трубецкой выступал на студенческих сходках по поводу его статьи о студенческих волнениях. В своей объяснительной речи он подвергал резкой критике всю правительственную систему и меры борьбы правительства с беспорядками.

Такое выступление имело результатом своим революционизирование большого количества непартийных студентов.

Осуждая забастовку, Кн. Трубецкой определенно указывал, что этим он не осуждает реагирования студенчеством на текущие политические события,

¹⁰⁷⁶ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 97 об. – 98.

¹⁰⁷⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 98 об. – 99.

наоборот, по его мнению, закрытие университета разъединить студенчество и лишить его возможности выражать свое мнение коллективно.

Подобные суждения Кн. Трубецкой высказывал неоднократно в частных беседах со студентами по поводу срывания последними лекций.

Профессора Шершеневич, Озеров и прив[ат]-доц[енты] Кокошкин и Кизеветтер в период студенческих беспорядков имели самые тесные связи со студенческой фракцией партии к.-д., в лице её видных представителей студентов-юристов Цурикова и Котельникова. Последние почти ежедневно осведомляли кого-либо из указанных профессоров и доцентов о настроении студенчества, спрашивали их совета и руководства. Хотя указанные профессора и осуждали забастовку, но точка их зрения на беспорядки была такой же, как и у Кн. Трубецкого, почему, развивая данную точку зрения, указанные профессора достигали только одного революционизирования умеренной части студенчества»¹⁰⁷⁸.

Важно подчеркнуть, что приведенный документ отразил эхо недавнего острого конфликта января – февраля 1911 г., что придает ему особую ангажированность. Ко времени составления записки все упомянутые в ней профессора и приват-доценты уже вышли в отставку. Было бы не верно утверждать, что все «левые» преподаватели, покинувшие университет в рамках «Дела Кассо», были деятельными сторонниками студенческого движения, мотивы выхода в отставку были разными. Однако, в том, что для них было характерно сочувственное отношение к этому явлению, не приходится сомневаться.

Таким образом, исчерпывающий объем источников не оставляет сомнений в том, каков был настрой большинства профессоров.

Заметим, что симпатии подтверждают и исследования по иным вузам¹⁰⁷⁹.

¹⁰⁷⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 99 – 99 об.

¹⁰⁷⁹ См. Ищенко О.В. Отношение профессоров Томского технологического института к студенческому движению в годы Первой русской революции // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 3. С. 262–268.

Отношение студентов к опальным преподавателям

Попадавшие в опалу преподаватели (в особенности по политическим мотивам) нередко обретали героический ореол в глазах учащихся.

Любопытный и нетипичный казус произошел в Киеве в 1892 г., когда за пределами университета случился конфликт между профессором юридического факультета Н.К. Рененкампом и городовым (городовой не пропустил профессора с извозчиком проехать по ремонтировавшемуся мосту, профессор нанес городовому несколько ударов). Когда решался вопрос о возбуждении дела, градоначальник в письме министру Делянову высказывал опасения, что, если дать делу ход, студенты ИУСвВ устроят демонстрацию против полиции в поддержку профессора Рененкампа¹⁰⁸⁰. Этот эпизод любопытен тем, что он, лишенный политической подоплеки, демонстрирует потенциальную готовность студентов защищать «пострадавших» преподавателей.

Гораздо больше эпизодов, отложившихся в исторических источниках, имеют политический аспект.

В феврале 1886 г. в донесении по линии отделения по охране порядка и общественной безопасности (охранного отделения) в Санкт-Петербурге говорилось: «В среде университетской молодежи появилось некоторое брожение, причиной которого было удаление из числа лекторов по решению Университетского Совета магистра истории Семевского¹⁰⁸¹ за неуместные выражения, позволявшие при чтении лекций, причем брожение это имелось выразиться во время акта в устройстве антиправительственной демонстрации»¹⁰⁸².

Сохранились описания проводов студентами из Москвы будущего лидера кадетов приват-доцента П.Н. Милюкова, уволенного из университета в 1895 г.¹⁰⁸³

¹⁰⁸⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 90. Д. 1183. Л. 5 об.

¹⁰⁸¹ Василий Иванович Семевский (1848–1916), с 1882 г. приват-доцент ИСПбУ; в 1886 г. был отстранён от преподавания по причине «вредного направления». В дальнейшем занимался общественной и журналистской деятельностью.

¹⁰⁸² ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1886. Д. 68. Л. 9.

¹⁰⁸³ Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // Русский Архив. 1913. № 1. С. 59.

Уволенному в 1902 г. из ИМУ профессору П.Г. Виноградову был преподнесен адрес, подписанный 40 студентами юридического факультета, содержащий следующие слова: «Уважаемый П[авел] Г[аврилович!] Вам хорошо известно, как тяжело, мучительно тяжело живется нам в последние годы. Бесконечное издевательство над нами, систематическое поругание наших лучших чувств и желаний, клевета, доносы, массовые высылки, аресты, побои особенно дают себя знать. И только изредка, только порою рука помощи протягивается к нам – ведь так мало у нас друзей, у которых благородные слова и благородные дела идут рука об руку. Одним из таких друзей мы считаем Вас, Павел Гаврилович, а Ваш образ действия последнего времени только подтверждает нашу уверенность»¹⁰⁸⁴.

Известен факт подготовки студентами забастовки по поводу увольнения в отставку профессора ИКУ Н.Н. Фирсова в 1914 г.¹⁰⁸⁵

Солидаризации студентов с опальными преподавателями, как правило, не мешали отдельные политические расхождения между ними. Так, бывший студент ИСПБУ И.В. Егоров вспоминал период после 1905 г.: «И хотя мы, студенты, в массе своей придерживались более радикальных и левых взглядов, чем наши преподаватели, мы вставали на их защиту». В частности, И.В. Егоров вспоминает студенческие акции в защиту приват-доцента Е.В. Тарле, неоднократно отстранявшегося от преподавания в университете¹⁰⁸⁶.

В эти же годы, студенты столичного университета устроили овацию профессору Л.И. Петражицкому, вернувшемуся из заключения, которое он отбывал как бывший депутат I Государственной думы, подписавший «выборгское воззвание»¹⁰⁸⁷.

¹⁰⁸⁴ Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С. 265.

¹⁰⁸⁵ НАРТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1367. Л. 27 об.

¹⁰⁸⁶ Егоров И.В. В Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 113.

¹⁰⁸⁷ Егоров И.В. В Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 112.

Резолюциями общих студенческих сходов в Харькове 12 и 13 октября 1905 г. требовалось «возвращения всех уволенных профессоров и студентов», а также «присутствия младших преподавателей в заседаниях Советов»¹⁰⁸⁸.

27 января 1908 г. попечитель Казанского учебного округа А.И. Деревницкий писал ректору ИКУ Н.П. Загоскину о подготовке студенческой забастовки: «Среди съехавшихся в Казань студентов Казанского университета распространился слух о предположительном увольнении со службы некоторых профессоров, придерживающихся крайне левого направления. Слух этот вызвал в студенческой среде оживленные толки, приведшие революционный студенческий элемент к решению созвать в университете внезапную общестуденческую сходку для устройства враждебной демонстрации профессорам правого направления и даже избиения последних. Таким путем студенты стремятся вызвать прекращение учебных занятий и закрытие университета»¹⁰⁸⁹.

Громкое резонансное происшествие было способно скорректировать позицию студенчества. В этом отношении любопытны наблюдения, отразившиеся в выше упоминавшийся агентурной записке «Общая характеристика профессуры Московского университета в связи с последними студенческими волнениями» (18 июля 1911 г.). Рассуждая о ситуации вокруг массовой отставки московских профессоров («Дело Кассо») авторы записки отмечали: «До сих пор большая часть студенчества была в отношении профессоров настроена оппозиционно, считала их ставленниками правительства и т. д. После же профессорского выступления студенчество приняло их сторону и еще более враждебнее стало относиться к мероприятиям правительства. Таким образом на настроение студенчества коллективная отставка профессоров имела вредное влияние; она отвлекала студенчество от борьбы экономической и ввела его на путь политического недовольства и протеста»¹⁰⁹⁰.

Необходимо заметить, что «левые» независимо державшиеся фрондирующие профессора были, как правило, более популярны в студенческой

¹⁰⁸⁸ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 471 об.

¹⁰⁸⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11474. Л. 12.

¹⁰⁹⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 100.

среде, чем «правые» преподаватели-лоялисты. Это видно даже из официальных бумаг. Так, начальник Казанского губернского жандармского управления доносил в Департамент полиции МВД (февраль 1908 г.) о впоследствии уволенном профессоре ИКУ Н.Н. Фирсове: «Во время ... лекции профессор Фирсов прочитал своей многолюдной аудитории какую-то бумагу, несомненно официального происхождения, в коей указывалось на тенденциозность его лекций, чтение этой бумаги он сопровождал язвительными замечаниями по адресу ее автора, вызывая в слушателях глумление автору бумаги и шумное одобрение профессору Фирсову»¹⁰⁹¹. Более того, по утверждениям, встречающимся в документах жандармерии, видно, что, порой, само занятие преподавателем левой политической позиции власти объясняли их желанием снискать студенческую популярность.

Студенческое движение глазами «правых»

Разумеется, было бы некорректным, освещая тему «Профессура и студенческое движение», не уделить внимания преподавателям с «правыми» взглядами, не поддерживавшим студенческие беспорядки. Частично к этому аспекту мы обращались выше, приводя суждения ряда профессоров ИКУ (1899 г.) о причинах и природе студенческого движения.

Если для одних преподавателей, как это видно из выше приведенных примеров, было важным не читать лекции в период студенческих забастовок, косвенно этим оказывая им поддержку, то для других, наоборот: проведение учебных занятий, очевидно, должно было продемонстрировать непринятие факта забастовки.

Бывший студент ИСПБУ С.Г. Струмилин оставил в воспоминаниях такую характеристику действий некоторых преподавателей во время студенческой забастовки 1899 г.: «Загоняя самых робких студентов в аудитории наиболее беспринципных лекторов, готовых читать свои лекции, профанирую науку, даже

¹⁰⁹¹ НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 26 об.

двум-трем заведомо безмозглым дежурным шпикам, начальство пыталось создать хотя бы иллюзию нормально функционирующих храмов науки»¹⁰⁹².

Когда уже упоминаемый профессор ИХУ И.М. Гиммель в январе 1914 г. назначил сдачу студентами отчетов по наблюдаемым ими больным на день начала забастовки, студенты просили его о переносе даты. На это профессор ответил, что он «не признает никаких забастовок и настоятельно требует выполнения указанного им распределения занятий»¹⁰⁹³. В итоге, в назначенный срок сдали работы и получили зачет только шесть студентов из шестнадцати. На студенческой сходке 28 января было принято решение «предложить этим шестерым студентам заявить профессору Гиммелю о том, что они отказываются от сданного зачета и будут держать таковой вновь», а в случае отказа профессора принять это – бойкотировать его лекции. Профессор Гиммель ожидаемо отклонил просьбу студентов¹⁰⁹⁴. Почти весь следующий месяц студенты отказывались посещать лекции Гиммеля.

«Правая» профессура в годы революции 1905–1907 гг. оставалась в меньшинстве и, хотя их точка зрения не находила поддержки в Советах, университетские процедуры позволяли «правым» зафиксировать и обнародовать свою позицию. Так, в 1905 г. ряд «правых» профессоров ИМУ выступил с коллективным особым мнением (подпись под ним поставили 27 человек¹⁰⁹⁵) несогласных с решением совета ИМУ, касавшегося отношения к студенческой забастовке. В обширном особом мнении, говоря еще о студенческой забастовке 1901 г., профессора заявляли: «Уже тогда свои желания студенты формулировали

¹⁰⁹² Струмилин С.Г. Из пережитого // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 33.

¹⁰⁹³ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 4434. Л. 7 об. В публицистике зафиксированы и такие подробности инцидента: «когда [...] профессор И.М. Гиммель [...] указав на вывешенный лист, предложил записываться для сдачи зачета, то И. Козловский (студент медицинского факультета – М.Г.) демонстративно сорвал со стены этот лист и порвал его на глазах профессора» (Староверов Б. Немецкое пленение Харьковского университета. Харьков, 1915. С. 2).

¹⁰⁹⁴ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 4434. Л. 10.

¹⁰⁹⁵ Р.Ф. Брандт, Н.Ф. Голубов, А.П. Губарев, Н.Ю. Зограф, Л.А. Кассо, И.Ф. Клейн, Л.К. Лахтин, Л. Лебедев, Э.Е. Лейст, Н.Н. Любавин, А.М. Макеев, Н.А. Митропольский, Е.А. Нефедьев, М.Н. Никифоров, К.М. Павлинов, А.П. Сабанев, А.Н. Сабанин, Д.Я. Самоквасов, Ф.И. Сеницын, В.Ф. Снегирев, С.И. Соболевский, П.Е. Соколовский, М.И. Соколов, Н.С. Суворов, И.Т. Тарасов, В.А. Тихомиров.

как “требования”; уже в то время они начали выступать в роли нерадивых политических борцов. [...] Правительство, равно как Совет университета усмотрели источник студенческих волнений в отсутствии правильно организованных форм академического общения; в эту сторону и направились мероприятия правительства и желания Совета; а тем временем студенты более и более укреплялись на занятой ими позиции, видя в мероприятиях Правительства и в желаниях Совета уступку своим требованиям и полагая даже, что они ведут за собой и выносят на своих плечах самих профессоров»¹⁰⁹⁶.

Наиболее цельно взгляд «правой» профессуры на студенческое движение в ходе судебного разбирательства (1909 г.) изложил бывший профессор ИСПБУ А.И. Соболевский¹⁰⁹⁷: «Некогда [...], помните, г.г. судьи, был у нас Министр Народного Просвещения Делянов, потом был другой Министр Боголепов. При них мы, профессора Университета, не имели автономии и все постоянно жаловались и роптали: нам тяжело; нас давит Министерство, нами управляют чиновники Канцелярии Министерства, и т.д. И, вот в 1905 году мы дождались автономии. Получилась ли у нас свобода? Что произошло с Университетом и с нами, преподавателями Университета? В 1905 году, г.г. судьи, у нас явились новые господа, не Министерство и его Канцелярия – люди образованные, а студенческие старосты»¹⁰⁹⁸.

Наибольшее раздражение А.И. Соболевского вызывали не студенты, а профессора и университетская администрация: «Относительно университетских властей я должен прямо сказать, что это были [...] покорнейшие рабы студенческих старост. Мы, профессора, также чувствовали постоянное давление этих старост. У них был серьезный инструмент, они могли объявить по своему усмотрению любому из нас бойкот»¹⁰⁹⁹.

А.И. Соболевский обращал внимание на наличествовавшую, по его мнению, разницу между университетами относительно вышеупомянутого аспекта:

¹⁰⁹⁶ APW. Z. 214. S. 336. k. 150.

¹⁰⁹⁷ А.И. Соболевский, служивший с 1882 по 1908 гг. в ИСПБУ, обвинялся в клевете в адрес руководства университета, был оправдан.

¹⁰⁹⁸ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 378.

¹⁰⁹⁹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 380.

«Петербургский университет по своим “властям” особенно близок к Университетам Казанскому и Московскому. В них солидарны профессорское большинство и студенческие организации. Они держатся на одной плоскости и в известных случаях, где нужно друг другу помогают. Что касается остальных университетов, то в них положение дел другое. В Харьковском, например, университетские власти очень левого направления, а студенчество выбрало в свой центральный орган большое число умеренных. Киев, Одесса, Варшава – Университеты черносотенные по своему профессорскому составу. В Томском и Юрьевском университетах, профессорское большинство колеблется, известный перевес получается то на умеренной стороне, то на неумеренной»¹¹⁰⁰.

Развивая тему особой левизны ИМУ, А.И. Соболевский привел программу улучшения академической жизни, принятую Советом в заседаниях 12 и 15 марта 1905 г. Программа предусматривала гарантии свободы личности студента, включая право свободно организоваться для целей просветительных, взаимной поддержки и товарищеского общения без обязательного руководства профессоров, а также уничтожения всякого рода ограничений при вступлении в университет, которые являлись средствами полицейского надзора.

А.И. Соболевский заключал: «Эти пожелания Совет Московского университета высказывает в то время, когда во всех высших учебных заведениях значительная часть студентов объединилась в крайние политическая организации, требующие демократической республики [...]. При таком настроении учащихся в высших учебных заведениях не представляют ли рекомендуемые Академическим союзом Мероприятия по меньшей мере непростительный оптимизм или непонятное заблуждение, чтобы не сказать больше».

А.И. Соболевский был убежден в том, что Высочайший указ 27 августа 1905 г., передавший ответственность за поддержание «правильного хода» учебной жизни в высших учебных заведениях советам, был большой ошибкой: «С изданием закона 27 Августа 1905 года во всех высших учебных заведениях совершенно уже прекращаются правильные учебные занятия и место их

¹¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 382.

заступают свободно разрешаемые на основании дарованной автономии общестуденческие сходки, которые происходят под дирижерством объединительных политических организаций студенчества»¹¹⁰¹.

То, как университеты воспользовались расширением автономии, крайне возмущало А.И. Соболевского: «Отделение союза в каждом учебном заведении прежде всего возвестили, что преподавать науку возможно только при полной политической и академической свободе. Этот клич, разумеется, сильно возбудил студентов, которые бросили учебные занятия и перешли к политической деятельности. Занятие студентов политическими организациями и политическими выступлениями Академический союз косвенно поощрял. Так, отделения Академического союза во всех учебных заведениях уничтожили всякий надзор и взыскания по отношению студентов, самовольно и незаконно упразднив инспекцию и дисциплинарный суд. Наблюдение за порядком поручено было самим студентам. Уничтожением формы, привлечением в учебные заведения в значительном количестве вольнослушателей и вольнослушательниц, Академический союз косвенно предоставил посещение высшего учебного заведения всякому желающему с улицы. Допущенный Академическим союзом беспроцентный прием евреев увеличил революционный элемент в высших учебных заведениях. Поощрение революционными студенческими организациями выразилось также в свободном допущении сходок, и при том даже с посторонними лицами, обращавшими студенческие сходки в митинги. Введением предметной системы Академический союз упразднил срочность пребывания студентов в высших учебных заведениях, которая уставами сих заведений определена не более 6-ти, 7-ми лет»¹¹⁰².

Фактически А.И. Соболевский утверждал, что профессура сама спровоцировала и поддерживала студенческие волнения, чтобы студенчество «вынесло автономно на своих плечах»¹¹⁰³.

¹¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 470 об. – 471.

¹¹⁰² ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 487 – 487 об.

¹¹⁰³ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 487 об., 488.

Говоря об оппозиции «левым» профессорам внутри университета, нельзя забывать о немногочисленной, но все же существовавшей доле «правой» молодежи. В ИМУ 17 января 1905 г. на стенах университета было вывешено следующее воззвание под заглавием «Постановление народной добровольной тайной охраны Царя и благоденствия отечества»: «Мы будем защищать коренные основы государственного строя и заявляем, что на произвол будем отвечать произволом, на тиранию – тиранией, на террор – террором. *Мы истребим весь изменнический предательский мир ученых* (курсив мой – М.Г.), если они не одумаются»¹¹⁰⁴.

Как видно из вышеприведенных примеров, взгляд профессоров на студенческое движение был, как правило, детерминирован политической позицией того или иного преподавателя: «левая» профессура часто солидаризировалась с движением, «правая» по отношению к нему была настроена категорически отрицательно. Но порой источники доносят примеры отстраненной от политической подоплеки позиции преподавателей, испытывавших искреннюю обиду от того, что они, того не желая, становились объектом студенческих выступлений. Так, профессор ИМУ И.И. Янжул, которого сложно отнести к правому лагерю, вспоминал: «Студенты, видимо, поднимали головы в своих требованиях и брали на себя права, им не принадлежащие, судить и рядить профессоров. [...] Мне, одному из любимых и уважаемых профессоров (несмотря на мою экзаменационную строгость), было тяжело и грустно оказаться без вины виноватым и проглотить ничем не заслуженную обиду, по капризу юношей, отчасти даже вовсе не моих учеников»¹¹⁰⁵.

Выводы по Главе 4

Анализ выше приведенных студенческо-профессорских конфликтов позволяет выявить такие проблемные зоны отечественного университета рассматриваемого периода, как:

¹¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 468.

¹¹⁰⁵ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1910. Т. 2. С. 77.

- разрыв между представлениями студентов и профессоров о правах и возможностях учащихся в университете;
- ограничения для легального проявления студенческой самоорганизации, де-факто имевшей место;
- политизация как студенчества, так и профессуры, вызывавшая острые идейные трения одних со вторыми.

В ходе студенческих волнений приходило понимание необходимости менять отношение к студенчеству как к «младшим», «опекаемым». На заседании Совета ИКУ 5 февраля 1905 г. профессор Г.Ф. Шершеневич говорил: «Надо же признать, что прошло, и безвозвратно, то время, когда администрация могла говорить: “Университет – это я”. Нет, Университет – это профессора и студенты, учащие и учащиеся. Только в их единении кроется жизненная сила Университета»¹¹⁰⁶. (В этих словах можно разглядеть пролог к усилению позиций студенчества в вузах, типичный для первых послереволюционных лет). На том же заседании, посвященном в основном обсуждению вопроса о возобновлении занятий в университете, приостановленных в конце января из-за студенческих беспорядков, профессор М.Я. Капустин говорил: «Остается одно – испытать средство еще не применявшееся – оказать студентам полное доверие, открыть все университетские двери, все залы и аудитории и предоставить студентам в течение 2–3 дней свободно совещаться без всякого участия инспекции или полиции, без всяких руководителей и просить их ответить большинством голосов, желают ли они ныне же возобновить учебные занятия. Возможно ли оказать студентам такое доверие, не опасаясь каких-либо грубых беспорядков и бесчинств? Я думаю, что можно»¹¹⁰⁷. С М.Я. Капустиным были солидарны профессор Д.А. Гольдгаммер¹¹⁰⁸, протоиерей А.В. Смирнов¹¹⁰⁹. После прений на голосование был поставлен вопрос: «Признает ли Совет необходимым ознакомиться со свободно выраженным мнением студентов по вопросу о возобновлении учебных занятий?».

¹¹⁰⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 151 об.

¹¹⁰⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 152 об.

¹¹⁰⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 154.

¹¹⁰⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 154 об. – 155.

Все члены Совета за исключением профессора В.Ф. Залеского, уклонившегося от голосования, высказались за это предложение¹¹¹⁰.

А.В. Антощенко, современный исследователь жизнедеятельности московского профессора П.Г. Виноградова, отмечает, что сотрудничество с университетской администрацией в деле «умиротворения» студенчества было чревато для профессоров опасностью утратить моральный авторитет в глазах студентов¹¹¹¹. Это, наверняка, было так, но вряд ли только такими опасениями объясняется то, что преобладавшая часть профессорско-преподавательского корпуса начала XX в. была настроена достаточно лояльно по отношению к студенческому движению. Думается, что основная причина этого состояла в том, что многие профессора чувствовали справедливость требований студентов и воспринимали их как фактор решения университетского вопроса.

В рассматриваемый период отношения между профессурой и студенчеством усложнялись, чему не в малой степени способствовали факторы, как широко развернувшегося студенческого движения, так и профессорской активности в борьбе за автономию. Патерналистская модель отношений между учащими и учащимися, устоявшаяся в XVIII – первой половине XIX в., и предполагавшая безусловно подчиненную позицию студента, претерпевала изменения, а естественные для всех времен межпоколенческие противоречия накладывались на бурление общественной жизни начала века. Правительство же со своей стороны, пытаясь вернуть университетскую жизнь в «нормальное русло», действовало, скорее, неэффективно, продолжая проводить преимущественно охранительную политику, которая часто лишь озлобляла студентов и укрепляла скептицизм значительной части преподавателей в отношении властей. Новые времена требовали новых решений, которые в России будут искаться лишь в контексте революционных преобразований.

¹¹¹⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101. Л. 157 об.

¹¹¹¹ Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С. 242.

Глава 5. Профессора и преподаватели в социокультурном пространстве университетского города

Университет как порождение городской культуры всегда был тесно связан с городскими институтами и городскими сообществами, а наличие университета и профессорской корпорации, в свою очередь, накладывало серьезный отпечаток на жизнедеятельность города.

В последнее десятилетие этот аспект университетской истории начал активно изучаться, на что уже было обращено внимание в методологическом разделе. Теоретическую разработку различных связей между университетом и городом на материале середины XVIII – середины XIX в. к настоящему времени выполнил С.И. Посохов, который рассмотрел интересующий нас вопрос через механизмы саморепрезентации университета, взаимоотношения университета с местным обществом и через участие университета в формировании нового облика города¹¹¹². Учитывая, что перед настоящим исследованием стоит задача выявления места профессоров и преподавателей (а не университета в целом) в социокультурном пространстве университетского города, мы расставим акценты несколько иначе.

В Российской империи все университетские города либо имели столичный статус, либо являлись губернскими центрами; исключение представлял только Дерпт (с 1893 г. – Юрьев), который являлся уездным городом Лифляндской губернии. При этом заметим, что влияние университета и университетского сообщества на городскую среду было особенно заметным в именно Дерпте, Томске, Казани, Саратове, то есть – в относительно небольших городах, где университетский компонент был концентрирован, не размывался многочисленными не-университетскими элементами столиц и больших городов империи – Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Киева¹¹¹³. По

¹¹¹² Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) Харьков, 2014. 364 с.

¹¹¹³ Численность университетских городов России в начале XX в. (в порядке убывания): Санкт-Петербург – свыше 1 400 тыс., Москва – 1 100 тыс., Варшава – около 700 тыс., Киев –

воспоминаниям В.Д. Зёрнова, ему, молодому профессору, только что прибывшему в Саратов, ректор ИНСУ В.И. Разумовский «много и хорошо говорил об особенностях работы профессора в провинции, где профессор, как он выразился, стоит на “горке”, у всех на виду»¹¹¹⁴. На это обстоятельство обращает внимание и А.Н. Дмитриев, отмечая, что в отличие от Петербурга, в других российских университетских городах профессора играли весьма заметную роль, как в местной общественной жизни, так и в городских властных учреждениях¹¹¹⁵.

Важно подчеркнуть, что если по уставу 1804 г. университеты выполняли роль центра всего учебного округа (в составе нескольких губерний), а профессора должны были объезжать курируемые учебные заведения, то следующими уставами (1835, 1863, 1884 гг.) эта обязанность не предусматривалась. По замечанию Е.А. Вишленковой, такие перемены замкнули жизнь университетской профессуры в пределах города, «получившего на ментальной карте империи статус “университетского”»¹¹¹⁶. Именно город и горожане стали объектом приложения усилий университетского сообщества, которые (усилия) к концу XIX в. приобрели ряд устойчивых форм. Помимо узко профессиональной деятельности, связь университетской общественности с городом, на наш взгляд, осуществлялась через:

- предоставление городу и горожанам услуг (экспертных, образовательных, юридических, медицинских);
- общественно-полезную деятельность (консультативную, просветительскую, благотворительную);
- участие в местном самоуправлении.

500 тыс., Одесса – 450 тыс., Харьков – около 200 тыс., Казань – 150 тыс., Томск – 60 тыс., Юрьев – 45 тыс. человек.

¹¹¹⁴ Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 157.

¹¹¹⁵ Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX в.) / под. ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 112.

¹¹¹⁶ Вишленкова Е.А. Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 28.

5.1. Участие профессоров и преподавателей в рынке городских услуг

Предоставление услуг от лица университетов

Дадим характеристику того, как профессора и преподаватели оказывали профессиональные услуги, действуя не как частные лица, а как университетские служащие.

Экспертная деятельность

Университетские профессора и приват-доценты были весьма широко востребованы другими городскими учреждениями как эксперты в той или иной области.

Отметим, что к этой стороне деятельности преподавателей в нескольких выступлениях на научных форумах в последние годы обращалась Е.А. Вишленкова¹¹¹⁷.

Широкую палитру самых разнообразных обстоятельств привлечения университетской профессуры в качестве экспертов рисуют, например, материалы архивного дела, хранящегося в АРВ и озаглавленного «Переписка с разными властями по делам судебно-медицинских исследований доставления в Университет судебно-медицинского материала». Содержание документов этого дела оказывается гораздо шире названия. По ним можно составить достаточно полное представление о том, от кого в начале XX в. в ИВУ поступали запросы на проведение экспертиз силами профессоров, и о том, какого рода экспертиза была востребована. По материалам дела видно, что чаще всего запросы поступали от следственных и судебных ведомств; на втором месте оказывались те или иные гражданские органы власти; на третьем – частные предприятия.

Запросы на проведение судебно-медицинской экспертизы поступали именно от следственных и судебных ведомств. Например, в 1901 г. председатель

¹¹¹⁷ Вишленкова Е.А. Экспертная функция Петербургского университета в первой половине XIX века // Международная научно-практическая конференция «Санкт-Петербург для образования и реформ: образование и мировые города». Санкт-Петербург, 21–22 марта 2014; Вишленкова Е.А. История научной экспертизы в российских университетах // Международная научная конференция «Университеты в меняющемся мире». Ростов-на-Дону, 12–15 октября 2015.

уголовного департамента Варшавской судебной палаты просил ректора профессора Г.К. Ульянова определить специалиста для проведения химико-микроскопической экспертизы «остатков внутренностей» жертвы преступления. В 1902 г. главный следователь окружного суда Варшавы направил в университет «четыре банки с внутренностями и зародышем Эстеры Явербаум [...] для исследования на предмет обнаружения сулемы¹¹¹⁸». В том же году товарищ председателя Варшавского окружного суда обращался к ректору Г.К. Ульянову: «Имея в виду то, что химическое исследование, произведенное на предварительном следствии, не дало достаточного материала вызванному эксперту профессору Григорьеву высказаться на судебном следствии относительно того, содержится ли во внутренностях покойного [...] весомое или невесомое количество стрихнина, что позволило бы заключить эксперту, отравлен ли или не отравлен покойный, окружной суд [...] просит Ваше Превосходительство сделать распоряжение о производстве анализа». В 1911 г. Съезд мировых судей г. Варшавы просил найти специалиста по глазным болезням для вызова его в судебное заседание в качестве эксперта. В том же году поступил запрос на специалистов, которые могли бы провести судебно-медицинскую экспертизу в делах об умышленном членовредительстве с целью уклонения от воинской обязанности. В 1911 г. председатель уголовного департамента Варшавской судебной палаты просил ректора ИВУ назвать специалиста, который мог бы быть вызван в судебное заседание в качестве эксперта по делу об отравлении. В ответном послании ректор назвал ординарного профессора И.Ф. Пожариского. Аналогичный запрос был сделан и в 1913 г. В 1912 г. председатель 3-го уголовного департамента Варшавской судебной палаты искал профессора-психиатра в качестве эксперта в судебное заседание. В марте 1913 г. от прокурора Варшавской судебной палаты ректору ИВУ профессору И.Н. Трепицыну поступило секретное отношение, содержащее вопрос: «кто из лиц принадлежащих к преподавательскому персоналу Императорского Варшавского университета может быть вызван в заседание Варшавской Судебной

¹¹¹⁸ Сулема – хлорид ртути, соединение, являющееся сильным ядом.

Палаты по делу о графе Роникере, обвиняемом в убийстве, в качестве экспертов: а) по вопросам судебно-медицинским, для определения характера смертельных повреждений, нанесенных убитому, орудия их причинения, положения убитого во время их нанесения и времени необходимого для совершения убийства; б) для производства химико-биологического исследования пятен на пелерине¹¹¹⁹ и фуражке убитого на предмет определения, не заключают ли таковые в себе следов крови». Получив запрос, ректор отписал экстраординарному профессору В.А. Таранухину: «Имею честь просить Ваше Высочество сообщить [...], согласны ли Вы быть вызванным в качестве эксперта по делу о графе Роникере», на что тот дал свое согласие.

Как видно из материалов архивного дела, помощь в расследовании тяжких преступлений могли оказывать не только медики. Так, в 1911 г. судебный следователь окружного суда писал в обращении к ректору ИВУ: «препровождая при сем три куска металла, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о производстве экспертизы для выяснения вопроса: одинакового ли состава кусок металла, обнаруженный у трупа убитого Адама Кедоса, с двумя кусками металла, обнаруженными при обыске у Степана Лыцбинского»¹¹²⁰.

Неоднократно различные ведомства обращались в ИВУ с целью проверки качества воды. В 1901 г. губернское правление просило провести химико-микроскопическое исследование жидкостей из водоемов, в которые попадали стоки полотняной и хлопчатонабивной фабрик, с целью определения вредности воды для здоровья. В апреле 1909 г. профессор по кафедре гигиены и медицинской полиции Н.Н. Брусаянин произвел анализ воды, взятой из артезианской скважины на станции Варшава-Брестская¹¹²¹ на предмет пригодности воды для питья. Заключение профессор Н.Н. Брусаянин сделал следующее: «такая вода при ежедневном употреблении в количестве около

¹¹¹⁹ Пелерина – короткий плащ или накидка с капюшоном.

¹¹²⁰ APW. Z. 214. S. 119. k. 1, 17, 20, 44, 46, 52, 53, 56, 65, 78, 80, 81.

¹¹²¹ Станция Варшава-Брестская – прежнее название станции Варшава-Восточная (Warszawa Wschodnia) в черте города.

3 литров (количество воды, которое человек ежед[невно] принимает с пищей и питьем) будет вызывать расстройство деятельности желудка и кишок. Таким образом, данная вода не может быть допущена ни в качестве питьевой воды, ни для приготовления пищи». В 1910 г. сенатор, «ревизующий по Высочайшему повелению учреждения Привислинского края» направил в университет 8 бутылок, содержащих пробы воды из притока Вислы, из притока Варты, из фабричных стоков, и просил проверить влияние воды на здоровье человека, на здоровье скота, на произрастание трав и злаков, на резиновые рукава пожарных насосов¹¹²².

Часто возникала потребность проверки качества не только воды, но и различных продуктов или товаров. В 1901 г. председатель уголовного департамента Варшавской судебной палаты запрашивал университетские власти, кто из сотрудников «может быть допрошен в качестве эксперта по делу о Ицке Броде, обвиненном в нарушении Акц[изного] Уст[ава], для определения качества выделанного подсудимым из политуры спирта». В 1909 г. требовался специалист для установления химического состава цемента завода «Гродзец». В 1911 г. мировой судья 5-го участка Варшавы просил ректора проверить в химической лаборатории конфеты, пряники и шоколад, изъятые у одного из производителей. В 1913 г. предприятие, возводившее гродненскую крепость (в г. Гродна, ныне – Гродно), прислало на проверку в университет нефть, бензин и солидол. Запрос на экспертизу ректором был переправлен профессору Н.Н. Брусянину¹¹²³.

Правление Варшавского округа путей сообщения в 1911 г. искало в ИВУ «эксперта-ботаника по рассмотрению дела Округа о праве собственности на намывы в русле р. Вислы у деревни Гаце Слупецкие»¹¹²⁴. Обращались в университет и издалека. Так, 1912 г. Пермская губернская управа обращалась к ректору ИВУ с просьбой подыскать из числа профессоров специалистов, которые могли бы провести исследование мест с залежами известняков и глин для выяснения их пригодности для производства цемента¹¹²⁵.

¹¹²² APW. Z. 214. S. 119. k. 5, 30 – 30 ob., 41 – 41 ob.

¹¹²³ APW. Z. 214. S. 119. k. 13, 32, 54, 83, 90.

¹¹²⁴ APW. Z. 214. S. 119. k. 51.

¹¹²⁵ APW. Z. 214. S. 119. k. 64.

Востребованы были в том числе языковые компетенции университетских преподавателей. В 1910 г. ректор просил попечителя разрешить командировать и.д. доцента А.М. Евлахова в камеру Следствия «в качестве переводчика с испанского языка имеющихся у г. следователя по военно-следственному делу писем». В 1912 г. председатель уголовного департамента Варшавской судебной палаты просил ректора направить специалиста, владевшего английским языком в судебное заседание по делу лиц, обвинявшийся по 2-й части 102-й статьи уголовного уложения. В 1915 г. судебный следователь Варшавского окружного суда искал специалиста, владевшего эстонским языком. Ректор спрашивал у профессора Э.Г. Розенталя, можно ли указать на него как на соответствующего специалиста. В 1915 г. по запросу председателя суда XXVII армейского корпуса на судебное заседание командировался лектор Эрдман как владевший немецким языком¹¹²⁶.

Все вышеперечисленные экспертизы университет был готов произвести на возмездной основе. Например, за уже упомянутый проведенный анализ химического состава цемента заводом «Гродзец» было уплачено ИВУ 94 руб. 50 копеек¹¹²⁷.

Вместе с тем заметим, что из материалов дела видно, что поиск университетских экспертов иногда затягивался, а порой не увенчивался успехом. Так, судя по переписке между университетскими властями и мировым судьей г. Ново-Минск¹¹²⁸ Варшавской губернии, который искал специалистов, способных провести судебно-медицинскую экспертизу в делах об умышленном членовредительстве, первоначально ИВУ в качестве экспертов назвал профессоров-хирургов М.М. Кузнецова, С.Н. Ящинского и М.Г. Черняховского. Но М.М. Кузнецов уведомил судью, что «по многочисленности занятий он положительно лишен возможности приехать для экспертизы в Ново-Минск». «Опасаясь получения такого же отказа и от других профессоров – писал мировой

¹¹²⁶ APW. Z. 214. S. 119. k. 42, 60, 96, 98.

¹¹²⁷ APW. Z. 214. S. 119. k. 35.

¹¹²⁸ Ново-Минск (ныне Mińsk Mazowiecki) – уездный город, расположенный в 35 км от Варшавы.

судья – и крайне нуждаясь вследствие сложности и трудной исследуемости причиняемых себе призывными повреждениями в мнении авторитетного эксперта, покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать выяснить путем сношений с указанными Вами лицами, когда кто-либо из них 20, 21, 22, 23, 28, 29 или 30 декабря найдет возможным приехать в Ново-Минск». Суд был готов назначить слушание дел в день, избранный профессором-экспертом. 23 марта 1913 г. председатель 2-го уголовного департамента Варшавской судебной палаты просил ректора ИВУ назвать специалиста, который мог бы быть вызван в судебное заседание в качестве эксперта по делу об отравлении. 1 апреля он повторно писал ректору: «Не получив по сие время сведений, запрошенных 23 марта сего года, имею честь просить Ваше Превосходительство ускорить сообщение таковых»¹¹²⁹. А еще в апреле 1897 г. варшавский обер-полицмейстер обратился к ректору ИВУ с просьбой о разрешении проведения судебно-медицинских освидетельствований в клиниках университета («сосредоточение подобных освидетельствований в университетской клинике, где имеются необходимые научные пособия и общее руководство профессора судебной медицины, обеспечивая за судебными медицинскими актами вообще необходимую научную компетенцию, является потому желательным в интересах самого правосудия»)¹¹³⁰. Однако в самих университетских клиниках в тот период не было судебно-медицинского отделения, и медицинский факультет, поддержав предложение обер-полицмейстера, мог лишь настаивать на ходатайстве об открытии в ИВУ соответствующих клиники или отделения¹¹³¹.

Роль профессоров в качестве экспертов заметно возросла годы Первой мировой войны (этому вопросу посвящена специальная литература¹¹³²).

¹¹²⁹ APW. Z. 214. S. 119. k. 56 – 56 ob., 78, 79.

¹¹³⁰ APW. Z. 214. S. 177. k. 1 – 1 ob.

¹¹³¹ APW. Z. 214. S. 177. k. 5 – 5 ob.

¹¹³² Ростовцев Е.А. Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации? (Преподавательское сообщество Петроградского университета в годы Первой мировой войны) // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб, 2007. С. 191–194; Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. 504 с.; Зарипова Э.А., Утеева Э.Н., Хазиахметова В.С. Социальная

Так, в Юрьеве с 1915 г. университетские преподаватели привлекались к исследованию последствий применения ядовитых газов и к поиску возможного противоядия¹¹³³. В 1917 г. профессора ИЮУ приглашались войти в состав санитарно-технических советов, которые организовывались при окружных военно-санитарных инспекторах, для помощи в разработке санитарных мероприятий¹¹³⁴.

Казанские профессора Д.А. Гольдгаммер, А.Я. Богородицкий выступили организаторами и активными участниками Казанского военно-промышленного комитета. А.Я. Богородицкий являлся председателем химической секции, которая вела работу по направлению борьбы с удушливыми газами, применение которых распространилось в период войны¹¹³⁵. И.д. профессора А.А. Добиаш и приват-доцент Н.В. Култашев были избраны в качестве представителей Пермского отделения ИПГУ в Пермский Военно-промышленный комитет¹¹³⁶. В сложный февральско-октябрьский период 1917 г. Военно-промышленные комитеты пытались выполнять функции «общественного коллектива с объединяющей, контролирующей и руководящей ролью в общественном строительстве на местах, оставляя главной своей задачей наибольшее интенсирование работы на оборону мобилизованной промышленности, а также подготовку к демобилизации последней»¹¹³⁷.

Помимо оказания экспертных услуг силами преподавателей, университет мог предоставить свои мощности по производству медикаментов и медицинского

миссия медицинского факультета Казанского университета в годы Первой Мировой войны // Гасырлар авазы. 2017. № 1–2. С. 74–87; Колчинский Э.И. Первая мировая война и мобилизация науки // Политическая концептология. 2016. № 4. С. 124–142.

¹¹³³ Маурер Т. Сосуществование и сотрудничество: Полиэтнический Юрьевский университет во время Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. М., 2014. С. 433.

¹¹³⁴ ЕАА. 402. N. 1. S. 3528. L. 38.

¹¹³⁵ Бушуева Л.А. «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца XIX – начала XX в. // История России: актуальные проблемы сборник статей. Казань, 2014. С. 54.

¹¹³⁶ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 62. Л. 23.

¹¹³⁷ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 62. Л. 22 об.

сырья. Л.А. Бушуева отмечает, что в ИКУ по распоряжению МНП было организовано производство медикаментов для нужд армии. Работу по производству организовывала комиссия под председательством ректора профессора Г.Ф. Дормидонтова; в комиссию также входили профессора физико-математического факультета Ф.М. Флавицкий, А.Н. Остряков, А.Е. Арбузов, А.Я. Богородицкий¹¹³⁸. В 1915 г. велась переписка между ИВУ и заведующим медицинской частью при Главно-Уполномоченном Российского общества Красного креста при армиях Северо-Западного фронта о регулярном изготовлении перекиси водорода в лаборатории при кафедре неорганической химии ИВУ¹¹³⁹.

Наконец, университеты, разумеется, могли предоставлять образовательные услуги. Упомянем в этой связи характерную для 1917 г. практику создания при университетах (ИУСВВ¹¹⁴⁰, ПУ¹¹⁴¹) курсов для подготовки организаторов выборов в Учредительное Собрание.

Частная практика профессоров и преподавателей

Желая предоставить обществу профессиональные услуги, университетские преподаватели могли действовать и как частные лица.

Предоставление юридических услуг

Возможности предоставления основных юридических услуг, связанных с адвокатурой или нотариатом, были ограничены для преподавателей университетов.

В соответствии с «Учреждением судебных установлений Российской империи» от 20 ноября 1864 г. присяжными поверенными – адвокатами в судебном процессе – не могли быть лица «состоящие на службе от Правительства», за исключением лиц, занимавших почетные или общественные

¹¹³⁸ Бушуева Л.А. «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца XIX – начала XX в. // История России: актуальные проблемы сборник статей. Казань, 2014. С. 54.

¹¹³⁹ АРВ. Z. 214. S. 119. k. 115 – 116 об.

¹¹⁴⁰ ГАК. Ф. 16. Оп. 469. Д. 237.

¹¹⁴¹ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 4. Л. 38 – 38 об.

должности без жалования¹¹⁴². Известно, что еще при разработке судебных установлений звучало предложение изъять должность профессора юридического факультета из числа тех, занятие которой не совместимо с адвокатской деятельностью, полагая, что участие таких лиц в корпорации присяжных поверенных служило бы к обоюдной выгоде этого института и самой профессуры. Однако, Государственный совет не согласился с этим предположением.

Повторно аналогичный вопрос поднимался в ходе процесса пересмотра судебных установлений, в 1894 г. Тогда специальная комиссия обсуждала проект, согласно которому профессора и преподаватели юридических дисциплин в высших учебных заведениях могли заниматься адвокатурой с разрешения начальства. Но и на этот раз предложение не было принято.

В результате, профессора-юристы могли оказывать лишь консультационные услуги как частные лица.

С другой стороны, компетенции университетских преподавателей-юристов были востребованы в системе мирового суда. Так, участковым мировым судьей в Томске был, начиная с 1904 г. И.В. Михайловский, который совмещал эту деятельность с должностью приват-доцента ИТУ. Существовала довольно распространенная практика приглашения профессоров, причем не только юристов, почетными мировыми судьями (не получавшими жалования, но замещавшими при необходимости участкового мирового судью). В ИТУ эту позицию в разные годы занимали профессора П.В. Буржинский, Н.Ф. Кащенко, В.В. Сапожников, М.Н. Попов, Н.Н. Розин. Вместе с тем, не столь редки были случаи отказа от предложения стать почетным мировым судьей, что, как правило, мотивировалось чрезвычайной занятостью. Так, в том же университете соответствующим образом поступили профессора И.Н. Грамматикати, Ф.К. Крюгер, А.Ф. Смирнов, А.И. Судаков¹¹⁴³.

¹¹⁴² Судебные уставы. 20 ноября 1864 года. [СПб, 1864]. С. 49.

¹¹⁴³ Крестьянников Е.А. Профессора Императорского Томского университета на службе юстиции // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 139, 141.

Предоставление медицинских услуг

В соответствии с Уставом Врачебным (1857 г., редакции 1892 г. и 1905 г.), содержащем главу V «О врачах вольнопрактикующих», право на занятие медицинской практикой университетские преподаватели получали по факту окончания ими высшего медицинского учебного заведения, в том числе медицинского факультета одного из университетов¹¹⁴⁴. Судя по имеющимся источникам, среди врачей, и вообще лиц, имевших отношение к медицине, конкуренция за клиентов была весьма высока. По данным В.И. Гребенщикова (статистик Медицинского департамента МВД), в 1890 г. частную практику имела примерно половина российских врачей – 6 106 из 12 274¹¹⁴⁵.

Представления о частной практике университетских преподавателей можно составить по дореволюционным городским справочникам и путеводителям.

Например, в 1910 г. в Казани частную практику имели профессора А.Г. Агабабов (глазные болезни), П.М. Аргутинский-Долгоруков (детские болезни), В.Ф. Бургсдорф (венерические и кожные болезни), Н.Ф. Высоцкий (ушные, глазные болезни), Н.А. Геркен (заболевания носа, горла), Л.О. Даркшевич (нервные болезни), Н.А. Засецкий (внутренние болезни), М.Ф. Кандаратский (хирургические болезни), В.Ф. Орловский (внутренние болезни), В.П. Осипов (душевные и нервные болезни), И.А. Праксин (хирургические болезни), И.Г. Савченко (внутренние болезни). Итого – 12 человек. Учитывая, что в этом году всего на медицинском факультете ИКУ состояло 25 профессоров, можно делать вывод о том, что почти практиковала половина из них. Помимо этого, частную практику имели 14 приват-доцентов-медиков ИНУ: В.Л. Боголюбов (венерические и кожные болезни), В.В. Владимиров (акушерство и женские болезни), А.Г. Геберг (хирургические болезни), И.М. Гиммель (венерические и кожные болезни), К.А. Грачев (внутренние болезни), И.Е. Егоров (глазные болезни), А.И. Захарьевский (акушерство и женские болезни), Н.В. Копылов (хирургические болезни),

¹¹⁴⁴ Свод законов Российской империи. Книга пятая. Т. XIII–XIV. СПб, 1910. С. 203.

¹¹⁴⁵ Гребенщиков В.И. Опыт разработки результатов регистрации врачей России. СПб, 1891. С. 20.

В.И. Левчаткин (душевные и нервные болезни), А.А. Мелких (внутренние болезни), В.К. Меньшиков (детские болезни), И.И. Троицкий (внутренние болезни), В.В. Чирковский (глазные болезни), А.В. Фаворский (нервные болезни)¹¹⁴⁶.

Частной практикой занималась значительная часть профессоров медицинского факультета ИТУ, принимая пациентов на дому в соответствии со своей специализацией: Н.И. Березнеговский (хирургия, болезни уха, горла и носа), И.Н. Грамматикати (акушерство и женские болезни), И.И. Александрович-Дочевский (внутренние болезни), М.Г. Курлов (внутренние болезни), И.М. Левашев (внутренние болезни и болезни горла и носа), А.А. Линдстрем (венерические болезни), С.В. Лобанов (глазные болезни), В.А. Муратов (нервные и душевные болезни), В.М. Мыш (хирургические болезни), С.М. Тимашев (детские болезни), П.И. Тихов (хирургические и ушные болезни)¹¹⁴⁷.

Порой университетские преподаватели выступали не только как практикующие врачи, но и как организаторы здравоохранения. Так, приват-доцентом ИХУ доктором медицины Б.С. Грейденбергом в 1904 г. в Харькове была открыта частная психиатрическая лечебница¹¹⁴⁸.

При этом, можно утверждать, что университетские профессора-медики относились к элитной категории врачей, чьи услуги преимущественно были доступны лишь верхним слоям общества.

В воспоминаниях Д.А. Засосова и В.И. Пызина, посвященных повседневной жизни Петербурга на рубеже XIX–XX вв., фигурирует военный фельдшер, «с утра до вечера принимавший больных», говоривший, что «основное в медицине практика, а не теоретические знания, за которые профессора “зря дерут с больных большие деньги”»¹¹⁴⁹. Более того, в профессиональной среде конца XIX в.

¹¹⁴⁶ Вся Казань. Справочная книга на 1910 год. Казань, 1910. С. 4–9.

¹¹⁴⁷ Город Томск. Томск, 1912 г. Справочный отдел. С. 42–44.

¹¹⁴⁸ См.: Устав частной психиатрической лечебницы, учрежденной приват-доцентом Императорского Харьковского Университета доктором медицины Б. Грейденбергом в г. Харькове. Харьков, 1904. 8 с.

¹¹⁴⁹ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л., 1991. С. 63.

сложился типаж, «элитного доктора»-стяжателя, олицетворением которого долгое время оставался профессор ИМУ Г.А. Захарьин¹¹⁵⁰.

Важно отметить, что в начале XX в. частная врачебная практика стала предметом рефлексии самого медицинского сообщества. В 1904 г. съезд Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова инициировал опрос профессорско-преподавательского состава медицинских вузов и медицинских факультетов университетов с целью выяснения их отношения к этой деятельности. Результаты проделанной работы нашли отражение в книге «Отзывы по вопросу о частной врачебной практике гг. профессоров и преподавателей медицинских факультетов Университетов, Военно-медицинской академии и Женского Медицинского Института» (М., 1906). Проанализировав сформулированные мнения, Е.М. Смирнова выявила три позиции, имевшие место в профессорско-медицинской среде. Первая: признание за врачом права распоряжаться своими знаниями и своим временем, и, следовательно, сохранение неограниченной частной практики как источника дополнительного заработка и возможности получения ценного в научном отношении клинического материала (например, Н.Ф. Голубов, профессор ИМУ). Вторая: осуждение частной практики как занятия ничего общего с наукой и преподаванием не имевшего и лишь дискредитировавшего врачебную профессию (например, Н.Г. Ушинский, профессор ИВУ). Третья: за уничтожение гонорара, за ограничение практики при допущении консультирования и небольшого домашнего приема (например, Н.М. Попов, профессор ИНУ). Эту позицию разделяло большинство опрошенных¹¹⁵¹.

¹¹⁵⁰ См.: Тополянский В.Д. Доктор Захарьин: легенды и реальность. М., 2009. 672 с. Впрочем, о справедливости такого реноме Г.А. Захарьина однозначного говорить невозможно, поскольку он был известен и крупными благотворительными инициативами. См. Горбунова Е.Ю. Благотворители и меценаты в истории Московского университета. М., 2010. С. 297.

¹¹⁵¹ Смирнова Е.М. Частная врачебная практика в России (XVIII – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2014. № 3 (41). С. 56–57.

Предоставление образовательных услуг

Если предоставление юридических и медицинских услуг было предопределено специальностью профессора и потому было актуально для преподавателей только двух соответствующих факультетов, то образовательные услуги могли предоставлять профессора, лекторы и приват-доценты самых разных специальностей.

Хорошо известно, что университетские профессора преподавали на высших женских курсах, которые существовали в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Казани и Томске – как видим – именно в университетских городах. Известно о не увенчавшихся успехом попытках открыть в 1880-х гг. женские учебные заведения в Харькове и Варшаве. В Варшаве курсы все-таки будут открыты, но только в 1909 г. В большинстве же вышеперечисленных городов курсы открывались при непосредственном участии университетских преподавателей в 1870-х гг., но были закрыты по политическим мотивам во второй половине 1880-х гг. В 1890–1900-х гг. деятельность курсов возродилась.

Чем было для университетских преподавателей участие в работе Высших женских курсов? Очевидно, что в их деятельности можно обнаружить просветительские мотивы, связанные с возможностью реализовать свои педагогические идеи в стенах негосударственного учебного заведения. Т. Маурер указывает на моральную составляющую участия университетских профессоров в работе ВЖК¹¹⁵². Однако, учитывая получаемое жалование, отнесем преподавание университетских профессоров на женских курсах к числу коммерческих инициатив¹¹⁵³.

Самые известные в Российской империи высшие женские курсы – Бестужевские – действовали в Санкт-Петербурге. Среди инициаторов и

¹¹⁵² Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Boehalau Verlag; Koeln; Weimar; Wien, 1998. S. 3.

¹¹⁵³ Этой теме был посвящен доклад Я.Б. Рудневой «Высшие женские курсы в Российской империи (1872–1889): Благотворительность или коммерческий проект?», представленный на конференции «Seeing like a state? Образование в России в прошлом и настоящем: Новые подходы и сравнительные исследования (XVIII–XXI вв.)» (Берлин, 2017 г.), материалы которой еще не опубликованы.

руководителей курсов были профессор столичного университета К.Н. Бестужев-Рюмин, профессор и бывший ректор А.Н. Бекетов. В числе преподавателей курсов, имевших прямое отношение к университету, отметим лингвиста И.А. Бодуэна де Куртене, химика и известного композитора А.П. Бородина, историка литературы С.А. Венгерова, историка О.А. Добиащ-Рождественскую, филолога Ф.Ф. Зелинского, химика Д.И. Менделеева, литературоведа Д.Н. Овсяннико-Куликовского, историка С.Ф. Платонова, медика И.М. Сеченова и др.¹¹⁵⁴

История Московских высших женских курсов, в первую очередь, связана с именем профессора В.И. Герье¹¹⁵⁵, руководившего ими в 1872–1888 гг., и после возобновления работы курсов – в 1900–1905 гг. Преподавали на курсах профессора ИМУ Ф.А. Бредихин, Ф.И. Буслаев, Н.Г. Виноградов, В.И. Герье, И.Ф. Клейн, В.О. Ключевский, В.Ф. Миллер, А.Г. Столетов, Н.И. Стороженко, Н.С. Тихонравов, А.Н. Шварц, А.И. Чупров¹¹⁵⁶.

На Киевских курсах на историко-филологическом отделении преподавали историки П.Н. Ардашев, Н.М. Бубнов, П.В. Голубовский, И.В. Лучицкий, филологи Ю.А. Кулаковский, И.Э. Лециус, В.Н. Малинин, Т.Д. Флоринский; на физико-математическом отделении – Б.Я. Букреев, П.В. Воронеж, Д.А. Граве, Р.Ф. Фогель, М.Ф. Хандриков; на юридическом отделении – Н.М. Цитович, М.Н. Ясинский, Г.В. Демченко и др. Всего порядка 100 профессоров и преподавателей ИУСвВ на рубеже XIX–XX вв. вели преподавание на Киевских

¹¹⁵⁴ См. подробнее: Вахромеева О.Б. Университет – колыбель женского высшего образования (к 120-летию со дня основания Бестужевских курсов и 275-летию университета) // Санкт-Петербургский университет. 1998. № 7. С. 14–17; Вахромеева О.Б. Бестужевские курсы и русское общество (из истории общества для доставления средств высшим женским курсам, 1878–1918 гг.) // Памяти Ю.Д. Марголиса (письма, документы, научные работы, воспоминания). СПб, 2000. С. 690–710; Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета. Высшие женские (бестужевские) курсы 1878–1981 гг.: Исследования и материалы. СПб, 2003. 253 с.

¹¹⁵⁵ См. подробнее: Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2008. 256 с.

¹¹⁵⁶ Борташевич И.В. Московские Высшие женские курсы и комиссия князя М.С. Волконского // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 105.

высших женских курсах, а их руководителем был профессор физико-математического факультета П.Я. Армашевский¹¹⁵⁷.

Среди тех, кто внес большой вклад в организацию женских курсов в Одессе, нужно назвать профессоров ИНУ Н.Н. Ланге и Е.Н. Щепкина¹¹⁵⁸.

В Казани в деле организации высших женских курсов ключевую роль играл профессор ИКУ Н.А. Фирсов¹¹⁵⁹.

Среди профессоров ИТУ преподавательской деятельностью на Сибирских высших женских курсах занимались М.И. Боголепов, Б.П. Вейнберг, Г.Э. Иоганзен, Н.Ф. Кащенко, И.А. Малиновский, Л.М. Мариупольский, И.В. Михайловский, М.Д. Рузский, В.В. Сапожников, М.Н. Соболев¹¹⁶⁰.

Варшавские высшие женские курсы были созданы по инициативе профессоров и преподавателей ИВУ. Директором курсов был профессор Ф.Ф. Зигель, руководителями историко-филологического, физико-математического и юридического факультетов выступали соответственно профессора А.В. Михайлов, В.В. Курилов, П.В. Верховский¹¹⁶¹.

Профессор всеобщей истории ИЮУ А.Н. Ясинский организовал Высшие историко-филологические курсы для женщин (действовали в 1908–1915 гг.).

Профессор хирургии ИЮУ М.И. Ростовцев при поддержке доцентов А.Д. Богоявленского и Б.Л. Хруневицкого в 1908 г. организовал в Юрьеве частный университет, в котором могли обучаться и мужчины и женщины. Это учреждение было ориентировано на подготовку врачей и учителей средней школы для прибалтийского региона¹¹⁶².

¹¹⁵⁷ Кобченко К. «Жіночий університет Святої Ольги»: Історія київських вищих жіночих курсів. Київ, 2007. С. 112–116.

¹¹⁵⁸ Мельник О.В. Діяльність Є.М. Щепкіна на Одеських вищих жіночих курсах (1906–1918 рр.) // Інтелігенція і влада. 2013. Вип. 29. С. 209–217.

¹¹⁵⁹ Руднева Я. Первые Казанские высшие женские курсы (1876–1887): к 140-летию создания // Гасырлар Авазы – Эхо Веков (Казань). 2016. № 1/2. С. 188.

¹¹⁶⁰ Кузьминова Е.Ф., Некрылов С.А. Высшее женское образование в Сибири в начале XX века // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 130, 133.

¹¹⁶¹ Отчет о состоянии Варшавских высших женских курсов за 1912–1913 акад. год (4-й год существования). Варшава, 1914. III с.

¹¹⁶² Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 142.

В годы Первой мировой войны по инициативе профессора медицинского факультета ИКУ В.Н. Тонкова были созданы курсы для подготовки персонала по уходу за больными и ранеными¹¹⁶³.

5.2. Общественно-полезная деятельность профессоров и преподавателей

Просветительская деятельность

Просветительской можно назвать любую профессиональную деятельность университетских преподавателей, включая ту, о которой шла речь в предыдущем разделе. Но здесь мы остановимся на деятельности неоплачиваемой, либо на той, доход с которой шел на благотворительные цели.

Примером дореволюционного профессора-«общественника», принявшего участие во многих просветительских инициативах, можно назвать профессора ИХУ В.Я. Данилевского. Он участвовал в создании Харьковской общественной библиотеки, которая начала функционировать 26 сентября 1888 г. С его же помощью в Харькове была открыта Первая бесплатная народная читальня им. Н.А. Некрасова (1891 г.). В.Я. Данилевский активно сотрудничал с Харьковским обществом по распространению в народе грамотности. Этим обществом в 1903 г. Был открыт Народный дом с библиотекой, читальней и зрительным залом. Под председательством В.Я. Данилевского в 1894 г. Начал работать Комитет по устройству сельских библиотек. В 1902–1905 гг. В.Я. Данилевский был членом правления Харьковского общества грамотности. С 1891 г. он был председателем Издательского комитета, снабжавшего литературой просветительские учреждения. В 1906 г. по предложению В.Я. Данилевского Харьковское общество грамотности организовало издание «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний», редакционную комиссию которой возглавил В.Я. Данилевский.

¹¹⁶³ Павлов Н.П. Иван Волков: документальный очерк. Ижевск, 1991. С. 54.

Сферу просвещения не следует сводить к проблеме распространения научных знаний. Здесь же стоит отметить участие преподавателей в деятельности музыкальных, театральных обществ¹¹⁶⁴.

Помимо индивидуального участия в просветительской деятельности, профессора рубежа XIX–XX вв. искали более стабильные и системные формы и механизмы просвещения общества.

В 1890-х гг. возникла идея создания педагогического общества при ИМУ (устав общества был утвержден МНП 14 января 1898 г.). Общество, среди членов-учредителей которого был профессор П.Г. Виноградов, брало на себя обязательства научной разработки вопросов педагогики и дидактики и содействия лицам, посвящавшим себя педагогической деятельности¹¹⁶⁵.

В 1900-х гг. профессура участвовала в деятельности «Лиги образования» и связанной с ней «Педагогической академии»¹¹⁶⁶.

На начало XX в. пришлось рождение в России феномена народного университета, понимаемого в качестве «вольной школы» – просветительской организации, призванной популяризировать научное знание среди взрослого населения страны. Среди первых народные университеты возникали в университетских городах – Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Казани.

В столице народный университет начал работать в 1906 г. Преподаватели ИСПБУ заняли в том числе руководящие позиции в новом учебном заведении. Во главе общественно-юридической секции стоял профессор А.А. Исаев. Гуманитарную секцию возглавил известный филолог-классик профессор

¹¹⁶⁴ См. подробнее о томских профессорах: Зима Т.Ю. Вклад томской профессуры в развитие музыкальной культуры города в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 138–144; Вавилов С.П., Ткаленко Я.В. Музыкально-просветительская деятельность профессора Н.А. Александрова (1858–1936) в Томске // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 3. С. 24–32.

¹¹⁶⁵ Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С. 198, 205.

¹¹⁶⁶ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 54 (1908–1909). Л. 20 – 22 об.

Ф.Ф. Зелинский. Приват-доцент П.Ю. Шмидт стал секретарем Совета Санкт-Петербургского общества народных университетов¹¹⁶⁷.

Пожалуй, наиболее известным народным университетом станет московский народный университет им. А.Л. Шанявского. К его организации был привлечен бывший профессор ИМУ М.М. Ковалевский. В качестве преподавателей этого учебного заведения выступали профессора ИМУ геохимик В.И. Вернадский, историки Ю.В. Готье и А.А. Кизеветтер, химик Н.Д. Зелинский, физик П.Н. Лебедев, физиолог И.П. Павлов, химик А.Н. Реформатский и многие другие¹¹⁶⁸. После массового исхода из ИМУ в результате конфликта с министром Л.А. Кассо многие бывшие университетские профессора продолжили преподавание именно здесь¹¹⁶⁹.

В мае 1916 г. на квартире профессора ИМУ И.А. Линниченко состоялось «частное совещание» по вопросу об организации в Одессе Народного университета. Среди учредителей университета, помимо И.А. Линниченко, оказались профессора ИМУ В.В. Завьялов, А.К. Медведев, П.Г. Меликов, А.Р. Орбинский, К.М. Сапежко, Г.И. Танфильев и другие¹¹⁷⁰.

Участие профессоров в деятельности народных университетов можно отнести и к практике предоставления образовательных услуг, но мы привели эти сведения здесь, так как известно, что многие профессора в народных университетах читали лекции либо безвозмездно, либо за символическую плату.

Вообще обращение к профессорам как лекторам стало весьма распространено в рассматриваемый период. Например, лекционная комиссия общества «Маяк»¹¹⁷¹, работавшая под руководством профессора ИСПБУ

¹¹⁶⁷ Морозан В.В. Санкт-Петербургское общество народных университетов // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования / Отв. ред. Булгакова Л.А. СПб, 2008. С. 333–342.

¹¹⁶⁸ Власов В.А. Народный университет имени Шанявского // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 527–532.

¹¹⁶⁹ Фандо Р.А. Развитие негосударственного высшего образования в дореволюционной России (на примере Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского) // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2. С. 65.

¹¹⁷⁰ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 551. Л. 1–2.

¹¹⁷¹ «Маяк» – общественная молодежная организация, русское отделение Всемирного христианского союза молодых людей (УМСА).

известного историка С.Ф. Платонова, привлекала к чтению лекций профессоров столичного университетов, знаменитых писателей, ученых и государственных деятелей¹¹⁷².

Публичные лекции

Остановимся на феномене публичных лекций профессоров как инструменте влияния университета на российское городское общество рубежа XIX–XX вв. В исследовательской литературе уже есть опыт обращения к указанной тематике: в основном – это работы, освещающие либо просветительскую активность отдельных ученых¹¹⁷³, либо – тех или иных образовательных и научных учреждений¹¹⁷⁴. Попробуем взглянуть на предмет шире – в контексте всей университетской системы Российской империи конца XIX – начала XX в.

Организация лекций. Рубеж XIX–XX вв. (за исключением непродолжительного периода, связанного с Первой русской революцией) – не самое благополучное время с точки зрения университетской автономии. Это обстоятельство находило отражение и в том, что для организации публичного выступления университетского преподавателя требовалось разрешение властей. Профессор, желавший прочесть публичную лекцию, обращался к ректору с просьбой о возбуждении перед попечителем учебного округа ходатайства о получении на это разрешения. В таком обращении указывалось не только

¹¹⁷² Об участии самого С.Ф. Платонова в деятельности этого общества см.: Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов в обществе «Маяк» // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб, 2011. С. 105–110.

¹¹⁷³ Возчиков В.А. Публичные лекции Т.Н. Грановского: Магия слова и личности // Историко-педагогический журнал. 2013. № 4. С. 81–96; Кошелева А.И. Публичные лекции В.О. Ключевского // Университетское образование (МКУО-2013) сборник статей XVII Международной научно-методической конференции, посвященной 70-летию образования университета. Под редакцией В.И. Волчихина, Р.М. Печерской. 2013. С. 450–451; Митрофанов В.В. Проблемы истории Великого Новгорода в публичных лекциях и переписке С.Ф. Платонова // Клио. 2009. № 1. С. 20–31; Мохначева М.П. Публичные лекции Н.П. Вагнера и Н.И. Кареева о теории исторического процесса // Археографический ежегодник за 1998 год. Москва, 1999. С. 126–133.

¹¹⁷⁴ Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета: XIX в. Казань, 2002. 203 с.; Мохначева М.П. Автографы программ публичных лекций ученых Московского университета // Археографический ежегодник за 1997 год. Москва, 1997. С. 128–139; Смагина Г.И. Публичные лекции Санкт-Петербургской Академии наук во второй половине XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 2. С. 16–26.

название лекции, но и приводилась ее программа¹¹⁷⁵. Профессор ИМУ И.И. Янжул вспоминал: «Главной моей заботой перед публичной лекцией был прискорбный вопрос, разрешат ли ее; требовалась длинная предварительная процедура хлопот о разрешении с представлением не только программы, но иногда даже подлинного текста лекции и обязательства читать по нему»¹¹⁷⁶. Случаи запретов были не так уж редки и зачастую они были политически мотивированны.

Для проведения лекций использовались как университетские площади, так и городские пространства – помещения залов, театров и прочее. Так, в Казани в Городском театре проходили «спектакли-лекции». Смысл такого формата заключался в том, что перед спектаклями университетские профессора читали вступительную лекцию, посвященную творчеству драматурга, постановку пьесы которого предстояло увидеть зрителям. Например, в театральном сезоне 1908 г. профессор ИКУ Б.В. Варнеке выступал с циклом лекций об Александре Островском и Уильяме Шекспире¹¹⁷⁷.

В Санкт-Петербурге, начиная с 1906 г. активная просветительская деятельность развернулась на площадях Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица и Сельскохозяйственного музея; здесь регулярно читали публичные лекции профессора и приват-доценты ИСПБУ историк С.Ф. Платонов, философ Н.О. Лосский, астроном А.А. Иванов, юристы В.Н. Сперанский и А.Г. Тимофеев, ботаники В.И. Палладин и С.В. Кравков, музыковед А.Ф. Каль и многие другие. Еще одна площадка для постоянных выступлений столичной профессуры располагалась в Павловске, где В.И. Палладин, А.А. Иванов и другие проводили публичные лекции для народных учителей¹¹⁷⁸.

¹¹⁷⁵ APW. Z. 214. S. 101. k. 14.

¹¹⁷⁶ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1910. Т. 2. С. 173.

¹¹⁷⁷ Бушуева Л.А. «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца XIX – начала XX в. // История России: актуальные проблемы сборник статей. Казань, 2014. С. 54.

¹¹⁷⁸ Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-

Методологическое осмысление. Имевший большой опыт чтения популярных лекций для населения вышеупомянутый профессор ИМУ И.И. Янжул в воспоминаниях сформулировал методологические и методические особенности такого жанра общения с аудиторией. Он полагал, что публичное чтение «гораздо труднее университетского и требует большего искусства [...] Тут невозможно и даже не должно обращать внимания на каждого слушателя, а приходится приспособливаться, так сказать, к среднему слушателю [...] Намеки на интересы минуты или политики заметно оживляют аудиторию, особенно если взятый пример производит некоторую сенсацию. Я с успехом много раз пользовался этим приемом, причем даже двухчасовая лекция не вызывала видимой скуки. [...] При этом непременно соблюдалось одно условие речи – говорить *viva voce* (буквально «живым голосом», здесь: «не по бумажке» – М.Г.), а отнюдь не читать»¹¹⁷⁹.

Тематика выступлений. Тематика большинства публичных лекций естественным образом вытекала из научных интересов университетских профессоров. В Казани историк, специалист по позднему русскому средневековью профессор Н.П. Загоскин читал лекцию на тему «О врачебном деле и врачах в Допетровской Руси»¹¹⁸⁰, историк и этнограф И.Н. Смирнов – «Задачи и значение этнографии», «Этнографический материал, методы его собирания и обработки»¹¹⁸¹, фармаколог И.М. Догель – «Предел человеческой жизни»¹¹⁸². В Томске профессор гигиены А.И. Судаков читал лекцию «О холере», педиатр С.М. Тимашев – «О физическом воспитании ребенка»; зоолог Н.Ф. Кащенко – «Надо подружиться с природой», «О жизни и смерти в животном мире»; геолог А.М. Зайцев – «О землетрясении»; ботаник В.В. Сапожников – «Растение и солнце», «Зачем цветут цветы»; политэконом экономист М.Н. Соболев – «О конкуренции», «О женском труде»; экономист М.И. Боголепов – «О народной роскоши – чае, сахаре и водке», юрист Н.Н. Розин – «О суде

политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017. С. 392–393.

¹¹⁷⁹ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1910. Т. 2. С. 172.

¹¹⁸⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 2.

¹¹⁸¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 3.

¹¹⁸² НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 5.

присяжных»¹¹⁸³. Порой предмет публичных выступлений проистекал не столько из научного интереса, сколько из увлечений докладчика. Так, томские профессора, физик А.П. Поспелов и фармацевт Н.А. Александров, читали лекции по истории музыки¹¹⁸⁴.

Большой популярностью у населения пользовалась краеведческая тематика. Так, казанская профессура в разные годы выступала перед горожанами с такими лекциями: Д.А. Корсаков – «О Казанском крае в царствование Екатерины II»¹¹⁸⁵, «Очерк истории Среднего Поволжья до образования в нем Казанского ханства», Н.Ф. Высоцкий – «Доисторическое прошлое нашей местности»¹¹⁸⁶, И.Н. Смирнов – «Смерть по воззрениям инородцев Поволжья»¹¹⁸⁷. На особое место краеведческой тематики обратил внимание С.А. Некрылов; по его данным популярными среди населения Томска были публичные лекции на сибирские темы: Н.Ф. Кащенко – «О плодоводстве в Томском крае», «О гадах Томского края», «Некоторые сведения о климате Томска», В.В. Сапожникова – «Русский Алтай», «Монгольский Алтай», И.А. Малиновского – «Ссылка в Сибирь», Э.А. Лемана – о минеральных водах Томской губернии. В городе регулярно проводились т.н. сибирские вечера, на которых с лекциями выступали профессора М.Н. Соболев, М.И. Боголепов, М.А. Рейснер, И.А. Малиновский¹¹⁸⁸.

В отдельную группу стоит выделить публичные лекции, чтение которых было обусловлено определенным поводом, что предопределяло их тематику. Например, в связи с началом Русско-японской войны, весной 1904 г. профессора ИВУ прочли цикл лекций, на следующие темы: «Климатические условия Дальнего Востока» (А.В. Краснов), «Разрушительное действие современных пуль и снарядов и задачи современной хирургии в лечении огнестрельных ран»

¹¹⁸³ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 123.

¹¹⁸⁴ Профессора Томского университета. Вып. 1. Томск, 1996. С. 23, 198.

¹¹⁸⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7424. Л. 1.

¹¹⁸⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 77.

¹¹⁸⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 38.

¹¹⁸⁸ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 123; Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск, 2011. Т. 2. С. 231, 270.

(М.М. Кузнецов), «Япония в конце XIX века и ее внешние сношения с иностранными державами» (В.Н. Александренко), «Притязания Японии на возрождение Азии и степень участия России в этом возрождении» (Г.Ф. Симоненко), «Война и современное учение о психологии масс» (А.Е. Щербак)¹¹⁸⁹.

Инициатива сверху. Источники позволяют привести примеры ситуаций, когда инициатива по организации цикла публичных лекций исходила сверху. Как правило, такие ситуации были связаны с чрезвычайными обстоятельствами. Так, в 1891–1892 гг. основную часть Черноземья и Среднего Поволжья охватил голод. 27 августа 1891 г. Казанский городской голова С.В. Дьяченко обратился к ректору ИКУ К.В. Ворошилову с предложением о проведении серии благотворительных публичных лекций: «Желая всеми средствами прийти на помощь нуждающемуся населению г. Казани, я предположил устроить несколько публичных лекций в зале Казанского Городского Общества со взиманием платы с посетителей. Сообщая об этом Вашему Превосходительству, позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшую просьбу: не откажите передать высокочтимым господам профессорам университета мое усерднейшее приглашение оказать содействие по осуществлению моего предложения, принятием на себя чтения лекций. Я вполне уверен, что г[оспода] профессора, всегда сочувствующие нуждам населения, охотно примут участие в помощи голодающим»¹¹⁹⁰.

В начале Первой мировой войны – 8 октября 1914 г. – попечитель Варшавского учебного округа Г.В. Левицкий обратился к ректору университета С.И. Верхову с предложением «сообщить, каким образом и при наличии каких лекторов из среды профессорской корпорации представляется наиболее целесообразным организовать лекции для учащихся старших классов средних учебных заведений на темы, намеченные Министерством Народного Просвещения по поводу текущих событий». Среди преподавателей историко-филологического факультета дали согласие прочитать лекции профессор

¹¹⁸⁹ APW. Z. 214. S. 101. k. 28–30, 38.

¹¹⁹⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 7 – 7 об.

И.И. Замотин – на тему «Русские славянофилы», профессор И.П. Козловский – на тему «Восточный вопрос в истории России» и профессор А.И. Яцимирский – на тему «Борьба южных славян за свободу»¹¹⁹¹.

Публицистика

Просветительскую функцию университетские профессора могли реализовывать не только очно, посредством проведения систематических занятий или чтения публичных лекций, но и посредством выступления в печати. Профессор ИТУ М.И. Боголепов на смерть своего коллеги профессора П.С. Климентова писал: «Газетная работа – самая удачная арена общественной деятельности для такого образованного, отзывчивого человека, каким был покойный профессор П.С. Климентов. Он принадлежал к тому типу людей, о которых еще Шекспир говорил, что они не могут хранить “про себя” те знания, которые приобрели, их психическая организация такова, что слово, одухотворенное глубокою мыслью, рвется из глубины души в порыве бескорыстного служения обществу... Широкий, глубоко идейный интерес к жизни, горение духом за те общественные течения, которые признавались почившим профессором за самое ценное в общем строе текущей современности, неуклонное желание возможными средствами содействовать расцвету прогрессивных стремлений – все это влекло молодую, сильную мысль к газете, к живой и настойчивой работе на пользу родного края...»¹¹⁹².

Отметим здесь же и тот факт, что университетские преподаватели избирались присяжными заседателями в соответствующие судебные заседания – позволял возрастной, образовательный и имущественный ценз. В такой внутренний университетский отчетный документ, как «Ведомость о числе пропущенных лекций г[осподами] преподавателями университета» в графах о причинах пропуска включался среди прочих пункт «По случаю назначения присяжным заседателем». Например, в январе 1899 г. три профессора ИТУ – А.И. Алмазов, И.Ф. Синцов и В.М. Репяхов – пропустили соответственно 7, 8 и 11

¹¹⁹¹ АРВ. Z. 214. S. 380. к. 7.

¹¹⁹² Боголепов М.И. Газетная работа П.С. Климентова // Сибирский вестник. 1903. 12 ноября.

часов занятий именно по этой причине¹¹⁹³. А профессор ИУСвВ Н.Н. Шиллер в 1888 г. ходатайствовал об освобождении его от этой обязанности, объясняя это тем, что на время судебных заседаний намечено проведение экзаменов¹¹⁹⁴.

Благотворительность

Благотворительность – форма общественной инициативы, характерная для зрелого общества и развитыми гражданскими институтами. Тот факт, что в России второй половины XIX в. среди состоятельных слоев населения приобретало популярность занятие меценатской деятельностью, на наш взгляд, указывает на становление такого типа общества, которое позднее станут называть «гражданским»¹¹⁹⁵.

Хотя не всех представителей профессуры рассматриваемого периода можно с уверенностью относить к состоятельным слоям населения, благотворительность была достаточно широко распространена в университетских кругах. Характеризуя эту сторону жизнедеятельности профессоров, разделим их благотворительные инициативы на внутри- и внеуниверситетские.

Благотворительные инициативы в пользу университета

В рамках «внутриуниверситетской» благотворительности, помимо оказания материальной помощи студентам¹¹⁹⁶, профессора и преподаватели нередко вносили средства на укрепление материальной базы кафедр и лабораторий и принимали участие в пополнении фондов университетских библиотек и музеев.

Приведем несколько примеров.

Профессор ИТУ С.И. Залесский в 1891 г. пожертвовал капитал в 100 руб. «на усиление средств химической лаборатории». Эта сумма была обращена в неприкосновенный капитал, проценты, с которого могли использоваться на нужды химической лаборатории. За 10 лет они составили 41 руб. 7 копеек¹¹⁹⁷.

¹¹⁹³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 29. Л. 23 об., 24 об.

¹¹⁹⁴ ГАК. Ф. 16. Оп. 327. Д. 45. Л. 4.

¹¹⁹⁵ Про благотворительность в дореволюционной Российской империи см. подробнее: Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. редактор А.С. Туманова. М.: РОССПЭН. 2011. С. 265–314.

¹¹⁹⁶ См. подробно в 4-й главе.

¹¹⁹⁷ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1900 год. Томск, 1901. С. 221.

Безвозмездно передали экспонаты для музеев ИТУ профессор С.И. Коржинский (коллекция паразитных грибов для Ботанического музея (гербария)), приват-доцент П.П. Пилипенко (3 208 образцов горных пород с Западного Алтая для Минералогического музея)¹¹⁹⁸.

15 сентября 1915 г. Совет ИНСУ заслушал сообщение о том, что профессор И.А. Шляпкин пожертвовал университетской библиотеке уникальное собрание книг и рукописей, состоявшее из 70 тыс. экземпляров¹¹⁹⁹.

Нередко уже после смерти того или иного профессора его родственники, исполняя волю покойного, передавали университету принадлежавшую ему библиотеку. Так, например, произошло в 1892 г. после кончины профессора ИКУ В.О. Подвысоцкого, когда его вдова и сыновья передали университету 13 ящиков книг, а также коллекцию минералов¹²⁰⁰. Аналогичным образом поступила вдова профессора ИТУ Э.Г. Салищева, передав после его смерти в 1901 г. 975 томов книг университетской библиотеке¹²⁰¹.

Встречаются примеры и более щедрых даров. Г.Ф. Шершеневич, который в разные годы был профессором ИКУ и ИМУ, завещал все свое состояние двум университетам, в том числе 10 тыс. руб. предназначались на студенческие стипендии. Помимо этого, ИМУ им были переданы авторские права на свои сочинения¹²⁰².

Не так часто, но бывало, что профессор предавал материальные ценности не «своему», а «чужому» университету. Так, в 1909 г. профессор ИСПБУ

¹¹⁹⁸ Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.): Дисс. докт. ист. наук. Томск, 2009. С. 268, 295.

¹¹⁹⁹ Отчет о состоянии и деятельности Саратовского университета за 1916 год. Саратов, 1917. С. 55. Путеводитель по Саратовской университетской библиотеке. Саратов, 1936. С. 6.

¹²⁰⁰ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 19852. Л. 1.

¹²⁰¹ Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013): Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, Г.И. Мендрин, А.И. Венгеровский, В.В. Новицкий. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2014. Т. 2. С. 138.

¹²⁰² Медушевский А. Габриэль Феликсович Шершеневич: «Жизнь стремилась к освобождению индивида от опеки...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 627.

В.Н. Никитин пожертвовал ИНСУ книги медицинского содержания¹²⁰³. В 1916 г. профессор ИСПБУ И.А. Шляпкин пожертвовал ИНСУ богатейшую библиотеку, насчитывавшую около 17 100 названий в 70 000 томах¹²⁰⁴.

В источниках встречаются указания на возникавшие порой сложности с дарением. Приведем пример. И.И. Янжул, профессор ИМУ, в 1905 г. был избран в Петербургскую академию наук и принял решение о переезде в столицу. В связи с предстоявшим переездом нужно было решить вопрос о судьбе многотомной библиотеки профессора, стоявшей по его собственным расчетам не менее 30 000 руб. Опасаясь, что в петербургской квартире не найдется достаточно места, И.И. Янжул предложил свою библиотеку в дар Академии наук, но получил отказ из-за недостатка места. После этого И.И. Янжул предложил свое собрание Московской библиотеке графа Румянцева и вновь получил отказ: «Если, друг, ты желаешь жертвовать нам свою библиотеку, говорил покойный Николай Ильич [Стороженко, главный библиотекарь – М.Г.], то сначала пожертвуй достаточно тысяч выстроить эту библиотеку, а затем жертвуй и книги». В конце концов, И.И. Янжул передал свою коллекцию библиотеке Московского университета, получившей незадолго до этого новое помещение для книгохранилища. «Так трудно у нас не только работать, но и жертвовать, даром отдавать!!!» – сокрушался И.И. Янжул в своих воспоминаниях¹²⁰⁵.

Большим успехом в университетских городах пользовались благотворительные вечера, проводившиеся с участием профессуры. Такие вечера проходили в виде публичных лекций, концертов. В Томске 22 октября в день торжественного университетского акта проводились так называемые Студенческие вечера. Профессора получали почетные билеты и являлись на торжество вместе с женами и взрослыми дочерьми. По воспоминаниям современников, обычно зал был переполнен так, что публика стояла даже в проходах. Вечер начинался с выступления студенческого хора, который исполнял

¹²⁰³ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 26. Л. 51 об.

¹²⁰⁴ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 21.

¹²⁰⁵ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1910. Т. 2. С. 81–82.

«Gaudeamus». Затем начинался концерт. В антрактах профессорские дамы вели благотворительную торговлю шампанским, чаем, фруктами, цветами. Популярными среди студенчества профессора – М.Г. Курлов, Э.Г. Салищев, А.Е. Смирнов, В.В. Сапожников, М.Н. Соболев и др. – произносили речи. Средства, собранные на подобных вечерах, шли на благотворительные цели¹²⁰⁶.

Внеуниверситетские благотворительные инициативы

Благотворительность деятельность профессоров и преподавателей не замыкалась на корпоративной университетской среде. Нередко объектом благотворительности выступали посторонние университету лица и учреждения.

В ноябре 1892 г. Историко-филологическому обществу при ИХУ было разрешено открыть в учебных и научных учреждениях Империи подписку на собрание капитала на учреждение при обществе премии имени умершего в 1891 г. профессора А.А. Потебни (за лучшие сочинения по истории русского языка и русской словесности). Предложение жертвовать было распространено в том числе среди университетов. Только в ИКУ в подписке поучаствовало свыше 60 профессоров и преподавателей¹²⁰⁷.

Профессор ИТУ М.Н. Соболев в 1911 г. пожертвовал Томской городской публичной библиотеке 98 «сочинений разного содержания, в т.ч. “Handwörterbuch der Staatswissenschaften”»¹²⁰⁸.

Еще одна форма – платные публичные лекции, сбор с которых шел в помощь голодающим.

Организация платных публичных лекций, сбор с которых шел на помощь нуждавшимся – весьма распространенная практика. Если вернуться к выше упомянутому голоду в Поволжье в начале 1890-х гг., то, судя по всему, инициатива собрать средства через публичные лекции одновременно шла и сверху, и снизу. Известно, что председатель университетского физико-математического общества (профессор А.В. Васильев) и президент общества

¹²⁰⁶ Музей истории ТГУ. Машинописная рукопись воспоминаний И.А. Малиновского. С. 95–96.

¹²⁰⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8698. Л. 2–4.

¹²⁰⁸ Отчет Томской Городской Публичной библиотеки за 1911 г. Томск, 1912. С. 20.

естествоиспытателей (профессор А.А. Штукенберг) при ИКУ писали в октябре 1891 г. председателю общества истории, археологии и этнографии профессору Н.А. Фирсову: «На обязанности Университета и состоящих при нем ученых Обществ лежит [обязанность] отозваться со своей стороны на нужды окружающего края. Зная, что среди Общества Истории, Археологии и Этнографии [...] возникла уже мысль об организации публичных лекций в пользу населения, пострадавшего от неурожая, мы полагаем, что вообще среди местных ученых Обществ [...] найдется немало лиц, готовых своими трудами внести лепту на облегчение участи нуждающихся». Деньги, которые будут собраны, предлагалось передать нуждавшимся ученикам сельских школ.

Профессора А.В. Васильев и А.А. Штукенберг предлагали профессору Н.А. Фирсову взять на себя инициативу собрания председателей все научных обществ, состоявших при ИКУ для обсуждения вопроса об организации от имени всех ученых университета серии публичных лекций. Разделяя замысел, Н.А. Фирсов, настаивал на участии в реализации замысла ректора¹²⁰⁹.

Первый цикл лекций в Казани был прочитан в январе – марте 1892 г. Билеты реализовывались на следующих условиях: первый ряд – 1 руб. 50 копеек, второй ряд – 1 руб., третий ряд – 50 копеек, остальные ряды – 30 копеек (для учащихся – 20). Цена абонементов на все 16 лекций составляла: 15 руб. за место в первом ряду, 10 руб. за место во втором, 5 руб. – за место в третьем, за места на остальных рядах – 3 руб. (для учащихся – 1 руб.)¹²¹⁰. Всего было собрано 1 080 руб. 80 копеек (830,8 + 210 абонемент). Судя по ведомости собранных средств, больше всего слушателей было на лекциях И.М. Догеля «Боль, ее значение и утешение» (сбор – 138,3 руб.) и В.Д. Орлова «Очерк истории и гигиены женской одежды» (сбор – 100,1 руб.), а наименьший интерес вызвала лекция В.И. Сорокина «Сельскохозяйственные опытные станции и их значение для земледельческой практики» (сбор – 9,5 руб.)¹²¹¹. Тематика некоторых тогда прочитанных лекций особенно подходила историческому моменту:

¹²⁰⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 11–12.

¹²¹⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 75.

¹²¹¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 103 – 103 об.

В.Н. Витевский «Голод и его проявления в Древней Руси», Н.Н. Фирсов «Голод перед Смутным временем в России»¹²¹², Н.А. Осокин «Влияния общественных бедствий на ход истории»¹²¹³.

Интересно, что спустя несколько лет, в 1899 г. в ИКУ решили повторить успешный опыт 1892 г. и организовали цикл лекций в пользу бедных детей, обучавшихся в школах сел и деревень Казанской губернии¹²¹⁴.

В числе прочих губерний, голод в начале 1890-х гг. был и в Харьковской губернии. В декабре 1891 г. ряд профессоров ИХУ объявили о публичных лекциях в пользу голодающих¹²¹⁵. Известно, что 2 февраля 1892 г. публичную лекцию в пользу голодающих читал профессор А.Н. Краснов. В ГАХО сохранилась ведомость, отражающая стоимость и число проданных билетов на эту лекцию. Места в первом ряду продавались по 2 руб., во втором и третьем рядах – по полтора руб., места в остальных рядах – по 1 руб. 25 копеек. Всего было продано 56 билетов, что позволило выручить 82,5 руб.¹²¹⁶

Публичные лекции в пользу голодающих читались тогда и профессорами столичного университета. Суммарный сбор от них составил около 3 000 руб.¹²¹⁷

Порядок сбора средств регламентировался циркуляром министра внутренних дел от 26 июля 1882 г., в котором содержались такие требования: «продажу входных билетов производить в казенных только местах, причем запрещается развозить эти билеты по домам или раздавать их разным лицам для продажи»¹²¹⁸. Между прочим, за нарушение этих правил, а именно за развоз билетов по частным домам, в 1884 г. учебными властями критиковался профессор ИУСвВ Н.А. Хржонщевский¹²¹⁹.

¹²¹² НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 38.

¹²¹³ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 77.

¹²¹⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9937. Л. 1–7.

¹²¹⁵ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания. Александр Афанасьевич Потемня // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 283.

¹²¹⁶ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 189. Л. 4.

¹²¹⁷ Ростовцев Е.А. Столичная профессура и благотворительность в начале ХХ в.: постановка проблемы // Вестник Омского университета. 2012. №. 1. С. 107.

¹²¹⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7424. Л. 6 – 6 об.

¹²¹⁹ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1884). Д. 5. Л. 19.

В годы, не отмеченные серьезными катаклизмами, недостатков в объектах для благотворительности не наблюдалось. Профессор ИВУ П.В. Никольский в 1903 г. выражал желание прочитать две лекции «в пользу недостаточных учениц повивального института»¹²²⁰. Весной 1904 г. профессора ИВУ прочитали цикл лекций, сбор с которых (50 копеек – со студентов, 1 руб. – со всех остальных) пошел «на военные потребности армии и флота»¹²²¹. Согласно «Денежному отчету по устройству лекции проф[ессора] В.В. Курилова» (ИВУ), прочитанной 19 февраля 1914 г., от продажи билетов было выручено 400 руб. 80 копеек, от продажи программ – 23 руб. 70 копеек; сверх этого 2 руб. было пожертвовано¹²²². Кстати, в ИВУ существовала общественная должность распорядителя-казначея по устройству публичных лекций при университете. До весны 1905 г. ее занимал профессор В.В. Максимов.

В годы Первой Мировой войны в Томске был создан «Комитет преподавателей высших учебных заведений города Томска по устройству лекций на нужды, вызванные военным временем». В начале 1915 г. комитет организовал серию публичных лекций, в частности профессоров ИТУ Г.Г. Тельберга («Россия и проливы»), С.И. Солнцева («Война и народное хозяйство»), Н.Н. Топоркова («Война и психические заболевания»)¹²²³.

По данным, приведенным Л.А. Бушуевой, профессора ИКУ регулярно устраивали публичные лекции в рамках деятельности общества археологии, истории и этнографии. Вход на такие лекции был платным, цена варьировалась в зависимости от места в зале: на первых четырех рядах она составляла от 2 до 1 руб., на остальных местах – 50 копеек; для студентов и других учащихся стоимость посещения одной публичной лекции составляла 25 копеек¹²²⁴.

¹²²⁰ APW. Z. 214. S. 101. k. 11.

¹²²¹ APW. Z. 214. S. 101. k. 38 – 38 об.

¹²²² APW. Z. 214. S. 101. k. 99 – 99 об.

¹²²³ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.: Хроника: в 3 т. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / Сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск: изд-во Том. ун-та, 2013. С. 359.

¹²²⁴ Бушуева Л.А. «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца XIX – начала XX в. // История России: актуальные проблемы сборник

Вспоминая о прочитанных лекциях И.И. Янжул отмечал, что многие из них вызывали большое сочувствие в московской публике, «выразившееся наглядно в многих тысячах рублей, мною собранных для разных благотворительных целей»¹²²⁵. Наибольшие сборы и последующие пожертвования принесла лекция И.И. Янжула «О миллионах и что с ними надо делать». Она была прочитана в аудитории Исторического музея в Москве 21 февраля 1898 г. для 900 слушателей. Сбор с проданных билетов составил 800 руб. Более того, после лекции – в течение нескольких дней – И.И. Янжулу было передано около 4 000 руб. с просьбой направить их на благотворительные цели¹²²⁶.

Один из слушателей публичных лекций профессора ИМУ К.А. Тимирязева, П.В. Танеев, оставил воспоминание, отражающее интерес публики к профессорским выступлениям и ее готовность к приобретению билетов: «Находясь в старших классах гимназии, я был на двух популярных лекциях Климента Аркадьевича в большой аудитории Политехнического музея. Каждый раз билеты можно было получить только после долгих ожиданий из-за большого количества желающих попасть на эти лекции»¹²²⁷.

Профессор ИМУ К.М. Сапежко являлся председателем одесского Общества пособия бедным и больным на лимане (1909 г.), в которое обеспечивало безвозмездное лечение до 100 больных из числа беднейших слоев города¹²²⁸.

В Томской губернии профессора, наряду с первыми лицами губернии, как правило, входили в правления благотворительных обществ, например, в Томское отделение Российского общества Красного Креста¹²²⁹.

статей. Казань, 2014. С. 46.

¹²²⁵ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1910. Т. 2. С. 171.

¹²²⁶ Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1910. Т. 2. С. 183–184.

¹²²⁷ Танеев П.В. Воспоминания о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 519–520.

¹²²⁸ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 499. Л. 3 об., 8 об.

¹²²⁹ Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Fominykh S.F. Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917 // Bylye Gody. 2018. Vol. 47. Is. 1. 211 p.

Откликаясь на драматичные события в городе, регионе, стране, университетские профессора и преподаватели старались оказать посильную помощь обществу. Так произошло во время голода в Казанской губернии в 1891 г.

Совет ИКУ постановил: «Принять участие в оказании пособия голодающему населению Казанской губернии пожертвованием из ежемесячного жалования в размере 1 % (во все время до будущего урожая)»¹²³⁰. Эта сумма вычислялась казначеем университета при выдаче жалования и ежемесячно переводилась в губернское правление. Губернатор Казанской губернии П.А. Полторацкий 26 сентября 1891 г. благодарил ректора ИКУ за пожертвованные профессорами университета в пользу пострадавших от неурожая жителей Казанской губернии сто двадцать рублей тринадцать копеек¹²³¹. В том же 1891 г. в Казани было образовано «Временное попечительство для оказания помощи нуждающимся крестьянам Казанской губернии» (было вскоре закрыто, поскольку, как говорилось в документе, вышедшем из полицейского ведомства, «прикрываясь благотворительными целями, в действительности преследовало противоправительственные задачи, делая попытки к возбуждению сельского населения на почве его подавленного нуждою экономического состояния»), в деятельности которого принимал участие профессор ИКУ А.В. Васильев¹²³².

Во время Русско-Японской войны Комитет по усилению военного флота России организовал сбор пожертвований путем «писем-переводов». ИКУ было передано 200 экземпляров таких «писем-переводов» для сбора добровольных пожертвований. Правда, принято пожертвований было только по 12 письмам на сумму 28 руб. 70 копеек¹²³³. Следует отметить, что эта подписка была не единственной. Ранее, в самом начале войны многие профессора и преподаватели пожертвовали различные суммы – от 5 до 25 руб.¹²³⁴

В 1904 г. в ИКУ по предложению заслуженного профессора Н.Ф. Высоцкого был организован Комитет для оказания помощи больным и

¹²³⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8428. Л. 3.

¹²³¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8428. Л. 4 – 4 об.

¹²³² НАРТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 216. Л. 7 об., 8.

¹²³³ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10960. Л. 40.

¹²³⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10959. Л. 105 – 106 об.

раненым воинам. В состав Комитета вошли сам Н.Ф. Высоцкий (председатель), ректор университета Д.И. Дубяго, профессора А.В. Васильев, М.Я. Капустин, И.А. Праксин и В.И. Разумовский¹²³⁵. В рамках деятельности этого Комитета при университете в марте 1904 г. были созданы 6-недельные курсы для подготовки сестер и братьев милосердия¹²³⁶. Потребность в таких курсах была большой. На курсы записалось 120 человек (при том, что планировалось набрать не более 100 слушателей), 10 из них – жены и дочери профессоров и служащих университета¹²³⁷. Курсы для слушателей были платными, плата за полный курс составляла 3 руб. Лицам, имевшим некоторую медицинскую подготовку, рекомендовалось записываться только на отдельные предметы курса, уплачивая по 1 руб. за предмет. До 10 % слушателей «по крайней недостаточности средств» по усмотрению педагогического совета могли быть освобождены от платы. Теоретические занятия проходили в вечернее время (в 6–9 часов вечера) в стенах университета. Лекции по отдельным предметам читали профессора А.М. Фортунатов, Н.А. Милославский, Н.М. Любимов, М.П. Сергеев, М.Я. Капустин, приват-доценты М.Ф. Кандаратский, К.А. Грачев¹²³⁸.

В марте 1904 г. при ИКУ был образован Комитет Красного Креста¹²³⁹. В Письме попечителя Казанского учебного округа С.Ф. Спешкова на имя ректора Д.И. Дубяго от 19 марта подчеркивалось: «Образование при Казанском Университете Особого Комитета Красного Креста следует рассматривать как дело частное, а не служебное и что Комитет этот не подлежит ведению Университетского Совета. [...] Следовательно, Комитет Красного Креста при Казанском Университете составляют профессора как корпорация, а не как члены Совета Университета»¹²⁴⁰. Летом 1904 г. был сформирован медико-санитарный отряд Комитета Красного Креста при ИКУ, отправившийся в Маньчжурскую

¹²³⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10959. Л. 10, Д. 10962. Л. 5.

¹²³⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10962. Л. 6.

¹²³⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10962. Л. 9 – 10 об.

¹²³⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10962. Л. 1 об. – 2 об.

¹²³⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10959. Л. 125.

¹²⁴⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10959. Л. 146.

действующую армию. Во главе отряда из 15 человек встал приват-доцент М.Ф. Кандаратский¹²⁴¹.

Аналогичный порыв к благотворительной деятельности наблюдался в университетах через десять лет, с началом Первой мировой войны.

Совет ИМУ 25 июля 1914 г. решил открыть клинику для раненых и больных воинов, лечение которых брали на себя обязательство обеспечивать приват-доценты медицинского факультета.

1 сентября 1914 г. совет ИПГУ принял решение об отчислении 3 % содержания профессоров и служащих университета на лазареты для раненых¹²⁴². Аналогичное решение еще 4 августа Совет ИНСУ¹²⁴³.

С началом войны при ИХУ был организован лазарет для раненых, содержавшийся за счет профессоров, младших преподавателей и работников университета и обслуживавшийся преимущественно их женами и дочерьми¹²⁴⁴.

В ИНУ проводился сбор пожертвований на нужды раненых¹²⁴⁵.

Известны случаи добровольного участия университетских преподавателей в военных действиях в качестве медицинских работников. Так, в сентябре 1914 г. Совет ИНСУ разрешил отправиться на фронт профессорам Б.А. Арапову и С.Р. Миротворцеву в качестве хирургов¹²⁴⁶. Декан медицинского факультета ИНУ профессор С.С. Груздев и приват-доцент этого же факультета П.Г. Часовников с 1915 г. в каникулярное время работали в Красном кресте, выезжая на театр военных действий¹²⁴⁷.

¹²⁴¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10959. Л. 229.

¹²⁴² Протоколы Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. Пг, 1916. С. 82–83.

¹²⁴³ Мраморнов А.И. Саратовский Императорский университет в годы Первой мировой войны (1914–1917 годы) // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 9.

¹²⁴⁴ См.: Отчет о состоянии лазарета Императорского Харьковского университета для раненых воинов со дня его открытия 26 октября 1914 года по 1-е января 1915 года. Харьков, 1915. 40 с.

¹²⁴⁵ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 651. Л. 12.

¹²⁴⁶ Данилова Е.В., Демидова Е.И., Шакирова Н.Н. Общество и высшая школа // Наука и общество. 2012. № 1. С. 14.

¹²⁴⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 651. Л. 2 об., 8.

Итак, в дореволюционный период многие университетские профессора и преподаватели занимались благотворительной деятельностью, принимавшей различные формы. Чаще всего объектом их благотворительности выступал сам университет; кроме того, откликаясь на драматичные события в городе, регионе, стране (голод, война), профессора и преподаватели старались оказать посильную помощь обществу.

5.3. Участие университетских профессоров и преподавателей в органах местного самоуправления

Общественно-политическая активность — черта, отличавшая многих представителей отечественной университетской общественности в разные времена. Пожалуй, можно утверждать, что небезразличие к проблемам общества являлось элементом мировоззрения «университетского человека». «Уплата долга народу», доставление пользы путем использования знаний на благо общества воспринимались в университетской среде примерами добродетели.

Еще с конца XVIII в. многие представители российской общественной мысли одним из способов для «образованного класса» принести пользу называли его участие в работе представительных органов власти.

Хотя до легального участия в «большой политике» подданные Российской империи будут допущены только в первом десятилетии XX в., перемены устройства российской жизни, последовавшие в 1860–1870-х гг. (земская, городская реформы), предоставили гражданам более широкие возможности участия в делах местного самоуправления, чьи компетенции, впрочем, ограничивались вопросами благоустройства, общественного призрения, медицины и отчасти народного образования.

Заметим, что университетские профессора внесли вклад и в теоретическую разработку проблем местного самоуправления. Например, эта проблематика стала предметом исследований профессора юридического факультета ИКУ

В.В. Ивановского, который, приветствуя земскую и городскую реформы, критиковал систему выборов¹²⁴⁸.

Что касается практики функционирования институтов местного самоуправления в России во второй половине XIX – начале XX в., то необходимо отметить, что, поскольку никакого вознаграждения гласные земств и городских дум не получали, этой возможностью пользовались, как правило, представители достаточно состоятельных групп населения. Университетская общественность также не оставалась в стороне от этого новшества. Многие видные профессора и приват-доценты российских университетов участвовали в земском движении, избирались гласными городских дум.

По замечанию московского исследователя А.Н. Дмитриева, степень участия университетских преподавателей в делах местного самоуправления менялась обратно пропорционально величине города – чем больше был город, тем, как правило, более настороженными были отношения «городского патрициата» с университетом и его посетителями¹²⁴⁹. В небольших же (относительно столиц) городах, таких, как Томск или Казань, у университетской общественности было больше шансов быть услышанной, в том числе – через органы местного самоуправления.

Остановимся подробнее на анализе деятельности профессоров ИТУ в работе Томской городской думы в конце XIX – начале XX в.

Поскольку земство в Сибири было введено только Временным правительством, в дореволюционный период жителям Томской губернии был доступен один ключевой элемент местного самоуправления – городская дума (и избиравшаяся думой городская управа во главе с головой).

В отличие от Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г., Городовое положение от 16 июня 1870 г. было распространено

¹²⁴⁸ Нигматуллин А.Р., Циунчук Р.А. Проблемы формирования и эволюции местного самоуправления в трудах В.В. Ивановского (80–90-е годы XIX века) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 3–2. С. 79–88.

¹²⁴⁹ Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России в начале XX века. М., 2009. С. 105–204.

на Томск в числе первых 44 городов Российской империи. Положение вводило всесословную систему городского самоуправления. Один раз в 4 года созывалось Городское избирательное собрание для выборов гласных думы. Собрание составляли жители города вне зависимости от сословной принадлежности и вероисповедания, являвшиеся российскими подданными не моложе 25 лет и владевшие в городе недвижимостью или содержавшие торгово-промышленные заведения. Права голоса не имели недоимщики, лишенные прав состояния по суду; кроме того, в выборах не могли участвовать губернатор, члены губернского управления и чины полиции, а также лица женского пола. Право участвовать в первых выборах в Томске (1871 г.) получили 975 человек (3,6 % населения), а на практике в выборах приняли участие 26,5 % избирателей города. Интересно, что по городам Российской империи доля лиц с избирательными правами в среднем была выше, чем в Томске (5,6 % горожан), но воспользовались томские избиратели правом голоса более охотно, чем горожане-избиратели империи в целом (17 % в среднем по городам страны). Заметим, что с течением времени процент томских избирателей, реально участвовавших в выборах, рос: в 1902 г. участвовали 28 % избирателей, в 1910 г. – 38 %¹²⁵⁰.

30 августа 1871 г. начала работать Томская городская дума первого созыва.

Как известно, в изменившихся политических обстоятельствах в 1892 г. была принята новая редакция Городового положения. В соответствии с ней был повышен имущественный избирательный ценз, что сузило круг избирателей до крупных домовладельцев и предпринимателей; избирательных прав были лишены приказчики, священнослужители, лица еврейской национальности. Имущественный ценз был препятствием участия в выборах для значительной части представителей томской интеллигенции, которые зачастую арендовали квартиры, а не являлись собственниками недвижимого имущества. Законодательные изменения влияли на удельный вес избирателей Томска (таблица 22).

¹²⁵⁰ Дмитриенко Н.М. Городское самоуправление // Энциклопедия Томской области. Томск, 2008. Т. 1: А–М. С. 158.

Таблица 22 – Избиратели г. Томска в конце XIX – начале XX в.¹²⁵¹

Год проведения выборов	Число жителей Томска	Число избирателей	% от числа жителей
1871	26605	975	3,6
1879	33834	2431	7,2
1894	47500	567	1,2
1910	104204	1170	1,1

Избранные гласные (в Томске – 50–60 человек в разные годы) формировали городскую думу, выбирали четырех членов городской управы и городского голову, последний возглавлял одновременно и думу, и управу.

Если обратиться к анализу составов городских дум, мы обнаружим, что, во-первых, по образовательному уровню далеко не все «депутаты» могли похвастаться обладанием диплома высшей школы, во-вторых, в социальном отношении среди гласных преобладали купцы.

Бывший гласный Томской городской думы А.Н. Шипицин писал: «[Правительственная] политика и ход русской жизни определяют все [...] существенные дефекты и несовершенства наших городских управлений – малокультурность их составов, скудость и ограниченность бюджетов, ограниченность прав самоуправления и вообще отсталость и убожество нашей муниципальной жизни сравнительно с западно-европейской»¹²⁵². Впрочем, ниже он же пишет: «Томская Дума достаточно грамотна и по образовательному цензу стоит даже в первых рядах Городских Управлений России»¹²⁵³.

Действительно, со временем наблюдалось повышение уровня грамотности гласных. Например, в 1910 г. томская дума уже на 61 % состояла из гласных, имевших высшее образование¹²⁵⁴. И это при том, что, по подсчетам

¹²⁵¹ Город Томск. Томск, 1912. [Отдел первый]. С. 275.

¹²⁵² Город Томск. Томск, 1912. [Отдел первый]. С. 203.

¹²⁵³ Город Томск. Томск, 1912. [Отдел первый]. С. 212.

¹²⁵⁴ Литягина А.В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии). Барнаул, 1999. С. 18.

В.А. Нардовой, в начале XX в. законченное высшее образование имели только 17 % городских голов в Российской империи¹²⁵⁵.

На преобладание купцов среди гласных городских дум неоднократно обращали внимание исследователи¹²⁵⁶. Подсчитано, что в думах сибирских городов на протяжении всего рассматриваемого периода доля купечества составляла 60–70 % от числа гласных¹²⁵⁷. Именно на этом фоне несколько особняком стояла томская городская дума, которую благодаря наличию среди гласных профессоров университета и технологического института современники называли «интеллигентной»¹²⁵⁸. Однако, такой дума стала не сразу. Так, по итогам выборов 1894 г. (первые выборы по закону 1892 г.) 31 место из 47 принадлежало купцам и почетным гражданам¹²⁵⁹. Следующие выборы, 1898 г., незначительно изменили картину: из 50 гласных думы 32 человека были купцами¹²⁶⁰.

Перемены принесли выборы 1902 г. Как отмечала газета «Сибирский вестник», тогда «сошла со сцены старая купецкая дума и водворилась интеллигентная, собственно-чиновничья дума...»¹²⁶¹. В 1902 г. было избрано 53 гласных; из них 18 купцов, 7 почетных граждан, 5 учителей, 4 врача, 3 инженера, 3 мещанина, 3 чиновника, 3 присяжных поверенных (или помощника присяжного поверенного), 3 дворянина, 2 профессора, 1 инспектор ремесленного училища, 1 коммерческий советник¹²⁶². Выборы 1910 г. дали уже 5 мест (из 61) в думе профессорам ИТУ¹²⁶³.

¹²⁵⁵ Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб, 1994. С. 44.

¹²⁵⁶ Литягина А.В. Отражение истории городского самоуправления Западной Сибири в документах РГИА // Актуальные вопросы истории Сибири: Науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 178; Ерёмкина Л.А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. Бийск, 2005. С. 53.

¹²⁵⁷ Шиловский М.В. Политическая культура и политическая активность предпринимателей дореволюционной Сибири. XX век. Новосибирск, 1998. Вып. 3. С. 43.

¹²⁵⁸ Сибирские вопросы. 1912. № 28. С. 42.

¹²⁵⁹ См.: Литягина А.В. Городские думы как представительные организации торгово-промышленных кругов дореволюционной Сибири (по материалам Томской губернии) // Предприниматели и предпринимательство Сибири. Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 183–184.

¹²⁶⁰ ГАТО. Ф. 233. Оп. 10. Д. 6.

¹²⁶¹ Сибирский вестник. 1902. 3 марта.

¹²⁶² Известия Томского городского общественного управления. 1903. 11 января.

¹²⁶³ Город Томск. Томск, 1912. [Справочный отдел]. С. 6.

Всего по нашим подсчетам в разные годы гласными томского городской думы становились 10 профессоров университета. Это юрист И.А. Базанов, зоолог Н.Ф. Кащенко, медики И.Н. Грамматикати (гинеколог), М.Г. Курлов (терапевт), П.Н. Лащенко (гигиенист), С.В. Лобанов (офтальмолог), Е.С. Образцов (дерматолог), М.М. Покровский (гистолог), М.Ф. Попов (судебный медик) и А.И. Судаков (гигиенист).

Деятельность в думе большинства профессоров-гласных была связана с их профессиональными интересами. Как гласные профессора преимущественно занимались вопросами образования, здравоохранения, благоустройства города.

Приведем несколько примеров активности профессоров-«депутатов».

1 мая 1898 г. дума разбирала обращение Общества попечения о начальном образовании об уступке в пользование общества городского сада на Новособорной площади «для устройства в нем доступных по цене нравственно-здоровых и по возможности образовательных развлечений». Профессора А.И. Судаков и И.Н. Грамматикати выступали против передачи городского сада Обществу. А.И. Судаков, входивший в комиссию по благоустройству города, заявил: «Сад устроен специально для здоровья населения. Заграницей общественные сады называются легкими города, и отдавать его в чье-либо исключительное пользование нельзя». И.Н. Грамматикати поддержал университетского коллегу словами «Городской сад должен быть в руках города»¹²⁶⁴.

Проблемы здравоохранения особенно часто входили в сферу думской активности профессоров. В декабре 1900 г. на заседании Думы профессора А.И. Судаков, Е.С. Образцов, И.Н. Грамматикати вместе с учителем П.И. Боголюбовым были избраны в комиссию по учреждению пятой городской аптеки¹²⁶⁵.

Гигиенист профессор П.Н. Лащенко, став гласным думы, проявлял особую заботу о санитарном состоянии города. 26 мая 1906 г. он внес ходатайство в

¹²⁶⁴ Сибирский вестник. 1898. 3 мая.

¹²⁶⁵ Сибирский вестник. 1900. 13 декабря.

городскую Думу об учреждении при Томском городском управлении Врачебно-санитарной исполнительной комиссии. П.Н. Лашенков так мотивировал свое предложение: «Та отрасль городского хозяйства, которая включает в себя врачебно-санитарную часть, весьма сложна, разнообразна и специальна по существу... отсюда... имеются все данные для возбуждения вопроса о создании специальной врачебно-санитарной комиссии, которая могла бы служить прежде всего делу планомерного прогресса санитарной части города, делу объединения и коллегиального руководства всеми органами врачебно-санитарной организации»¹²⁶⁶. Такая комиссия была учреждена, и именно П.Н. Лашенков стал ее председателем (сентябрь 1908 г.).

Пожалуй, наиболее часто предметом заинтересованного интереса профессоров-гласных городской думы становилась проблема народного просвещения.

Профессор Е.С. Образцов на рубеже веков был гласным думы и председателем училищной комиссии при городской управе. В декабре 1898 г. в заседании думы он настаивал на открытии новой школы. Дума поддержала его и постановила открыть с начала 1899 г. училище в Песках (район города), на что ассигновала 1 000 руб.¹²⁶⁷

В 1899 г. Е.С. Образцов обратился к гласным с предложением о назначении к годовому окладу жалования прибавки в 60 руб. и одновременной выдаче наградных в размере 300 руб. учителю приходского Юрточного училища Д.Н. Безсонову по случаю 30-летия службы. Во время дебатов выяснилось, что в Томске Д.Н. Безсонов служил только 18 лет, а 12 – в Мариинске. Разгорелись дебаты. На прибавку в 60 руб. гласные согласились, а единовременную премию решили выдать лишь в размере 100 руб. Дума поручила Образцову выработать положение о сроках службы и правах учителей на прибавку к окладу¹²⁶⁸.

В 1900 г. гласный И.М. Некрасов предлагал ввести плату за обучение в

¹²⁶⁶ Захарова Г.В., Харитонов Е.М. Вклад П.Н. Лашенкова (1864–1925) в становление врачебно-санитарной службы г. Томска: К 400-летию г. Томска и 140-летию со дня рождения П.Н. Лашенкова // Бюллетень сибирской медицины. 2004. № 4. С. 87.

¹²⁶⁷ Сибирский вестник. 1898. 16 декабря.

¹²⁶⁸ Сибирский вестник. 1899. 26 сентября.

начальных училищах в размере от 4 до 8 руб. Это, по его мнению, дало бы возможность открыть еще несколько школ. Образцов возражал, считая нецелесообразным введение платы за обучение: «За несколько десятилетий город израсходовал на народное образование громадную сумму денег и теперь может гордиться тем, что в Томске школьное дело поставлено лучше, чем в большей части городов Российской империи, введение же платы за учение, хотя бы и в минимальном размере, т.е. в количестве трех рублей в год, было бы шагом назад»¹²⁶⁹.

В 1912 г. профессор И.А. Базанов входил в рабочую группу городской думы по строительству «Дома науки», возводившегося по замыслу и на средства мецената П.И. Макушина¹²⁷⁰.

Отметим, что именно в связи с этим проектом томской думе произошла конфликтная ситуация, выставившая отдельных профессоров-гласных не в лучшем свете.

В рубрике «Сибирские письма» журнала «Сибирские вопросы», издававшегося в Петербурге, в 1912 г. появилась анонимная заметка под кричащим названием «Профессора – могильщики просвещения». Автор статьи утверждал, что нередко томские власти в лице не выбранного, а назначенного городского головы И.М. Некрасова проводят решения, губительно сказывающиеся на просвещении и «подводят под них “компетентные” основания, соображения и указания». «Кто же лучше профессоров, “имеющих ученые степени”, – продолжал автор – это может сделать? Уж одно профессорское звание все решает. В таких случаях профессора-гласные получают от городского головы специальные приглашения пожаловать на заседание думы (профессора, по многосложности их ученых занятий, не охочи посещать думские заседания), а если вопрос уж очень для головы неприятный, то они приглашаются на предварительное “частное” у городского головы совещание, где и натаскиваются. После этого на думском заседании вопросы разбираются и разыгрываются как по нотам: на то у

¹²⁶⁹ Сибирский вестник. 1900. 17 декабря.

¹²⁷⁰ Известия Томского городского общественного управления. 1912. № 41–42. С. 12.

профессоров и ученые степени имеются. С помощью этих степеней и мало-мальски неплохо подвешенного языка можно многое сделать, белое – очернить, черное – обелить, ясное – затмить, – словом, проделать целый ряд таких превращений, что головотяпу и не разобратся»¹²⁷¹. Это вступление предваряло два ниже приведенных случая, связанных с инициативой П.И. Макушина организовать в Томске Народный университет. При постройке здания для университета, деньги (100 000 руб.) на которое выделил Макушин, смета была превышена на 8 000 руб. Вопрос о перерасходе рассматривался думой 5 сентября 1911 г. По словам автора анонимного письма, городской голова И.М. Некрасов, испытывая личную неприязнь к Макушину, чинил ему различные препятствия. «Первым выступил по взмаху дирижерской палочки профессор М.Г. Курлов [...] “Комиссия по постройке Дома Науки сделала перерасход без разрешения думы? Нужно комиссию заставить уплатить эти деньги. По одежке протягивай ножки [...]. Я настаиваю на том, чтобы деньги, расходуемые без разрешения думы, взыскать с комиссии” – заключил свой выпад профессор»¹²⁷².

В конце 1912 г. на заседании Думы слушался вопрос об утверждении «Положения о Народном университете». С разгромной критикой проекта Положения выступил профессор И.А. Базанов («и пошел, и пошел громить во всеоружии своей великой учености, точно перед ним стоял опаснейший враг, которого надо уничтожить»). Он критиковал пункт положения, согласно которому преподавателями народного университета значатся лица с высшим образованием, а не с учеными степенями, а также пункт о том, что к слушанию лекций допускались лица обоего пола без различия национальности и вероисповедания. «”А ценз?” – вопрошал ученый... “Это недопустимо – пускать в университет всех слушателей без подготовки”».

Коллегу по университету поддержал профессор богословия И.Я. Галахов. Он критиковал положение за отсутствие в нем упоминания о преподавании в Народном университете «науки о религии».

¹²⁷¹ Сибирские вопросы. 1912. № 28. С. 42.

¹²⁷² Сибирские вопросы. 1912. № 28. С. 44.

Профессор М.Ф. Попов предложил создать новую комиссию. Она была создана в составе П.И. Макушина и профессоров И.А. Базанова, М.Ф. Попова и И.Я. Галахова. Впрочем, Макушину удалось отстоять свой вариант Положения, хотя в него были внесены незначительные изменения.

Анонимный автор заключал: «Попав в гласные думы, они и сюда вносят растлевающее влияние. Они и здесь играют роль усердных слуг самого заклятого врага городского самоуправления, властолюбца, у которого нет за душой ничего, кроме низменных побуждений... Под прикрытием своих ученых степеней сколько мути вносят они в самосознание малокультурного, слабого общества, не способного во многих вещах разбираться самостоятельно... и как они позорят ту науку, в служители которой навязались»¹²⁷³.

Описанная в заметке ситуация, пожалуй, могла в том или ином виде произойти в силу, в том числе, политических разногласий между весьма лояльными по отношению к царской власти городским головой Некрасовым, профессорами И.А. Базановым, М.Г. Курловым, М.Ф. Поповым, с одной стороны, и придерживавшимся более критических воззрений П.И. Макушиным, с другой.

Впрочем, статистические данные указывают на, то, что личные отношения, как правило, не препятствовали гласным думы заботиться о вопросах образования. Исследователями уже было подмечено, что именно «интеллигентный состав» томской городской думы объясняет существенное содействие города обществам и учреждениям, работавшим в сфере просвещения¹²⁷⁴. Действительно, например, в 1911 г. на народное образование городом было потрачено около 20 % всех расходов, а в течение 40 лет предшествовавших лет траты на образование увеличились в 53 раза, тогда как весь расходный бюджет города увеличился только в 18 раз¹²⁷⁵.

Менее подробно остановимся на примерах участия профессоров и приват-доцентов в делах местного самоуправления в других университетских городах.

¹²⁷³ Сибирские вопросы. 1912. № 28. С. 42–49.

¹²⁷⁴ История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века // Сибирь капиталистическая. Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/sg2/index.html> (дата обращения: 3.07.2013).

¹²⁷⁵ Город Томск. Томск, 1912. [Отдел первый]. С. 258.

По подсчетам Е.А. Ростовцева, в рассматриваемый период 14 преподавателей ИСПБУ избирались гласными столичной городской думы, причем первые профессора-гласные появились лишь в 1900 г.¹²⁷⁶ Наибольшее количество «университетских» гласных – одновременно 6 человек – заседало в городской думе накануне Первой русской революции. По наблюдениям Е.А. Ростовцева, из 14 гласных-преподавателей ИСПБУ наиболее активны в думе были Л.К. Дымша, И.М. Тютрюмов, И.И. Боргман, несколько меньше – И.Я. Фойницкий.

Приват-доцент юридического факультета Л.К. Дымша входил в комиссии по юридическим вопросам, по вопросу о расходовании средств в больнице Марии Магдалины, о мерах по безопасности столичного населения, призрения нищих и др.; в 1907 г. избирался заместителем председателя Думы. Приват-доцент юридического факультета И.М. Тютрюмов был председателем постоянной Юридической комиссии, заместителем председателя Думы, а также членом Санкт-Петербургской Городской комиссии по образованию. Бывший ректор университета профессор И.И. Боргман стал членом больничной комиссии. Профессор И.Я. Фойницкий возглавлял комиссию, подготавливавшую решения по регламентации времени «праздничного отдыха служащих в торговых и ремесленных учреждениях» и представлял Санкт-Петербург в Комитете общества земледельческих колоний и ремесленных приютов¹²⁷⁷.

Гласным Московской городской думы в 1897–1902 гг. был профессор ИМУ П.Г. Виноградов. Он работал в комиссии о пользах и нуждах общественных, председателем которой был его коллега по университету, профессор В.И. Герье. Позднее П.Г. Виноградов стал председателем училищной комиссии, где он занимался созданием доступной системы начального обучения в Москве¹²⁷⁸. Что

¹²⁷⁶ Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017. Т. 1. С. 420.

¹²⁷⁷ Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017. Т. 1. С. 421–423.

¹²⁷⁸ Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С.198, 199.

касается В.И. Герье, то он гласным был на протяжении 30 лет – с 1876 по 1906 г., при этом, в 1893–1907 гг. являлся председателем комиссии о пользах и нуждах общественных, а в 1892–1904 гг. – еще и председателем Московской городской думы и губернского земского собрания. Как председатель названной комиссии В.И. Герье инициировал создание городских попечительств о бедных (1893 г.), причем сам взял на себя попечительство над одним из 40 участков, на которые была разделена Москва¹²⁷⁹.

Гласным Московской городской думы с 1910 г. состоял почетный гражданин, приват-доцент ИМУ С.В. Бахрушин.

Приват-доцент ИМУ Ф.Ф. Кокошкин в 1900 г. был избран гласным Московского губернского земского собрания от Звенигородского уезда. Он привлекался к работе в финансовой и по народному образованию комиссиях, а также во временных комиссиях о мелкой земской единице и пересмотре земского избирательного права. В 1903 г. Ф.Ф. Кокошкин был избран членом Московской губернской управы. Он руководил экономическим отделом, который занимался вопросами сельскохозяйственной и кустарной промышленности¹²⁸⁰.

Заслуженный ординарный профессор ИКУ А.Я. Щербаков в 1897 г. стал гласным Казанской городской Думы и членом Казанской городской управы¹²⁸¹.

Профессор Г.Ф. Шершеневич, избранный в Казанскую думу в 1901 г. как специалист в области гражданского права входил в состав юридической комиссии¹²⁸².

Видными деятелями земского движения были профессора ИКУ земские гласные К.А. Юшков, А.И. Якобий, И.В. Годнев, Д.А. Корсаков и др. Профессор ИКУ А.В. Васильев был гласным Свияжского уездного и Казанского губернского

¹²⁷⁹ Цыганков Д.А. Воспоминания В.И. Герье о Московской городской думе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 4 (71). С. 146.

¹²⁸⁰ Шелохаев В.В. Федор Федорович Кокошкин: «Праву должны быть подчинены все – от высшего представителя власти до последнего гражданина» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 707–708.

¹²⁸¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9617. Л. 2.

¹²⁸² Шигабутдинов Р.Р. «Перводумец» в казанской городской думе: Первый опыт политической и законодательной деятельности профессора Г.Ф. Шершеневича // Вестник КрасГАУ. 2011. № 4. С. 180.

Земских собраний. За составление в 1888 г. «тенденциозного циркуляра на имя Председателей Уездных Земских Собраний соседних губерний по поводу устройства научно-промышленной выставки в Казани, имевшего целью распространить в Губернских и Уездных собраниях некоторых губерний агитацию против мер, принятых Правительством к упорядочению действий земских учреждений», профессор Васильев в 1890 г. был выведен из состава гласных и лишен права службы по земству¹²⁸³. После запрета на службу в земствах в январе 1897 г. А.В. Васильев был выбран гласным Казанской городской думы¹²⁸⁴. Будучи в июле 1901 г. вновь избранным гласным Свияжского Уездного Земского Собраний (как землевладелец Свияжского уезда), А.В. Васильев обратился с ходатайством о снятии с него ограничения. Ходатайство это удовлетворено не было¹²⁸⁵.

Вольнослушатель А.Ф. Селиванов, посещавший ИХУ в 1881–1885 гг., вспоминал: «Многие профессора принимали участие в думе, в земстве, и в коммерческих и благотворительных учреждениях»¹²⁸⁶. В частности, М.М. Алексеенко, профессор и ректор ИХУ (в 1890–1899 гг.) неоднократно избирался гласным Харьковской городской думы.

Пожалуй, самым значительным примером участия харьковской университетской профессуры в делах местного самоуправления станет деятельность бывшего ректора ИХУ Д.И. Богалея на посту городского головы в 1914–1917 гг.¹²⁸⁷ Заметим, что, выполняя обязанности городского головы, Д.И. Богалей оставался сверхштатным заслуженным ординарным профессором историко-филологического факультета. Всего же за 1890-е – 1917 гг. порядка

¹²⁸³ НАРТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 216. Л. 1.

¹²⁸⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 216. Л. 10.

¹²⁸⁵ НАРТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 216. Л. 16.

¹²⁸⁶ Селиванов А.Ф. Из воспоминаний о Харьковском университете за время с 1881 г. (август) по июнь 1885 г. постороннего слушателя // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 174.

¹²⁸⁷ См.: Домановський А.М., Пархоменко М.В. На шляху золотої середини. Дмитро Іванович Багалій – харківський міський голова (1914–1917 рр.) // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2014. № 2. С. 30–45.

25 профессоров и приват-доцентов ИХУ выполняли обязанности гласных местной думы¹²⁸⁸.

В 1907 г. в гласные Одесской думы от университета был избран профессор И.А. Линниченко¹²⁸⁹. Ректор ИНУ А.П. Доброклонский (в 1913–1917 гг.) был гласным Одесской городской думы (1913–1920). Гласным Одесской городской думы был и профессор С.В. Левашов.

Профессор ИНУ С.П. Ярошенко был гласным Думы в течение двух сроков по четыре года, в 1905 г. был избран на третий срок. 2 мая 1905 г. С.П. Ярошенко был избран городским головой Одессы, но 11 мая сложил с себя полномочия в связи с «изменившимися обстоятельствами» и выслан генерал-губернатором К.А. Карангозовым за «вредную деятельность» в Вологодскую губернию.

Данные по истории Киевской городской думы показывают, что на рубеже XIX–XX вв. доля гласных с высшим образованием здесь была несколько ниже, чем в Томске: по итогам выборов 1894 и 1902 гг. 39 гласных (то есть 54 %) из 72 были выпускниками высших учебных заведений. При этом в 1898 г. гласными были избраны 4 профессора, 2 кандидата прав и 2 доктора медицины, а в 1902 г. – 3 профессора и один приват-доцент ИУСвВ¹²⁹⁰. В частности, на протяжении 8 лет гласным Киевской городской думы был профессор Н.М. Бурнов.

Архивные фонды сохранили описание случая, когда представитель университета, будучи гласным, не поддерживал университет на городском уровне. В 1886 г. сложилась конфликтная ситуация в отношениях между киевскими городскими властями и ИУСвВ относительно строительства нового здания для университета. При этом приват-доцент ИУСвВ и гласный Киевской городской думы Е. Афанасьев отстаивал точку зрения, не разделявшую университетских интересов. По дошедшим до нас свидетельствам, Е. Афанасьев в прениях прибегал к таким выражениям, как «Университет придирается к данному

¹²⁸⁸ Харківський університет – рідному місту / Під редакцією С.І. Посохова, Є.П. Пугача. Харків, 2004. С. 102.

¹²⁸⁹ В университете // Одесские новости. 1907. 21 марта.

¹²⁹⁰ Заславская Н.А. К истории городского самоуправления Киева в конце XIX – начале XX века: Личный состав Киевской городской думы // Приволжский научный вестник. 2012. № 4 (8). С. 39.

городом обязательству», «Ректору университета, вместо того, чтобы делать мелкие придирки, удобнее самому обратиться к городу с просьбой о соглашении», «Университет желает заставить город строить барак, тогда как университетские здания стоят пустые и нечем их занимать». Позиция Е. Афанасьева настолько возмутила ректора университета Н.К. Ренненкампа, тоже гласного думы¹²⁹¹, что в письме попечителю учебного округа С.П. Голубцову он писал: «возможно ли допустить, чтобы приват-доцент университета обзывал в публичном заседании Думы “мелкими придирками” официальные бумаги ректора»¹²⁹².

Обращение к не очень продолжительной истории обновленного в 1870-х гг. российского городского самоуправления убеждает, что использование интеллектуальных способностей, навыков ведения цивилизованного спора профессоров университетов нельзя было не использовать в работе местных органов власти. Несмотря на немногочисленность, университетская общественность сыграла заметную роль в городской власти в конце XIX – начале XX в.

Выводы по Главе 5

Модернизация, протекавшая в России второй половины XIX в., заметное – восприятием людей одного поколения – усиление роли науки в обществе меняли социальную роль университетского преподавателя. Как отмечают Е.А. Вишленкова и др., «из “распространителя наук” (термин начала XIX в.) он становится экспертом, политиком, советником, предпринимателем, общественным деятелем»¹²⁹³.

Вместе с этим, конец XIX – начало XX в. – время становления в России гражданского общества, для которого характерны низовые формы самоорганизации, гражданские инициативы. Университетские профессора,

¹²⁹¹ Гласными киевской городской думы в это время также были профессора Г.Д. Сидоренко, В.А. Караваев и В.А. Бец.

¹²⁹² ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1886). Д. 16. Л. 1 – 7 об.

¹²⁹³ Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 11.

неравнодушные к общественно-политическим процессам, могли реализовать себя в этом отношении преимущественно через просветительскую деятельность, популяризируя научное знание для широкой внеуниверситетской аудитории, делаясь своими умениями и навыками с обществом.

Один из учеников профессора ИТУ И.А. Малиновского, П.В. Бычковский, писал об учителе: «Став профессором в Томске, он много внимания уделял общественной деятельности, ибо считал, что она является обязанностью русской интеллигенции»¹²⁹⁴. Справедливости ради стоит заметить, что у современников встречались и скептические наблюдения относительно общественной активности университетских преподавателей. Так, К.М. Гречищев, учившийся в ИТУ с 1894 г., оставил в воспоминаниях такое суждение: «К сожалению, ярких общественных выступлений профессуры в первые, да и в последующие годы университета не было. Профессура прочно ушла в свою ученую и учебную скорлупу, откуда являлась обществу только изредка – в торжественные дни университета, – в его годовщину и когда происходили в актовом зале университета экстраординарные собрания с докладами»¹²⁹⁵. Но все-таки подобные впечатления и оценки носят единичный характер. В профессорской среде превалировал концепт «долга интеллигенции перед народом». Он находил воплощение в благотворительности и различных просветительских инициативах, которые оказывались весьма востребованными во всех университетских городах, где стремившаяся к просвещению публика без труда наполняла аудитории, предоставляемые для публичных выступлений. Нам удалось столкнуться лишь с единичным свидетельством последовательного нежелания университетского профессора рассматриваемого периода читать лекции для населения. «От публичных лекций, с чтением которых ко мне энергично приставали, я всегда отказывался и никогда их не читал» – вспоминал профессор ИСПБУ

¹²⁹⁴ Архив музея ТГУ. Фонд И.А. Малиновского. Памяти учителя. [Воспоминания П.В. Бычковского о И.А. Малиновском]. Л. 1.

¹²⁹⁵ Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 394.

А.А. Иностранцев¹²⁹⁶. Большинство же представителей университетского педагогического сообщества занятие народным просвещением воспринималось как общественный долг.

Активное участие профессуры в городских делах, безусловно, укрепляло авторитет университетских людей в глазах общества¹²⁹⁷.

Не будет преувеличением сказать, что университет менял жизнь горожан. В некрупных городах университет еще и выступал в роли своеобразного средства преодоления провинциальности, приобщая жителей к новым формам интеллектуального развития и досуга. На это обращали внимание и современники. Широко известна фраза из монографии Д.И. Багалея и Д.П. Миллера, посвященной истории Харькова: «Университетские города сильно отличаются в культурном и общественном смысле от неуниверситетских»¹²⁹⁸.

Заметим, что дореволюционная практика не утратит актуальности и в последующие годы. Правда, если в советское время просветительский потенциал преподавателей и ученых, как правило, находил применение через относительно централизованное и идеализированное Всесоюзное общество «Знание», то в начале XXI в. влияние вуза на окружающую его городскую среду – в том числе посредством просвещения – рассматривается через призму концепции о «третьей

¹²⁹⁶ Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 151.

¹²⁹⁷ Косвенное подтверждение большого авторитета профессуры и большого веса университетских преподавателей в городском сообществе находим, благодаря отложившемуся в архивном деле случаю, произошедшему в Одессе весной 1892 г. В апреле 1892 г. в Одессе произошел неприятный инцидент между профессором кафедры государственного права ИНУ Н.В. Рененкамфом и городовым Ефименко. Последний не позволил проехать извозчику, который вез профессора, по отремонтированному мосту. Завязалась ссора. Впоследствии профессор Н.В. Рененкамф и городской Ефименко взаимно обвиняли друг друга в нанесении физических увечий. Судя по всему, профессор Н.В. Рененкамф пытался уладить разгоравшийся скандал, убеждая власти не давать ход делу, но настаивая на своей правоте. Полицейские и городские власти в целом заняли позицию Н.В. Рененкамфа. Одесский градоначальник П.А. Зеленый писал 6 мая 1892 г. по этому поводу министру народного просвещения И.Д. Делянову: «Приняв во внимание необходимость оказать поддержку Рененкамфу, *в виду его общественного положения* (курсив мой – М.Г.), в особенности в глазах учащейся молодежи, я склонился на эти просьбы». В итоге ход делу так и не был дан (ГАРФ. Ф. 102(Д3). Оп. 1892. Д. 1183. Л. 4.).

¹²⁹⁸ Багалея Д.И., Миллер Д.П. История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905). Харьков, 1993. Т. 2. С. 588.

роли» университетов¹²⁹⁹. В любом случае можно утверждать, что обращение университета к городу через предоставление горожанам возможности пользоваться имеющимся в университете интеллектуальным капиталом – давно себя зарекомендовавшая и имеющая перспективы модель взаимоотношений университета с окружающим сообществом.

¹²⁹⁹ Бенневорт П., Сандерсон А. Третья роль университетов. Участие университетов в региональном развитии: создание потенциала в условиях малоинновационной среды // Вестник международных организаций. 2012. № 1 (36). С. 172–188.

Глава 6. Гражданская активность профессоров и преподавателей российских университетов

Начало XX века – время бурных общественно-политических процессов в России, время быстрой политизации общества. Университеты, будучи местом концентрации интеллектуальных сил страны, не могли оказаться в стороне от политики. Если ещё в последние десятилетия XIX в. можно было сохранять политический нейтралитет, то в условиях затянувшейся на два с половиной года Первой русской революции произошла зримая идейная поляризация профессорско-преподавательского корпуса.

Проанализируем общественно-политическую активность преподавателей через характеристику феномена идейного раскола в преподавательской среде, выявление форм протестной активности одной части сообщества и проявлений политической лояльности другой его частью, а также через обращение к участию университетских преподавателей в работе Государственного Совета и Государственной Думы в начале XX в.

6.1. Идейный раскол профессуры: «правые» и «левые»

Российское университетское преподавательское сообщество в рассматриваемые десятилетия переживало невиданный прежде раскол на партии «левых» и «правых» по идейно-политическим основаниям, причем многочисленные свидетельства позволяют сегодня с уверенностью утверждать, что в большинстве университетов «левая» профессура заметно численно преобладала над «правой», да и логика исторического процесса была на её стороне.

Предварительно необходимо отметить, что в лексиконе рубежа XIX–XX вв. под «левыми» понимались не только лица, разделявшие социалистическую или коммунистическую идеологию, но и, по большому счету, все, кто был оппозиционно настроен по отношению к монархическому строю. Именно в этом –

расширительном – значении понятие «левые» употребляется в большинстве исторических документов, привлеченных для анализа проблемы, фрагменты из которых приведены ниже. Вместе с тем картина политических пристрастий университетских преподавателей была, разумеется, более пёстрой, о чем можно судить, отталкиваясь от данных об их партийных предпочтениях.

Свидетельства по истории каждого из российских университетов начала XX в. дают богатый материал, иллюстрирующий политическое размежевание внутри преподавательских коллективов.

Так, в рассматриваемый период явный раскол по политическим мотивам сложился в ИКУ. Именно политическими пристрастиями жандармское губернское управление объясняло те или иные решения Совета. «Для нравственного перевеса в настроении (Совета – М.Г.) благоприятном во взглядах Правительства необходимо привлечь в группу правой (профессуры – М.Г.) два-три лица. Доказательством этого может служить случай, когда был забаллотирован прив[ат]-доц[ент] по кафедре патологич[еской] анатомии, прозектор при этой кафедре д[окто]р мед[ицины] Ст[атский] Сов[етник] Петр Павлович Заболотнов как правый по факультету, и был избран большинством всего двух голосов Чистович, которого проводила партия каде»¹³⁰⁰.

И далее: «За смертью Заслуж[енного] орд[инарного] профес[сора] Александра Генриховича Ге освободилась кафедра кожных и сифилитических болезней при Казанск[ом] Универ[ситете]. Есть тенденция провести на эту кафедру приват-доц[ента] Московского Университета по кафедре Чернова, состоящего будто бы председателем общества сионистов в Москве. Из числа кандидатов или претендентов на эту кафедру из прив[ат]-доц[ентов] Казанского Университета выступают: со стороны левых – прив[ат]-доц[ент] при кафедре кожн[ых] и сифилит[ических] болезней Вл[адимир] Фед[орович] Бургсдорф, а со стороны правых – прив[ат]-доц[ет] по той же кафедре д[окто]р медицины Иван Михайлович Гиммель, на избрание которого шансов нет, т[ак] к[ак] левые обладают большим числом голосов. Для перевеса во время выборов правые

¹³⁰⁰ НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 6.

предполагают употребить хитрость: заявить, что они Гиммеля провалят. Естественнo, что в виду такого заявления левые, желая показать свою корректность, скажут, что в данном случае они ставят не направление человека и его убеждения, но исключительно науку, и только так правые возьмут перевес»¹³⁰¹.

Абсолютно аналогичная ситуация и аналогичные предложения для выхода из нее были изложены попечителем Одесского учебного округа графом А.А. Мусин-Пушкиным в письме министру народного просвещения П.М. Кауфману в декабре 1906 г.: «Единственным выходом из нынешнего безотраднoго положения медицинскoго факультета Новороссийскoго университета [...] является назначение на имеющиеся на нем 5 свободных кафедр профессоров их других университетов, в особенности из Варшавскoго университета [...]. Эти вновь назначенные профессора могли бы усилить собой консервативный элемент в нашем медицинскoм факультете. В настоящее время вследствие смерти проф[ессора] Богданова и перехода в лагерь левых проф[ессора] Зарубина голоса на медицинскoм факультете разделяются поровну (9 белых и 9 черных)»¹³⁰².

Месяцем ранее, в ноябре 1906 г., А.А. Мусин-Пушкин писал министру П.М. Кауфману: «с его (Совета – М.Г.) стороны, конечно, рассчитывать (на осуждение студентов – М.Г.) нельзя при современном составе его большинства, заискивающем перед революционнo настроенным Центральным студенческим органом»¹³⁰³. Речь шла о выборном студенческом органе самоуправления. Ниже в этом же послании попечитель пишет, что профессора, «принадлежащие к правым и умеренным партиям», есть на каждом факультете, «кроме физико-математическoго, представляющeго из себя сплошной левый блок»¹³⁰⁴.

Итак, как видим, от руководства Одесского учебного округа исходили аргументированные суждения о расколе Совета ИНУ и о перевесе в нем левой

¹³⁰¹ НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 6–6 об.

¹³⁰² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 8.

¹³⁰³ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 3.

¹³⁰⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 3 об.

профессуры. К аналогичным выводам можно прийти, опираясь на документы, исходившие от самих представителей университетского сообщества.

В письме, написанном в Одессе 1 января 1914 г. профессором Б.В. Варнеке, говорилось: «В Новороссийском университете год тому назад выбрали Ректором профессора Кишенского, крайне правого, но очень глупого человека. Проводили его левые. Наши радовались, видя в этом симптомы примирения; я смотрел иначе и оказался, увы, прав. Он сразу переменял фронт и попал в руки к левым, уже провел двух левых в деканы [...]. Дело дошло до того, что на балу Ректору не позволили послать телеграмму ГОСУДАРЮ»¹³⁰⁵.

Тремя с лишним годами ранее, в декабре 1910 г., профессор Н.Н. Ланге писал ректору ИМУ С.В. Левашову: «Не представляет никакой тайны, что Совет нашего Университета раскололся на две почти равных по числу групп профессоров, причем то одна, то другая брала верх». Любопытно, что далее Н.Н. Ланге отмечал: «Это печальное состояние коренной вражды не известно ни Петербургскому, ни Московскому университетам, несмотря на то, что и там политические взгляды профессоров, конечно, неоднородны»¹³⁰⁶. Однако, похоже, что мнение об отсутствии «коренной вражды» не разделялось самими преподавателями столичных университетов, которые наблюдали ситуацию не со стороны, а изнутри.

В своем дневнике жена профессора ИМУ С.Ф. Платонова писала, что выборы в университете «давно predeterminedены левыми, которых среди профессоров большинство (центр движения – Гревс и Ростовцев)»¹³⁰⁷.

В агентурной записке от 9 января 1911 г. были приведены сведения о 27 профессорах и приват-доцентах ИМУ, «принадлежащих к левым партиям», и особо указано: «Относительно профессоров и приват-доцентов юридического факультета Московского университета пришлось услышать такую характерную фразу: “Вместо того, чтобы считать здесь левых, лучше пересчитайте по пальцам

¹³⁰⁵ ЦГИАУ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 26. Л. 61.

¹³⁰⁶ ЦГИАУ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 543. Л. 44. ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 581. Л. 4 об.

¹³⁰⁷ Цит. по: Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 310.

три – пять правых – все остальные и будут левые”». Так же обращает на себя внимание следующая мысль, изложенная в записке: «как критерий для определения партийности профессоров Университета служат их занятия в Университете Шанявского и Коммерческом институте: при приглашении сюда профессоров и приват-доцентов делается тщательный подбор и, таким путем, сюда могли попасть только левые¹³⁰⁸»¹³⁰⁹.

Впрочем, более поздние, межреволюционные времена, до наступления нового обострения накануне 1917 г., действительно, давали пример схождения двух противоборствовавших групп. Так, профессор ИМУ М.М. Богословский оставил дневниковую запись от 8 октября 1913 г.: «попал в Университет на факультетское заседание, на котором единогласно решено возвести Герье в почетные члены [...]. Это уже не первое единогласное решение факультета за начавшийся год. Наступили, по-видимому, времена мира»¹³¹⁰.

О подобном расколе на «левых» и «правых» свидетельствуют и документы по истории других университетов. Так, и.д. ректора ИЮУ М.Н. Крашенинников писал попечителю Рижского учебного округа А.И. Щербакову в 1914 г. по поводу избрания К.Д. Покровского проректором университета: «Профессор Покровский, как член совета, всегда голосовал вместе с левыми против правых, и я не помню ни одного случая, когда он голосовал бы вместе с правыми против левых» и далее: «Сам факт избрания его Советом на должность проректора служит наглядным доказательством принадлежности его к партии левых, так как при теперешнем составе Совета, когда решающее значение имеют голоса немцев, ни в ректоры, ни в проректоры не может быть избран правый профессор, ибо немцы,

¹³⁰⁸ Заметим, что в справках на профессоров и приват-доцентов московских вузов, проходивших по делам Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве, составленных в январе 1911 г. приват-доценты ИМУ П.П. Гензель, А.В. Горбунов и М.Д. Загряцков обвинялись именно в том, что в Народном университете имени А.Л. Шанявского «читали лекции тенденциозного содержания» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 21, 28, 35).

¹³⁰⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 56 – 57 об.

¹³¹⁰ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 28 с.

как и всегда это было раньше, поддерживают своими голосами только “немцующих”, т.е. левых»¹³¹¹.

Профессор по кафедре всеобщей истории ИХУ А.С. Вязигин так объяснял то, что П.Н. Буцинский не мог защитить магистерскую и докторскую диссертации в «родном» Харьковском университете: он «принадлежал к числу близких людей проф[ессора] В.К. Надлера, всегда выступал как “правый” и этого было достаточно для господ и делателей так называемого “общественного мнения”»¹³¹².

Политический настрой профессорско-преподавательского корпуса ИХУ красноречиво демонстрируется текстом постановления Совета от 29 сентября 1905 г.: «Предупредить катастрофу возможно лишь в том случае, когда русскому народу будут гарантированы священные права всякого человека: неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраний»¹³¹³. О раскладе политических сил в ИХУ в несколько более поздние времена можно судить по письму попечителя Харьковского учебного округа П.Э. Соколовского министру народного просвещения А.Н. Шварцу от 20 июня 1909 г.: «Благодаря выбору Сумцова [деканом историко-филологического факультета – М.Г.], Правление Харьковского университета получило окончательное направление, которое весьма затрудняет искренние отношения и совместную работу»¹³¹⁴.

Поименно подсчитать и определились политические симпатии каждого университетского преподавателя едва ли сегодня представляется возможным, но составить представление о политических раскладах в тех или иных университетах к началу XX в. источники позволяют. Например, известен «Список личного состава администрации и профессоров С.-Петербургского университета с указанием кратких сведений о их прежней деятельности», впервые введенный в научный оборот А.Е. Ивановым¹³¹⁵. Список в июле 1899 г. министр внутренних

¹³¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 501. Л. 51.

¹³¹² Вязигин А.С. Тридцатилетие научной деятельности профессора П.Н. Буцинского // Мирный труд. 1912. № 2. С. 147.

¹³¹³ Цит. по: Бузескул В.П. Дни баррикад в Харькове в октябре 1905 г.: (Личные воспоминания) // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 336.

¹³¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 11.

¹³¹⁵ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 245–247.

дел И.Л. Горемыкин направил министру народного просвещения Н.П. Боголепову. В обширном 30-страничном (с оборотами) документе приведены имена 182 человек, на 144 из них порочащих сведений в МВД не нашлось, а 38 профессоров и приват-доцентов проходили по полицейским документам. Среди приводимых данных были как сравнительно безобидные, такие, как: «принимал участие в всеподданнейшей петиции некоторых литераторов об изменении действующих правил о печати» (заслуженный ординарный профессор В.А. Лебедев, профессора П.П. Фан-дер-Флит, Н.П. Вагнер, А.Н. Бекетов, В.Н. Латкин, приват-доценты П.И. Вейнберг, С.К. Булич, В.Г. Яроцкий, М.И. Свешников), «издает с 1898 г. газету “Право”» (приват-доцент В.М. Гессен), «присутствовал в Казанском Соборе на панихиде по окончившей жизнь самоубийством [...] слушательницы Высших женских курсов» (заслуженный ординарный профессор В.И. Ламанский, ординарный профессор Н.И. Кареев, экстраординарные профессора С.Ф. Платонов, Г.В. Форстен и другие), так и гораздо более серьезные. Десятки профессоров и приват-доцентов были уличены политической полицией в связях с арестованными и осужденными революционерами (экстраординарный профессор С.Ф. Ольденбург, приват-доценты Н.М. Книпович, Д.Н. Кудрявский, И.М. Гревс, Д.Д. Гримм, С.А. Венгеров, М.И. Свешников и другие).

В «Списке...» приводятся сведения, начиная со студенческих лет. Так, напротив фамилии приват-доцента А.А. Жижиленко указано: «в бытность студентом находился в сношениях с лицами неблагонадежными и привлекавшимися к дознанию за распространение революционных изданий».

Самые обширные тексты характеризуют ординарного профессора Н.И. Кареева, экстраординарного профессора С.Ф. Ольденбурга, приват-доцента А.А. Исаева. Помимо фактов участия этих лиц в тех или иных сомнительных, с точки зрения властей, мероприятиях и перечисления подозрительных знакомств, в документе изложены когда-то высказанные ими суждения¹³¹⁶.

¹³¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 2 – 31 об.

Итак, по упомянутому «Списку...» можно сделать вывод о том, пятая часть всего профессорско-преподавательского корпуса столичного университета в конце XIX в. находилась в поле зрения политической полиции и причислялась к категории неблагонадежных (в разной степени).

В дополнение к первому списку в декабре того же года И.Л. Горемыкин предоставил Н.П. Боголепову аналогичные сведения по ИМУ, снабдив их примечанием о том, что «в означенный список включены сведения не только официального, но и совершенно доверительного характера».

Второй список в два раза меньше первого, он содержит 96 персоналий профессоров и приват-доцентов университета, но процент лиц, о которых у Департамента полиции имелись неблагоприятные сведения, здесь был вдвое большим, чем по ИСПБУ – около 44 % (42 человека из 96). Самым распространенным сведением о московских преподавателях было следующее: «Подписался под петицией на имя ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Московского Генерал-Губернатора о смягчении участи студентов, удаленных из гор[ода] Москвы за принадлежность к земляческим организациям». В «московском» списке наиболее подробная информация содержалась о заслуженном ординарном профессоре В.И. Герье, ординарных профессорах П.Г. Виноградове, А.И. Чупрове, экстраординарных профессорах В.И. Вернадском, Ю.С. Гамбаров.

О профессоре В.О. Ключевском в этом документе было сказано следующее: «В 1887 г. замечен в сношениях с лицами заведомой политической неблагонадежности [...]. В ноябре того же [1894 г. – М.Г.] года в виду произнесенной им в Историческом Обществе речи в память в Бозе почивающего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III Ключевский подвергся нападкам некоторой части Московского студенчества и был ими освистан на лекции 30 ноября. Независимо от изложенного названный профессор пользуется значительной популярностью среди неблагонадежных элементов в виду

появившихся в обращении и изданных нелегальным путем лекций его по русской истории тенденциозного характера»¹³¹⁷.

Два проанализированных «Списка...» позволяют судить о том, насколько внимательно относились власти к общественно-политической позиции преподавателей высшей школы.

Нельзя тут же не отметить, что к потенциально порочившей информации в министерских документах относились в числе прочего и достаточно безобидные сведения, включая факты участия преподавателей в благотворительных и просветительских кампаниях или симпатии со стороны студентов, что не может считаться достаточным основанием для отнесения этих лиц к рядам идейной оппозиции.

В различных архивах нами были выявлены и другие подобные списки.

Так, в ЦГИАУ хранится «Список левых профессоров и приват-доцентов Новороссийского университета» (1906 г.). В нем 22 фамилии: 15 профессоров и 7 приват-доцентов: 13 из них – представители физико-математического, 6 – медицинского, 2 – историко-филологического, 1 – юридического факультета»¹³¹⁸.

В НАРТ¹³¹⁹ (фонд 199 – Казанское губернское жандармское управление) сохранился «Список профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (принадлежащих к политическим партиям, обществам и союзам за период 1902–1908 гг.)». В основу этого списка легли сведения, собранные Казанским Губернским Жандармским управлением с помощью агентурных данных.

В «профессорском» списке значатся 62 персоны. Из них к «правым» или октябристам отнесены 20, «левым», кадетам и членам Академического союза – 30, неопределенная информация дана в отношении 3, отсутствует информация о политических пристрастиях 9 профессоров. Наряду с лаконичными определениями «правый», «к[онституционный]-д[емократ]» встречаются и более

¹³¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 33–50.

¹³¹⁸ ЦГИАУ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 543. Л. 39 – 39 об.

¹³¹⁹ Еще до нового устава, в мае 1883 г., начальник Казанского губернского жандармского управления писал про идейный раскол в ИКУ. См. ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1883. Д. 442. Л. 1–6.

пространные характеристики. Например, о профессоре Б.К. Поленове сказано: «Сознательно вносит деньги в революционный “Красный Крест”. Состоя в обществе вспомоществования студентов, охотнее выдает ссуду пострадавшим за политические убеждения». О профессоре Д.А. Гольдгамере приведены такие сведения: «Из явно сочувствующих с[оциал]-д[емократической] партии и читал свои лекции в 1907 г. при запертых дверях, зачастую переходя от научных на политические темы».

В нижеследующем списке 48 приват-доцентов определенно к «левым» и кадетам отнесено 11 человек, к «правым» и октябристам – 7, о 19 информация отсутствует, а об 11 приват-доцентах дана информация, которая не позволяет надежно определить их политические убеждения. Например, о приват-доценте В.Ф. Бургсдорфе сообщается: «Был к[онституционным]-д[емократом], с получением должности заведующего финьеновским кабинетом (дар Императрицы Марины Федоровны) примкнул к октябристам»¹³²⁰.

В другом, обнаруженном нами в НАРТ списке (который, как представляется, являлся черновиком или подготовительным материалом для «большого списка»), встречаются имена, отсутствующие в «большом списке»: к правым отнесен декан медицинского факультета В.И. Рузумовский, в левым – приват-доценты юридического факультета А.А. Симолин, Г.А. Вацуро¹³²¹. Любопытно, что, по мнению жандармского управления, некоторые профессора примыкали к партии социал-демократов «не исключительно по своим убеждениям, а лишь для популярности в кругу студентов». К таким отнесены К.А. Арнштейн, Н.А. Миславский, Л.А. Даркшевич, Д.А. Тимофеев, А.Н. Казем-Бек¹³²².

Впрочем, порой эти сведения содержат внутренне противоречивую информацию или ставятся под сомнение иными документами.

Например, профессору Л.А. Даркшевичу дана следующая характеристика: «Примыкает к партии “каде”, *правый крайний* (курсив мой – М.Г.).

¹³²⁰ НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 200. Л. 1 – 8 об.

¹³²¹ НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 3, 4 об.

¹³²² НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 5.

Присоединился к “академическому союзу” (газета “Наши дни” от 5 февраля 1905 г. № 39). К[онституционный]-д[емократ]левый (курсив мой – М.Г.). Был председателем общества врачей»¹³²³.

При сравнении двух выше упоминавшихся списков обнаруживается, что в первом («большом») профессор кафедры общей патологии И.Г. Савченко обозначен как «К[онституционный]-д[емократ] левый. Иногда, бывая в медицинских студенческих кружках, говорит на общественные темы, выходя из пределов научных рамок», а в черновом списке отнесен к группе правых¹³²⁴.

Профессор кафедры хирургической патологии Н.А. Геркен в первом случае назван «левым октябристом», а во втором отнесен к «группе, сочувствующей с[оциалистам]-р[еволюционерам]»¹³²⁵.

25 февраля 1908 г. департамент полиции МВД направил начальнику Казанского Губернского Жандармского управления письмо, в котором указывал на противоречия в сведениях на приват-доцента В.Ф. Бургсдорфа: в более раннем донесении начальника Казанского Губернского Жандармского управления указывалось на В.Ф. Бургсдорфа, как на «принадлежащего по своим убеждениям к группе лиц, явно сочувствующих партии социалистов-революционеров», а из данных, полученных от Казанского Губернатора, следовало, что приват-доцент В.Ф. Бургсдорф известен «за человека беспартийного, примыкающего по своим политическим убеждениям к “Союзу 17 Октября” и что революционно-настроенный элемент студенчества, а равно и все профессора крайнего левого направления относятся к Бургсдорфу очень недружелюбно». Заканчивалось письмо словами о том, что департамент полиции «предлагает Вам (начальнику Казанского Губернского Жандармского управления – М.Г.) на будущее время озаботиться более тщательной проверкой сообщаемых Вами сведений»¹³²⁶.

По данным, приведенным В.А. Соломоновым, среди профессоров ИНСУ сторонников демократических взглядов было 15 человек, а их оппонентов,

¹³²³ НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 200. Л. 4.

¹³²⁴ НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 3.

¹³²⁵ НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 4.

¹³²⁶ НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 33–34.

стоявших на позиции проправительственного консерватизма – 10 человек. Лидерами первых стали В.И. Разумовский и В.В. Вормс, вторых – Н.Г. Стадницкий¹³²⁷.

Из приведенных сведений видно, что в рассматриваемый период, как правило, именно левая профессура (в расширительном значении) занимала лидирующие позиции в большинстве университетов. Несколько иное впечатление о расстановке сил в высшей школе складывается применительно к периоду между двумя революциями, особенно – к 1910–1911 гг.

Так, в совершенно секретном донесении директору департамента полиции от 5 января 1911 г. читаем: «по агентурным сведениям Отделения, съезд правых профессоров, состоявшийся в С[анкт-]Петербурге, в конце декабря минувшего года, явился полной неожиданностью для левой профессуры и в высшей степени ее взволновал. Левая профессура полагает, что результат съезда правых профессоров скажется в ближайшем будущем и считает, что в высших учебных заведениях создадутся условия, при коих будет утрачена возможность продолжать занятия. “Придется без оглядки бежать из университета” – говорят некоторые из них. В профессорской среде постоянно комментируется отъезд за границу профессора кн[язя] Е.Н. Трубецкого; причем обратили на себя внимание его подавленное состояние и выражения: “теперь все равно в университете невозможна никакая академическая работа: террор с трех сторон, – со стороны студентов, правой профессуры и правительства”. По поводу этого же отъезда говорят, “это первая ласточка движения, которое в восьмидесятых годах было в русских университетах, когда бросили кафедры и выехали за границу лучшие ученые силы, как профессора Виноградов, Ковалевский, Эрисман, Мечников и др.”. В связи с этим говорят об оставлении кафедры в Одессе и о переходе в один из заграничных университетов профессора Штерна.

Затем раздавались голоса в этой же среде, что, если бы представилась возможность, они также последовали бы примеру кн[язя] Трубецкого. В

¹³²⁷ Соломонов В.А. История десятого университета императорской России (Саратовский университет, 1909–1917 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. С. 16.

результате настроение выжидательное и с интересом следят, в каких формах проявится деятельность правых профессоров, которые держатся все более и более “наступательно”. Поговаривают о возможности оставления некоторыми кафедр или о выражении протеста в какой-либо другой форме, в какой именно пока неизвестно. Между прочим, высказывается пожелание о необходимости составления контр-петиции, в которой указать, что “репрессии и ограничения академической свободы не только не могут содействовать успокоению, но еще больше разожгут страсти, доведя высшие учебные заведения до полной их дезорганизации”. Вообще, мысль о противодействии правым профессорам и их съезду, по-видимому, получит реальные формы в январе сего года, с началом Съезда, после рождественского перерыва профессоров и студентов»¹³²⁸.

Впрочем, идейный перевес правых, если и имел место в начале второго десятилетия XX в., то был временным явлением, и к кануну новой революции чаши весов вновь склонялись в левую сторону.

Таким образом, идейный раскол в первые десятилетия XX в. стал данностью, которая вскоре перестала удивлять и власти, и постороннюю университетскую общественность, и студентов, и самих членов преподавательского сообщества. Профессора обоих лагерей старались (хотя бы на словах) минимизировать влияние раскола на учебный процесс, что, конечно – особенно в периоды политических обострений – не всегда удавалось.

Обратимся к формам проявления политической активности «левой» и «правой» профессуры.

6.2. Формы протестной активности профессоров и преподавателей.

Реакция властей

А.Е. Иванов в монографии «Высшая школа России в конце XIX – начале XX в.» (Москва, 1991) впервые в исследовательской литературе предпринял

¹³²⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 52 – 52 об.

попытку классификации форм проявления оппозиционных унастроений профессорами и преподавателями. Автор сделал это на основе анализа выше упомянутых данных полицейских досье на преподавателей Московского и Петербургского университетов, предоставленных в 1899 г. министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным министру просвещения Н.П. Боголепову. А.Е. Иванов выделил следующие формы проявления оппозиционности университетскими сотрудниками: критика действий правительства, участие в либеральных изданиях, участие в земском движении, участие в кампании помощи голодающим, участие в просветительских кампаниях, противозаконные контакты со студентами¹³²⁹.

Впрочем, еще современники, а именно представители надзорных ведомств, использовали некоторую классификацию деяний оппозиционной профессуры. Так, в агентурной записке «Общая характеристика профессуры Московского университета в связи с последними студенческими волнениями» (18 июля 1911 г.) встречаем следующее перечисление: литературная, общественная и партийная работа в духе партии «Народной Свободы» и других родственных ей партий – вне Университета; резко тенденциозная деятельность в совете профессоров, сводившаяся к полному игнорированию власти в лице попечителя и Министра Народного Просвещения и к самому настойчивому отстаиванию Университетской автономии; поддерживание связей со студенческими организациями; реагирование на распоряжение Министра по поводу студенческих волнений; поддержка студенческих революционных фракций¹³³⁰.

Вновь выявленные в архивах исторические источники позволяют, на наш взгляд, уточнить как классификацию, предложенную А.Е. Ивановым, так и использовавшуюся в агентурных записках.

Заметим, что «благонадежность» профессуры, допущенной к воспитанию юношества, была чрезвычайно важна для власти. Общественно-политический облик преподавателя был предметом контроля со стороны министерств народного просвещения и внутренних дел. Во многом, именно благодаря этому сегодня

¹³²⁹ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 245–247.

¹³³⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 96 об. – 97.

исследователям доступен отложившийся преимущественно в архивах богатый материал, помогающий пролить свет на мировоззрение и политическую активность профессоров и приват-доцентов университетов. Интересующая нас информация сосредоточена в агентурных записках, справках, рапортах, донесениях, отчетах, разнообразной переписке по линии двух названных министерств, затрагивавшей вопросы политической благонадежности университетских преподавателей. Помимо этого, известны обширные списки со систематизированными сведениями об умонастроениях и политической активности профессуры ряда университетов.

На основании обобщения обнаруженных свидетельств (их несколько сот) предложим новую классификацию форм политической и гражданской активности «левой» университетской профессуры¹³³¹.

На наш взгляд, формы политической активности профессуры следует разделить на две больших группы – внутриуниверситетскую и внеуниверситетскую, – для каждой из которых были характерны свои виды активности.

Начиная с анализа внутриуниверситетской группы, выделим, прежде всего, политизацию учебного процесса.

Серьезный резонанс в чиновной среде ведомств народного просвещения и внутренних дел вызывали случаи, когда преподаватели привносили оппозиционную политическую составляющую в стены университета, особенно в учебный процесс, позволяя себе нелояльные политические высказывания на лекциях. В силу особенностей содержания лекций, в большей степени это относилось к преподавателям-гуманитариям. Департамент полиции в марте 1910 г. в секретном циркулярном сообщении начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений городов, в которых имелись высшие учебные заведения, отмечал: «В жизни высших учебных заведений нередко наблюдается крайне ненормальное явление, выражающееся в том, что

¹³³¹ См.: Грибовский М.В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 54–72.

некоторые профессора, придерживающиеся левого направления, на лекциях и в иных случаях общения с учащейся молодежью позволяют себе, вопреки долгу присяги, систематически прививать своим слушателям под видом якобы научных выводов явно революционные идеи»¹³³².

Приведем несколько показательных примеров.

В обширном материале о политических настроениях профессоров и приват-доцентов ИКУ, подготовленном в 1908 г. Департаментом полиции МВД, встречаются такие характеристики: «читал свои лекции в 1907 г. при закрытых дверях, зачастую переходя от научных на политические темы» (профессор, будущий ректор Д.А. Гольдгамер, приват-доцент В.В. Николаев), «иногда, говорит [со студентами] на общественные темы, выходя из пределов научных рамок» (профессора медицинского факультета И.Г. Савченко, В.П. Осипов, ставший в советское время директором Института мозга им. В.М. Бехтерева), «читает лекции в либеральном духе» (Д.А. Гольдгамер)¹³³³. Заметим, что такие характеристики никак не сказались на карьере преподавателей: все они продолжили службу в университете.

В секретном донесении из Киевского охранного отделения директору департамента полиции (1910 г.) о профессоре по кафедре русской истории ИУСвВ М.В. Запольском-Довнаре говорилось: «Читает студентам русскую историю тенденциозно, его лекции носят характер запрещенных исторических рассказов издания “Шишко”¹³³⁴, почему лекции его посещаются весьма охотно евреями и левыми студентами; при чем Запольский позволяет себе делать такие замечания, что в аудитории стоит непрерывный смех студентов. В общем лекции Запольского носят характер сплошного издевательства над русской историей и над всем, что дорого русскому человеку»¹³³⁵.

Также продолжил службу в ИСПБУ профессор А.А. Исаев, о котором в донесении начальника Отделения по охране общественной безопасности и

¹³³² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 1.

¹³³³ НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 200. Л. 1 – 8 об.

¹³³⁴ Речь идет о рассказах Л.Э. Шишко, революционного деятеля (народник) 1870-х гг., автора «Рассказов из русской истории».

¹³³⁵ ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 2. Д. 53. Л. 258.

порядка в столице писалось в 1896 г.: «Читал студентам лекцию по политической экономии по вопросу о стачках. Указывая, что стачки являются необходимым исходом безотрадного положения современного рабочего и единственным средством для разрешения рабочего кризиса, профессор пояснил, что стачки вызываются чрезвычайно низкой заработной платой»¹³³⁶.

Иначе складывалась университетская карьера преподавателей, позволявших себе более жесткие высказывания.

Так, в феврале 1886 г. по причине «вредного направления» был отстранен от преподавания приват-доцент столичного университета В.И. Семевский (1848–1916 гг.) «за неуместные выражения, позволявшиеся при чтении лекций, причем брожение это имелось выразиться во время акта в устройстве антиправительственной демонстрации»¹³³⁷.

Воспоминания об удалении из университета В.И. Семевского оставил учившийся на историко-филологическом факультете ИСПБУ в 1884–1888 гг. В.В. Вересаев: «Однажды мы ждали Семевского в битком, как всегда, набитой седьмой аудитории. Вошел Семевский с целым сонмом всяческого начальства. Был тут попечитель нашего округа Новиков, генерал в серебряных эполетах, товарищ министра народного просвещения кн. М.С. Волконский [...]. Были тут еще какие-то чиновники из министерства народного просвещения, был и благодушный, всё и всех старающийся примирить, ректор наш Андреевский. Вошедшие разместились на первой скамейке, а Василий Иванович взошел на кафедру и приступил к чтению очередной лекции.

[...] Содержания лекции нисколько не смягчил против обычного. Рассказывал он, как грозный начальник екатерининской “тайной экспедиции” Шешковский допрашивал молодых студентов, арестованных в связи с делом Н.И. Новикова, как сказал им: “Матушка-императрица приказала бить вас поленом, если вы во всем не сознаетесь”. (Хохот аудитории). И как студент Лопухин ответил: “Не верю я, чтоб рука, подписавшая "Наказ", могла подписать

¹³³⁶ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1895. Д. 1414. Л. 27 – 27 об.

¹³³⁷ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1886. Д. 68. Л. 9.

такое повеление!» (Хохот и рукоплескания). Генерал Новиков (может быть, тоже потомок Н.И. Новикова?) сидел прямо, внимательно слушал и загадочно глядел на лектора.

Вскоре лекции Семевского прекратились. Мы узнали, что он уволен из университета»¹³³⁸.

В том же году сгущались тучи над профессором ИМУ М.М. Ковалевским. В справке Департамента полиции (1886 г.) о нем говорилось: «По агентурным сведениям, профессор Ковалевский продолжает выставлять в своих лекциях в самом мрачном свете существующий государственный порядок и глумиться над новым университетским уставом. [...] Так, например, начиная курс в нынешнем году, г. Ковалевский на первой лекции [...] говорил, что Россия – страна не правового суда. Что суверенитет ГОСУДАРЯ с символом неограниченной власти есть вымысел легитимистов, не имеющий ни оснований, ни оправданий в истории русского народа. [На другой лекции – М.Г.] Ковалевский, порицая государственный строй, говорил, что этот строй не только отличается самодержавием, но, что каждый полицейский чиновник может любого из подданных арестовать по подозрению в социализме и затем у арестованного нужно просить, как милости, об освобождении»¹³³⁹.

Осенью 1887 г. М.М. Ковалевский был уволен из университета.

В 1904 г. места приват-доцента ИХУ лишился будущий депутат Государственной думы первого созыва Л.Н. Яснопольский, который в феврале того года выступил с лекцией о Русско-японской войне, осудив политику правительства, ведущей, по его мнению, к поражению России и финансовому краху¹³⁴⁰.

¹³³⁸ Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания [Электронный ресурс] // brusl.ru: Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения: 03.01.2016).

¹³³⁹ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1892. Д. 796. Л. 2 об. См. аналогичного содержания сообщение в письме товарища министра внутренних дел министру народного просвещения (ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1886. Д. 790. Л. 3 – 3 об.).

¹³⁴⁰ Яснопольский Леонид Николаевич // Государственная Дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 727.

По воспоминаниям В.В. Вересаева, из ИСПБУ был уволен профессор историко-филологического факультета О.Ф. Миллер за то, что осенью 1887 г., после смерти известного издателя и публициста консервативного толка М.Н. Каткова, прочел студентам лекцию, содержащую резко-отрицательную оценку его деятельности¹³⁴¹.

Для многих университетских преподавателей, оппозиционно настроенных к властям, ситуация усугубилась после Первой русской революции, когда им пришлось держать ответ за политическую активность прошлых лет.

Так, в 1907–1908 гг. профессору ИКУ Д.Н. Зейлигеру в полицейских материалах давалась такая характеристика: «Деятельность свою в направлении левых политических партий он особенно заметно обнаружил в 1905 году, когда он открыто при чтении лекций в университете направлял студентов к различным беспорядкам и допускал в своем присутствии сбор денег на явно революционные цели. [...] Зейлигер направлял студентов к беспорядкам первоначально открыто на лекциях, потом, с осени 1906 года, более сдержанно, но всегда в такое время и в таких лекциях, где вывод был вызывающим против Правительства. В среде студентов он числится ярким социалистом и умелым вдохновителем»¹³⁴². В 1914 г. Д.Н. Зейлигер был уволен из университета¹³⁴³.

В том же году был лишен права преподавать в университете профессор Н.Н. Фирсов как не способствовавший «развитию в слушателях патриотического чувства и верности исконным началам русской государственности...»¹³⁴⁴. Ему вменялось в вину то, что «в одной из своих лекций [...], характеризуя царя Федора Иоанновича как слабоумного, проводил параллель между ним и благополучно Царствующим ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ, отождествляя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО с Царем Федором. Во время другой лекции профессор Фирсов

¹³⁴¹ Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания [Электронный ресурс] // brusl.ru: Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения: 03.01.2016).

¹³⁴² НАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 476. Л. 3 – 3 об., 5 – 5 об.

¹³⁴³ В советское время Д.Н. Зейлигер станет ректором Казанского политехнического института, заслуженным деятелем науки РСФСР.

¹³⁴⁴ Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Казань, 1976. С. 54.

прочитал своей многолюдной аудитории какую-то бумагу, несомненно официального происхождения, в коей указывалось на тенденциозность его лекций, чтение этой бумаги он сопровождал язвительными замечаниями по адресу ее автора, вызывая в слушателях глумление автору бумаги и шумное одобрение профессору Фирсову»¹³⁴⁵.

Следует признать, что, политизируя лекции, преподаватели, как правило, выходили за рамки преподававшихся ими учебных дисциплин. С другой стороны, такие действия могли быть протрактованы как наполнение курсов актуальным содержанием, что, разумеется, редко встречало понимание со стороны властей.

Следующей формой политической активности являлись «противозаконные контакты со студентами». Под этой формулировкой из официозного лексикона конца XIX в. подразумевались фактически любые взаимоотношения преподавателей с обучавшимися, выходившие за рамки учебного процесса: от несанкционированных встреч научно-просветительского характера до контактов с политической подоплекой.

Так, исправлявший должность московского обер-полицмейстера Ф.Д. Трепов писал 31 декабря 1896 г. попечителю Московского учебного округа Н.П. Боголепову: «имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что приват-доценты Московского университета Вернадский и Милюков старались заняться политическим воспитанием студентов и вели сношения с лицами революционного образа мыслей»¹³⁴⁶. Уже будучи известным ученым, В.И. Вернадский в 1911 г. обвинялся Отделением по охранению общественной безопасности и порядка в Москве в том, что в 1906 г. способствовал устройству незаконных собраний студентов¹³⁴⁷.

О приват-доценте того же университета И.М. Гольдштейне в полицейском донесении говорилось, что «19 января 1910 года при его участии в его квартире состоялось совещание некоторых профессоров и студентов Московских высших

¹³⁴⁵ НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501. Л. 26 – 26 об.

¹³⁴⁶ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4802. Л. 2.

¹³⁴⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 15.

учебных заведений, на каковом совещании обсуждался вопрос о предполагаемом созыве общестуденческого съезда»¹³⁴⁸.

Формой выражения сочувствия студенческому движению можно считать отказ от чтения лекций в период студенческих забастовок. В таком поведении в 1906 г. обвинялись преподаватели ИХУ профессора Н.Ф. Сумцов, А.-Б.П. Пшеборский, приват-доцент Г.В. Коршун¹³⁴⁹. Из-за конфликтной ситуации, связанной со студенческим движением, в 1890 г. предпочел оставить службу в ИСПБУ всемирно известный химик Д.И. Менделеев¹³⁵⁰.

Участие в студенческом движении и сочувствие студенческому движению следует назвать самостоятельной формой политической активности. Есть достаточно оснований полагать, что многие профессора к студенческому движению относились с симпатией¹³⁵¹.

Внеуниверситетская сфера политической активности профессуры была разнообразнее по своим формам.

Прежде всего, стоит выделить политизацию публичных лекций.

Чтение публичных лекций на научно-популярные темы составляло заметную часть профессиональной жизнедеятельности многих российских университетских профессоров, особенно в столичных городах, где стремившаяся к просвещению публика без труда наполняла аудитории, предоставляемые для публичных выступлений¹³⁵².

Содержание публичных выступлений нередко становилась предметом внимания властей.

¹³⁴⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 26.

¹³⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 1 – 2 об.

¹³⁵⁰ Племянница Д.И. Менделеева, Н.Я. Губкина, так описывала обстоятельства у хода дяди из ИСПБУ: «В университете начались студенческие волнения. Дм[итрий] Ив[анович], желая успокоить студентов, согласился взять от них петицию для передачи министру, графу И.Д. Делянову. Не застав его дома, оставил петицию, а на следующий день получил выговор. Не считая возможным оставаться после этого профессором университета, он подал в отставку». См.: Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д.И. Менделеева. Воспоминания о Д.И. Менделееве его племянницы, Н.Я. Губкиной (урожд. Купустиной). СПб, 1908. С. 226–227.

¹³⁵¹ См. об этом подробно в 3-м разделе 4-й главы.

¹³⁵² См. об этом подробно во 2-м разделе 5-й главы.

В Департаменте полиции имелись сведения о том, что профессор ИСПбУ А.А. Исаев в педагогическом музее Соляного городка в Санкт-Петербурге читал лекции на тему «Настоящее и вероятное будущее народного хозяйства», в которых, «подвергая критике экономическую политику русского Правительства [...], рекомендовал для спасения народа от угрожающей ему опасности разорения программу народников: усиление и развитие артельного начала, поддержку общинного землевладения; экспроприацию земли и орудий производства в пользу крестьян и прочее. Для оказания помощи народу, лектор признавал необходимым проникновение в народную среду интеллигенции». В марте 1898 г. ходатайство Комитета Общества помощи нуждающимся переселенцам о разрешении профессору Исаеву читать лекции на тему «Очерки экономического быта современной Европы» было отклонено¹³⁵³.

Исправлявший должность московского обер-полицмейстера Ф.Д. Трепов писал 5 июня 1899 г. в Департамент полиции о собрании в память А.С. Пушкина, прошедшем в ИМУ в мае, на котором выступали бывший профессор С.А. Муромцев (он еще в июле 1884 г. распоряжением министра народного просвещения И.Д. Делянова был уволен из университета за «политическую неблагонадежность»¹³⁵⁴) и приват-доцент В.Е. Якушкин. О речи последнего обер-полицмейстер сообщал: «Оратор, совершенно игнорируя поэта как художника, имел, очевидно, единственной целью доказать, что Пушкин по своим взглядам и связям был единомышленником декабристов – лучших, по мнению Якушкина, людей своего времени, и не участвовал в их бунте лишь по случайности и что поэт даже в последний период своей деятельности, после милостей, оказанных ему ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ I-м, остался в сущности верен своим прежним убеждениям, не переставая быть вольнодумцем». Далее делался вывод: «Муромцев и Якушкин воспользовались юбилейными торжествами как удобным случаем для публичной пропаганды своих антиправительственных идей»¹³⁵⁵. В

¹³⁵³ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1895. Д. 1414. Л. 47 – 47 об.

¹³⁵⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 53. Д. 345. Л. 2.

¹³⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1892. Д. 1144. Л. 8 об. Высказывая свое мнение по этому поводу, Московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович писал министру

результате этой истории Ф.Д. Трепов ходатайствовал перед Московским генерал-губернатором о запрещении С.А. Муромцеву и В.Е. Якушкину на два года проживания в Москве и Московской губернии¹³⁵⁶. Уже в текущем 1899 г. В.Е. Якушкин навсегда покинет университет, сосредоточившись на литературной и общественно-политической деятельности; впоследствии он станет гласным курского губернского земства и депутатом Государственной думы первого созыва от кадетской партии, как и С.А. Муромцев, возглавивший Думу.

Целостную картину бдительного надзора со стороны властей за публичными лекциями преподавателей ИМУ дают справки на 125 профессоров и приват-доцентов московских вузов, проходивших по делам Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве, составленные в январе 1911 г. Адресатом справок был директор Департамента полиции Н.П. Зуев.

По содержанию этих справок можно сделать вывод о том, что лейтмотивом публичных выступлений московских преподавателей, заинтересовавших властей, было антимонархическое начало.

Так, в справке на приват-доцента А.А. Борового значилось: «Противоправительственное направление Борового определенно выяснилось в прочитанной им 7 июля 1907 г. в г. Москве в помещении педагогических курсов лекции, когда Боровой открыто заявил слушателям, что он признает и всегда пропагандирует идею революционного синдикализма, который не разделяет учения социал-демократов и не признает парламента, а предпочитает открытое выступление, имеющее своей конечной целью переустройство государства путем социальной революции»¹³⁵⁷. А.А. Боровой стал подвергаться политическим преследованиям. В 1910 г. против него было возбуждено два дела за издание брошюр анархистского содержания¹³⁵⁸.

внутренних дел И.Л. Горемыкину: «Прием подобных искажений с затаенною целью служит хорошим образчиком того, чем питают учащееся юношество неблагонамеренные личности, расшатывая ее нравственные идеалы и сея смуты в умах» (ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1892. Д. 1144. Л. 25).

¹³⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1892. Д. 1144. Л. 10.

¹³⁵⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 6.

¹³⁵⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 6 об.

О приват-доценте Н.Н. Полянском в справке на него утверждалось: «4 июля 1908 г. Полянский читал лекции на летних курсах при педагогических курсах Московского общества воспитательниц и учительниц. [...] Рассматривая теократическую теорию происхождения государств, Полянский высказался, что эта теория обязанная своим происхождением древним некультурным племенам, сначала боготворившим личность Государя, а впоследствии веровавшим, что государь есть посланник Божий, назначенный им для проведения воли его на земле, ныне отжила свой век, так как для каждого из современников ясно, что последователи такой теории впадали в грубую ошибку [...]. Он закончил рассмотрение этой теории словами: “К сожалению, как пережиток некультурной далекой древности, в настоящее время некоторые государи продолжают еще в своих манифестах и указах писать: “Мы волею Божью””»¹³⁵⁹. Дерзость такого заявления подчеркивалась тем, что 4-я статья «Основных государственных законов Российской империи» гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»¹³⁶⁰.

О приват-доценте П.Н. Сакулине сообщалось следующее: «Читая лекции на курсах для учителей летом 1907 года, Сакулин осуждал устой самодержавного образа правления и таким путем восстанавливал слушателей против существующего государственного строя, за что по распоряжению московского генерал-губернатора, был подвергнут штрафу в размере 1000 рублей»¹³⁶¹. Дальнейшее чтение лекций П.Н. Сакулину было, разумеется, запрещено¹³⁶².

Приват-доцент В.М. Устинов обратил на себя внимание полиции во время чтения лекции «Конституционное право», устроенной обществом Народных университетов: «Разобрав государственный строй Швеции и Англии, перешел к рассмотрению представительного образа правления в тех государствах, где сохраняется принцип монархии, при чем произнес следующую фразу “Борьба с

¹³⁵⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 78 – 78 об.

¹³⁶⁰ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXVI. Отделение I. СПб, 1909. № 27805.

¹³⁶¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 89.

¹³⁶² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 1 об.

монархом, где еще существует монархия, как например, в Пруссии, Германии и у нас в России, продолжается”». Присутствовавший на лекции помощник пристава лекцию прекратил¹³⁶³.

Показательно, что все выше перечисленные преподаватели 3 февраля 1911 г. покинули ИМУ в знак протеста против действий министра народного просвещения Л.А. Кассо (эти события войдут в историю российского образования как «дело Кассо»)¹³⁶⁴.

Политизация и придание своим выступлениям общественного звучания, разумеется, не было прерогативой только столичной профессуры. Например, в самом восточном – Томском – университете весной 1909 г., несмотря на запрещение попечителя учебного округа Л.И. Лаврентьева, профессор И.А. Малиновский «в актовом зале университета бесплатно, при громадном стечении публики» прочитал публичную лекцию об отмене смертной казни, что шло вразрез с государственной позицией по данному вопросу. По донесению попечителя, «содержание этой лекции, как и следовало ожидать, *было крайне возмутительное, а потому и заслужило неистовое одобрение публики* [курсив мой – М.Г.] и долго несмолкаемых аплодисментов»¹³⁶⁵. Эти аплодисменты, с укоризной упомянутые попечителем, можно образно назвать стрелкой барометра общественных настроений незадолго до новой революции.

Другой доступной формой политической активности преподавателей была публицистическая и издательская деятельность.

Впрочем, сама степень доступности печатного слова не всегда была велика. Например, экстраординарному профессору ИКУ В.К. Соколову ставилось в вину то, что он «будучи заграницей в 1902/3 году имел намерение отправить оттуда в Казань запрещенные издания»¹³⁶⁶.

¹³⁶³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 104 – 104 об.

¹³⁶⁴ См. об этом подробно в 7-й главе.

¹³⁶⁵ Цит. по: Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 110; РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 108. Л. 7 об.

¹³⁶⁶ НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 200. Л. 4.

После 1905 г. доступность печатного слова значительно расширилась. Немало профессоров занялось издательской деятельностью, что, однако, позже нередко ставилось поводом для подозрений в их адрес.

Так, профессор ИНУ Н.К. Лысенков состоял ответственным редактором-издателем одесского общеученического литературно-общественного журнала «Свободная школа». 24 декабря 1905 г. по распоряжению временного генерал-губернатора Одессы К.А. Карангозова издание журнала было приостановлено. 10 февраля 1906 г. профессор Лысенков составил и передал для напечатания второй номер журнала, куда «были помещены статьи неизвестных авторов, призывавшие школьную молодежь к возмущению»¹³⁶⁷. После этого Н.К. Лысенков по решению суда подвергся заключению в крепости на две недели без ограничения прав, однако после всё же продолжил службу в университете.

Профессора того же университета Н.Н. Ланге и Е.Н. Щепкин (будущий депутат Государственной думы первого созыва) начинали выпускать журнал «За свободу», который «было запрещено издавать после выхода 2-го номера за крайне противоправительственного характера статьи, в нем помещенные»¹³⁶⁸.

Редактором впоследствии закрытой по распоряжению губернатора Харьковской губернии Н.Н. Пешкова газеты «Накануне» в 1906 г. состоял профессор ИХУ А.Н. Фатеев¹³⁶⁹, который тоже, несмотря на неприятности с газетой, продолжил службу в университете.

В 1911 г. начальник Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве П.П. Заварзин писал директору Департамента полиции о профессоре ИМУ Е.Н. Трубецком: «В издаваемом и редактируемом им журнале “Московский Еженедельник” пишет статьи, являющиеся наиболее бойкими в политическом отношении». В 1907 г. за два номера журнала было возбуждено судебное преследование Е.Н. Трубецкого по 103-й (оскорбление членов царствующей императорской семьи, угроза их особе, надругательство над их изображением с целью возбуждения неуважения к их особе, а также

¹³⁶⁷ Одесский листок (Одесса). 1906. 13 апреля.

¹³⁶⁸ ЦГИАУ. Ф. 385. Оп. 1. Д. 1972. Л. 2 – 2 об.

¹³⁶⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 2.

распространение оскорбительных для их достоинства сочинений) и 129-й (произнесение речи, составление, хранение, правка сочинений, возбуждающих к неповиновению власти) статьям Уголовного Уложения, но дело судом было прекращено¹³⁷⁰. В 1911 г. Е.Н. Трубецкой вместе с большой группой профессоров покинул университет.

Профессора ИТУ И.А. Малиновский и М.Н. Соболев состояли членами редакционного комитета газеты «Сибирская жизнь». В 1910 г. МНП сочло издание газеты «ввиду её направления» несовместимым со службой профессоров в университете и предложило И.А. Малиновскому и М.Н. Соболеву либо отказаться от сотрудничества с «Сибирской жизнью», либо оставить службу в университете. Профессора выбрали первое¹³⁷¹. Позднее газета будет обвиняться в том, что пропустила в печать «противоправительственного характера статью по поводу смерти покойного Председателя Совета Министров, Статс-Секретаря Столыпина»¹³⁷².

Внимание к печатному слову, уважительное к нему отношение и придание ему серьезного значения отличало университетского человека начала XX в. Воспитанные на книжной культуре, профессора и преподаватели сами при появлении такой возможности принялись создавать и распространять печатную продукцию с целью донести до современников собственное миропонимание, нередко шедшее вразрез с официозом тех лет.

Еще одной широко распространенной формой политической активности являлось участие в собраниях, произнесение речей, подписание петиций.

До сведения полиции доходила информация как о частных, так и о публичных собраниях с участием преподавателей, на которых звучали «предосудительные речи».

Вот фрагмент подробного описания в документах полиции (отношение Московского обер-полицмейстера Е.К. Юрковского) подобной деятельности

¹³⁷⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 103.

¹³⁷¹ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.: Хроника: в 3 т. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / Сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск: изд-во Том. ун-та, 2013. С. 291.

¹³⁷² ЦГИАУ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 895. Л. 11 – 11 об.

профессора ИМУ И.И. Янжула. «Еще в 1887 году на собрании, бывшем у профессора Янжула, был затронут вопрос о воздействии иностранной печати на образ действий русского правительства по вопросам внутренней политики. Вопрос этот вызвал целый ряд собраний, которые и привели к образованию партии, имевшей целью отыскивать и применять ненаказуемые способы воздействия, которые ближайшей целью имели добиться неприкосновенности личности и свободы печати. Далее предполагалось, уже при помощи свободной печати достигнуть изменения существующего государственного строя. В состав этой партии вошел и Янжул. Окончательно она сформировалась в январе 1888 г., но уже в феврале того же года она распалась на 2 фракции: либерально-прогрессивную и радикальную. Янжул примкнул к первой [...], имевшей конечной целью введение представительных учреждений и неременное сохранение монархии, и допускавшей только легальные по внешней форме средства, “исключая всякое проявление террора”. Удобнейшим моментом для сближения с представителями заграничной печати и с политическими деятелями была признана Парижская выставка, во время которой члены партии и решили прочесть ряд публичных лекций о несовершенстве внутренней политики русского правительства. Так, Янжул совместно с Чупровым начал обрабатывать лекцию под названием “Основы народного хозяйства в России”»¹³⁷³.

Предметом переписки высокопоставленных чиновников МНП становились частные собрания профессоров. Попечитель Одесского учебного округа Х.П. Сольский сообщал в январе 1905 г. министру народного просвещения В.Г. Глазову «Мне стало известным, что группа профессоров будто бы собирается в частном доме, обсуждает и осуждает не только правительственные распоряжения, но и не одобряет самый государственный строй ИМПЕРИИ»¹³⁷⁴. Разбирательство этого дела выявило дополнительные факты участия преподавателей в собраниях, на которых обсуждалось отправление депутатов в

¹³⁷³ ГАРФ. Ф. 102(Д.3). Оп. 1894. Д. 262. Л. 2 – 2 об. Аналогичное сообщение в справке III отделения на бывшего профессора М.М. Ковалевского (см. ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1892. Д. 796. Л. 4 об. – 5).

¹³⁷⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 414. Л. 25

Москву на частный съезд, «присоединение к возникающей по инициативе проф[ессора] Вернадского ассоциации профессоров», «возбуждение коллективного ходатайства перед Министерством народного просвещения о возвращении уволенных студентов, подготовительная агитация с целью проведения в Совет университета при помощи обеспеченного большинства его членов заранее составленных резолюций, заключающих в себе явную политическую тенденцию». Участниками этих собраний были профессора Е.Н. Щепкин, С.П. Ярошенко, И.В. Слешинский, А.В. Клоссовский, приват-доценты Р.М. Орженцкий и Л.А. Тарасевич¹³⁷⁵. Реагируя на сообщение, попечитель предложил поступить с «фигурантами дела» следующим образом: выслуживших пенсию — уволить, остальным — поставить на вид с предупреждением о серьезной ответственности в случае, если они не прекратят своей деятельности, освободить всех от тех обязанностей, которые они несут помимо своих прямых по званию профессора¹³⁷⁶.

Приват-доценты Р.М. Орженцкий и Л.А. Тарасевич, действительно, в 1905 г. были удалены из ИНУ, однако вскоре вновь получили возможность туда вернуться. Впрочем, Р.М. Орженцкий вернулся ненадолго. Уже в 1906 г. он был уволен за «неблагонадежность»; в том же году поступил на службу в Демидовский юридический лицей, где с 1907 г. возглавил кафедру статистики. Л.А. Тарасевич же, перешедший в 1907 г. в ИМУ, добровольно оставил его в 1911 г. в ходе «дела Кассо».

Начальник Одесского жандармского управления писал в сентябре 1906 г. в Департамент полиции о профессоре ИНУ Н.Н. Ланге: «Не скрывая своих убеждений, в речи, произнесенной публично при встрече возвратившегося 4 октября 1905 года из административной ссылки профессора Ярошенко¹³⁷⁷, Ланге крайне сочувственно характеризовал его деятельность как передового борца за освободительное движение, после в высшей степени возмутительной речи

¹³⁷⁵ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 414. Л. 6 – 7 об.

¹³⁷⁶ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 414. Л. 25 об. – 26.

¹³⁷⁷ Заслуженный ординарный профессор ИНУ Ярошенко в 1905 г. по постановлению Временного генерал-губернатора был выслан из Одессы в Вологодскую губернию на основании п. 17 ст. 19 прил. К ст. 23 II тома Св. законов (ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 427. Л. 2).

студента Плятта, законченной криком “Долой Самодержавие, долой Полицию!”, вместе с остальными присутствовавшими повторял этот возглас»¹³⁷⁸. Заметим, что, несмотря на неоднократное попадание в полицейскую хронику, профессор Ланге продолжал службу в университете.

Уголовное преследование в 1906 г. возбуждалось против приват-доцента ИХУ В.В. Фавра, который 6 апреля 1906 г. «в числе других лиц участвовал в заседании Харьковского медицинского Общества в зале Харьковской городской Управы, где произнес противоправительственную речь». Впрочем, дело было прекращено¹³⁷⁹.

Приват-доцент того же университета В.П. Воробьев участвовал 5 декабря 1904 г. «в противоправительственном банкете, состоявшемся в здании Харьковской Губернской Земской Управы, и 19 марта 1905 г. в юридическом заседании, происходившем в актовом зале университета, где говорились революционные речи и разбрасывались прокламации»¹³⁸⁰.

В дальнейшем у В.П. Воробьева возникали сложности в академической карьере. В 1913 г. он избирался профессором ИЮУ и ИВУ, но министр народного просвещения Л.А. Кассо не утвердил его в этих должностях.

Профессор ИХУ А.П. Грузинцев участвовал в «противоправительственном банкете» 5 декабря 1904 г., а в 1907 г. «предоставил свою квартиру для собраний членов рабочего бюро»¹³⁸¹. Серьезного влияния на карьеру профессора А.П. Грузинцева эти факты не оказали.

По сообщению жандармских властей, в Севастополе, 20 июля 1906 г. «в 10 часов вечера в балке возле деревни Михайловка Сакской волости состоялось собрание крестьян, на каковое прибыл профессор Московского Императорского университета, доктор медицины Иван Павлович Алексинский и произнес публично речь коей призывал слушателей: не платить казенных податей, не

¹³⁷⁸ ЦГИАУ. Ф. 385. Оп. 1. Д. 1972. Л. 2 – 2 об.

¹³⁷⁹ ЦГИАУ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 895. Л. 13 – 13 об.

¹³⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 1 – 2 об.

¹³⁸¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 1.

давать рекрутов, закрыть монопольные лавки, дабы подорвать доходы казны»¹³⁸². И.П. Алексинский подвергся аресту, а позднее был отдан под особый надзор московской полиции.

Наконец, наиболее открытой формой политической активности «левой» университетской профессуры было её участие в работе общественных организаций и политических партий.

Начало XX в. – время самоорганизации вузовских преподавателей путем создания объединений, имевших целью защиту их интересов. Крупнейшим и наиболее известным из таких объединений в дореволюционной России стал Академический союз, история создания и деятельности которого весьма полно освещена в работе Е.А. Иванова¹³⁸³. В настоящей работе Академический союз как элемент преподавательской самоорганизации подробнее рассматривается в 7-й главе. Здесь же остановимся только на характеристике реакции властей на существование Академического союза и иных подобных обществ. Реакция эта, как можно догадаться, была весьма болезненной, что отметила в своем исследовании Т. Маурер¹³⁸⁴.

Чтобы яснее представить правительственный взгляд на создававшиеся снизу «общества», приведем фрагменты обширного отношения попечителя Варшавского учебного округа А.Н. Шварца ректору ИВУ Е.Ф. Карскому, датированное 14 июля 1905 г. «В последнее время все чаще и чаще стали появляться, преимущественно в печати, известия о союзах и разного рода собраниях учащих различных учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. При этом оказывается, во-[первых], что не только не испрашивалось надлежащего разрешения на образование названных союзов и собраний, но даже устроителями их не доводилось о сем до сведения ближайшего начальства, что делает, конечно, эти союзы и собрания тайными [слово

¹³⁸² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 514. Д. 97. Л. 5.

¹³⁸³ Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium. СПб, 2003. С. 202–212.

¹³⁸⁴ Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Boehlaus Verlag: Koeln; Weimar; Wien, 1998. 641–660 s.

«тайными» подчеркнуто – М.Г.] и в полной мере незаконными [слово «незаконными» подчеркнуто – М.Г.], и, во-[вторых], что цели, преследуемые этими союзами и собраниями, и постановлениями или в соответствии с теми целями резолюций являются не только недопустимыми [слово «недопустимыми» подчеркнуто – М.Г.] вообще, но еще и к тому же нередко имеющими вызывающий [слово «вызывающий» подчеркнуто – М.Г.] характер по отношению к Правительству [слово «Правительству» подчеркнуто – М.Г.], в частности по отношению к Министерству [слово «Министерству» подчеркнуто – М.Г.] народного просвещения». Далее указывалось на «неуместность» подобного рода действий «со стороны тех, кто позволил себе подобные недостойные педагогов, в истинном смысле сего слова, поступки».

В отношении указывалось, что МНП, не только не препятствует, но охотно идет на встречу благому почину в деле учреждений всякого рода ученых и педагогических обществ, имеющих целью содействие развитию отечественной науки, расширению знаний учащихся, улучшению постановки педагогического дела и т.д. «В соответствии с сим Министерство при [...] заканчиваемой ныне выработке реформы учебных заведений, не сторонится мнений опытных педагогов, а наоборот, собирая их в соответствующие комиссии, дает им полную возможность своим веским словом прийти Министерству на помощь в этом ответственном деле. В это же время в Министерстве народного просвещения создан обычай передавать через Попечителей учебных округов проекты новых уставов на заключение Попечительских Советов, а равно и советов средних учебных заведений, дабы этим путем воспользоваться для предстоящей реформы в полной мере мнениями и соображениями, поступающими в Министерство от компетентных учреждений и лиц, составляющими для дела нередко весьма ценный материал.

С другой стороны, обязывая школу не только учить, но и воспитывать, вверенных ей детей, Министерство предоставляет широкий простор доброму влиянию учащихся на учащихся [...].

Из изложенного нельзя не усмотреть, как далеки от истины шумные сетования названных союзов и собраний об имеющей будто бы у нас место оторванности школы от жизни и о подавляющем учебное дело бюрократизме. В действительности не остается поэтому никакого сомнения в том, что эти, облачаемые в излюбленную ныне форму единогласных постановлений, сетования незаконных союзов и собраний преследуют особые замаскированные цели и вызываются вовсе не добрыми намерениями принести пользу отечественной школе, а личным тщеславным желанием не отстать от иных столь же незаконных союзов и собраний, устраивающих манифестации ярко специфического свойства.

Такому образу действия, отнюдь, конечно, несоответствующему тому высокому положению в обществе, которое подобает представителям ученого и педагогического персонала, несомненно вносящему к тому же смятение в учебное воспитательное дело страны, необходимо положить конец».

В заключении было предложено неотложно принять меры к воспрепятствованию образования незаконных союзов и собраний из лиц преподавательского персонала, а также «умственное и моральное воздействие к тому, чтобы заставить [...] лиц, уже примкнувшим к сим союзам [...], отделиться, а не вступивших в них, воздерживаться от всякого участия в каких бы то ни было союзах и собраниях, пока таковые не будут признаны законными, к лицам же в данном случае упорствующим, будут применять законом установленные меры»¹³⁸⁵.

В приведенном документе, адресованном, как профессорам, так и школьным педагогам, с одной стороны, можно обнаружить заигрывание перед ними («министерство охотно идет на встречу», «не сторонится мнений опытных педагогов», «высокое положение в обществе... ученого и педагогического персонала»), намек на грядущие перемены («заканчиваемая ныне выработка реформы учебных заведений»), а, с другой – жесткий посыл о незаконности самоорганизованных союзов и о борьбе министерства с ними.

¹³⁸⁵ APW. Z. 214. S. 464. k. 432 – 433 ob.

В Записке об организациях среди учащихся учебных заведений, составленной по поручению Министра народного просвещения тайным советником С.Ф. Спешковым, который до августа 1905 г. служил попечителем Казанского учебного округа, можно прочесть: «Волна широкого политического движения властно охватила не только все культурные и рабочие классы, но и профессорскую среду и в особенности младших преподавателей. Профессора и младшие преподаватели высших учебных заведений [...] осуществили свою собственную нелегальную организацию под названием “Академический союз”»¹³⁸⁶.

Южным районным охранным отделением давалась весьма категоричная характеристика Академическому союзу: «Задачи союза и все его заседания сводились к захвату Правительственной власти и учреждений в руки революционеров, а так как это предполагалось осуществить насильственным путем, то “Союз” взял на себя обязанность вооружения массы и учреждения городской милиции для замены ею правительственной полиции при первом удобном случае»¹³⁸⁷.

Попечитель Одесского учебного округа А.А. Мусин-Пушкин об Академическом Союзе отзывался так: политический союз, ложно именующий себя «академическим»¹³⁸⁸. «Ни в одном университете России – писал А.А. Мусин-Пушкин – “Академические союзы” профессоров и “младших преподавателей” не нашли себе более благоприятной почвы для развития, как в Новороссийском университете. Здесь эти противоправительственные, безнравственные по своим принципам союзы в полном смысле слова процветают. Над всеми делами факультетов и самого Совета существует незримая опека нелегальных “союзов”, повсюду в университете распространяющих свою подпольную деятельность. Все важнейшие университетские дела, подлежащие обсуждению в Совете,

¹³⁸⁶ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 468.

¹³⁸⁷ ЦГИАУ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 543. Л. 43.

¹³⁸⁸ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 452. Л. 59.

предварительно решаются в заседаниях этих “союзов” [...], а в официальных Советских заседаниях происходит недостойная университета комедия»¹³⁸⁹.

В 1907 г. А.А. Мусин-Пушкин вновь обратился в министерство с подробным описанием ситуации, сложившейся в ИНУ: «Вместо законной университетской администрации, в лице ректора, проректора, совета и правления, произошел захват власти в университете следующими нелегальными политического характера организациями: 1) “академическими” союзами профессоров и так называемых младших преподавателей и 2) “центральным органом студентов”.

1. “Академические” союзы в Новороссийском университете получили особую силу, вероятно, благодаря местным условиям. Для привлечения новых членов применялись все возможного рода давления (угрозы, преследования): вступление в “союз” обеспечивало от всякого рода бойкотов (профессор Павловский, который вступил в “союз”, чтобы избежать бойкота со стороны учеников рисовальной школы (реабилитация его во время советского Заседания), Псевдоакадемические союзы сильны своей близкой связью с “центральным органом” студентов. Для большей связи между “академическими” союзами профессоров, младших преподавателей и “центральным органом” во всех заседаниях совета присутствуют противозаконно 2 “депутата” от союза младших преподавателей, которые произносят, декларации от имени своего союза, произносят речи и во время заседаний старательно протоколируют. “Протоколы” передаются членам “союза” и “центральному органу”. Так, например, 4 марта вечером происходило советское заседание, а уже 10[-го] – на студенческой сходке члены “центрального органа” читали записанные накануне речи профессоров. Союз младших преподавателей именно и силен своей близкой связью с революционным студенчеством, что подтверждают бойкот профессора Щеголева, бойкот ассистентских мест у профессора Щеголева и бойкот профессоров Левашева и Маньковского. Те группы профессоров и ассистентов, которые не вступили в “союз”, сделались предметом преследования со стороны

¹³⁸⁹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 7.

организованных своих товарищей и получили название “реакционеров”, “хулиганствующих” и т.д. Эти лица постоянно оскорбляются не только в разных статьях и письмах в прессе (Адрес профессору Медведеву и письма к профессорам медицинского факультета, “Русский Врач”, местная пресса), но подвергаются словесным оскорблениям даже в заседаниях совета (Протоколы советских заседаний, обвинение профессора Истрина в доносе), более 20 правых профессоров – в доносе и клевете). Многие члены меньшинства в совете избегают посещать заседания вследствие нежелания служить предметом оскорблений со стороны некоторых членов большинства [...]. В настоящее время автономия, которую в известных пределах (крайне, впрочем, неопределенных), получили университеты ВЫСОЧАЙШИМ Указом от 27 Августа 1905 года, не существует. Она узурпирована революционными организованными студенческими группами, а также политическими союзами, ложно именующимися “академическими”.

Законная власть в Новороссийском университете в настоящее время представляется в следующем виде:

Ректор, член “академического” союза, выбран этим союзом и является покорным исполнителем всех его постановлений.

Проректор, член “академического” союза. До сих пор он не имеет никаких инструкций для своей деятельности [...].

Совет, в сущности, не играет никакой руководящей роли: все дела, подлежащие его ведению, предварительно решаются в “академическом” союзе, члены которого составляют большинство. Предварительные решения советских дел в “академическом” союзе почти всегда печатаются в местных “радикальных” газетах, главным образом в еврейских “Одесских Новостях” и меньшинство Совета в сущности вынуждено играть обидную бутафорскую роль.

Правление состоит, кроме одного члена – профессора Левашева, из членов “союза” и является потоку также не самостоятельной коллегией [...].

Таким образом:

1. Вместо автономии Совета и факультетов мы видим захват власти над университетом “центральным органом” и руководимыми им революционными элементами студенчества.

2. Все решения и постановления Совета предрешаются постановлениями противозаконными “академическими” союзами.

3. Вместо правительственного учебного заведения, каким должен быть ИМПЕРАТОРСКИЙ Новороссийский университет, имеется революционный очаг, угрожающий государственной опасности.

4. Благодаря революционной анархии и невмешательству Правительства, положение тех профессоров и тех студентов, девиз которых – “университет для науки” – представляется крайне тяжелым и все более и более невыносимым.

5. Полумеры при настоящем положении Новороссийского университета к добру не приведут.

Ко всему вышеизложенному считаю долгом почтительнейше доложить, что [...] ректор у нас является не более как слепым орудием в руках “академического” союза профессоров, а вовсе не представителей мнений всей профессорской коллегии. [...] Крайне необходимым является в той или другой форме усиление правительственного контроля со стороны Министерства за всем строем университетской жизни, предоставив автономии только чисто академическую жизнь университета»¹³⁹⁰.

Попечитель был категоричен. Его предложение сводилось к следующему: «закрыть все нелегальные союзы [...] и объявить об этом официально. Основанием для такого административного распоряжения [...] мог бы послужить закон 4 марта 1906 года»¹³⁹¹.

Помимо широко известного Академического союза, в университетах начала XX в. существовали иные союзы и общества. Особую активность проявляли «младшие преподаватели», не относившиеся к числу штатной профессуры. С 1905 г. действовали Общество взаимной помощи младшего учено-

¹³⁹⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 452. Л. 50 об. – 60.

¹³⁹¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 7.

педагогического персонала Императорского Казанского университета, Харьковская группа младших преподавателей высших учебных заведений и другие организации. Пик их активности пришелся на период Первой русской революции 1905–1907 гг., после которой они были разгромлены или самораспустились.

Власти опасались любых организованных снизу объединений. Когда в 1908 г. в ИКУ было решено создать «Общество младших преподавателей медицинского факультета», то для согласования текста проекта Устава (уже рассмотренного и одобренного Советом университета) этого общества он был направлен попечителю учебного округа. Представляя этот проект министру народного просвещения А.Н. Шварцу, попечитель А.Н. Деревницкий писал: «Цели общества выражены в § 1 устава неясно и неопределенно. Туманная редакция этого параграфа дает лишь возможность предполагать, что кроме научных и общеобразовательных, т.е. число академических задач, общество намерено преследовать еще какие-то другие, для разрешения которых необходимо, чтобы младшие преподаватели медицинского факультета являлись сплоченную в организацию группой»¹³⁹². Попечитель переслал при этом упоминаемый в письме проект устава общества со своими пометками (подчеркивание отдельных мест, знаки вопроса на полях), которые сами по себе представляют исторический интерес. Например, попечителем была подчеркнута фраза о том, что Правление общества вправе «объявлять некоторые собрания закрытыми», в фразе «в экстренных случаях по постановлению правления дела могут решаться путем референдума» подчеркнуты слова «экстренных» и «референдума»¹³⁹³. Попечитель не дал своей рекомендации на создание данного общества.

На протяжении 1911 г. велась подготовка к Съезду левых профессоров. Причем, согласно «Агентурной записке» от 11 апреля 1911 г., «только меньшая часть профессоров настроена оппозиционно и готова принять участие в

¹³⁹² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 173. Л. 3 – 3 об.

¹³⁹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 173. Л. 5, 6.

нелегальном съезде, большинство же высказывается за участие в разрешенном съезде»¹³⁹⁴.

Приведем примеры участия университетских преподавателей в организациях, не связанных с академической жизнью.

Приват-доцент ИХУ В.И. Талиев в 1905 г. состоял членом нелегального «Харьковского комитета безопасности» и, по данным полиции, сочувствовал революционному движению¹³⁹⁵.

По данным Томского губернского жандармского управления, профессор ИТУ Н.А. Александров в 1905 г. являлся организатором и главным руководителем профессионального социал-демократического союза томских фармацевтов и аптекарей¹³⁹⁶.

Есть сведения и об участии профессоров в национальном движении.

Так, в армянском национальном движении участвовали профессора ИМУ Ю.С. Гамбаров и А.Н. Нерсесов¹³⁹⁷. В 1890 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов писал попечителю Московского учебного округа графу П.А. Некрасову об этом: «по имеющимся, безусловно, достоверным сведениям агитационная деятельность Гамбарова не подлежит никакому сомнению. Благодаря его стараниям в Москве успел образоваться из представителей местной армянской колонии комитет, в состав которого кроме Гамбарова входит профессор Московского университета Нерсесов. Сходки членов означенного комитета происходят под руководством Гамбарова, являющегося безусловно главным руководителем армянского движения в Москве [...]. По инициативе того же Гамбарова в Москве производятся денежные сборы на “армянское дело”, а также благодаря влиянию последнего в Нахичевани при содействии местного городского головы должна быть собрана сумма от 4-х до 5-ти тысяч рублей и отправлена в Тифлис. Ближайшими соучастницами Гамбарова по сборам

¹³⁹⁴ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 93 об.

¹³⁹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 1 об.

¹³⁹⁶ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1907. Д. 391. Л. 2.

¹³⁹⁷ Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь / Отв. составители А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 144–145.

пожертвований на армянское дело являются живущие в Тифлисе племянницы его, Мария и Сусанна Канановы.

Из источников, заслуживающих доверия, оказывается, что армянское движение имеет двойной характер: одна часть турецких армян ходатайствует перед турецким правительством лишь о принятии мер к обузданию неистовств курдов и к избавлению своих соплеменников от претерпеваемых ими мучений и грабежей. Эта партия армян сама трепещет перед мыслью о восстании населения против правительства потому, что вполне сознает, что такое восстание могло бы сопровождаться избиением курдами и другими дикими племенами всего армянского населения [...]. Но есть и другая партия армян, которая задумала устройство армянского государства на началах социализма и для достижения своей цели решила не останавливаться не перед чем. Это партия террора, которая готовит взрывчатые бомбы и adeпты которой уже готовили убийство турецких министров»¹³⁹⁸. Впрочем, и Ю.С. Гамбаров и А.Н. Нерсесов отрицали факт своего участия в движении, «по личному объяснению Гамбарова он решительно ни в какой агитации участия не принимал, ни в каких политических демонстрациях некогда не участвовал и денежных сборов с целью агитации не делал»¹³⁹⁹. А.Н. Нерсесов в объяснении от 3 января 1891 г. отвергал «звание члена комитета, образованного в Москве»¹⁴⁰⁰, а по поводу социалистического характера движения заявлял: «Я отлично понимаю преступность такого направления, следовательно, и сочувствовать в какой бы то ни было форме не могу»¹⁴⁰¹.

В разгар революции 1905–1907 гг. профессора ИНУ С.П. Ярошенко, Н.Н. Ланге, В.В. Завьялов, Н.К. Лысенков и приват-доцент В.Н. Твердохлебов входили в «Совещательный комитет при городском голове», известный также как «Конвент», игравший важную роль в революционных событиях в Одессе¹⁴⁰².

По данным Южного районного охранного отделения, приват-доценту ИНУ Н.М. Зеленецкий в 1906 г. стоял во главе «Учительского кружка», который

¹³⁹⁸ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4285. Л. 6 об. – 8.

¹³⁹⁹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4285. Л. 6 – 6 об.

¹⁴⁰⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4285. Л. 11.

¹⁴⁰¹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4285. Л. 11.

¹⁴⁰² ЦГИАУ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 543. Л. 36 об.

характеризовался властями как «народно-социалистическая партия, образовавшаяся в Новороссийском университете»¹⁴⁰³.

Принадлежавший к правой профессуре бывший профессор ИСПБУ А.И. Соболевский писал: «Образовавшийся в г. Харькове комитет общественной безопасности, куда входил и вновь избранный ректором университета профессор Рейнгардт, а равно “Комитет борьбы” захватили в свои руки университет и поставили своею задачею организовать, вместо правительственной полиции, народную милицию, при чем поручили студенту-технологу Босолыго образовать боевую дружину, для которой и выдано было оружие»¹⁴⁰⁴.

Легализация политических партий открывала еще одну возможность для проявления общественно-политической активности университетских преподавателей.

Многие источники указывают на преобладание среди политизированной профессуры членов конституционно-демократической партии. Однако, по данным С.А. Некрылова, например, среди профессуры ИТУ после Первой русской революции преобладали октябристы¹⁴⁰⁵.

И все же, материалы по истории большинства университетов указывают на кадетское большинство. Председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин писал в 1909 г. министру народного просвещения А.Н. Шварцу: «Большинство профессоров всех высших учебных заведений г. Харькова принадлежит к кадетской партии»¹⁴⁰⁶.

В «Список профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (принадлежащим к политическим партиям, обществам и союзам за период 1902–1908 гг.)», составленный Департаментом полиции в 1908 г., включены 62 профессора и 48 приват-доцентов. Из включенных в «профессорский» список к «правым» или октябристам отнесены 19 человек, к «левым», кадетам и членам Академического союза – 31, неопределенная

¹⁴⁰³ ЦГИАУ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 543. Л. 43.

¹⁴⁰⁴ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 471 об.

¹⁴⁰⁵ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета: 1888 – февраль 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 127.

¹⁴⁰⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 1.

информация дана в отношении 3-х, отсутствует информация о политических пристрастиях 9-ти профессоров. Из включенных в «приват-доцентский» список к «правым» или октябристам отнесены 6 человек, к «левым», кадетам и членам Академического союза – 23, отсутствует информация о политических пристрастиях 19-ти приват-доцентов¹⁴⁰⁷.

А.В. Тыркова-Вильямс, член центрального комитета партии кадетов вспоминала: «Конечно, ЦК это был ареопаг, собрание людей выдающихся, просвещенных, успевших уже проявить себя в той или иной области. Больше всего было юристов, теоретиков и практиков, профессоров и адвокатов. Вопросы права трактовались на наших заседаниях лучшими его знатоками. У нас был Набоков, двое Гессенов, Иосиф и Владимир, Винавер, Кокошкин, Тесленко, Маклаков, Петражицкий. Многие земцы окончили юридический факультет. Были у нас и профессора истории, философии, социальных наук: Н.И. Кареев, П.И. Новгородцев, Е.Н. Щепкин, Н.А. Гредескул». И ниже: «Университеты, рассадники радикальных мечтаний, были за кадетов. То есть профессора, не студенты. Молодежи у нас почти не было. Многие кадетские профессора пользовались исключительной популярностью, но студенты в профессорскую партию не шли. Только в немногих высших школах были студенческие как детские группы. Студенту надо было иметь много мужества, чтобы в студенческой среде проповедовать кадетизм. Для молодежи мы были слишком умеренны»¹⁴⁰⁸.

Крайних радикалов в преподавательской среде почти не было. Однако, по данным Южного районного охранного отделения, приват-доцент ИНУ В.Н. Твердохлебов в 1903 г. в письме двоюродной сестре высказывался, что он «проповедует вооруженное восстание и вполне сочувствует этой форме борьбы»¹⁴⁰⁹.

В секретном донесении из Киевского охранного отделения директору департамента полиции (1910 г.) о профессоре ИУСвВ А.В. Леонтовиче говорилось: «по сведениям Отделения, соприкасается с группой анархистов,

¹⁴⁰⁷ НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 200. Л. 1 – 8 об.

¹⁴⁰⁸ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 272, 368–369.

¹⁴⁰⁹ ЦГИАУ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 543. Л. 43.

готовый по тем же сведениям изготовлять для членов ея взрывчатые вещества, но насколько достоверны эти сведения проверить их пока не представляется возможным»¹⁴¹⁰.

Н.А. Гредескул, бывший в рассматриваемый период профессором ИХУ, писал уже после революции, в 1925 г.: «По своим убеждениям я не был тогда ни “революционером”, ни “социалистом”, а только “политическим демократом”, но так как в России было тогда самодержавие и так как было ясно, что сломить это самодержавие можно только революционным на него натиском, то я думал, что “революцию” мы должны не показывать правительству из под полы, как угрозу со стороны черни, а должны выразить ей прямое и открытое сочувствие, поскольку она есть средство также и для наших целей»¹⁴¹¹.

Подведем промежуточные итоги. Предложенная нами классификация форм политической активности «левой» университетской профессуры выглядит следующем образом: внутриуниверситетские формы (политизация учебного процесса; «противозаконные контакты со студентами»; участие в студенческом движении, сочувствие студенческому движению) и внеуниверситетские формы (политизация публичных лекций; публицистическая и издательская деятельность; участие в собраниях, произнесение речей, подписание петиций; создание организаций, членство в политических партиях).

В основу этой классификации положены объекты и средства воздействия на окружающий мир со стороны политизированных университетских

¹⁴¹⁰ ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 2. Д. 53. Л. 255 об. Более определенно о связи с радикальными революционерами в том же донесении говорилось в отношении сверхштатного лаборанта при кафедре органической химии А.А. Агафонова: «Из имеющейся в Отделении переписки и агентурным данным имеет постоянную связь с заграничными и находящимися на Юге России анархистами и изготовляет при надобности для этих групп взрывчатые вещества, для чего пользуется находящейся в его пользовании лабораторией Университета, причем в названной организации его знают под кличкой “Анатолия”. Весною минувшего 1910 года Агафонов при изготовлении в Университетской лаборатории бомбы уронил часть ея на пол, что заметил один из приват-доцентов Университета, между которым и Агафоновым состоялся неприятный разговор, но этим дело и окончилось. Кто этот приват-доцент установить не представилось возможным. Названный Агафонов партийные свои свидания производит в лаборатории и весьма охотно выполняет всякие поручения партии, симпатизируя таковой по идеям» (ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 2. Д. 53. Л. 255 – 256 об.).

¹⁴¹¹ Гредескул Н.А. Революционный захват университета в Харькове // Пути революции. 1925. № 3. С. 38.

преподавателей. Допускаем, что возможны и иные классификации форм политической активности. Например, по степени радикализма или по идеологическим признакам.

Важно, однако, учитывать и эволюцию форм политической активности с течением времени. Революция 1905–1907 гг., расширив сферу легального, привела многих университетских преподавателей от некогда популярного «академизма» в сферу реальной политики.

Надзор за профессорами.

Представители власти в секретной переписке не скрывали своего отношения к вузам в свете политики. Губернатор Харьковской губернии М.К. Катеринич писал в департамент полиции МВД в 1911 г.: «Не подлежит не малейшему сомнению, что высшие учебные заведения как были, так и остаются центрами революционного движения, притаившегося лишь пока под влиянием твердой правительственной политики»¹⁴¹². Несомненно, губернатор имел в виду как студенчество, так и левую профессиру.

Взгляды и действия левой профессуры становились предметом особого контроля со стороны соответствующих органов.

Органы надзора за общественными умонастроениями существовали в Российском государстве издревле. Если в XVII–XVIII вв. в основе их деятельности лежал принцип «Слова и дела государевых», то с начала XIX в. система политического сыска начинает приобретать более институализированные черты. Принципиальным новшеством в деле организации политического сыска было создание корпуса жандармов и III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, существовавшего в 1826–1880 гг. Следующим шагом по реформированию политической полиции было создание отделений по охранению порядка и общественной безопасности (охранные отделения, «охранка»); такие органы начали действовать с 1866 г. В конце XIX – начале XX в. политическая полиция организационно состояла из Отдельного

¹⁴¹² ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3433. Л. 2 об.

корпуса жандармов, основным звеном структуры которого были губернские управления, и охранных отделений.

Циркуляр Департамента полиции № 5200, изданный 13 августа 1902 г., разграничил компетенцию жандармерии и охранных отделений, закрепив за первой производство дознаний по политическим преступлениям, а за вторыми – оперативно-розыскные мероприятия по преступлениям этого же рода¹⁴¹³. Таким образом, охранные отделения были обязаны снабжать агентурной информацией жандармов, производящих дознание. Впрочем, несмотря на законодательное разграничение, на практике функции двух основных органов политического розыска продолжали дублироваться, а между чинами жандармерии и охраны нередко складывались неприязненные отношения в силу известной конкуренции и нежелания сужать круг своих полномочий. Схожие отношения нередко выстраивались между политической и общей полицией¹⁴¹⁴.

Из методов работы политической полиции, широко применявшихся при осуществлении контроля над подозрительными лицами, в том числе – над профессорами и преподавателями университетов – особое место занимал негласный надзор, организация и осуществление которого регламентировались «Положением о негласном полицейском надзоре» от 1 марта 1882 г.¹⁴¹⁵ Негласный надзор был мерой превентивной, и § 1 «Положения...» определял его как способ, предупреждения государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной благонадежности. Такой надзор учреждался исключительно Департаментом полиции. Способы ведения негласного полицейского надзора определялись по соглашению губернатора или градоначальника с начальником жандармерии. Сведения о поднадзорных

¹⁴¹³ Добряков В.И. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб, 1903. С. 124.

¹⁴¹⁴ Чудакова М.С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 3. С. 29.

¹⁴¹⁵ Добряков В.И. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб, 1903. С. 89.

доставлялись чинами общей полиции, пунктовыми унтер-офицерами (полицейскими, размещавшимися в специальных наблюдательных пунктах), а также агентами наружного и внутреннего наблюдения и стекались в жандармское управление, где велся учет лиц, подчиненных негласному надзору.

Например, профессор ИНУ П.Г. Меликов находился под негласным надзором с 1883 по 1891 г.¹⁴¹⁶, а будущий ректор ИМУ А.А. Мануилов, будучи студентом, был в 1884 г. поставлен под гласный надзор полиции на 2 года, после окончания которого состоял под негласным надзором вплоть до 1904 г.¹⁴¹⁷

Под негласным надзором находился профессор ИСПБУ П.Ф. Лесгафт. Например, в сведениях, полученных с 1 января по 1 июля 1902 г., о нем сообщалось: «Имеет большое знакомство и очень популярен среди учащейся молодежи»¹⁴¹⁸.

Однако надзор над профессорами и преподавателями российских университетов осуществлялся не только по линии политической полиции. Если проанализировать переписку, отложившуюся в центральных и местных архивах, которая касалась политического надзора над профессорами и преподавателями, то выяснится, что в переписке по данному вопросу состояли самые разные ведомства. Перечень адресатов укладывается в следующую схему: начальник одного охранного отделения – начальник другого охранного отделения; начальник жандармского управления одной губернии – начальник жандармского управления другой губернии; начальник губернского жандармского управления – Департамент полиции МВД; Департамент полиции МВД – губернатор; полицеймейстер – губернатор; министр внутренних дел – министр народного просвещения; министр народного просвещения – попечитель учебного округа; попечитель учебного округа – ректор (и, соответственно, в обратном порядке при ответных посланиях).

Как видно из перечня адресатов, переписку, затрагивавшую вопросы политической благонадежности университетских преподавательских кадров, вели

¹⁴¹⁶ ЦГИАУ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 543. Л. 40.

¹⁴¹⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 61.

¹⁴¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. Д. 434. Л. 97.

как «силовые» (выражаясь современным языком), так и гражданские ведомства, такая переписка носила как горизонтальный (начальник жандармского управления – начальник жандармского управления), так и вертикальный характер (министр – попечитель).

Нередко министерское (МНП) начальство спускало вниз по управленческой вертикали запрос о том или ином преподавателе, требуя при этом от подчиненных выполнения чуть ли не полицейских функций. Так, министр народного просвещения И.Д. Делянов писал в ноябре 1897 г. попечителю Киевского учебного округа В.В. Вельяминову-Зернову: «До сведения моего дошло, что профессор вверенного Вашему Превосходительству университета Орлов будто бы дозволил себе на обеде 8 ноября отзываться в неприличных выражениях об университетском уставе 1884 г., который есть нечто иное как закон, утвержденный Высочайшей властью. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство собрать негласно сведения о том, что именно и в каких выражениях говорил проф[ессор] Орлов, и сообщить мне эти сведения в возможно непродолжительном времени»¹⁴¹⁹.

Большинство посланий, по какой бы линии они ни проходили, содержали просьбу сообщить сведения о политической благонадежности того или иного лица. Такие запросы, как правило, начинались с указания на уже известные автору письма компрометировавшие сведения, а завершались просьбой уточнить, подтвердить или опровергнуть их и привести новые данные. Контроль осуществлялся, с одной стороны, над профессорами и преподавателями, заведомо (в силу ранее имевшихся сведений) подозреваемыми в «вольномудстве», а, с другой, – в отношении лиц, поступавших на службу по учебному ведомству по прибытии их из другой губернии.

Приведем несколько примеров.

В марте 1885 г. ординарный профессор ИУСвВ В.Б. Антонович ходатайствовал об отпуске за границу для лечения болезни. МНП запросило у департамента полиции МВД сведения о политической благонадежности

¹⁴¹⁹ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 /1897/. Д. 10. Л. 12.

Антоновича¹⁴²⁰. Департамент полиции сообщил о симпатиях Антоновича революционному движению еще в студенческие годы, а так же о том, что «в 1884 г. Антонович обратил на себя внимание явным порицанием распоряжения правительства по вопросу об увольнении Мищенко от должности доцента Киевского Университета»¹⁴²¹.

Томские губернские власти в июне 1907 г. сделали запрос о политической благонадежности профессора ИТУ Н.А. Александрова в губернское жандармское управление в связи с тем, что учредитель зубоврачебной школы в Томске барон Левитин ходатайствовал об утверждении Александрова в должности заведующего этой школой¹⁴²².

Ответ был получен следующий: «Профессор Томского университета Николай Алексанров[ич] Александров агентуре известен как организатор и главный руководитель профессионального социал-демократического союза томских фармацевтов и аптекарей, участник Октябрьских 1905 года митингов и забастовок; состоит в сношениях с лицами крайне неблагонадежными в политическом отношении»¹⁴²³.

Начальник Харьковского губернского жандармского управления генерал-майор А.Н. Рыковский писал 18 мая 1912 г. письмо начальнику Томского губернского жандармского управления: «В виду избрания юридическим факультетом Харьковского университета на вакантную кафедру финансового права профессора Томского университета доктора политической экономии М.Н. Соболева прошу Ваше Высокоблагородие сообщить мне сведения, как о его политическом направлении, так и другие, могущие быть в Вашем распоряжении»¹⁴²⁴. Отвечая на этот запрос, начальник Томского губернского жандармского управления вменил в вину профессору Соболеву участие в предвыборных агитациях в Государственную Думу (М.Н. Соболев, действительно

¹⁴²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 81. Д. 290. Л. 1 – 1 об.

¹⁴²¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 81. Д. 290. Л. 5.

¹⁴²² ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1907. Д. 391. Л. 1.

¹⁴²³ ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1907. Д. 391. Л. 2.

¹⁴²⁴ ЦГИАУ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 895. Л. 9.

избирался выборщиком в 1-ю и 3-ю Государственную Думу¹⁴²⁵, то, что он являлся членом редакционного комитета газеты «Сибирская жизнь», «пропустившим к печатанию противоправительственного характера статью по поводу смерти покойного Председателя Совета Министров, Статс-секретаря Столыпина» и то, что адреса Соболева неоднократно находились у лиц неблагонадежных в политическом отношении¹⁴²⁶.

Порой архивные данные позволяют проследить целую цепочку переписки между разными ведомствами и должностными лицами по поводу одного университетского профессора. Так, 2 августа 1907 г. Департамент полиции МВД писал Казанскому губернатору М.В. Стрижевскому: «По дошедшим до Министерства Внутренних Дел сведениям избранный ныне деканом физико-математического факультета профессор Казанского Университета Д.Н. Зейлигер, еврей, принявший православие, принадлежит партии социал-демократов, состоит агентом тайного еврейского общества “Бунда” и является вдохновителем и руководителем всех бойкотов и террора в Казани. Вследствие сего, Департамент Полиции [...] покорнейше просит Ваше Превосходительство уведомить, насколько вышеприведенные указания о Зейлигере представляются справедливыми, и сообщить имеющиеся о названном профессоре сведения»¹⁴²⁷. С аналогичным запросом Казанский губернатор обратился к полицеймейстеру и тот уже 10 августа отвечал губернатору М.В. Стрижевскому: «Профессор Казанского Университета Д.Н. Зейлигер, человек очень тонкий, выдержанный, всегда и со всеми любезный. Старается каждого расположить к себе, но хитрый и скрытный. Принадлежит ли он к сообществу “Бунда”, неизвестно и трудно в этом удостовериться, но, что он принадлежит к партии левых, то в этом убеждают все его приемы с учащеюся молодежью студентов Казанского Университета за все время с 1905 года. По словам некоторых студентов, несочувствующих ему, Зейлигер направлял студентов к беспорядкам первоначально открыто на лекциях,

¹⁴²⁵ Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. Томск, 1996. С. 241.

¹⁴²⁶ ЦГИАУ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 895. Л. 11 – 11 об.

¹⁴²⁷ НАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 476. Л. 1.

потом, с осени 1906 года, более сдержанно, но всегда в такое время и в таких лекциях, где вывод был вызывающим против Правительства. В среде студентов он числится ярким социалистом и умелым вдохновителем»¹⁴²⁸. На основании этой информации 19 сентября Казанский вице-губернатор (и.о. губернатора) писал в Департамент полиции МВД: «Профессор Императорского Казанского Университета Д.Н. Зейлигер известен мне за человека, принадлежащего к крайне левым партиям. Деятельность свою в направлении левых политических партий он особенно заметно обнаружил в 1905 году, когда он открыто при чтении лекций в Университете направлял студентов к различным беспорядкам и допускал в своем присутствии сбор денег на явно революционные цели. В настоящее время в виду изменяющегося настроения в обществе в сторону более умеренных, г. Зейлигер стал более осторожным и сдержанным в проведении в среду учащихся своих крайне левых политических воззрений, но самих воззрений нисколько не изменил и по-прежнему принадлежит к крайним элементам, поддерживая скрытно все революционные партии»¹⁴²⁹.

Весьма характерная формулировка встречается в отношении товарища министра внутренних дел министру народного просвещения И.Д. Делянову о приват-доценте ИНУ Г.Е. Афанасьеве (1889 г.), который, по словам чиновника, привлекал внимание властей «обстоятельствами своей жизни, которая, *не представляя собою ничего преступного* [курсив мой – М.Г.], тем не менее, в своей совокупности, свидетельствовали о его сомнительной политической благонадежности»¹⁴³⁰ (под «обстоятельствами» имелись в виду контакты с подозрительными лицами, некоторые публичные выступления).

Заметим, что порой учебное начальство тяготилось обязанностью собирать сведения о политической активности профессоров. В доказательство приведем фрагменты переписки между министром народного просвещения И.Д. Деляновым и попечителем Московского учебного округа П.А. Капнистом. 1 февраля 1887 г. министр писал попечителю: «До сведения моего дошло, что несколько времени

¹⁴²⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 476. Л. 3 – 3 об.

¹⁴²⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 476. Л. 5 – 5 об.

¹⁴³⁰ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1889. Д. 513. Л. 18 об.

тому назад профессор Московского университета Герье прочел студентам проект государственного экзамена, добавил, что утверждение и опубликование одного произойдет в феврале месяце текущего года. Причем на вопрос одного из слушателей, где составляли этот проект, ответил: “в Бухаре и на верблюдах привезли в Россию”». И.Д. Десянов просил П.А. Капниста «доставить мне объяснения по поводу приведенного ответа профессора Герье»¹⁴³¹.

П.А. Капнист направил свой ответ 3 марта 1887 г.: «Получив конфиденциальное письмо Вашего Высокопревосходительства [...], я прибег к единственному пути, открывавшему мне для разъяснения сообщенного мне Вами обстоятельства, касающегося профессора Герье, а именно отправился к нему, сообщил содержание Ваших писем и просил его прямо и откровенно сказать мне, имело ли место обстоятельство, указанное в письме Вашем за № 14 и не припомнит ли он чего либо, что могло подать кому-нибудь повод сделать Вам сообщение, о котором идет речь.

Профессор Герье категорически ответил мне, что в Университете он ни во время лекций, на после таковых никогда не входил со студентами в рассуждения о проекте Государственного экзамена, да и ни в каком случае не позволил бы при исполнении служебных обязанностей шутивого разговора подобного тому, который приведен в письме Вашего Высокопревосходительства за № 14.

К этому профессор Герье присовокупил, что поводом к сделанному Вами сообщению мог, как он полагает, послужить разговор, происходивший однажды у него на дому в виде частной беседы с несколькими знакомыми студентами. А так как содержание этого разговора могло дойти до посторонних лиц лишь путем сплетни, то он, профессор Герье, не считает возможным давать по сему предмету официальных разъяснений. Лишь по убедительной моей просьбе припомнить более подробно и сообщить мне обстоятельства дела, как частному человеку, находящемуся с ним в добрых отношениях, профессор Герье передал мне, что однажды у него собрались несколько человек знакомых студентов для чтения сочинения, написанного одним из них. По окончании чтения разговор коснулся

¹⁴³¹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4185. Л. 1 – 1 об.

проекта Государственного экзамена, так как студенты слышали, что проект разослан по Университетам. При этом профессор Герье сообщил кратко содержание проекта, насколько он касается испытаний по истории и способах производства экзаменов. Студенты пришли в ужас от необходимости сдавать в один день шестичасовой экзамен с коротким лишь перерывом. По этому поводу профессор Герье, выразивший мнение о нецелесообразности этого последнего правила, быть может, употребил саркастическое выражение, точного содержания коего он однако припомнить не может, так как не придавал в то время значения разговору, имевшему совершенно частный характер»¹⁴³².

Предоставив такое разъяснение, попечитель в конце послания сделал важное добавление: «считаю своим долгом по поводу настоящей переписки почтительнее представить на усмотрение Вашего Высокопревосходительства некоторые мои соображения, имеющие весьма важное значение для моей деятельности как Попечителя Учебного Округа. [...] Во-вторых, считаю своим долгом высказать свое мнение о том *вреде, который причиняется расследованием* [курсив здесь и далее мой – М.Г.] и требованием объяснение по поводу сообщений, подобных тому, какое вызвало настоящую переписку, особенно в тех случаях, когда, как по отношению к профессору Герье, оно касается обстоятельств частной жизни, имеющих лишь косвенное и отдаленное отношение со служебную деятельность. *Подобные расследования и объяснения, не принося никому и ничему никакой пользы, только раздражают самых спокойных и надежных людей.* Они вселяют, и надо сознаться, не без кажущегося по крайней мере основания, убеждение, что *служащие по нашему ведомству окружены какой-то сетью соглядатайства и доносов, вторгающихся даже в сферу домашнего очага,* и идущих в этом отношении даже гораздо дальше, чем наблюдение за политическими движениями общества, требующими по своему свойству естественно и справедливо наибольшей деятельности. Подобное положение совершенно ненормально в сфере, где успех дела требует прежде всего спокойствия духа и чистоты отношений. [...] Не скрою от Вашего

¹⁴³² ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4185. Л. 4–5.

Высокопревосходительства, что данный случай произвел на профессора Герье, равно как на меня, самое тяжелое в нравственном отношении впечатление¹⁴³³.

На это послание министр ответил попечителю 22 февраля 1887 г.: «Соглашаясь вполне с мнением Вашим относительно серьезности направления профессора Герье, я не могу, однако, не заметить, что в минуты досады и неудовольствия срываются с языка неуместные выражения и у весьма умных людей»¹⁴³⁴.

О затруднительности сбора политической информации, но уже с иной интонацией, писал в июне 1909 г. попечитель Харьковского учебного округа П.Э. Соколовский министру народного просвещения А.Н. Шварцу: «К величайшему моему сожалению, я [...] на слово и честь значительной части служащих в Харьковском университете и занимающих в нем ответственные посты положиться не могу. Поэтому исследовать вопрос о принадлежности Воробьева, Грузинцева, Пшеборского, Коршуна, Талиева, Гольдина, Сумцова, Киселева, Фатеева, Траубера, Филеевского и др. к антиправительственным партиям с имеющимися в моем распоряжении средствами я не в состоянии. Почти все они были в свое время мною обстоятельно допрошены и все они одинаково уверяли меня в отсутствии всякой связи между ними и каким бы то ни было революционным движением. Исследовать политическое настроение академического общества, среди которого есть люди, считающие ложь и обман допустимыми, и представить Вашему Высокопревосходительству донесение университетского начальства заведомо ложное я считаю едва ли возможным. Эти отношения к делу служащих в университете могут быть выяснены только Жандармским управлением или судом, располагающими всеми необходимыми средствами для сыска»¹⁴³⁵.

Необходимо отметить, что далеко не всегда даже весьма неблагоприятная информация приводила к непрямым карам в отношении скомпрометированного профессора или преподавателя.

¹⁴³³ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4185. Л. 6–8.

¹⁴³⁴ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4185. Л. 9 об.

¹⁴³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 10.

Например, впоследствии ставший знаменитым историком С.Ф. Платонов еще со студенческих лет – с 1878 г. – находился под негласным надзором полиции. Это произошло после того, как в распоряжении властей попало перлюстрированное письмо С.Ф. Платонова его товарищу, студенту-юристу В.Н. Латкину, которое позволяло заподозрить респондентов – в особенности В.Н. Латкина – в революционных помыслах¹⁴³⁶. Однако, спустя несколько лет, и С.Ф. Платонов, и В.Н. Латкин с разрешения учебных властей были оставлены при кафедрах для приготовления к профессуре и, как известно, стали профессорами историко-филологического и юридического факультетов ИСПБУ соответственно. Негласный надзор с С.Ф. Платонова был снят в июле 1890 г.¹⁴³⁷, как раз тогда, когда он после года приват-доцентуры занял кафедру русской истории.

В марте 1901 г. профессор ИТУ М.А. Рейснер открыто поддержал студенческую забастовку, после чего ему была предоставлена годичная заграничная командировка, что можно объяснить желанием начальства ослабить его влияние на студенчество, избавившись от беспокойного профессора (впрочем, спустя два года М.А. Рейснер был все-таки уволен из университета без права преподавания в России)¹⁴³⁸. Профессор того же университета И.А. Малиновский после осуждения в 1912 г. по 3 и 4 пунктам 129-й статьи Уголовного уложения (возбуждение к неисполнению законов) и амнистии по случаю 300-летию Дома Романовых продолжил академическую карьеру, защитил диссертацию на степень доктора государственного права, стал профессором ИВУ¹⁴³⁹.

О не слишком жесткой реакции властей на деятельность политизированных преподавателей говорит и случай профессора В.А. Косинского. В ГАРФ отложилась переписка между министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым и председателем Совета министров (одновременно министром внутренних дел) П.А. Столыпиным по поводу профессора В.А. Косинского,

¹⁴³⁶ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1894. Д. 172. Л. 1 об. – 1а.

¹⁴³⁷ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1894. Д. 172. Л. 1а.

¹⁴³⁸ Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. Томск, 1996. С. 205–206.

¹⁴³⁹ Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. Томск, 1996. С. 162.

который в 1909 г. переводился из ИНУ в Киевский политехнический институт. В.И. Тимирязев 16 февраля 1909 г. писал П.А. Столыпину: «Я нахожу для себя в высшей степени затруднительным отказать в удовлетворении ходатайства Киевского политехнического института. Уже не говоря о том, что обвинение Косинского по 2 ч. 419 ст. улож[ения] о наказ[аниях], насколько мне известно, было прекращено Правительствующим Сенатом, но и все остальные данные – *участие в академическом союзе, посещение сходов и т.п., – не такого свойства, чтобы я мог на основании их отказать в утверждении Косинского* [курсив мой – М.Г.], согласно избранию его профессором Киевского политехникума. Я не могу упускать из вида, что очень многим профессорам может быть вменено в вину совершение тех же деяний в 1905 и 1906 годах, а между тем они продолжали и продолжают, как и сам Косинский, оставаться на государственной службе»¹⁴⁴⁰. Резолюция П.А. Столыпина, выведенная синим карандашом, гласила: «Я сказал Косинскому, посетившему меня, что, если он в Киеве начнет заниматься политической деятельностью, то я непременно потребую его увольнения»¹⁴⁴¹.

В.А. Косинский, действительно в 1909 г. занял должность ординарного профессора кафедры политической экономии Киевского политехнического института. Здесь он служил до революции 1917 г., после которой занялся в большей степени политической и управленческой деятельностью (в 1918 г. был министром труда Украины).

Говоря о мерах, которые предпринимали власти в отношении «левых» преподавателей, можно заметить, что их арсенал был достаточно невелик. В него входили устные и письменные предупреждения, ограничения, связанные с профессиональной деятельностью, увольнения, судебные преследования. При этом последние, крайние, меры фактически весь рассматриваемый период оставались редкостью.

Зачастую, власти ограничивались «профилактическими» мерами.

¹⁴⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 106. Д. 398. Л. 10 – 10 об.

¹⁴⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 106. Д. 398. Л. 9.

В рассматриваемый период преподаватели университетов обязаны были давать письменные обязательства соблюдать благонадежность. Так, 1899 г. преподаватели ИВУ давали «Подписку о непринадлежности к тайным обществам» следующего содержания: «В исполнение указа Его Императорского Величества, я ниже подписавшийся даю сию подлиску по чести и совести в том, что в продолжении всей моей жизни ни к каким тайным обществам в Царстве Польском и Русской Империи, а равно и за границу не принадлежал и отныне ни к каким подобным обществам, где бы они не существовали и под каким бы ни было названием, ни принадлежать, ни иметь сношений, как письменно, так и изустно, а равно и другими какими бы то ни было способами, ни непосредственно, ни посредством других лиц – не буду»¹⁴⁴².

Профессора, высказывавшие оппозиционные мысли, безусловно, вызывали раздражение властей. Так, попечитель Варшавского учебного округа А.Н. Шварц писал ректору ИВУ профессору П.А. Зилу (февраль 1905 г.) о профессорах, которые «высказывают [...] незаконное посягательство на власть, им не принадлежащую, и своими заявлениями подрывают веру в прочность государственного строя Империи и закономерность распоряжений Правительства» и требовал «неукоснительно следить за тем, чтобы в органах управления [университета – М.Г.] не допускалось никаких суждений, выходящих за пределы компетенции этих органов»¹⁴⁴³.

В январе 1906 г. было обнародовано Правительственное сообщение, в котором говорилось: «Недопустимо, чтобы должностные лица, получающее свои полномочия от Государственной власти и действующие в силу ее поручения, являлись скрытыми врагами существующего государственного порядка, противодействовали начинаниям Правительства и поддерживали враждебные ему стремления. Принятая присяга и долг чести налагают на всех состоящих на службе ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА должностных лиц [...] обязанность быть точными и добросовестными исполнителями ГОСУДАРЕВОЙ

¹⁴⁴² APW. Z. 214. S. 648. k. 108.

¹⁴⁴³ APW. Z. 214. S. 337. k. 91 ob.

Воли, проникаясь видами Правительства и всемерно способствуя их осуществлению. [...] Правительство не потерпит более на службе чиновников, оказывающих противодействие его видам и не повинующихся законной власти. Подобные лица должны оставить свои должности и уступить их другим, желающим посвятить силы свои служению государству»¹⁴⁴⁴. Пересылая это сообщение деканам факультетов, ректор ИВУ предупреждал, «в случаях, указанных в упомянутых Правительственным сообщении, они [лица, о которых шла речь в сообщении – М.Г.] не будут терпимы на службе»¹⁴⁴⁵.

Ограничением, связанным с профессиональной деятельностью, можно считать практику объявления «необязательным» для студентов курса того или иного оппозиционного преподавателя. Так, курс политической и экономической статистики профессора А.И. Чупрова, у которого складывались непростые отношения с властями, был объявлен необязательным вследствие недовольства учебных властей тем, на что профессор в этом курсе делал акценты (в частности, недовольство вызывала тема семинарских занятий «составление и обсуждение реформаторов о крестьянском хозяйстве по земской статистике»)¹⁴⁴⁶.

Возвращаясь к теме увольнения нелояльных профессоров (примеры, иллюстрирующие реализацию такой меры, были даны выше), приведем показательные рассуждения ректора ИНУ профессора А.Н. Деревницкого, изложенные в январе 1905 г. в письме к попечителю Одесского учебного округа Х.П. Сольскому. Ректор писал: «Нельзя сомневаться, что та же мера [удаление из университета наиболее активной части оппозиционно настроенных преподавателей – М.Г.] не замедлила бы ослабить и те политические союзы, группы и ассоциации, которые под академическим знаменем в последнее время возникают среди представителей преподавательского персонала, если бы она

¹⁴⁴⁴ APW. Z. 214. S. 465. k. 14. Спустя два с половиной года, в июле 1908 г. появилось постановление Правительствующего Сената, почти полностью текстуально совпадающее с документом 1906 г. В ИВУ этот документ был разослан всем преподавателям и служащим «с просьбой указать, не принадлежат ли они к противоправительственным политическим партиям» (APW. Z. 214. S. 27. k. 136–137).

¹⁴⁴⁵ APW. Z. 214. S. 465. k. 12.

¹⁴⁴⁶ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 54. Д. 99. Л. 31 об.

была применена к наиболее активным деятелям этих союзов и групп. Эта мера не потребовала бы даже большого числа жертв, что, конечно, было бы нежелательно, — ее значение заключается в психологическом влиянии. Она парализовала бы возрастающее сосредоточение оппозиционных сил и поколебала бы ту уверенность в безнаказанности, которая теперь постепенно приводит к участию в движении и более нерешительные и осмотрительные элементы преподавательского персонала»¹⁴⁴⁷. Однако при всей логичности приведенных рассуждений, заметим, что соответствующая мера применялась властями нечасто. Один из достаточно редких примеров связан с именем приват-доцента ИНУ Н.М. Зеленецкого, уличенного в 1897 г. в «пропаганде и распространении нелегальной литературы»; ему было воспрещено пребывание в пределах Одесского генерал-губернаторства на время введенного тогда военного положения¹⁴⁴⁸.

Итак, несмотря на то, что полицейские наблюдения, добытые путем негласного надзора, порой выглядели не слишком убедительно, власти, вероятно, не сильно ошибались насчет политических убеждений заметной части университетского преподавательского корпуса. Действительно, на протяжении рассматриваемого периода все большая часть профессоров и преподавателей начинала всё более и более скептически относиться к существовавшему политическому строю и симпатизировать идее перемен.

Политическая полиция и министерское начальство, фиксируя в бесчисленных донесениях и рапортах эти настроения, не готово было идти на «решительные меры»: даже уличенные в произнесении «противоправительственных речей» и связях с революционерами профессора и приват-доценты, как правило, сохраняли университетскую службу. Сказанное не означает, что власти вовсе не удаляли из высшей школы оппозиционно настроенных ее представителей, имели место и такие примеры. По политическим мотивам были уволены профессор ИМУ М.М. Ковалевский в 1887 г., профессор

¹⁴⁴⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 414. Л. 7 об.

¹⁴⁴⁸ ЦГИАУ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 543. Л. 40.

ИТУ М.А. Рейснер в 1903 г., профессор ИКУ Н.Н. Фирсов в 1914 г.; политические мотивы просматриваются в увольнении Н.И. Кареева с профессорской должности в ИСПБУ в 1899 г.¹⁴⁴⁹, однако назвать правительственную политику в отношении нелояльно настроенных к властям преподавателям жестко репрессивной тоже нельзя. Известную мягкость и выжидательную тактику полиции можно объяснить, пожалуй, нежеланием будоражить и без того беспокойную высшую школу и в первую очередь – студенчество, которое с большим трудом (и далеко не всегда) получалось удерживать от участия в политических процессах на противоположной по отношению к власти стороне.

6.3. Общественно-политическая активность «правой» профессуры

«Правая» профессура и ее гражданская активность традиционно была обойдена исследовательским вниманием. Для советской историографии «реакционная» профессура представляла слабый интерес как адепт старого, уходящего мира буржуазной интеллигенции; в постсоветский период фокус исследовательского интереса мало изменился. Это не удивительно, ведь лояльная власти профессура, как правило, декларировала ценности чистого академизма, и поэтому дольше, чем левая профессура воздерживалась от политической активности. Но, как уже было отмечено, в условиях политических катаклизмов идейная поляризация неминуемо привела и к кристаллизации правых в университетской среде со свойственными им формами проявления гражданской активности.

В агентурной записке «Общая характеристика профессуры Московского университета в связи с последними студенческими волнениями» (от 18 июля 1911 г.), встречаем такую характеристику оппонентов левых: «к первой группе примыкали профессора по убеждениям – правые, затем октябристы и беспартийные. Выступления этой группы заключались в следующем: а)

¹⁴⁴⁹ Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «Досуговый дискурс» историка // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. Гуманитарные науки. С. 169–178.

тенденциозное освещение некоторых общественных вопросов при чтении лекций в Университете; б) поддержка и руководство близких к их политическим убеждениям студенческих групп и организаций и с) тенденциозная (в сторону чистого академизма) деятельность в Совете профессоров»¹⁴⁵⁰.

Опираясь на разнообразные свидетельства, выделим наиболее типичные элементы публичного поведения, характеризовавшие правую профессию. На наш взгляд, к таким элементам следует отнести:

- осуждение участников студенческого движения;
- негативное отношение к проникновению «политики» в университет;
- проявления лояльности по отношению к властям.

Примеры, иллюстрирующие отсутствие сочувствия студенческому движению со стороны правой профессуры, приведены в 4-й главе. Волновавшееся студенчество, разумеется, было для правых зримым выражением нарушения университетских порядков и не могло ими приветствоваться. Но, если политизацию студентов они еще могли списать на проявление юношеского максимализма, то вовлечение по политическую борьбу преподавательского состава вызывало у правых резко негативное отношение.

Адвокат академика, бывшего профессора ИСПБУ, А.И. Соболевского, Б.В. Никольский (сам приват-доцент столичного университета) в оправдательной речи на судебном процессе (1911 г.)¹⁴⁵¹ говорил, что А.И. Соболевский «был очевидцем, до какого падения доводит людей, да еще ученых, да еще стоящих во главе научных учреждений, до какого падения доводит их увлечение политикой. Он был свидетелем того, до какого действительно нравственного падения доводит людей участие в партии, до каких преступных жалких, отвратительных поступков, доводят людей партии, имеющие своих представителей во многих местах»¹⁴⁵².

Профессор ИМУ М.М. Богословский заметил в дневниковой записи от 5 сентября 1915 г.: «Затем полились потоки красноречия, настоящего

¹⁴⁵⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 96.

¹⁴⁵¹ См. упоминания о деле академика Соболевского в 4-й и 7-й главах.

¹⁴⁵² ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 200.

профессорского, с рассмотрениями вопроса с одной стороны и с другой стороны, с анализами и т. д., еще раз меня убедившие, что нет элемента более непригодного для политики, чем профессора»¹⁴⁵³.

Проявления лояльности по отношению к властям.

Выше упомянутый профессор ИМУ М.М. Богословский в дневниковой записи от 8 сентября 1915 г. с некоторой досадой писал: «У нас говорить против власти есть признак гражданских чувств, а соблюдать верность власти в тяжкие для государства минуты считается недостойным гражданина»¹⁴⁵⁴. Очевидно, придерживавшийся противоположной по отношению к «мейнстриму» позиции, М.М. Богословский выразил этой фразой одну из ключевых установок правой профессуре: сохранять лояльность действовавшей власти как воплощенному олицетворению порядка и закона. Эта установка могла находить свое проявление в самых разнообразных ситуациях.

К.М. Гречищев, учившийся в ИТУ с 1894 г., описал в воспоминаниях случай, когда в 1892 г. Томское общество естествоиспытателей и врачей не переизбрало своим председателем попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского, после чего «начался массовый выход профессоров из состава членов общества. В общем, отказались оставаться членами общества 11 профессоров (Судаков, Репрев, Малиев, Леман, Коркунов, Грамматикати, Ерофеев, Великий, Попов М., Капустин и Буржинский)»¹⁴⁵⁵. К.М. Гречищев приводит слова профессора А.В. Репрева, который так обосновал свой выход из состава Общества: «Председатель, облеченный доверием высшей власти, облеченный доверием первого и главного хранителя научных интересов России, его сиятельства господина министра народного просвещения, облеченный единогласным доверием господ профессоров – учредителей общества, оказался

¹⁴⁵³ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 36 с.

¹⁴⁵⁴ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 37 с.

¹⁴⁵⁵ Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 394.

недостойным доверия только что народившегося Общества врачей и естествоиспытателей в Томске. [...] Считаю недоверие, выраженное обществом лицу, которому вверены высшие интересы того же университета, при котором состоит общество, недоверием, оскорбительным для университета и для себя лично»¹⁴⁵⁶.

Распространенной формой демонстрации лояльности было «выражение верноподданнических чувств», которое могло происходить как очно – во время визитов царствовавших особ в университеты, так и заочно, по поводу каких бы то ни было важных событий¹⁴⁵⁷.

13 апреля 1901 г. ректор ИКУ Д.И. Дубяго сделал объявление о визите Великого Князя Константина Константиновича, адресованное профессорам: «В виду присутствия в г. Казани Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича Президента Академии Наук и Почетного Члена Императорского Казанского университета, имею честь пригласить г[оспод] профессоров Казанского университета собраться при отъезде Его Высочества на казенную пароходную пристань»¹⁴⁵⁸.

Верноподданнические чувства, как правило, выражались в связи с тем или иным знаковым событием. Вот фрагмент протокола заседания Совета ИКУ от 29 января 1904 г.: «СЛУШАЛИ: Высочайший Манифест Государя Императора, данный в С.-Петербурге в 27 день 1904 года о начатии военных действий на Дальнем Востоке.

По провозглашении Государю Императору троекратного “Ура”.

ПОСТАНОВИЛИ: Повергнуть во всеподданнейшей телеграмме перед Его Императорским Величеством выражение верноподданнических чувств и согласно предложению заслуженного профессора Н.Ф. Высоцкого образовать особый

¹⁴⁵⁶ Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 395.

¹⁴⁵⁷ См. о «выражении советом Казанского университета верноподданнических чувств» (1890 г.). НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10959. Л. 65.

¹⁴⁵⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10452. Л. 1.

Университетский Комитет из членов Совета для оказания помощи больным и раненым воинам, предоставить самому Комитету определить вид этой помощи и сбор пожертвований»¹⁴⁵⁹.

Декан медицинского факультета ИНУ профессор Н.М. Попов так описывал (октябрь 1909 г.) ректору университета профессору С.В. Левашову встречу делегации Совета с императором Николаем II: «Депутация, избранная Советом Императорского Новороссийского университета в составе: и[справляющего] д[олжность] ректора проф[ессора] Н.М. Попова, декана историко-филологического факультета проф[ессора] А.А. Павловского, и[справляющего] д[олжность] декана физико-математического факультета проф[ессора] А.К. Кононовича, декана юридического факультета проф[ессора] П.Е. Казанского и Проректора университета А.Ф. Маньковского имела счастье представляться ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, во время вторичного ЕГО проезда через Одессу. Будучи представлен ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ г[осподином] градоначальником, я обратился к ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ со следующим приветствием: “Имеем высокое счастье приветствовать ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и повергнуть к стопам Вашим, возлюбленный МОНАРХ, верноподданнические чувства и благоговейную беспредельную преданность учащих и учащихся в ИМПЕРАТОРСКОМ Новороссийском университете”.

В ответ на это приветствие ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ угодно было осчастливить делегацию следующими словами:

“БЛАГОДАРЮ ВАС, ГОСПОДА, ЗА ВАШУ ПРЕДАННОСТЬ, ВЕРЮ В ИСКРЕННОСТЬ ВАШИХ ЧУВСТВ: ВЫ ЕЕ ДОКАЗАЛИ НА ДЕЛЕ В ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ”.

Затем ГОСУДАРЬ удостоил меня рукопожатием и обратился к остальным членам делегации, которые были представлены мною поименно, причем ГОСУДАРЬ каждого удостоил рукопожатием и обратился ко мне ко мне с вопросом: “КТО ИЗ ВАС ДОЛЕЕ НАХОДИТСЯ НА СЛУЖБЕ[?]”. Я указал на

¹⁴⁵⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 10959. Л. 10.

проф[ессора] Кононовича, которого ГОСУДАРЬ удостоил вопросом о том, СКОЛЬКО ЛЕТ ОН СЛУЖИТ. Осведомившись о числе студентов в нашем университете, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволил произнести следующее:

“В ТОТ РАЗ, КОГДА Я ЗДЕСЬ БЫЛ, ПРЕДСТАВЛЯЛОСЬ МНОГО ДЕПУТАЦИЙ, ПЕЛИ ГИМН, Я НЕ РАССЛЫШАЛ, КАК ГРАДОНАЧАЛЬНИК ПРЕДСТАВЛЯЛ ВАШУ ДЕЛЕГАЦИЮ: ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЮ. БЛАГОДАРЮ ВАС, ЧТО ПРИЕХАЛИ ТЕПЕРЬ”. С этими словами ГОСУДАРЬ снова удостоил меня рукопожатием и отошел к ожидавшей ЕГО группе гласных»¹⁴⁶⁰.

17 октября 1909 г. ректор ИНУ просил попечителя Одесского учебного округа А.И. Щербакова «ходатайствовать о разрешении поместить в зале заседаний Совета мраморную доску с высокомиловидными словами ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, обращенными к делегации университета: “БЛАГОДАРЮ ВАС, ГОСПОДА, ЗА ВАШУ ПРЕДАННОСТЬ. ВЕРЮ В ИСКРЕННОСТЬ ВАШИХ ЧУВСТВ: ВЫ ЕЕ ДОКАЗАЛИ НА ДЕЛЕ В ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ” [и] послать ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ верноподданическую телеграмму с выражением беспредельной преданности и благодарности: “Совет Императорского Новороссийского университета, собравшись в экстренное заседание и благоговейно выслушав высокомиловиднейшее обращение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА к депутации от университета, подвергает к стопам ВАШИМ, обожаемый ГОСУДАРЬ, выражение беспредельной признательности и верноподданической преданности”»¹⁴⁶¹. 31 декабря 1909 г. установка мраморной доски в зале заседаний Совета Императорского Новороссийского университета была санкционирована¹⁴⁶².

Еще одним своеобразным выражением лояльности можно назвать подписание профессорами текстов, написанных в жанре «Обращений» и содержащих поддержку действиям и позиции властей. Так, в начале Первой мировой войны появился «Ответ профессоров Императорского Университета Св. Владимира на “Обращение к цивилизованным нациям”, опубликованное

¹⁴⁶⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 37. Д. 16. Л. 2 – 2 об.

¹⁴⁶¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 37. Д. 16. Л. 1.

¹⁴⁶² ГАОО. Ф. 42. Оп. 37. Д. 16. Л. 10 – 10 об.

93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны». Написанный в жанре отповеди германским ученым, «Ответ» был подписан далеко не только «правыми»¹⁴⁶³. С одной стороны, можно говорить, что это отразило довольно краткосрочное единодушие в российском обществе, характерное для 1914 г. С другой, в литературе уже было показано, что «Обращения» русских профессоров против немецких во многом были инициированы правительством, а не самой академической средой¹⁴⁶⁴.

Вместе с тем, не стоит преувеличивать лояльность правых. Она была не безгранична. Например, на страницах дневника приват-доцента ИСПБУ, затем профессора ИЮУ Б.В. Никольского, убежденного монархиста, очень часто встречаются язвительные, абсолютно непочтительные высказывания в адрес действовавшей монаршей семьи, такие как: царь «непроехимо глуп», а царица страдает от «эротомании» и, возможно, причастна к шпионажу¹⁴⁶⁵.

Говоря о деятельных формах проявления правыми профессорами своей позиции, следует выделить их «хождение во власть», а также элементы самоорганизации – съезды правых профессоров, участие в общественных объединениях.

«Хождение во власть».

Профессора нередко по приглашению властей принимали участие в работе различных комиссий и комитетов. Например, осенью 1893 г. профессор ИУСвВ П.П. Цитович был командирован в Санкт-Петербург для занятий в комиссии по пересмотру вексельного устава¹⁴⁶⁶.

¹⁴⁶³ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 401. Л. 1 – 2 об.

¹⁴⁶⁴ Подробнее об этом: Маурер Т. «Война умов» и общность европейцев. Размышления по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 57–78; Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Академический патриотизм: Пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3. С. 3–21.

¹⁴⁶⁵ Лукьянов М.Н. «Великие потрясения» глазами правого интеллектуала: Заметки на полях дневника Бориса Никольского. Рец.: Никольский Б.В. Дневник, 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шиловым, Ю.А. Кузьминым. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 656 с. // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2017. № 1. С. 210.

¹⁴⁶⁶ ГАК. Ф. 16. Оп. 332. Д. 121. Л. 1–5.

Не столь редкими были случаи и смены правыми профессорами педагогической деятельности на административную. М.В. Сабашников, учившийся в первой половине 1890-х гг. на физико-математическом факультете ИМУ, оставил воспоминания о преподавателях. В частности, говоря о профессорах правового толка Н.Ю. Зографе и А.А. Тихомирове, М.В. Сабашников увязывал их консервативные взгляды со служебной перспективой: «Впоследствии они покинули университет ради административной карьеры»¹⁴⁶⁷. Впрочем, карьеру Н.Ю. Зографа, скорее, следует назвать общественной, а не административной: в 1890-е – 1900-е гг. он состоял гласным Рузского уездного земства Московской губернии и Московского губернского земства, а вот А.А. Тихомиров после 20 лет службы в университете стал директором департамента народного просвещения (с 1904 г.), а позднее – попечителем Московского учебного округа (1911–1917 гг.).

В целом, в девяти учебных округах, где располагались университеты, в рассматриваемый период сменилось 69 попечителей. Принимая во внимание, что из них 12 человек в разные годы занимали соответствующие должности в разных округах, всего попечительское место занимали 57 человек. Из них почти половина (49 %) 28 человек являлись бывшими профессорами и преподавателями университетов¹⁴⁶⁸.

Из числа министров народного просвещения, которых за 1884–1917 гг. было 14, профессорское университетское прошлое так же имела половина – 7 человек (Н.П. Боголепов, Г.Э. Зенгер, А.Н. Шварц, Л.А. Кассо, Н.К. Кульчицкий, А.А. Мануйлов, С.Ф. Ольденбург – в порядке очередности занимания министерской должности)¹⁴⁶⁹.

¹⁴⁶⁷ Сабашников М.В. Воспоминания. В университете // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 576.

¹⁴⁶⁸ Надо заметить, что не все из них были априори правыми и придерживались консервативных монархических взглядов.

¹⁴⁶⁹ О профессорах-министрах см.: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX–XX вв.: Эксперимент с «чиновниками от просвещения» (А.Н. Шварц, Л.А. Кассо) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 301–311.

Показательны в этом отношении карьеры Н.П. Боголепова и Н.К. Кульчицкого, прошедших последовательно должностных ступени сначала в университете, а затем в министерстве. Н.П. Боголепов в 1870-х гг. был доцентом ИМУ, в 1880-х гг. – профессором, секретарем юридического факультета, дважды (в 1883–1887 гг. и 1891–1893 гг.) становился ректором ИМУ. С 1895 г. служил попечителем Московского учебного округа, а с 1898 г. стал министром народного просвещения. Н.К. Кульчицкий с 1883 г. был приват-доцентом, с 1889 г. – экстраординарным, с 1893 г. – ординарным профессором кафедры гистологии ИХУ. В 1912 г. уже упоминаемый начальник Харьковского губернского жандармского управления генерал-майор А.Н. Рыковский, отвечая на запрос о Н.К. Кульчицком, писал: «Заслуженный профессор доктор медицины статский советник Николай Константинович КУЛЬЧИЦКИЙ принадлежит к числу представителей правой профессуры и является крупной научной силой; в Харькове Кульчицкий состоял членом “Русского собрания” и числе других правых профессоров участвовал на их совещаниях, бывших в Петербурге в 1910 году и 16–19 декабря 1911 года и тогда же представлялся ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ»¹⁴⁷⁰. В 1912 г. Н.К. Кульчицкий был назначен попечителем Казанского учебного округа, с 1914 г. стал попечителем Петроградского учебного округа, а в декабре 1916 г. – марте 1917 г. являлся министром народного просвещения.

Порой бывшие профессора делали служебную карьеру вне ведомства МНП. Например, Д.П. Коновалов, служивший в 1886–1907 гг. профессором ИСПБУ, в 1908–1915 гг. был товарищем министра торговли и промышленности, а после отставки вернулся к научной и преподавательской деятельности: в 1916–1918 гг. был профессором Петроградского технологического института.

Что касается элементов самоорганизации и участия правых профессоров в политических объединениях, следует отметить их деятельность в таких монархических, православно-консервативных общественно-политических организациях как выше упомянутое «Русское собрание», «Союз русского народа».

¹⁴⁷⁰ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 /1897/. Д. 10. Л. 10.

Например, в «Русское собрание» помимо профессора Н.К. Кульчицко, входили профессора Т.И. Буткевич (ИХУ), А.С. Вязигин (ИХУ), К.Я. Грот (ИВУ), П.А. Кулаковский (ИВУ), Н.Д. Сергеевский (ИСПБУ), приват-доцент Б.В. Никольский (ИСПБУ). Среди профессоров ИТУ в «Союз русского народа» входили М.Г. Курлов, И.Я. Галахов, Ф.И. Романов, А.М. Зайцев.

Есть свидетельства о том, что первое собрание правых профессоров, в котором приняли участие 18 человек, состоялось в Санкт-Петербурге в апреле 1906 г. Свои задачи совещание сформулировало следующим образом: «1. Необходимо стремиться к восстановлению правильного хода научно-учебного дела в России, независимо от политического настроения страны. 2. Допущение политической агитации в стенах университета и вообще в высших учебных заведениях, несовместимо с их назначением и научными задачами». Второй съезд правых профессоров состоялся в декабре 1910 г., также в столице, а третий – там же – еще через год, в декабре 1911 г. Активными участниками съездов были действовавшие и бывшие профессора ИСПБУ – П.Н. Ардашев, А.М. Позднеев, А.И. Соболевский; ИМУ – В.И. Герье, А.А. Тихомиров; ИНУ – В.М. Грибовский, П.Е. Казанский; ИХУ – Н.О. Куплеваский, М.А. Остроумов; ИВУ – П.А. Кулаковский, И.П. Созонович, И.П. Филевич¹⁴⁷¹.

У нас нет оснований сомневаться в том, общественно-политическая активность правых профессоров чаще всего была проявлением их искренней гражданской позиции. Вместе с тем, обращают на себя внимание случаи, когда после падения монархии некоторые прежде подчеркнуто лояльные по отношению к власти профессора, корректировали свою позицию.

Так, один из самых последовательных правых профессоров ИКУ В.Ф. Залеский сразу после Февральской революции, уже 20 марта 1917 г, направил в Совет университета заявление с разъяснением своей прежней политической позиции, в котором указал, что он «слугою старого правительства, ни вообще чьим бы то ни было слугою [...] никогда не был; [...] действовал

¹⁴⁷¹ Смолин М.Б. Очерки имперского пути. Известные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX века. М., 2000. С. 134–150; НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 13398. Л. 44 об.

всегда по собственному убеждению, по велению своего разума, по долгу своей совести и потому поддерживая правительство вообще, нередко вступал в резкую к нему оппозицию». Ниже В.Ф. Залеский привел два примера своей «оппозиционной деятельности». Первый заключался в прочтении им в 1908 г. доклада об «общинно-хуторском землевладении» с критическими высказываниями в адрес проводимой тогда столыпинской аграрной реформы. А второй – в том, что в 1911 г. во время работы съезда правых профессоров он возражал против идеи «отправиться всем Съездом в министерство представляться министру Кассо. [...] После этого – подчеркивал В.Ф. Залеский – Кассо меня возненавидел и мстил мне тем, что систематически отставлял без движения представления меня к наградам; говорят, даже хотел насильственно перевести меня в Томский университет». В заключение В.Ф. Залеский заявлял: «Если в моей политической деятельности иногда, быть может, поступал резко, или иной раз, может быть, даже недостаточно обдуманно, то это объясняется переутомлением вследствие исполненной за последние годы колоссальной научной работы. [...] Из изложенного ясно, что я представляю собой крупную научную силу, и как до сих пор был полезен России, так и впредь, надеюсь быть полезным на научном и преподавательском поприще»¹⁴⁷².

6.4. Профессура и «большая политика». Участие университетских преподавателей в работе Государственного Совета и Государственной Думы

При изменении государственно-политической системы Российской империи, произошедшей в период Первой русской революции, в стране был создан двухпалатный парламент, состоявший из Государственного Совета и Государственной Думы.

Университетская общественность, заметно политизировавшаяся накануне и в годы революции, не могла остаться в стороне от такого важного и давно

¹⁴⁷² НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 13398. Л. 44 – 44 об.

ожидаемого новшества одновременно и политической системы, и общественной жизни, как парламент¹⁴⁷³.

Государственный Совет

Согласно законодательству, в Госсовет помимо лиц, назначенных императором, попадали «вобранные от корпораций», в том числе от Академии Наук и Российских университетов – 6 человек из 98 выбираемых членов.

В начале марта 1906 г. министр народного просвещения И.И. Толстой предложил высшим учебным заведениям и Академии наук до 20 марта осуществить избрание выборщиков, для чего должны были быть организованы съезды выборщиков.

Число выборщиков было определено следующее: от Академии Наук – 3, от каждого из университетов – по 3 (из числа ординарных профессоров, достигших 40-летнего возраста, имеющих русское подданство). Именно выборщики, собравшись в свою очередь на общий съезд, должны были определить 6 членов Госсовета.

Избрание выборщиков происходило в заседании Совета того или иного университета. Так как подробных инструкций относительно процедуры разработано не было, университеты в процессе выборов опирались на действующий устав. Кворум должен был составлять как минимум 50 % членов совета. Кандидаты на роль выборщиков определялись «подачею записок» и самовыдвижением¹⁴⁷⁴. Выбранным считался человек, получивший не менее 10 голосов. При этом, судя по протоколам заседаний Советов, среди профессоров наблюдалась настоящая конкуренция: например, в ИНУ при голосовании в

¹⁴⁷³ См.: Грибовский М.В. Участие профессоров и приват-доцентов российских университетов в работе Государственных Дум в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 46–51.

¹⁴⁷⁴ Вот описывал голосование профессор ИМУ М.М. Богословский в дневниковой записи от 5 сентября 1915 г. «Заседание университетского Совета. Началось избрание выборщиков для избрания членов Государственного совета от Академии наук и университетов. Я вошел в момент подачи записок и тотчас же написал три имени: Любавского, Филиппова и Митропольского. Затем при оглашении записок я услышал, что эти имена упоминались наиболее часто. Они и были действительно избраны». См. Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 36 с.

Совете 22 сентября 1908 г. таких кандидатов оказалось 22¹⁴⁷⁵, в ИМУ – 23¹⁴⁷⁶, в ИВУ – 20¹⁴⁷⁷, в ИХУ – 17¹⁴⁷⁸, в ИТУ – 15¹⁴⁷⁹.

Итоговое голосование проводилось по 6 кандидатам, получившим наибольшее число записок, из которых определялось 3 выборщика, отправлявшихся в столицу Империи на съезд для определения члена Госсовета. Чтобы прибыть в Санкт-Петербург на съезд выборщиков им выдавались прогонные деньги. По 5 копеек за версту от места жительства до столицы¹⁴⁸⁰. На съезде из числа выборщиков и определялись непосредственные члены Госсовета.

Всего за время работы Госсовета от Академии наук и университетов было избрано 18 членов. Из них только от университетов – 13.

От ИСПБУ (И.И. Боргман, Д.Д. Grimm¹⁴⁸¹, М.М. Ковалевский, И.Х. Озеров) и ИМУ (В.И. Вернадский, В.О. Ключевский, А.А. Мануйлов, Е.Н. Трубецкой) – по 4 человека. По 2 человека от ИЮУ (В.В. Афанасьев¹⁴⁸², П.П. Пусторослев) и ИКУ (А.В. Васильев и Н.П. Загоскин) и 1 от ИХУ (Д.И. Багалей)

К этому нужно добавить, что по иным куриям или по назначению в Госсовете работало еще 15 университетских профессоров. От белого духовенства – Д.Н. Беликов (ИТУ), Т.И. Буткевич (ИХУ), М.И. Горчаков (ИСПБУ), от Новгородского губернского земского собрания – И.М. Тютрюмов (ИСПБУ); по назначению – В.И. Герье, Н.А. Зверев (ИМУ), А.Н. Деревницкий (ИХУ, затем ИНУ), А.Ф. Кони (ИХУ, затем ИМУ), С.М. Лукьянов (ИВУ), Д.И. Пихно

¹⁴⁷⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 26.

¹⁴⁷⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 29 об.

¹⁴⁷⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 33 об.

¹⁴⁷⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 42.

¹⁴⁷⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 53 об.

¹⁴⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 4.

¹⁴⁸¹ В 1914 г. Д.Д. Grimm по инициативе министра Л.А. Кассо и вопреки воле профессора был переведен из ИСПБУ в ИХУ. Министерскому распоряжению Д.Д. Grimm не подчинился, предпочтя остаться в Санкт-Петербурге членом Госсовета. Из-за отказа уехать в Харьков Д.Д. Grimm был вовсе уволен с должности профессора, в результате чего возникло основание исключить его и из членов Госсовета как избранного от академии и университетов (Искры. 9 марта 1914). Решение оставалось за Советом, и тот решил вопрос в пользу Д.Д. Grimma. Прецедентность этого решения заключалась в том, что ранее, в 1911 г., в аналогичном случае с бывшими профессорами ИМУ А.А. Мануйловым и В.И. Вернадским Госсовет большинством голосов принял противоположное решение.

¹⁴⁸² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 59.

(ИУСвВ), В.И. Сергеевич (ИСПбУ), Н.Д. Сергеевский (ИСПбУ), Н.С. Таганцев (ИСПбУ), М.А. Таубе (ИСПбУ) и А.Н. Шварц (ИМУ).

В.О. Ключевский также избирался в апреле 1906 г. членом Государственного совета от Академии наук и университетов. Но, получив известие о своем избрании В.О. Ключевский уже 11 апреля отказался от места в палате формируемого российского парламента. Свое решение профессор мотивировал так: «Я не нахожу положение члена Совета достаточно независимым для свободного в интересах дела обсуждения возникающих вопросов государственной жизни»¹⁴⁸³.

Кроме В.О. Ключевского раньше срока сложил с себя полномочия профессор ИЮУ П.П. Пусторослев (избран в октябре 1912 г., сложил полномочия уже в ноябре).

Помимо этого, лишились своего места в Госсовете до окончания срока полномочий А.А. Мануйлов, В.И. Вернадский – в силу того, что, покинув в 1911 г. ИМУ, не могли далее представлять университеты в этом органе власти.

Академическая группа Госсовета принимала активное участие как в обсуждении вопросов общегосударственного значения (аграрный вопрос, амнистия), так и вопросов, входивших в сферу её служебно-профессиональных интересов (образование, просвещение, наука). Так, академическая группа инициировала создание комиссии по делам народного просвещения, поднимала проблему материального положения преподавателей, работала над составлением программы преподавания в создававшемся Статистическом институте.

Согласно подсчетам С.Б. Арчегова, значительное большинство членов Госсовета, избранных по академической курии, принадлежало кадетской парии¹⁴⁸⁴, что вполне отражало особенности политического мировоззрения представителей университетской преподавательской среды.

¹⁴⁸³ Цит. по: Олейников Д. Василий Осипович Ключевский: «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могут жить лишь в допотопное время...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 328.

¹⁴⁸⁴ Арчегов С.Б. Академическая группа Государственного Совета (1906–1917 гг.): Историко-правовое исследование. СПб, 2016. Дисс. канд. юрид. наук. С. 15, 51.

Государственная Дума

На избирательную кампанию в Думу первого и второго созывов серьезное влияние оказывал тот факт, что они проходили в условиях острого противостояния власти и общества, когда еще не была завершена революция. Бывший профессор ИСПБУ М.М. Ковалевский вспоминал об этом времени: «Так как никто особенно не стремился сделаться депутатом, опасаясь, как бы не навлечь тем самым на себя беды, то отношение было более или менее следующее: хочешь лезть в петлю, ступай – мы тебе препятствовать не будем»¹⁴⁸⁵.

Некоторые претенденты на думские места из числа «левой» профессуры и вовсе в период избирательной кампании находились под административным надзором. Так, избранный в выборщики профессор ИХУ Н.А. Гредескул по распоряжению местного начальства в 1906 г. был выслан в Архангельск¹⁴⁸⁶. Выше упомянутый М.М. Ковалевский участвовал в судьбе Н.А. Гредескула, ходатайствуя перед Председателем Совета Министров С.Ю. Витте об освобождении харьковского профессора. Сам Ковалевский так описывал встречу с Витте: «Я высказал ему недоумение по поводу того, что за несколько дней до выборов удаляют в административном порядке одного из намеченных кандидатов, и предсказал, что это обстоятельство побудит г. Харьков послать в Думу именно профессора Гредескула. «Какая польза правительству, – заметил я, – создавать “дешевых мучеников”»¹⁴⁸⁷. Предсказания Ковалевского сбылись. Профессор Гредескул заочно был выбран депутатом от Харькова, после чего получил разрешение ехать в Петербург¹⁴⁸⁸.

Надо заметить, что профессора, баллотировавшиеся в Думу первого созыва, не могли быть уверены в гарантированном сохранении за ними места на кафедре

¹⁴⁸⁵ Хайлова Н. Максим Максимович Ковалевский: «Без терпимости нет свободы...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 461.

¹⁴⁸⁶ ГАХО. Ф. 3. Оп. 290. Д. 6. Л. 10 об.

¹⁴⁸⁷ Ковалевский М.М. Моя жизнь // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Под общ. ред. А.В. Иванченко. М., 2008. С. 87.

¹⁴⁸⁸ Ковалевский М.М. Моя жизнь // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Под общ. ред. А.В. Иванченко. М., 2008. С. 88.

в случае избрания депутатом. Дело в том, что 53-я статья Положения о выборах в Государственную Думу (утв. 6 августа 1905 г.) предполагала, что лицо, занимающее на гражданской государственной службе должность, соединенную с определенным окладом содержания, в случае избрания в члены Государственной Думы обязано оставить занимаемую должность.

В начале января 1906 г. на профессорском совещании по университетской реформе, созванном при Министерстве народного просвещения профессор ИСПбУ В.М. Шимкевич предложил ходатайствовать о праве профессоров и доцентов, избранных в члены Думы, оставаться на университетской службе, если против этого не будет возражать Совет и при отказе от университетского жалования на время пребывания депутатом. Профессора А.М. Гуляев (ИУСвВ) и А.И. Садовский (ИЮУ), ссылаясь на опыт Франции, не находили нужным отказываться от жалованья, в то время, как профессора ИМУ В.М. Хвостов и А.А. Мануилов (ректор) поддержали идею отказа от жалованья¹⁴⁸⁹. (По положению 1906 г. содержание, получаемое членом Государственной Думы, составляло 10 руб. в день в период сессий. С 1908 г. было введено ежегодное довольствие в размере 4200 руб. в год, плюс дополнительное довольствие в 10 руб. в день для членов комиссий, принимавших участие в работе до открытия сессии¹⁴⁹⁰). Члены совещания были солидарны в вопросе о необходимости сохранения за профессором, ставшим депутатом Думы, университетской ставки. Однако, например, после избрания профессора ИНУ Е.Н. Щепкина членом Думы Совет университета возбуждал ходатайство об его оставлении в университете в должности сверхштатного профессора, но получил отказ на основании вышеупомянутой статьи¹⁴⁹¹.

Обратимся к итогам выборов в Государственную Думу первого созыва для университетского корпуса. Как известно, победу на первых думских выборах

¹⁴⁸⁹ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 141–142.

¹⁴⁹⁰ Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912. Ч. 1. Общие сведения. СПб, 1912. С. 15.

¹⁴⁹¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 439. Л. 1.

одержала партия кадетов, которую современники порой именовали «профессорской партией». Это предопределило то, что именно в этой Думе университетское сообщество имело наиболее заметный вес.

В Думе оказалось 11 профессоров и приват-доцентов, пришедших в большую политику непосредственно из университетских аудиторий (Приложение В).

Заметим, что помимо 11 университетских преподавателей, среди членов Государственной Думы первого созыва было еще 3 профессора и приват-доцента из других вузов; итого вузовская прослойка составляла 3,1 % от общего числа депутатов¹⁴⁹².

О весе «университетских» депутатов говорит то, что в президиум Думы, состоявший из 9 человек, вошло трое. Профессор Н.А. Гредескул был избран товарищем председателя Думы, профессор Г.Ф. Шершеневич и приват-доцент Ф.Ф. Кокошкин – товарищами секретаря¹⁴⁹³.

По партийной принадлежности все (!) 11 представителей университетской коллегии были кадетами. По профессиональной принадлежности они распределялись следующим образом: 5 юристов, 3 историка, 1 экономист, 1 медик, 1 математик.

Средний возраст на 1906 г. «университетского» депутата равнялся 41 году.

Активная участница событий А.В. Тыркова-Вильямс вспоминала: «Много было в ней [в Думе – М.Г.] блеска, много словесных талантов. Оказалось, что в русских таятся фонтаны складных слов. Это не была выучка, натасканность. Профессионально красноречивы были только профессора и адвокаты. Тех и других было немало»¹⁴⁹⁴.

Однако срок существования первой Думы был невелик. 9 июля 1906 г. она была распущена. Кадеты в ответ на роспуск Думы инициировали радикальное Выборгское воззвание (призыв к подданным Российской империи не платить

¹⁴⁹² Члены 2-ой Государственной Думы: Биографии. Сравнительная характеристика членов 1-ой и 2-ой думы. Алфавитный указатель. СПб, 1907. С. VI.

¹⁴⁹³ Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Первый созыв. 1906–1911 г. М., 1906. С. IV.

¹⁴⁹⁴ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 260.

налоги, не отдавать солдат в армию до созыва новой Думы). Из 11 выше названных бывших депутатов все, кроме одного (А.В. Васильева), подписали воззвание¹⁴⁹⁵. За это они были подвергнуты судебному преследованию по 129-й статье уголовного уложения, почти все отбыли трехмесячное тюремное заключение и были урезаны в политических правах. В частности, они не могли повторно избираться в члены Государственной Думы¹⁴⁹⁶. Любопытно, что уже упоминаемый М.М. Ковалевский отказался поддержать Выборгское воззвание. По его мнению, иное решение лишило бы его права считать себя доктором по государственному праву. «Никто из специалистов этой науки не может допустить призыва подданных к неплатежу налогов и к отказу нести воинскую повинность» — заметил он¹⁴⁹⁷.

По итогам выборов в Госдуму второго созыва в нижней палате Парламента оказалось только 5 депутатов, пришедших напрямую из университетской среды (Приложение В). Заметное сокращение можно объяснить менее удачным ходом избирательной кампании кадетской партии.

Всего же среди членов Государственной Думы второго созыва было 11 профессоров и приват-доцентов (2,2 % от общего числа депутатов)¹⁴⁹⁸. Но, если среди депутатов первой Думы почти все преподаватели высшей школы были выходцами из университетов, то во второй Думе их оказалось меньше половины, и ни один из них не вошел в Президиум Думы.

В партийном отношении также произошли заметные изменения: 3 «университетских» депутата оказались кадетами, 2 — октябристами. В профессиональном отношении, по-прежнему, преобладали юристы (2 человека), среди остальных депутатов были экономист, филолог и медик.

¹⁴⁹⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 569. Л. 50 об.

¹⁴⁹⁶ ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 569. Л. 40 об.

¹⁴⁹⁷ Хайлова Н. Максим Максимович Ковалевский: «Без терпимости нет свободы...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 462.

¹⁴⁹⁸ Члены 2-ой Государственной Думы: Биографии. Сравнительная характеристика членов 1-ой и 2-ой думы. Алфавитный указатель. СПб, 1907. С. VI.

Средний возраст депутатов, пришедших в Думу из университетской преподавательской среды, равнялся 45 годам.

В стенах Думы депутаты входили в различные – постоянные и временные – комиссии. Естественно, что выбор комиссии чаще диктовался профессиональными качествами парламентария. Так, экономист по специальности С.Н. Булгаков входил в бюджетную комиссию, будучи в то же время известным богословом, он возглавил комиссию по церковным вопросам. М.Я. Капустин работал в библиотечной комиссии и комиссии по народному образованию. Одним из самых разносторонних депутатов был В.М. Гессен. Он одновременно работал в следующих комиссиях: библиотечной; по запросам; о неприкосновенности личности; о местном суде; о свободе совести; для рассмотрения представления Министерства юстиции о привлечении 55 членов Государственной думы к уголовной ответственности.

Дума второго созыва славилась большим количеством скандальных заседаний. Одно из бурных обсуждений выдалось на 4 мая 1907 г. Обсуждалась школьные проблемы в связи с внесением Министерством народного просвещения законопроекта о постепенном введении в России всеобщего начального образования. На заседании выступал министр П.М. Кауфман. Жаркие споры возникли в прениях, когда выступавшие депутаты обратили внимание коллег и представителей министерства на проблемные аспекты школьной жизни. Особенно критическими были выступления эсера К.Ф. Вознесенского, кадеты М.-С. М. Хасанова. Их высказывания, касающиеся русификации школ на окраинах империи и использования властями школы в политическом отношении, вызвали болезненную реакцию со стороны правых депутатов. В.М. Пуришкевич, С.И. Келеповский, а также И.И. Созонович репликами с мест неоднократно прерывали ораторов. Стенограмма этого фрагмента заседания пестрит ремарками: «шум», «крики», «шум продолжается». Впрочем, роль профессора И.И. Созоновича в развитии скандального заседания не до конца ясна. Во всяком случае, в стенограмме нашли отражения лишь такие комментарии, как: «Созонович (с места) (кричит [...]) За шумом разобрать нельзя». Председатель

Думы предложил за нарушение дисциплины удалить из зала заседаний всех трех названных депутатов. Однако, поскольку и И.И. Созонович, и С.И. Келеповский, и В.М. Пуришкевич проигнорировали это требование, они были отстранены от участия в работе Думы на 15 заседании. Получивший право на «последнее слово», И.И. Созонович заявил: «Господа, когда я вступил в это собрание, я полагал, что девизом его будет известное выражение «Свободы достоин тот, кто уважает свободу других». Здесь я этого не встретил, я здесь встретил лишь проявление насилия»¹⁴⁹⁹.

Выборы в Думу третьего созыва, как известно, проходили в изменившихся общественно-политических условиях и по измененному избирательному закону, который значительно упростил прохождение в парламент представителям лояльных царской власти политических сил. От числа университетской общественности в Думе оказалось 7 депутатов (Приложение В).

Помимо этой семерки, в Госдуму третьего созыва были избраны еще 3 профессора и приват-доцента других вузов¹⁵⁰⁰.

Депутаты-профессора вернулись к руководству Думы в качестве товарища председателя (М.Я. Капустин) и секретаря (И.П. Сазонович). Партийный же состав «университетской фракции» третьей Думы очень сильно отличался от того, что можно было наблюдать прежде. Избирательный закон от 3 июня 1907 г. привел в Думу «правую» профессию. Из выше перечисленных семи депутатов 3 входили во фракцию правых, 2 – во фракцию октябристов, 1 был кадетом, 1 входил в Польское коло.

По специальностям семь «университетских» депутатов распределялись следующим образом: 2 историка, 2 медика, 1 юрист, 1 филолог, 1 агроном. К тому же рассматриваемая группа депутатов несколько «повзрослела» в сравнении со своими предшественниками: средний возраст по состоянию на 1907 г. равнялся уже 51 году.

¹⁴⁹⁹ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 2. СПб, 1907. Ст. 187–189.

¹⁵⁰⁰ Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912. Ч. 1. Общие сведения. СПб, 1912. С. 9.

Вышедшие из университетской среды депутаты проявляли наибольшую заинтересованность в делах учебного ведомства. Так, в мае 1910 г. А.С. Вязигин, С.М. Богданов, М.Я. Капустин, И.В. Годнев и И.В. Лучицкий (вместе с 19 другими членами Госдумы) были избраны в состав комиссии для рассмотрения законопроекта об уставе и штатах университетов¹⁵⁰¹. Профессор-агроном С.М. Богданов активно поддерживал идею об учреждении при физико-математических факультетах агрономических отделений¹⁵⁰². При этом любопытно, что из всех «университетских» парламентариев только И.В. Годнев вошел в число 33 депутатов, подписавших в июне 1914 г. законодательное предложение об учреждении в ИТУ историко-филологического факультета¹⁵⁰³.

Опираясь на стенограммы заседаний Думы, можно утверждать, что наибольшую депутатскую активность в рассматриваемой группе проявляли М.Я. Капустин и И.В. Годнев. Профессор Капустин работал в составе шести комиссий: бюджетной, народного образования, старообрядческой, библиотечной (товарищ председателя), университетской (председатель), охраны древностей. Он часто выступал по вопросам увеличения финансирования учебных заведений. Приват-доцент И.В. Годнев (медик по специальности) входил в состав комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов (с 1909 г. был её председателем), являлся секретарём бюджетной комиссии, товарищем председателя комиссии о народном здравии. Однако И.В. Годнев преимущественно выступал в Думе по правовым вопросам.

В.Д. Набоков уже после революции 1917 г. дал И.В. Годневу, который занимал должность государственного контролёра в первых составах Временного правительства, довольно противоречивую оценку: «Постоянно встречая его фамилию в думских отчетах в связи с разного рода юридическими вопросами и спорами по толкованию закона, я составил себе представление о нем, как о

¹⁵⁰¹ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Ч. IV. СПб, 1910. Ст. 1439.

¹⁵⁰² Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Ч. II. СПб, 1910. Ст. 627–630, 635–639.

¹⁵⁰³ Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. Вып. IX. СПб, 1914. Док. № 821. С. 5.

знатоке нашего права... Кроме того, я полагал, что Годнев – одна из крупных политических фигур Государственной думы. Хорошо помню мое впечатление от первого знакомства с Годневым. На нем самом... на тех приемах, с какими он подходил к тому или другому политическому или юридическому вопросу, лежала печать самой простодушной обывательщины, глубочайшего провинциализма, что-то в высшей степени наивное и ограниченное... Человек безусловно чистый, исполненный самых лучших намерений и заслуживающий самого нелицемерного уважения, он был – в среде Временного правительства – воплощенным недоразумением»¹⁵⁰⁴.

Выборы в государственную Думу четвертого созыва проходили по тому же избирательному закону, что и предыдущие. По составу Четвертая и третья Думы оказались похожи. Членами Думы были избраны 6 представителей университетов, причем 3 из них уже были депутатами предыдущего созыва (Приложение В).

По партийной принадлежности «университетские» депутаты были распределены следующим образом: 2 правых, 2 октябриста, 1 кадет, 1 член польского коло. 2 из них были юристами, 2 медиками, 1 – агрономом, 1 – доктором богословия. В руководство Думой никто из них не вошел. Средний возраст этой группы депутатов в 1912 г. равнялся 50 годам («омоложение» в сравнении с предыдущим составом произошло за счет самого молодого, 30-летнего депутата-приват-доцента П.П. Гронского).

Членом Госдумы по первой курии был избран ректор ИНУ С.В. Левашов, получивший на выборах 976 голосов из общего числа 1853¹⁵⁰⁵. Став депутатом, С.В. Левашов был освобожден от должности ректора, но остался профессором ИНУ¹⁵⁰⁶. Как депутат он входил бюджетную, библиотечную, народного здоровья комиссии, комиссию по народному образованию, о путях сообщения, по городским делам.

¹⁵⁰⁴ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. С. 42–43.

¹⁵⁰⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 246. Л. 76.

¹⁵⁰⁶ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 568. Л. 16.

Профессора-депутаты проявляли естественную заинтересованность при обсуждении вопросов, касающихся университетской жизни. Так, 12 июня 1914 г. Дума рассматривала вопросы «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских университетов» и «Об улучшении материального положения лиц, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях университетов». В обоих случаях докладчиками выступили профессор А.В. Смирнов (от комиссии по народному образованию) и бывший служащий МНП Е.П. Ковалевский (от бюджетной комиссии). Тема материального обеспечения преподавателей вывела депутатов на более широкую университетскую проблематику. Споры велись о пенсионном обеспечении профессоров, о гонораре, о сроках выведения профессоров за штат, о возможности оставления в штате профессоров, выработавших 25-летний срок и пр. В прениях выступали П.Н. Милюков, профессор С.В. Левашов, приват-доцент П.П. Гронский. Живое участие в дискуссии принял выше упоминаемый известный правый депутат В.М. Пуришкевич. В свойственной ему манере, допуская оскорбления и личные выпады, Пуришкевич, например, заявлял, что значительная часть русских профессоров, защитив диссертацию, наукой уже не занимается¹⁵⁰⁷. То, что депутат П.П. Гронский (приват-доцент ИСПБУ) выступал против предложения министерства о лишении статуса приват-доцента лиц, не защитивших в 5-летний срок магистерской диссертации, В.М. Пуришкевич напрямую связал с неспособностью депутата защитить своей диссертации («то ли он ее не подготовил, то ли... она при современных требованиях оказалась неудачной»)¹⁵⁰⁸. Упомянутые Милюковым сведения о том, что он в бытность приват-доцентом ИМУ не имел своей аудитории большого количества слушателей (и потому получал весьма скромный гонорар), Пуришкевич объяснил «бездарностью» работ лидера кадетов¹⁵⁰⁹. Больше всего споров вызвала

¹⁵⁰⁷ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. V. СПб, 1914. Ст. 1124.

¹⁵⁰⁸ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. V. СПб, 1914. Ст. 1143.

¹⁵⁰⁹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. V. СПб, 1914. Ст. 1144.

пространная речь Пуришкевича, в которой он, не вдаваясь в конкретику, утверждал, что приват-доценты «пребывают в стенах университета без всякого научного багажа, занимаясь политической пропагандой», заявив о том, что приват-доценты «организовывали студентов,... ходили вместе со студентами в рабочих блузах с красными флагами», были «коноводами для университетских движений 1905–1906 гг. в Москве»¹⁵¹⁰.

Как уже отмечалось, по раскладу политических сил четвертая Дума заметно отличалась от второй, поэтому на сей раз поведение Пуришкевича не привело его к запрету на посещение заседаний.

Всего в четырех созывах Государственных Дум работало 24 депутата, связанных в профессиональном отношении с российскими университетами. 5 из них были депутатами двух созывов: М.Я. Капустин (II–III созывы Думы), И.П. Созонович (II–III созывы Думы), С.М. Богданов (III–IV созывы Думы), И.В. Годнев (III–IV созывы Думы), Л.К. Дымша (III–IV созывы Думы). Как можно заметить, только депутаты-профессора из первого созыва повторно не становились членами Думы по той причине, что почти все они были лишены избирательных прав за подписание Выборгского воззвания.

Среди депутатов было еще немало лиц (13 человек), имевших в прошлом отношение к университетской преподавательской корпорации. В первой Думе это С.А. Муромцев, бывший профессор ИМУ, М.Я. Герценштейн и А.А. Кизеветтер, бывшие приват-доценты ИМУ, Н.И. Кареев и М.М. Ковалевский, бывшие профессора ИСПБУ. Во второй Думе – А.Н. Хорват, бывший профессор ИКУ. В третьей Думе – В.К. фон Анреп и М.М. Алексеенко, бывшие профессора ИХУ, П.Н. Милуков, бывший приват-доцент ИМУ, А.Ф. Мейендорф, бывший приват-доцент ИСПБУ. В четвертой Думе это А.Е. Рейн, бывший приват-доцент ИУСвВ, Н.С. Постников, бывший приват-доцент ИНУ, М.М. Новиков, бывший приват-доцент ИМУ.

¹⁵¹⁰ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. V. СПб, 1914. Ст. 1133.

Партийный состав университетской группы в Думе менялся от раза к разу, однако первенство сохранялось за кадетами – 16 депутатов, 4 «университетских» депутата были октябристами, 3 входили во фракцию правых, 1 – в польское коло.

В рассматриваемой группе депутатов из 24 человек 9 были юристами, 5 – историками, 4 – медиками, 2 – экономистами, 1 – математиком, 1 – агрономом, 1 – богословом, 1 – филологом.

По принадлежности к университетам эта группа депутатов распределяется следующим образом: 6 депутатов из ИМУ, 5 – из ИКУ, 4 – из ИСПБУ, 3 – из ИУСВВ, по 2 – из ИНУ и ИХУ, по 1 – из ИТУ и ИВУ. В депутатском корпусе не были представлены только профессора и преподаватели ИЮУ и самого молодого ИНСУ.

Деятельность в Госдуме депутатов, вышедших из университетской среды, преимущественно концентрировалась на учебных проблемах, но нередко они обращались к более широкой проблематике.

Если проследить судьбы бывших депутатов Госдумы первого–четвертого созывов, мы обнаружим, что большая часть из них, покинув стены парламента, либо вернулась к преподавательской деятельности (И.П. Алексинский, Г.Ф. Шершеневич, В.М. Гессен и др.), либо занялась журналистикой, публицистикой (В.Е. Якушкин, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский). С политической деятельностью в большей степени свою дальнейшую жизнь связали Н.А. Гредескул, И.П. Созонович, П.И. Гронский. Одни бывшие депутаты погибли в годы Гражданской войны (С.В. Левашов, А.С. Вязигин), другие эмигрируют (Л.И. Петражицкий, С.Н. Булгаков, П.П. Гронский).

Обращение к короткой истории первого опыта российского парламентаризма убеждает, что использование интеллектуальных способностей, навыков ведения цивилизованного спора профессоров и приват-доцентов университетов нельзя было не использовать в работе Государственного Совета и Государственной Думы. Несмотря на относительную малочисленность, университетская общественность играла заметную роль в представительных органах Российской Империи в начале XX века.

Выводы по Главе 6

Итак, проведенный анализ общественно-политических настроений университетского преподавательского сообщества позволяет утверждать, что императорские университеты, несмотря на этот знаковый и ко многому обязывавший элемент своего названия – Императорские (!) –, представляли в лице преподавательского состава, в большей степени, оппозицию по отношению к власти, действовавшей в России до февраля 1917 г.

Такое положение дел во многом было обусловлено разочарованием значительной части научной интеллигенции в монархической системе правления, что не в последнюю очередь поддерживалось её знакомством с политическим устройством стран Западной Европы (многие из профессоров там проходили стажировку, имели тесные научные связи с европейскими учеными), где преобладали ограниченные монархии.

Об отношении университетской общественности к царской власти красноречиво свидетельствует и то, что после отречения Николая II от престола советы университетов поспешили присягнуть на верность Временному правительству. В ИКУ резолюция о доверии Временному комитету членов Государственной Думы (фактически – будущему Временному правительству) была принята единогласно уже 2 марта¹⁵¹¹. Присягу на верность Временному Правительству члены Совета университета приняли 9 апреля, а лица младшего преподавательского персонала – 16 апреля 1917 г.¹⁵¹²

Вместе с тем, можно согласиться с мыслью современного петербургского исследователя Е.А. Ростовцева о том, что внимание к политическим вопросам и участие в политической борьбе для большинства профессоров имело в своей основе не столько желание непосредственного участия во власти, сколько стремление посредством политических инструментов обеспечить свои академические и корпоративные интересы¹⁵¹³.

¹⁵¹¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 13398. Л. 11.

¹⁵¹² НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 13399. Л. 3.

¹⁵¹³ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 769.

Этот вывод перекликается с мыслями профессора В.И. Вернадского, который подчеркивал, что «в огромном своем большинстве академическая среда чужда политике. Только тяжелые условия нашей жизни принудили нас с ней считаться; долгим печальным опытом мы поняли, как много связано для успеха нашего национального дела в науке с политическими стремлениями родины»¹⁵¹⁴.

Иными словами, вовлекаясь (причем довольно глубоко – вплоть до самого активного участия в деятельности политических партий и парламента) в политические процессы, профессура видела в этом единственный способ разрешения давно назревших и уже не терпевших отлагательства «больных вопросов» российской жизни.

¹⁵¹⁴ Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб, 1912. С. 329.

Глава 7. Профессиональная идентичность представителей профессорско-преподавательского корпуса

Рассмотрев в предыдущих главах различные стороны жизнедеятельности представителей университетского профессорско-преподавательского корпуса, давая ему количественную и качественную характеристику, в заключительной главе обратимся к вопросу о том, что собою представляло университетское преподавательское сообщество как профессиональная корпорация. Насущный вопрос состоит в том, можно ли вообще применять понятие «корпорация» к совокупности представителей университетского преподавательского сообщества, особенно в свете известного раскола этой группы, который выше уже неоднократно подмечался, или уместнее вести речь, как минимум, о двух корпорациях – профессорской и приват-доцентской?

Ответить на этот вопрос, по нашему убеждению, можно, введя понятие «профессиональная идентичность». Под ним мы будем иметь в виду профессиональное самоопределение индивида, осознающего профессию как призвание, отождествляющего себя со своим занятием, ощущающего себя представителем профессионального сообщества¹⁵¹⁵.

Попробуем обнаружить признаки проявления профессиональной идентичности представителями университетского преподавательского сообщества, охарактеризовать специфику взаимоотношений внутри профессорско-преподавательских коллективов и сформулировать ключевые особенности изучаемого профессионального сообщества.

7.1. Проявления профессиональной идентичности

Важной задачей для нашего исследования является выявление форм проявления профессиональной идентичности представителями университетского

¹⁵¹⁵ См. подробнее про понятие: Малютина Т.В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 149–152.

преподавательского сообщества. На основании исследованного материала, на наш взгляд, к основным признакам принадлежности университетских профессоров и преподавателей рубежа XIX–XX вв. к единой профессиональной корпорации следует отнести: их активное участие в обсуждении «университетского вопроса», попытки самоорганизации, наличие схожих этических принципов, на которых базировалась система ценностей университетского человека. Разберем эти признаки ниже.

Участие профессоров и преподавателей в обсуждении «университетского вопроса»

Не будет преувеличением заявить, что с середины XIX в. университетский вопрос, среди прочих «больных вопросов», находился в центре внимания российской общественной мысли. Нравнодушное отношение к феномену университета подталкивало профессуру перманентно принимать участие в обсуждении университетского вопроса, высказываясь с позиции наиболее компетентной стороны. В известном смысле основателем этой традиции следует считать известного профессора-хирурга Н.И. Пирогова¹⁵¹⁶.

Мысль об особом весе голосов представителей университетской корпорации ясно выразил профессор ИМУ С.Н. Трубецкой: «Как сословие или корпорация учащая, университет всех компетентнее может судить о своих научных интересах, пользах и нуждах в деле распределения и разработки плана занятий и в деле преподавания»¹⁵¹⁷.

Очевидно, руководствуясь схожими соображениями, сотни профессоров и преподавателей приняли участие в обсуждении актуальных проблем университетской жизни. Принадлежность к университету заставила их выступать по наиболее спорным вопросам своей профессиональной деятельности, предлагая обществу идеальный образ университета. Чаше свои суждения по университетскому вопросу профессура представляла устно – в заседаниях факультетских и университетских советов и письменно – подавая «особые

¹⁵¹⁶ Пирогов Н.И. Университетский вопрос. СПб, 1863.

¹⁵¹⁷ Трубецкой С.Н. По поводу правительственного сообщения о студенческих беспорядках // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 5.

мнения», или публично, посредством периодической печати. Помимо этого, в начале XX в. дважды – в 1902 г. и в 1906 г. – университетской общественности удавалось донести до властей свои чаяния посредством участия работе совещаний, созванных по инициативе министерства народного просвещения.

Остановимся на обзоре тех суждений, которые наиболее точно характеризуют представления профессоров и преподавателей об университете и университетской преподавательской корпорации.

Профессорская публицистика позволяет сделать важные наблюдения относительно представлений университетской общественности о внешних границах своей корпорации. Предваряя примеры суждений по этому поводу, превентивно отметим, что, с одной стороны, профессура ощущала свое отличие от учительства, а, с другой – стремилась подчеркивать отличие от чиновничества, к которому формально принадлежала. Так, профессор ИТУ И.В. Михайловский отмечал: «“Профессор” происходит от латинского слова *profiteri*, что значит – свободно воспроизводить свои убеждения. Он не есть педагог, учитель в смысле учителя средней школы. Как различны по существу задачи средней школы и университета, так же различна и деятельность учителя гимназии и профессора. Центр тяжести деятельности профессора – самостоятельная разработка известной области знания; профессор прежде всего ученый, а потом уже преподаватель»¹⁵¹⁸.

Схожую мысль можно встретить в докладе комиссии, избранной Советом ИХУ для выработки мнения о реформе гонорарной системы: «Профессор, в особенности у нас в России, прежде всего ученый. Если от профессора требовать, чтобы он стоял на высоте преподаваемой им дисциплины, то от него нельзя требовать, чтобы он читал непременно 8, 10 часов. [...] Излишнее обременение университетского преподавателя чисто учительскими обязанностями превращает его из ученого в тьютора, в лаборанта или ассистента»¹⁵¹⁹.

¹⁵¹⁸ Михайловский И.В. Университет и наука. Томск, 1908. С. 11.

¹⁵¹⁹ Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета, для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. С. 20–21.

Вывод о несовпадении деятельности университетского школьного преподавателя можно сделать и из слов профессора ИСПБУ Л.И. Петражицкого: «Роль и значение университетов вовсе не совпадают с их учебною функцией, а выходят далеко за пределы школьного дела в собственном смысле»¹⁵²⁰.

Профессура, определенно, не чувствовала себя и частью чиновничества, с обидой относясь к соответствующему обращению с ней. Понимание этого было и у властей. Так, в агентурной записке Департамента полиции (1911 г.) можно прочесть: «Профессора указывают, что министерство само как бы ищет конфликта и вызывает его, держась в отношении совета профессоров так, слово здесь не ученые, а “подчиненные чиновники”»¹⁵²¹.

И.В. Михайловский указывал на «опасность превращения профессоров в “чиновников”», на «неприменимость к деятельности профессора обычной служебной мерки; недопустимость мелочной регламентации его деятельности»¹⁵²².

Любопытно, что деятелями правого фланга чиновничий статус профессоров, напротив, подавался как признак высокого доверия и оказанной части со стороны Государства. Так, бывший ректор ИВУ и ИЮУ А.С. Будилович писал в 1905 г. о профессорах и преподавателях, поставивших свои подписи под знаменитой «Запиской о нуждах просвещения» («Записка 342-х»): «все “342” состоят на службе по Министерству народного просвещения, следовательно, не обижены “матерью”, а наоборот, посажены ею на первые места»¹⁵²³.

Для большинства профессоров было характерно возведение университета как социального явления на наивысшую ступень общественной и государственной жизни. Профессор ИМУ П.Г. Виноградов писал: «От функционирования университета как центрального просветительного органа зависит жизненность всех остальных частей воспитательной системы страны: все

¹⁵²⁰ Петражицкий Л.И. Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. Т. I. Теоретические основы. СПб, 1907. С. 11–12.

¹⁵²¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 93 об.

¹⁵²² Михайловский И.В. Университет и наука. Томск, 1908. С. 11.

¹⁵²³ Цит. по: Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова. М., 2014. С. 361.

общеобразовательные и специальные школы, всё высшее, среднее и низшее преподавание, все профессии, поскольку они основаны на знании и умении, более или менее получают свое направление и жизненные импульсы от университета»¹⁵²⁴.

Любопытная интерпретация места Университета принадлежит В.И. Вернадскому: «Университеты – писал он в 1901 г. – представляют особые организации, которые *только частью своих интересов* [курсив мой – М.Г.] связаны с государством или обществом». По В.И. Вернадскому, основы университетов «покоятся в вечных областях мысли и истины», они, подобно церковным организациям, влияют и на государство, и на общество, отражают происходящие там течения, но в то же время «имеют независимую от них вековую жизнь, связанную с созидательным научным вековым трудом»¹⁵²⁵.

Превознесение Университета проходит красной нитью по работам томского профессора И.В. Михайловского («Ничто не может заменить его атмосферы, само пребывание в которой имеет большую ценность»¹⁵²⁶), петербургских профессоров Н.И. Кареева¹⁵²⁷ и Л.И. Петражицкого («Университет не есть одно из высших учебных заведений, а *unіsum* в своем роде, не имеющий ничего равного и подобного себе»)¹⁵²⁸.

Большинство профессоров оставались убежденными сторонниками идеи об Университете как месте сосредоточения «чистого знания». Во многом вследствие этого педагогические усилия значительной части преподавателей были направлены на совершенствование именно лекционной системы как олицетворения Науки¹⁵²⁹.

¹⁵²⁴ Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 107.

¹⁵²⁵ Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 2 (4). С. 11.

¹⁵²⁶ Михайловский И.В. Университет и наука. Томск, 1908. С. 11.

¹⁵²⁷ См.: Кареев Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. СПб, 1900. 210 с.

¹⁵²⁸ Петражицкий Л.И. Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. СПб, 1907. Т. 1. С. 152.

¹⁵²⁹ При этом заметим, что значительная часть университетской профессуры ясно осознавала, как сильные, так и слабые стороны лекционной системы и это находило отражение

Очевидно, что трепетное отношение к месту службы утверждало в профессорах убежденность в исключительной важности и их – научно-преподавательского – труда.

Естественным образом профессора выступали поборниками просвещения и широкого распространения университетского знания. Профессор юридического факультета ИТУ И.А. Малиновский в лекции «Университет в сочинениях А.П. Чехова» обратил внимание на то, что ряд персонажей чеховских произведений мечтает о широком распространении университетского образования. Эта идея, по словам И.А. Малиновского, могла бы показаться странной и фантастической: «Можно ли говорить о широком университетском образовании там, где громадное большинство населения пребывает в темноте... где лишь незначительная часть населения получает среднее образование, а высшее университетское образование находится под подозрением?» – вопрошал он¹⁵³⁰. В лекции Малиновский выступил как сторонник недопущения каких-либо сословных ограничений для желавших получать университетское образование: «и в наше время даже среди интеллигентных людей встречаются Нещиповы¹⁵³¹, которым в голову не приходит, что мужики такие же люди, как они, и что их нужно учить в университетах, а не в жалких школах. [...] Наступит время – заключал И.А. Малиновский – когда высшее образование сделается всеобщим. Тогда жизнь будет высокая, прекрасная, изящная»¹⁵³².

в их методических и публицистических сочинениях. Содержательная критика лекций содержится у профессора ИКУ В.Н. Ивановского (Ивановский В.Н. Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам // Журнал министерства народного просвещения. 1907. Ноябрь. [пагин. 6-я]), профессора ИНУ П.Е. Казанского (Казанский П. К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах. Одесса, 1901), попечителя Московского учебного округа, бывшего профессора и ректора ИМУ, Н.П. Боголепова (Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Попечитель Московского учебного округа // Русский Архив. 1906. № 7).

¹⁵³⁰ Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова: Лекция, читанная студентам I курса юридического факультета Томского университета 7 сентября 1904 г. Томск, 1904. С. 7.

¹⁵³¹ Доктор Нещипов – персонаж рассказа А.П. Чехова «В родном углу» (1897 г.).

¹⁵³² Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова: Лекция, читанная студентам I курса юридического факультета Томского университета 7 сентября 1904 г. Томск, 1904. С. 8.

Схожей позиции придерживался коллега И.А. Малиновского по ИТУ, И.В. Михайловский: «[Насколько] возможно большее количество университетских дипломов есть лучший показатель культуры страны. Позволю себе думать, что отдаленным идеалом является распространение университетского образования на всех без исключения жителей страны»¹⁵³³.

Столь высоко оценивая феномен университета, профессура, как правило, тяготилась любыми формами внешнего давления на него, и как следствие – на неё саму. «Со всех сторон хотят навязать университету внешние чуждые ему цели – писал профессор ИМУ С.Н. Трубецкой – не отдавая себе отчета в том, что этим унижается университет и умоляется его значение. Университет может быть только университетом и, оставаясь верным себе, он делает великое общественное и государственное культурное дело, которого кроме его делать некому. Он не может, не должен служить двум господам. [...] Цель университета довлеет себе, она в полном смысле этого слова самостоятельна, автономна, и вот почему автономия составляет как бы *естественное право* университета, при нарушении которого он процветать не может и по необходимости колеблется между противоположными и одинаково чуждыми ему внешними стремлениями»¹⁵³⁴.

Затронутая в предыдущем высказывании тема автономии нередко становилась лейтмотивом публицистических работ по университетскому вопросу. Большинство представителей университетской корпорации тяжело переживало ограничение самостоятельности университетов, последовавшее за вступлением в силу университетского устава 1884 г., и требовало расширения академических свобод. Утверждать это можно, ссылаясь и на многочисленную публицистику, посвященную этому вопросу, и на материалы упомянутых выше совещаний.

С точки зрения либерального большинства, закон 1884 г. «унизил профессорское звание»¹⁵³⁵, установил в университетах «полицейский режим», который, то ослабевая, то вновь усиливаясь, определял суть отношений между

¹⁵³³ Михайловский И.В. Университет и наука. Томск, 1908. С. 12.

¹⁵³⁴ Трубецкой С.Н. Татьяна день // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 78.

¹⁵³⁵ Петражицкий Л.И. Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. СПб, 1907. Т. 1. С. 283.

высшей школой и государством. «Нигде нет той узкой, исключительно полицейской точки зрения, которая со времен гр[афа] Толстого вошла в традиции министерства народного просвещения [...], сделалась как бы его “вторую натурой” и обратила его в учреждение чисто полицейское, как бы особый департамент государственной полиции, заведующий просветительными учреждениями страны»¹⁵³⁶.

Фигурой, олицетворявшей Государство в Университете (а, соответственно, и воплощенным олицетворением ограничения автономии), выступал попечитель учебного округа. Идеи о сокращении его полномочий проходили красной нитью через многие проекты университетской реформы, шедшие снизу. Так, при обсуждении «Главнейших положений и изменений, вводимых в проектируемый устав университетов» в 1907 г. профессора ИВУ составили заключение, в первом пункте которого одобряли некоторое сокращение возможностей попечителя (он из управлявшей должен был превратиться в надзирающую фигуру), добавив: «Было бы, однако, желательно, чтобы статьями проекта, определяющими отношение Попечителя учебного округа к университету, более ясно выражающая этот принцип и доверие высших властей к профессорской коллегии»¹⁵³⁷. А профессор ИНСУ Н.М. Какушкин во время обсуждения очередного проекта нового университетского устава в 1915 г. высказался еще более определенно: «Их [попечителей – М.Г.] тормозящая функция по самым разнородным вопросам университетской жизни слишком очевидна»¹⁵³⁸.

Чрезмерная опека со стороны Министерства народного просвещения весьма тяготила университетских преподавателей. Так, будущий профессор ИТУ С.И. Коржинский писал в 1880-х гг. П.Н. Крылову в Томск: «В России трудно становится дышать. Приниженность наших университетов, бесчинная полка всего дорогого и хорошего в строе университетском, деморализация науки и преподавания – создают такое положение, от которого с ужасом отвертываешься.

¹⁵³⁶ Трубецкой С.Н. Быть или не быть университету // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 86.

¹⁵³⁷ APW. Z. 214. S. 81. k. 389.

¹⁵³⁸ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598. Л. 91 об.

Я готов бежать хоть на Сахалин. Формализм и чиновничество, централизация власти, лишаящая инициативы и свободного развития университеты, давят и гнут»¹⁵³⁹.

С.Н. Трубецкой полагал, что устав 1884 г. разрушил корпоративные принципы профессуры¹⁵⁴⁰, поскольку, по его мнению, в корпорацию профессоров превращали именно их полномочия по управлению университетом. При этом «корпоративность» как производную от самоуправления С.Н. Трубецкой ставил выше «самопополнения», то есть выборности профессоров и преподавателей¹⁵⁴¹.

На удар, нанесенный уставом по университетской корпоративности, указывали и авторы доклада комиссии, избранной советом ИМУ для выяснения причин студенческих волнений (1901 г.): «Теперешний профессор в сущности тот же приват-доцент, являющийся в университет для чтения лекций и производства экзаменов. Не ясно ли что устав 1884 года, разбив солидарность профессорской корпорации, лишил в то же время университет одного из главных его оплотов?». Члены комиссии предлагали «придать как можно более веса стороне закона и порядка, и в этом отношении сплоченная, самоуправляющаяся корпорация будет силой, способной оказывать нравственное влияние на студентов и защищать порядок»¹⁵⁴².

При всем этом, хорошо известно, что и после введения устава 1884 г., несмотря на сокращение полномочий советов, сам принцип коллегиальности университетских органов не исчез; это позволяло профессору ИВУ В.Н. Александренко на заседании совета университета в 1902 г. заявить: «Все важнейшие органы университетской жизни (Совет, факультеты, Правление, Суд)

¹⁵³⁹ Бердышев Г.Д., Сипливинский В.Н. Первый сибирский профессор ботаники Коржинский. С. 10–11.

¹⁵⁴⁰ Трубецкой С.Н. По поводу правительственного сообщения о студенческих беспорядках // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 9–10.

¹⁵⁴¹ Трубецкой С.Н. Университет и студенчество // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 265.

¹⁵⁴² Цит. по: Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. С. 172–173.

организованы на коллегиальном начале и в этом — сила их нравственного авторитета»¹⁵⁴³.

Если С.Н. Трубецкой, судя по вышеприведенной цитате, не ставил проблему выборности («самопополнения») профессоров на первое место, то многие другие профессора, напротив, уделяли именно этой проблеме основное внимание в своих рассуждениях об университетском вопросе. По жесткому выражению профессора ИНУ И.А. Линниченко, система назначения профессоров внесла в университетскую среду «моральный разврат»¹⁵⁴⁴.

Профессор ИСПБУ Ф.А. Браун в письме коллеге А.А. Шахматову по поводу практики перемещения профессоров из одного университета в другой без их согласия высказывался весьма резко: «университет заполняют недостойные люди [...]: на кафедрах будут сидеть хамы [...] или в лучшем случае, люди слабые и карьеристы, приносящие науку в жертву политике министерства»¹⁵⁴⁵.

Профессор ИХУ В.Я. Данилевский в проекте, подготовленном в 1897 г. про комплектование преподавательских штатов в университете высказывался следующим образом: «из вышесказанного явствует, насколько важно единство и солидарность в деятельности всех членов фак[ульте]та как преподавателей. Общая цель, сознание долга, ответственность за себя и за всех коллег служит достаточным обеспечением правильности и успешности преподавания. В этом деле коллегия получает обширные права и полномочия, но это же налагает на фак[ульте]т и тяжелые обязанности и серьезную ответственность. Из этого ясно, что при такой постановке дела для коллегии необходимо право самопополнения; необходимо, чтобы для замещения вакантной кафедры фак[ульте]т имел право выбора. В том случае, когда новые преподаватели назначаются помимо коллегии, по моему мнению, едва ли было бы справедливо возлагать на нее ответственность в столь трудном деле, как преподавание наук и учебная дисциплина. Вакантные

¹⁵⁴³ APW. Z. 214. S. 21. k. 311 об.

¹⁵⁴⁴ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 7 об.: Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг, 1916. С. 13.

¹⁵⁴⁵ Цит. по: Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34. С. 219.

кафедры следует замещать, по преимуществу, путем конкурса. Но понятно, возможны случаи, когда коллегия может предпочесть лицо с меньшим научным правом, но внушающее более доверия в качестве преподавателя или по иным соображениям. [...] Окончательный выбор совершается Советом Университета. [...] Против такого контроля со стороны Совета, конечно, можно привести то возражение, что в нем большинство членов некомпетентны в специальном вопросе. Но это возражение имело бы решающее значение лишь в том случае, где при выборе лица имелись бы в виду исключительно и безусловно только его ученые права кандидата. Это может иметь место где-либо в академической коллегии, но в преподавательской такой безусловный критерий учености неприменим. Вот почему, по моему мнению, окончательный выбор кандидата следует предоставить Совету Ун[иверсите]та, где можно вполне рассчитывать на полное беспристрастие огромного большинства его членов по отношению к факультетскому вопросу»¹⁵⁴⁶.

Важно заметить, что профессура требовала автономии и на университетском уровне, понимая ее как независимость от МНП, и на факультетском уровне – как независимость, в свою очередь, от ректора. Показательный в этом отношении случай произошел в ИХУ в октябре 1905 г. Многие профессора-медики были возмущены тем, что ректор Л.В. Рейнгард своей волей созвал заседание совета медицинского факультета с целью утвердить в звании аптекарских помощников тех учащихся-фармацевтов, которые успели сдать экзамены до закрытия университета в связи с революционными событиями осени 1905 г.

По этому поводу резко высказался профессор Н.К. Кульчицкий: «Требование Ректора о созыве экстренных заседаний Факультета имеет такой характер, как будто Ректор в тоже время и есть непосредственный начальник факультета и может распоряжаться им по своему усмотрению»¹⁵⁴⁷. Ему вторил профессор Л.В. Орлов: «Я вполне присоединяюсь к протесту проф[ессора]

¹⁵⁴⁶ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 10 – 10 об.

¹⁵⁴⁷ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 146. Л. 2.

Кульчицкого по поводу незаконного вмешательства г. Ректора во внутреннюю жизнь медицинского факультета»¹⁵⁴⁸. И далее: «Настоящий сам по себе мелкий факт служит лишним доказательством, что в автономном Харьковском университете автономному медицинскому факультету угрожает опасность с различных сторон, и прямой долг членов его бороться всеми законными средствами против таких посягательств на их права»¹⁵⁴⁹.

Присоединились к протесту и другие профессора – С.А. Попов, А.В. Репрев («[ректор – М.Г.] очевидно, не знает прав факультетов» и «пугает медицинский факультет вопросами политического характера, а именно – таким волнением среди аптекарских учеников, за последствия которого он даже слагает с себя всякую ответственность»¹⁵⁵⁰), в несколько более мягкой форме – профессор Н.Ф. Мельников-Разведенков, который высказался за «самую мягкую форму протеста» и просил обратить внимание на «многие смягчающие вину [ректора – М.Г.]» обстоятельства – исключительно трудные внешние условия и новизна для вновь избранного ректора его дела¹⁵⁵¹. Часть профессоров игнорировала эти заседания, сочтя их «собранными неправильно».

Любопытный эпизод произошел в январе 1906 г. во время работы «Совещания профессоров по университетской реформе». При обсуждении второй статьи планировавшегося Устава, которая звучала следующим образом: «Университеты суть автономные учреждения, управляемые профессорской коллегией на основании сего устава и организующие самостоятельно свою научную и учебную деятельность», возникла дискуссия по вопросу о допустимости слова «автономные» в тексте статьи. Ректор ИУСвВ профессор Н.М. Цитович предложил выпустить это слово, «находя его неудобным». Аргументы Н.М. Цитовича состояли в том, что под автономией понимается «право законодательства», а университет законодательным учреждением не является. Н.М. Цитовичу возражали профессор ИМУ В.М. Хвостов и ректор

¹⁵⁴⁸ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 146. Л. 3.

¹⁵⁴⁹ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 146. Л. 3 об.

¹⁵⁵⁰ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 146. Л. 4.

¹⁵⁵¹ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 146. Л. 3 об. – 4.

ИЮУ профессор Е.В. Пассек. Первый отметил, что не усматривает в формулировке статьи никакой неточности, ибо автономия дает университету право «создавать свои статусы для внутренней жизни в тех рамках, которые отводятся ему государством». Второй, призванная, что, хотя слово «автономия» допускает различные толкования, убеждал собрание в том, что последующие статьи устава достаточно полно определяют его смысл. Кроме того, Е.В. Пассек заявил, что исключение «этого, весьма желательного термина непременно вызовет нарекания на составителей устава». По окончании дебатов предложение профессора Цитовича было поставлено на голосование, но большинством голосов (34 против 10) было отвергнуто¹⁵⁵².

Критическое отношение к коллективным процедурам самоуправления как к олицетворению идеи автономии в профессорских размышлениях об университетском вопросе встречается крайне редко. Однако в качестве контр-примера приведем фразы из дневниковых записей профессора ИМУ М.М. Богословского о факультетском заседании: «Все эти дела, отнявшие добрых 3½ часа, можно было бы единолично решить декану в какие-нибудь полчаса»¹⁵⁵³ и в другом месте: «За одну неделю 8–15 октября три совета в Академии¹⁵⁵⁴, да один длящийся двое суток. О, автономия! Сколько времени и сил ты отнимаешь у научной производительности!»¹⁵⁵⁵.

Как несложно догадаться, скептическое отношение к автономии звучало из уст «правой» профессуры. В 1905 г., во времена крупных политических изменений, затронувших и университет, 27 «правых» профессоров ИМУ подписали коллективное особое мнение, в котором, в частности, заявили: «Мы высказываемся против взгляда большинства Совета, будто авторитет

¹⁵⁵² Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве Народного просвещения под председательством Министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 13–15.

¹⁵⁵³ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 217.

¹⁵⁵⁴ Имеется в виду Московская духовная академия, где, помимо ИМУ, М.М. Богословский нес службу профессора.

¹⁵⁵⁵ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 225.

преподавателей в глазах учащихся и общества зависит от тех или других корпоративных прав, от больших или меньших административных привилегий. В глазах учащихся, понимающих свои обязанности, равно как в глазах общества, достигшего известной степени культурности, мерилom авторитетности профессоров были и будут исключительно талант, знания и преданность учебному делу»¹⁵⁵⁶.

Профессор медицинского факультета ИУСвВ С.И. Чирьев в 1907 г. с грустью говорил: «Теперешние профессора университета, особенно благодаря этой нелепой автономии, превратили факультеты в клики посредственностей и падают все ниже и ниже. Вырвите святое дело народного образования из их грязных и невежественных рук! Скажите, что за границей тоже существуют университеты германского типа, и там, по-видимому, дело высшего образования стоит высоко. Да, но это возможно только при известной культурности в стране»¹⁵⁵⁷. Однако, как это уже отмечалось, охранительно-консервативные взгляды на университет в профессорской среде далеко не преобладали.

Думается, что болезненное отношение профессорского большинства к ограничению автономии было связано с тем, что это воспринималось ими как демонстрация недоверия к ним со стороны государства и било по их самолюбию. Тема «доверия» уже поднималась в процитированном выше Заключение профессоров ИВУ (1907 г.). Акцентировался на ней и профессор ИХУ В.Я. Данилевский. В одной из дневниковых записей В.Я. Данилевского за 1909 г. можно встретить перечисление принципов, которые, на взгляд профессора, должны были быть положены в основу нового университетского устава. Вот они:

- 1) доверие к профессорам;
- 2) доверие к самостоятельности молодежи;
- 3) гласность университетских дел;
- 4) университет – место научного образования, но не выдачи прав и дипломов;

¹⁵⁵⁶ APW. Z. 214. S. 336. k. 157–158.

¹⁵⁵⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 130. Л. 8 об. – 9.

5) государству нужны не «люди-дипломы, но сознательно, бескорыстно ищущие научного образования»¹⁵⁵⁸.

Решение университетского вопроса многим профессорами виделось именно в восстановлении широкой автономии как демонстрации доверия между университетской общественностью и властью.

В целом, активным участием в обсуждении университетского вопроса профессура, с одной стороны, заявляла о своем месте в общественной жизни, а, с другой – подчеркивала свою глубокую погруженность в университетские проблемы и ощущение сопричастности с Университетом, что было важным элементом проявления профессиональной идентичности.

Опыт самоорганизации профессоров и преподавателей

Коллегиальность, так высоко ценимая большинством профессоров, не могла в полной мере реализоваться через предусмотренные уставом органы управления университетом. Ограниченность полномочий советов, недопущение к их работе приват-доцентов и лекторов подталкивали преподавательскую корпорацию к поиску иных форм самоорганизации. Выход был найден в создании разнообразных «союзов» и «обществ», самым влиятельным из которых стал хорошо известный Академический союз.

О том, какое значение придавала профессура созданным ими самими организациям, можно судить по красноречивому высказыванию профессора ИНУ И.А. Линниченко, приведенному в статье «О баллотировке профессоров»: «В нашей среде, конечно, нет обрядов посвящения как в древнем рыцарстве, старых орденах, студенческих корпорациях, нет писаных статуты нашего ордена, но и у нас, кроме наших официальных собраний – факультетских и советских, бывали и формальные союзы (как союз Академический, теперь совершенно заглохший) и совещания по тем группам, на которые разделялась наша коллегия»¹⁵⁵⁹. Параллель между обрядами посвящения в рыцарство и профессорскими союзами выглядит достаточно натянутой, но, очевидно, И.А. Линниченко хотел донести мысль о

¹⁵⁵⁸ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 146. Л. 14.

¹⁵⁵⁹ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

том, что наличие созданных снизу союзов превращало профессию в подобие средневекового рыцарского ордена.

Союзы младших преподавателей

Важно подчеркнуть, что помимо широко известного Академического союза в университетах начала XX в. существовали иные разнообразные «союзы» и «общества», имевшие целью защиту интересов преподавателей. Особую активность в этом отношении проявляли так называемые «младшие преподаватели», не относившиеся к числу штатной профессуры.

В условиях отсутствия легальной возможности быть полноправными членами университетской корпорации и при неоднозначном отношении к этому вопросу со стороны штатной профессуры¹⁵⁶⁰, приват-доценты в начале XX в. пошли по пути самоорганизации. В университетских городах стали возникать организации, имевшие целью защиту прав младших преподавателей. Вероятно, первой подобной организацией было «Санкт-Петербургское общество взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений», созданное еще в 1903 г.¹⁵⁶¹ Е.В. Тарле, ставший именно в 1903 г. приват-доцентом ИСПБУ, вспоминал: «Была на белом свете [...] такая ассоциация: “Общество приват-доцентов Петербургского университета”. Только что сделавшись приват-доцентом я пошел на заседание этого таинственного сообщества, которое не было ни разрешено, ни воспрещено. [...] Когда я впервые пришел на заседание, трибуну занимал оратор, горячо говоривший о какой-то очередной пакости, учиненной попечителем учебного округа против прав университета»¹⁵⁶².

Несомненно, толчком к появлению подобных обществ при других вузах стала революция 1905–1907 гг. В феврале 1905 г. группа приват-доцентов ИКУ обратились к попечителю учебного округа С.Ф. Спешкову с просьбой об утверждении устава «Общества взаимной помощи младшего учено-

¹⁵⁶⁰ См. об этом подробнее в 3-м разделе 3-й главы.

¹⁵⁶¹ См.: Устав С.-Петербургского общества взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений СПб, 1905.

¹⁵⁶² Тарле Е.В. Первая встреча с В.Л. Комаровым // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 64.

педагогического персонала Императорского Казанского университета». После получения согласия попечителя, общество было легализовано¹⁵⁶³.

С этого же времени (с 1 февраля 1905 г.) действовала «Харьковская группа младших преподавателей», являвшаяся местным отделением Академического Союза¹⁵⁶⁴. В ГАХО сохранился черновик устава «Группы». Приведем полностью 2-ю статью устава: «Группа имеет целью улучшение всех сторон академического быта на началах полной автономии и академической свободы. Для выполнения этой цели в различных формах проявления своей деятельности (в общих собраниях, специальных комиссиях, в коллективных заявлениях в печати, в статьях, лекциях, чтениях и т.п.) группа принимает участие в выработке и проведении в жизнь нового устава высших учебных заведений, обсуждении явлений текущей академической жизни и связанных с нею явлений жизни общественной и по возможности активно реагирует на эти явления в направлении задач Союза». Как видим, группа не ограничивала себя академическими вопросами, и была ориентирована в том числе на широкую общественную проблематику. Членами группы могли стать приват-доценты, преподаватели, лаборанты, ассистенты, ординаторы, лица, оставленные при кафедрах для подготовки к профессорскому званию, из любых высших учебных заведений г. Харькова, причем как действовавшие, так и бывшие. Вступить в группу приглашались и профессора. На начало 1906 г. харьковская группа объединяла 103 человека¹⁵⁶⁵.

Члены «Харьковской группы» делали ежегодный взнос в размере 5 руб., из которых 2 шли на расходы центрального бюро, а 3 направлялись на расходы местного бюро. Кроме этого, в мае 1905 г. было принято решение о создании особого фонда, в который должны были сделать обязательный единовременный вклад все члены группы в размере $\frac{1}{4}$ месячного оклада, получаемого в высших учебных заведениях. Для лиц, не получавших определенного жалования, размер

¹⁵⁶³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4843. Л. 1–2.

¹⁵⁶⁴ Помимо этого, в ноябре 1905 г. было принято решение, что Группа «входит в Союз Союзов на федеративных началах, сохраняя свою автономию» (ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 144а. Л. 20).

¹⁵⁶⁵ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 144а. Л. 1–2, 4.

вклада был установлен следующий: для приват-доцентов – 25 руб., для ассистентов, ординаторов, лаборантов – 10 руб. Одновременно с этим при фонде было создано особое бюро для оказания помощи нуждавшимся членам группы¹⁵⁶⁶.

На фоне революционных событий, протекавших в стране, преподавательские союзы были весьма политизированы. На их заседаниях поднимались острые общественно-политические вопросы, активисты союзов, как правило, разделяли антимонархические взгляды. Так, на заседании харьковской «Группы» 16 мая 1905 г., в котором принимало участие 20 человек, на баллотировку был поставлен вопрос «Кто не будет приступать 1 сентября к занятиям без выполнения политической программы». За – 16. Против – 1. Воздержались – 2. Один человек не голосовал. Харьковская «Группа» в числе прочего занималась судьбой приват-доцента юриста Леонида Николаевича Яснопольского¹⁵⁶⁷, уволенного в феврале 1904 г. за лекцию, осуждавшую политику русского правительства на Дальнем Востоке¹⁵⁶⁸.

Всего с 1 февраля 1905 г. по 13 марта 1906 г. группа провела 15 общих собраний своих членов и 2 – совместных с группой профессоров.

В ИУСвВ в течение 1905 г. проходили собрания младших преподавателей, на которых выдвигались требования университетской автономии, политических свобод: «При нормальном течении политической жизни страны университеты должны быть лишь местом для науки, но теперь, когда у нас нет свободы слова, свободы печати и свободы собраний, пока лишь в автономном университете возможно свободное слово, – университет не имеет нравственного права закрывать свои двери перед [...] народом, мало того, университет обязан через своих выборных ректоров и через свои советы требовать у Правительства немедленного введения свободы слова и собраний, так как лишь при таких условиях возможна спокойная научная работа» (протокол от 1 октября 1905 г.)¹⁵⁶⁹.

¹⁵⁶⁶ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 144а. Л. 9, 12.

¹⁵⁶⁷ В ИХУ Л.Н. Яснопольский уже не вернется, но с 1905 г. до его избрания депутатом Государственной Думы первого созыва он будет профессором ИУСвВ по кафедре политической экономии.

¹⁵⁶⁸ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 144а. Л. 31.

¹⁵⁶⁹ ГАК. Ф. 16. Оп. 469. Д. 185. Л. 1 – 1 об.

В Одессе, в ИНУ, «лица, принадлежащие к низшему преподавательскому персоналу, как то некоторые приват-доценты, лаборанты, прозекторы, ассистенты, ординаторы и проч[ие] образовали в свою очередь особую группу, также не чуждую политических тенденций» (из отношения ректора ИНУ А.Н. Деревницкого попечителю Одесского учебного округа В.Г. Глазову)¹⁵⁷⁰.

О «Союзе младших преподавателей» ИНУ, который возглавлял приват-доцент Л.А. Тарасевич, новый попечитель Одесского учебного округа граф А.А. Мусин-Пушкин так писал в декабре 1906 г. министру народного просвещения П.М. Кауфману: «Есть [...] сторона в современном положении дел в Новороссийском университете, внушающая гораздо более серьезные опасения. Это постепенно и систематически приобретаемое “Союзом младших преподавателей” решающее влияние на весь ход университетских дел... Этот нелегальный политический “Союз младших преподавателей” представляет собой чисто революционную организацию, имеющую тесную связь с крайними студенческими партиями и с крайними элементами университетского Совета»¹⁵⁷¹.

Попечитель так описывал деятельность руководителя «Союза младших преподавателей» приват-доцента Л.А. Тарасевича и видного деятеля организации приват-доцента Р.М. Орженцкого: «Тарасевич вместе с Орженцким являются почти во всех заседаниях Совета депутатами от “Союза младших преподавателей”, благодаря чему все подробности закрытого по закону заседания Совета становятся моментально известными “Союзу младших преподавателей” и совершенно открыто дебатироваться в заседаниях последнего и сообщаются местной еврейской прессе. Благодаря этой тесной органической связи этого союза с крайними партиями студентов наблюдается постоянное давление их на решения Совета. [...] Этим положением вещей постепенно *уничтожается в университете всякий когда-то существовавший престиж профессорского авторитета* [курсив мой – М.Г.]. [...] В последнее время “союз младших преподавателей” усвоил себе тактику, которая не может быть терпима ни в одном государственном

¹⁵⁷⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 414. Л. 6.

¹⁵⁷¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 3 об. – 4.

учреждении, каким несомненно является университет хотя бы и автономный: 1) для привлечения новых членов привлекаются такие средства, как угрозы и бойкот отдельных профессоров. 2) Применяются насильственные меры воздействия не только по отношению к непокорным товарищам, но и против своих профессоров, среди которых имеются и их старые учителя. На пример такого воздействия можно указать на бойкот проф[ессора] Щеголева, на бойкот мест ординаторов его клиники, наконец, на целый ряд крайне дерзких постановлений и литературных заметок, направленных против группы профессоров медицинского факультета, помещённых в местных еврейских газетах и в “Русском Враче”, в которых “Союз младших преподавателей” обливает грязью группу профессоров – своих руководителей клиник (обвинения в реакционерстве, в противодействии освободительному движению и т.п.)»¹⁵⁷². Подчеркнем, на наш взгляд, любопытную деталь: то, что А.А. Мусин-Пушкин связывал вмешательство младших преподавателей в дела совета и падение престижа профессорского авторитета.

Академический союз

Организационное оформление профессоров началось несколько позднее, чем младших преподавателей и вылилось в общий с ними Академический союз. Для реализации целей нашего исследования остановимся на некоторых деталях возникновения Академического союза и его функционирования в отдельных университетах.

Есть основания полагать, что в значительной степени инициатива создания Академического союза принадлежит московским профессорам и младшим преподавателям, в первую очередь, профессору ИМУ В.И. Вернадскому, который первым высказался в печати о планируемом союзе¹⁵⁷³.

Планы по созданию организации не являлись тайной и, конечно, были предметом беспокойства учебных властей. Так, попечитель Московского учебного округа П.А. Некрасов 17 января 1905 г. сообщал в министерство, что

¹⁵⁷² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 4 – 4 об.

¹⁵⁷³ Вернадский В.И. О профессорском съезде // Наши дни. 1904. 20 декабря.

некоторые профессора и младшие преподаватели собираются на частные совещания и предполагают учредить всероссийский союз учащихся в высших учебных заведениях в целях осуществления академической свободы¹⁵⁷⁴.

14 февраля 1905 г. попечитель П.А. Некрасов уже докладывал, что «закулисный политический союз, образовавшийся из младших преподавателей Московского университета во главе с председателем Педагогического Общества приват-доцентом Рожковым, свил себе гнездо не только в университете, но и в Московском педагогическом Обществе, и в Московском обществе сельского хозяйства (в котором земледельческое училище первое из средних школ забастовало при поощрении, говорят, своего директора). Кроме того, все младшие преподаватели объединены тайною связью со всеми закулисными организациями не только в Москве, но и в других местностях»¹⁵⁷⁵.

Вообще, идея самоорганизации и мысли о созыве корпоративного съезда как формы институционализации весной 1905 г. витали в воздухе. Так, участники совещания по делам высших учебных заведений, созванного в марте 1905 г. при Управлении Московского учебного округа и состоявшего преимущественно из профессоров московских вузов, высказались за созыв съезда профессоров и преподавателей всех высших учебных заведений Российской Империи¹⁵⁷⁶. По мысли участников совещания, в работе будущего съезда должны были бы принять участие как избранные Советами члены профессорских коллегий, так и представители преподавателей, не состоявшие членами Советов. Ориентировочное число членов грядущего съезда было определено в 270 человек¹⁵⁷⁷.

Схожие организационные процессы шли в других университетских городах, а 25–28 марта 1905 г. в Санкт-Петербурге состоялся учредительный съезд Союза, на котором было заявлено, что «только народное представительство будет иметь должный авторитет для коренного переустройства высших учебных заведений» и

¹⁵⁷⁴ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 469 об.

¹⁵⁷⁵ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 469 об. – 470.

¹⁵⁷⁶ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 406. Л. 9 об.

¹⁵⁷⁷ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 406. Л. 11, 12.

что «необходимо ныне же предоставить советам надлежащие уполномочия для самостоятельного управления учебными заведениями, с выборным ректором (или директором) во главе».

Основные положения устава Академического союза были следующими:

1. Академический союз имеет целью разрешение вопросов академической жизни и улучшение условий этой жизни в духе прогрессивных начал.

2. Членами союза могут быть: члены академии наук, настоящие и бывшие профессора, младшие преподаватели (приват-доценты, ассистенты, ординаторы) и остальные для научных занятий при высших учебных заведениях, а также лица, подписавшие до сих пор записку «о нуждах просвещения», остальные имеющие еще подписать эту записку принимаются по баллотировке.

3. Отделение союза учреждается во всех городах, где имеются высшие учебные заведения.

4. Члены отделения союза в каждом высшем учебном заведении могут образовать либо одну общую группу, либо две группы (одну из членов Совета, другую из младших преподавателей и прочих вышеупомянутых лиц, не состоящих членами Совета). Внутренняя организация каждой из этих двух групп отделения союза предоставляется им самим.

5. Для объединения действий отделений, находящихся в различных городах, состоит бюро со следующими при нем комиссиями: Академическая, Бытовая (состоит из двух подкомиссий: преподавательской и студенческой), Фондовая, Организационная и Справочная. Члены бюро и комиссий выбираются на общих собраниях.

Вслед за учреждением отделений Академического союза в Москве и Санкт-Петербурге, подобные отделения стали возникать в других университетских городах. Попечитель Казанского учебного округа С.Ф. Спешков 12 апреля 1905 г. сообщал в министерство, что профессора, доценты, ассистенты, ординаторы и прозекторы устраивают в профессорской читальне, по повесткам, совещания с неизвестною целью и без разрешения ректора¹⁵⁷⁸.

¹⁵⁷⁸ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 470.

Попечитель Одесского учебного округа граф А.А. Мусин-Пушкин в письме (1906 г.) на имя министра народного просвещения П.М. Кауфмана оценивал соотношение преподавателей ИНУ, вступивших в Академический союз и не вступивших, как 68 против 26¹⁵⁷⁹. Председателем отделения Академического союза ИНУ являлся профессор Б.Ф. Вериге.

В соответствии с данными, приведенными в диссертации С.А. Некрылова, в отделение Академического союза, существовавшее в 1905–1907 гг. при ИТУ, в разное время входило от 23 до 27 человек¹⁵⁸⁰.

Инициатором создания юрьевской группы Академического союза, в которую входили 39 профессоров из ИЮУ и Ветеринарного института, был профессор медицинского факультета ИЮУ А.И. Яроцкий. Он и еще 16 преподавателей являлись делегатами учредительного съезда Академического союза¹⁵⁸¹.

В целом, в созданный в марте 1905 г. Академический союз к октябрю входили 1800 профессоров и преподавателей из 39 вузов Российской Империи¹⁵⁸². Именно на осень 1905 г. пришелся пик численности Союза, объединившего $\frac{3}{4}$ научно-педагогического состава высшей школы, после чего увеличение количества его членов остановилось.

Повседневная работа членов Союза заключалась в выработке согласованных действий по вопросам университетской жизни. Профессор ИСПБУ Н.И. Кареев вспоминал: «Наша левая группа собиралась довольно часто по вопросам о выборах ректора, выборщиков в Государственный совет и т.п., а также по поводу вопросов, возникавших в связи с политикой министерства или со студенческим движением»¹⁵⁸³.

¹⁵⁷⁹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Л. 4.

¹⁵⁸⁰ Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 125.

¹⁵⁸¹ Тамул С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 590–591.

¹⁵⁸² Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium. СПб, 2003. С. 205.

¹⁵⁸³ Кареев Н.И. Возвращение в университет // Ленинградский университет в

В силу острого противостояния с правой частью профессуры, члены Союза большое внимание уделяли кадровым вопросам, стремясь усилить представительство в университетах своих сторонников («Академический союз в высших учебных заведениях ревностно оберегал совет профессоров и состав младших преподавателей от проникновения в среду их лиц правого направления»¹⁵⁸⁴).

Так, 23 марта 1906 г. выше упоминаемая Харьковская группа младших преподавателей Академического союза письменно обратилась к претендовавшему на место в университете М.К. Павловскому со следующим сообщением: «в виду Вашей прошлой общественной деятельности, закрытой баллотировкой при одном воздержавшемся [Группа – М.Г.] единогласно постановила, что Ваше вступление в академическую среду в качестве ассистента нежелательно. Во избежание новых осложнений в академической жизни группа предлагает Вам добровольно отказаться от звания ассистента. На случай Вашего нежелания считаться с заключением группы – группа постановила опубликовать свое решение в газетах и довести о нем до сведения факультета и совета». Предложено дать ответ в трехдневный срок¹⁵⁸⁵.

За спадом революции последовало и затухание работы Академического союза. Вспоминая о событиях, относившихся к 1906 г., профессор ИСПБУ Н.И. Кареев писал: «в это время Академический союз постепенно разложился, но в совете Петербургского университета от него осталась группа человек в двадцать с небольшим»¹⁵⁸⁶. В феврале 1909 г. департамент полиции МВД «в виду отсутствия за последнее время данных о деятельности “Академического союза” и “Союза младших преподавателей”» запросил¹⁵⁸⁷ у начальника Варшавского

вспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 102.

¹⁵⁸⁴ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 487 об.

¹⁵⁸⁵ ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 144а. Л. 7.

¹⁵⁸⁶ Кареев Н.И. Возвращение в университет // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 102.

¹⁵⁸⁷ В отношении утверждалось «“Академический союз” в числе других своих задач поставил себе целью оберегать состав профессоров и младших преподавателей высшей школы от проникновения в их среду лиц правого направления, хотя бы это было и не в интересах науки».

охранного отделения сведения о том, «кто именно из профессоров и младших преподавателей высших учебных заведений г[ородов] Варшавы и Новой Александрии принадлежит ныне к означенным союзам»¹⁵⁸⁸. Ответ на данный запрос гласил: «Сведений, просимых не имеется»¹⁵⁸⁹.

В апреле того же года, министр внутренних дел и председатель Совета министров П.А. Столыпин писал министру народного просвещения А.Н. Шварцу, что «при Харьковском университете “Академического союза” профессоров не существует, а так же нет и “Союза младших преподавателей” как особой организации, но имеется “Союз служащих университета”, поставивший своей целью экономическое и политическое единение низших служащих; во главе союза стоит принадлежащий к числу левых профессоров приват-доцент Воробьев»¹⁵⁹⁰.

Однако, спустя полтора года, у властей стали появляться сведения о перспективах возможного возрождения Академического союза. Так, согласно агентурным данным департамента полиции от 23 февраля 1911 г., «среди левых профессоров и доцентов по инициативе Киевских ведется агитация восстановлению Академического союза»¹⁵⁹¹. Впрочем, о масштабах, характерных для 1905 г., говорить не приходилось. Автор «Агентурной записки» (агент «Блондинка»), составленной в Отделении по охране общественной безопасности и порядка в Москве, от 4 апреля 1911 г. констатировал: «Чисто моральная связь между левыми профессорами очень сильна, но отсюда далеко до прочной организации. От старой академической организации сохранились обломки, новую же при настоящем настроении профессуры создать очень трудно»¹⁵⁹².

Однако, в период депрессии на левом фланге процесс самоорганизации шел у правой профессуры. Так, 16–18 декабря 1910 г. в Санкт-Петербурге состоялось совещание правых профессоров. В мероприятии приняли участие действовавшие

¹⁵⁸⁸ АРВ. З. 31. С. 426. к. 135 – 135 об.

¹⁵⁸⁹ АРВ. З. 31. С. 426. к. 136.

¹⁵⁹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. Л. 1.

¹⁵⁹¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 73.

¹⁵⁹² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 87.

профессора шести университетов (ИВУ, ИУСвВ, ИКУ, ИНУ, ИТУ, ИЮУ), бывшие профессора – члены Государственного Совета, Государственной Думы, члены Совета Министра народного просвещения, попечитель Одесского учебного округа А.И. Щербакови еще ряд лиц. Совещание, между прочим, признало целесообразным оставить за попечителем надзорные и контрольные функции в университете «как учреждении государственном», но не распорядительные¹⁵⁹³.

В свою очередь, активизация правых стимулировала и левых. Из агентурной записки от 7 января 1911 г. можно узнать, что «Среди левых профессоров Московского Университета возникла мысль о необходимости совещания для выработки плана созыва подобного бывшему в Петербурге в декабре минувшего года съезду правых профессоров съезда левых. Мысль эта преподана из Петербурга, где, как говорят, состоялось уже предварительное совещание левых профессоров, которые постановили негласно снестись с провинциальной левой профессурой и узнать её мнение о желательности и вообще условиях проектируемого съезда.

Идею о необходимости созыва съезда прогрессивных профессоров поддерживают не только левые, но и более умеренные профессора, Напр[имер], декан юридического факультета профессор граф Комаровский высказывает такой взгляд: “Теперь правительство услышало мнение по университетскому вопросу правой профессуры. Правительство встретило съезд правых профессоров в высшей степени сочувственно. Вполне естественно поэтому обратиться к правительству с ходатайством о разрешении съезда прогрессивных профессоров, которые осветят тот же вопрос с другой точки зрения. Если правительство откажет в разрешении этого съезда – выйдет крупный скандал”. Большинство прогрессивных профессоров высказывают мнение о желательности съезда вполне легального»¹⁵⁹⁴.

Однако, настоящий новый всплеск преподавательской самоорганизации последует только после Февральской революции 1917 г. Так, о собрании младших

¹⁵⁹³ ГАРФ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 1384. Л. 3–4.

¹⁵⁹⁴ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 54 – 54 об.

преподавателей, «на котором выяснялся вопрос об отношении к войне и о “моральном очищении университета”», упоминает М.М. Богословский в дневниковой записи от 9 марта 1917 г.¹⁵⁹⁵ Вскоре после Февральской революции, в апреле 1917 г., Союз младших преподавателей был создан в ИТУ. Председателем союза был избран приват-доцент А.А. Зимин. Союз добивался «более близкого участия младших преподавателей университета в жизни последнего, как учреждения автономного», а именно требовал предоставить представителям младшего преподавательского состава права участвовать в заседаниях советов университета и факультетов и правления университета¹⁵⁹⁶.

Возникновение в начале XX в. самостоятельных преподавательских организаций, без сомнения, можно отнести к проявлениям профессиональной идентичности представителей научно-педагогической общественности. Взяв на себя инициативу по созданию структур, которые отражали их запросы, не имевшие возможности быть удовлетворенными в рамках существовавших университетских коллегиальных органов, профессора и преподаватели показали свою организационную зрелость.

Система ценностей «университетского человека»

Хотя этические принципы являются признаком личности, пожалуй, можно утверждать, что у представителей профессиональной корпорации могут формироваться некоторые общие элементы системы ценностей, схожие воззрения на жизнь и принципы профессиональной деятельности. Реконструировать «коллективные ценности» профессуры довольно сложно. Однако доступные исторические источники способны пролить свет на данную проблему.

Реконструировать систему ценностей университетских преподавателей позволяют публичные высказывания и частные суждения, а также поступки представителей профессиональной корпорации.

¹⁵⁹⁵ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 164.

¹⁵⁹⁶ История профсоюзных организаций Томского государственного университета в документах и материалах (2006–2015 гг.) / Под ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 2015. С. 198.

Важно подчеркнуть, что анализируемые ниже слова и действия формируют образ «идеального профессора», что вовсе не означает того, что каждый до единого представитель преподавательского сообщества ему соответствовал. Однако приводимые элементы позволяют составить представление об ориентирах и образцах для подражания в университетской среде.

Служение науке и обществу

Судя по многочисленным, как публичным, так частным высказываниям, в системе ценностей университетских преподавателей первое место отводилось «служению науке» и «служению обществу».

Профессор ИМУ С.Н. Трубецкой писал: «Первую обязанностью его (профессора – М.Г.), как и всякого человека, является бескорыстное и честное служение своему делу, т.е. служение той науке, которую он преподает. Служа ей, он служит и университету, служит и студенчеству»¹⁵⁹⁷.

Профессор юридического факультета ИТУ И.А. Малиновский расширял служение науке до служения духовному началу: «Занимаясь наукой, нельзя чуждаться других отраслей духовной деятельности. Людям университетским не должны быть чужды интересы религии, искусства, литературы, общественной жизни. [...] Университетскому человеку недостаточно одной какой-нибудь ученой специальности, ему должны быть близки духовные интересы вообще»¹⁵⁹⁸. В подтверждение этой мысли Малиновский приводит в пример Ярцева, героя рассказа А.П. Чехова «Три года», который окончил филологический факультет, затем поступил на естественное отделение, являлся магистром химии, занимался социологией и русской историей. «Университет – заключал Малиновский – храм науки. А, следовательно, университетские люди, т.е. те, которые учат, учатся и учились в университете – *это апостолы и поборники правды и истины* [курсив

¹⁵⁹⁷ Трубецкой С.Н. По поводу правительственного сообщения о студенческих беспорядках // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 10–11.

¹⁵⁹⁸ Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова: Лекция, читанная студентам I курса юридического факультета Томского университета 7 сентября 1904 г. Томск, 1904. С. 9–10.

мой – М.Г.]. Когда я говорю так, я, конечно, имею в виду то, что должно быть»¹⁵⁹⁹ и далее: «Если наука заключает в себе искание правды и смысла жизни, то изучение науки должно воспитывать в человеке любовь к правде и отвращение к неправде»¹⁶⁰⁰.

От идеи служения науке несложно было сделать шаг к идее служения обществу вообще. Так, В.А. Маклаков в воспоминаниях отмечал: «Если я готовился к карьере профессора, то потому, что в ней видел общественную деятельность, близкое общение с живыми людьми, возможность воспитывать новое поколение, а не только изучение и писание книг»¹⁶⁰¹.

Бескорыстие

Приоритет служения обществу, науке, духовному началу предполагал известную бескорыстность и отказ от сребролюбия университетского человека. Демонстрация если не пренебрежения, то не-придания решающего значения материальным благам считалась добродетелью в университетской среде.

Так, профессор медицинского факультета ИМУ К.М. Сапежко оставил указание на свою реакцию на поступившее ему коммерческое предложение: «Я им ответил, что считаю несовместимым с достоинством профессора делаться курортным врачом в коммерческих интересах города или личных»¹⁶⁰².

Профессор ИМУ В.В. Марковников в дневниковой записи от 12 июля 1893 г., мысленно обращаясь к властям, отмечал: «Вы увеличили доходность профессорского места, но деньгами одними не создадите ученых»¹⁶⁰³. А А.Н. Савин, профессор того же университета, сообщил в дневнике, что «профессора работают в высшей школе не только по “буржуазной” тяге к

¹⁵⁹⁹ Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова: Лекция, читанная студентам I курса юридического факультета Томского университета 7 сентября 1904 г. Томск, 1904. С. 11.

¹⁶⁰⁰ Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова: Лекция, читанная студентам I курса юридического факультета Томского университета 7 сентября 1904 г. Томск, 1904. С. 22.

¹⁶⁰¹ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 194.

¹⁶⁰² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 499. Л. 8.

¹⁶⁰³ Записки В.В. Марковникова // Русский Архив. 1910. № 3. С. 375.

жалованью и гонорару, но и по высокопатриотическим и даже сверхнародным побуждениям»¹⁶⁰⁴.

Корыстолюбие, напротив, становилось предметом осуждения.

В.В. Вересаев, учившийся на рубеже 1880–1890-х гг. на медицинском факультете ИДУ, оставил такое воспоминание: «Глазные болезни читал профессор Рельман – тихий, вкрадчивый и хитрый человек. Мне однажды пришлось обратиться с больными глазами к его помощи (на дому у него). Меня поразило: он преспокойно взял с меня, студента-медика, гонорар, – у нас, русских, вещь невероятная: наши профессора не только с медиков-студентов, но и вообще со студентов денег не брали»¹⁶⁰⁵.

В.В. Марковников в дневниковой записи от 8 февраля 1894 г. писал об одном из профессоров ИМУ: «Недавно он просил разрешения печатать в “Университетских записках” второе издание своего руководства. Это значит без всякого основания выпрашивать себе подачки в 500 р[уб]., хотя для него не было бы никакого риска напечатать руководство на свой счет. [...] Из бывшего между нами потом короткого разговора он несомненно понял, что я считаю такой поступок неблагоприятным»¹⁶⁰⁶.

Обвинение в корысти профессоров-юристов встречается в дневниковой записи московского профессора М.М. Богословского от 25 февраля 1917 г.: «Юристы наши вошли уже в сношения с Воронежской городской думой и с тамошним городским головой. Арк[адий] Ив[анович] Елистратов сладким голосом и с ужимками изложил об этом деле; подкладка его, конечно, та, что Воронеж желает иметь у себя университет, как этого теперь желают Ярославль, Серпухов, Чухлома и другие города, а юристы наши, лишившись гонорара, ищут побочных заработков и готовы заняться отхожими промыслами»¹⁶⁰⁷.

¹⁶⁰⁴ Цит. по: Шарова А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 18. С. 273.

¹⁶⁰⁵ Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания [Электронный ресурс] // brusl.ru: Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения: 03.01.2016).

¹⁶⁰⁶ Записки В.В. Марковникова // Русский Архив. 1910. № 3. С. 395.

¹⁶⁰⁷ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания

Как уже отмечалась в 4-й главе, большая часть университетского преподавательского сообщества весьма скептически отнеслась к введению гонорара с точки зрения влияния на отношение преподавателей со студентами. Феномен гонорарной системы дает богатый материал и об отношении профессоров к деньгам.

В выше уже шла речь о том, насколько неравномерным было распределение гонорара между преподавателями. Публицист и политический деятель В.А. Мякотин по этому поводу писал: «Самый талантливый профессор, читающий необязательный курс, или даже обязательный, но на малолюдном факультете, получит ничтожный гонорар, и, наоборот, бездарный лектор на многолюдном факультете, видя перед собой почти пустую аудиторию, будет все же получать значительную сумму гонорара, если его курс обязателен для студентов»¹⁶⁰⁸.

Профессор ИУСвВ Ю.А. Кулаковский высказывался об этой стороне гонорарной системы так: «Специальный ученый курс профессора, раз он не обязателен, может не дать ему никакого гонорара, или самый ничтожный, даже на многолюдном факультете; а тот обязательный курс, который он повторяет, из года в год, и который от него не требует усиленной работы над приготовлением каждой лекции, будет оплачен огромным гонораром, хотя бы из 300 обязательных, слушателей у него оказывалось их в аудитории 15, 10, а то и 2 человека [...]. Если гонорар имел целью увеличить вознаграждение профессоров за труд, который они несут по обязанностям своей службы, то неравномерность в распределении гонорара между отдельными профессорами есть прямое обличение несостоятельности этого учреждения»¹⁶⁰⁹.

Специальная комиссия, избранная Советом ИХУ в 1897 г., формулируя свое видение недостатков гонорарной системы, заявила свою позицию следующим образом: «Ничтожный по своим размерам в среднем, он в то же время колеблется

Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 158.

¹⁶⁰⁸ Мякотин В.А. К вопросу о профессорском гонораре // Русское богатство. 1897. Октябрь. [пагин. 2-я]. С. 79.

¹⁶⁰⁹ Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. С. 21–22.

в таких широких пределах, что доход преподавательского персонала, им обуславливаемый, может быть уподоблен доходу от игры и случайностям её подвергается такой служебный персонал Государства, который, казалось бы имеет наибольшее право рассчитывать на прочное и постоянное обеспечение» и далее: «Следует упомянуть о случаях вредного в нравственном отношении влияния очень высоких гонораров как на профессоров, так и в особенности на еще не установившихся юношей – приват-доцентов»¹⁶¹⁰.

Авторы доклада о гонораре физико-математического факультета ИКУ (1897 г.) отмечали, что в русских университетах, «где переходы студентов из одного университета в другой обставлены различными формальностями, где преподавание наук и слушание их строго регламентируется учебными планами и обзорами преподавания, с точным обозначением в них порядка прохождения студентами наук того или другого факультета, с точным определением числа часов лекций и практических занятий, на которые студент обязательно должен записаться, со внесением соответствующей за слушание их платы, эта система получила совершенно своеобразный смысл и значение. Вместо справедливого поощрения талантов и учености, она явилась средством усиленного вознаграждения преподавателей некоторых наук, совершенно независимо от их талантливости и ученых заслуг, а только потому, что по действующим правилам, известной науке и в известном семестре приурочено определенное количество часов лекций, на которые студент обязан записаться»¹⁶¹¹.

Докладу казанских физиков и математиков вторил доклад историко-филологического факультета ИМУ (1897 г.): «не столько неравномерность гонорара, получаемого отдельными профессорами, представляется ненормальным явлением, сколько сама система гонорара, т.е. вознаграждение профессоров по числу слушателей при *обязательности* лекций. При обязательности для студента учебного плана, вносимый им гонорар не есть плата, которую он желает *почтить*

¹⁶¹⁰ Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета, для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. С. 11, 18.

¹⁶¹¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 17 – 17 об.

труд избранного им преподавателя, а доход профессора, зависящий от того, на каком факультете и курсе ему приходится читать»¹⁶¹².

Спустя 10 лет, в 1907 г., профессор медицинского факультета ИУСвВ С.И. Чирьев выражал свою мысль схожим образом: «Гонорар отнюдь не улучшил профессорский персонал [...], а ввел только в высшей степени несправедливую расценку труда. [...] Какой-нибудь более чем посредственный профессор юридического факультета получает более 12 000 р[уб.] гонорара в год, и наряду с ним другой, выдающийся филолог или математик, получает буквально гроши. Это обыкновенно бывает известно и студентам и служит темой для их разговоров о барышниках-профессорах. К чему такая несправедливость!»¹⁶¹³.

Однако, нельзя утверждать, что все без исключения современники высказывались о гонорарной системе сугубо негативно.

В защиту гонорара выступил приват-доцент ИСПБУ Б.В. Никольский: «Жалованье, т.е. государственная поддержка ученым – писал он –, всегда было, да и должно быть равномерно для всех специальностей, для всех дарований. Но дальнейшее улучшение благосостояния профессоров не может и не должно ложиться на государство, а всецело зависеть от общественных потребностей и гонорарного сбора, т.е. от наличного спроса на ту или другую отрасль знания и даровитости профессора. Самый посредственный лектор гражданского права или политической экономии полезней и нужней обществу, чем самый гениальный астроном, а гениальный астроном, чем астроном посредственный. Законы ренты и законы спроса и предложения – вот законы гонорарного неравенства»¹⁶¹⁴

Оправдание идеи гонорара можно встретить и в проекте университетского устава, разработанном профессором ИХУ В.Я. Данилевским в 1888 г. В.Я. Данилевский рассуждал следующим образом. Если рассматривать гонорар как часть казенного жалования, то его размер следовало бы уравнивать между всеми преподавателями. Однако устав 1884 г. придал гонорару совсем иное значение: «он является прерогативой лица к преподаваемой им науке». По мнению

¹⁶¹² ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 14.

¹⁶¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 130. Л. 8.

¹⁶¹⁴ Никольский Б. О призвании к гонорару // Новое время. 1897. 15 (27) сентября.

профессора, гонорар способен обеспечить справедливую оценку затраченного труда и времени преподавателей. «Было бы крайне несправедливо уравнивать гонорар двум преподавателям, из коих один имеет лишь 1 группу слушателей, а другой – несколько таковых»¹⁶¹⁵.

Со временем мнение Н.Я. Данилевского скорректировалось. В проекте, подготовленном в 1897 г., он высказался так: «Гонорар есть прерогатива лица и кафедры. Там, где дело не безлично, где в успехе его отражаются личные качества, там пропорциональность между личным успехом и вознаграждением является справедливою мерою. Она может служить побуждением к усиленному труду, к развитию знания и таланта, к большей успешности преподавателя»¹⁶¹⁶. «Но – продолжал В.Я. Данилевский – университетская жизнь в последнее время показывает, что система гонорара не имеет почвы в нашем отечестве [...], что главная цель ее – преподавательское соревнование и конкуренция – едва ли вообще достижима в наших университетах [...]. Гонорар вызывает справедливое нарекание вследствие крайне неравномерного распределения между преподавателями разных факультетов при одинаковой затрате труда и времени, при равенстве таланта и успешности преподавания. В виду этого было бы справедливее собирать добавочную плату студентов (сверх 50 р[уб].) со всех университетов в одну общую сумму и выдавать из нее “добавочное жалование” преподавателям всех факультетов, пропорционально 1) числу лекций, 2) числу всех часов, затрачиваемых профессором на практические занятия, и 3) отчасти числу экзаменуемых [...]. Вместо такого непостоянного добавочного жалования было бы более желательно соответственное увеличение всего штатного содержания»¹⁶¹⁷.

В целом, современники констатировали, что «система гонорара приносит наиболее выгод тем группам преподавателей, которые и без того обеспечены

¹⁶¹⁵ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 141. Л. 3.

¹⁶¹⁶ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 18.

¹⁶¹⁷ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 18 об.

жалованием, и наименее служит интересам приват-доцентов, жалования не получающих»¹⁶¹⁸.

Важно подчеркнуть, что в профессорской среде имело место устойчивое представление о денежном вознаграждении профессоров непосредственно студентами как об обстоятельстве, бьющим по достоинству профессора.

В докладе физико-математического факультета ИКУ (1897 г.) читаем: «В результате оказалось, что на средства общественной и частной благотворительности получилась некоторая прибавка к штатному содержанию профессоров отпускаемому из сумм Государственного Казначейства, что совершенно *не совместимо как с достоинством великого государства, так и со званием и личным достоинством профессора* [курсив мой – М.Г.]»¹⁶¹⁹.

Профессор ИКУ И.М. Догель: «если необходимо улучшить материальное положение профессоров наших университетов, как в действительности требует ход самой жизни, и как это признаётся самим Министерством Народного Просвещения, то Государство найдет другой более подходящий для этого источник, *согласный с достоинством нашего обширного отечества* [курсив мой – М.Г.], чтоб обеспечить надлежащим образом содержание профессоров»¹⁶²⁰.

По словам профессора ИМУ В.И. Герье, гонорар «*противоречит нравственным инстинктам и студентов и профессоров* [курсив мой – М.Г.] в России, не привыкших смотреть на университетское преподавание как на частную сделку или бенефис и рекламами и дивертисментом»¹⁶²¹. Вместе с гонораром перейдут к нам дразги, неизбежно связанные со всяким денежным расчетом»¹⁶²².

Весьма категорично высказался профессор ИМУ С.Н. Трубецкой; по его мнению, гонорар – это «*недостойный бакшиш*»¹⁶²³ [курсив мой – М.Г.], подаренный отдельным профессорам за утраченную автономию их коллегии и

¹⁶¹⁸ Мякотин В.А. К вопросу о профессорском гонораре // Русское богатство. 1897. Октябрь. [пагин. 2-я]. С. 84.

¹⁶¹⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 18.

¹⁶²⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 21 об.

¹⁶²¹ Дивертисмент – здесь: увеселительное театральное представление.

¹⁶²² Цит. по: Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов, 1893. С. 155.

¹⁶²³ Бакшиш (перс.) – подарок, деньги на чай, взятка.

внесший в стены университета погоню за наживой и спекуляцию преподаванием»¹⁶²⁴.

Доказав на цифрах, что гонорар слабо в материальном отношении поддерживал приват-доцентов, В.А. Мякотин заключал, что цели введения приват-доцентуры могли бы быть достигнуты «без помощи гонорара, другими средствами *более согласными с достоинством университета* [курсив мой – М.Г.]»¹⁶²⁵.

В июле 1897 г. МНП обратилось к попечителям учебных округов с тем, чтобы они просили университеты высказаться по поводу гонорарной системы¹⁶²⁶. На медицинском факультете ИКУ после выступлений и прений деканом были предложены для голосования два вопроса. Первый: «Желательно ли, согласно предложению господина Министра народного просвещения, ввести какие-либо изменения в гонорарной системе для равномерного распределения между преподавателями или вовсе не брать гонорара со слушателей?». 19 профессоров против 1 (экстраординарного профессора Н.А. Толмачева) высказали желание гонорара со слушателей не брать. Второй вопрос был сформулирован следующим образом: «Если же получаемое ныне профессорами содержание, действительно недостаточное, Министерство находит справедливым увеличить, то желательно это увеличение отнести на счет других каких-либо источников, но не на взимаемую плату со слушателей в виде гонорара?». На этот вопрос члены факультетского совета ответили единогласно утвердительно¹⁶²⁷.

Преподаватели историко-филологического факультета ИКУ, перечислив все возможные варианты распределения гонорара, назвали их несправедливыми и предложили от системы вовсе отказаться¹⁶²⁸.

¹⁶²⁴ Трубецкой С.Н. Ответ «Профессору университета» // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 18.

¹⁶²⁵ Мякотин В.А. К вопросу о профессорском гонораре // Русское богатство. 1897. Октябрь. [пагин. 2-я]. С. 85.

¹⁶²⁶ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 1 – 1 об.

¹⁶²⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 23.

¹⁶²⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 7–8.

Совет ИМУ в ноябре 1897 г. заявил «единогласное желание, чтобы вознаграждение профессоров за их преподавание было увеличено путем изменений штатов, а не путем получения ими гонорара, вносимого студентами». Все факультеты университета высказались за «уничтожение гонорара в отношении обязательных курсов штатных профессоров», и за «сохранение гонорара в тех случаях, когда гонорар является добровольной платой за необязательно предлагаемый преподавательский труд»¹⁶²⁹. При этом три факультета – историко-филологический, юридический и физико-математический – высказались за то, чтобы в случае сохранения гонорара, он распределялся бы между всеми преподавателями равномерно. Медицинский же высказался за то, чтобы, если гонорар сохранится, он распределялся бы в соответствии с существовавшими правилами¹⁶³⁰.

Итак, совокупность публично озвучиваемых мнений и университетских администраций, и представителей преподавательского сообщества указывала на вполне однозначное желание университетов отказаться от гонорарной системы. Но, понимая, что иных источников пополнения преподавательских доходов у него нет, правительство откладывало это решение.

Гонорар, как уже отмечалось, был отменен законом «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов», утвержденным 3 июля 1916 г. и вступавшим в силу 1 января 1917 г.

Реакция на принятое решение в частности нашла отражение в дневниках профессора ИМУ историка М.М. Богословского. 29 августа 1916 г.: «звонил по телефону А.Н. Филиппов¹⁶³¹. [...] Тон А.Н. Филиппова совсем минорный по поводу предстоящего уничтожения гонорара, прямо, говорит, жить нечем. Но, надо полагать, за многие годы, приносявшие по 18 000, кое-что при его скромной

¹⁶²⁹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 9 об.

¹⁶³⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4362. Л. 29.

¹⁶³¹ Филиппов Александр Никитич (1853–1927), юрист, историк права. В 1885–1892 гг. – приват-доцент ИМУ. С 1892 г. – и.д. профессора, с 1895 г. – профессор, в 1893–1895 гг. – проректор, в 1901–1905 гг. – ректор ИДУ. С 1903 г. – профессор, с 1910 г. – заслуженный профессор юридического факультета ИМУ.

жизни да сбережено¹⁶³². 1 сентября 1916 г.: «По дороге в банк я встретил А.Н. Филиппова, продолжающего тосковать об отмене гонорара. [...] Нытье Филиппова меня порядочно увеселило, и я открыто выразил ему свою радость по поводу отмены гонорара, как меры справедливой и для филологов и провинциальных профессоров выгодной»¹⁶³³. 13 декабря 1916 г.: «Савин обратил внимание факультета на поползновение юридического факультета взять себе библиотеку М.М. Ковалевского, отказанную им в завещании всему Университету. Решено оказать сопротивление, причем М.К. [Любавский] выяснил скрытые мотивы этого поползновения. Профессора юридического факультета, лишаясь с 1 января 1917 г. гонорара, хлопочут теперь об устройстве при своем факультете как можно большего количества учебно-вспомогательных институтов, чтобы занимать платные должности их директоров. Размениваются на мелкую монету»¹⁶³⁴. Как и следовало ожидать, в глазах профессора историко-филологического факультета М.М. Богословского в ситуации с отменой гонорара «антигероями» стали профессора-юристы. Показательно, что, давая в целом негативную оценку уходившему в декабре 1916 г. со своего поста министру народного просвещения П.Н. Игнатьеву, Богословский тем не менее замечал: «Но он провел отмену гонорара, и за это профессора-филологи помянут его с благодарностью»¹⁶³⁵.

Опираясь на выше приведенные кейсы и примеры публичных и частных высказываний, мы можем согласиться с исследователем А.Н. Дмитриевым, который со ссылкой на Т. Вихавайнена пишет о том, что мещанство и обуржуазивание стало пугалом и даже «внутренним врагом» отечественной

¹⁶³² Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 116.

¹⁶³³ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 116–117.

¹⁶³⁴ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 141.

¹⁶³⁵ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 144.

интеллигенции рубежа XIX–XX вв.¹⁶³⁶ Приведенные выше данные это вполне подтверждают.

Свобода и достоинство

Ценности свободы и личного достоинства также имели весьма высокий вес в профессорской среде.

Выражение неприятия давлению сверху демонстрировал профессор ИСПБУ Ф.А. Браун в письме коллеге А.А. Шахматову по поводу практики перемещения профессоров из одного университета в другой без их согласия: «Мы не хотим стать послушным орудием в руках министерства, не хотим быть холопами, которых барин перемещает из одного имения в другое»¹⁶³⁷.

Профессор ИМУ В.В. Марковников в дневниковой записи от 12 августа 1893 г., рассуждая о желании министерства избавиться от «вредных» профессоров, замечал: «Вредными же оказались все лучшие научные силы по той простой причине, что всякий порядочный ученый в большинстве случаев человек самостоятельный и не станет в угоду начальству поступаться своими убеждениями»¹⁶³⁸.

Более развернуто и публично на эту тему высказывался В.И. Вернадский, преподававший в ИМУ: «Научная работа развивает чувство личности и личного достоинства. Она вырабатывает свободного человека, стоящего в среднем гораздо выше того уровня, который может от души подчиняться министерству. [...] Пока русские профессора будут стремиться к научной работе и будут научно работать, все стремления министерства сделать из них приниженных и униженных слуг будут напрасны. Ибо мы знаем, что мы, а не Министерство народного просвещения, делаем национальное и общечеловеческое дело»¹⁶³⁹.

¹⁶³⁶ Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: Правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX в.) / под. ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 109.

¹⁶³⁷ Цит. по: Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34. С. 219.

¹⁶³⁸ Записки В.В. Марковникова // Русский Архив. 1910. № 3. С. 390.

¹⁶³⁹ Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб, 1912. С. 328–329.

Близкой по сути является и мысль московского профессора П.Г. Виноградова, призывавшего коллег, отстаивая свои научные и общественные взгляды, не поддаваться давлению сверху: «Самое название “профессора” напоминает об исповедании – исповедовать же можно лишь свои убеждения, а не чужие приказания»¹⁶⁴⁰.

Примат личного достоинства переносился и на бытовую сферу. Приведем в качестве примера описание одной ситуации. Профессор ИНСУ Н.Г. Стадницкий, приехавший из Одессы (где был приват-доцентом) в Саратов с открытием здесь университета, получил в 1911 г. письмо из ИНУ с требованием вернуть три книги, взятые еще до 1909 г. в университетской библиотеке. Текст письма не сохранился, но известно, что тон этого послания крайне задел Н.Г. Стадницкого. Он не отрицал наличие долга перед библиотекой, но, получив письмо, подписанное секретарем правления ИНУ, посчитал необходимым направить ответ на имя ректора ИНУ (с копией ректору ИНСУ), в котором указывал на то, что полученное им письмо, было написано в форме, «крайне оскорбительной для профессорского звания»¹⁶⁴¹.

Остановимся подробнее на нормах научной и корпоративной этики, бытовавших в университетской среде.

Научная этика

С вопросами научной этики университетские преподаватели чаще всего сталкивались в связи с процедурой защит диссертаций.

Вспоминая о временах действия Устава 1863 г., профессор И.А. Линниченко писал: «Научный этикет рекомендовал защиту докторской диссертации в чужом университете, у признанных научных авторитетов – этим избегали упрека в кумовстве, семейном деле, товарищеской услуге»¹⁶⁴².

Одна из распространенных проблем была связана с необходимостью давать объективные отзывы на научные работы, несмотря на товарищеские отношения с

¹⁶⁴⁰ Виноградов П.Г. Что делается и что делать в русских университетах? // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 143.

¹⁶⁴¹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 2. Д. 5. Л. 67 об.

¹⁶⁴² ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 7. Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг, 1916. С. 13.

диссертантом или его научным наставником. Для освещения этой проблемы незаменимы источники личного происхождения, каким является дневник профессора ИМУ М.М. Богословского. На страницах дневника эта тема поднимается неоднократно.

14 ноября 1915 г.: «Приходил [...] Марков, кончивший Духовную академию и издавший переписку Победоносцева с Субботиным [...]. Это издание он представил в Академию в качестве магистерской диссертации. Если бы дело шло о степени магистра для Победоносцева или Субботина – другое бы дело! Но работа Маркова выразилась только в комментариях исключительно справочного характера. Я говорил Громогласову и Покровскому, чтобы посоветовали ему взять диссертацию обратно, что кто-то из них, видимо, и сделал. Нас это избавляет от *неприятнейшей обязанности писать отрицательный отзыв* [курсив мой – М.Г.] и отвергать книгу»¹⁶⁴³.

2 сентября 1916 г.: «Толковали [...] о книге Веселовского, а также о диссертациях Яковлева. Вот пример губительного влияния Веселовского на Яковлева. Ну стоило ли тратить столько времени и сил на этот ничтожный Приказ сбора ратных людей, о котором написана его диссертация! Ведь это предмет для небольшой статьи – не более того». 3 сентября. «Начал писать рецензию на книгу Веселовского, и выходит довольно резко, но, кажется, справедливо. *Знакомство тут ни при чем, передаю правдиво свои впечатления* [курсив мой – М.Г.]»¹⁶⁴⁴. 22 сентября 1916 г.: «Я считаю книгу Веселовского полною недостатков и не вижу решительно причин проводить ее с отступлением от обычного порядка, т.е. без диспутов. И кроме того, такое отступление было бы несправедливым по отношению к нашим. Почему же мы Д. Н. Егорова и Яковлева, представивших по две книги, подвергали и будем подвергать диспутационным мытарствам. Диспут тем хорош – что это игра в открытую. Каждый может прийти и высказаться о

¹⁶⁴³ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 51.

¹⁶⁴⁴ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 117.

достоинствах и недостатках книги. Зачем же с В[еселовским] действовать втихомолку?»¹⁶⁴⁵.

И.Ю. Крачковский в своих воспоминаниях описывал случай, связанный с защитой магистерской диссертации приват-доцента факультета восточных языков А.Э. Шмидта, на которой сам он выступал оппонентом. Незадолго до диспута И.Ю. Крачковским был обнаружен новый важный исторический источник (рукопись), неизвестный А.Э. Шмидту и, соответственно, не нашедший отражения в его работе. Зная щепетильность А.Э. Шмидта, с которым И.Ю. Крачковского связывали товарищеские отношения, И.Ю. Крачковский, по его словам, сначала не хотел информировать А.Э. Шмидта о своей находке, опасаясь, что тот примет решение снять диссертацию с защиты («зная характер А.Э. Шмидта, я чувствовал, что сказать о ней [рукописи – М.Г.] прямо – значит вызвать в нем приступ отчаяния, и, может быть, навсегда расстроить только что наладившееся его возвращение к научной работе»), но позже рассказал о ней («утаить открытие до какого-нибудь срока после диссертации не позволяла мне научная совесть»). И.Ю. Крачковский вспоминает: «Под первым впечатлением он хотел взять свою диссертацию обратно и отложить получение степени. Большого труда мне стоило убедить его не делать этого, а предоставить все своему течению»¹⁶⁴⁶.

Иной аспект научной этики нашел отражение в случае, зафиксированном в дневниковых записях профессора ИМУ Н.П. Боголепова. В записях за март 1895 г. встречается указание на неприятный эпизод, затронувший его и профессора Ю.С. Гамбарова. Эпизод касался оценки магистерской диссертации Гусакова. Н.П. Боголепов её оценивал низко, а Ю.С. Гамбаров, напротив, высоко. По дошедшим до Н.П. Боголепова сообщениям, которыми он и поделился в дневнике, Ю.С. Гамбаров требовал изменения мнения Н.П. Боголепова об обсуждавшейся диссертации, иначе он, «в свою очередь, сочтет своим долгом

¹⁶⁴⁵ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 122.

¹⁶⁴⁶ Крачковский И.Ю. Впервые оппонентом на диссертации // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 142–143.

очень внимательно прочесть диссертацию Хвостова», являвшегося учеником Н.П. Боголепова. «Другими словами, Гамбаров желал дать мне понять, что если я не пропущу диссертацию его приятеля, то он прижучит моих учеников»¹⁶⁴⁷. Угроза предвзятого отношения к диссертантам, разумеется, воспринималась Н.П. Боголеповым как пример неэтичного поведения профессора Ю.С. Гамбарова.

Продолжая тему научной этики, отметим то, что по замечанию харьковского исследователя С.И. Посохова, в научной среде России именно конца XIX в. была сформирована практика ссылок на предшественников в изучении темы. Это утверждение наглядно иллюстрируется словами В.И. Семевского о его диссертации: «Не сказать ничего о литературе, не воздать должного моим предшественникам [...] будет с моей стороны научным неприличием»¹⁶⁴⁸.

Корпоративная этика

На фоне многочисленных конфликтных ситуаций и наличия «партий» внутри преподавательских коллективов каждого университета, казалось бы, о корпоративной этике говорить не приходится. Но, подчеркнем, что соблюдение этики отношений между членами коллектива, во всяком случае, входило в представление о норме, хотя и нередко вступало в противоречие с реальностью.

Соблюдение корпоративной этики могло помочь корректно разрешить щекотливые вопросы, возникавшие на службе. Один из таких вопросов касался замещения должностей – в тех случаях, когда это было сопряжено одновременно с интересами нескольких преподавателей. Вот как вспоминал профессор ИСПБУ А.А. Иностранцев обстоятельства, связанные с поступившим ему в 1880-х гг. приглашением читать лекции в Академии Генерального штаба: «Лектором у них был академик Шренк, которым, по-видимому, М.И. [Драгомиров – начальник Академии] был очень недоволен. Я решительно отказывался, считая себя вполне обеспеченным имеющимся заработком [...]. В то же время я считал и неудобным содействовать удалению Шренка из Академии – могли принять замену Шренка

¹⁶⁴⁷ Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // Русский Архив. 1913. № 1. С. 60.

¹⁶⁴⁸ Цит. по: Посохов С.И. «Считаю для себя неприличным...»: Этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX – начала XX вв. // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2012. Вип. 11. С. 138.

мною за интригу»¹⁶⁴⁹. А.А. Иностранцев принял приглашение читать лекции в Академии Генерального штаба только после отказа Л.И. Шренка от службы там¹⁶⁵⁰.

В связи с характеризуемым сюжетом сошлемся на исследование С.Г. Карпюка, который, разобрав кейс, связанный с тем, как сложно в 1900–1902 гг. шел процесс замещения оказавшейся вакантной кафедры древнеклассической филологии ИМУ, сделал вывод о том, что «русские антиковеды стремились к академической карьере, но отнюдь не любой ценой»¹⁶⁵¹.

Профессором М.М. Богословским в дневнике зафиксирован довольно необычный диалог между его сослуживцами по ИМУ, состоявшийся 28 апреля 1917 г.: «Яковлев, обращаясь ко всем нам, сказал, что вот уже он 11 лет приват-доцент и, как только получит докторскую степень, желает, чтобы его сделали сверхштатным экстраординарным профессором, и потребовал, чтобы товарищи его высказались о нем, начиная с Матвея Кузьмича [Любавского]. Это заявление, как я заметил, было для всех полнейшей неожиданностью. М.К. [Любавский] нашелся сказать, что затруднение тут будет в общем вопросе, нужна ли вообще еще одна профессура. Кизеветтер говорил, что вопрос надо решать лично, применительно именно к Яковлеву и что он готов решать его положительно. Яковлев обратился ко мне, но я сказал, что я пока человек, стоящий вне Университета, и предложил высказаться Готье. Готье сказал несколько каких-то слов, видимо, был застигнут врасплох. Затем я сказал, что понимаю чувства А.И. Я[ковлева]. Сам я был 13 лет приват-доцентом, из них два года в докторской степени, и что докторская степень Московского университета, по-моему, вполне дает права на такое высокое положение»¹⁶⁵². Переданное М.М. Богословским некоторое замешательство профессоров, очевидно, было вызвано тем, что прямое требование приват-доцента А.И. Яковлева высказаться

¹⁶⁴⁹ Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 130.

¹⁶⁵⁰ Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 131.

¹⁶⁵¹ Карпюк С.Г. Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета // Вестник древней истории. 1993. № 1. С. 175–181.

¹⁶⁵² Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 179.

об его служебных перспективах было воспринято аудиторией как в известной степени дерзкий и беспардонный поступок, впрочем, пожалуй, допустимый в силу товарищеских отношений собеседников (заметим, что в течение 1917 г. А.И. Яковлев, действительно, защитит докторскую диссертацию и будет избран профессором историко-филологического факультета).

Вместе с тем, отметим, что тот же профессор М.М. Богословский в дневнике, изначально не предназначавшемся для публикации, мог позволить себе дурно отзываться о профессиональных качествах коллег. Так, 20 октября 1915 г. он писал о профессоре ИНУ И.А. Линниченко «М.К. Любавский показывал мне письмо Линниченко, в котором он выражает желание перейти в Московский университет сверхштатным профессором. Будет совсем лишний и ненужный. Величина не из таких, какие желательно бы приобретать. Я, между прочим, его ученик, на что он и указывает в письме. Он нам читал историю Польши, но именно учил тому, как не надо читать лекции»¹⁶⁵³.

Вхождение в корпорацию нового члена обставлялось определенным ритуалом. Так, при вступлении в должность профессора читали вступительную лекцию, о чем извещались все прочие профессора университета, и считалось хорошим тоном эти лекции посетить. Такие лекции зачастую носили вводный в курс характер. Так, в 1913 г. в ИВУ Н.А. Богораз в качестве вступительной прочел лекцию на тему «Важнейшие этапы в развитии научной хирургии», Н.Д. Бушмакин – «Задачи описательной анатомии человека и положение ее среди других медицинских наук», а И.А. Малиновский – «Предмет истории русского права»¹⁶⁵⁴.

Неформальная часть вхождения в корпорацию заключалась в том, что при назначении (или избрании) в университет профессору полагалось «делать визиты» коллегам-профессорам¹⁶⁵⁵. Так, профессор И.А. Малиновский,

¹⁶⁵³ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 47.

¹⁶⁵⁴ APW. Z. 214. S. 102. k. 20, 22, 42.

¹⁶⁵⁵ Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания [Электронный ресурс] // brusl.ru: Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения: 03.01.2016);

прибывший в Томск в 1898 г., вспоминал: «Я делал визиты членам Совета. Отдавали визиты обыкновенно в мое отсутствие»¹⁶⁵⁶. Как видим, этикет предписывал «отдать визит», то есть совершить ответное посещение дома коллеги.

Элементом нормы корпоративной этики было уважение к чужому мнению, чужим взглядам. Так, ординарный профессор юридического факультета ИЮУ Б.В. Никольский писал в 1914 г. в Особом мнении по поводу избрания одного из претендентов на вакантную кафедру энциклопедии и философии права: «Первое требование к ученому – достоинство и прямота. Он должен быть исповедником своих учений, а не проводить их контрабандою, между прочим. Он должен говорить все или молчать. Так, ученый может быть твердо уверен в неизбежности преобразования России в социал-демократическую федерацию и считать наш самодержавный монархический строй обреченным на полную гибель; даже не соглашаясь с ним, мы будем уважать его мнения и признаем их неверными, но учеными теориями»¹⁶⁵⁷. Заметим, что сам Б.В. Никольский являлся горячим сторонником именно самодержавного устройства России.

Как добродетель в корпорации воспринималось и следование известной пословице, призывающей «не выносить сор из избы». Показателен в этом отношении фрагмент оправдательной речи выше упомянутого Б.В. Никольского, выступавшего адвокатом на процессе против бывшего профессора ИСПБУ А.И. Соболевского, к материалам которого мы уже обращались в 4-й и 6-й главах: «акад[емик] Ссболевский – говорил адвокат – ушел, не дослужив полгода до полной пенсии, он ушел потому, что невтерпеж стало; но и уйдя оттуда он не дал воли своему негодованию, он молчал, он не считал совместимым со званием члена корпорации, со своим достоинством, под влиянием политики, публично выступать»¹⁶⁵⁸. «А что в бытность свою профессором университета, он считал

¹⁶⁵⁶ Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 287.

¹⁶⁵⁷ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1373. Л. 15.

¹⁶⁵⁸ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 201–202.

невозможным публично спорить со своей корпорацией, которую он украшал своим участием, – это понятно всем. И здесь он был строго корректен и строго последователен. Но, когда он порвал все связи с тем, что было когда-то Императорским Петербургским Университетом, тогда, читая наивное, запальчивое и прямо, можно сказать, смехотворное, утверждение князя Трубецкого, он не мог не ответить ему сухим и твердым перечнем фактов»¹⁶⁵⁹.

Солидарность

Производной от корпоративной этики можно назвать и известную преподавательскую солидарность, а также практику заступничества за членов своего сообщества. Отдельные случаи, которые могли бы выступить иллюстрацией к этому тезису, уже приводились в разных главах настоящего исследования, однако, несомненно, самый яркий кейс относится к 1911 г. – это уход из ИМУ в знак солидарности с коллегами 130 профессоров и приват-доцентов.

Основная фабула этого события, известного как «дело Кассо», хорошо изучена; ему посвящены отдельные исследования¹⁶⁶⁰. Суть дела заключалась в том, что 28 января 1911 г. в ответ на министерские циркуляры («О надзоре за учащимися высших учебных заведений», «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений»), урезавшие университетскую автономию, профессора ИМУ ректор А.А. Мануйлов, проректор П.А. Минаков и помощник ректора М.А. Мензбир подали в отставку. Члены Совета ИМУ, на заседании которого и было объявлено об отставке, в обращении к попечителю учебного округа П.А. Некрасову подчеркивали: «ряд профессоров Московского

¹⁶⁵⁹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 202.

¹⁶⁶⁰ Романов Ю.В. Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История. М., 1999. С. 76–80; Andreev A.Ju. “Die gespaltene Universität”. Die Moskauer Gelehrten 1911–1917 // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. Von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S.159–176; Маркин В.Л. «Университетский протест» 1911 г. и реакция российского общества // Вестник Московского университета: Серия 8, История. 2009. № 5. С. 10–19; Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX–XX вв.: Эксперимент с «чиновниками от просвещения» (А.Н. Шварц, Л.А. Кассо) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 301–311; Баринов Д.А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // Клио. 2017. № 10 (130). С. 106–117.

университета смотрит на эту меру как на вынуждение их подать в отставку, ибо удаление из университета людей, правильно исполнявших возложенные Советом на них обязанности, переносит, по их мнению, все дело на почву личного достоинства»¹⁶⁶¹. 2-го февраля отставка была принята, что было воспринято профессурой как нежелание министерства идти на диалог и инициировало их массовую отставку в знак солидарности с руководством университета.

Обратим внимание на те аспекты этого скандального случая, которые затрагивают проблему солидарности.

В совершенно секретном донесении директору департамента полиции еще от 22 января 1911 г. (то есть до московских отставок) говорилось о циркулировавших слухах про готовность руководителей ИСПБУ, а также Киевского политехнического института и Демидовского лицея, оставить свои должности в знак протеста: «В настоящее время ведется оживленная переписка между профессорами всех университетских городов, что дает основание полагать, что переписка эта касается данного острого момента, переживаемого высшими учебными заведениями»¹⁶⁶².

Когда массовая отставка в ИМУ состоялась, то естественным образом оказалось вакантно большое количество кафедр. Солидарность с ушедшими выражалась и действиях преподавательского сообщества в отношении образовавшихся вакансий. Согласно агентурным данным департамента полиции от 23 февраля 1911 г., среди левых профессоров и приват-доцентов всех университетов велась «агитация [...] бойкота московских вакантных кафедр»¹⁶⁶³.

Впрочем, абсолютизировать профессорскую солидарность тоже не стоит. Из дневниковых записей профессора А.Н. Савина следует, что часть экстраординарных профессоров, оставшихся в ИМУ, поторопились подать прошения и занять вакантные ординатуры. А.Н. Савин сообщает, что медики это сделали к 19 марта, а 23 марта четыре освободившиеся кафедры были уже заняты. Автор дневника (который, между прочим, сам не подавал в отставку)

¹⁶⁶¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 73.

¹⁶⁶² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 60 об.

¹⁶⁶³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 73.

квалифицировал эту ситуацию следующим образом: «Это печальный и грозный признак нравственного разложения в профессорской среде»¹⁶⁶⁴.

Вместе с тем, проблема освободившихся кафедр оставалась актуальной и спустя несколько месяцев. Так, из агентурной записки от 11 апреля 1911 г. можно узнать, что «на юридическом факультете сильное раздражение вызывает последнее распоряжение Министра Народного Просвещения немедленно заместить кафедру политической экономии каким-либо профессором не из состава Московского Университета. Сам факультет имел в виду на кафедру политической экономии профессора Каблукова. По циркулирующим же в профессорской среде слухам Министр Народного Просвещения намерен собственной властью назначить на вакантную кафедру профессора Казанского Университета Залесского, пользующаяся известностью самого крайнего правого. Если это назначение состоится, то это несомненно вызовет энергичный отпор, как со стороны профессуры, так и со стороны студенчества»¹⁶⁶⁵. Заметим, что

¹⁶⁶⁴ Цит. по: Шарова А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 18. С. 284.

¹⁶⁶⁵ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 93 об. – 94. Представляет интерес следующий фрагмент агентурной записки: «Отражением настроения, существующего в среде профессоров, ушедших из Московского Университета, а также тех, которые хотя и остались в Университете, но сочувствуют ушедшим, служит помещенная в № 79 “Русского Слова” передовая статья под заглавием “Интересы культуры”. Статья эта инспирирована указанными профессорами и является как бы пробным шагом в вопросе о возвращении в Университет уволенных профессоров, а также подходом к открытию примирительных переговоров между левой профессурой и Министерством народного Просвещения. Означенная статья прежде напечатания читалась в рукописи и была одобрена, проф[ессорами] Комаровским, Каблуковым, Шершневичем, Кокошкиным и многими другими. Первоначально существовало намерение пометить эту статью в “Русских Ведомостях”, но по мнению проф[ессоров] Мануилова, Анучина, Кизеветтера, это было бы тактический ошибкой; ибо помещение статьи в органе партии народной свободы было бы истолковано правительством как просьба о помиловании, как полная капитуляция перед Министерством Народного Просвещения. Поэтому и поместили статью в таком органе, где мысль о необходимости возвращения уволенных профессоров исходила как бы от общества и не могла быть приписана самим профессорам. Из указанной статьи с полной очевидностью вытекает, что в среде левой профессуры существует течение, стремящееся примириться с Министерством Народного Просвещения. Если Министерство захочет сделать шаг к такому примирению, то не только будет ликвидировано настоящее тревожное положение, но будет обеспечено содействие более уравновешенной части левой профессуры в предупреждение новых университетских беспорядков, какие в противном случае могут вновь вспыхнуть осенью с началом учебного года» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 93 – 93 об.).

профессор В.Ф. Залеский так и не будет переведен в Москву, и кафедру займет Н.А. Каблуков.

Очевидно, что главной материальной проблемой уведших из ИМУ преподавателей был вопрос поиска источников дохода и места дальнейшей службы. В этом отношении исключительно любопытны сведения, представленные в агентурной записке «Общая характеристика профессуры Московского университета в связи с последними студенческими волнениями» от 18 июля 1911 г.: «Усилия левой профессуры завоевать сочувствие широких кругов общества, сплотить и организовать всех уволенных преподавателей Университета вылились, в конце концов, в идею создания “вольной академии” [...] в целях борьбы с так называемой “казенной наукой”. [...] 5 марта текущего года в квартире одного из уволенных прив[ат]-доцентов (у кого точно не выяснено) состоялось частное собрание левых профессоров и доцентов. Всего было около 40 человек. Центром собрания служили профессора Чаплыгин, Минаков, Шершеневич, прив[ат]-доц[енты] Кокошкин и Гернет. По вполне определенным сведениям, Шершеневич, Кокошкин и Гернет в многочисленных речах подчеркивали тот факт, что, судя по многим данным, проект академии пользуется успехом в обществе, материальная поддержка обеспечена, почему необходимо придать этой академии не только узко научный, но даже и общественный характер. По мнению докладчиков, общественное значение академии должно играть первенствующую роль.

Главным препятствием к тому, чтобы массовый уход из Университета и полный бойкот свободных кафедр осуществились служит материальная необеспеченность огромного количества профессоров и доцентов. Поэтому, если вольная академия будет существовать и если она сможет дать работу уволенным профессорам, то многие, даже и не ушедшие из Университета профессора предпочтут работать в академии, почему множество кафедр могут остаться незамещенными. Кроме того, если левая профессура под флагом академии будет организована и сплочена, то она сумеет влиять на желающих занять кафедры в Университете и путем бойкота их, достигнуть того, что большинство кафедр

останутся вакантными. Таким образом, академия будет постоянным препятствием Министерству Народного Просвещения в деле замещения кафедр и восстановления правильного хода занятий в Университете»¹⁶⁶⁶. Идея «вольной академии» как альтернативы государственным учебным и научным учреждениям – показательный пример профессорской самоорганизации, о которой уже шла речь в предыдущем разделе.

Несомненный научный интерес представляет взгляд на «дело Кассо» со стороны оставшихся в ИМУ профессоров. Возможность получить представление об этом дает дневник умеренно правого по своим взглядам профессора М.М. Богословского. То, что М.М. Богословский не последовал примеру ушедших, он объяснял следующим образом (дневниковая запись от 12 марта 1917 г.): «В 1911 я остался в Университете, потому что считал уход совершенно неправильным и прямо не мог уйти, я поступил бы, если бы ушел, против совести. Раз я остался, я совершенно правильно поступил, заняв пустую, за уходом Кизеветтера, кафедру, и очень хорошо сделал. Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В.О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться»¹⁶⁶⁷.

Любопытно высказывание М.М. Богословского о М.Н. Шатерникове, который ему «стал неприятным с истории 1911 г., когда “выходили” из Университета профессора и приват-доценты». «Я – продолжал М.М. Богословский – с одинаковым уважением отношусь и к ушедшим, и к оставшимся. Раз решали уйти, то и надо было или уйти, или оставаться. Оказалось, однако, несколько экземпляров, которые сумели в одно и то же время и уйти, и остаться, получив овации с ушедшими и сохранив выгоды с оставшимися. Шатерников ушел как приват-доцент, и был восхвален газетами и

¹⁶⁶⁶ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 101 об. – 102 об.

¹⁶⁶⁷ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 165.

почтен адресами, – и остался как ассистент, получив возможность доканчивать свои работы в лаборатории. С тех пор он стал мне противен»¹⁶⁶⁸.

На страницах дневника М.М. Богословского можно проследить дальнейшее развитие событий, связанных с «делом Кассо».

26 мая 1916 г. М.М. Богословский оставил запись о том, что ректор ИМУ М.К. Любавский был у министра П.Н. Игнатьева, который сообщил ему, что депутат М.М. Новиков «не раз являлся к нему с просьбой вернуть в Университет Мануйлова и Минакова. Игнатьев отвечал, что он не препятствует избранию их Университетом, но назначить их сверхштатными профессорами не считает возможным без ходатайства со стороны Университета. Тогда Новиков изобрел такую уловку: ходатайство уже было, это ходатайство, сделанное Советом тогда же в 1911 г. тотчас же по удалении. Закон не указывает сроков для удовлетворения ходатайств, и поэтому министр мог бы удовлетворить его теперь. М.К. [Любавский] указал на всю неприемлемость такого положения, т.к. состав Совета теперь совсем не тот, в каком ходатайство возбуждалось. Возвращение поднимет, несомненно, раздоры в Университете»¹⁶⁶⁹.

Для разбираемого вопроса очень важна, зафиксированная в дневнике М.М. Богословского реакция ушедших профессоров на возможное возвращение «в одностороннем порядке» одного из них. Речь идет о том, что в самом начале 1917 г. появилась информации о готовности А.Э. Вормса, оставившего университет в 1911 г. в статусе приват-доцента, занять кафедру в ИМУ.

22 января 1917 г. М.М. Богословский записал: «То, отсутствию чего я вчера удивлялся, началось. Началась травля А.Э. Вормса за возвращение его в Университет. Кампанию открыли “Русские ведомости”, где сегодня появилась статья Кизеветтера. Тут слова о том, как Вормс, “посыпав главу пеплом”, возвращается в “казенный университет”, что уход предпринимался сообща, что, следовательно, и возвращение должно быть не индивидуально, что Вормс должен

¹⁶⁶⁸ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 54.

¹⁶⁶⁹ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 100.

был объяснить товарищам мотивы своего возвращения. Ушедшие ушли потому, что не могли, оставаясь, сохранять человеческое достоинство и т. д. Интересно, кто это выбрал Кизеветтера в цензоры нравов? Вот он кадетский деспотизм: не смеешь ничего предпринять индивидуально без благословения кадетского коллектива. Вот она, партия народной *свободы!* И какой вздор что “исход” предпринимался коллективно. Как можно серьезному историку так нагло лгать в газете. Уходили в 1911 г. именно индивидуально, каждый решал этот вопрос для себя. Кроме всего прочего, оказывается, что ушедшим принадлежит “монополия” человеческого достоинства»¹⁶⁷⁰. 9 февраля 1917 г.: «Травля Вормса продолжается. Сегодня в “Русских ведомостях” выступил старичина Н.В. Давыдов со статьей “Профессор Вормс перед судом товарищей”. Он забыл, по-моему, вставить здесь одно прилагательное – перед “самозванным судом”. Кто дал право созывать такой суд? Кто снабдил этот трибунал полномочиями? Из статьи видно, что у Давыдова, действительно, 9 февраля собирались бывшие профессора и приват-доценты и судили поступок Вормса. Оказывается также, что часть собравшихся признала, что выход в 1911 г. был протестом против режима Кассо, но что так как этот режим теперь кончился, то нет причин не возвращаться в Университет тем, кто имеет возможность»¹⁶⁷¹.

Между тем, сам А.Э. Вормс опроверг факт готовившегося возвращения в университет, объяснив слухи по этому поводу неверно понятым разговором на эту тему. В действительности А.Э. Вормс вернется в университет только осенью 1917 г. Однако сама реакция на предполагавшийся шаг А.Э. Вормса весьма показательна: его несостоявшиеся действия были восприняты значительной частью товарищей как предательство и нарушение принципов солидарности.

Ситуация коренным образом изменилась после Февральской революции, начиная с того, что бывший ректор ИМУ А.А. Мануйлов, с чьей отставки и

¹⁶⁷⁰ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 150.

¹⁶⁷¹ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 154.

началось «дело Кассо», стал ненадолго новым министром народного просвещения временного правительства.

Уже в первой декаде марта встал вопрос о возвращении в Московский университет лиц, покинувших его в 1911 г. События весны 1917 г. также подробно описаны М.М. Богословским. 11 марта 1917 г.: «[на Совете был поставлен вопрос] о “моральном очищении Университета”, т.е. об изгнании из Университета лиц аморальных (тут подразумеваются профессора Венгловский и Статкевич, которые уже сами подали в отставку¹⁶⁷²). На собрании младших преподавателей назывались разные другие имена, уже не аморальные, но неугодные. Чтобы положить этому предел, у проф[ессора] Андреева собиралось совещание и написало бумагу с предложением ходатайствовать перед министром о назначении всесторонней ревизии Университета с 1911 г. Грушка произнес речь, довольно бестактную, о требованиях младших преподавателей и о проскрипционных списках, которые придется составить. Это произвело давящее впечатление. Предложение о ревизии было принято единогласно»¹⁶⁷³. На следующий день было принято министерское постановление, рекомендовавшее уволить из университетов всех профессоров, назначенных после 1905 г. без прохождения процедуры выборов. В первую очередь это затронуло именно Москву из-за казуса 1911 г. Перед необходимостью пройти через увольнение и дальнейшую процедуру избрания оказался и М.М. Богословский¹⁶⁷⁴. 16 марта он записал: «Вчера вечером, как я узнал из газет, собирались профессора и приват-доценты, ушедшие в 1911 г., и постановили предъявить Совету Университета условия, на которых они возвратятся: профессора сразу же без выборов занимают те кафедры, на которых они сидели, и Совет уже в таком обновленном составе подвергает баллотировке уволенных профессоров. Совет наш, конечно, пойдет на такие уступки, испытав новое унижение. [...] В “Русском слове” даже добавлена подробность: Новгородцев и Кизеветтер, как в свое время избранные, но не

¹⁶⁷² В университете распространялись сведения, что профессора медицинского факультета доктора медицины П.Г. Статкевич и Р.И. Венгловский сотрудничали с полицией.

¹⁶⁷³ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 165.

¹⁶⁷⁴ См. подробнее об этом во 2-м разделе 3-й главы.

получившие утверждения, входят непосредственно без выборов “как единственно законные кандидаты на соответствующие кафедры”. Все беды сыплются на меня»¹⁶⁷⁵.

Начался томительный и в некоторой степени унижительный для М.М. Богословского период ожидания выборов. 14 апреля он пишет: «Зайдя в канцелярию нашего факультета, встретил В.М. Хвостова, с виду весьма довольного. Он обратился ко мне со словами: “Мой белый шар для вас”. Я его поблагодарил и сказал, что переживаю тяжелое время. В ответ на это он еще несколько раз повторил о белом шаре и добавил: “Я и Александру Аполлоновичу (Мануйлову) об этом говорил, и он сказал, что положил бы вам белый шар”. Вошедший при этом Поржезинский также уверял меня, что мне беспокоиться нечего. Ну, поживем, увидим»¹⁶⁷⁶.

19 апреля 1917 г.: «М.К. Любавский рассказал нам с Д.Н. [Егоровым] подробно о ходе заседания. Оно открылось речью Грушки, приветствовавшего новых членов факультета Кизеветтера и Петрушевского. [...] Новые члены отвечали. Кизеветтер в ответе упомянул о необходимости восстановить в правах и меня; это благородно, но иного отношения я со стороны А.А. [Кизеветтера] не мог и представить»¹⁶⁷⁷. История с выборами окончилась для М.М. Богословского благополучно: в конце апреля 1917 г. он был избран на профессорскую должность.

Гонорар

Завершая разбор элементов корпоративной этики, обратимся еще раз к феномену гонорара, поскольку, дискуссия, развернувшаяся в университетских кругах вокруг этой темы, дает интересный материал о представлениях профессоров относительно норм поведения в преподавательском коллективе¹⁶⁷⁸.

¹⁶⁷⁵ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 168.

¹⁶⁷⁶ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 174.

¹⁶⁷⁷ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 175.

¹⁶⁷⁸ См.: Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2018.

Относительно того, какое влияние гонорар оказывал на взаимоотношения внутри преподавательского коллектива, многие современники имели схожее представление. Они полагали, что новая система стала фактором, способным серьезно расстроить отношения между коллегами.

Авторы доклада физико-математического факультета ИКУ (1897 г.) отмечали: «При проектируемой системе распределения гонорара преподаватель, вынужденный по каким-либо причинам увеличить число читаемых им лекций, не смотря на всю необходимость этого увеличения, естественно будет воздерживаться настаивать на этом, чтобы не чувствовать себя в неловком положении»¹⁶⁷⁹. Профессор медицинского факультета ИКУ А.Я. Щербаков продолжал: «Положим, кто-либо обращается с просьбой о прибавке часов, то в этом случае товарищам по факультету трудно отрешиться от той мысли, что обращающееся с такою просьбою лицо имеет между прочим в виду увеличения для себя гонорарного вознаграждения. Одна эта мысль нередко в состоянии заставить неправильно отнестись к педагогическим нуждам товарища. И единственно в виду этого многие молчат о своих нуждах или просят о прибавке часов неоплачиваемых гонораром. Таких часов на нашем факультете весьма много. Еще щекотливее вопрос об уменьшении часов преподавания, если он возбуждается не самим преподавателем данного предмета, чего никогда не случалось, а другим членом факультета. Чего доброго, это сочтется как бы посягательством на карман своего товарища»¹⁶⁸⁰.

Харьковские профессора отмечали, что преподаватель «в исключительно редких случаях мог открыть курс, параллельный читаемому другим профессором-специалистом. Такой курс имел бы всегда характер посягательства на гонорар своего коллеги по факультету, а это обстоятельство могло бы иметь неприятные последствия личного характера и потому совершенно неудивительно, что конкуренции между профессорами система гонорара не возбудила»¹⁶⁸¹.

№ 62. С. 144–163.

¹⁶⁷⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 18 об.

¹⁶⁸⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 22 – 22 об.

¹⁶⁸¹ Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета,

Гонорарная система – заключала комиссия ИХУ – «развивает не конкуренцию, а зависть между университетскими преподавателями, заставляет их иной раз искать дешевой популярности между студентами, имеет своим последствием понижение экзаменационных требований»¹⁶⁸². Аналогичная мысль звучала и в докладе профессора ИХУ А.Н. Деревницкого в ходе работы Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.): «в среду профессоров гонорар внес чувства розни, взаимного отчуждения, зависти, недоброжелательности, а иногда и враждебности»¹⁶⁸³.

Противоположного мнения относительно гонорара придерживался профессор юридического факультета ИКУ Я.С. Степанов. Он был убежден в том, что гонорар не может привести профессоров к предосудительным способам конкуренции¹⁶⁸⁴.

С выше приведенными словами об определенных неудобствах морального свойства, которые испытывали преподаватели, вынужденные ходатайствовать об увеличении учебной нагрузки (из-за особенностей гонорарной системы), перекликается фраза профессора ИВУ В.Н. Ульянина о практике принятия решений об отправлении преподавателей в командировку (1888 г.): «всякая попытка обсуждения представленных ходатайствующим мотивов [...] превращается в личное против ходатайствующего действие; понятно, что на факультетах и не может привиться желательное обсуждение представленных мотивов командировки. Поступившие в факультеты ходатайства обыкновенно заслушиваются и все утверждаются без обсуждений или же, как вошло в обычай на физико-математическом факультете, без предварительных обсуждений

для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. С. 17.

¹⁶⁸² Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета, для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. С. 21.

¹⁶⁸³ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. С. 295.

¹⁶⁸⁴ Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов, 1893. С. 156.

баллотируются закрытой подачей голосов»¹⁶⁸⁵. Как видим, профессорской корпорации была свойственна определенная деликатность, которая, впрочем, могла служить и дурную службу для интересов университета в целом.

Наличие схожих представлений о корпоративной и научной этике, описанных и неписанных нормах несения службы в университете, облегчало вливание профессора в состав новой преподавательской коллегии при смене университета. И.М. Сеченов, занявший в 1891 г. кафедру физиологии в ИМУ, а прежде много лет служивший в ИСПБУ, отмечал в воспоминаниях: «за все десять лет ни разу не почувствовал себя пришельцем в чужое гнездо»¹⁶⁸⁶.

Привязанность к университету

Наконец, последнее (не по значению), на что необходимо обратить внимание, реконструируя систему мироощущения профессуры, это типичное для неё чувство привязанности к университету, вплоть до самоидентификации себя с ним. Весьма эмоционально и точно по этому поводу высказался профессор ИМУ И.А. Линниченко: «Едва ли существует где-либо учреждение, привязывающее к себе такими неразрывными узами, как университет. В университете, в его лабораториях, кабинетах, библиотеке, проходит вся жизнь профессора, вся его творческая деятельность. В заведываемые им учреждения он вносит свое творческое я, порою всецело их создает, они ему близки как родные дети, которых он лелеял и воспитывал десятки лет. Для профессора, любящего свой предмет, создавшего или реформировавшего свой кабинет, лабораторию, нет большего удара, как необходимость расстаться с теми местами, в которых жило и развивалось его научное творчество»¹⁶⁸⁷.

Анализ ценностных ориентиров университетской профессуры приводит к выводу о том, что, несмотря на очевидные индивидуальные различия представителей университетской общественности, имелся определенный «набор»

¹⁶⁸⁵ APW. Z. 214. S. 398. k. 476.

¹⁶⁸⁶ Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М., 1945. С. 166.

¹⁶⁸⁷ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 20. Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг, 1916. С. 31.

корпоративных мировоззренческих черт, сосредоточенных вокруг понятий чести, долга, профессиональной миссии и пр.

Очевидно, что приведенные слова, поизносившиеся, как правило, «на публику» или в расчете на читателя, рисуют образ профессора как носителя идеальных черт. Однако делаясь представлениями о добродетелях, о положительных нравственных свойствах, профессура формировала собственный образ, задавала высокую планку для лиц, желавших пополнить профессорский круг.

7.2. Специфика взаимоотношений внутри профессорско-преподавательских коллективов. Между товариществом и враждой

Реконструкция межличностных отношений внутри университетских преподавательских коллективов важна для нашего исследования, с одной стороны, как способ лучше понять то, как складывались и развивались горизонтальные связи между членами корпорации (в том числе – неформальные), а, с другой, для того, чтобы через анализ конфликтных ситуаций выявить болевые точки в отношениях членов сообщества, причины межличностных разладов.

Корпоративная этика, о которой велась речь в предыдущем разделе, предписывала поддержание ровных, деловых отношений между членами преподавательского сообщества. Анализ разнообразных источников, включая протоколы заседаний советов, переписку, дневники и пр., убеждает нас в том, что, как правило, эта норма соблюдалась, несмотря на известный феномен расколов внутри университетских корпораций.

Вместе с тем, отчетливо прослеживается и то, что спектр моделей отношений между преподавателями был широким – от тесной дружбы до продолжительной вражды, что естественно для больших сложных постоянных коллективов.

Товарищество

Многолетние теплые служебные отношения связывали многих университетских профессоров. Дружеские связи между профессорами часто выходили за рамки университетских стен, что наиболее наглядно выражалось в организации совместного досуга. Для характеристики этого явления обратимся к источникам личного происхождения.

Круг общения университетских преподавателей довольно часто предопределялся их занятием и включал в себя преимущественно представителей интеллектуальной среды. По оценке Д.А. Цыганкова, публикатора дневника московского профессора историка М.С. Корелина, последний поддерживал тесные товарищеские контакты именно с коллегами по историко-филологическому факультету и – шире – по университету: с Н.П. Боголеповым, П.Г. Виноградовым, Р.Ю. Виппером, В.И. Герье, Н.Я. Гротом, В.О. Ключевским, Ф.Е. Коршем, Л.М. Лопатыным, М.К. Любавским; С.А. Муромцевым, Н.И. Стороженко, А.Н. Шварцем. Кроме того, благодаря супруге Надежде, которая была выпускницей Лубянских курсов по естественно-математическому отделению, М.С. Корелин поддерживал дружеские связи с профессорами физико-математического факультета В.В. Марковниковым, А.П. Павловым, А.Г. Столетовым¹⁶⁸⁸.

Отталкиваясь от доступных сведений, можно сказать, что совместный досуг представителей университетской среды чаще всего организовывался либо в форме проведения обедов или ужинов в одном из городских ресторанов, либо в форме приемов в домах самих профессоров. В любом случае, это в известной степени напоминало закрытый клуб, вход в который предоставлялся по именным приглашениям от лица постоянных членов.

В конце XIX в. в Санкт-Петербурге профессор ИСПБУ А.А. Иностранцев выступил инициатором проведения «ужинов», объединявших профессоров университета и Военно-медицинской академии. «Когда меня выбрала в свой

¹⁶⁸⁸ Цыганков Д.А. Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 125.

состав Военно-медицинская академия – вспоминал А.А. Иностранцев – я задумал объединить всю профессуру Петрограда где-нибудь на нейтральной почве. Думал сперва перезнакомить университетских профессоров прежде с медициной, а затем привлечь сюда и профессоров других высших учебных заведений. Такую нейтральную почву я выбрал на Васильевском острове; против Николаевского моста в то время был французский очень приличный ресторан»¹⁶⁸⁹. Постоянными посетителями «ужинов» были бывший ректор И.Е. Андреевский, профессора С.Э. Янсон, Ф.В. Овсянников, сам А.А. Иностранцев.

Такие встречи имели тенденцию к частой смене форм и состава. «При дальнейшем развитии этого предприятия мало-помалу изменился и самый характер обедов, так как на них принимали и не профессоров, а просто практикующих врачей и эти обеды превратились в товарищеские докторские обеды, среди обедающих остался я один не медик. Когда закрылся и докторский клуб, то эти обеды перенесли в ресторан Кюбо, где они и просуществовали до начала последней войны и где распорядителем был проф[ессор] Н.В. Сиротинин»¹⁶⁹⁰.

В Москве подобный кружок организовал В.И. Танаев¹⁶⁹¹. Вот, как об этом писал впоследствии его сын, П.В. Танеев, учившийся в 1890-х гг. в ИМУ: «Владимир Иванович, мой отец, организовал в Москве кружок профессоров, литераторов и актеров. Этот кружок собирался один раз в месяц в ресторане “Эрмитаж” на обедах, которые назывались “академическими”. [...] В кружок, собираемый В<ладимиром> И<вановичем>, входили: Климент Аркадьевич Тимирязев, Александр Григорьевич Столетов, Максим Максимович Ковалевский, Иван Иванович Иванюков, Владимир Васильевич Марковников, Владимир Федорович Лугинин, Александр Иванович Чупров, Сергей Андреевич Муромцев, Иван Алексеевич Каблуков, Дмитрий Моисеевич Петрушевский, Александр Сергеевич Бутурлин, Петр Николаевич Лебедев, Булдин, Корсаков и

¹⁶⁸⁹ Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 195.

¹⁶⁹⁰ Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 196.

¹⁶⁹¹ Сам В.И. Танаев (1840–1921 гг.) не принадлежал университетским кругам, был известным общественным деятелем, адвокатом.

другие; из артистов – Александр Иванович Сумбатов-Южин, Богумил Богумилович Корсов, из писателей изредка бывал Иван Сергеевич Тургенев, Петр Дмитриевич Боборыкин и некоторые профессора, литераторы и деятели искусства»¹⁶⁹². Встречаются сведения о профессорских встречах в московских ресторанах «Прага» и «Славянский базар».

Что касается приемов в профессорских домах, то они также были распространенным явлением и в Санкт-Петербурге, и в Москве, и в других университетских городах. Выше уже упоминалось, что при вступлении в преподавательскую корпорацию профессорам полагалось делать визиты своим новым коллегам, а тем – «отдавать» визиты. Визиты организовывались не только для первого знакомства, но и в дальнейшем – по торжественным случаям, важным поводам, или в форме т.н. «журфиксов»¹⁶⁹³. Таким образом налаживались неформальные товарищеские связи.

А.А. Иностранцев вспоминал об этом так: «Изредка, в зимний сезон в назначенные дни, я должен был посещать званые вечеринки у некоторых хороших знакомых. Бывал я на вечеринках у Д.И. Менделеева и М.И. Драгомирова, а позднее – у его заместителя по Академии, у Г.А. Леера, у А.Д. Градовского и некоторых других. [...] У Д.И. Менделеева собирались почти исключительно художники, среди которых были И.И. Шишкин, Крамской, Ярошенко, Репин, Мясоедов, барон Клодт и другие. Из наших профессоров почти постоянным посетителем был Ф.Ф. Петрушевский и реже я, а еще реже А.Н. Бекетов. [...] Несколько оживлялась беседа позднее, когда подавали дешевое русское крепкое вино и бутерброды. У М.И. Драгомирова и Г.А. Леера я перезнакомился с большим количеством выдающихся русских военных разных сортов оружия. А.Д. Градовский жил недолго и крайне рано сошел в могилу для глубокой горести нашей Родины. У него собирались различные представители

¹⁶⁹² Танеев П.В. Воспоминания о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989. С. 519–520.

¹⁶⁹³ Журффикс (фр. Jour fixe – фиксированный день) – определённый день недели/месяца в каком-либо доме, предназначенный для регулярного приёма гостей; на журфикс гости, как правило, приезжали без предварительного приглашения.

газет и некоторые литераторы, и беседы иногда затягивались до поздней ночи»¹⁶⁹⁴.

«Посещая своих знакомых – далее пишет А.А. Иностранцев – я считал своею обязанностью ответить, по мере сил и возможности, приглашением и к себе. Для этого в зимний сезон мы назначили некоторые вечера по пятницам и устраивали прием. [...] После вышеуказанных посещений, которые я называл “оживляющими”, я с новой энергией и надолго как бы под впечатлением укоров совести уходил в свои занятия в геологическом кабинете. Этот кабинет я мысленно называл “моею раковиной” и, как улитка, в ней закрывался от внешней жизни. Эта моя раковина, помимо моего природного оптимизма, до некоторой степени оберегала меня от всяких внешних неприятностей»¹⁶⁹⁵.

Встречаются указания и на «визиты соболезнования» по поводу увольнения одного из профессоров¹⁶⁹⁶, на прощальные визиты в связи со сменой места службы¹⁶⁹⁷.

Заметим, что в источниках нашли отражение и редкие случаи отступления от элементов этой нормы. Например, В.В. Вересаев, учившийся на рубеже 1880-х–1890-х гг. на медицинском факультете ИДУ, оставил такое воспоминание о обстоятельствах, связанных и женитьбой профессора анатомии Августа Раубера на своей прислуге: «Женитьба эта произвела в дерптском обществе скандал, Раубер с женою сделал визиты коллегам-профессорам: никто визита не отдал. Раубер стал жить одиночкой»¹⁶⁹⁸.

¹⁶⁹⁴ Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 196.

¹⁶⁹⁵ Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 199.

¹⁶⁹⁶ Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «Досуговый дискурс» историка // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. Гуманитарные науки. С. 171.

¹⁶⁹⁷ Корелин М.С. Дневник // Тетра Егора: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 392.

¹⁶⁹⁸ Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания [Электронный ресурс] // brusl.ru: Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения: 03.01.2016).

Вражда

Оборотной стороной рассматриваемого явления были неприязненные отношения между отдельными представителями университетских преподавательских коллективов и сопровождавшие их конфликты.

Для лучшего понимания сущности конфликтных ситуаций предложим несколько типологизаций.

С точки зрения профессиональной деятельности преподавательские конфликты можно разделить на университетские и вне университетские. А первые, в свою очередь, – на происходившие на а) учебной, б) научной, в) организационной почве.

Конфликты на учебной почве

Показательно, что наиболее «конфликтным» – и не только во взаимоотношениях между профессором и студентом, но и между самими экзаменаторами – был момент контроля знаний. Приведем несколько примеров.

В 1893 г. в ИТУ разгорелся конфликт между экзаменаторами во время испытания на степень доктора медицины лаборанта И.И. Дочевского. Согласно протоколу, в ходе испытаний экзаменуемый затруднился с ответом на вопрос о «*morbus Winckelii*» – болезни Винкеля, впервые описанной в 1879 г. По этому поводу между профессорам-экзаменаторами разгорелась дискуссия. А.П. Коркунов потребовал внесения в протокол заседания фразы: «Проф[ессор] Коркунов, желая гарантировать себя на будущее время от оскорблений в заседаниях Совета, просил занести в протокол замечание проф[ессора] Бартенева, что он (Коркунов) не знает болезни Винкеля». На это Л.Л. Бартнев возразил запиской: «Покорнейше прошу внести необходимую поправку к письменному заявлению проф[ессора] Коркунова – о словах, сказанных мною. Я сказал следующим образом: «Проф[ессор] Коркунов спрашивал у одного из товарищей, что такое *morbus Winckelii*?». Помимо этого, в протоколе зафиксирована реплика профессора М.Г. Курлова «Вы сами не знаете о *morbus Winckelii*», обращенная Л.Л. Бартневу¹⁶⁹⁹. По поводу этих слов возражал, в свою очередь, М.Г. Курлов,

¹⁶⁹⁹ Известия Томского университета. Кн. 6, 1894, отд. 1 [пагин. 2-я]. С. 253–255.

утверждавший, что смысл его слов был иным: «мои слова – Вы сами не знаете M[orbus] Winckelii», приведенные проф[ессором] Бартеневым, переданы неправильно; так как я говорил, что «этиология, патогенез и пр. этой болезни вполне еще не выяснены и потому, в том числе и проф[ессору] Бартеневу, неизвестны»¹⁷⁰⁰.

Конфликт несколько иного свойства произошел в ИВУ в мае 1903 г. между профессорами Д.М. Петрушевским и Г.Ф. Симоненко. Последний был назначен ассистентом на экзамен по всеобщей истории, который принимал Д.М. Петрушевский у студентов юридического факультета. Два профессора категорически разошлись во мнении о том, какой должна быть роль ассистента – члена экзаменационной комиссии – во время производства экзамена. Конфликт между профессорами возник тогда, когда Г.Ф. Симоненко стал задавать вопросы экзаменовавшимся студентам. Д.М. Петрушевский же полагал, что его коллега как ассистент экзаменатора может задавать вопросы только после вопросов самого Д.М. Петрушевского и с его позволения. Уязвленный такой позицией Г.Ф. Симоненко удалился с экзамена¹⁷⁰¹.

Чем-то схожий случай произошел в 1909 г. в ИНУ, в заседании физико-математического факультета 16 марта, когда должны были состояться испытания на степень магистра. Участник разразившегося скандала, профессор Ф.М. Каменский так описывал ситуацию в своем отношении ректору С.В. Левашову: «В начале заседания возбужден был вопрос с [какого из экзаменов – М.Г.] начинать, а так как проф[ессор] физики Кастерин и проф[ессор] агрономии Набоких отсутствовали, то предложено было начать с испытаний по ботанике. Проф[ессор] Меликов заявил, что в отсутствии проф[ессора] Набоких нельзя производить экзамены по ботанике. В ответ на это я возразил, что единственным специалистом и представителем кафедры ботаники на факультете являюсь я, а не проф[ессор] Набоких, а потому заявление проф[ессора] Меликова следует считать недействительным. Тогда проф[ессор] Меликов произнес

¹⁷⁰⁰ Известия Томского университета. Кн. 6, 1894, отд. 1, [пагин. 2-я]. С. 262.

¹⁷⁰¹ APW. Z. 214. S. 483. k. 163–172.

громким голосом, что он считает экзамен по ботанике в отсутствии проф[ессора] Набоких недействительным и если этот экзамен будет производиться, то он уйдет из факультета Так как подобного рода заявления я считал для себя обидным, то я заметил, что это заявление проф[ессора] Меликова я не могу считать иначе, как только личной придиркой ко мне. После моих слов поднялся шум и проф[ессор] Меликов со злобой и криком произнес слова: «Что это он здесь хозяином, что он так распоряжается» и обратился к г[осподину] декану с требованием сделать мне замечание. Так как это отношение ко мне и слова проф[ессора] Меликова я нашел для себя прямо оскорбительными, то я просил г[осподи]на декана обратить на это внимание проф[ессора] Меликова, в противном случае я вынужден буду уйти из заседания. Но, так как г[осподи]н декан вместо [того, чтобы] обратиться к проф[ессору] Меликову начал делать мне совершенно несправедливые и неосновательные замечания, то я вынужден был оставить заседание факультета и удалиться в Ботанический кабинет. Вслед за тем экзаменуемые кандидаты обратились ко мне с просьбой вернуться в кабинет и проэкзаменовать их, так как они затратили много времени и энергии на приготовление к сегодняшнему испытанию. Входя в положение этих кандидатов, я вернулся в заседание факультета и заявил, что помимо нанесенного мне оскорбления, я вернулся в факультет только имея в виду интересы экзаменуемых кандидатов и что об этом прошу занести в протокол, но, так как моя просьба не была уважена и мои слова не были занесены в протокол, то я вынужден о всем произошедшем и вышеизложенном доложить Вашему Превосходительству»¹⁷⁰².

Конфликты на научной почве

На научной почве конфликтные ситуации случались вследствие несправедливой – по мнению одной из сторон – оценки научных достижений оппонента или вследствие публично высказывавшейся нелицеприятной критики.

Например, профессор ИСПБУ А.А. Иностранцев счел необходимым оставить в воспоминаниях такой пассаж: «Долгое время г[осподин] А. от всяких

¹⁷⁰² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 495. Л. 3 – 3 об.

выступлений публично или печатно против меня воздерживался, но в недавно вышедшей статье его, где он говорит [...] о плохой подготовке у нас геологов, в одном месте счел долгом бросить камень и в меня. Так, говоря о существующих на русском языке учебниках по геологии, он сказал: “У нас нет даже порядочного учебника по исторической геологии”. Между тем мой второй том “Геологии” весь посвящен исторической геологии, и в это время он уже весь был распродан в 4-м издании. Из слов г[осподина] А., и мой курс принадлежит к разряду “непорядочных”. А. был профессором двух университетов, и его обязанность была предупреждать студентов о непорядочных учебниках. Может быть, на словах он это и делал? Но, имея определенное мнение, важное и для студентов других университетов, он обязан был выступить печатно с критикой моего учебника, а этого не было. Обвинение моего курса чисто голословное и не дает мне права дать на это какой-либо ответ. Весьма интересно то, что при составлении первого еще издания II тома, я привлекал и г[осподина] А. к работе о неогеновых образованиях России, которыми он почти исключительно и занимался. Спрашиваю теперь, где “непорядочность”: в моем ли курсе или в том профессоре, который не рискнул выступить печатно с критикой непорядочного учебника? Это была его священная обязанность, которую я, в свое время, по такому же поводу и исполнил»¹⁷⁰³.

В ИМУ в 1892 г. сложилась конфликтная ситуация на медицинском факультете между профессором В.Ф. Снегиревым приват-доцентом А.Н. Соловьевым.

В декабре 1891 г. экстраординарный профессор В.Ф. Снегирев представил в заседании Акушерско-гинекологического общества доклад о случае удачного восстановления женских наружных половых органов путем пластической операции, произведенной им в гинекологической клинике.

В следующем заседании Акушерско-гинекологического общества в январе 1892 г. приват-доцент А.Н. Соловьев прочел свою статью «О хирургических увлечениях в гинекологии» с жесткой критикой операции профессора

¹⁷⁰³ Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. С. 133–134.

В.Ф. Снегирева, вследствие чего между оппонентами возник «спор по специальным вопросам». Решение членов Общества было постановлено окончательное суждение по поводу возникшего спора сформулировать в следующем, февральском, заседании. Однако, не дожидаясь февральского заседания, приват-доцент А.Н. Соловьев опубликовал свою статью в журнале «Медицинское обозрение»¹⁷⁰⁴.

Заседание Акушерско-гинекологического общества, которое состоялось в феврале и в котором выступал профессор В.Ф. Снегирев, «отличалось особенную возбужденностью, как со стороны самих членов Общества, так и со стороны многочисленной публики»¹⁷⁰⁵. Вслед за этим профессор В.Ф. Снегирев опубликовал в газете «Медицина» открытое письмо с подробным изложением как самой операции, так и её обсуждения в Акушерско-гинекологическом обществе¹⁷⁰⁶, а также выпустил аналогичный текст отдельной брошюрой¹⁷⁰⁷.

В течение шести лет – с 1901 по 1906 гг. – длился конфликт между ординарным профессором ИСПБУ А.И. Введенским и его учеником приват-доцентом А.П. Нечаевым. Представленная А.П. Нечаевым диссертация по экспериментальной педагогике шла вразрез с научными представлениями его учителя и тот, вероятно, приложил усилия по воспрепятствованию её защиты в совете ИСПБУ. После того, как совет факультета на основании отрицательных отзывов отказал А.П. Нечаеву в приеме его диссертации к защите началась затяжная публичная – в том числе в научных журналах – полемика между А.П. Нечаевым и А.И. Введенским, порой выходившая за рамки научного спора. Необычности этому конфликту добавляет то, что он смог разрешиться только в результате обращения сторон к третейскому суду других авторитетных профессоров¹⁷⁰⁸.

¹⁷⁰⁴ Соловьев А.Н. О хирургических увлечениях в гинекологии // Медицинское обозрение. 1892. 10 февраля.

¹⁷⁰⁵ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4384. Л. 4 – 5 об.

¹⁷⁰⁶ Снегирев В.Ф. Новый способ образования искусственного влагалища: Ответ на ст. А.Н. Соловьева «О хирургических увлечениях в гинекологии» // Медицина. 1892. № 10.

¹⁷⁰⁷ Снегирев В.Ф. Новый способ образования искусственного влагалища: Ответ на ст. А.Н. Соловьева «О хирургических увлечениях в гинекологии». СПб, 1892. 20 с.

¹⁷⁰⁸ Ермичев А.А. О том, как поссорились два ученых мужа. Очерк истории нравов

Конфликты на организационной почве

По нашим наблюдениям, чаще всего в преподавательской среде конфликты возникали по вопросам, которые обобщенно можно назвать организационными, то есть связанными с обеспечением основной деятельности и решением текущих вопросов университетской жизни (кадровых, финансовых и пр.).

О столкновениях на почве решения кадровых вопросов уже велась речь во 3-й и 6-й главах. Не будем здесь обращаться к этому сюжету вновь.

Столкновения между профессорами могли происходить из-за расхождений в оценке их учеников-студентов – при решении вопросов о назначении стипендий, оставлении для подготовки к профессорскому званию и пр. Один из таких случаев зафиксирован в дневнике профессора ИМУ М.М. Богословского. 28 мая 1916 г. на заседании совета историко-филологического факультета рассматривался вопрос о назначении стипендии студенту профессора М.М. Покровского А. Раппепорту. «Самого М.М. [Покровского] не было в заседании [...]. Прочитан был его довольно обширный доклад, а затем выступили с возражениями против Раппепорта Соболевский и Грушка, указавшие, что работы его ничем особенным не отличались и считать его выдающимся студентом нет оснований. [...] Дело стало принимать дурной оборот. Попытка Поржезинского защищать Раппепорта была очень слабой, он его мало знает. Можно было думать, что решение будет отрицательное. Однако принято было среднее решение: ввиду отсутствия Покровского – отложить дело до осени. Только что отрицательное отношение стало обозначаться, как произошел весьма странный и глупый эпизод: Поржезинский вынул из бокового кармана сюртука бумагу, подал ее декану. Это оказалось коротенькое, но энергичное заявление М.М. Покровского, что в случае отклонения его ходатайства большинством факультета он просит все дело переслать в министерство. Это всех крайне удивило. Покровский обнаружил полное незнакомство с элементами хода дел в Университете. М.К. Любавский объяснил, что если он недоволен решением

факультета, то может жаловаться в министерство, которое само тогда вытребует дело. Факультет же по собственной инициативе дела передавать в высшую инстанцию права не имеет, и он как ректор такой передачи допустить не может. Я заметил, что заявление Покровского даже не может быть и принято, так как не основано ни на каком законе и совершенно не имеет прецедентов. Я не сказал только, что оно совершенно глупо. Было решено дело о Раппепорте отложить до осени, а бумагу Покровского считать несуществующей. Поржезинский конфузливо положил ее в карман»¹⁷⁰⁹.

В начале нового учебного года факультет, действительно, вернулся к этому делу. 27 сентября 1916 г. М.М. Богословский записал: «Всплыло дело Раппепорта. Покровский пожелал объяснить причины, по которым он предлагал оставить Раппепорта при кафедре, и очень длинно восхвалял его сочинение. Грушка возражал, заявляя, что совершенно не усматривает в сочинении тех качеств, на которые указывает, и вообще на уровень знаний Раппепорта. А кроме того, после весеннего заседания он убедился в полной некультурности его. “Убеждение” это состояло в том, что Р[аппепорт] грубо выругал Грушку по телефону, сказавши: “Я тебе разобью всю морду”. Вот так кандидаты в профессора! Грушка говорил, что ему пришлось пережить минуты, каких никогда не приходилось переживать»¹⁷¹⁰.

Не вполне определенный статус приват-доцентов порой вызывал конфликты на почве несоблюдения правил субординации. Необычный случай, связанный с нарушением корпоративной этики со стороны приват-доцента, произошел в ИМУ в 1887 г. В феврале 1887 г. в «Русских ведомостях» было опубликовано письмо приват-доцента ИМУ Д.М. Петрушевского с указанием искажений в перечне его трудов, допущенных в кратком университетском отчете за 1886 г.¹⁷¹¹ Этот казус вызвал неудовлетворение со стороны университетских властей. Ректор Н.П. Боголепов писал попечителю П.А. Капнисту: «должное отношение к университету требовало, чтобы он, принадлежа к его составу и

¹⁷⁰⁹ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 101.

¹⁷¹⁰ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 123.

¹⁷¹¹ Русские ведомости. 1887. 3 февраля.

касясь служебных дел, к коим лично причастен, просил ректора о публикации поправок от имени университета. [...] Напечатанное в № 34 “Русских ведомостей” письмо г. Петрушевского, неудовлетворительное со стороны формы и содержания, ставит в неблагоприятное положение некоторые органы университета»¹⁷¹². Сам ректор полагал, что причиной ошибок было то, что Д.М. Петрушевский подал сведения о своих трудах неразборчивым почерком. Ректор вызвал Д.М. Петрушевского к себе для разъяснений. Последний не принял замечаний начальства («г. Петрушевский поставил мне на вид, что он не подчиняется ректору»), что дало повод ректору в письме на имя попечителя рассуждать о проблеме приват-доцентуры в целом¹⁷¹³.

Пример неподчинения приват-доцента ректору приведен в сообщении (28 февраля 1898 г.) ректора ИМУ Н.А. Зверева попечителю учебного округа П.А. Некрасову. В сообщении без указания имен описывается случай, произошедший 10 февраля: декан одного из факультетов не смог начать вовремя чтение своей лекции по той причине, что «приват-доцент не прекратил своевременно своей лекции, но и читал ее сверх определенного времени еще 37 минут. По окончании лекции г. декан обратил внимание вошедшего в профессорскую комнату приват-доцента на то, что он почти на сорок минут передержал студентов на своей лекции, и что это обстоятельство лишило его возможности своевременно начать собственную лекцию. На это замечание г. декана приват-доцент раздраженным и повышенным тоном ответил: “А позвольте Вас спросить: какое Вы имеете право делать мне замечание?”»¹⁷¹⁴. Позже приват-доцент, правда, признал свою неправоту¹⁷¹⁵.

Известны случаи затяжных конфликтов между профессорами, длящихся по нескольку месяцев, а то и лет и находящихся подробное отражение в протоколах заседаний советов.

¹⁷¹² ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4940. Л. 1 об.

¹⁷¹³ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4940. Л. 2 об.

¹⁷¹⁴ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4922. Л. 11.

¹⁷¹⁵ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4922. Л. 11 об.

В качестве примера сошлемся на затяжной конфликт между и.д. экстраординарного профессора С.Ф. Опацким и большей частью профессоров историко-филологического факультета ИКУ, длившийся в 1890-х гг. Если судить по протоколам заседаний факультетского совета, жалобам С.Ф. Опацкого на имя ректора и в адрес университетского совета¹⁷¹⁶, а также по ответам декана на эти жалобы¹⁷¹⁷, профессор С.Ф. Опацкий представляется весьма скандальной фигурой. Убеденный в предвзятом отношении к нему со стороны остальных членов факультета, С.Ф. Опацкий регулярно либо отказывался подписывать протоколы факультетских заседаний, либо составлял отдельное мнение, выдвигая против коллег обвинения в несправедливом к нему отношении в ключевых служебных вопросах.

Разумеется, описания конфликтных ситуаций в жалобах С.Ф. Опацкого и в ответах ректору на них декана были, во многом, противоположными по смыслу и оценкам действий участников. Так, высказывая недовольство тем, как в его отношении вели себя на экзаменах другие члены факультета, С.Ф. Опацкий замечал, что часто декан «не давал мне допросить студента, или, когда я экзаменовал студента, а другие [экзаменаторы – М.Г.] в это время позволяли себе делать разные критические замечания»¹⁷¹⁸. Совсем иначе о том же предмете писал ректору декан А.И. Смирнов, указывая на то, что в экзаменационных комиссиях С.Ф. Опацкий «зарекомендовал себя весьма раздражительным, придирчивым и даже заносчивым членом в отношении к другим сочленам и к председателям, равно как и не спокойным ценителем студенческих ответов»¹⁷¹⁹.

О факультетских заседаниях С.Ф. Опацкий высказывался так: «В то время, как другие говорят когда и сколько угодно, не раз повторяя уже сказанное, я же не могу говорить иначе, как получив позволение г. Декана и прождав очень долго.

¹⁷¹⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9339. Л. 1 – 1 об.; 3–12; 28 – 28 об.

¹⁷¹⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9339. Л. 13 – 18 об.; 19 – 26 об.; 47–56.

¹⁷¹⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9339. Л. 4.

¹⁷¹⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9339. Л. 55 об.

[...] Затем, когда, наконец, я начну говорить, не разу мне не дается кончить. Когда о чем спрашиваю [...], другие как будто не слышат»¹⁷²⁰.

Декан А.И. Смирнов о С.Ф. Опацком писал так: «он сам допускает возможность утраты всякого самообладания в факультетских заседаниях... крайняя раздражительность в сношении с товарищами.... делает его присутствие и участие в факультетских собраниях не желательным и даже вредным»¹⁷²¹. В результате С.Ф. Опацкий так и не найдет взаимопонимания с другими членами факультета и в 1900 г. покинет ИКУ.

Порой противоречия между профессорами доходили до привлечения судебных инстанций.

В апреле 1906 г. профессор ИКУ В.Ф. Залеский предпринимал попытку возбуждения судебного преследования профессоров того же университета Н.А. Геркена, А.В. Васильева и Н.П. Загоскина (ректор) за нанесенные ему словесные оскорбления на заседаниях Совета 5 и 14 февраля 1905 г. По заключение прокурорского надзора, в действиях упомянутых профессоров заключались признаки преступлений, предусмотренных 347-й статьей Уложения о наказаниях¹⁷²². Но из-за истечения 6-месячного срока давности судебное преследование не было возбуждено¹⁷²³.

В том же году профессор юридического факультета ИКУ В.А. Косинский привлекался к суду за то, что в ноябре 1905 г. передал в газету «Одесские новости» свой отзыв критического содержания о профессоре того же факультета А.Ф. Федорове. В.А. Косинский обвинялся одесской Судебной Палатой в том, что 29 ноября 1905 г., будучи деканом юридического факультета ИКУ, передал редакции газеты «Одесские новости» для напечатания свой служебный отзыв, на имя ректора университета И.М. Занчевского, «заклучавший в себе признание

¹⁷²⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9339. Л. 5 – 5 об.

¹⁷²¹ Цит. по: Сазонова Л.А. Корпоративные отношения профессоров Казанского университета. Вторая половина XIX века // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 170.

¹⁷²² Статья № 347 касалась нанесения оскорблений при отправлении должности; в качестве наказания по статье предусматривался строгий выговор с внесением в послужной список.

¹⁷²³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 6222. Л. 1, 10 об., 17 об.

профессора того же университета по кафедре торгового права и судопроизводства действительного статского советника А.Ф. Федорова неудовлетворяющим всем требованиям преподавания по упомянутой кафедре в высшем учебном заведении. Напечатайте этого отзыва в названной газета должно было вредно отразиться на авторитете профессора Федорова, как преподавателя, пред его слушателями в университете и послужило основанием к распространению о профессоре Федорове оскорбительных для его чести слухов о том, что он занимает профессорскую кафедру без достаточной подготовки и не имея надлежащего ученого ценза». Судебная Палата признала В.А. Косинского виновным в преступлении, предусмотренном 2 частью 419-й статьи Уложения о наказаниях и приговорила его к выговору¹⁷²⁴.

Внеуниверситетские обстоятельства

Отдельно нужно сказать конфликтах, вызванных внеуниверситетскими обстоятельствами, спровоцировавшими в тоже время резонанс в университетской среде.

Приведем яркий случай, хронологически относящийся к кануну рассматриваемого в настоящей работе периода. В начале 1884 г. группа профессоров ИУСвВ выступила против доцента Ф.Г. Мищенко, который выполнял функции старшины присяжных заседателей, разбиравших дело Свиридова – директора обанкротившегося банка, разорившего многих вкладчиков в Юго-Западном крае. По делу был вынесен оправдательный приговор, вызвавший заметное недовольство в обществе, которое было направлено в том числе на присяжных и в первую очередь на Ф.Г. Мищенко как на их старшину. Группа из 22 профессоров ИУСвВ направила ректору университета Н.К. Ренненкампу заявление с требованием обсудить в Совете университета действия Ф.Г. Мищенко («в постановлении этого неслыханного приговора принимал участие член нашего университета доцент Ф. Мищенко»), которого молва обвиняла в оказании давления на присяжных с целью обеспечения оправдательного решения. «При таких условиях – писали профессора – мы не

¹⁷²⁴ ГАРФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1906. Д. 398. Л. 12 об. – 13.

считаем себя в праве оставаться далее безучастными свидетелями столь безобразного факта, затрагивающего честь Университета и налагающего пятно на всех его членов (курсив мой – М.Г.); нам трудно и даже невозможно остаться спокойными перед упреками общества, лишаящими нас уважения и доверия, необходимых для каждого, а тем более для наставников юношества»¹⁷²⁵.

Ректор затруднился принять самостоятельное решение по этому вопросу и просил указаний у попечителя учебного округа С.П. Голубцова. Попечитель, в свою очередь, обратился к министру народного просвещения И.Д. Делянову, который направил в Киев телеграмму следующего содержания: «В виду важности и нравственного значения мотивов не встречаю препятствия к обсуждению в совете заявления 22 профессоров»¹⁷²⁶. Любопытно, что, получив сообщение о реакции министра, Н.К. Ренненкампф все-таки позже настоял на нецелесообразности рассмотрения вопроса о Ф.Г. Мищенко в Совете ввиду недоказуемости обвинений и опасений, что такое обсуждение способно только разжечь дополнительный интерес к делу¹⁷²⁷.

Заметим, что уже летом 1884 г. Ф.Г. Мищенко будет уволен из ИУСвВ. Только спустя пять лет, в 1889 г., он будет утверждён ординарным профессором ИКУ, а еще через год будет претендовать на занятие кафедры в ИМУ, против чего категорически возражал новый министр народного просвещения Н.П. Боголепов, ссылаясь, в том числе и на эпизод с «Делом Свиридова»¹⁷²⁸.

Здесь еще раз стоит напомнить о конфликте, который упоминался в 5-й главе – столкновение между двумя гласными Киевской городской думы, приват-доцентом ИУСвВ Е. Афанасьевым и там же ректором университета Н.К. Ренненкампфом: один (ректор) обвинял другого в игнорировании интересов университета при решении городских дел и нарушении служебной субординации («возможно ли допустить, чтобы приват-доцент университета обзывал в

¹⁷²⁵ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1884). Д. 1. С. 3 – 4 об.

¹⁷²⁶ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1884). Д. 1. С. 7.

¹⁷²⁷ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1884). Д. 1. С. 8 – 8 об.

¹⁷²⁸ Карпюк С.Г. Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета // Вестник древней истории. 1993. № 1. С. 175–181.

публичном заседании Думы “мелкими придирками” официальные бумаги ректора»)¹⁷²⁹.

Эти два случая из истории ИУСвВ любопытны для настоящего исследования тем, что, казалось бы, не касавшиеся непосредственно университета, они вызвали оживленный интерес представителей сообщества; это косвенно доказывает то, что ментально профессора были склонны не ограничивать университетские интересы стенами университетских зданий.

Приведенные кейсы можно разбить на группы, применив другую типологизацию, в основание которой положены базовые причины конфликтов в университетской среде. С этой точки зрения, университетские конфликты делятся на порожденные следующими обстоятельствами:

а) уязвленным самолюбием вследствие обвинений/намеков/подозрений в некомпетенции (экзаменационные конфликты между профессорами ИТУ А.П. Коркуновым, Л.Л. Бартеневым и М.Г. Курловым; профессорами ИНУ Ф.М. Каменским и П.Г. Меликовым);

б) нарушением научной или корпоративной этики (заочная перепалка между профессором ИСПБУ А.А. Иностранцевым и неназванным «профессором двух университетов А.»);

в) нарушением субординации, что можно назвать частным случаем нарушения корпоративной этики (экзаменационный конфликт между профессорами ИВУ Д.М. Петрушевским и Г.Ф. Симоненко; конфликты между ректором ИУСвВ Н.К. Ренненкампфом и приват-доцентом Е. Афанасьевым; между ректором ИМУ Н.П. Боголеповым и приват-доцентом Д.М. Петрушевским; между неназванными деканом и приват-доцентом ИМУ);

г) столкновением интересов (случай профессора ИМУ М.М. Покровского; столкновение профессора ИКУ Н.Н. Фирсова с деканом А.И. Александровым; декана юридического факультета ИНУ В.А. Косинским с профессором А.Ф. Федоровым).

¹⁷²⁹ ЦГИАУ. Ф. 707. Оп. 262 (1886). Д. 16. Л. 1 – 7 об.

Можно поспорить с исследователем Л.А. Сазоновой (Бушуевой), высказавшей мысль о том, что именно коллегиальные принципы управления университетом способствовали возникновению конфликтов между ними¹⁷³⁰. Скорее, стоит говорить о том, что коллегиальные элементы университетской жизни (в первую очередь, практика обсуждения текущих дел в факультетских и университетских советах и принятие решений посредством голосования) формировали культуру публичного выяснения отношений и отстаивания своей точки зрения. Без этого конфликты не исчезли бы, а только приобрели более скрытый, «подковёрный» характер.

Внутрикорпоративные конфликты, безусловно, можно рассматривать как маркеры корпорации. Заметим, что большинство конфликтов решалось внутри университета, однако, обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в рассматриваемый период не было редкостью и пойти на «вынос сора из избы» — через привлечение прессы (случай профессора ИНУ В.А. Косинского, приват-доцента ИМУ Д.М. Петрушевского; научный спор между профессором ИМУ В.Ф. Снегиревым приват-доцентом Соловьевым), суда (случай бывшего профессора ИСПБУ А.И. Соболевского, профессора ИКУ В.Ф. Залеского), что шло порой вразрез с некоторыми элементами корпоративной этики.

Несмотря на случавшиеся конфликтные ситуации, для большинства профессоров было типично отношение к университету как к дому, а, следовательно, к сослуживцам — как к членам семьи. Это прослеживается в том числе по содержанию публичных речей. Например, когда в апреле 1915 г. на заседании физико-математического факультета ИВУ было объявлено, что действующий декан профессор П.И. Митрофанов будет должен вскоре покинуть свой пост в связи с назначением его исполняющим обязанности ректора Самарского политехнического института, профессор Д.И. Ивановский обратился к уходящему декану с весьма патетической речью, в которой указал на заслуги профессора П.И. Митрофанова; в частности, в упомянутой речи обращает на себя

¹⁷³⁰ Сазонова Л.А. Корпоративные отношения профессоров Казанского университета. Вторая половина XIX века // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 171.

внимание такой фрагмент: «Ваше деканство началось в трудное время восстановления преподавания в Университете, после трехлетнего бездействия. Из состава Факультета [...], оставалось всего 5 человек [...]. Приходилось воссоздавать Факультет, и Вы сделали это так удачно, что нынешний состав его мог бы составить честь любому Университету. Несмотря на то, что члены его прибыли из разных концов России, под Вашим полным такта руководством, они быстро *сложились в дружную семью – лучший залог успешной работы* [курсив мой – М.Г.]»¹⁷³¹.

Весьма показательно в этом отношении высказывание профессора ИКУ П.П. Заболотнова о профессоре Н.М. Любимове: «Николай Матвеевич был безупречно коллегиальным человеком, и он никогда не приносил в жертву интересов коллегии своим. Корпорация оценила в нем это качество [курсив мой – М.Г.], удостоив его чести быть первым избранным ректором по дарованию вновь русским университетам автономных прав»¹⁷³². Мы видим, что корпоративность профессора, в смысле соблюдения им интересов сообщества, ценилась в университетской среде одной из высших добродетелей.

7.3. Особенности университетских преподавательских сообществ

В завершающей части нашего исследования остановимся на типовых чертах отечественной университетской преподавательской корпорации, в том числе тех, что отличали её от иных профессиональных сообществ. Эти черты были выделены, как на основании оценок самих преподавателей, так и на основании авторского анализа.

Слабая конкуренция

Для современников было очевидным, что в сравнении с европейскими университетскими преподавателями их русские коллеги, чей круг был более узким, сталкивались с куда меньшей конкуренцией. Этот факт предопределял

¹⁷³¹ APW. Z. 214. S. 474. k. 213.

¹⁷³² Кафедра патологической анатомии // Лига выпускников. Режим доступа: <http://www.lvkgmu.ru/patolog.html> (дата обращения 23.06.2017).

многие актуальные аспекты университетской жизни, включая кадровые вопросы, приват-доцентуру, систему гонорара.

Профессор ИМУ П.Г. Виноградов отмечал: «Для того, чтобы действительно провести свободный выбор между преподавателями, необходимо иметь возможность, по крайней мере, дублировать преподавание всех важнейших предметов. Располагаем ли мы таким запасом ученых – задавался вопросом П.Г. Виноградов – хотя бы даже между приват-доцентами, не говоря уже о профессорах, чтобы устроить между ними действительную конкуренцию?»¹⁷³³. Ответ на этот вопрос, очевидно, мог быть дан только отрицательным.

Профессор ИНУ И.А. Линниченко, проводя сравнение отечественного профессора с западным, подчеркивал, что, в силу действия выборных процедур, последний всегда находится в ситуации конкуренции, что положительным образом сказывается на отдаче от его труда: «Научная производительность западного профессора всегда значительна и находится в постоянном возбуждении – он не может успокоиться на добытых в прошлом лаврах, следит за появлением новых данных и теорий в науке, критически их оценивает и сам продолжает обогащать науку и новыми научными фактами, и новыми их разъяснениями. Его жизнь *perpetuum mobile* в сфере научных разъяснений»¹⁷³⁴.

На эту же тему высказывался профессор ИУСвВ Ю.А. Кулаковский: «Обилие университетов, их близость, удобство сообщения, облегчающее возможность перехода из одного университета в другой, имеют своим последствием то, что каждый профессор германского университета может действительно сознавать себя конкурентом всех других профессоров, занимающих ту же кафедру в других университетах; репутация каждого из них как ученого и как “академического учителя” (*akademischer Lehrer*), как говорят в Германии, является общим достоянием в среде всей германской учащейся молодежи, и те из преподавателей, которые получают признание знаменитости,

¹⁷³³ Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 130.

¹⁷³⁴ ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 6 об. Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг, 1916. С. 12.

привлекают в свои аудитории юношество со всех концов Германии. Не подлежит никакому сомнению, что дух конкуренции бодрит и оживляет в Германии профессорское сословие, и та материальная выгода, которая достается на долю знаменитых в области своей науки профессоров, является не последним стимулом их преподавательского усердия»¹⁷³⁵. И далее: «Если германские профессора конкурируют между собою, то поприщем этой конкуренции является никак не данный университет в отдельности, а все они вместе, и каждый германский профессор, имеет своими конкурентами всех своих коллег по специальности в других университетах. У нас желали водворить конкуренцию в стенах каждого университета в отдельности и к тому же еще усилить ее конкуренцией со стороны, в виде приват-доцентуры»¹⁷³⁶.

Поводом обратиться к теме невысокой в сравнении с Европой конкуренции университетских преподавателей в конце XIX в. стало инициированное министерством обсуждение гонорарной системы, идея которой была заимствована из Западной Европы. Авторы доклада о гонораре физико-математического факультета ИКУ (1897 г.) заявляли, что гонорарная система «не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий, так как она совершенно не соответствует строю жизни русских университетов. За границей, откуда она была заимствована, при господствующей там свободе преподавания и свободе слушания, а также при густой сети университетов, она в значительной степени достигает своей цели вознаграждать в большем размере ученые заслуги и преподавательские таланты»¹⁷³⁷.

На тему различий между русским и европейским профессором, применительно к проблеме гонорара, рассуждал и профессор медицинского факультета ИКУ К.А. Арнштейн. Он писал: «В Германии, по примеру которой у нас введен гонорар, служебные условия совершенно иные. Там профессора начинают службу в маленьком университете и переходят в более крупный и наконец в столичный университеты, где число слушателей очень значительное.

¹⁷³⁵ Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. С. 6–7.

¹⁷³⁶ Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. С. 50.

¹⁷³⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 17 – 17 об.

Это движение по службе всецело зависит от научного рвения и педагогических способностей профессоров. Возможность перейти в другой Университет и затем улучшить свое материальное положение служит стимулом для преподавателей. Они сохраняют энергию не только из любви к науке или из тщеславия, но и удовлетворяют научной работой возрастающие потребности семьи. Ничего подобного у нас нет»¹⁷³⁸.

Объективным фактором, способствовавшим сохранению невысокой конкуренции в борьбе за профессорское место, было фактическое недопущение в России женщин в университетскую преподавательскую корпорацию.

Хотя стремление женщин к интеллектуальной деятельности наблюдалось, возможности реализовать его в России у них были весьма ограничены¹⁷³⁹.

При этом отношение мужчин-профессоров к вопросу о женщине как университетском преподавателе было, естественно, неоднозначным.

О «крайней желательности допущения в университет женщин» говорил в 1915 г. профессор ИНСУ Н.М. Какушкин во время обсуждения очередного проекта нового университетского устава¹⁷⁴⁰. Однако после прений большинство профессоров проголосовало за «необходимость приема в университет женщин на все свободные от мужчин вакансии»¹⁷⁴¹.

Противником привлечения женщин на преподавательские должности выступал М.М. Богословский. Он рассуждал следующим образом (дневниковая запись от 24 января 1916 г.): «Для ученой деятельности нужно творчество; эта деятельность не есть пассивное усвоение, а творчества нет у женщины. Нет женщин-композиторов, нет поэтов, нет живописцев – не может быть и крупных ученых, хотя могут быть и нужны и должны быть очень образованные. Мы работаем на Высших женских курсах над повышением уровня женского

¹⁷³⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 22 об. – 23.

¹⁷³⁹ См.: Пушкарева Н.Л. Из небытия: Женские имена в российской науке начала XX в. // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1 (72). Вып. 13. С. 143–149.

¹⁷⁴⁰ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598. Л. 91 об.

¹⁷⁴¹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598. Л. 97.

образования, над вооружением женского труда знанием, а не для выработки женщин-ученых»¹⁷⁴².

Во всяком случае, в рассматриваемый период отношение к идее вовлечения женщин в преподавательские круги стало трансформироваться, и сама перспектива этого уже не казалась невозможной. Е.А. Ростовцев приводит данные о двух женщинах, включенных в 1914–1915 гг. в число приват-доцентов ИСПБУ – М.А. Островской и О.А. Добиаш-Рожественской¹⁷⁴³. После февральской революции женщины стали появляться среди университетских служащих. Например, в июле 1917 г. старшим ассистентом кафедры ботаники Пермского университета была избрана А.М. Шелоумова, которая родилась в 1887 г. в Тамбовской губернии, окончила Муромскую женскую гимназию и Бестужевские Высшие Женские курсы¹⁷⁴⁴.

Итак, приведенные сведения красноречиво рисуют картину менее острой конкуренции за профессорское место в дореволюционном российском университете, чем в университете европейском. Однако подчеркнем, что это, в большей степени, актуально для характеристики национальных систем высшего образования в целом, чем для отдельных университетов.

Использование атрибутики

В отличие от большинства профессиональных групп дореволюционной России, университетские преподаватели располагали некоторыми элементами корпоративной атрибутики. Их функцию отчасти выполняли нагрудные знаки отличия для лиц, удостоенных Императорскими университетами ученых степеней магистра и доктора. Введение таких знаков по положению комитета министров было утверждено Императором Александром III 7 июня 1885 г. Несколько позднее, 18 июля, были утверждены рисунки знаков, описание и правила ношения («1. Для степени доктора предполагается знак золотой при серебряном лавровом венке и таковой же буквы Д. 2. Для степени магистра предполагается знак

¹⁷⁴² Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 68.

¹⁷⁴³ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 175.

¹⁷⁴⁴ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 408. Л. 1.

серебряный при золотом лавровом венке и золотой букве М. 3. Внутренность креста для обеих степеней синей эмали, окаймленной двумя золотыми ободками, из коих наружный матовый, а внутренний – полированный. 4. Носить знак на правой стороне»¹⁷⁴⁵.

Иерархичность

Иерархичность можно назвать тем качеством преподавательской университетской корпорации, которая роднила её с чиновничеством; занятие той или иной ступени служебной лестницы не только определялось предустановленным порядком, но и подкреплялось чинами и званиями, о чем уже шла речь во 2-й главе.

Иерархия преподавательских должностей в университетах была выстроена в следующей последовательности: приват-доценты – лекторы – доценты (в ИЮУ и ИВУ) – сверхштатные экстраординарные профессора – и.д. экстраординарных профессоров – экстраординарные профессора – сверхштатные ординарные профессора – и.д. ординарных профессоров – ординарные профессора – заслуженные ординарные профессора.

При этом на ранжирование преподавателей влияние оказывала и продолжительность службы. В 1912 г. и.д. ректора ИНСУ В.И. Разумовский обращался к попечителю учебного округа Н.К. Кульчицкому с официальным письмом, прося разъяснить то, в каком порядке следует перечислять профессоров университета при составлении списков (для повесток, при голосованиях и прочих целей). Ответ был получен следующий: «сначала идут заслуженные профессора, затем ординарные и наконец экстраординарные; при чем распределение внутри каждой из этих групп должно производиться не в порядке их назначения в Саратовский университет, а в порядке получения ими звания приват-доцентов»¹⁷⁴⁶.

Любая иерархия отличается известной стройностью, но в рассматриваемый период было два обстоятельства – феномен приват-доцентуры и наличие

¹⁷⁴⁵ ЖМНП. 1885. Октябрь. [пагин. 1-я]. С. 45.

¹⁷⁴⁶ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 286. Л. 38.

«исправлявших должность» экстраординарных и ординарных профессоров – которые играли роль раздражающего фактора, внося некоторый дисбаланс в стройную схему и порождая внутрикорпоративные дискуссии.

Приват-доценты, не имея права присутствовать в заседаниях факультетских советов, были устранены от участия в академическом самоуправлении. В апреле 1898 г. в заседании совета юридического факультета ИНУ произошел инцидент: часть профессоров, не согласных с присутствием в заседании приват-доцентов Е.В. Васьковского и О.Я. Пергамента, покинула заседание¹⁷⁴⁷. Данный случай разбирался министром народного просвещения Н.П. Боголеповым, который согласился с попечителем Одесского учебного округа Х.П. Сольским в том, что два выше упомянутых приват-доцента были приглашены в заседание совета как специалисты по обсуждаемой пробной лекции одного из магистров и в данном случае их присутствие было допустимым¹⁷⁴⁸.

На протяжении десятилетий главное требование группы «младших преподавателей» сводилось к допуску их в Совет. Такое требование, противоречившее действовавшему Уставу, не везде и не сразу встречало понимание. Так, профессура ИМУ отказала в 1906 г. приват-доцентам в предоставлении им права решающего голоса при голосовании в Совете¹⁷⁴⁹. На консервативный настрой московской профессуры указывал ассистент ИМУ Глеб Зацепа. Он писал: «Сознание важности этого вопроса (о положении младших преподавателей – М.Г.) мы находим и у многих из профессоров; большинство же из них, однако (напр[имер] в Московском университете), из неизвестных нам побуждений, старается совершенно игнорировать этот вопрос»¹⁷⁵⁰.

Профессор ИМУ А.Н. Савин в дневнике с некоторой иронией транслировал благоговейное отношение приват-доцентов к университетскому совету как к

¹⁷⁴⁷ ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 2. Л. 8, 8 об.

¹⁷⁴⁸ ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 2. Л. 6 об.

¹⁷⁴⁹ Журнал заседания Совета Московского университета. 2 января 1906 г. // ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 97. Л. 1–2.

¹⁷⁵⁰ Зацепа Г. Пасынки университета: материалы по вопросу о положении в университетах младших преподавателей. М., 1907. С. 4.

«святая святых, куда их в Москве никогда, даже в разгар революций, не пускали»¹⁷⁵¹.

Развивая тему отсутствия представительства младших членов университетской семьи в советах, Г. Зацепа указывал на то, что «для лаборантов и ассистентов остаются неизвестными как многие из постановлений факультета и совета, так, еще чаще, мотивы к ним, ибо профессор или считает совершенно лишним посвящать в них лаборантов и ассистентов, или не имеет для этого достаточно времени, или, наконец, даже принципиально скрывает все, что делается в факультете и в совете, как служебную тайну»¹⁷⁵².

В отличие от московских коллег, профессора ИСПбУ оказались настроены более либерально. При обсуждении осенью 1905 г. проекта нового устава большинство Совета ИСПбУ признало «желательным и целесообразным участие младших преподавателей в Совете»¹⁷⁵³. Делегаты столичного университета заняли соответствующую позицию и во время работы совещания представителей университетской профессуры (январь 1906 г.), проходившем под эгидой МНП, однако по этому вопросу они оказались в меньшинстве. В адрес совещания, между прочим, поступили два сообщения от младших преподавателей (одно – от имени преподавателей историко-филологического и юридического факультетов ИМУ, другое – совместное – от преподавателей ИСПбУ, ИУСвВ и ИНУ): желая участвовать в разработке нового Устава, они просили допустить к участию в работе совещания по два младших преподавателя от каждого университета. Несмотря на то, что ряд членов Совещания «отнесся сочувственно» к желанию младших преподавателей, большинство решило предложение отклонить «в виду того, что коллегии так называемых младших преподавателей официально не существует, и правильное представительство от этой категории лиц практически неосуществимо. Члены совещания не уполномочены приглашать в состав его

¹⁷⁵¹ А.Н. Савин. Университетские дела. Дневник 1908–1917. М.; СПб, 2015. С. 27.

¹⁷⁵² Зацепа Г. Пасынки университета: материалы по вопросу о положении в университетах младших преподавателей. М., 1907. С. 19.

¹⁷⁵³ Журнал заседания Совета СПб университета. 21 декабря 1905 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб, 1906. С. 224.

каких-либо новых лиц. Наконец, было высказано, что в решении основных вопросов университетской организации вполне компетентны только полноправные члены профессорских коллегий. Между тем, в категории младших преподавателей допускаются и оставленные при университете, которые в сущности являются старшими учащимися». При голосовании: только 7 человек высказалось «за» удовлетворение ходатайства, 37 – «против»¹⁷⁵⁴.

Как видим, на совещании возобладал охранительный взгляд на состав университетской корпорации. Эту, преобладавшую, точку зрения озвучил профессор ИМУ В.М. Хвостов, выступавший от лица соответствующей комиссии: «Если смотреть на университет как на правильно организованное ученое и учебное учреждение, то, как это прекрасно выяснено в записи проф[ессора] Стеклова, не подлежит сомнению, что в нем хозяевами могут быть только признанные этим учреждением за вполне сложившихся научные деятели и притом прочно с ним связанные. Таковыми в университетах являются только профессора. Поэтому им и может принадлежать решающий голос в управлении учреждением.

Что касается группы, объединяемой теперь названием “младших преподавателей”, то, [...] не трудно убедиться, что она состоит из совершенно разнородных элементов. 1) В нее входят приват-доценты. Их нельзя даже называть младшими преподавателями. По идее института – это преподаватели не младшие и не старшие, а, так сказать, сторонние – лица, тесно с университетом не связанные, но пользующиеся его гостеприимством для чтения лекций и ведения научных работ. Состав их крайне разнообразен. Здесь есть и академики, и профессора иных высших школ, и учителя гимназий, и адвокаты, и практикующие врачи. Связь их с университетом по существу непрочная и случайная, а потому и состав постоянно меняется. Не подлежит сомнению, что эти “гости” университета не могут участвовать в управлении им; они не несут

¹⁷⁵⁴ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве Народного просвещения под председательством Министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 17–18.

никаких обязанностей, а потому не могут иметь и прав»¹⁷⁵⁵. Под второй группой имелись в виду ассистенты, лаборанты, хранители кабинетов.

Использованный В.М. Хвостовым яркий образ в ходе заедания применил и ректор ИХУ профессор Л.В. Рейнгард, говоря, что приват-доценты «являются в университете как бы гостями; и было бы чрезвычайно странно, если бы гости стали по-своему распоряжаться в доме, в котором их принимают в качестве гостей»¹⁷⁵⁶.

Рассуждая про возможное возвращение штатной доцентуры, В.М. Хвостов уже не использовал понятие «гости», но предлагал такое разграничение: доцент – преподаватель, профессор – ученый¹⁷⁵⁷.

Именно их-за отсутствия легальной возможности быть полноправными членами университетской корпорации и при неоднозначном отношении к этому вопросу со стороны профессуры, приват-доценты в начале XX в. пошли по пути самоорганизации, о чем велась речь выше в этой главе. Лишь после Февральской революции, когда углубился процесс демократизации университетов, приват-доценты были допущены к участию в работе факультетских собраний и университетского Совета.

В отличие от приват-доцентов, лица, имевшие статус «исправляющих должность» профессоров, принимали участие в работе Совета Университета. Однако, известны случаи, когда и эта категория преподавателей сталкивалась с упреками в корпоративной неполноценности со стороны профессоров. Так, на этой почве весной 1907 г. в ИКУ разразился конфликт, когда ряд профессоров

¹⁷⁵⁵ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве Народного просвещения под председательством Министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 178.

¹⁷⁵⁶ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве Народного просвещения под председательством Министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 188.

¹⁷⁵⁷ Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве Народного просвещения под председательством Министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. С. 43.

поставили вопрос «о дальнейшем нахождении в составе Совета профессоров, не имеющих надлежащего ученого ценза»¹⁷⁵⁸.

В связи с разбираемым вопросом заметим, что возрастные профессора так же могли становиться объектом критических замечаний. Такого рода высказываний в их адрес в источниках встречается гораздо меньше, но они тоже есть. Так, профессор ИХУ В.Я. Данилевский в 1909 г. сделал такую дневниковую запись: «Старики не должны быть балластом в коллегии, но не следует обрывать их научн[ую] и учебн[ую] деятельность. Принцип: члены коллегии – только читающие (профессора) обязательные предметы»¹⁷⁵⁹.

Таким образом, можно утверждать, что штатная, и в особенности остепененная, профессура стремились к сохранению своего исключительного положения в университете. Профессор ИМУ И.В. Михайловский, например, писал о недопустимости «т[ак] н[азываемой] “демократизации” университета, т[ак] к[ак] только профессорская коллегия может стоять во главе управления университетом»¹⁷⁶⁰. Даже те профессора, которые, казалось бы, разделяли демократические ценности, нередко не готовы были поступиться своим привилегированным положением в Совете и продолжали отстаивать принцип элитарности своего круга.

Расколтость

Редкая профессиональная группа является внутренне единой. Это утверждение относится и к вузовскому преподавательскому корпусу конца XIX – начала XX в. Из материала, приведенного в предыдущих и этой главах, видно, что по университетскому преподавательскому сообществу перманентно проходило несколько внутренних разломов: мировоззренческий, деливший преподавателей на «левых» и «правых», статусный, породивший конфронтацию «старших» и «младших» преподавателей, к этому можно добавить разлом сообщества по линии «столичные» – «провинциальные» преподаватели.

¹⁷⁵⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 9544. Л. 1.

¹⁷⁵⁹ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 146. Л. 12.

¹⁷⁶⁰ Михайловский И.В. Университет и наука. Томск, 1908. С. 11.

Фактический материал, относящийся к расколу на *«левых»* и *«правых»*, приводился в 6-й главе, поэтому здесь лишь еще раз констатируем, что глубокое противостояние двух политических лагерей оказывало самое серьезное влияние на жизнь университетской корпорации, сказываясь на работе органов самоуправления, учебном процессе, межличностных отношениях. Порой раскол достигал угрожающих размахов. В 1905 г. в коллективном особом мнении 27 *«правых»* профессоров ИМУ отмечалось: «Даже в самом автономном университете нетерпимость во взаимных отношениях между университетскими партиями может повести к полной дезорганизации и к распадению университета в самых его основах»¹⁷⁶¹. При всем этом важно заметить, что раскол не был тотальным, и представители противоборствовавших партий вполне могли находить общий по ряду вопросов. Например, если требование пересмотреть многие условия Устава 1884 г. было типично для либерального блока профессуры, то, скажем, отмену гонорарной системы в равной степени поддерживали и *«правые»*. Так, в решениях совещания правой профессуры, состоявшегося 16–18 декабря 1910 г., можно обнаружить: «Находя, что гонорарная система вносит в университетскую жизнь начало разлагающее и антигосударственное и ставит преподавателей в ложное положение материальной зависимости от своих слушателей, совещание признало неотложно настоятельным отмену этой системы»¹⁷⁶².

О конфронтации двух других преподавательских групп – *«старших»* и *«младших»* – тоже упоминалось выше. Ярким примером напряженности в отношениях между этими категориями преподавателей служит служебная ситуация, в которой оказался приват-доцент ИСПБУ С.Ф. Платонов, рассчитывавший в 1890 г. на штатную профессиру, занимаемую профессором Е.Е. Замысловским, который никак не хотел оставлять кафедры. Сохранился дневник жены Платонова – Надежды Николаевны – проливающий свет на эти события. «[Замысловский] не думает об отставке и берет на себя магистерские

¹⁷⁶¹ APW. Z. 214. S. 336. k. 153.

¹⁷⁶² ГАРФ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 1384. Л. 4.

экзамены, диспуты и присутствие на советах; общего курса он никогда читать не будет: зачем брать на себя такое тяжелое бремя [...]. Это бремя всецело ляжет на С[ергея] Ф[едоровича], который понесет на себе [...] главную тяжесть профессорских обязанностей и за это получит 800 р. в год, гонорар и звание приват-доцента, а Зам[ысловск]ий за магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах, т.е. за легчайшую и лаковую сторону работы будет носить звание профессора и получать 3 000 р. В наших глазах это чистейшая эксплуатация чужого труда»¹⁷⁶³.

Согласно записке, составленной в 1897 г. советом физико-математического факультета ИКУ: «Вместо поддержания развития приват-доцентуры, столь существенно необходимой для развития преподавательских талантов и замещения свободных профессур, система гонорара явилась тормозом для развития приват-доцентуры, так как студенты университетов, при своей материальной необеспеченности, в большинстве случаев были лишены возможности записываться на необязательные курсы приват-доцентов, не смотря на весь их интерес и всю их важность в системе научного образования. По той же причине, в случае чтения приват-доцентами параллельных курсов, студенты, естественно, записывались только на лекции штатного преподавателя, как их будущего экзаменатора и не записывались на лекции конкурирующего приват-доцента»¹⁷⁶⁴.

Что касается раскола профессуры на *«столичную»* и *«провинциальную»*, то, пожалуй, можно утверждать, что раскол этот не был слишком глубоким. Он не поддерживался нормативно (за незначительными исключениями во всей университетской системе действовали единые правила) и смягчался мобильностью преподавателей внутри университетской системы. Тем не менее, документы эпохи доносят до нас некоторые отголоски раскола сообщества по этой линии.

¹⁷⁶³ Цит. по: Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб, 2006. С. 281–282.

¹⁷⁶⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 17 об. – 18.

Так, в 1897 г. профессора ИМУ высказывали коллективное мнение, согласно которому: «содержание столичных профессоров должно быть выше, чем провинциальных. Необходимость такого неравенства оправдывается не только большою затратою сил при большом количестве студентов, не только более высокими столичными ценами на предметы первой необходимости, но также особыми условиями, заставляющими столичного профессора делать усиленные расходы, вызываемые его участием в более разнообразных ученых обществах с их многочисленными делами и заседаниями, в устройстве съездов и международных конгрессов с их приемами, в разных представительствах не ради личного удовольствия, но по обязанности. Все эти расходы в тихой жизни провинциальных университетах не падают на бюджет профессоров таким тяжелым бременем, как в столицах»¹⁷⁶⁵.

Комиссия же профессоров ИХУ, тот факт, что в Санкт-Петербурге и Москве студентов много, а в провинциальных университетах мало, объясняла особенностями жизни в столицах и крупных городах (качество благоустройства, доступ к музеям, галереям, карьерные возможности) и подчеркивала, что это «не может быть объяснено лучшим качеством преподавательского персонала этих [столичных – М.Г.] университетов»¹⁷⁶⁶.

А профессор медицинского факультета ИКУ К.А. Арнштейн даже писал, что «в русских столичных университетах нередко получают кафедры молодые ученые не успевшие еще проявить в достаточной степени своих педагогических способностей своего научного рвения, между тем как в провинциальных университетах достаточно опытных педагогов и талантливых профессоров с научным именем вполне достойных занять кафедру в столичном университете с повышенным окладом»¹⁷⁶⁷.

¹⁷⁶⁵ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 12 об. – 13.

¹⁷⁶⁶ Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета, для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. С. 2.

¹⁷⁶⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 22 об. – 23.

Подчеркнем, что с содержательной и системной критикой столичными профессорами провинциальных или, напротив, – с претензиями провинциальных профессоров в адрес столичных нам не приходилось сталкиваться.

Двойная идентичность

Профессия университетского преподавателя относится к тем профессиям, представители которых могут являться носителями нескольких идентичностей. В рассматриваемый период феномен двойной идентичности университетских профессоров проявлялся в следующих сочетаниях:

- внутри университетской институции:
- *представитель конкретной науки и университетский преподаватель вообще;*
- *преподаватель и администратор* (декан, проректор, ректор);
- на границе разных институций:
- *преподаватель медицинского факультета и доктор/врач;*
- *преподаватель юридического факультета и юрист/адвокат.*

Феномен двойной идентичности университетских профессоров («a dual professional identity») подметил американский историк Самуэль Кассов (Кассоу); под этим С. Кассов, ссылаясь на Вальтера Метцгера, подразумевал такой порядок вещей, когда, с одной стороны, профессора были представителями той или иной науки, например, химиками или историками, а, с другой, имели «междисциплинарную идентичность», вытекавшую из их общего отношения к университету¹⁷⁶⁸.

О том, что свою двойную идентичность ясно осознавали сами профессора, свидетельствуют разнообразные источники. Например, профессор ИТУ И.А. Малиновский в лекции, прочитанной в начале 1904/1905 учебного года, отмечал: «В настоящую минуту я читаю вам лекцию не как профессор юридического факультета по кафедре истории русского права, а как профессор университета вообще»¹⁷⁶⁹. Далее, развивая свою мысль,

¹⁷⁶⁸ Kassow Samuel D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley and Los Angeles, 1989. P. 4.

¹⁷⁶⁹ Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова: Лекция, читанная студентам I курса юридического факультета Томского университета 7 сентября 1904 г. Томск,

И.А. Малиновский говорил: «Специализация при современном развитии науки неизбежна... Но это не значит, что между отдельными факультетами стоит китайская стена, что, например, юристу нет никакого дела до наук филологических, медицинских, математических. Нет, все науки составляют единое целое. И университет есть храм единой науки. Профессора и студенты отдельных факультетов прежде всего члены университета; интересы одного факультета не должны быть чужды студентам и профессорам другого факультета... Занимаясь наукой, нельзя чуждаться других отраслей духовной деятельности. Людям университетским не должны быть чужды интересы религии, искусства, литературы, общественной жизни»¹⁷⁷⁰. Как видим, И.А. Малиновский выводил общеуниверситетскую идентичность из идеи междисциплинарности.

Что касается административных ролей, которые доводилось играть ряду профессоров, то последних в данном отношении можно было разделить на прирожденных администраторов и тех, кто лишь выполнял административные функции.

Показательными примерами прирожденных администраторов, пожалуй, могут выступить профессора, однажды занявшие административную должность в университете, и продолжившие карьеру не столько в научном, сколько в управленческом направлении (московский профессор Н.П. Боголепов, харьковский профессор Н.К. Кульчицкий и др., доросшие с преподавательских до министерских должностей).

Любопытен пассаж из министерских документов, относящийся к 1915 г.: «Если исходить из той основной мысли, что университет есть прежде всего учреждение, которое в развитии научной деятельности своих членов полагает главный залог для успеха своих образовательных задач, то на выполнение

1904. С. 1.

¹⁷⁷⁰ Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова: Лекция, читанная студентам I курса юридического факультета Томского университета 7 сентября 1904 г. Томск, 1904. С. 9–10.

профессорами административных обязанностей необходимо смотреть как на известную повинность, отрывающую их от прямых обязанностей»¹⁷⁷¹.

Заметим, что тема сочетания преподавательской и административной идентичностей имела непосредственное отношение к проблеме университетской автономии. Товарищ министра народного просвещения О.П. Герасимов в 1907 г. на совещании руководителей вузов (3-е заседание 5 апреля 1907 г.) говорил: «Профессорские корпорации считают себя выше того, чтобы заявить, что ломающим двери не место в университете. Желают только приходить в аудитории и при наличии полного порядка читать лекции. Кто же будет устанавливать этот порядок? Отстранение профессорами от себя этой роли равносильно отказу от автономии. [...] Во всем мире профессора сами организуют порядок и надзор за студентами в стенах университета, почему же наши профессора считают унижительным для себя это сделать и открыто заявить, что тем, кто выламывает двери, не место в университете? Автономия, конечно, не облегчила положение профессоров, а сделала его еще более ответственным: гораздо проще быть только лектором»¹⁷⁷². Впрочем, упрек со стороны министерства был предсказуем: временно утратив былой контроль над университетами оно стремилось при удобном случае указать профессорам на их неспособность к эффективному самостоятельному управлению университетом.

Тему двойной идентичности на границе университетской и иных институций проиллюстрируем одним кейсом. 24 февраля 1903 г. МНП обратилось к попечителю Московского учебного округа П.А. Некрасову с предложением поставить на вид приват-доценту ИМУ С.И. Викторовскому и оставленному для приготовления к профессорскому званию Жданову то, что они под текстом, представляющим из себя оценку судебного дела, подписались своими академическими званиями, а не как адвокаты¹⁷⁷³. С.И. Викторовский же о объяснительных документах настаивал на том, что их со Ждановым работа являлась именно научным исследованием, «а если она научна, я имел полное

¹⁷⁷¹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598. Л. 26.

¹⁷⁷² ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 444 об. – 445.

¹⁷⁷³ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5576. Л. 1 – 1 об.

право подписаться под ней не как адвокат, а как приват-доцент; ведь подписываются же своими профессорскими именами ученые под произведенными ими химическими, например, анализами и в тех случаях, когда анализы эти произведены по просьбе частных лиц»¹⁷⁷⁴.

Думается, что в большинстве случаев, двойная идентичность не размывала корпорацию, а лишь демонстрировала её сложность и многослойность.

Выводы по Главе 7

Если допустить умозрительную модель «единой профессорско-преподавательской корпорации», то следует выделить её костяк в лице штатной профессуры и периферию в лице приват-доцентов и лекторов. Во всяком случае, на наш взгляд, с одной стороны, можно определенно говорить о существовании сложившейся профессорской корпорации с примыкавшей к ней группой приват-доцентов, которые читали обязательные курсы (такие приват-доценты, как правило, желали интегрироваться в профессорскую среду и их образ жизни, стиль профессионального поведения напоминали профессорский), а с другой – об университетских аутсайдерах – приват-доцентах, читавших необязательные курсы, а также лекторах, которые, хотя и находились в штате, не были наделены корпоративными правами и потому, за редким исключением, не составляли костяк сообщества.

Выявленные формы проявления профессиональной идентичности университетских профессоров и преподавателей России рубежа XIX–XX вв. – активное участие в обсуждении «университетского вопроса»; шаги к самоорганизации; наличие схожих этических принципов – по нашему мнению, позволяют говорить об университетском сообществе как об особой корпорации (с учетом выше сформулированного обстоятельства).

Важно подчеркнуть осознание самими профессорами ценности своей корпоративности. Особенно много об этом писал московский профессор С.Н. Трубецкой: «Когда профессора перестают составлять организованную корпорацию, университет может быть внешним соединением весьма многих и

¹⁷⁷⁴ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5576. Л. 5.

разнообразных кафедр, представляемых более или менее учеными чиновниками ведомства народного просвещения, но он перестает быть университетом, т.е. живым академическим союзом»¹⁷⁷⁵.

Проанализировав суждения профессоров об университете, мы можем утверждать, что для большинства профессоров было характерно возведение университета как социального явления на наивысшую ступень общественной и государственной жизни. Такое отношение к месту службы утверждало в профессорах убежденность в исключительной важности для общества и их труда. Как правило, профессора выступали поборниками просвещения и широкого распространения университетского знания. Высоко оценивая феномен университета, профессура, в большинстве своем, тяготилась любыми формами внешнего давления на него. Тема автономии часто становилась лейтмотивом публицистических работ по университетскому вопросу. Большинство представителей университетской корпорации тяжело переживало ограничение самостоятельности университетов, последовавшее за вступлением в силу университетского устава 1884 г., и требовало расширения академических свобод. Скептическое же отношение к автономии звучало из уст «правой» профессуры. С опорой на проанализированные источники можно утверждать, что болезненное отношение профессорского большинства к ограничению автономии было связано с тем, что это воспринималось ими как демонстрация недоверия к ним со стороны государства и било по их самолюбию. Решение университетского вопроса многим профессорам виделось именно в восстановлении широкой автономии как демонстрации доверия между университетской общественностью и властью. Профессорская публицистика позволяет сделать важные наблюдения относительно представлений университетской общественности о внешних границах своей корпорации: с одной стороны, профессура ощущала свое отличие от учительства, а, с другой – стремилась подчеркивать отличие от чиновничества.

¹⁷⁷⁵ Трубецкой С.Н. По поводу правительственного сообщения о студенческих беспорядках // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 6.

Продemonстрированный в начале XX в. опыт самоорганизации университетских преподавателей позволяет говорить об их организационной зрелости.

Система ценностей университетского преподавателя строилось на идеях примата ценностей служения науке и обществу; бескорыстия; свободы и личного достоинства. Составной частью преподавательского ценностного набора стоит признать следование нормам научной и корпоративной этики.

Однако всё выше перечисленное рисует, скорее, модельный, идеальный образ дореволюционного преподавателя. Анализ специфики реальных (нашедших отражение в источниках) взаимоотношений внутри профессорско-преподавательской корпорации приводит к выводу о том, что, как в любой сложной системе, спектр моделей отношений между преподавателями был широким – от тесной дружбы, когда отношения выходили за рамки служебных, до продолжительной вражды. Хотя поддержание ровных, деловых отношений между членами преподавательского сообщества, предписываемое нормами корпоративной этики, как правило, соблюдалось, источники изобилуют сообщениями о конфликтах внутри корпорации, часто бывшими следствием личной неприязни. На наш взгляд, с точки зрения профессиональной деятельности преподавательские конфликты рубежа XIX–XX вв. можно разделить на происходившие на а) учебной, б) научной, в) организационной почве. Применив другую типологизацию, в основание которой положены базовые причины конфликтов, получим конфликты, порожденные следующими обстоятельствами: а) уязвленным самолюбием вследствие обвинений/намеков/подозрений в некомпетенции, б) нарушением научной или корпоративной этики, в) нарушением субординации, что можно назвать частным случаем нарушения корпоративной этики, г) столкновением интересов.

Конфликтность часто сопровождалась отступлением от норм корпоративной этики и, вообще, некорпоративным поведением университетских преподавателей. Например, профессорская солидарность часто ограничивалась партийными интересами. Однако, подчеркнем, что нормы могли порой

нарушаться, но они не менялись, а корпоративные интересы, в конечном итоге, преобладали над «партийными».

Обобщение проанализированного материала позволяет выделить следующие отличительные черты отечественной университетской преподавательской корпорации конца XIX – начала XX в.: относительно слабая конкуренция; использование корпоративной атрибутики; иерархичность; расколотость; двойная идентичность.

Некоторые из перечисленных черт звучат «кризисно» (расколотость корпорации, двойная идентичность её членов). Однако, на наш взгляд, это черты лишь демонстрируют сложность и многослойность университетской преподавательской корпорации. В целом же её можно назвать одной из самых своеобразных и устойчивых профессиональных корпораций в дореволюционной России.

Заключение

Подведем итоги проведенного исследования.

Излёт имперской эпохи характеризовался в России кризисом многих – если не всех – за века сложившихся ключевых социальных институтов: от семейных отношений, до системы управления; от этических норм до принципов материального обеспечения.

В известном смысле университеты оказались местом, где проходило разворачивание и переплетение всех названных (и многих других) кризисов. Уникальность университетов заключалась в том, что здесь очень тесно соприкасались представители разных поколений («отцы»-преподаватели и «дети»-студенты), носители разных общественно-политических взглядов («левые» и «правые»); в одном университетском микрокосме жили достаточно обеспеченные профессора и абсолютно «недостаточные» (в терминологии рассматриваемой эпохи) студенты и многие младшие преподаватели; в стенах университета проходила борьба между разными принципами управления, которая могла послужить хорошей метафорой общероссийских политических процессов: Министерство народного просвещения versus автономные Советы как аналог самодержавного монарха versus Государственной думы.

Сквозные вопросы, ответы на которые искали через все главы настоящего исследования, это вопросы о том, как вел себя в кризисных условиях рубежа XIX–XX вв. университетский человек, уцелел ли он как коллективное явление в этом кризисе, или в рассматриваемый период мы имеем дело с финалом отечественного классического университета и вымиранием типажа «классического университетского профессора».

В последние десятилетия существования Российской империи жизнь университетских преподавателей определялась целой серией противоречий.

Это были противоречия между:

– корпоративными традициями профессуры и государственным характером университета;

– полноправными штатными профессорами и всё более возрастающей группой приват-доцентов, не имевших возможностей напрямую влиять на университетские дела;

– профессорско-преподавательским корпусом и студенчеством, часто поразному смотревшими на положение учащихся в учебном заведении;

– группами «левых» и «правых» преподавателей, расходившихся по идеологическим основаниям.

К этому можно добавить трения на почве заметной разницы в доходах, получаемых преподавателями на службу в университете, многочисленные конфликты как на учебной, научной, так и на внеуниверситетской почве.

Являлись ли перечисленные обстоятельства текущими сложностями, без которых не обходится ни одна эпоха, или были иллюстрацией беспрецедентной ситуации, сложившейся в высшей школе кануна распада Российской Империи? На наш взгляд, есть все основания склониться ко второму варианту ответа.

Трения на профессиональной, или, тем более, межличностной почве, разумеется, случаются во всякие исторические периоды, но именно в рассматриваемые десятилетия четыре выше обозначенных обстоятельства приобрели новое качество и достигли апогея. Противостояние профессорских советов и государства обострилось после вступления в силу урезавшего университетскую автономию университетского устава 1884 г.; тот же устав «даст зеленый свет» широкому распространению приват-доцентуры, что породит проблему «двух корпораций» в одном университете; профессорско-студенческие отношения будут омрачены студенческим движением, необычайно развернувшимся именно с конца XIX в.; идейное размежевание университетских преподавателей полным цветом расцветет также только в эпоху русских революций.

Таким образом, с точки зрения глубины противоречий ситуацию в отечественных университетах конца XIX – начала XX в. следует признать уникальной для своего времени.

Процессы, протекавшие в названный период с профессорско-преподавательским корпусом российских университетов, можно свести к трем тенденциям.

Тенденция первая: отстаивание профессурой корпоративных принципов. Несмотря на принятый в 1884 г. новый устав российских университетов, профессура, чьи возможности автономного управления учебным заведением оказались ограничены, на протяжении всего рассматриваемого периода не прекращала предпринимать шаги в направлении отстаивания своих корпоративных прав.

Университетским профессорам органически претил образ бюрократов, встроенных в жесткую вертикаль Министерства народного просвещения, а именно к занятию такой позиции подталкивал их устав.

Вместо этого университетские профессора, действуя в рамках предложенных обстоятельств, старались не упускать возможность отстаивать идеалы автономного университета, что им, по большому счету, удавалось – во всяком случае – на революционной волне 1905 года.

В дискуссиях об автономии ключевым оставался вопрос комплектования корпорации. Процедуры замещения вакантных должностей и защиты диссертаций играли роль пропуска в университетскую преподавательскую корпорацию, и профессура желала, во что бы то ни стало, сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир. И небезуспешно. Так, в период действия последнего университетского устава, допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности, правом этим министерство пользовалось не так уж и часто, а имевшие порой место случаи игнорирования мнения Советов при определении нового члена факультета зачастую воспринимались университетской общественностью как покушение на их права и часто сопровождалось скандалом в академическом мире.

«Университетскими чиновниками» профессора так и не стали, с чем профильное министерство было вынуждено смириться, и, несмотря на казенный характер того учреждения, где несли службу отечественные профессора, они и на

рубеже XIX–XX вв. во многом сохраняли привилегированное положение в отношении вопросов самоуправления.

Однако достигнутый успех несколько нивелировался второй тенденцией.

Тенденция вторая: внутренняя демократизация. Демократизация была трендом времени, и, хотя Россия вплоть до 1917 г. оставалась сословной страной, границы между сословиями быстро разрушались. Аналогом этого процесса в университетах можно назвать постепенную, но очевидную растрату профессурой – своеобразной «университетской аристократией» – монопольного права на решение университетских дел. И это было связано уже не с проблемой автономии, а касалось отношений профессоров со студентами, а также – феномена приват-доцентуры.

Создаваемые веками порядки университетской жизни, в том числе патерналистская модель отношений преподавателей и студентов, не могли оставаться неизменными в модернистских условиях начала XX в. Они переживали кризис, который на фоне широкого студенческого движения выражался, с одной стороны, в протестах студентов против своих учителей, а, с другой, – в отступлении части профессуры от соблюдения ритуалов в отношениях учащимися. После серии масштабных студенческих забастовок, определявших текущую ситуацию в университетах (достаточно упомянуть о затяжных студенческих забастовках, выражавшихся в срыве занятий, бойкотах отдельных профессоров), идея участия студентов в решении университетских дел уже не казалась невозможной.

Возникновение в университетах обширной категории преподавателей «второго сорта» – приват-доцентов, не обладавших служебными правами, породило ситуацию конфронтации и борьбы последних за влияние на университетскую жизнь. Эта борьба, хотя и протекала с переменным успехом, сделала приват-доцентов серьезным фактором университетской политики. Допущение приват-доцентов в университетские Советы, произошедшее в 1917 г., а также возвращение штатной доцентуры, последовавшее за окончанием имперского периода, указывало на углубление процесса демократизации

университетов. Приметой этой же тенденции следует признать начало проникновения женщин в преподавательскую университетскую среду, наметившееся в последние годы существования Империи.

В результате можно констатировать снижение значимости профессоров, прежде являвшихся основными хозяевами университетов; по меткому выражению одного из них, казанского профессора Г.Ф. Шершеневича, теперь профессора уже не могли заявлять: «Университет – это Я».

Тенденция третья: изменение внешней роли преподавателя. Протекавшая в России модернизация, сопровождавшаяся в том числе заметным усилением роли науки, меняла социальную роль университетского преподавателя. Из кабинетного или аудиторного ученого-лектора он превращался в эксперта, публициста, общественного деятеля, политика, предпринимателя, играя тем самым всё большую роль, как в жизни университетского города, так и в жизни всей страны.

Особенно важно подчеркнуть то, что университеты не просто откликались на новые явления; некоторые явления (принципы, процессы, настроения) именно здесь и формировались: университетская корпорация долгое время оставалась единственной профессиональной группой в России, складывавшейся посредством конкурса и принципа выборности; задолго до учреждения в России парламента, его прообраз можно было разглядеть в деятельности университетских Советов; именно в вузовских кругах зародилась партия кадетов, которую современники называли «профессорской», видную роль профессура играла в «Союзе 17 октября».

Активные преподаватели всё чаще и чаще выходили за стены университета и выступили в новых ипостасях; не даром в начале XX в. университетского человека можно встретить среди издателей, гласных земств, депутатов Государственной Думы и пр.

К чему привели эти три тенденции? Как они изменили университетского человека?

С одной стороны, выявленные формы проявления профессиональной идентичности университетских профессоров и преподавателей, такие как их

активное участие в обсуждении «университетского вопроса», шаги к самоорганизации, наличие схожих этических принципов, позволяют говорить, применительно к рассматриваемому периоду, об университетском сообществе как об особой корпорации.

С другой стороны, следует признать, что «единая профессорско-преподавательская корпорация» – это весьма умозрительная модель, в которой, как минимум, необходимо выделять «костяк» и «периферию». Можно определенно говорить о существовании сложившейся профессорской корпорации с примыкавшей к ней группой приват-доцентов, которые читали обязательные курсы. Такие приват-доценты, как правило, желали интегрироваться в профессорскую среду, их образ жизни, стиль профессионального поведения напоминали профессорский. Параллельно им существовали университетские аутсайдеры – приват-доценты, читавшие необязательные курсы, а также лекторы, которые, хотя и находились в штате, не были наделены корпоративными правами (не входили в университетские советы) и потому, за редким исключением, не составляли костяк сообщества.

При этом надо заметить, что географические масштабы империи не очень заметно сказывались на региональных особенностях преподавательских составов десятка российских университетов. И, хотя, следует обращать внимание на региональную специфику социального происхождения, кадрового состава профессоров и преподавателей разных российских университетов, объединяющих их черт было гораздо больше.

Любое профессиональное сообщество существует в исторически обусловленных формах и отвечает на вызовы времени. Позволим допустить, что при сохранении в России после 1917 г. имперского, или «февралиского» строя университетское профессиональное сообщество имело шанс на сохранение своих базовых черт и наметившихся на рубеже веков тенденций развития, однако оно естественным (или противоестественным) образом радикально изменится в советскую эпоху.

Вместе с тем, несомненно и то, как в советскую, так и современную постсоветскую эпоху представители университетских преподавательских сообществ обладали и обладают некоторыми чертами, роднящими их с дореволюционными предшественниками.

Перспективы дальнейшего изучения темы связаны с поиском преемственности отечественных университетских сообществ разных исторических эпох, с другой стороны – с распространением примененных в настоящем диссертационном исследовании приемов и методов изучения дореволюционного университетского профессорско-преподавательского корпуса на всё научно-педагогическое сообщество высшей школы России XIX – начала XX в., а также – со сравнительными исследованиями отечественной и зарубежной (западноевропейской, американской, азиатской) профессурой этого периода.

Список сокращений

ГАК – Государственный архив города Киева
ГАОО – Государственный архив Одесской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГАХО – Государственный архив Харьковской области
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ИАЭ – Исторический архив Эстонии
ИВУ – Императорский Варшавский университет
ИДУ – Императорский Дерптский университет
ИКУ – Императорский Казанский университет
ИМУ – Императорский Московский университет
ИНСУ – Императорский Николаевский (Саратовский) университет
ИНУ – Императорский Новороссийский университет
ИПГУ – Императорский Петроградский университет
ИСПБУ – Императорский Санкт-Петербургский университет
ИТУ – Императорский Томский университет
ИУСвВ – Императорский университет Святого Владимира
ИХУ – Императорский Харьковский университет
ИЮУ – Императорский Юрьевский университет
МВД – министерство внутренних дел
МНП – министерство народного просвещения
НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан
ПУ – Пермский университет
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦГАМ – Центральный государственный архив города Москвы
ЦГИАУ – Центральный государственный исторический архив Украины

ЦДНИ ВО – Центр документации новейшей истории администрации
Воронежской области

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы

AGAD – Archiwum Główne Akt Dawnych (Главный архив исторических
документов, Варшава)

APW – Archiwum Państwowe w Warszawie (Государственный архив в Варшаве)

В. – век

Г. – год

Д. – дело

И.д. – исправляющий должность

Л. – лист

Оп. – опись

Руб. – рубль

Ф. – фонд

К. – karta (пол.) – лист

S. – sygnatura (пол.) – дело

Z. – zespół (пол.) – фонд

Список использованных источников и литературы

Источники

Неопубликованные документы и материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА, Санкт-Петербург)

Ф. 733 (Департамент народного просвещения Министерства Народного Просвещения) Оп. 121. Д. 806, 955; Оп. 123. Д. 95, 116; Оп. 131. Д. 54; Оп. 149. Д. 882, 883; Оп. 150. Д. 37, 65, 71, 92, 144, 156, 188, 245, 248, 281, 375, 471, 554, 559, 560, 561, 659, 671, 846, 856, 867, 873, 917, 965, 1022, 1039, 1253, 1267, 1330, 1340, 1349, 1404; Оп. 151. Д. 117, 151; Оп. 152. Д. 21, 41, 136, 137, 175, 183; Оп. 153. Д. 165, 320, 472; Оп. 154. Д. 130, 173, 175, 190, 215, 216, 217, 240, 293, 500, 536, 735; Оп. 155. Д. 18, 117, 246, 529, 528, 530, 603, 629; Оп. 156. Д. 338, 551, 757; Оп. 201. Д. 100, 105, 140, 156, 159, 161, 169, 174, 185, 204, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 315, 321, 333, 359, 400, 402, 409, 437, 467, 476, 501, 533, 535; Оп. 207. Д. 43.

Ф. 889 (Ардашевы). Оп. 1. Д. 80; 112, 113, 116, 153, 156, 157, 189, 198.

Ф. 1006 (Никольский Борис Владимирович, профессор ИЮУ). Оп. 1. Д. 4а, 4б.

Ф. 1033 (Регель Василий (Вильгельм) Эдуардович, профессор ИЮУ). Оп. 1. Д. 4, 30, 32.

Ф. 1037 (Рождественский Сергей Васильевич, профессор ИСПбУ). Оп. 1. Д. 4, 5, 6.

Ф. 1081 (Чубинский Михаил Павлович, профессор ИЮУ). Оп. 1. Д. 10, 14, 43, 44, 105, 116, 127, 137, 176, 306.

Ф. 1129 (Шевяков Владимир Тимофеевич, профессор ИСПбУ). Оп. 1. Д. 51, 99.

Ф. 1624 (Георгиевский Павел Иванович, профессор ИСПбУ). Оп. 1. Д. 40.

Ф. 1640 (Крсаковы). Оп. 1. Д. 64.

Ф. 922 (Глазов В.Г.). Оп. 1. Д. 433.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, Москва)

Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 65. Д. 7 ч. 108, 448; Оп. 69. Д. 918; Оп. 70. Д. 489; Оп. 71. Д. 515; Оп. 76 в. Д. 69; Оп. 78. Д. 853;

Оп. 78. Д. 932; Оп. 79. Д. 239; Оп. 80. Д. 239; Оп. 82. Д. 239; Оп. 83. Д. 709, 810; Оп. 84. Д. 661; Оп. 87. Д. 560; Оп. 88. Д. 708; Оп. 89. Д. 1163; Оп. 90. Д. 1525; Оп. 91. Д. 1368; Оп. 92. Д. 1079, 1080, 1419; Оп. 93. Д. 231, 232; Оп. 95. Д. 519; Оп. 96. Д. 873, 1256; Оп. 98. Д. 1658, 1804; Оп. 99. Д. 2830; Оп. 100. Д. 1907, 2950; Оп. 101. Д. 3614, 3639, 3640; Оп. 102. Д. 180; Оп. 104. Д. 744; Оп. 106. Д. 671.

Ф. 550 (Арсений, митрополит Новгородский и Старорусский). Оп. 1. Д. 372, 414, 437, 5210.

Ф. 575 (Муромцев Сергей Андреевич). Оп. 1. Д. 1 – 34.

Ф. 644 (Павел Александрович, сын императора Александра II). Оп. 1. Д. 213.

Ф. 1463 (Коллекция отдельных документов личного происхождения). Оп. 2. Д. 1110.

Ф. 1838 (Озеров Иван Христофорович). Оп. 1. Д. 3098, 3102, 3103, 3106.

Государственный архив в Варшаве (Archiwum Państwowe w Warszawie, APW, Варшава, Польша)

Zespół 31 (Warszawski oberpolicmajstra / Варшавский обер-полицмейстер). S. 425, 426, 772, 1537.

Zespół 214 (Cesarski Uniwersytet Warszawski / Императорский Варшавский университет). S. 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 55, 56, 57, 81, 93, 101, 102, 108, 109, 110, 111, 113, 177, 178, 190, 200, 227, 228, 261, 297, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 335, 336, 337, 339, 340, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 395, 396, 397, 398, 425, 426, 427, 429, 449, 450, 451, 463, 464, 465, 466, 473, 474, 483, 484, 485, 500, 501, 502, 503, 504, 538, 539, 542, 543, 544, 545, 642, 645, 648, 658, 659, 662, 663, 665, 667, 1107, 1115.

Zespół 1160 (Warszawski gubernialny zarząd żandarmerii / Варшавское губернское жандармское управление). S. 118, 238, 258

Главный архив исторических документов (Archiwum Główne Akt Dawnych, AGAD, Варшава, Польша)

Zespół 253 (Centralne Władze Oświatowe Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego / Центральные органы исполнительной власти по вопросам образования Варшавского герцогства и Царства Польского). S. 57, 60, 64.

Исторический архив Эстонии (Eesti Ajalooline Arhiiv, ЕАА, Тарту, Эстония)

F. 402 (Tartu Keiserlik Ülikool / Тартуский Императорский Университет [Императорский Юрьевский университет]). N. 1. S. 3528; N. 3. S. 211, 212, 886, 974, 1279, 1280; N. 4. S. 1242; N. 7. S. 341a, 462; N. 8. S. 2454; N. 9. S. 17.

F. 384 (Riia (Tartu) õrperingkonna kuraator / Попечитель Рижского (Тартуского [Дерптского]) учебного округа). N. 1. S. 1382, 3342, 3356, 3385; N.3. S. 37.

Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ, Киев, Украина)

Ф. 268 (Южное районное охранное отделение). Оп. 1. Д. 543.

Ф. 274 (Киевское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 3318, 3682; Оп. 4. Д. 531.

Ф. 275 (Киевское охранное отделение). Оп. 1. Д. 291, 650, 2154, 2527, 330; Оп. 2. Д. 53.

Ф. 304 (Харьковское охранное отделение). Оп. 1. Д. 6, 145.

Ф. 385 (Жандармское Управление г. Одессы). Оп. 1. Д. 714, 1972, 2326, 2462, 3035; Оп. 2. Д. 26.

Ф. 705 (Юго-восточное охранное отделение). Оп. 1. Д. 895.

Ф. 707 (Управление Киевского учебного округа). Оп. 54. Д. 116. Оп. 62. Д. 22; Оп. 85. Д. 2, 3, 5, 36, 38; Оп. 87. Д. 6639; Оп. 158. Д. 34, 58, 79, 95; Оп. 192. Д. 25; Оп. 256. Д. 264; Оп. 262 /1884/. Д. 1, 5, 13, 14, ч. 1, 14, ч. 2, 14, ч. 3, 14, ч. 4, 14, ч. 5; Оп. 262 /1885/. Д. 6, 8, 12; Оп. 262 /1886/. Д. 8, 14, 16; Оп. 262 /1887/. Д. 3, 5, 6; Оп. 262 /1888/. Д. 3; Оп. 262 /1889/. Д. 5; Оп. 262 /1890/. Д. 6; Оп. 262 /1891/. Д. 6; Оп. 262 /1892/. Д. 5; Оп. 262 /1894/. Д. 1; Оп. 262 /1895/. Д. 18, 24; Оп. 262 /1896/. Д. 9, 14; Оп. 262 /1897/. Д. 7, 10; Оп. 262 /1898/. Д. 5, 10; Оп. 262 /1902/. Д. 14, 17; Оп. 262 /1903/. Д. 3, 9; Оп. 262 /1904/. Д. 12, ч. 1, 15.

Ф. 2037 (А.С. Лебедев). Оп. 1. Д. 41.

Ф. 2052 (Н.Ф. Сумцов). Оп. 1. Д. 29, 1421.

**Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ, до 2013 г. –
Центральный исторический архив Москвы, ЦИАМ, Москва)**

Ф. 418 (Императорский Московский университет). Оп. 53. Д. 345, 346, 429, 556;
Оп. 70. Д. 420; Оп. 500. Д. 24, 27, 29, 30, 31, 33, 36, 45, 90, 95; Оп. 514. Д. 26, 63,
97.

Ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). Оп. 2. Д. 4065,
4066, 4185, 4285, 4288, 4384, 4922, 4927, 4931, 4933, 4940, 4962, 5043, 5075, 5316,
5575, 5576, 6004, 6156, 6290, 6452, 6581, 6589, 6753, 6777, 6933, 6962, 7158, 7396,
8178; Оп. 20. Д. 73.

Государственный архив города Киева (ГАК, Киев, Украина)

Ф. 16 (Императорский университет Святого Владимира). Оп. 327. Д. 9, 16, 20, 21,
29, 45, 51, 78, 125, 134, 183; Оп. 332. Д. 53, 54, 81, 101, 110, 113, 121, 142; Оп. 333.
Д. 116, 128, 151, 153, 154, 156, 173; Оп. 334. Д. 12, 24, 26; Оп. 337. Д. 76, 104;
Оп. 465. Д. 220, 221, 226, 240, 243, 252, 271, 309, 314, 316, 323, 401; Оп. 469.
Д. 185, 190, 220, 224, 233, 237.

Государственный архив Одесской области (ГАОО, Одесса, Украина)

Ф. 42 (Канцелярия попечителя одесского учебного округа). Оп. 35. Д. 286, 287,
290, 297, 299, 300, 304, 305, 313, 314, 323, 324, 326, 332, 333, 353, 367, 370, 371,
382, 406, 414, 427, 430, 431, 438, 439, 440, 441, 452, 478, 489, 495, 497, 499, 542,
554, 568, 609, 648, 651, 665; Оп. 37. Д. 16, 21.

Ф. 45. (Императорский Новороссийский университет). Оп. 4. Д. 1132, 1143, 1145,
1146, 11636, 1404, 1424, 1433, 1437, 1503, 1668, 1670, 1667, 1729; Оп. 19. Д. 2, 18,
28, 29, 528, 569, 581, 625, 693, 736, 1372; Оп. 22. Д. Д. 7, 26, 118, 119.

Ф. 151 (Щепкин Евгений Николаевич). Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 103.

Ф. 153 (Линниченко Иван Андреевич). Оп. 1. Д. 6, 7, 21, 51, 52, 54, 124, 220, 480,
551.

Ф. 158 (Кочубинский Александр Александрович). Оп. 1. Д. 9.

Ф. 170 (Клитин Александр Михайлович). Оп. 1. Д. 1.

Государственный архив Харьковской области (ГАХО, Харьков, Украина)

Ф. 3 (Канцелярия Харьковского губернатора). Оп. 283. Д. 630; Оп. 285. Д. 506; Оп. 287. Д. 770, 1014, 1028, 1165, 3266, 3295, 3433, 3555, 3725, 3735, 3736, 3747, 3962, 4416, 4434, 4480; Оп. 288. Д. 2473; 290. Д. 6, 12.

Ф. 52 (Управление полицмейстера г. Харькова). Оп. 1. Д. 342; Оп. 4. Д. 115.

Ф. 667 (Императорский Харьковский университет). Оп. 286. Д. 133, 135, 140, 143, 144 а, 145, 146, 147, 149, 157, 158, 160, 162, 163, 167, 168, 173, 189, 196.

Ф. 1011 (А.П. Рославский-Петровский (историк, профессор Харьковского университета, Харьков) 1834 – 1894 гг.). Оп. 1. Д. 1, 4, 8.

Ф. 1027 (М.В. Ключков). Оп. 1. Д. 55, 56, 57, 59; Оп. 2. Д. 67.

Ф. Р-845 (Харьковский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 3. Д. 58.

Ф. Р-2792 (Харьковский государственный университет). Оп. 7. Д. 57, 744.

Ф. Р-5810 (В.Я. Данилевский). Оп. 1. Д. 118, 120, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148.

Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ)

Ф. 1 (Канцелярия Казанского губернатора). Оп. 5. Д. 216, 1367; Оп. 6. Д. 476, 1207.

Ф. 92 (Казанский Учебный округ). Оп. 1. Д. 15871, 16007, 19872, 21876, 23047, 23179; Оп. 2. Д. 1457, 2109, 3966, 4522, 4522а, 4523, 4843, 6206, 6222, 6224, 7545, 7545, 9544, 9548, 25111, 25125, 25697.

Ф. 199 (Казанское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 65, 109, 295, 330, 501, 840; Оп. 2. Д. 48, 200, 1273.

Ф. 977 (Казанский университет). Оп. «Совет». Д. 7239, 7277, 7278, 7288, 7330, 7400, 7420, 7424, 7435, 7456, 7487, 7510, 7610, 7669, 7718, 7770, 7784, 7792, 7868, 7977, 8156, 8160, 8248, 8324, 8336, 8347, 8357, 8382, 8392, 8428, 8441, 8473, 8518, 8698, 8849, 8870, 8937, 8992, 9079, 9275, 9339, 9383, 9394, 9577, 9617, 9674а, 9681, 9712, 9758, 9761, 9905, 9921, 9928, 9937, 9937, 10226, 10319, 10398, 10452, 10464, 10663, 10664, 10806, 10813, 10817, 10826, 10833, 10897, 10959, 10960, 10962, 10990, 10993, 11101, 11102, 11108, 11109, 11110, 11141, 11202, 11232, 11260,

11290, 11447, 11474, 11476, 11488, 11506, 11512, 11517, 11627, 11667, 11683, 11692, 11882, 12039, 12062, 12198, 12233, 12346, 12401, 12415, 12627, 12801, 12881, 12933, 13012, 13398, 13399, 13400, 13406; Оп. 614. Д. 3, 7, 16, 18, 22.

Государственный архив Пермского края (ГАПК)

Ф. Р-180 (Пермский университет). Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 50, 61, 62, 327, 522а, 537, 1019, 1025, 1026, 1266; Оп. 2. Д. 10, 15, 27, 28, 32, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 73, 75, 80, 88, 89, 94, 105, 111, 113, 117, 118, 135, 144, 147, 149, 156, 161, 178, 184, 187, 190, 226, 257, 258, 260, 261, 268, 275, 282, 296, 297, 309, 325, 339, 342, 346, 356, 363, 371, 373, 382, 384, 408, 414, 419, 408.

Государственный архив Томской области (ГАТО)

Ф. 102 (Томский университет). Оп. 1. Д. 649, 1016; Оп. 9. Д. 85.

Ф. 126 (Управление Западно-Сибирского учебного округа). Оп. 2. Д. 1785.

Ф. 233 (Томская городская управа). Оп. 10. Д. 6.

Государственный архив Саратовской области (ГАСО)

Ф. 393 (Саратовский императорский Николаевский университет Министерства народного просвещения. 1909-[1918]). Оп. 1. Д. 1, 13, 17, 20, 21, 24, 26, 28, 29, 31, 50, 53, 88, 89, 90, 92, 94, 97, 103, 105, 106, 108, 118, 129, 152, 161, 171, 175, 182, 200, 202, 210, 226, 259, 261, 262, 269, 270, 271, 272, 285, 286, 316, 317, 344, 348, 350, 351, 352, 364, 366, 369, 452, 464, 469, 471, 489, 563, 585, 596, 597, 598, 600, 607, 672, 686, 696, 708, 709, 711, 714, 715, 716, 718, 719, 731, 740, 796, 797, 819, 888, 891, 896, 897, 900, 905, 910; Оп. 2. Д. 5, 8, 10; Оп. 4. Д. 3, 5, 6, 7.

Ф. 53 (Саратовское губернское жандармское управление). Оп. 8. Д. 54 (1908–1909), 14 (1915).

Ф. 59 (Саратовское городское полицейское управление). Оп. 1. Д. 1671.

Ф. 60 (Саратовский полицеймейстер). Оп. 1. Д. 282б, 295.

Центр документации новейшей истории администрации Воронежской области (ЦДНИ ВО)

Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-16967, т. 3.

Архив Музея истории ТГУ. Личные фонды П.В. Бутыгина, И.А. Валединского, Н.Ф. Кащенко, М.Г. Курлова, И.А. Малиновского, В.В. Сапожникова, Д.И. Тимофеевского, А.Д. Тимофеевского.

Законы и нормативные документы

1. Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства Народного Просвещения (Высочайше утверждены 24 августа 1902 года). Харьков, 1902. 8 с.

2. Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения: Утв. 22 дек. 1901 г. Харьков, 1902. 12 с.

3. Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб, 1884. 63 с.

4. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб, 1908. 966 с.

5. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXVI. Отделение I. СПб, 1909.

6. Положение о форменной одежде для чинов Министерства народного просвещения: [Утв. 30 окт. 1897 г. Москва], 1898. 8 с.

7. Сборник законоположений и распоряжений об участии в политических партиях лиц, состоящих на службе в ведомстве министерства народного просвещения. Составлен по официальным источникам / Сост. А.И. Сыромятников. Одесса, 1913. 24 с.

8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 11. Царствование Александра III. 1899–90 гг. СПб, 1895.

9. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. 1897–98. СПб, 1902.

10. Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. Т. 14. 1898–1900 гг. СПб, 1904.

11. Свод законов Российской империи. СПб, 1876. Т. III.
12. Устав Императорского Дерптского университета 1865. Дерпт, 1865.
13. Устав ссудо-сберегательной кассы при Императорском Харьковском Университете. [Харьков, 1896]. 8 с.
14. Устав ссудо-сберегательной кассы при Императорском Университете Св. Владимира (в г. Киеве). [Киев, 1893]. 12 с.
15. Устав частной психиатрической лечебницы, учрежденной приват-доцентом Императорского Харьковского Университета доктором медицины Б. Грейденбергом в г. Харькове. Харьков, 1904. 8 с.

Делопроизводственная документация

16. Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1903 год. СПб, 1905. 845 с.
17. Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год. Пг, 1916. 410 с.
18. Годичные акты в Императорском Николаевском университете. Саратов, 1910–1916.
19. Годичные отчеты о состоянии Императорского Казанского университета за 1884–1916 гг. Казань, 1885–1916.
20. Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Московского университета 28 февраля 1901 г., для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни // Материалы по истории студенческого движения в России. Лондон – СПб, 1906. Вып. 2. С 1–91.
21. Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета, для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. 31 с.
22. Доклад комиссии, назначенной Советом Императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы, предложенные г. Министром Народного Просвещения об изменении в уставе и

правилах университетов. СПб, 1901 г. 69 с.

23. Доклад комиссии Новороссийского университета 4 октября 1897 года для пересмотра вопроса о существующей системе профессорского гонорара. Одесса, 1897. 14 с.

24. Доклады комиссии, избранной Советом Императорского университета Св. Владимира для разработки ответов на вопросы, предложенные Г-ном Министром Народного Просвещения относительно устройства университетов. Киев, 1901. 116 с. + 44 с.

25. Доклады комиссии, избранной Советом Императорского Юрьевского университета для составления проекта мотивированных ответов на вопросы, предложенные господином Министром народного просвещения относительно желательного устройства университетов. Юрьев, 1901. 136 с.

26. Записка Комиссии, избранной Советом Харьковского Университета 21 января 1905 года. Харьков, 1905. 8 с.

27. Записка Комиссии по пересмотру устава Варшавского университета. Варшава, 1901. 145 с.

28. Записка Совета Императорского Харьковского Университета по вопросу об условиях, при которых возможно достижение нормального течения университетской жизни. Харьков, 1905. 8 с.

29. Инструкция кураторам в Императорском Юрьевском университете. [Юрьев, 1900]. 3 с.

30. Краткий отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за первое полугодие 1906/7 учебного года. Одесса, 1907. 5 с.

31. Обзор преподавания и учебный план медицинского факультета Императорского Николаевского университета. Саратов, 1910. 14 с.

32. Обзор преподавания по медицинскому факультету Императорского Николаевского университета за 1913–14 академический год. Саратов, 1913. 40 с.

33. Ответ Совета Императорского Харьковского университета на вопросы, предложенные Министерством Народного Просвещения об изменении Устава

1884 года. Хорьков, 1901. 143 с.

34. Ответы Совета Императорского Казанского университета на предложенные Господином Министром Народного Просвещения вопросы, касающиеся устройства университетов. Казань, 1901. 45 с.

35. Отчет Комитета Российского Общества Красного Креста при Императорском Казанском Университете с 26 октября 1912 г. по 1 января 1913 г. Казань, 1913. 22 с.

36. Отчет о состоянии Варшавских высших женских курсов за 1912–1913 акад. год (4-й год существования). Варшава, 1914. 169 с.

37. Отчет о состоянии лазарета Императорского Харьковского университета для раненых воинов со дня его открытия 26 октября 1914 года по 1-е января 1915 года. Харьков, 1915. 40 с.

38. Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1884–1916 гг. М., 1885–1917.

39. Отчеты о состоянии Императорского Томского университета за 1888–1916 гг. Томск, 1889–1917.

40. Отчеты о состоянии [и деятельности] Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1916 гг. СПб [Пг], 1885–1916.

41. Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1884–1916 гг. Харьков, 1885–1916.

42. Правила о предметной системе преподавания и экзаменов на Юридическом Факультете Императорского Харьковского университета. Харьков, 1907. 7 с.

43. Правила стипендий и премий, существующих при Императорском Харьковском университете на счет капиталов, пожертвованных университету для этих целей разными лицами. Харьков, 1889. 26 с.

44. Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. 136 с.

45. Протоколы заседаний Совета Императорского [Николаевского] Саратовского университета за 1909–1915 гг. Саратов, 1910–1916.

46. Рапорт Председателя Комиссии, избранной Советом [Харьковского Университета] для составления проекта ответа по вопросам, касающимся устройства университетов, профессора Л.Л. Гиршмана. Харьков, 1901. 15 с.

47. Сводная записка о материалах, поступивших в министерство Народного просвещения по вопросам о желательных изменениях в устройстве Императорских Российских университетов. СПб, 1902. 206 с.

Документальные издания

48. Будилович А.С. Юрьевский университет. Несколько документальных справок по содержанию к ответу бывшего ректора Дерптского университета ректору Юрьевского университета // Рижский вестник. 1897. № 93. 23 апреля.

49. В память посещения их Императорскими Величествами Московского Императорского университета. Новочеркасск, 1887. 32 с.

50. Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Сборник документов / Отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб: «Лики России», 2007. 341 с., илл.

51. История профсоюзных организаций Томского государственного университета в документах и материалах (2006–2015 гг.) / Под ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 2015. 240 с.

52. Материалы по истории Ленинградского университета. 1819–1917. Обзор архивных документов / Сост.: Горфункель А.Х., Никулина А.А., Семенов С.Н. Л., 1961. 124 с.

53. Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Науч. ред. М.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. 372 с.

54. Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 2. СПб, 1903. 391 с.

55. Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. 491 с.

56. Труды Первого Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы: С.-Петербург, 3–7 января 1908 г. СПб, 1908. VIII, 527 с.

57. Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906. 343 с.

58. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века. Антология / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. 527 с.

59. Alma Mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917–1920. Матеріали, документи, спогади. У 3 кн. / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. Київ, 2000. Кн. 1. Університет Св. Володимира між двома революціями. 702 с.

Справочные издания

60. Адрес-календарь Одесского градоначальника на 1889 год. Одесса, 1888. 479 с.

61. Алфавитный указатель жителей С.-Петербурга, Гатчины, Красного Села, Кронштадта, Ораниенбаума, Павловска, Петергофа и Царского Села; Список улиц, домов и их владельцев на 1913 год. СПб, 1913. 895 с.

62. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета [за сто лет] (1804–1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 1. Кафедра православного богословия, факультеты историко-филологический (с разрядом восточной словесности и лектурами) и физико-математический. Казань, 1904. 553 с.

63. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета [за сто лет] (1804–1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 2. Факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. Казань, 1904. 455 с.

64. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть

века его существования, 1869–1894. Том первый. А–Л. СПб, 1896. 419 с.; Том второй. М–Я. СПб, 1898. 374 с.

65. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Университета Святого Владимира (1834–1884), Киев, 1884. 816 с.

66. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования. (1802–1902). Т. 1. Юрьев, 1902. 664 с.; Т. 2. Юрьев, 1903. 656 с.

67. Библиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета: 1905–1917. Казань. 1986. 80 с.

68. Биобиблиографический словарь ученых Харьковского университета (1805–2004). Т. 1: Ректоры / Сост.: В.Д. Прокопова, Р.А. Ставинская, М.Г. Швалб, Б.П. Зайцев, С.М. Куделко, С.И. Посохов. Харьков, 2004. 162 с.

69. Ведомость о стипендиях в Императорских университетах. СПб, 1890. 103 с.

70. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII – начала XX в. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб, 2003. 544 с.

71. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура. XVIII – начало XX в. Физико-математические науки: Биографический словарь. СПб, 2008. 360 с.

72. Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. М., 2003. 293 с.

73. Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006. 299 с.

74. Временник центрального статистического комитета. Выпуск 1. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские / Сост. А. Дубровский. СПб, 1888. 110 с. + 35 с.

75. Вся Казань. Справочная книга на 1910 год. Казань: Типо-литография И.С. Петрова, на Булаке с.д., 1910. 422 с.

76. Деканы Казанского медицинского университета: (от медицинского до медицинского университета): Биографический словарь деканов Казанского

государственного медицинского университета / Под ред. А.Л. Зефирова и В.Ю. Альбицкого. Казань, 1997. 64 с.

77. Есипов В.В. Материалы к истории Императорского Варшавского университета Биографические очерки // Варшавские университетские известия. 1914. № 2. С. 1–59.

78. Загоскин Н.П. Деятели императорского Казанского университета. 1805–1900 гг. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95 лет его существования. Казань, 1900. 187 с.

79. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе с приложением / Сост. Г.Г. Москвич. Одесса, 1914. 224 с.

80. Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь / Отв. составители А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010. 894 с.

81. К столетней годовщине Казанского университета. Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете. (1805–1905). Материалы для истории университета / Сост. А.И. Михайловский. Ч. 1. Вып. 3 (1885–1903 г.г.). Казань, 1908. 1647 с.

82. Костицын В.И. Ректоры Пермского университета. 1916–2006. Изд. 2-е, перераб. и доп. Пермь, 2006. 352 с.

83. Краковский К.П. Нить времени (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета). Ростов-на-Дону, 2003. 382 с.

84. Левицкий Г.В. Астрономы Юрьевского университета с 1802 по 1894 год. Юрьев, 1899. 224 с.

85. Лёвшин Л.В. Деканы физического факультета Московского университета. М., 2002. 272 с.

86. Личный состав Императорского С.-Петербургского университета // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–86 академического года. СПб, 1886. С. 155–162.

87. Личный состав императорского Университета Святого Владимира на

[1884–1916 годы]. Киев, 1885–1916.

88. Личный состав Императорского Дерптского [Юрьевского] университета [за 1884–1916 годы]. Дерпт-Юрьев, 1885–1916.

89. Личный состав Пермского отделения Императорского Петроградского университета на 1916/17 учебный год. Пермь, 1917. 35 с.

90. Милюков П.Н. Университеты в России // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза - И.А. Ефрона. Т. 68. СПб, 1902. С. 788–800.

91. Москва: Энциклопедия / Глав. ред. С.О. Шмидт; Сост.: М.И. Андреев, В.М. Карев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 976 с.

92. Московский университет // Энциклопедический словарь. Т. XX. СПб, 1897. С. 1–4.

93. Настольная справочная книга учащихся в высших учебных заведениях и путеводитель по г. Юрьеву / Сост. А.П. Тюрморезов. Юрьев, 1915. 305 с.

94. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.: Хроника: в 3 т. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / Сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск: изд-во Том. ун-та, 2013. 402 с.

95. Памятные книжки Западно-Сибирского учебного округа за 1897–1916 гг. Томск, 1897–1916.

96. Памятная книжка Варшавской губернии на 1894 г. Варшава, 1894. 330 с.

97. Памятная книжка Варшавской губернии на 1913 г. Отдел первый. Варшава, 1913. 512 с.

98. Памятная книжка Одесского учебного округа на 1913–1914 учебный год. Одесса, 1914. 499 с.

99. Петроград. Статистические данные, относящиеся к городу Петрограду и Петроградскому городскому хозяйству (В диаграммах). Пг, 1916. 56 с.

100. Профессора и доктора наук Саратовской области, 1909–1999: Библиографический справочник: в 8 т. Т. 1: 1909–1917 / Редколлегия: А.И. Аврус (отв. ред.) и др. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 246 с.

101. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института –

Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013): Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, Г.И. Мендрина, А.И. Венгеровский, В.В. Новицкий. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2013. Т. 1, 488 с.

102. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013): Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, Г.И. Мендрина, А.И. Венгеровский, В.В. Новицкий. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2014. Т. 2, 574 с.

103. Профессора Московского университета. 1755–2004. Биографический словарь / Авт.-сост. А.Г. Рябухин и Г.В. Брянцева. М., 2005. Т. 1. 816 с.; Т. 2. 768 с.

104. Профессора Пермского государственного университета (1916–2001) / Гл. ред. В.В. Маланин. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 432 с.: ил.

105. Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: биобиблиографический словарь / Сост. Г.А. Тишкин; редкол.: Л.А. Вербицкая (отв. ред.) и др.; авт. вступ. ст.: Л.А. Вербицкая, Г.А. Тишкин. СПб, 2004. 756 с.

106. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996. 288 с.

107. Путеводитель и Справочная книжка по Юрьеву и Юрьевскому университету / Ред. Д.К. Зеленин. Юрьев, 1909. 109 с.

108. Путеводитель по Киеву / Ред. В.Д. Бублик. Киев, 1894. 288 с.

109. Путеводитель по Одессе / Изд. Ю. Сандомирского. Одесса, 1901. 284 с.

110. Санкт-Петербург. Энциклопедия / ред. Б.В. Ананьич и др. СПб; М., 2006. 1024 с.

111. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг, 1917. 673 с.

112. Свод статистических данных по гор. Петрограду за 1916 год. Пг, 1917. 60 с.

113. Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917) / Ред. коллегия: Р.Ш. Ганелин (руковод. проекта), А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, Е.А. Ростовцев, И.Л. Тихонов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html> (дата обращения: 04.05.2018).

114. Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX века. Справочное пособие. М., 2001. 336 с.: портр.

115. Список лицам, служащим [лиц, служащих] по ведомству Министерства народного просвещения [за 1884–1916 года]. СПб-Пг, 1884–1917.

116. Список лицам, служащим в императорском Университете Святого Владимира (по 1 января 1894 г.). Киев, 1894. 113 с.

117. Список лиц, служащих в Императорском Харьковском университете (на 1 января 1903 г.). Харьков, 1913. 25 с.

118. Список лицам, служащим по Императорскому Харьковскому университету на 1903 год. Харьков, 1903. 36 с.

119. Список лицам, служащим по Императорскому Харьковскому университету на 1913 год. Харьков, 1913. 64 с.

120. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета императорского бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг, 1916. 63 с.

121. Список профессоров и преподавателей факультета восточных языков императорского бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг, 1917. 35 с.

122. Список профессоров и преподавателей физико-математического факультета императорского бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг, 1916. 63 с.

123. Список профессоров и преподавателей юридического факультета императорского бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг, 1916. 45 с.

124. Список г.г. членам Государственного Совета по 13 Января 1915 г. Пг,

1915. 37 с.

125. Справочник по высшему образованию. Руководство для поступающих во все высшие учебные заведения России / Сост. Д. Марголин. Киев: Сотрудник, 1911. 507 с.

126. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Ред. Н.П. Загоскин, Казань, 1895. 805 с.

127. Статистические таблицы и личные списки по Императорскому Юрьевскому, бывшему Дерптскому университету (1802–1902). Юрьев, 1902. 39 с.

128. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. 440 с.

129. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 гг. / Ред.-сост. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2001. 327 с.

130. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В., Мендрин Г.И., Венгеровский А.И., Новицкий В.В. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): Биографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2013. Т. 1. 488 с.

131. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В., Мендрин Г.И., Венгеровский А.И., Новицкий В.В. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013): Биографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2014. Т. 2. 574 с.

132. Харьковский календарь на 1904 год: С прил. плана г. Харькова. [Харьков, 1903]. VII, [2], VI, 336, 272 с.

133. Члены 2-ой Государственной Думы: Биографии. Сравнительная характеристика членов 1-ой и 2-ой думы. Алфавитный указатель. СПб,

1907. 124 с.

134. Шаповалов В.А., Якушев А.Н. Историко-статистические материалы по университетам России о количестве лиц, утвержденных в ученых степенях и учено-практических медицинских званиях (1794–1917 гг.): Справочное пособие. СПб, 1995. 235 с.

135. Энциклопедия Саратовского края: в очерках, событиях, фактах, именах / [редкол.: А.И. Аврус и др.]. Саратов, 2002. 687 с.

136. Энциклопедия Томской области. Т. 1: А–М. Томск, 2008. 480 с.

137. Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск, 2009. 465–1000 с.

138. Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Одесса, 2000. Т. 1: Ректори. 180 с.; Т. 2: А–І. 448 с.; Т. 3: К–П. 542 с.; Т. 4: Р–Я. 544 с.

139. Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat / Bearbeitet von A. Hasselblatt, G. Otto. Dorpat, 1889. VIII, 1007 s.

140. Poczet Rektorów Uniwersytetu Warszawskiego / Pod red. prof. dr hab. Wojciech Tygielski. Warszawa, 2016. 417 s.

141. Portrety uczonych. Profesorowie Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915 / Pod red. prof. dr hab. Wojciech Tygielski. Warszawa, 2016. 536 s.

Периодические издания

142. Варшавские университетские известия. Варшава, 1884–1916.

143. Волжский листок (Казань). 1907. 19 июня.

144. Голос Москвы (Москва). 1905.

145. Журнал Министерства народного просвещения (СПб). 1884–1917.

146. Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1884–1916.

147. Известия Императорского Томского университета. Томск, 1889–1916.

148. Известия Императорского Харьковского университета. Харьков, 1884–1916.

149. Известия Томского городского общественного управления. 1905, 1908–

1914.

150. Киевская мысль (Киев). 1908. 30 июля.
151. Московские ведомости (Москва). 1916.
152. Наши дни (СПб). 1904. 20 декабря.
153. Новое время (СПб). 1908. 1 сентября.
154. Речь (СПб). 1908. 22 июля.
155. Россия (СПб). 1902.
156. Русские ведомости 1908. 31 июля, 1909. 18 сентября.
157. Русское слово (Москва). 1908. 19 сентября. 1911. 2 февраля.
158. Русь (СПб). 1908. 21 октября.
159. Саратовец (Саратов). 1910.
160. Сибирская жизнь (Томск). 1897–1917.
161. Университетские известия. Киев, 1884–1916.
162. Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1884–1916.
163. Ученые записки Императорского Московского университета. М., 1884–1916.
164. Ученые записки Императорского Дерптского [Юрьевского] университета. Дерпт-Юрьев, 1884–1916.
165. Южный край (Харьков). 1913. 17 сентября.

Публицистика

166. Багaley Д.И. Каковы должны быть штаты Харьковского университета для удовлетворения его неотложных нужд (к предстоящему пересмотру университетских штатов). Харьков, 1910. 27 с.
167. Багaley Д.И. Новые данные к истории университетского быта // Жизнь. 1899. Т. 9. С. 139–169.
168. Багaley Д.И. Экономическое положение русских университетов. СПб, 1914. 36 с.
169. Будилович А.С. Ещё два слова о балтских взглядах на Юрьевский

Университет // Рижский вестник. 1897. №№ 149, 150.

170. Будилович А.С. Наука и политика. Три статьи по злободневным вопросам. СПб, 1905. 110 с.

171. В.И. Вернадский. Публицистические статьи / Сост. и отв. ред. В.П. Волков. М., 1995. 320 с.

172. Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 2 (4). С. 7–38.

173. Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб, 1912. 21 с.

174. Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 107–140.

175. Виноградов П.Г. Что делается и что делать в русских университетах? // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 141–153.

176. Виноградов П.Г. Новые временные правила // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 154–160.

177. Виноградов П.Г. Проект нового университетского устава // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 167–172.

178. Виноградов П.Г. Университетский вопрос // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 173–177.

179. Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. М.: Студенческий голос, 1908. 86 с.

180. Георгиевский А. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков СПб, 1890. 302 с.

181. Глинский Б.Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1900. Т. 79. Январь. С. 324–351.

182. [Глубоковский М.Н.] Практическое наставление родителям для выдачи замуж дочерей, а невестам – для выхода замуж // Наука и жизнь. 2000. № 12. С. 138–142 [переиздание из Наука и жизнь. 1890. № 1].

183. Горский А. Новый университетский устав. Варшава: Свободное слово, 1910. 12 с.

184. Гневушев А.М. По поводу проекта университетского устава // Сибирская жизнь (Томск). 1915. 20 июня.
185. Гримм Д.Д. Представительство университетов в Государственном Совете. М., 1913. 12 с.
186. Гримм Э.Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава // Русская мысль (Москва). 1916. № 4. С. 109–122. № 5. С. 52–57.
187. Еленев Ф. Студенческие беспорядки. СПб, 1888. 46 с.
188. Зацепя Г. Пасынки университета: Материалы по вопросу о положении в университете младших преподавателей. М., 1907. 47 с.
189. Зелинский Ф.Ф. Университетский вопрос в 1906 г. // ЖМНП. 1906. Август. [пагин. 4-я]. С. 111–159.
190. Ивановский В.Н. Движение к распространению университетского образования в России. М., 1900. 50 с.
191. Ивановский В.Н. Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам // ЖМНП. 1907. Ноябрь. [пагин. 6-я]. С. 1–47.
192. Казанский П. К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах. Одесса, 1901. 80 с.
193. Кареев Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. СПб, 1900. 210 с.
194. Кареев Н.И. Какое положение в высшей школе должны занимать ее студенты? // Сын Отечества. 1905. 7 сентября.
195. Кожевников А.Г. Проклятый вопрос (к современному положению Университета) // Человек. 2005. № 2. С. 104–112.
196. Кольцов Н. Академическая молодежь // Русское богатство. 1909. № 3. С. 159–178.
197. Кольцов Н. К университетскому вопросу. М., 1909. 99 с.
198. Красножен М.Е. Некоторые особенности устройства Юрьевского (бывшего Дерптского) университета: К вопросу об университетской реформе. Рига, 1904. 21 с.
199. Кулаковский П.А. Вопрос о Варшавском университете и польский

школьный законопроект 1907 года. СПб: типография Г. Скачкова с сыновьями, 1913. 226 с.

200. Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. 66 с.

201. Ленин В.И. Студенческое движение и современное политическое положение // Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 17. С. 214–220.

202. Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг, 1916. 44 с.

203. Липкин Ф.А. Движение цен за два года войны. Пг, 1916. 83 с.

204. Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова: Лекция, читанная студентам I курса юридического факультета Томского университета 7 сентября 1904 г. Томск, 1904. 25 с.

205. Мельгунов С.М. О недопущении евреев к университетскому преподаванию // Голос минувшего. 1915. № 11. Ноябрь. С. 274–275.

206. Миклашевский И.Н. К вопросу о профессорском гонораре. (Статистическая справка) // Образование. 1897. № 12. С. 1–20.

207. Миронов А.М. Правовое и материальное положение приват-доцентов в русских университетах // Вестник воспитания. 1905. № 5. С. 71–96.

208. Михайловский И.В. Университет и наука. Томск, 1908. 18 с.

209. Мякотин В.А. К вопросу о профессорском гонораре // Русское богатство. 1897. Октябрь. [пагин. 2-я]. С. 75–90.

210. Наши учебные заведения: Университет Св. Владимира в 1885 году // ЖМНП. 1886. Август. [пагин. 2-я]. С. 94–105.

211. Никольский Б. Гонорар или призвание? // Новое время. 1897. 2 сентября.

212. Никольский Б. О призвании к гонорару // Новое время. 1897. 15 сентября.

213. Петражицкий Л.И. Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. Т. I. Теоретические основы. СПб, 1907. 340 с.

214. Петражицкий Л.И. Университет и наука. Опыт теории и техники

университетского дела и научного самообразования. Т. II. Практические выводы. СПб, 1907. 639 с.

215. Покровский М.М. Мысли о реформе университетского учебного строя на основе «предметной» системы // ЖМНП. 1906. Март. [пагин. 3-я]. С. 1–48.

216. Пуришкевич В.М. Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб, 1914. 282 с.

217. Разумовский В.И. К истории университетов и медицинских факультетов. СПб, 1910. 36 с.

218. Сватиков С.Г. Опальная профессура 80-х гг. // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 5–78.

219. Сватиков С.Г. Русские университеты и их историческая биография. Пг, 1915. 20 с.

220. Симоненко Г.Ф. Возможно ли возрождение наших университетов при сохранении в них нынешней системы преподавания. Варшава, 1901. 151 с.

221. Староверов Б. Немецкое пленение Харьковского университета. Харьков, 1915. 41 с.

222. Трубецкой С.Н. По поводу правительственного сообщения о студенческих беспорядках // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 24 декабря.

223. Трубецкой С.Н. Ответ «Профессору университета» // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. 3 февраля.

224. Трубецкой С.Н. Татьянин день // Русские ведомости. 1904. 12 января.

225. Трубецкой С.Н. Быть или не быть университету // Русские ведомости. 1905. 25 февраля. № 54.

226. Трубецкой С.Н. Университет и студенчество // Русская мысль. 1897. № 4. С. 181–203.

227. Штаты императорских российских университетов. [СПб, 1907]. 49 с.

228. Эттинген Г. фон. Ещё о Дерптском и Юрьевском университете // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. 27 мая.

229. [L.M.N.] Отчего бегут профессора из Юрьевского университета? // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 2 ноября.

Автобиографии, воспоминания, дневники, письма

230. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1945. 185 с.
231. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. Том I: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930. М.: Наука, 2003. 388 с.
232. Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники, 1889–1927. СПб, 2005. 966 с.
233. А.Н. Савин. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Ответств. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 524 с.
234. Анциферов Н.П. Из дум о былом. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. 512 с.
235. Бежаницкая К. На медицинском факультете Тартуского университета в начале XX века // Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1977. Т. VI. С. 98–111.
236. Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Министром народного просвещения // Русский Архив. 1906. № 11. С. 358–407.
237. Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Попечитель Московского учебного округа // Русский Архив. 1906. № 7. С. 449–477.
238. Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Пред попечительством в Московском Учебном Округе // Русский Архив. 1906. № 4. С. 625–640.
239. Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М.: Издательство «Наука», 1987. 216 с.
240. Бузескул В.П. Дни баррикад в Харькове в октябре 1905 г.: (Личные воспоминания) // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 334–348.
241. Василенко С.Н. Из воспоминаний композитора // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 548–553.
242. Васильев В.П. Воспоминания об И.И. Захарове // ЖМНП. 1885. Ноябрь.

[пагин. 5-я]. С. 94–110.

243. Вересаев В.В. Воспоминания. В студенческие годы // Библиотека русской литературы. Режим доступа: <http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1> (дата обращения 05.06.2017).

244. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1886–1889. М., 1988. Т. 1. 304 с.

245. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1889–1892. М., 1991. Т. 2. 320 с.

246. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1893–1900. М., 1994. Т. 3. 368 с.

247. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1901–1908. М., 2003. Т. 4. 295 с.

248. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1909–1940. М., 2007. Т. 5. 299 с.

249. Вернадский Г.В. [сын В.И. Вернадского] Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 129–148.

250. Воропонов Ф.Ф. На рубеже двух уставов. Воспоминания студента 80-х гг. // Исторический журнал для всех. 1909. № 4. С. 315–334.

251. Воспоминания В.И. Герье. Гл. III: «Возникновение Высших женских курсов» // Владимир Иванович Герье и Московские высшие женские курсы: мемуары и документы. М., 1997. С. 12–31.

252. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого, 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. / Сост. Л.И. Толстая. М., 1997. 334 с.

253. Вульф Г.В. Последние месяцы в Варшавском университете // Голос минувшего. 1915. № 12. С. 190–196.

254. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авторы концепции проекта и составители: И.Б. Борисов, Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко / Под общ. науч. ред. А.В. Иванченко. М., 2008. 860 с.

255. Герье В. О Московской городской думе [публикация А.Н. Шаханова] // Московский архив. Вып. 1. М., 1996. С. 421–438.
256. Герье В.И. Детство. Учение до получения кафедры // История и историки. М., 1990. С. 419–437.
257. Гиляров О. Немцы в Юрьеве (Воспоминания студента) // Внутренний враг. М., 1915. С. 13–32.
258. Готье Ю.В. Университет (Из записок академика Ю.В. Готье) // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 1982. № 4. С. 13–27.
259. Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 554–574.
260. Грабарь В.Э. Четверть века в Тартуском (Дерптском – Юрьевском) университете // Ученые записки тартуского университета. 1954. Вып. 35. С. 55–72.
261. Грабарь И.Э. Университетские лекции // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 190–192.
262. Гревс И.М. В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 42–88; 1921. № 16. С. 137–166.
263. Гредескул Н.А. Революционный захват университета в Харькове // Пути революции. 1925. № 3. С. 38.
264. Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 368–406.
265. Деген Е. Воспоминания дерптского студента (из недавнего прошлого) // Мир Божий. 1902. № 3. [пагин. 1-я]. С. 71–105.
266. Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 601–614.
267. Дьяконов М.А. Двадцать пять лет в Прибалтийском крае. Вып. 1. Из воспоминаний старожила. Юрьев, 1916. 36 с.

268. Егоров А.Д. Из воспоминаний о медицинском факультете Казанского университета (1909–1914) // Казанский медицинский журнал. 1963. № 1 С. 80–83.
269. Егоров И.В. В Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 107–117.
270. Жебелев С.А. Alma mater // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 177–189.
271. Заблудовский П.Е. В Новороссийском университете в годы столыпинской реакции // Из истории медицины. Рига, 1984. [Вып.] 14. С. 116–120.
272. Зайцевский И. Слово о Лесгафте // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 166–172.
273. Записки В.В. Марковникова // Русский Архив. 1910. № 3. С. 357–400.
274. Зарницын Н. Дни юности // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 421–427.
275. Заславский Д.О. Предрассветное // Русское прошлое. 1923. № 4 С. 69–81.
276. Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л., 1991. 269 с.
277. Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента. М.: ИНДРИК, 2005. 400 с.
278. Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография) / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.А. Прозоровского, И.Л. Тихонова. СПб: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 272 с.
279. Каблуков И.А. Мои воспоминания // Фронт науки и техники. 1935. № 9. С. 41–48.
280. Караваев П.Н. В дооктябрьские годы: В Московском университете // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 403–407.
281. Кареев Н.И. Возвращение в университет // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 101–106.
282. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. 384 с.

283. Кауфман А.Е. За кулисами университета-юбилера (Из воспоминаний и бесед) [Новороссийский университет в 1870–1880-е гг.] // Голос минувшего. 1915. № 10. С. 165–178; 1915. № 12. С. 285–287; 1916. № 3. С. 290–294.

284. Кащенко Н.Ф. Краткая автобиография // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 341–358.

285. Кизеветтер А.А. Из воспоминаний восьмидесятника. III. Профессора // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3 (XVI). С. 150–156.

286. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: воспоминания 1881–1914. М.: Искусство, 1996. 396 с.

287. Келлер Б.А. Студенческие годы (Из воспоминаний) // Смена. 1939. № 5. С. 23–24.

288. Ковалевский А.П. Воспоминания о Риттере // Павло Григорович Ріттер. Збірник біографічних та бібліографічних матеріалів. Харьков, 1966. С. 40–47.

289. Конаржевский И.К. К десятой годовщине Императорского Томского университета: кое-какие мысли вслух // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 359–367.

290. Корелин М.С. Дневник // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 274–448.

291. Крачковский И.Ю. Впервые оппонентом на диссертации // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 138–145.

292. Левитский А. Из студенческих воспоминаний (Памяти А.И. Кирпичникова и А.И. Маркевича, профессоров Новороссийского университета). Вестник воспитания. 1906. № 8. [пагин. 1-я]. С. 83–117.

293. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. 384 с.

294. Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 286–341.

295. Марголис Ю.Д. Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С. 18–27.

296. Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники / Сост., примеч. и подгот. текста Ю.Н. Емельянова. М.: Индрик, 2003. 528 с.

297. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1 [1859–1907]. М., 1990. 353 с.

298. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2 [1907–1917]. М., 1990. 445 с.

299. Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 423 с.

300. Молодцов В.В. Здесь я принял эстафету, которую несу всю жизнь... // Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I / Сост. А.С. Стабровский. Пермь, Изд-во ТГУ Перм. отд-ние, 1991. С. 13–20.

301. Московский университет в воспоминаниях современников / Под ред. П.А. Зайончковского, А.Н. Соколова. М., 1956. 483 с.

302. Мусин-Пушкин А.А. Воспоминания о В.В. Бауере // ЖМНП. 1885. Февраль. [пагин. 2-я]. С. 115–123.

303. Никольский Б.В. Дневник 1896–1918. Т. 1: 1896–1903 / Изд. подг. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. 704 с.

304. Никольский Б.В. Дневник 1896–1918. Т. 2: 1904–1918 / Изд. подг. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. 656 с.

305. Овсянко-Куликовский Д.Н. Воспоминания. Александр Афанасьевич Потебня // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 273–292.

306. Орлов Ю.А. Невозвратимое прошлое // Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I / Сост. А.С. Стабровский. Пермь: Изд-во ТГУ. Перм. отд-ние, 1991. С. 20–39.

307. Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 583–596.
308. Профессор В.И. Модестов. Воспоминания, письма. М.: Принципиум, 2014. 416 с.
309. Радциг С.И. Страница из воспоминаний // Советское студенчество. 1938. № 10. С. 56–57.
310. Рубинштейн Л.И. Воспоминания первого студента Императорского Томского университета. Томск, 1913. 26 с.
311. Рубинштейн Л.И. Воспоминания первого студента Императорского томского университета // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 407–420.
312. Сабашников М.В. Воспоминания. В университете // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 575–582.
313. Саркасян Х.С. В Петербургском университете // Тропами жизни и литературы. Ереван, 1974. С. 239–248.
314. Селиванов А.Ф. Из воспоминаний о Харьковском университете за время с 1881 г. (август) по июнь 1885 г. постороннего слушателя // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 170–177.
315. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д.И. Менделеева. Воспоминания о Д.И. Менделееве его племянницы, Н.Я. Губкиной (урожд. Купустиной). СПб, 1908. 239 с.
316. Сергей Иванович Вавилов. Дневники, 1909–1951: в 2 кн. М.: Наука, 2012. Кн. 1. 603 с.
317. С.И. Вавилов. Из дневников 1909–1916 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 3–17.

318. Сеченов И.М. Профессорство в Петербургском университете (1876–1888) // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 161–165.

319. Сеченов И.М. Автобиографические записки. М., 1952. 292 с.

320. Стеклов В.А. Воспоминания // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 2. Харків, 2010. С. 199–225.

321. Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // Русский Архив. 1913. № 1. С. 8–86.

322. Струмилин С.Г. Из пережитого // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 31–34.

323. Сумцов Н.Ф. Материалы для истории Харьковского университета. Харьков, 1894. 35 с.

324. Танеев П.В. Воспоминания о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 517–532.

325. Тарле Е.В. Первая встреча с В.Л. Комаровым // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2. Л., 1982. С. 64–65.

326. Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого, 31 окт. 1905 г. – 24 апр. 1906 г. / Сост. Л.И. Толстая. М., 1997. 333 с.

327. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 392 с.

328. Устюжанин П.П. В душе пылал огонь свободы // Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I / Сост. А.С. Стабровский. Пермь, Изд-во ТГУ Перм. отд-ние, 1991. С. 10–13.

329. Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / Публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р.Б. Самофал. СПб: Нестор-История, 2009. 696 с.

330. Херасков И.М. Из истории студенческого движения в Московском

университете (Воспоминания участника. 1897–1903) // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 431–449.

331. Черепнин Н.Н. Санкт-Петербургский университет моего времени (1891–1895) // Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 110–119.

332. Чешихин В.Е. Из недавнего прошлого С.-Петербургского университета (Из воспоминаний бывшего студента ко дню 8 февраля) // Новое слово. 1895. № 2. С. 152–164.

333. Чепурный И. Проф[ессор] А.Н. Краснов в личной жизни. (Из воспоминаний) // Профессор Андрей Николаевич Краснов (1862–1914 г.). Харьков, 1916. С. 93–95.

334. Цыганков Д.А. Воспоминания профессора В.И. Герье. 1894 год в истории Московского университета // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Серия 2. Вып. 1 (38). С. 131–152.

335. Щетинин Б.А. В Московском университете (Из недавнего прошлого). М., 1906. 32 с.

336. Щетинин Б.А. Первые шаги (Из недавнего прошлого) // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 533–547.

337. Янжул И.И. Воспоминанія И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1910. Т. 1. 191 с.

338. Янжул И.И. Воспоминанія И.И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864–1909 г.г. СПб, 1911. Т. 2. 189 с.

339. Багалій Д.І. Автобіографія // Ювілейний збірник на пошану академіка Д.І. Багалія з нагоди 70-ї річниці життя та 50-х роковин наукової діяльності. Київ, 1927. С. 1–146.

340. Кістяківський О.Ф. Щоденник (1874–1885). У 2 тт. / Предмова І.Л. Бутича; примітки, покажчики, словник рідковживаних слів і термінів, список скорочень В.С. Шандра; упорядники В.С. Шандра (ст. упорядник), М.І. Бутич, І.І. Глизь, О.О. Франко. Київ: Наукова думка, Т. 2. 1995, 584 с.

341. Bochwic L. Wspomnienia uniwersyteckie, Warszawa 1882–1885, Petersburg 1885–1887; Z dawnych wspomnień sądowych. Wilno 1938, 133 s.

Некрологи

342. А.И. Никитский [профессор ИВУ] // ЖМНП. 1886. Декабрь. [пагин. 4-я]. С. 89–94.

343. А.Л. Дювернуа [ординарный профессор ИМУ] // ЖМНП. 1886. Май. [пагин. 4-я]. С. 67–70.

344. А.М. Бутлеров [заслуженный ординарный профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1886. Сентябрь. [пагин. 5-я]. С. 17–18.

345. А.Н. Веселовский [ординарный профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1907. Апрель. [пагин. 6-я]. С. 74–88.

346. А.Н. Коркин [заслуженный ординарный профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1908. Ноябрь. [пагин. 6-я]. С. 25–46.

347. А.П. Лебедев [профессор ИМУ] // ЖМНП. 1908. Октябрь. [пагин. 6-я]. С. 56–73.

348. А.Ю. Давидов [заслуженный профессор ИМУ] // ЖМНП. 1886. Январь. [пагин. 4-я]. С. 30–31.

349. Барон В.Р. Розен [профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1908. Апрель. [пагин. 6-я]. С. 167–188.

350. В.А. Юшкевич [бывший профессор ИТУ] // ЖМНП. 1908. Декабрь. [пагин. 6-я]. С. 65–69.

351. В.Б. Антонович [заслуженный ординарный профессор ИУСвВ] // ЖМНП. 1908. Июнь. [пагин. 6-я]. С. 51–75.

352. В.В. Бауер [ординарный профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1884. Декабрь. [пагин. 5-я]. С. 134–141.

353. В.И. Модестов [профессор ИСПбУ и ИНУ] // ЖМНП. 1907. Июль. [пагин. 6-я]. С. 75–82.

354. В.Н. Львов [профессор ИМУ] // ЖМНП. 1907. Август. [пагин. 6-я]. С. 117–120.

355. Воспоминание об И.И. Захарове [ординарный профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1885. Ноябрь. [пагин. 5-я]. С. 94–110.

356. Г.Ф. Шульц [заслуженный ординарный профессор ИХУ] // ЖМНП. 1908. Март. [пагин. 6-я]. С. 118–122.

357. Жебелев С.А. Владислав Петрович Бузескул: Некролог [профессор ИХУ] // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1931. № 10. С. 1065–1085.

358. И.В. Помяловский [заслуженный ординарный профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1906. Ноябрь. [пагин. 6-я]. С. 19–30.

359. И.С. Некрасов [ректор ИНУ] // ЖМНП. 1896. Январь. [пагин. 4-я]. С. 80–84.

360. Иван Николаевич Миклашевский [профессор ИХУ] // ЖМНП. 1902. Май. [пагин. 6-я]. С. 23–40.

361. К.М. Тресс [экстраординарный профессор ИВУ] // ЖМНП. 1886. Июнь. [пагин. 4-я]. С. 82–83.

362. К.Я. Люгебиль [ординарный профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1888. Апрель. [пагин. 4-я]. С. 126–138.

363. Л.С. Целковский [профессор ИХУ] // ЖМНП. 1887. Ноябрь. [пагин. 4-я]. С. 33–35.

364. М.Н. Петров [бывший профессор ИХУ] // ЖМНП. 1887. Март. [пагин. 4-я]. С. 42–47.

365. М.С. Дринов [ординарный профессор ИХУ] // ЖМНП. 1906. Август. [пагин. 6-я]. С. 190–206.

366. Н.А. Лавровский [бывший ректор ИВУ и попечитель Дерптского учебного округа] // ЖМНП. 1890. Январь. [пагин. 4-я]. С. 1–26.

367. Н.П. Дашкевич [заслуженный ординарный профессор ИУСвВ] // ЖМНП. 1908. Сентябрь. [пагин. 6-я]. С. 12–23.

368. Осипов И.П. Памяти Николая Александровича Черная. Харьков: Типо-Литография М. Сергеева и К. Гальченка, 1914. 7 с.

369. П.М. Мелиоранский [ординарный профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1907.

Апрель. [пагин. 6-я]. С. 107–122.

370. Памяти А.М. Бутлерова [заслуженный ординарный профессор ИСПбУ] // ЖМНП. 1887. Февраль. [пагин. 4-я]. С. 149–151.

371. Памяти Е.К. Редькина [профессор ИХУ] // ЖМНП. 1908. Ноябрь. [пагин. 6-я]. С. 18–24.

372. Памяти Михаила Ивановича Коновалова. М., 1908. 68 с.

373. Соловьев И. Заслуженный профессор Богословия в Московском Императорском Университете, протоиерей Николай Александрович Елеонский. Сергиев Посад, 1910. 20 с.

374. Ф.А. Зеленогорский [заслуженный профессор ИХУ] // ЖМНП. 1908. Декабрь. [пагин. 6-я]. С. 77–85.

375. Ф.Г. Мищенко [заслуженный ординарный профессор ИКУ] // ЖМНП. 1907. Июль. [пагин. 6-я]. С. 39–74.

376. Федоровский А. Профессор Николай Андреевич Богословский: некролог [профессор ИХУ] // Ежегодник по геологии и минералогии России. Юрьев, 1914. Т. 16, вып. 5. 158–164 с.

Литература

Общая литература

377. Абрамов Р.Н. Академическая автономия на службе интеллектуалов // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 107–122.

378. Аврус А.И. Власть и университеты в России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С. 207–218.

379. Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М., 2001. 85 с.

380. Алеврас Н.Н. Диссертационная культура российских историков: Взгляд на проблему шесть лет спустя // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: Опыт и перспективы изучения. Челябинск. 2016. С. 4–18.

381. Алеврас Н.Н. Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX – начала XX века // История и

историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: Сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 129–144.

382. Александров Д. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии: 1890–1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой, П. Гольдина. М., 2008. С. 593–632.

383. Андреев А.Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 9–31.

384. Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 156–169; № 2. С. 110–119.

385. Андреев А.Ю. О «новом прочтении» истории российских университетов // Высшее образование в России. 2009. № 3. С. 156–169.

386. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 648 с.

387. Андреев А.Ю. Существовал ли «русский путь» развития университетов? // Высшее образование в России. 2008. № 7. С. 113–119.

388. Артёмкин А.Н. «Университетский вопрос»: Политические аспекты формирования университетского устава // Власть. 2016. № 11. С. 191–196.

389. Астахова Е.В. Кадровый корпус высшей школы Украины: метаморфозы развития. Харьков, 2006. 188 с.

390. Арчegov С.Б. Академическая группа Государственного Совета (1906–1917 гг.): Историко-правовое исследование. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016. 255 с.

391. Баринов Д.А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // Клио. 2017. № 10 (130). С. 106–117.

392. Биографии университетских архивов / Под. ред. Е.А. Вишленковой,

К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М., 2017. 300 с.

393. Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М.: Изд-во Московского ун-та, 1957. 296 с.

394. Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М.: Страна Оз, 2014. 276 с.

395. Веникова М.С. Народные университеты России в начале XX века: Институционализация и образовательная деятельность. Дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2017. 240 с.

396. Вишленкова Е.А. Память об университетских конфликтах и конфликты университетских памятней // Cogito: Альманах истории идей. Вып. 3. Ростов-на-Дону. 2008. С. 114–129.

397. Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. 650 с.

398. Вишленкова Е.А., Парсамов В.С. Университетские истории в России: Генезис жанров // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (20). С. 164–172.

399. Воробьева Ю.С. Общественность и высшая школа в России в начале XX в. М., 1994. 227 с.

400. Вучинич А. Русская наука в эпоху кризиса: 1890–1910 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 3. С. 3–28.

401. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кинелева. М., 1995. 342 с.

402. Галай Ю.Г. Отечественная профессура и судебные практики о качестве юридического образования в университетах Российской Империи // Право и государство: Теория и практика. 2011. № 12. С. 77–81.

403. Глебов А.Г. П.Г. Виноградов об «университетском вопросе» в России начала XX в. // Российские университеты в XIX – начале XX вв. Воронеж, 1993. С. 132–138.

404. Глинникова С.В. Министр народного просвещения Л.А. Кассо глазами

его современников // Образование и общество. 2014. Т. 5. № 88. С. 99–104.

405. Горин Д.Г. Интеллектуалы и свобода. Опыт научного сообщества в дореволюционной России. М., 2012. 152 с.

406. Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков. Сб. ст. Брянск, 1996. С. 42–51.

407. Гребенщиков В.И. Опыт разработки результатов регистрации врачей России. СПб, 1891. 42 с.

408. Григорьева М.В. Проблемы студенческого самоуправления в российской публицистике второй половины XIX – начала XX века // Платоновские чтения. Материалы XII Всероссийской конференции молодых историков. Самара 10–11 ноября 2006 г. Самара, 2006. С. 152–154.

409. Гуркина Н.К. История образования в России (X–XX века): Учебное пособие. СПб: СПбГУАП, 2001. 64 с.

410. Гуркина Н.К. История образовательных учреждений в России (X–XX века): Учебное пособие. СПб: Полторак, 2012. 78 с.

411. Гусятников П.С. Студенческое движение в 1905 г. // Вопросы истории. 1955. № 10. С. 74–81.

412. Державин Н.С. Высшая школа и революция. М.; Пг, 1923. 46 с.

413. Еремина Т.И. Особенности правового оформления государственного пенсионного обеспечения преподавателей университетов в XIX – начале XX века // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2015. № 4. С. 23–30.

414. Еремина Т.И. Правовое регулирование служебной карьеры преподавателей университетов Российской Империи // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 1 (57). С. 144–148.

415. Еремина Т.И. Правовые стимулы профессиональной деятельности ученого сословия университетов Российской Империи // Право и образование. 2017. № 7. С. 137–148.

416. Еремина Т.И. Служебные льготы профессоров университетов в

Российской империи // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: сборник научных трудов ежегодной Всероссийской научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. М., 2014. С. 44–50.

417. Еремина Т.И. Университетский суд как элемент правового статуса университетов Российской империи // Правовая инициатива. 2014. № 4. С. 7.

418. Ефимова Е.А., Захаров А.В. Рост цен и уровень жизни населения в условиях мобилизации экономики (на материалах 1914–1915 гг.) // Власть. 2014. № 7. С. 149–154.

419. Дементьев И.О. Новые подходы к социальной истории русских и немецких университетов // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 3. С. 177–184.

420. Динес В.А. Еще раз о национальных моделях образования и о новом прочтении исторических текстов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 6. С. 305–320.

421. Динес В.А., Олесеюк Е.В., Шулус А.А. Очерки по истории и теории отечественной высшей школы. Саратов, 2002. 124 с.

422. Дмитриев А.Н. Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 196–235.

423. Дмитриев А.Н. Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 236–255.

424. Дмитриев А.Н. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 41–64.

425. Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX в.) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 105–204.

426. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции

российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/16d.html> (дата обращения: 06.06.2017).

427. Долженко О.В. Социокультурные проблемы становления и развития высшего образования: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. М., 1995. 54 с.

428. Дружилов С.А. Вузовская и академическая среда в России начала XX в. // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 270–280.

429. Жарова Е.Ю. Издаваемые университетами «Обозрения преподавания наук» как исторический источник по истории высшего образования в дореволюционной России // Историческое обозрение. 2013. № 14. С. 68–73.

430. Жарова Е.Ю. Курсовая и предметная системы биологического образования в Российской империи // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 238–248.

431. Жарова Е.Ю. Проблема молодых ученых: Категории научно-педагогических работников в университетах Российской Империи XIX – начала XX вв. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 13–15.

432. Жарова Е.Ю. Профессор университета Российской Империи как веха в истории русской интеллигенции // История в подробностях. 2013. № 2 (32). С. 038–043.

433. Жуков В.И. Социальный статус профессора в Российской и Советской империях и в демократической России: Историко-социологическая компаративистика // Берегиня 777 Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 1 (28). С. 174–181.

434. Жуковская Т.Н. Представляя университетское сословие // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 3. С. 170–176.

435. Жуковская Т.Н. Университеты и университетские традиции в России: Курс лекций. Петрозаводск, 2011. 140 с.

436. Завьялов Д.А. Российское законодательство о студенческих организациях (1855–1914) // Известия высших учебных заведений. Правоведение.

2006. № 4 (267). С. 186–201.

437. Зареченський А.П. «Польське питання» в університетах Російської імперії: проблеми історіографії // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2004. Вип. 7. С. 68–76.

438. Запорожец О.А. Университет как корпорация: интеллектуальная картография исследовательских подходов // «Гуманитарные исследования» (Высшая школа экономики). 2011. Вып. 6 (56). Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2012/02/07/1262502988/WP6_2011_06_fff.pdf (дата обращения: 17.11.2017).

439. Захаров В.В. Основные этапы эволюции правового статуса университета России (историко-юридический очерк) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1 (25). Режим доступа: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/029-019.pdf> (дата обращения: 06.06.2017).

440. Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование научных стажировок в Российской империи // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 3 (24). С. 17–29.

441. Зипунникова Н.Н. Правовой статус ученого в Российской Империи (особенности формирования ключевых компонентов) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/014-20.pdf> (дата обращения: 30.03.2017).

442. Зипунникова Н.Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2009. 440 с.

443. Змеев В.А. Высшая школа России в годы Первой мировой войны // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 3. С. 180–196.

444. Змеев В.А. Высшая школа России на рубеже XIX–XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 207–222.

445. Змеев В.А. Российское студенчество на рубеже XIX–XX веков // Российский научный журнал. 2014. № 3. Т. 41. С. 25–37.

446. Змеев В.А. Университетский устав 1884 г. // Социально-политический журнал. 1998. № 6. С. 139–154.

447. Змеев В.А. Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998. 242 с.

448. Зубов В.Е. Особенности организации материального обеспечения служебной деятельности чиновников в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. Август. С. 66–71.

449. Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium. СПб, 2003. С. 202–212.

450. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. 392 с.

451. Иванов А.Е. Еврейское студенчество в Российской Империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М.: Новый хронограф, 2007. 436 с.

452. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 360 с.

453. Иванов А.Е. Отклики Первой мировой войны в высшей школе Российской Империи // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 207–220.

454. Иванов А.Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977. С. 102–126.

455. Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: общественно-политический облик // История СССР. 1990. № 5. С. 60–76.

456. Иванов А.Е. Российский ученый корпус в зеркале первой русской

революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 6 (44). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/iv11.html> (дата обращения 30.08.2017).

457. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.

458. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004, 408 с.

459. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. 414 с.

460. Иванов А.Е. Университеты в России в 1905 г. // Исторические записки. 1971. Т. 88. С. 114–149.

461. Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.

462. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994. 195 с.

463. Иванов А.Е. Кулакова И. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 44–62.

464. Иванова Е. Попытка построения каузальной модели кадровой динамики профессорско-преподавательского состава университетов дореволюционной России // Социология в действии – 2015. Избранные материалы VII социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов / Отв. ред. М. Демин. СПб, 2015. С. 118–136.

465. Иванова Е. Что может дать единая база данных по профессуре дореволюционной России исследователям академической мобильности? // Социология в действии – 2014. Избранные материалы VI социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов / Отв. ред. М. Демин. СПб, 2014. С. 131–141.

466. Игнатов О. Вина интеллектуалов // Пушкин. 2009. № 2. С. 34–38.

467. Иолли Л. Народное образование в разных странах / Пер. с нем. А. Санина. СПб, 1900. 192 с.

468. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб, 1902. 767 с.

469. Каверина О.Д. Организация преподавания учебных курсов по экономике в российских университетах в XIX веке // Вестник СПбГУ. Сер 5. 2010. Вып. 3. С. 85–94.

470. Казакова В.С. Коллективная биография профессуры – новый путь в социальной истории русских университетов // Клио. Журнал для ученых. 2001. № 1 (13). С. 254–258.

471. Камчатнов Г.А. Отечественная историография дореволюционного русского студенчества: 1860 – февраль 1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. 249 с.

472. Карцов А.С. Русский институт римского права при Берлинском университете (1887–1896) // Древнее право. *Ius antiquum*. М.: Спарк, 2003. № 2 (12). С. 120–144.

473. Киселёва Ю.А., Посохов С.И. Модусы вольнодумства: Заметки о развитии диссертационной культуры в Российской Империи // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: Опыт и перспективы изучения. Сборник статей. Челябинск. 2016. С. 49–69.

474. Колесник И.И. Интеллектуальное сообщество сетевой анализ // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. № 25. С. 55–86.

475. Колчинский Э.И. Первая мировая война и мобилизация науки // Политическая концептология. 2016. № 4. С. 124–142.

476. Корзун В.П. О Соотношении понятий диссертационная культура и профессорская культура: Дефиниции как исследовательская опция // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: Опыт и перспективы изучения. Челябинск. 2016. С. 19–25.

477. Костина Т.В. Рецензия: Гуркина Н.К. История образовательных учреждений в России (X–XX века). СПб.: Полторак, 2012 // Историческая

Экспертиза. 2014. № 1. С. 167–170.

478. Красножен Н.А. Вопрос о реформе высшей школы России в материалах комиссий 1901 и 1902 гг. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 3 (7). С. 166–171.

479. Красножен Н.А. Общественная мысль России о реформе высшего образования в начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 31 с.

480. Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н.П. Боголепова (12 февраля 1898 – 14 февраля 1901 гг.). СПб, 1901. 86 с.

481. Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В., Шулус А.А. Университетские уставы XIX века в свете национальной доктрины образования // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 35–47.

482. Куприянов А.В. От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «Средние данные» и формальные подходы в истории науки // Торос. 2017. № 1–2. С. 111–137.

483. Куренной В. Немецкие мандарины: Критические заметки // Пушкин. 2009. № 2. С. 39–45.

484. Лаптева Л.П. История российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе (1985–1999 годы) // Российские университеты в XVIII–XX вв. Сборник научных трудов. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 4–27.

485. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. 366 с.

486. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. 285 с.

487. Лозовская Д.С. Российская техническая интеллигенция в годы Первой русской революции // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 4–2 (87). С. 44–48.

488. Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка

проблемы и предварительные результаты исследований // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII–XX в. М., 2009. С. 183–221.

489. Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. 580 с.

490. Малютина Т.В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 149–152.

491. Матушанский Г., Завада Г. Послевузовская подготовка научно-педагогических кадров в России: ретроспективный взгляд // Высшее образование в России. 2008. № 5. С. 48–56.

492. Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов / Пер. Л.П. Комлевой, К.А. Левинсона, В.В. Смекалиной. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 527 с.

493. Маурер Т. «Война умов» и общность европейцев. Размышления по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 57–78.

494. Маурер Т. Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб, 2003. С. 273–301.

495. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М.: Новый мир, 2012. 848 с.

496. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т. 1, 548 с. Т. 2. 583 с.

497. Морозов О.В. Университетские юбилеи в России и Германии начала XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. 30 с.

498. Никифоров Ю.С. Коммуникативная культура российских историков

конца XIX – начала XX в. Взаимодействие и конфликты в университетской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2014. № 48. С. 138–164.

499. Никифоров Ю.С. Общественная деятельность историков «русской школы» в социокультурном пространстве Российской империи конца XIX – начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Том I (Гуманитарные науки). С. 33–38.

500. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I. С. 27–40.

501. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. Т. I. С. 89–101.

502. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX–XX вв.: Эксперимент с «чиновниками от просвещения» (А.Н. Шварц, Л.А. Кассо) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 301–311.

503. Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб, 1901. 650 с.

504. «Оградить учащуюся молодежь от доминирующего влияния на нее злонамеренного меньшинства...». Записка С.В. Зубатова о студенческом движении рубежа XIX–XX вв. [Публикацию подготовил П.В. Краснов] // Отечественные архивы. 2007. № 5. С. 107–115.

505. Олесеюк Е.В., Круглов Ю.Г., Дианова В.Ю., Насонкин В.В., Чистохвалов В.Н. Российская высшая школа (очерки истории): Учебное пособие. Кн. 1. Истоки и развитие до 1917 г. М.: Таганка, 2005. 184 с.

506. Олесеюк Е.В. Сизов В.В., Круглов Ю.Г., Шулу А.А. Был ли «русский путь» развития университетов? // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 145–158.

507. Отечественные университеты в динамике золотого века русской

культуры / Под ред. Е.В. Олесеюка. М.: Союз, 2005. 370 с.

508. Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. / Под ред. В.М. Филиппова. М.: МГУП, 2002. Т. 2. 316 с.

509. Очерки истории университетского образования / Под ред. Т.А. Молоковой М.: МГСУ, 2011. 175 с.

510. Перковская Г.А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. 260 с.

511. Пискунов И.В. Как стать российским приват-доцентом? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. № 51. С. 243–260.

512. Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов (1803–1884) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 98–116.

513. Попова О.Д. Эпоха, общество, женщины, университет (рецензия на книгу Труде Маурер «“Барометры” или “маяки” общества?: Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов»: Пер. с нем. М., 2015. 527 с.) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 192–198.

514. Попова Т.Н. Институт приват-доцентства в университетах Российской империи (2-я пол. XIX – нач. XX вв.) // Записки історичного факультету. Одеський університет ім. Мечникова. Одеса, 1998. Вип. 7. С. 122–123.

515. Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Хариков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2014. 364 с.

516. Посохов С.И. «Считаю для себя неприличным...»: Этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX – начала XX вв. // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2012. Вип. 11. С. 131–153.

517. Посохов С.И. Уставы российских университетов XIX в. в

воспоминаниях современников и потомков // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 370–381.

518. Птицын А.Н. Хорватские профессора российских университетов в 70–80-е гг. XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 105–109.

519. Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России: Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб, 2003. 919 с.

520. Пушкарева Н.Л. Из небытия: Женские имена в российской науке начала XX в. // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1 (72). Вып. 13. С. 143–149.

521. Пыхалов И.В. Образование в Российской империи: Факты и мифы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 2. С. 196–200.

522. Репина Л.П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2017. № 60. С. 142–152.

523. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой, П. Гольдина. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.

524. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Академический патриотизм: Пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3. С. 3–21.

525. Ростовцев Е.А. «Университетский вопрос» и Государственная дума (1906–1911 гг.) // Таврические чтения – 2008: актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская научно-практическая конференция. СПб, Таврический дворец 16 декабря 2008 г. Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ. Сб. научн. статей. Под ред. А.Б. Николаева. СПб, 2009. С. 98–133.

526. Рязанцева Н.Б. Опыт координации деятельности студенческих организаций университетов Российской Империи // Петербургский исторический

журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 4 (8). С. 65–82.

527. Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск: Наука, 2005. 305 с.

528. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. редактор А.С. Туманова. М.: РОССПЭН. 2011. 887 с.

529. Сандерс Т. Третий оппонент: защита диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 161–192.

530. Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009. 176 с.

531. Свешников А.В. В чем "социальность" социальной истории университета? // Клио. 2017. № 10 (130). С. 244–248.

532. Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка. Вып. 1. Омск, 2005. С. 256–260.

533. Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки образовательной и научной политики в императорской России и СССР в 1890–1940 годах. М., 2012. С. 849–887.

534. Свешников А.В. Социальный статус и поведенческие стратегии «дореволюционных аспирантов-историков» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: Сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 165–171.

535. Свешников А.В., Антощенко А.В. Конфликт без скандала в университетской среде // Мир Клио: Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. Т. 2. М., 2007. С. 115–134.

536. Семенов В.Е. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой и П. Гольдина.

М.: Новое литературное обозрение, 2008 [Рецензия] // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2010. Т. 10. № 2. С. 115–121.

537. Семерикова Е.Э. С.Н. Трубецкой и университетский вопрос в России в конце XIX – начале XX веков. Саратов, 2004. 57 с.

538. Смирнова Е.М. Частная врачебная практика в России (XVIII – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2014. № 3 (41). С. 44–62.

539. Смолин М.Б. Очерки имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX века. М., 2000. 304 с.

540. Соломонов В.А. «Устранение собственных научных сил – факт непостижимо беспримерный в жизни просвещения!» (Министр Л.А. Кассо и судьбы российских университетов) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2006. С. 117–126.

541. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. 386 с.

542. Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб, 1901. 268 стб.

543. Степанович Е.П. Становление и развитие высшего специального образования на Украине во второй половине XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1984. 229 с.

544. Суязов В.В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской Империи // Вестник науки и образования / Bulletin of Science and Education. 2015. № 5 (7). С. 101–105.

545. Тесля А. Установления и практики в «приготовлении к профессорскому званию». Рец. На: Иванов А.Е. Ученое достоинство российской империи. XVIII – начало XX века: подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016 // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2:

История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 77. С. 155–162.

546. Уваров П.Б. Исторические методы исследования интеллигенции: Концептуальные основания и когнитивные возможности): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2010. 50 с.

547. Ушаков А.В. Особенности материального положения и труда интеллигенции России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2009. № 1 (3). С. 44–51.

548. Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов, 1893. 186 с.

549. Фомичев И.В. Изменения в материально-правовом положении школьных учителей и преподавателей вузов в условиях первой мировой войны // Право и образование. 2010. № 6. С. 127–140.

550. Фукс Э. Влияние войны на международные научные связи // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб, 2007. С. 94–113.

551. Харламова Т.Н. Университетская реформа в России 80-х годов XIX века и её продолжение в начале XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 189 с.

552. Хартанович М.Ф. Присвоение ученых степеней в России во второй половине XIX в. // История ученых степеней в России и Западной Европе (XII–XX вв.). Материалы научной конференции 14 февраля 1998 г. М., 1998. С. 67–73.

553. Черказьянова И.В. Немцы – российские ученые в годы Первой Мировой войны: эпизоды из истории Академии наук // Вопросы германской истории. 2008. С. 23–33.

554. Черных Н.В. Правовое регулирование статуса ректора Российской империи // Право и образование. 2011. № 12. С. 48–49.

555. Чесноков В.И. Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сборник научных статей. Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 141–146.

556. Чесноков В.И. Обзор движения университетов в Российской империи //

Российские университеты в XVIII – XX веках. Сборник научных статей. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 4–24.

557. Чиненный А., Стоян Т. Университетский преподаватель: XIX век // Высшее образование в России. 1999. № 3. С. 128–136.

558. Чумакова Т. Наука в российских университетах (вторая половина XIX в.) // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 103–110.

559. Шаршунов В.А. История создания государственной системы аттестации ученых и педагогов в Российской империи // Проблемы управления. 2007. № 3 (24). С. 74–91.

560. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб, 1999. 479 с.

561. Шиллер-Валицка И. Проекты реформы российских университетов конца XIX – начала XX века // История и историческая память. 2013. № 7–8. С. 191–207.

562. Шипилов А. Зарплата российского профессора в прошлом, настоящем и ... будущем // Alma mater (Вестник высшей школы). 2003. № 4. С. 32–42.

563. Шмелев А.А. Государственная власть и университетское сообщество в Российской Империи: Причины противостояния // Наука и образование: Сохраняя прошлое, создаём будущее. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2016. С. 99–102.

564. Щетинина Г.И. Университеты России и устав 1884 года. М., 1976. 231 с.

565. Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник Ленинградского университета: История, языкознание, литература. Вып. 2. 1972. № 8. Вып. 2. С. 42–50.

566. Якушев А., Гавва В., Гюлушанян Э. Иностранные профессора в университетах России // Высшее образование в России. 2004. № 2. С. 159–162.

567. Якушев А.Н., Казначеев Д.А. Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени в Российской империи // Право и образование. 2006. № 3. С. 162–177.

568. Якушев А.Н., Кононова С. Присуждение ученых степеней в университетах Российской империи (статистический анализ) // Высшее образование в России. 2006. № 3. С. 147–150.

569. Яницкий О.Н. Российский университет, профессура, студенты в 1910–1915 гг. // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 66–82.

570. Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика населения: Состав населения; брачность; рождаемость; смертность; механическое движение населения. СПб, 1892. 446 с.

571. Даценко І. Інститут приват-доцентів та підготовка молодих науковців в університетах Російської Імперії (друга половина XIX – початок XX століття) // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. 2009. № 98. С. 9–13.

572. Посохов С.І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2006, 368 с.

573. Посохов С.І. Образи університетської автономії в російській публіцистиці другої половини XIX–початку XX ст. // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2004. Вип. 7. С. 77–83.

574. Alston P.L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, 1969. 322 p.

575. Anderson R.D. European Universities from the Enlightenment to 1914. Edinburgh, 2004. 348 p.

576. Balzer H. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914 by David Wartenweiler [Review] // The Russian Review. 2004. Vol. 63. № 1. P. 166–167.

577. Baumgartner M. Professoren und Universitäten im 19. Jahrhundert. Zur Sozialgeschichte deutscher Geistes- und Naturwissenschaftler. Göttingen, 1997. 376 s.

578. Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Ed. Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. Princeton, 1991. 400 p.

579. Brower D. Reformers and Rebels: Education in Tsarist Russia // History of Education Quarterly. 1970. Vol. 10. № 1. P. 127–136.

580. Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca. London, 1975. 248 p.

581. Byford A. S.A. Vengerov: The Identity of Literary Scholarship in Late Imperial Rus // The Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. № 1. P. 1–31.

582. Dmitriev A. The Russian University system and the First World War // Studies in East European Thought. 2014. P. 29–50.

583. Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart. Basel, 2005. 602 s.

584. Hickey M.C. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914 by David Wartenweiler [Review] // History of Education Quarterly. 2000. Vol. 40. № 4. P. 483–485.

585. Johnson P.W. Taming Student Radicalism: The Educational Policy of I.D. Delianov // Russian Review. 1974. Vol. 33. № 3. P. 259–268.

586. Johnson W.H.E. Russia's Educational Heritage. New York, Octagon, 1969. 351 p.

587. Kassow S.D. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914 by David Wartenweiler [Review] // The American Historical Review. 2001. Vol. 106. № 2. P. 683–684.

588. Kassow S.D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley and Los Angeles, 1989. 438 p.

589. Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Böhlau Verlag: Köln; Weimar; Wien, 1998. 959 s.

590. McClelland J.C. Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 150 p.

591. Minogue K.R. The Concept of a University. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973. 231 p.

592. Morrissey S.K. Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. 304 p.

593. Nahirny V. The Russian Intelligentsia: From Men of Ideas to Men of Convictions // Comparative Studies in Society and History. 1962. Vol. 4. № 4. P. 403–

435.

594. Putnam G. Aleksandr Blok and the Russian Intelligentsia // The Slavic and East European Journal. 1965. Vol. 9. № 1. P. 29–46.

595. Rüegg W. History of the University in Europe, Volume III, Universities in the Nineteenth and early Twentieth Centuries (1800–1945). Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 752 p.

596. Stockdale M.K. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914 by David Wartenweiler [Review] // Russian History. 2000. Vol. 27. № 3. P. 348–350.

597. The salaries of professors in American colleges and universities // Science. Vol. 28. № 708. 1908. Jul. 24. P. 97–109.

598. The transformation of higher learning 1860–1930: expansion, diversification, social opening and professionalization in England, Germany, Russia and the United States / Ed. Jarausch K.H. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. 375 p.

599. Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914. Oxford: Clarendon Press, 1999. XII, 252 p.

600. Wildman A.K. The Russian Intelligentsia of the 1890's // American Slavic and East European Review. 1960. Vol. 19. № 2. P. 157–179.

Литература по истории отдельных университетов (в алфавитном порядке)

Императорский Варшавский университет

601. Баженова А.Ю. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2014. 408 с.

602. Белозеров С.Е. Очерки истории Ростовского университета. Ростов н/Д., Изд-во Рост. гос. ун-та, 1959. 362 с.: ил.

603. Братолобова М.В. Варшавский императорский университет в зеркале донской прессы (1915–1917 гг.) // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей. Материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 269–273.

604. Братолобова М.В. Университет и его город: Императорский варшавский университет в Ростове-на-Дону (1915–1917 гг.) // Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет", Институт истории и международных отношений; Российский гуманитарный научный фонд. 2016. С. 33–38.

605. Варшавяне-на-Дону // Culture.pl. Режим доступа: <http://culture.pl/ru/article/varshavyane-na-donu> (дата обращения 07.08.2017).

606. Вех С. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX в. и начале XX в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 2. С. 198–215.

607. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Издательство «Индрик», 1999. 272 с.

608. Данилов А.Г. Варшавский университет в Ростове-на-Дону (1915–1917 гг.). Часть 1 // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. № 3. С. 29–34.

609. Данилов А.Г. Варшавский университет в Ростове-на-Дону (1915–1917 гг.). Часть 2 // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. № 4. С. 25–29.

610. Данилов А.Г. Ростовский период в истории Варшавского университета (1915–1917 гг.) // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 86–97.

611. Ергин Ю.В. О неудавшейся попытке перевода в Уфу Варшавского университета в годы Первой русской революции // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 2. С. 627–630.

612. Иванов А.Е. Варшавский университет в конце XIX – начале XX в. // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995. С. 198–205.

613. Иванов А.Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект// Отечественная история. 1997. № 6. С. 23–33.

614. Казарова Н.А., Казаров С.С., Лобова В.В. Историки Варшавского университета. Время и судьбы. Ростов-на-Дону, 2014. 204 с.

615. Лаптева Л.П. Русский университет в Варшаве (1869–1915 гг.) // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей. Материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 49–71.

616. Лобова В.В. Становление и развитие высшего исторического образования на Дону в первой четверти XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 221 с.

617. Михальченко С.И. Варшавский университет в годы Первой мировой и Гражданской войн // *Homo belli* – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX вв. Н. Новгород, 2000. С. 244–245.

618. Михальченко С.И. Историко-филологический факультет Варшавского университета. 1869–1917: Очерк истории кафедр. Брянск, 2005. 104 с.

619. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Мемуары Е.В. Спекторского как источник по истории Варшавского университета конца XIX – начала XX в. // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 98–101.

620. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Е.В. Спекторский и Варшавский университет в конце XIX – начале XX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 4. № 8. С. 103–107.

621. Парка С.В. Влияние революции 1905–1907 гг. на деятельность Варшавского университета // Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции (октябрь 1999). Ставрополь, 2000. С. 226–231.

622. Ростовский-на-Дону университет. Статьи, воспоминания, документы. Ростов, Изд-во Рост. ун-та, 1965. 356 с.; 1 л. портр.

623. Шандулин Е.В., Пятикова М.В., Трут В.П., Иванеско А.Е., Нарезный А.И., Пономарева М.А. История Ростовского государственного университета (1915–2005). Ростов-на-Дону, 2015. 182 с.

624. Баженова Г.Ю. Просопографічний портрет істориків Імператорського Варшавського університету (1869–1915 pp.) // Український історичний журнал 2012. № 3. С. 106–121.

625. Bażenowa Anna. Historycy Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego 1869–1915: nauka i polityka. Lublin, 2016. 418 s.

626. Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918. T. III. Inteligencja na rozdrożach 1864–1918 / Red. J. Jedlicki. Warszawa 2008. 232 s.

627. Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915 / Red. S. Kieniewicz. Warszawa, 1981. 605 s.

628. Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1816–1915 / Pod redakcją prof. dr hab. Wojciech Tygielski. Warszawa, 2016. 850 s.

629. Historia nauki polskiej / Red. B. Suchodolski. T. IV. 1863–1918. Cz. III. Wrocław, 1987. 1124 s.

630. Miziołek J. Uniwersytet Warszawski. Dzieje i tradycja. Warszawa, 2005. 328 s.

631. Piccin M. Popowicze na Cesarskim Uniwersytecie Warszawskim (1869–1915): Między tradycją a rewolucją // Przegląd Wschodni. 2010. T. XI. Z. 3 (43). S. 489–508.

632. Schiller J. Aleksandr Lwowicz Błok (1852–1909) – portret niespełnionego człowieka i uczonego // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2009. № 1. S. 11–33.

633. Schiller J. Profesorowie Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego wobec wydarzeń rewolucji 1905 roku // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 2008. T. XVII (XLII). S. 75–97.

634. Schiller J. Universitas rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863–1917. Warszawa. 2008. 709 s.

Императорский Казанский университет

635. Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета: XIX в. Казань, 2002. 203 с.

636. Бушуева Л.А. «Живое, важное время мы переживаем...»:

Общественные настроения казанской интеллигенции в годы Первой русской революции // Интеллигенция и мир. 2016. № 3. С. 20–32.

637. Бушуева Л.А. Досуг университетских профессоров Казани конца XIX – начала XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 80–83.

638. Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани, 1863–1917 гг. Казань, 2012. 288 с.

639. Бушуева Л.А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 36. С. 248–266.

640. Бушуева Л.А. Профессорские стипендиаты кафедры русской истории Казанского университета в начале XX в.: Некоторые черты коллективной биографии // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) VII Арсентьевские чтения. Редколлегия: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Казань, 2017. С. 132–136.

641. Бушуева Л.А. «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца XIX – начала XX в. // История России: актуальные проблемы сборник статей. Вып. 1. Казань, 2014. С. 43–59.

642. Бушуева Л.А. Состав профессорской коллегии Императорского Казанского университета в условиях модернизации российской высшей школы во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития: Сб. статей / Отв. ред. А.С. Бушуев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 89–108.

643. Вишленкова Е.А. Память о конфликтах: особенности архива Казанского императорского университета // Эхо веков. 2008. № 2. С. 248–257.

644. Вишленкова Е.А. Радикальная интеллигенция как побочный продукт

университета Российской империи: опыт Казани // Логос. 2005. № 6. С. 218–232.

645. Вишленкова Е.А. Университетские ритуалы (на материалах Императорского Казанского университета) // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2004. Вип. 7. С. 4–14.

646. Вишленкова Е.А. Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 24–52.

647. Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. История университета как история памяти корпорации? // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 271–310.

648. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю. Сальникова А.А. Университет как память и как знание // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. № 18. С. 35–67.

649. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю. Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. 500 с.

650. Гатилова А.В. Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете (XIX – начало XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 198 с.

651. Еремина Т.И. О порядке делопроизводства в университетских судах в отношении студентов (на примере Санкт-Петербургского и Казанского университетов) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: Сборник научных работ. Вып. 9–1. Курск, 2014. С. 57–63.

652. Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Казань, 1976. 102 с.

653. Жёлдыбина Т.А. Государственно-правовые взгляды Г.Ф. Шершеневича: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 30 с.

654. Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1. Введение. Часть первая (1804–1814). Казань, 1902. 567 с.

655. Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 2. Часть вторая (1814–1819). Казань, 1902. 698 с.

656. Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 3. Окончание части второй и часть третья (1814–1819 и 1819–1827). Казань, 1903. 594 с.

657. Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 4. Окончание части третьей (1819–1827). Казань, 1904. 692 с.

658. Зарипова Э.А., Утеева Э.Н., Хазиахметова В.С. Социальная миссия медицинского факультета Казанского университета в годы Первой Мировой войны // Гасырлар авазы. 2017. № 1–2. С. 74–87.

659. Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30. Т. 1. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1930. 211 с.

660. Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30. Т. 2. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1930. 385 с.

661. Корсаков С.Н. Профессор В.Н. Ивановский и его воспоминания // Философские науки. 2011. № 1. С. 137–143.

662. Крапоткина И.Е. Административная деятельность попечителя учебного округа (из истории Казанского учебно-окружного центра) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 3. Т. 4. С. 123–132.

663. Крапоткина И.Е. Деятельность Казанского учебно-окружного центра на рубеже XIX–XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. 186 с.

664. Крапоткина И.Е. Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в. М., 2011. 160 с.

665. Литвин А.Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб, 2003. С. 124–132.

666. Лопатин А.А. Профессор В. Залеский – видный ученый и политик // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 3–2. С. 89–96.

667. Медушевский А.Н. Габриэль Феликсович Шершеневич: «Жизнь стремилась к освобождению индивида от опеки...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 622–627.

668. Нигматуллин А.Р., Циунчук Р.А. Проблемы формирования и эволюции местного самоуправления в трудах В.В. Ивановского (80–90-е годы XIX века) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 3–2. С. 79–88.

669. Руднева Я. Первые Казанские высшие женские курсы (1876–1887): К 140-летию создания // Гасырлар Авазы – Эхо Веков (Казань). 2016. № 1/2. С. 185–193.

670. Сазонова Л.А. Корпоративные отношения профессоров Казанского университета. Вторая половина XIX века // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 169–175.

671. Сазонова Л.А. Повседневность университетского профессора Казани 1863–1917 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 25 с.

672. Сазонова Л.А. Частная жизнь профессоров Казанского университета второй половины XIX века // Вестник Чувашского университета. 2008 (4). С. 110–113.

673. Сидорова М.М. Николай Никитич Булич. 1824–1895. Казань, 2002. 28 с.

674. Усманова Д.М. Между наукой и политикой: университетские профессора в российском парламенте (1906–1916) // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета; Казань, 27–29 ноября 2014 г. / Составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2014. С. 290–295.

675. Усманова Д.М. Михаил Яковлевич Капустин: Профессор-парламентарий // Гасырлар авазы. 2016. Т. 1–2. № 82–83. С. 143–156.

676. Усманова Д.М. Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906–1917. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 2002. 140 с.

677. Шарифжанов И.И. Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете. Казань, 2002. 20 с.

678. Швед Н.Г. Роль Казанского университета в формировании политической культуры российской интеллигенции, 60-е – 90-е годы XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 254 с.

679. Шигабутдинов Р.Р. «Перводумец» в казанской городской думе: Первый опыт политической и законодательной деятельности профессора Г.Ф. Шершеневича // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2011. № 4. С. 179–182.

680. Шигабутдинов Р.Р. Проблемы государства в правовой теории профессора Казанского университета Г.Ф. Шершеневича // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 11. С. 28–33.

Императорский Московский университет

681. Агеева Н.Н. Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2015. 300 с.

682. Антощенко А.В. История одной профессорской отставки // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. № 4. С. 234–274.

683. Антощенко А.В. Профессор императорского Московского университета Павел Гаврилович Виноградов (очерки жизни и деятельности). М., 2015. 336 с.

684. Бельская Е.Ю., Попов Л.В., Розов Н.Х. В.И. Вернадский и развитие высшей школы России // Естественнаучное образование: вектор развития. М., 2016. С. 232–246.

685. Борташевич И.В. Московские Высшие женские курсы и комиссия князя М.С. Волконского // Вестник Московского государственного областного

университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 100–109.

686. Будницкий О.В. Александр Александрович Кизеветтер: «Признать силу и ценность русского человека...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 675–682.

687. Власов В.А. Народный университет имени Шанявского // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. 527–532.

688. Воробьева И.Г. А.Н. Савин. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Ответств. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 524 с. (Mediaevalia) [Рецензия] // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2016. № 2. С. 142–145.

689. Воробьева Ю.С. Московский Городской Народный университет им. А.Л. Шанявского // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. М., 1979. С. 170–189.

690. Головки Л.В., Ильютченко Н.В. Профессорский дисциплинарный суд при Императорском Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2004. № 6. С. 94–110.

691. Горбунова Е.Ю. Благотворители и меценаты в истории Московского университета / Под ред. В.И. Тропина. М.: Издательство Московского университета, 2010. 320 с.

692. Дергачева Л.Д. Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-х гг. // Вестник Московского университета: Серия 8, История. 2008. № 6. С. 3–30.

693. Дорохина Р.В. Деятельность студенческих организаций Московского университета в дореволюционной России // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 1 (25). С. 213–225.

694. Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель: монография. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2014. 116 с.

695. Дудина Л. А. Экономические взгляды Александра Ивановича Чупрова. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 220 с.

696. Захарченко О.В. С.А. Котляревский о русской интеллигенции и революции // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения) Сборник статей. Чебоксары, 2014. С. 182–185.

697. Змеев В.А. Московский университет в годы Великой войны // История в подробностях. 2014. № 6 (48). С. 90–98.

698. Иванов Ю.Ф. Московский университет в 1911 г. // Российские университеты в XVIII – начале XX века. Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 167–177.

699. Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 2011. 48 с.

700. Ильяшенко Н.А. Студенческий вопрос в Московском университете в конце XIX в. на страницах дневника М.С. Корелина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 1 (56). С. 107–112.

701. Историческая записка о деятельности общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета за 25 лет его существования. (1874–1898) / Сост. А. Иванцов. М., 1899. 115 с.

702. История Московского университета. В 2-х т. Т. 1. 1755–1917. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 562 с. с ил.

703. Кара-Мурза А.А. Павел Николаевич Милюков: Павел Николаевич Милюков: «Идти соединением либеральной тактики с революционной угрозой...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 526–538.

704. Карпюк С.Г. Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета // Вестник древней истории. 1993. № 1. С. 175–181.

705. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историк в смутное время: 1917 год в дневниках М.М. Богословского и А.Н. Савина // Человек в революции 1917 года:

взгляд из XXI столетия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: В.Л. Кожевин (гл. ред.). 2017. С. 40–44.

706. Лаптева Л.П. В.И. Герье и его оценка современных университетов Германии // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 223–236.

707. Максимова В.М. К Истории утверждения уставов Императорского Московского университета и развитие системы управления университетом // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2014. № 2. С. 126–154.

708. Максимова В.М. Роль профессоров Московского университета в подготовке устава 1884 г. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2017. № 3. С. 124–144.

709. Маркин В.Л. Идущие впереди (Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века). Йошкар-Ола: АНО ВПО «Межрегиональный открытый социальный институт». 194 с.

710. Маркин В.Л. Профессора и студенты Московского университета и начало Первой мировой войны // Общество: философия, история, культура. 2017. Вып. 11. Режим доступа: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2017/11/history/markin.pdf (дата обращения: 04.03.2018).

711. Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 213 с.

712. Маркин В.Л. «Университетский протест» 1911 г. и реакция российского общества // Вестник Московского университета: Серия 8, История. 2009. № 5. С. 10–19.

713. Медушевский А.Н. Богдан Александрович Кистяковский: «У нашей интеллигенции правосознание стоит на крайне низком уровне развития...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 649–658.

714. Медушевский А.Н. Павел Иванович Новгородцев: «Критически отнестись к действительности и оценить ее с точки зрения идеала...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 628–638.

715. Медушевский А.Н. Сергей Андреевич Котляревский: «Даруемая свобода представляет нежное растение, которое может скоро загдохнуть на нашей холодной почве...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 806–811.

716. Медушевский А.Н. Сергей Андреевич Муромцев: «Великий труд на благо избравшего нас народа...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 347–354.

717. Морозов О.В. Vivat Academia – Pereat Diabolus: 150-летие Императорского Московского университета накануне Первой русской революции // Новое Прошлое. 2016. № 2. С. 107–120.

718. Наместникова И.А. Сергей Николаевич Трубецкой и Московский университет. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 262 с.

719. Никс Н.Н. «Велик и благодарен труд профессора» (жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX – начала XX вв.). М., 2004. 40 с.

720. Никс Н.Н. К вопросу о формировании гражданской идентичности московской профессуры второй половины XIX – начале XX в. // Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. М., 2013. С. 59–100.

721. Никс Н.Н. Московская профессорская культура второй половины XIX – начала XX в. // Вопросы образования. 2005. № 4. С. 319–345.

722. Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. М., 2004. 304 с.

723. Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX вв. Социокультурный аспект. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 372 с.

724. Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала

XX в. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 203–253.

725. Олейников Д.И. Василий Осипович Ключевский: «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могут жить лишь в допотопное время...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 321–331.

726. Резникова Е.Д. Московский университет в контексте правительственной политики в области просвещения (1884–1905 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. 27 с.

727. Романов Ю.В. Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История. М., 1999. С. 76–80.

728. Тесля А. Хроника последних лет Императорского Московского университета. Савин А.Н. (2015) Университетские дела: Дневник 1908–1917 / Отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 524 с. (серия «Mediaevalia».) isbn 978-5-98712-524-3 [Рецензия] // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 2. С. 234–239.

729. Тополянский В.Д. Доктор Захарьин: легенды и реальность. М., 2009. 672 с.

730. Тополянский В.Д. «Начальство, как и всякое начальство, заботится прежде всего о том, чтобы было наружно все спокойно да гладко»: Метафизика бойкота в Московском университете// Обыватель. Режим доступа: <http://www.obivatel.com/artical/160.html> (дата обращения 11.06.2017).

731. Ульянова Г.Н. Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX – начало XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 371–399.

732. Фандо Р.А. Развитие негосударственного высшего образования в дореволюционной России (на примере Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского) // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2. С. 57–79.

733. Флоренский П.В., Шутова Т. Павел Флоренский – XX век от Р.Х., год

первый // Наше Наследие. 2005. № 73. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/2005-73.php> (дата обращения 11.06.2017).

734. Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский: «Без терпимости нет свободы...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 456–463.

735. Цыганков Д.А. Авторитет учителя и научные конфликты в сообществе московских историков в конце XIX – начале XX вв. // Клио. 2016. № 8 (116). С. 54–61.

736. Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: ПСТГУ, 2008. 256 с.

737. Цыганков Д.А. Воспоминания В.И. Герье о Московской городской думе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 4 (71). С. 139–149.

738. Цыганков Д.А. Проблема взаимодействия университета и города: Московский опыт XIX – начала XX вв. // Власть и общество в России XIX–XX веков: Провинциальный аспект. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2012. С. 27–34.

739. Цыганков Д.А. Профессор Московского университета В.И. Герье (1837–1919) // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 219–230.

740. Цыганков Д.А. Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 120–134.

741. Черказынова И.В. Александр Николаевич Шварц: окружение, восприятие, оценки // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2004. Вип. 7. С. 84–94.

742. Шарова А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 18. С. 270–287.

743. Шевырин В.М. Евгений Николаевич Трубецкой: «Государство должно

быть не опекуном, а миротворцем» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 604–621.

744. Шелохаев В.В. Федор Федорович Кокошкин: «Праву должны быть подчинены все – от высшего представителя власти до последнего гражданина» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 707–715.

745. Яблоков С.А. Юридический факультет Московского университета после введения университетского Устава 1884 г. // Вестник Московского университета: Серия 11, Право. 2006. № 5. С. 113–126.

746. Andreev A.Ju. “Die gespaltene Universität”. Die Moskauer Gelehrten 1911–1917 // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. Von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S.159–176.

Императорский Николаевский (Саратовский) университет

747. Аврус А.И. Университет строится... // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. Т. 9. № 1. С. 3–8.

748. Аврус А.И. Светоч образования, науки и культуры на юго-востоке Европейской части России (К 100-летию Саратовского государственного университета) // Интеллигенция и мир. 2009. Т. 4. С. 70–94.

749. Блохина Н.Н. Первые шаги Императорского Николаевского Саратовского университета (1909–1917). К 100-летию со дня создания университета // Клиническая медицина. 2012. № 5. С. 72–75.

750. Глыбочко П.В., Блувштейн Г.А., Соломонов В.А., Кац В.И., Маслов В.И. Василий Иванович Разумовский. Хирург. Ученый. Педагог. Саратов, 2009. 260 с.

751. Данилова Е.В., Демидова Е.И., Шакирова Н.Н. Общество и высшая школа // Наука и общество (Саратов). 2012. № 1. С. 12–18.

752. История Саратовского университета, 1909–2009: в 2 т. Саратов: Издательство Саратовского университета. Т. 1: 1909–1945 / А.И. Аврус,

А.А. Гапоненков, В.Н. Данилов. 2009. 293 с.

753. Курочкин А.С., Елебергенов В.Н. Профессора и преподаватели Саратовского университета в годы Первой Мировой войны // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. Т. 4. № 11. С. 1118.

754. Мраморнов А.И. Саратовский Императорский университет в годы Первой мировой войны (1914–1917 годы) // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 8–12.

755. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Сборник материалов по истории СГУ и его кафедр. Юбилейный выпуск / Отв. ред. Д.А. Рамзаев. Саратов, 1935. 95 с.

756. Саратовский университет. 1909–1959 / Под ред. Р.В. Мерцлина. Саратов, 1959. 302 с. с ил.

757. Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского. 1909–1934 / Под ред. В.А. Артисевич. Саратов, 1934. 31 с.

758. Соломонов В.А. Владимир Дмитриевич Зёрнов и его воспоминания // Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента. Москва, 2005. С. 9–26.

759. Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский университет: история открытия и становления (1909–1917) / Под общей ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999. 224 с.

760. Соломонов В.А. История десятого университета императорской России (Саратовский университет, 1909–1917 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. 17 с.

761. Соломонов В.А. Профессора-учредители Саратовского университета: Пособие к спецкурсу. Саратов, 1999. 48 с.

762. Соломонов В.А. Революционное студенческое движение в Саратове, 1910–1917. Саратов, 1991. 64 с.

763. Степанов Ю.Г. «Как грустно и тяжело без вас...» Из переписки В.Д. Зёрнова с женой 1905–1921 годов // Отечественные архивы. 2016. № 6. С. 114–116.

764. Хованский Н.Ф. К истории учреждения университета в Саратове.

Саратов, 1910. 8 с.

765. Яцкевич С.Н. Практический вклад ученых медицинского факультета Саратовского университета в борьбу с сыпным тифом в годы Первой Мировой и гражданской войн // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 10. С. 1145.

Императорский Новороссийский университет

766. Березин С.Е. Новороссийский университет на правом фланге идеологического фронта Гражданской войны. Пролог: конец XIX века // Новик: труды по военной истории. Одесса, 2009. Вып. II. С. 166.

767. Васильев К.К. Профессор Новороссийского университета К.М. Сапежко (К 150-летию со дня рождения) // Вісник СумДУ. Серія Медицина. 2007. № 1. С. 14–26.

768. Гребцова И.С. Основание и деятельность благотворительных обществ для оказания материальной помощи студентам университетской Одессы (вторая половина XIX – начало XX ст.) // Анна Михайловна Шабанова (1933–2006). К 80-летию со дня рождения: Сборник памяти: Биографические материалы и статьи / Отв. ред.: Т.Н. Попова. Одесса, 2012. С. 89–105.

769. Гребцова И.С., Гребцов В.В. Материалы об участии преподавателей Новороссийского университета в деятельности благотворительных организаций Одессы в фондах Научной библиотеки ОНУ // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2009. Т. 14. № 19. С. 9–21.

770. Гребцова И.С., Гребцов В.В. Становление государственного попечительства и общественной благотворительности в Одессе в конце XVIII – 60-е гг. XIX ст. Одесса: Астропринт, 2007. 302 с.

771. Жарова Е.Ю. Особенности взаимоотношений в профессорской коллегии университетов Российской империи: кафедра ботаники Новороссийского университета на рубеже XIX–XX вв. // Пространство и Время. 2015. № 4 (22). С. 172–181.

772. Желясков С., Левченко В. Метрические книги Александро-Невской церкви Императорского Новороссийского университета как источник биографических исследований его профессорско-преподавательского состава // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 11. Одесса, 2011. С. 22–34.

773. Ковтуненко М.К. Движение правого академизма в Императорском Новороссийском университете в начале XX в. // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2014. № 1. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_21421428_37720925.pdf (дата обращения 28.06.2017).

774. Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890. 734 с.

775. Одесский университет за 75 лет. (1865–1940) / Под. ред. Н.А. Савчук; отв. ред. К.П. Добролюбский. Одесса, 1940. 197 с.

776. Одесский университет (1865–1990) / Л.А. Ануфриев, С.И. Аппатов, Ю.А. Амброз [и др.]; отв. ред. И.П. Зелинский. Одесса, 1991. 160 с.

777. Румянцева А.Е. Деятельность и положение студентов Новороссийского университета в 1905–1907 гг.: Источниковая база обозначенной проблемы // Науковий вісник Одеського національного економічного університету. 2015. № 2 (222). С. 193–199.

778. Самодурова В.В. «Всем, трудящимся на благо Новороссийского университета...» // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2015. Т. 20. № 1 (13). С. 17–34.

779. Фролов Э.Д. Немецкий профессор в русском университете: Эрнст Романович фон Штерн (1859–1924) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2001. № 3. С. 29–52.

780. Джумига Є.Ю. Паливна криза в Одесі в період Першої світової війни (1914–1917 рр.): Соціальні аспекти проблеми // Інтелігенція і влада. 2012. № 24. С. 26–32.

781. Діанова Н.М. Православ'я в Новоросійському університеті // Інтелігенція і влада. 2012. № 27. С. 30–38.

782. Історія Одеського університету (1865–2000) / Л.О. Ануфрієв, С.О. Аппатов, Ю.О. Амброз [та ін.]; гол. ред. В.А. Сминтина. Одеса: Астропринт, 2000. 225 с.

783. Мельник О.В. Діяльність Є.М. Щепкіна на Одеських вищих жіночих курсах (1906–1918 рр.) // Інтелігенція і влада. 2013. Вип. 29. С. 209–217.

784. Мельник О.В. Одеські вищі жіночі курси: Спеціалізація та навчальний процес (1910–1917 рр.) // Інтелігенція і влада. 2017. Вип. 36. С. 91–103.

Императорский Санкт-Петербургский университет

785. Амосова А.А., Котов А.Э. Петербургский университет в период реформ и революций // Российская история. 2017. № 6. С. 215–219.

786. Аркадьев В.В., Гатаулина Г.М., Тихонов И.Л. Профессор А.А. Иностранцев и его деятельность в протоколах заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7: Геология. География. 2014. Вып. 1. С. 62–77.

787. Ахадова Н.А., Тихонов И.Л. Благотворительность в Петербургском университете // Знаменитые универсанты в духовном мире России. СПб, 2011. С. 176–185.

788. Баринев Д.А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2015. 253 с.

789. Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34. С. 215–235.

790. Беляева О.М. Сергей Федорович Платонов и Эрвин Давидович Гримм: коллеги по Петербургскому университету // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: Исследования и материалы. СПб, 2011. С. 88–92.

791. Беляева О.М. Э.Д. Гримм в Петербургском университете. Путь к профессорскому званию // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 36. С. 198–220.

792. Беляева О.М. Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднеимперского периода. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2011. 326 с.

793. Брачев В.С. «Дело» академика А.И. Соболевского: из истории самоуправления Санкт-Петербургского университета // Terra Humana. 2008. № 4 (9). С. 46–70.

794. Брачев В.С. Студенческая забастовка 1908 г. в Санкт-Петербургском университете // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб, 2012. С. 54–100.

795. Брачев В.С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. СПб, 2014. 254 с.

796. Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов в обществе «Маяк» // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб, 2011. С. 105–110.

797. Вахромеева О.Б. Бестужевские курсы и русское общество (из истории общества для доставления средств высшим женским курсам, 1878–1918 гг.) // Памяти Ю.Д. Марголиса (письма, документы, научные работы, воспоминания). СПб, 2000. С. 690–710.

798. Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета. Высшие женские (бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: Исследования и материалы. СПб, 2003. 253 с.

799. Вахромеева О.Б. Университет – колыбель женского высшего образования (к 120-летию со дня основания Бестужевских курсов и 275-летию университета) // Санкт-Петербургский университет. 1998. № 7. С. 14–17.

800. Груздева Е.Н. Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 205 с.

801. Дворниченко А.Ю. Кафедра истории России с древнейших времен до

начала XX века // Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета сегодня. К 80-летию основания Исторического факультета ЛГУ-СПбГУ. СПб, 2014. С. 29–37.

802. Еремина Т.И. О порядке делопроизводства в университетских судах в отношении студентов (на примере Санкт-Петербургского и Казанского университетов) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сборник научных работ. Вып. 9–1. Курск, 2014. С. 57–63.

803. Ермичев А.А. О том, как поссорились два ученых мужа. Очерк истории нравов университетской профессуры в России начала XX в. // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 124–134.

804. Жуковская Т.Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его университетские отношения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Т. 7. № 7. С. 347–360.

805. Жуковская Т.Н. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или особенности университетской памяти // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) VII Арсентьевские чтения. Редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. 2017. С. 128–132.

806. Загорулько Е.А. Профессорские дисциплинарные суды в вузах Санкт-Петербурга (1907–1914 годы) // Избранные тезисы докладов III Студенческой социологической межвузовской конференции / Под ред. М.Р. Демина; редсовет: Д.А. Александров, М.Р. Демин, О.Ю. Кольцова и др. СПб, 2012. С. 28–30.

807. История Ленинградского университета. Очерки. (1819–1969). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 663 с.

808. Ковалёв М.В. Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183.

809. Лыскова И.Е. Научно-педагогическая деятельность Н.И. Кареева. Дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2001, 248 с.

810. Мазалова Е.А. Ученые степени и подготовка преподавательских кадров

в Санкт-Петербургском университете в XIX–XX вв. // История ученых степеней в России и Западной Европе (XII–XX вв.). Материалы научной конференции 14 февраля 1998 г. М., 1998. С. 43–46.

811. Марголис Ю.Д. Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С. 18–27.

812. Марков А.Р. Что значит быть студентом. Работы 1995–2002 годов. М., 2005. 264 с.

813. Маяковский И.Л., Николаев А.С. Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Пг, 1919. [4], CLXXIV, 759 с.; 12 л. портр.

814. Медушевский А.Н. Александр Дмитриевич Градовский: «Самоуправление требует искреннего обращения к земле, к истинному труду и к народу...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 190–195.

815. Морозан В.В. Санкт-Петербургское общество народных университетов // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования / Отв. ред. Булгакова Л.А. СПб, 2008. С. 333–342.

816. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «Досуговый дискурс» историка // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. Гуманитарные науки. С. 169–178.

817. Нефедов С.А. Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 635–655.

818. Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. 1948. № 11. С. 138–156.

819. Ростовцев Е.А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты

Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX вв.: Сб. ст. М., 2009. С. 139–156.

820. Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. Vol. 2. P. 75–121.

821. Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // *Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха*. СПб, 2006. С. 270–318.

822. Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2009. Вып. 29. С. 308–324.

823. Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // *Уроки истории – уроки историка Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996)* / Сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб, 2012. С. 308–315.

824. Ростовцев Е.А. Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации? (Преподавательское сообщество Петроградского университета в годы Первой мировой войны) // *Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта*. М.; СПб, 2007. С. 191–194.

825. Ростовцев Е.А. Обзор дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // *Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: Исследования и материалы*. СПб, 2011. С. 43–87.

826. Ростовцев Е.А. Профессорская коллегия столичного университета в 1905 г.: «Революция» на службе «корпорации» // *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г.* / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 162–179.

827. Ростовцев Е.А. Российские мандарины. Столичная профессура,

студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.

828. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017. Т. 1. 429 с.

829. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017. Т. 2. 517 с.

830. Ростовцев Е.А. Столичная профессура и благотворительность в начале XX в.: постановка проблемы // Вестник Омского университета. 2012. №. 1. С. 106–111.

831. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.

832. Ростовцев Е.А. Университет столичного города 1905–1917 гг. // Университет и город в России (начало XX в.) / под. ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 205–370.

833. Ростовцев Е.А. Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отечественная история / Под ред. А.Н. Кашеварова С.Б. Ульяновой: Сборник статей. СПб, 2007. С. 72–117.

834. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.В., Сидорчук И.В. Академическая корпорация столичного университета в фокусе историографии // КЛИО. Журнал для ученых. 2012. № 7. С. 47–62.

835. Ростовцев Е.А., Кривоноженко А.Ф., Сосницкий Д.А. Противостояние Министерства народного просвещения и либеральной профессуры Санкт-Петербургского университета в 1911–1914 годах // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2011. № 131. С. 170–175.

836. Рязанцева Н.Б. Опыт координации деятельности студенческих организаций университетов Российской империи // Петербургский исторический

журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 4 (8). С. 65–82.

837. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М. – СПб, 2016. 420 с.

838. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Историко-антропологическое исследование научного сообщества: Автореф. дисс. ... докт ист. наук. Томск, 2011. 48 с.

839. Смирнова А.М. Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2000. 230 с.

840. Соловьев К.А. Лев Иосифович Петражицкий: «Я юрист не только по званию, но и по убеждению...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 683–689.

841. Соловьев К.А. Николай Иванович Кареев: «Основать новую Россию, которая будет существовать для своих граждан» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 395–400.

842. Сосницкий Д.А. Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии // Клио. 2017. № 10(130). С. 207–217.

843. Тесля А. Петербургский университет: портрет корпорации на фоне политического пейзажа // Гефтер. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/21871> (дата обращения 30.08.2017).

844. Тихонов И.Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 112 с.

845. Тихонов И.Л. Традиции благотворительности и меценатства в Петербургском университете XIX – начала XX века // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы международной научной конференции 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред.: А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб, 2010. С. 128–140.

846. Харатишвили Г.С. Грузины – профессора, преподаватели и выпускники Санкт-Петербургского государственного университета (XIX–XX вв.). СПб, 2009.

238 с.

847. Dvornichenko A.Iu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A. The department of Russian history at St. Petersburg university (1821–1917): A group portrait // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 46–56.

848. Konecny Peter. Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. McGill-Queen's Press - MQUP, 1999. 358 p.

849. Rostovtsev E.A. The Capital University in a Time of War: Saint Petersburg/Petrograd 1914–1917 // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. Von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 177–188.

Императорский Томский университет

850. Вавилов С.П., Ткаленко Я.В. Музыкально-просветительская деятельность профессора Н.А. Александрова (1858–1936) в Томске // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 3. С. 24–32.

851. Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати) / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 402 с.

852. Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет. (1880–1955 гг.). Томск, 1960. 478 с.; 27 л. ил.

853. Зима Т.Ю. Вклад томской профессуры в развитие музыкальной культуры города в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 138–144.

854. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования. (1888–1913 гг.). Томск, 1917. 11, 544 с.; 1 л. ил.

855. Крестьянников Е.А. Профессора Императорского Томского университета на службе юстиции // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 137–144.

856. Кузьмина Е.Ф. Сибирские Высшие женские курсы в г. Томске (1910–

1920 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. 28 с.

857. Кузьмина Е.Ф., Некрылов С.А. Высшее женское образование в Сибири в начале XX века // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 122–140.

858. Меркулов С.А. Профессор Томского университета Василий Васильевич Сапожников (1861–1924). Томск: Издательство Томского университета, 2012. 128 с.

859. Некрылов С.А. Будни студенческой жизни: К взаимоотношению дореволюционной профессуры и студенчества (из воспоминаний К.М. Гречищева) // Сибирский медицинский журнал (г. Томск). 2013. № 1. С. 124–127.

860. Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 300 с.

861. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 2009. 1112 с.

862. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск, 2010. Т. 1. 514 с.

863. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск, 2010. Т. 2. 598 с.

864. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Императорского Томского университета) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Под редакцией М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. С. 51–65.

865. Первый университет в Сибири. Томск, 1889. 94 с.; 8 л. ил., портр.

866. Сеченова А.А. Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 12 (90). С. 139–141.

867. Томский университет. 1880–1980 / Отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 431 с.

868. Черказынова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет: сотрудничество и конфликты // Вестник ТГУ. 2005. Декабрь. С. 177–187.

869. Чижков С.Л. Иосиф Викентьевич Михайловский: «Идея личности есть высшая нормативная идея» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 639–648.

870. Чукмасова К.А. Воспоминания как источник для изучения жизни и деятельности профессора Томского университета И.А. Малиновского // Приволжский научный вестник. 2015. № 1. С. 51–53.

871. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века. Дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 1998. 813 с.

872. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск, 1996. 228 с.

873. Харусь О.А. Проблемы формирования гражданского общества в либеральном дискурсе России начала XX в.: (из интеллектуального наследия профессоров Томского университета) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 19–27.

874. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Неудобный властям профессор: как увольняли И.А. Малиновского из Императорского Томского университета // Часопис Національного університету «Острозька академія». Серія «Право». 2012. № 2 (6). Режим доступа: <http://lj.oa.edu.ua/articles/2012/n2/12fsfitu.pdf> (дата обращения 10.06.2017).

875. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Томский период деятельности профессора русского права И.А. Малиновского // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 21–26.

876. Fominykh S.F., Stepnov A.O. M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University // Bylye Gody. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 804–816.

877. Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Fominykh S.F. Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. P. 208–216.

Императорский университет Святого Владимира

878. Заславская Н.А. К истории городского самоуправления Киева в конце XIX – начале XX века: Личный состав Киевской городской думы // *Приволжский научный вестник*. 2012. № 4 (8). С. 35–41.

879. Кибальная М.Н. Императорский университет Св. Владимира в городском пространстве Киева конца XIX – начала XX вв. // *Клио*. 2016. № 6 (114). С. 52–58.

880. Кибальная М.Н. Студенческие объединения в Императорском университете Св. Владимира в 1880–1905 годы // *Научное мнение*. 2015. № 5–3. С. 127–132.

881. Мережко А.А. Л.И. Петражицкий в Киевском Императорском университете Св. Владимира // *Правоведение*. 2014. № 1 (312). С. 172–182.

882. Михальченко С.И. «Воспоминания» Е.В. Спекторского как источник по истории университетской жизни в годы Первой мировой войны // *Вестник архивиста*. 2014. № 3. С. 111–123.

883. Михальченко С.И. Киевские историки второй половины XIX – первой трети XX в. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2017. 198 с.

884. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Академическая жизнь Киевского университета Св. Владимира в 1917–1918 гг. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. 2008. № 1 (41). Выпуск 5. С. 180–186.

885. Пучков А.А. Адольф Сонни, киевлянин: К истории классической филологии в Императорском университете св. Владимира / Послесл. А.Ю. Клековкина; Ин-т проблем совр. искусства НАИ Украины. К.: Феникс, 2011. 296 с.: ил.

886. Сто лет Киевского медицинского института. (1841–1941) Сборник статей. Киев: Медгиз УССР, 1947. 154 с.

887. Венгер Є.Ф., Пасічник Ю.А. Історія фізико-математичного факультету Імператорського університету Святого Володимира 1834–1934. Київ, 2011. 128 с.

888. Додонова Г.В. Державна та вузівська політика в сфері формування академічних штатів університетів Наддніпрянської України в другій половині XIX – на початку XX ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. № 35. С. 74–80.

889. Карацюба А. Студентство історико-філологічного факультету університету Св. Володимира періоду навчання М. Грушевського (1886–1890) // Українознавство. 2008. № 4. С. 191–196.

890. Кобченко К. «Жіночий університет Святої Ольги»: Історія київських вищих жіночих курсів. Київ, 2007. 271 с.

Императорский Харьковский университет

891. Багaley Д.И., Миллер Д.П. История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905). Т. II. XIX – начало XX века. Харьков: Паровая типография и литография М. Зильберберг и С-вья, 1912. 986 с.

892. Багaley Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906. 360 с.

893. Балышев М.А. История Харьковского университета в архивных документах // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2003 р. Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2003. С. 187–189.

894. Балышев М.А. Профессор истории Михаил Васильевич Клочков. Документально-биографический очерк // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2005. № 2. С. 18–29.

895. Балышев М.А., Псарёв В.А., Шкуратов Ю.Г. Николай Николаевич Евдокимов. Документально-биографический очерк // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2006. № 1. С. 44–54.

896. Бузескул В.П. История Харьковского университета при действии устава 1884 г. (с 1884 до 1905 г.). Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1905. 89 с.

897. Домановський А.М., Пархоменко М.В. На шляху золотої середини. Дмитро Іванович Багалій – харківський міський голова (1914–1917 рр.) // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2014. № 2. С. 30–45.

898. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования. (1805–1905) / Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалея. Харьков, 1908. VIII, 168, 390, XII с.

899. Киселева Ю.А. Письма В.П. Бузескула к В.С. Иконникову // Харківський історіографічний збірник. 2013. № 12. С. 198–227.

900. Киселева Ю.А. Ценности университетской культуры сквозь призму чувств (По воспоминаниям воспитанников и профессоров Императорского Харьковского университета) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2017. № 60. С. 111–127.

901. Лесовой В.Н., Ольховский В.А., Перцева Ж.Н. История одной находки. Заслуженный профессор судебный медик Н.С. Бокариус и академик архитектуры А.Н. Бекетов в одном проекте Харькове // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2007. № 2. С. 90–93.

902. Лесовой В.Н., Перцева Ж.Н. П.И. Шатилов – создатель самобытной русской терапевтической школы в Харькове // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2009. № 3. С. 28–35.

903. Мчедлов-Петросян Н.О. 100 лет назад (Ленин против ректора Императорского Харьковского университета) // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2003. № 1. С. 84–85.

904. Непомнящий А.А. А.Н. Деревицкий: Неизвестные страницы биографии // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2013. № 4. С. 54–62.

905. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Становление историка в императорской России // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 1. С. 13–22.

906. Парфиненко А.Ю., Посохов С.И. Старые и новые символы

университетов (на материалах Харьковского университета второй половины XIX – первой половины XX веков) // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы) // Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. Харьков, 2004. С. 236–248.

907. Посохов С.И. Юбилей Харьковского университета // Отечественная история. 2004. № 6. С. 141–148.

908. Решетов А.М. Неизвестная страница из жизни Д.К. Зеленина (Об участии Д.К. Зеленина в конкурсе в Казанском университете) // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 130–136.

909. Соловьев К.А. Михаил Мартынович Алексеенко: «Мы не так богаты, чтобы исполнять фантазии каждого министра...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 561–565.

910. Сумцов Н.Ф. Новая страница из истории Харьковского университета (по архивным документам и личным воспоминаниям) // Южный край. 1906. № 8674.

911. Харківський університет – рідному місту / Під редакцією С.І. Посохова, Є.П. Пугача. Харків, 2004. 199 с.

912. Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. 1805–1955. Харьков, Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1955. 385 с. с ил.

913. Харьковский государственный университет. 1805–1980. Харьков, 1980. 160 с.

914. Черказьянова И.В. Профессор П.Э. Соколовский во главе Харьковского учебного округа // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2004. № 3. С. 64–73.

915. Чухлий С.А. Историк в переломную эпоху: Перипетии судьбы и зигзаги научного творчества профессора М.В. Клочкова // Харківський історіографічний збірник. Харьков, 2010. Вип. 10. С. 265–274.

916. Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет

его существования. (1805–1905). Харьков, 1908. VIII, 311, III с.

917. Іващенко В.Ю. Мемуари професорів та студентів з історії харківського університету XIX – початку XX століття: Автореферат дисертації ... канд. історичних наук. Дніпропетровськ, 2004. 29 с.

918. Косінова Г.О. Присудження вчених ступенів у Харківському університеті (кінець XIX – початок XX ст.) // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2003 р. Харків: Східнорегіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2003. С. 153–157.

919. Куліш С.М. Інститут приват-доцентури в Харківському університеті другої половини XIX – початку XX ст. // UNIVERSITATES. Наука и просвещение (Харьков). 2006. № 1. С. 44–49.

Императорский Юрьевский (Дерптский) университет

920. Андреев Д. Рец. на: Б.В. Никольский. Дневник. 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1: 1896–1903. 704 с. Т. 2: 1904–1918. 656 с. // Российская история. 2017. № 6. С. 219–224.

921. Егоров Ю. Университетский суд Тартуского университета в XIX столетии // Из истории юридического образования в Эстонии в XVII–XIX вв. Тарту, 1989. С. 172–194.

922. Историческая наука в Тартуском университете в конце XIX – начале XX вв. / Под ред. Л.В. Дубьевой. Тарту, 2006. 349 с.

923. История Тартуского университета. 1632–1982 / Под ред. К. Сийливаска. Таллин, 1982. 280 с.

924. Лебедев С.К. Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – Т. 1: 1896–1903. – 704 с.: ил.; Т. 2: 1904–1918. – 656 с.: ил // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (83). С. 236–240.

925. Лукьянов М.Н. «Великие потрясения» глазами правого интеллектуала:

Заметки на полях дневника Бориса Никольского. Рец.: Никольский Б.В. Дневник, 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шиловым, Ю.А. Кузьминым. В 2 Т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 656 с. // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2017. № 1. С. 207–214.

926. Мартинсон К. Институционализация научной деятельности в Эстонии с XVII в. по 1917 г. Таллин, 1988. 470 с.

927. Маслов К.С. Университетская жизнь и образовательная политика на рубеже XIX–XX вв. глазами преподавателей и студентов (на примере Тартуского университета) // Социология науки и технологий. 2015. Том 6. № 2. С. 68–76.

928. Маурер Т. Германизация, русификация и ликвидация: Страсбургский и Юрьевский университеты в 1872/1887 – 1918 // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII–XX в. Москва, 2009. С. 157–182.

929. Маурер Т. Сосуществование и сотрудничество: Полиэтнический Юрьевский университет во время Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. М., 2014. С. 427–434.

930. Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902). СПб, 1906, III, 211, VII с.

931. Петухов Е.В. Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего существования (1865–1902) // ЖМНП. 1905. Декабрь, 1906. Январь. С. 1–41.

932. Тамул С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 584–702.

933. Чурилов Л.П., Коровин А.Е. Дерптский (Юрьевский, Тартуский) университет в истории отечественной науки: Международная сокровищница знаний // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. Т. 11. № 2. С. 855–889.

934. Шор Т.К. Выпускники Петербургского университета – профессора и преподаватели Тартуского университета 1900–1930 // Труды русского исследовательского центра в Эстонии / Сост. В. Бойков. Вып. 1. Таллинн, 2001. С. 105–122.

935. Шор Т.К. Личные архивные фонды русских деятелей в эстонских архивохранилищах // Балтийский архив. I. Tallinn, 1996. С. 7–25.

936. Шор Т.К. Профессор Е.В. Петухов как историограф Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета // Российские университеты в XVIII–XX веках. Вып. 7. Воронеж, 2004. С. 210–235.

937. Эрингсон Л. Тартуский университет в 1905 году. Тарту, 1957. 64 с.

938. Эрингсон Л. Тартуский университет в период отступления Первой русской революции 1906–1907 гг. // Вопросы истории Эстонской ССР. Тарту. 1965. Т. 4. С. 83–128.

939. Эрингсон Л. Из истории эвакуации Тартуского университета 1915–1917 гг. // Вопросы истории Эстонской ССР. Тарту. 1970. Т. 6. С. 288–313.

940. Leppik L. Kalefaktoripojast professoriks. Tartu ülikooli teenistujate sotsiaalne mobiilsus 1802–1918. Tartu, 2011. 380 l.

941. Leppik L. Social Mobility and Career Patterns of Estonian Intellectuals in the Russian Empire // Historical Social Research. 2008. № 33 (2). P. 42–62.

942. Leppik L. Tartu ülikool ja meditsiiniteenuste turg 19 Sajandil // Eesti Tervisekaitse seltsi 54. konverentsi ettekannete kogumik. Tallinn, 2008. L. 28–29.

943. Leppik L. Tartu Ülikooli teenistujate sotsiaalne mobiilsus 1802–1918. Tartu, 2006. 308 l.

944. Monson P. Russian migration to Estonia: The case of Tartu, 1855–1897 [Master's thesis]. Tartu, 2015, 47 p.

945. Tamul S. Die Bedeutung des Krieges für die Universität Jur'ev: Schließungsabsichten und Evakuierungsmaßnahmen (1915–1918) // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. Von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 223–238.

946. Tamul S. Donatsioonid Tartu ülikoolile aastatel 1802–1918 // Ajalooline

Ajakiri. 2002. S. 177–192.

947. Tamul S. Über die Studentenschaft der russifizierten Tartuer Universität (1883–1918) // *Universitätsgeschichte in Osteuropa*, Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. S. 102–111.

Пермское отделение Императорского Петроградского университета

948. Гершанок В.А., Костицын В.И. 100-летие Пермского университета и 85-летие его геологического факультета // *Каротажник*. 2016. № 10 (268). С. 3–15.

949. Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г. Первый на Урале. Пермь, 1987. 234 с.

950. Ключев А.И. Из личного дела профессора Пермского университета Н.П. Оттокара // *Европа*. 2010. № 9. С. 155–158.

951. Ключев А.И. Столичный медиевист в провинциальном университете. Пермский период жизни Н.П. Оттокара // *Университеты России и их вклад в образовательное научное развитие регионов страны. Сборник научных трудов*. 2010. С. 407–409.

952. Ключев А.И., Свешников А.В. Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916–1922 гг. // *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: Европейские традиции и Российский контекст. Материалы международной научной конференции*. 2009. С. 350–364.

953. Митрофанов В.В. О несостоявшихся лекциях С.Ф. Платонова в Пермском университете // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2017. № 2 (37). С. 166–171.

954. Обухов Л.А. Власть и профессура (из истории Пермского университета в 1917–1931 гг.) // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2011. № 2 (16). С. 145–153.

955. Пермский государственный университет им. Горького: Исторический очерк. 1916–1966 / Под ред. Ф.С. Горового. Пермь: Пермское книжное издательство, 1966. 292 с.

956. Шульгина Н.П., Мочалова Н.К., Котомцева М.Г. Кафедра

неорганической химии и ее научные направления с 1916-го по 2011-й год // Вестник Пермского университета. Серия: Химия. 2011. № 2. С. 4–18.

957. Яковлев В.И. К столетию математического образования в Пермском университете // Вестник Пермского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика. 2016. № 3 (34). С. 129–142.

Приложение А

Состав семей профессоров Состав семей профессоров Императорского
университета Святого Владимира (на август 1915 г.)¹⁷⁷⁶

ФИО	Возраст в 1915 г.	Состав семьи		Прислуга в доме
		член семьи	возраст	
Вербицкий Федор Васильевич, орд. проф.	34	Тамара Георгиевна, жена	н.д.	няня горничная
		Федор, сын	9	
		Лидия, дочь	8	
		Тамара, дочь	3	
Иконников Владимир, Степанович, засл. проф.	74	Анна Леопольдовна, жена	н.д.	бонна прислуга прислуга
		Ольга, дочь	31	
		Мстислав, внук	7 мес.	
Волкович Николай Маркианович, засл. проф.	57	Мария, дочь, замужем, 2 детей	25	
		Елена, дочь, замужем, 1 ребенок	23	
		Александра, дочь, замужем	21	
		Вера, дочь, не замужем	18	
		«Кроме дочерей с их семьями на моем попечении находится брат зятя»		
Эйхельман Оттон Оттонович, засл. проф.	61	Ольга Ивановна, жена	47	две прислуги
Лоначевский- Петруняк Тимофей Иванович, засл. проф.	78	Галина Ивановна, жена	н.д.	две прислуги
		Нина, дочь	13	
		Иван, сын	11	
		Николай, сын	10	
Сикорский Иван Алексеевич, засл. проф.	73	Лидия, дочь	32	
		Ольга, дочь	30	
		Елена, дочь	29	
		Игорь, сын	26	

¹⁷⁷⁶ ГАК. Ф. 16. Оп. 469. Д. 233. Л. 3–52.

Армашевский Петр Яковлевич, орд. проф.	64	Мария, жена	н.д.	две прислуги
		Евстаф, пасынок	22	
Косоногов Иосиф Иосифович, орд. проф.	49	Ксения Михайловна, жена	н.д.	бонна
		Иосиф, сын	6	
		Леонелла, сестра	н.д.	
Константинов ич Владимир Николаевич, орд. проф.	43	Мария, жена	н.д.	прислуга
		Ниагвай, сын	13	
		Наталия, дочь	10	
Крымков Алексей Петрович, орд. проф.	43	Александра Ивановна, жена	36	
		Лев, сын	3	
		Владимир, пасынок	18	
Морозов Павел Иванович, засл. проф.	69	Анна Васильевна, жена		кухарка дочь кухарки
Шимановский Александр Филиппович, орд. проф.	55	Ядвига Феликсовна, жена	43	няня горничная
		Галина, дочь	15	
		Изяслав, сын	5	
		Игорь, сын	3	
		Олег, сын	1	
		Сабина Яковлевна, мать	72	
		Фекла Яковлевна, тетя	74	
		Феликс Мартынович, тесть	77	
		Константин, племянник	14	
Яновский Феофил Гаврилович, проф.	55	жена	н.д.	две прислуги
		Виктор, сын	24	
		Михаил, сын	15	
		Анна, дочь	20	
		М.Г., сестра	н.д.	
		Н., муж сестры	н.д.	
		К., сестра	н.д.	
		Лидия, дочь сестры	20	
		Петр, сын сестры	18	

		Борис, сын сестры	23	
Линдеман Владимир Карлович, орд. проф.	47	Вера Константиновна, жена	н.д.	
		Иван, сын	20	
		Владимир, сын	6	
Косткевич Александр Ипполитович, свершт. экстраорд. проф.	н.д.	Елизавета Георгиевна, жена	н.д.	две прислуги
		Георгий, сын	12	
		Александр, сын	11	
		Мария Николаевна, мать	н.д.	
		Евгения Ипполитовна, сестра	н.д.	
Румянцев Федор Дементьевич, экстраорд. проф.	н.д.	Апполинария Фёдоровна, жена	36	
		Михаил, сын	8	
		Алексей, сын	6	
		Виктор, сын	4	
Ломинский Федор Иванович, проф.	59	Елена, дочь	24	
Добровольски й Константин Эрастович, экстраорд. проф.	48	Анна Францевна, жена	н.д.	две прислуги
		Эраст Львович, племянник	22	
Тржецкий Антон Антонович, орд. проф.	46	Михаил Антонович, брат	н.д.	
		4 племянника	0,5 – 10	
Малков Григорий Митрофанови ч, орд. проф.	46	Александра Викторовна, жена	н.д.	
		Борис, сын	15	
		Владимир, сын	14	
		Наталья, дочь	12	
		Михаил, сын	10	
		Александра, дочь	9	
		Татьяна, дочь	1	
Лопинский	53	Мария Александровна, жена	53	

Михаил Никитич, орд. проф.		Мария Михайловна, мать	н.д.	
		Анна, дочь	15	
		Никита, сын	14	
Садовень Алексей Андреевич, орд. проф.	58	Екатерина Александровна, жена	49	две прислуги
		Елена, дочь	25	
Баранловский Яков Николаевич, засл. орд. проф.	н.д.	Любовь Степановна, жена	н.д.	одна прислуга
Таранухин Василий Андреевич, проф.	42	М. Ивановна, жена	н.д.	
		Борис, сын	15	
		Андрей, сын	10	
		Александра, дочь	19	
		Евгения, дочь	17	
		Елена, дочь	13	
		Зоя, дочь	11	
		Людмила, дочь	4	
Дитерихс Михаил Михайлович, экстраорд. проф.	43	Елизавета Ивановна, жена	35	одна прислуга
		Михаил, сын	11	
		Ирина, дочь	9	
Чаговец Василий Юрьевич, орд. проф.	42	Екатерина Васильевна, мать	н.д.	
		Елена Юрьевна, сестра	н.д.	
Добромыслов Василий Дмитриевич, проф.	46	Анна Александровна, жена	н.д.	прислуга гувернантка
		Георгий, сын	8	
		Павел, сын	7	

Приложение Б

Стипендии и премии, учрежденные на средства профессоров
и приват-доцентов

Год созда- ния	Универ- ситет	Жертвователь	Размер, форма	Получател и	Источник
Стипендии и премии, учрежденные на средства здравшивавших профессоров					
1884	ИУСвВ	Рахманинов Иван Ивано- вич, заслужен- ный ординар- ный профессор	5 000 руб. Премия за лучшее сочи- нение в обла- сти математи- ческих или естественных наук	студенты ИУСвВ	ЖМНП. 1884. Сентябрь. [пагин. 1-я]. С. 5-6; Сборник постановлений по МПН. Т. 9. 1884. СПб, 1893. Ст. 896–897
1886	ИХУ	профессора университета в память 40- летия службы профессора А.И. Палюм- бецкого	1 100 руб. Премия за лучшее сочи- нение, заданное юридическим факультетом на проценты с ка- питала	студенты ИХУ	ЖМНП. 1886. Март. [пагин. 1- я]. С. 9–10
1896	ИТУ	профессора университета в честь короно- вания импера- тора	6 000 руб. пу- тем отчисле- ния, начиная с 1896/97 учеб- ного года 10 % с гонорара. Стипендия на проценты с ка- питала	студенты ИТУ	Известия Томского университета. Кн. 12. Томск, 1897, отд. 1, [пагин. 2- я]. С. 42–43
1898	ИКУ	Рустицкий Осип Алексан- дрович, орди-	6 000 руб. Стипендия на проценты с ка-	недоста- точные студенты	Сборник распоряжений по МПН. Т. 14.

		нарный профессор (при переходе в другой университет)	питала	ИКУ православного вероисповедания	1898–1900 гг. СПб, 1904. Столбец 41; НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет» Д. 9761. Л. 1
1898	ИКУ	Дубяго Дмитрий Иванович, бывший профессор (при выходе в отставку)	1 663 руб. Премия на проценты с капитала. «с целью поощрять молодых даровитых людей из в их занятиях астрономией»	бывшие и настоящие студенты ИКУ	Сборник постановлений по МПН. Т. 15. 1897–98. 1902. Ст. 1377
1899	ИВУ	профессора и преподаватели	416 руб. 56 копеек. Стипендии стипендиального фонда имени А.С. Пушкина, сформированного по подписке	студенты ИВУ без различия их национальностей	АРВ. Z. 214. S. 297
1900	ИСПбУ	Советов Александр Васильевич, профессор	один раз в три года за лучшие работы по сельскохозяйственной тематике	студенты ИСПбУ	РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 21. Л. 22, 23–24
нет данных	ИХУ	Додукалов Алексей Иванович, профессор	ежегодная премия за лучшую работу по оперативной хирургии с	студенты медицинского факультета ИХУ	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов,

			топографическ ой анатомией на процент с капитала в 5 000 руб.		существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. С. 129–131
Стипендии, учрежденные по духовному завещанию профессоров					
1886	ИМУ	Воронцовский Николай Васильевич, профессор	24 000 руб. Четыре сти- пендии на про- центы с капи- тала	студенты ИМУ	РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 92. Л. 6; Ведомость о стипендиях в Императорских университетах. СПб, 1890. С. 46.
1902	ИМУ	Разцветов Александр Павлович, профессор	51 000 руб. 25 000 руб. – на две премии (одна – на медицинском, одна – поочередно на каждом факультете); 36 000 руб. – на стипендии (3 на медицинском факультете, по одной – на прочих факультетах)	студенты ИМУ	Ульянова Г.Н. Благотворительн ые пожертвования Московскому университету (XIX – начало XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 371– 399
1912	ИМУ и ИКУ	Шершеневич Габриэль Фе- ликсович,	10 000 руб. на студенческие стипендии	студенты ИМУ и ИВУ	Медушевский А. Габриэль Феликсович

		бывший профессор ИМУ			Шершеневич: «Жизнь стремилась к освобождению индивида от опеки...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. И доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы М., 2007. С. 627
1913	ИМУ	Леонид Ефимович Голубинин, профессор	67 000 руб. Две стипендии на медицинском факультете. Две премии для молодых врачей. На пособия для слушания лекций	студенты ИМУ	Ульянова Г.Н. Благотворительн ые пожертвования Московскому университету (XIX – начало XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 371– 399
Нет данн ых	ИХУ	Степанов Павел Тихонович, профессор	5 000 руб. Премия за сочинение на процент с капитала	студенты ИХУ	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году.

					Харьков, 1913. С. 131–132
Стипендии, учрежденные в честь или в память о скончавшихся профессорах и приват-доцентах родственниками и сослуживцами					
1885	ИМУ	Никольский Федор Николаевич (в память профессора Владимира Николаевича Никольского)	5 000 руб. Стипендия на проценты с капитала	один из беднейших студентов юридического факультета ИМУ	ЖМНП. 1885. Июнь. [пагин. 1-я]. С. 44–45
1885	ИМУ	Найденов Дмитрий Иванович, бывший доцент, доктор медицины (завещание)	7 000 руб. Семь стипендий на проценты с капитала	недостаточные и отличные по успехам и поведению студенты медицинского факультета ИМУ из числа воспитанников Рязанской губернии	ЖМНП. 1885. Июль. [пагин. 1-я]. С. 62–63
1885	ИХУ	Василенко Вера Григорьевна (в память бывшего приват-доцента Ивана Григорьевича Василенко)	17 300 руб. Стипендия 300 руб. на проценты с капитала	беднейшие студенты юридического факультета ИХУ	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском

					Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. С. 69–70
1886	ИХУ	профессора ИХУ в честь 40-летней службы профессора А.И. Палюмбецкого	2 100 руб. Премия в 50 руб. за сочинение на проценты с капитала	студенты юридического факультета ИХУ	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. С. 103–104
1889	ИХУ	Павловский Федор Андреевич (в память отца профессора А.Ф. Павловского)	2 500 руб. Премии на проценты с капитала	студенты физико-математического факультета ИХУ	ГАХО. Ф. 667. Оп. 286. Д. 181. Л. 3
1893	ИХУ	товарищи, сослуживцы, почитатели в память 30-летней деятельности на пользу ИХУ заслуженного профессора М.М. Алексеенко	2 100 руб. Премия за лучшее сочинение на процент с капитала	студенты ИХУ	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году.

					Харьков, 1913. С. 96–97
1893	ИХУ	сослуживцы и почитатели в память плодотворной деятельности заслуженного профессора М.М. Алексеенко	3 451 руб. 34 копейки. Премия за лучшее сочинение на процент с капитала	студенты ИХУ	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. С. 97–98
1893	ИСПБУ	профессор И.И. Георгиевский в память заслуженного профессора Ю.Э. Янсона	840 руб. Процент с капитала. Один раз в три года за лучшие работы по статистике	студенты ИСПБУ	РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1022. Л. 1–2, 7–7 об.
1894	ИХУ	вдова бывшего заслуженного профессора Василия Матвеевича Черняева	4 700 руб. Премия за сочинение на процент с капитала	студенты физико-математического факультета ИХУ	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. С. 104–105

1894	ИХУ	в память бывшего профессора Александра Афанасьевича Потебни	2 600 руб. Премия за сочинение на процент с капитала	студент историко-филологического факультета ИХУ	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. С. 105–106
1895	ИХУ	в память бывшего заслуженного профессора Ивана Ивановича Федоренко	6 000 руб. Стипендия в 192 руб. на проценты с капитала	студент физико-математического факультета ИХУ	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. С. 44
1896	ИКУ	сын бывшего заслуженного профессора Николая Никитича Булича	2 000 руб. Стипендия на проценты с капитала	студенты ИКУ	ЖМНП. 1896. Январь. [пагин. 1-я]. С. 25–26
1898	ИКУ	Виноградова Юлия Ивановна, вдова профессора	4 000 руб. Премия с процентов за лучшие сочинения по	воспитанники ИКУ или состоящий на службе	Сборник постановлений по МПН. Т. 15. 1897-98. СПб, 1902. Ст. 1277–

		Виноградова Николая Андреевича	медицинскому факультету	в оном (кроме профессо- ров меди- цинского факульте- та)	1282
1898	ИКУ	Виноградова Юлия Ивановна, вдова профессора Виноградова Николая Андреевича	10 000 руб. Пособие на поездку за границу на проценты	готовящие ся на университ етскую кафедру по медицинс кому факультет у ИКУ	Сборник постановлений по МПН. Т. 15. 1897-98. СПб, 1902. Ст. 1277– 1282
1898	ИКУ	Виноградова Юлия Ивановна, вдова профессора Виноградова Николая Андреевича	45 800 руб. Четыре стипендии на проценты с капитала	бедней- шие сту- денты ме- дицинско- го фа- культета ИКУ, преиму- ществен- но проис- ходящие из духов- ного зва- ния, пра- вославно- го веро- исповеда- ния, хо- рошо окончив- шие сред-	Сборник постановлений по МПН. Т. 15. 1897–98. СПб, 1902. Ст. 1277– 1282

				нее учебное заведение и отличного поведения	
1898	ИНУ	Антонова Варвара Михайловна в память отца бывшего заслуженного профессора Михаила Карповича Павловского	3 000 руб. Уплата за слушание лекций на проценты с капитала	студенты ИНУ православного вероисповедания, которые лишены средств	Сборник распоряжений по МПН. Т. 14. 1898–1900 гг. СПб, 1904. Ст. 449–450
1908	ИХУ	вдова заслуженного профессора Николая Филипповича Толочинова	5 750 руб. Премия в 1 500 руб. за научное сочинение, присуждаемая один раз в восемь лет на проценты с капитала в	студенты и слушатели ИХУ обоего пола, русские подданные	Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. С. 100–102
1915	ИНСУ	члены Совета ИНСУ в память профессора Н.Н. Кирикова	Капитал, сформированный путем отчислений 1 % с содержания членов Совета ИНСУ (по желанию)	«молодые врачи, желающие совершенствоваться в науках»	ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 607. Л. 5 – 5 об., 6

Приложение В

Профессора и приват-доценты, избранные депутатами
Государственной Думы I–IV созывов

I созыв		
ФИО	Университет, должность	Специальность
Алексинский Иван Павлович (1872–1945 гг.)	ИМУ, приват-доцент	хирург
Васильев Александр Васильевич (1853–1929 гг.)	ИКУ, заслуженный профессор	математик
Гредескул Николай Андреевич (1864–1930 гг.)	ИХУ, профессор	юрист
Кокошкин Федор Федорович (1871–1918 гг.)	ИМУ, приват-доцент	юрист
Котляревский Сергей Андреевич (1873–1919 гг.)	ИМУ, приват-доцент	историк
Новгородцев Павел Иванович (1866–1924 гг.)	ИМУ, профессор	юрист
Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931 гг.)	ИСПБУ, профессор	юрист
Шершеневич Гавриил Феликсович (1863–1912 гг.)	ИКУ, профессор	юрист
Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920 гг.)	ИНУ, профессор	историк
Вячеслав Евгеньевич Якушкин (1856–1912 гг.)	ИМУ, приват-доцент	историк
Леонид Николаевич Яснопольский (1873–1957 гг.)	ИУСвВ, профессор	экономист
II созыв		
Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944 гг.)	ИМУ, приват-доцент	экономист
Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920 гг.)	ИСПБУ, приват-доцент	юрист
Капустин Михаил Яковлевич (1847–1920 гг.)	ИКУ, профессор	медик
Розин Николай Николаевич (1871–1919 гг.)	ИТУ, профессор	юрист

Созонович Иван Петрович (1855–1923 гг.)	ИВУ, профессор	филолог
III созыв		
Богданов Сергей Михайлович (1859–1919 гг.)	ИУСвВ, профессор	агроном
Андрей Сергеевич Вязигин (1867–1919 гг.)	ИХУ, приват-доцент	историк
Годнев Иван Васильевич (1856–1919 гг.)	ИКУ, приват-доцент	медик
Дымша Любомир Клеофасович (1860–1915 гг.)	ИСПбУ, приват-доцент	юрист
Капустин Михаил Яковлевич (1847–1920 гг.)	ИКУ, профессор	медик
Лучицкий Иван Васильевич (1845–1918 гг.)	ИУСвВ, заслуженный профессор	историк
Созонович Иван Петрович (1855–1923 гг.)	ИВУ, профессор	филолог
IV созыв		
Богданов Сергей Михайлович (1859–1919 гг.)	ИУСвВ, профессор	агроном
Годнев Иван Васильевич (1856–1919 гг.)	ИКУ, приват-доцент	медик
Гронский Павел Павлович (1883–1937 гг.)	ИСПбУ, приват-доцент	юрист
Дымша Любомир Клеофасович (1860–1915 гг.)	ИСПбУ, приват-доцент	юрист
Левашов Сергей Васильевич (1856–1919 гг.)	ИНУ, профессор, ректор	медик
Смирнов Александр Васильевич (1857–1933 гг.)	ИКУ, профессор богосло- вия	богослов